21 1/180
T1

Павелъ Булацель.

801-86
13757-9
И 1/180

БОРЬБА ЗА ПРАВДУ.

[Т. 1]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Отечественная Типографія. Подольская, 34.
1908.

И 1/180.
Библиотека ордена Ленина им. В. И. Ленина
Отдел ПОГАШЕНО
Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина
1699-64

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр

Введеніе 1

Первая книга.

«Воры совѣсти 1
Обвинительныя рѣчи 3
Рѣчь П. Ѳ. Булацеля Государю 14
Письмо въ редакцію Россіи 15
Литературная чернь 17
Чистота русской рѣчи 19
Торгово-промышленный союзъ 21
Вопросъ 24
Къ убійству тверского Губернатора 29
Жизнь и смерть 31
Таинственная связь 32
По поводу письма А. И. Дубровина 34
Лицемѣры 37
Спящая аристократія 38
Вчера и сегодня 40
Кто друзья и кто враги графа Витте 41
Перемѣна вѣтра 42
Манухинская справедливость 43
Красный флагъ и гимнъ 45
Крушеніе монархіи 46
Какъ освободители отнеслись къ взрыву на дачѣ Столыпина 47
Столыпинскій режимъ 49
Кому нужна была смерть Столыпина 51
Зловѣщіе слухи 53

стр.

Памяти кн. Н. В. Шаховского 54
Самозванецъ 55
Полуразрушенная твердыня 57
Баринъ и лакей 57
Безбожные клеветники 59
А онъ всетаки сидитъ въ Гельсингфорсѣ 60
Памяти генерала Трепова 62
Естественная смерть 63
Развѣ можно играть полевымъ судомъ 64
Юстиція и придворныя сферы 65
Гессенская правда 68
По поводу убійства полковника Николаева 69
Искренность 71
Новый видъ правосудія 73
Революціонные лжецы 77
Плоды кадетскаго правосудія 78
День восшествія на Престолъ 79
Былъ въ д. камеръ-юнкера 80
Впечатлѣнія отъ рѣчей Гучкова и Чистякова 82
Одумайтесь пока не поздно 84
Травля противъ Гурко 85
Уловки Новаго Времени 86
Игра въ правосудіе 88
Нотовичъ и Щегловитовъ 92
Сознательное искаженіе истины Новымъ Временемъ 94
Красныя обезьяны 95
Защитите вѣрныхъ слугъ 98
Поучительная статистика 99
Новыя пути правосудія 100
Невѣроятно, но правда 102
Закономѣрность или предательство 103
Перлы финляндскаго суда 105
Перлы современной русской юстиціи 110
Россія успокаивается 112
Поразительное лицемѣріе 115
Еврейское золото дѣлаетъ чудеса 117
Адвокатура и освободительная печать 118
Закономѣрной министръ 119
Подкупъ 122
Перлы финляндскаго суда 123
Конституціонный потокъ богатырь 124
Безъ названія 126

стр.
Какъ Столыпинъ похристосуется 129
Симферопольскіе ужасы 131
Истина, гдѣ ты 133
Какъ сановники уничтожаютъ мнархистовъ 135
Коварство составителей новаго избирательнаго закона 137
Новый случай освободительнаго звѣрства 138
Съѣздъ анархистовъ въ Лондонѣ 139
Часъ отмщенія приближается 140
Судъ скорый, правый и милосердый 141
Какъ сановники вызываютъ раздраженіе 145
Молитесь за мучениковъ 148
Жизнь и слава 149
А. Ѳ. Кони и утро Россіи 150
Теперь и прежде 152
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ 155
Замѣтки А. Столыпина 157
Юстиція и товарищи 160
Царь благодаритъ, Сенатъ наказываетъ 163

Вторая книга.

Судебныя рѣчи 167
Дѣло о крестьянинѣ Давидѣ Саккеосѣ обв. по 1490 ст. ул. 168
Дѣло Фридриха Шмидта обв. въ покушеніи на убійство невѣсты . . . 179
Дѣло Стаховича и кн. Мещерскаго 182
Дѣло Петра Карагеоргіева обв. по 1416 ст. улож. 196
Дѣло дѣйств. ст. сов. Лаврова 207
Дѣло Паозерскаго и Скроботова 220

Третья книга.

Статьи «Свѣта».

Къ вопросу о центрѣ 224
Желѣзнодорожные проводники заразы 227
Акціонерные непорядки 228
Единеніе родителей и дѣтей 230
Рыцарскія корчмы 236
Финляндская интрига 239
Хлѣбная вывозная торговля 240
Эстонскія газеты 242
Финляндія въ Ревелѣ 244, 250
Въ ожиданіи германской эскадры 247
Открытіе памятника погибшимъ на «Русалкѣ» 252

стр.
Неваправсные страхи 255
Русскія школы въ Эстляндіи 256

Статьи въ «Юридической газетѣ».

Практика по увѣчнымъ дѣламъ 265
Упраздненіе русскаго языка въ судахъ 267
Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ 273
Фабриканты и ихъ сосѣди 276
Завѣщанія самоубійцъ 281
Къ вопросу о сосѣдяхъ 282
Уравненіе правъ женщинъ 285
Свобода слова 290, 292
Морскіе спасатели и законы о крушеніяхъ 295
Привилегіи балтійскаго дворянства 302
Балтійскіе законники 306
Устарѣвшая привилегія 310
Рѣчь П. Ѳ. Булацеля по Великолуцкому погрому 315
Указатель именъ 324

2007051067

ВВЕДЕНІЕ.

Большинство современнаго чиновничьяго люда и многіе общественные дѣятели думаютъ, что „народное представительство“ и такъ называемый „конституціонный строй“ представляютъ великое положительное благо для народа, что стоитъ только на берегахъ Невы воздвигнуть роскошное зданіе Россійскаго парламента съ надписью „свобода, равенства и братство“, и въ Россіи сразу неизбѣжно водворится и миръ и любовь и блаженство...

Разсѣять это заблужденіе, доказать всю призрачность и лживость конституціонныхъ теорій, можно только вступивъ въ ожесточенную борьбу съ представителями могучей буржуазно-капиталистической шайки, которая всякими средствами стремится къ власти. Эта шайка—алчныхъ честолюбцевъ имѣетъ своихъ агентовъ, и руководителей повсюду, начиная отъ рабочихъ казармъ и кончая дворцами. Слугами этой партіи зачастую являются не только чиновники, министры, но даже и герцоги и короли. Эта партія подъ видомъ конституціи добивается *власти для денегъ*, а деньги затрачиваетъ опять на то, чтобы пріобрѣсти еще больше власти.

Никогда ни одинъ природный монархъ не угнеталъ такъ справедливость, какъ угнетаютъ ее парламенты, для которыхъ личная партійная выгода дороже, чѣмъ благо народа. Теперь у многихъ въ Россіи открылись глаза. Поведеніе Муромцева, Милюкова, Головина, Уварова, Гучкова, Крупенскаго, Владиміра Бобринскаго и „милѣйшаго Хомякова“ достаточно выяснили, чего можно ожидать отъ *политикановъ*, для которыхъ мелкое личное тщеславіе и матерьяльныя партійныя выгоды выше, чѣмъ благо всего Государства! Но на западѣ Европы уже давно сознано, что конституціонный строй съ его парламентскою болтовнею и партійными интригами не можетъ дать счастія широкимъ слоямъ населенія, а создаетъ лишь небольшой кружокъ политикановъ, которые захватываютъ власть и при помощи подкуповъ, избирательныхъ мошенничествъ и разныхъ интригъ управляютъ страною, высасывая всѣ средства изъ народа, непосвященнаго въ эту чудовищную игру. Борьба противъ этого зла очень трудна. Надо много мужества, знанія и таланта, чтобы разоблачать конституціонный обманъ. На сторонѣ конституціоналистовъ стоятъ крупные дѣльцы, часть аристократіи, всѣ милліонеры-евреи, и почти всѣ банки; а при помощи денегъ конституціоналисты пріобрѣтаютъ все: въ ихъ рукахъ профессора, адвокаты, общественные дѣятели, они могутъ подкупать министровъ и депутатовъ. Они увѣряютъ молодежь, что «*народное представительство*—абсолютное благо, но, про-

читавъ мою книгу, молодежь невольно задумывается надъ однимъ вопросомъ: Какое-же это *абсолютное благо*, если вмѣстѣ съ этимъ благомъ неизбѣжно связано закабаленіе народа въ рабство богачамъ банкирамъ, если вмѣстѣ съ этимъ благомъ непремѣнно приходятъ тысячи ужасныхъ золъ, которыхъ нѣтъ въ государствахъ, гдѣ царитъ неподкупная власть Самодержавнаго Государя?

Давно-ли свершилось у насъ посягательство на ограниченіе Царскаго Самодержавіе? А что дало Россіи ослабленіе самодержавной власти? Мы пережили въ короткое время позоръ Цусимы и Портсмута. У насъ наступило освободительное движеніе и что дало оно народу? Обнищаніе, голодъ, безработицу, море слезъ и скорбей, потоки крови, зарево пожаровъ, стоны искалѣченныхъ и осиротѣлыхъ... все это громко вопіетъ къ небу о страданіи и несчастіи русскаго народа. За то кучка самодовольныхъ богатыхъ лакеевъ, называемыхъ „октябрями", утѣшаетъ народъ тѣмъ, что при переходѣ „отъ самодержавной формы правленія" къ формѣ „народнаго представительства" это всегда такъ бываетъ во всѣхъ государствахъ.

Эту лакейскую теорію подхватили министры и, рабски изгибая свои спины передъ „молодымъ парламентомъ", заливаются точно канарейки на всѣ лады, увѣряя, что «хотя налоги растутъ, волненія и террористическіе акты не прекращаются, фабрики и заводы разоряются, университеты бастуютъ... *но за то* Россія получаетъ такое великое благо, какъ народное представительство!».

И никому не пришло на мысль въ Государственной Думѣ, отвѣтить этимъ кадюкскимъ канарейкамъ и октябрьскимъ соловьямъ, „что при самодержавномъ строѣ, *какой* существовалъ у насъ 15 лѣтъ тому назадъ весь міръ уважалъ наше правительство и боялся Россію, а теперь надъ Россіею издѣвается даже Швеція, Японія и Турція... При прежнемъ строѣ, при всѣхъ его недостаткахъ, можно было жить въ Россіи безъ опасенія ежеминутнаго выстрѣла въ спину; можно было спокойно заниматься мирнымъ трудомъ земледѣльца; можно было спокойно молиться Богу въ церквахъ; можно было работать, учиться, торговать, входить въ магазины, въ театры; изучать искусства и художества; а теперь „при представительномъ образѣ правленія" почти всѣ помѣщичьи усадьбы въ уѣздахъ разгромлены и сожжены: крестьяне обнищали, фабрики разорены, университеты и гимназіи закрылись для наукъ и превратились въ разсадники грабителей и убійцъ; искусства и науки повсюду заглохли; народъ бѣднѣетъ, налоги растутъ; тюрьмы переполнены, а каторжники бѣгутъ изъ нихъ чуть не ежедневно, совершая убійства, невѣроятныя по своей дерзости и жестокости; жизнь человѣческая нигдѣ не обезпечена и даже на улицахъ, въ театрахъ и церквахъ происходятъ убійства на глазахъ властей...

Россійская Имперія видимо катится подъ гору. Всѣ силы ада какъ будто въ заговорѣ противъ Россіи, но ни одна изъ стихійныхъ силъ не причинитъ Русскому народу столько зла, сколько конституціонно-масонскій строй, если только онъ утвердится въ Россіи... Поэтому, борьбу съ конституціоналистами нельзя называть иначе, какъ борьбою со зломъ. Въ моихъ судебныхъ рѣчахъ я никогда не прибѣгалъ къ восхваленію зла, а всегда боролся съ нимъ откуда бы оно не шло. Еще раньше, чымъ началось освободительное движеніе и прежде чѣмъ въ Госуд.

Думѣ раздались обличительныя рѣчи Челышева противъ пьянства, я уже въ цѣломъ рядѣ докладовъ и передовыхъ статей въ газетѣ «Свѣтъ» громилъ прибалтійскія рыцарскія корчмы и требовалъ ихъ упраздненія. Этими статьями я въ то время навлекъ на себя неудовольствіе могущественнаго балтійскаго дворянства. Но чѣмъ сильнѣе и вліятельнѣе были тѣ люди, противъ которыхъ я писалъ, тѣмъ рѣшительнѣе и прямѣе говорилъ я имъ въ лицо правду. Я горжусь тѣмъ, что всѣ самыя смѣлыя, самыя отвѣтственныя статьи, какія я помѣщалъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ въ «Свѣтѣ», «Юридической газетѣ», «Россіи» и, наконецъ, въ «Русскомъ Знамени» *я всегда подписывалъ полнымъ моимъ именемъ.*

Справедливость требуетъ признать, что за десять лѣтъ я ни на шагъ не отклонялся въ сторону отъ главной идеи, которая мною руководила въ общественной и политической моей дѣятельности: безпощадная борьба со зломъ. Будучи русскимъ націоналистомъ, я въ бытность мою въ Балтійскомъ краѣ, неизбѣжно долженъ былъ вступить въ борьбу съ сильной нѣмецкой дворянской партіею, которая стремясь къ онѣмеченію Балтійскаго края невсегда умѣетъ соблюдать справедливость по отношенію русскихъ и эстонцевъ.

Такимъ образомъ мнѣ пришлось сдѣлатья защитникомъ эстонскаго народа въ то время, когда у него еще почти совсѣмъ не было своей интеллигенціи. Къ сожалѣнію, вновь народившаяся эстонская интеллигенція не только не отдала мнѣ должнаго за мой трудъ на благо эсстонцевъ, но даже во время „освободительнаго движенія“ стала въ угоду русско-жидовской освободительной печати травить меня, какъ „отсталаго консерватора“.

За то нѣмецкая аристократія, противъ которой я такъ много писалъ, оказалась, во время революціи, гораздо честнѣе и лойяльнѣе, чѣмъ многіе русскіе аристократы. Въ рядахъ русскихъ защитниковъ Царскаго Самодержавія ирусской народности оказались многіе балтійскіе уроженцы: В. Ф. Лауницъ, баронъ А. В. Каульбарсъ, графъ О. Л. Медемъ,графъ Толь, фонъ Вендрихъ, графъ Сиверсъ, баронъ Бюллеръ, баронъ Таубе Гершельманъ и многіе другіе патріоты съ нѣмецкими фамиліями.

Собраніе моихъ статей даетъ цѣльную картину всего освободительнаго движенія и той напряженной борьбы, которую выдержали великій Союзъ Русскаго народа и его маленькая газетка „Русское Знамя“, защищаясь и отъ нападенія революціонныхъ подонковъ и отъ утѣсненій со стороны сильныхъ либеральныхъ бюрократовъ...

Я исполнилъ долгъ, завѣщанный мнѣ моею непримиримою ненавистью къ лицѣмерію и жадности конституціонныхъ заговорщиковъ! Въ азбучномъ указателѣ, помѣщенномъ въ концѣ моей книги всѣ эти господа найдутъ свои имена съ обозначеніемъ той страницы, на которой сдѣлана соотвѣтствующая оцѣнка ихъ многополезной для враговъ Россіи дѣятельности во славу масонской конституціи

Павелъ Булацель

„Русское Знамя“ 4 Декабря 1905 г. № 2.

Воры совѣсти.

Если та сила, которая держитъ въ рукахъ власть политическую, исполняетъ свои обязанности и сознаетъ свое великое святое назначеніе «заботиться о благѣ народа, о поддержаніи въ государствѣ права и порядка и о сохраненіи государства отъ распаденія»—то конечно въ такомъ государствѣ существуетъ гражданская свобода, хотя бы граждане и не принимали непосредственнаго участія въ управленіи и законодательствѣ. И, наоборотъ, если у кормила власти стоятъ люди, которые хотя бы всплыли наверхъ благодаря «всеобщей», равной подачѣ голосовъ, но въ дѣйствительности служатъ только своему честолюбію или выгодамъ своей партіи, то въ такомъ государствѣ не будетъ свободы гражданской въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Названіе и форма правленія—дѣло второстепенное: все зависитъ отъ людей. Если честные, храбрые и умные люди стоятъ у власти, то государство процвѣтаетъ при Самодержцѣ еще лучше, чѣмъ при республикѣ. Но если правительство состоитъ изъ инородцевъ, наемныхъ лакеевъ и продажныхъ трусовъ, то народъ будетъ разоряться и государство распадется, хотя бы это правительство шло на всевозможныя уступки, не издавало-бы ни единаго закона безъ одобренія выборныхъ представителей.

«О Петрѣ вѣдайте», писалъ Императоръ Петръ I, «что ему жизнь не дорога, лишь жила бы и благоденствовала Россія». Вотъ какъ писалъ природный русскій Царь. И онъ не только такъ говорилъ, но и такъ чувствовалъ. А много ли наберется, среди новыхъ самозванныхъ вождей соціалъ-демократовъ, такихъ, которые стремятся не къ господству, не къ личнымъ выгодамъ, а къ благу государства? Среди рядовыхъ борцовъ за соціалъ-демократическія ученія найдется, конечно, не мало убѣжденныхъ фанатиковъ, но среди ихъ главарей и руководителей громадное большинство обуреваемо исключительно жаждою разрушить государственное достояніе, чтобы на развалинахъ падшей законной власти принести все и всѣхъ въ жертву своему непомѣрному честолюбію и алчности.

Обращаясь къ прошлымъ вѣкамъ, мы видимъ много мрачныхъ страницъ въ нашей исторіи, но были и чудныя свѣтлыя страницы, когда цари русскіе являли всему міру доказательства величія и живучести русскаго духа. Неужели на всю нашу тысячелѣтнюю исторію приходится положить плиту съ надписью «здѣсь лежитъ Россія»? Что сулитъ намъ грядущее? Съ одной стороны загадочная личность графа Витте, «временно» стоящаго у самаго источника власти,—съ другой стороны только что зашевелившійся многомилліонный, еще совсѣмъ не органи-

зованный народъ русскій. Между правительствомъ графа Витте и русскимъ народомъ никакой связи, никакого общенія... За то между этимъ самымъ правительствомъ и революціею существуютъ тысячи невидимыхъ, часто неуловимыхъ нитей, при посредствѣ депутацій, делегатовъ, адресовъ, требованій, телеграммъ и проч. Кто же на кого расчитываетъ? Правительство на революціонеровъ, или революціонеры на правительство.

Въ Москву съѣхалось нѣсколько сотъ землевладѣльцевъ изъ 33 русскихъ коренныхъ губерній и въ первую голову постановили требовать смѣны правительства, учрежденнаго графомъ Витте. И что же? этого открыто и честно высказаннаго убѣжденія было достаточно, чтобы тѣ самые господа, которые еще шесть мѣсяцевъ тому назадъ не придавали никакого значенія ясно выраженной царской волѣ, теперь вдругъ превратились въ доносчиковъ, увѣряя,—какъ это и сдѣлалъ А. А. Столыпинъ—въ своей рѣчи 21 Ноября въ политическомъ клубѣ,—что всероссійскій союзъ землевладѣльцевъ, настаивая на созывѣ дѣловой государственной думы съ совѣщательнымъ голосомъ, «желалъ подчеркнуть свое презрѣніе къ царской волѣ и къ царскому слову». Г-нъ Столыпинъ называетъ «дерзостью» постановленіе Съѣзда землевладѣльцевъ, онъ ихъ обвиняетъ въ оскорбленіи Царской воли, онъ обращаетъ вниманіе общества и правительства (вѣроятно правительства графа Витте) на то, что призывъ къ русскому земскому собору отъ имени союза землевладѣльцевъ *есть актъ революціонный*, играющій въ руку мятежу и междоусобіямъ!

Вотъ куда вы хватили, вы именующій себя поборникомъ свободы Вы кричите: «хватайте ихъ, землевладѣльцевъ, они совершаютъ актъ революціонный, они готовятъ междоусобіе». А когда правительство графа Витте ничего не предпринимаетъ противъ тѣхъ лицъ, которыя вооружаютъ ножами и револьверами фабричныхъ рабочихъ, тогда это не игра въ руку мятежу и междоусобіямъ? Когда мятежныхъ матросовъ на казенный счетъ разсылаютъ въ тѣ военныя части, куда еще не проникла зараза мятежа, вѣроятно для того, чтобы образовать повсюду въ войскахъ кадры революціоннаго движенія—это вы не считаете игрою въ руку революціи? Вы назвали людей, не подслуживающихся всесильному еще графу Витте «врагами вашей свободы». Спасибо вамъ за то, что вы разъяснили противъ чьей свободы погрѣшили землевладѣльцы! Рѣчь ваша шла не о той великой свободѣ, ради которой стоитъ жить, которая возвышаетъ человѣчество, двигаетъ народами и вѣнчаетъ безсмертной славой своихъ поборниковъ...

Нѣтъ, противъ этой святой свободы союзъ землевладѣльцевъ не погрѣшилъ. Но противъ разнузданнаго произвола, противъ дряблой двуличной политики правительства графа Витте, противъ посягательствъ на державныя права русскаго народа, неразрывно связанныя съ царскою властью, противъ лицемѣрнаго отожествленія манифеста 17 Октября 1905 года *съ актомъ отреченія Самодержца* отъ своихъ правъ, противъ превращенія Думы въ учредительное собраніе—вотъ противъ всего этого союзъ землевладѣльцевъ, не только прямо высказался, но и рѣшилъ вступить въ борьбу съ открытымъ забраломъ. Вы говорите, что у участниковъ съѣзда извѣстныя, но не «популярныя» имена. О, то, что вы считаете популярностью—насъ не прельщаетъ. Ободрительный вой

продажной газетной своры, рукоплесканія инородцевъ, презирающихъ въ душѣ такихъ героевъ, для которыхъ междуплеменныя вожделѣнія выше интересовъ родины—все это насъ не соблазняетъ! Мы хотимъ, чтобы русскій крестьянинъ, русскій купецъ и русскій помѣщикъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказали бы про насъ: «дай Богъ имъ здоровья и успѣха, они стоятъ за родину, за вѣру православную, за Царя»... Лучшей награды намъ не надо. А вы, чтобы сыграть въ руку инородцамъ говорите о какомъ-то внѣшнемъ господствѣ православія и вспоминаете сѣдую старину, когда это господство дѣйствительно поддерживалось сѣкирами палача и кострами Симеона Полоцкаго... Но развѣ вамъ неизвѣстно, что, во времена оберъ-прокурорства Побѣдоносцева, котораго вы, чтобы сорвать нѣсколько лишнихъ легкомысленныхъ хлопковъ, назвали «современнымъ инквизиторомъ»—лютеранскіе пасторы отказывались благословлять смѣшанные браки и *проклинали* тѣхъ своихъ ученицъ, которыя осмѣливались выходить замужъ за православныхъ. Гдѣ-же было внѣшнее господство Православія, когда пасторы считали возможнымъ называть православную вѣру идолопоклонствомъ? Вотъ до какого безстыдства и нахальства доходили тѣ инородцы, надъ которыми, по вашимъ словамъ, внѣшнимъ образомъ господствовало Православіе.

Нѣтъ вы сказали неправду, не мы русскіе угнетали инородцевъ, а насъ русскихъ угнетаютъ инородцы, не давая намъ, напримѣръ въ Финляндіи даже тѣхъ правъ, которыя составляютъ основаніе гражданскихъ правовыхъ отношеній!

Вы назвали насъ «ворами вашей свободы». Подумали ли вы, какое оружіе этими словами вы дали намъ противъ васъ самихъ? Вѣдь ваша дѣятельность и ваша свобода у насъ у всѣхъ предъ глазами, вѣдь мы можемъ вамъ представить подлинныя ваши статьи прежде и теперь, и въ отвѣтъ на вашу брань и на вашъ доносъ отвѣтить вамъ, что мы не торговали нашими убѣжденіями, не мѣняли свои взгляды и не были «ворами своей совѣсти», подобно тѣмъ, кому такъ не по душѣ пришлось требованіе объ увольненіи графа Витте...

Павелъ Булацель.

„Россія“ 1905 г. № 11.

1. Обвинительныя рѣчи.

Очень недавно еще люди мысли и науки могли искренно говорить, что они «лучше хотятъ быть еле замѣтною восковою свѣчею, зажженною передъ святыней ихъ алтаря, чѣмъ яркимъ фонаремъ надъ дверьми растлѣннаго кафе-шантана». Увы, время отвлеченныхъ мечтаній миновало. Теперь никто изъ честныхъ людей уже не въ правѣ замыкаться въ четырехъ стѣнахъ для незримаго служенія своей святынѣ. Теперь улица и обитатели постоялаго двора заполонили общество и держатъ *въ осадѣ* государственную власть. Теперь мыслители должны понять, что однѣми теоретическими разсужденіями Россію не спасти. Что же дѣлать, вотъ

общій крикъ, объединяющій проснувшееся у большинства чувство самосохраненія. Жизнь каждый день приноситъ неожиданности.

Большинство «благонамѣренныхъ» либераловъ готовы примириться съ свершившимся событіемъ и поддерживать конституціонную монархію, возвѣщенную манифестомъ 17 октября 1905 года. Но развѣ крайнія партіи остановились въ своемъ стремительномъ разбѣгѣ? Соціалъ-демократы, революціонеры, пролетаріи и даже влюбленные въ свои неистовыя рѣчи земскіе дѣятели крайняго краснаго оттѣнка, подобно ничѣмъ не сдерживаемой лавинѣ, катятся все впередъ и впередъ и Богъ знаетъ, не принесетъ ли намъ грядущій день объявленіе въ Россіи республики. Какъ же спасти Россію отъ этой опасности?

Прежде всего силѣ убѣжденія надо противопоставить силу же убѣжденія. Надо, чтобы всѣ разрушители Россіи, къ какому бы классу, или къ какой бы народности они ни принадлежали, прониклись бы убѣжденіемъ, что Россія не потерпитъ расчлененія на автономныя провинціи. Надо, чтобы весь міръ узналъ, что русскій народъ не хочетъ и не можетъ жить безъ Царя. Понимаете ли вы, что значитъ народъ не хочетъ республики? Понимаете ли вы весь ужасъ того положенія, въ какомъ очутилась бы наша родина въ тотъ день, когда въ угоду кружку неопытныхъ мечтателей и международныхъ слишкомъ опытныхъ банкировъ Россію объявили бы республикой? Зарево отъ горѣвшихъ степей, деревень и городовъ, уничтоженныхъ дикими ордами Тамерлана, будетъ ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ заревомъ, какимъ запылаютъ города и села многострадальной Россіи въ тотъ день, когда республика станетъ свершившимся фактомъ. Народъ русскій, тотъ самый народъ, о которомъ нѣмецкіе и англійскіе приспѣшники царскіе менѣе всего заботились, поднимется, какъ одинъ человѣкъ, на защиту Царя и при крикахъ «долой республику» сотретъ съ лица земли все, что носитъ на себѣ слѣды культуры. . И въ морѣ крови, которою зальется Россія, не станутъ, не будутъ даже въ состояніи отличить праваго отъ виноватаго... Такой ли будущности могутъ желать русскіе люди еще не потерявшіе разсудка... Или есть еще такіе слѣпцы, которые воображаютъ, что громкая фраза, сказанная ими въ земскомъ собраніи въ защиту свободы, или репутація «сановника-радикала» создадутъ для нихъ своего рода индульгенцію и обезопасятъ отъ кровавой тризны, которую народъ совершитъ неминуемо надъ всѣми, кто не принадлежитъ къ народу?! Вся культурная часть общества можетъ только до тѣхъ поръ не трепетать за свою судьбу, пока будетъ на Руси хоть призракъ Царя. Но если не станетъ и этого призрака, тогда пѣснь всей русской культуры спѣта, она потонетъ въ морѣ милліоновъ черныхъ сотенъ. Говорятъ, что народы возвышаются и погибаютъ по волѣ слѣпого рока, но забываютъ при этомъ, что рокъ становится слѣпымъ только тогда, когда народъ утрачиваетъ свое самосознаніе. Если человѣкъ безумно расточаетъ свои силы и богатство, онъ самъ готовитъ себѣ гибель и не имѣетъ права потомъ пенять на судьбу. Также точно, если «крайніе красные» сами готовятъ себѣ участь конокрадовъ, съ которыми народъ расправляется самосудомъ, то пенять имъ не на кого. Но зачѣмъ же намъ, мирнымъ гражданамъ, раздѣлять судьбу этой крайней партіи? Развѣ намъ жизнь опостыла? Развѣ мы не вѣримъ въ великія историческія задачи русскаго государства? Развѣ чужая собственность и не-

прикосновенность чужой личности для насъ пустые звуки? Развѣ могутъ быть сомнѣнія, что твердую правительственную власть должны поддержать всѣ благоразумные честные люди, желающіе блага Россіи? Но гдѣ оно, это твердое правительство? Предлагаютъ сплотиться вокругъ графа Витте. Но какія же доказательства имѣются тому, что графъ Витте твердъ въ отстаиваніи интересовъ Россіи? Въ чемъ видна твердость его правительства? Не въ томъ-ли, что онъ усиленную охрану снимаетъ тамъ, гдѣ бьютъ русскихъ и рвутъ царскіе портреты и что прежнихъ людей на министерскихъ постахъ замѣнилъ своими чиновниками, своими бывшими вице-директорами департаментовъ, а самыхъ безличныхъ, слабовольныхъ людей прежняго режима оставилъ во главѣ тѣхъ министерствъ, которыя наиболѣе повинны во всѣхъ переживаемыхъ нами ужасахъ безначалія и произвола? Развѣ среди всеобщаго шума министерство юстиціи въ послѣдній годъ спокойно работало надъ великою задачею водворенія въ Россіи скораго гражданскаго суда? А вѣдь безъ скораго суда самый правый судъ не можетъ считаться правымъ, ибо что за утѣшеніе мирному обывателю, котораго право нарушено вчера, сознавать, что это его право будетъ возстановлено черезъ двадцать лѣтъ, когда кости его мирно уже сгніютъ въ могилѣ? Торговля, промышленность, земельная собственность страдаютъ отъ медленности судопроизводства. Ждать окончанія самаго простого денежнаго иска приходится иногда по пять, по шесть лѣтъ. Развѣ мы не въ правѣ сказать, что нынѣшняя судебная волокита горькою обидою ложится на всѣхъ тѣхъ, кому приходится обращаться къ суду? Развѣ судьи эти, безкорыстные въ огромномъ большинствѣ труженики, не заслужили до сихъ поръ того, чтобы правительство обратило вниманіе на ихъ тяжелую матеріальную необезпеченность? Развѣ не пора поставить членовъ судебныхъ мѣстъ въ Россіи на ту высоту, на какой они стоятъ въ Англіи? А что сдѣлало для обезпеченія участи суда министерство господина Манухина? Ровно ничего. За то передъ самымъ началомъ стачекъ посыпались во всѣ концы Россіи циркуляры о томъ, что въ виду предстоящаго пересмотра законовъ о стачкахъ не слѣдуетъ привлекать виновниковъ стачекъ къ уголовной отвѣтственности. Такимъ образомъ министерскій циркуляръ отмѣнилъ дѣйствіе закона, еще не отмѣненнаго въ законодательномъ порядкѣ! Пока нѣтъ новаго закона, до тѣхъ поръ всѣ обязаны исполнять старый законъ. Но эту азбучную истину правового порядка не признаетъ министерство юстиціи. Какъ назвать такой поступокъ? Какую бы бурю подняли газеты, если бы кто-либо изъ губернаторовъ циркуляромъ предписалъ бы своимъ подчиненнымъ не исполнять какого-нибудь еще не отмѣненнаго закона, потому что вскорѣ онъ будетъ измѣненъ. Но циркулярное распоряженіе министерства юстиціи было очень выгодно для забастовщиковъ, заранѣе обѣщая ихъ главарямъ полную безнаказанность. Правительство графа Витте вполнѣ оцѣнило гибкость и угодливость такого циркулярнаго толкованія законовъ. Нѣсколько дней тому назадъ клубъ общественныхъ дѣятелей (подъ предсѣдательствомъ сенатора Красовскаго) открыто высказалъ негодованіе тѣмъ лицамъ, которыя устроили забастовку. Пусть же хоть часть этого негодованія падетъ на головы тѣхъ, которые своею бездѣятельностью, своимъ попустительствомъ, своею трусливостью и верт-

лявостью раньше способствовали забастовкамъ, а теперь способствуютъ приближенію кровавой тризны на развалинахъ самодержавія.

„Россія“ 1905 г. № 23.

Обвинительныя рѣчи.

II.

Давно ли увѣряли, что для спокойствія и спасенія Россіи нужно объединить всѣ министерства и во главѣ ихъ поставить С. Ю. Витте. Единодушное желаніе «американскихъ» банкировъ исполнилось: Витте стоитъ во главѣ «объединеннаго министерства», только успокоенія нѣтъ, какъ нѣтъ... Черныя тучи все мрачнѣе и зловѣщѣе надвигаются на несчастную нашу родину... Чуетъ сердце, что объединились министерства не на радость русскому народу. Да и въ чемъ они объединились? Въ стремленіи къ правдѣ и порядку? О, если бы это было такъ: увы, теперешнихъ министровъ объединяетъ изреченіе Ѳомы Кемпійскаго: «гораздо безопаснѣе быть въ подчиненіи, чѣмъ начальствовать». Ихъ объединяетъ еще также слово «свой». Суворинъ въ «Маленькихъ письмахъ» назвалъ однихъ министровъ «собственными министрами графа Витте», а другихъ «ему не принадлежащими»...

Хотѣлось бы видѣть тѣхъ министровъ, которые еще не принадлежатъ графу Витте, но даже А. С. Суворинъ указать ихъ не можетъ. Все, что было самостоятельнаго, все куда-то исчезло. Осталось лишь то, что запугано или задобрено... Невѣдомый таинственный союзъ союзовъ предписываетъ свои требованія правительству и эти требованія принимаются къ свѣдѣнію. Если есть времена въ человѣческой исторіи «когда позорно жить», то это именно теперешнее время. Пробить себѣ дорогу къ власти можно двоякимъ способомъ: или благодаря собственнымъ заслугамъ, или благодаря чужимъ ошибкамъ.

Но повальный обманъ, основанный на чужихъ ошибкахъ, никогда не можетъ создать правового порядка. Тамъ, гдѣ все дѣлается въ угоду революціонерамъ и изъ трусости отдается на смерть и поруганіе достояніе русскаго народа, тамъ, гдѣ не охраняютъ жизнь вѣрныхъ слугъ Россіи и не обезпечиваютъ свободу мирныхъ гражданъ отъ насилій изступленныхъ революціонеровъ, тамъ самъ народъ неминуемо придетъ въ изступленіе и расправится съ революціею и ея приспѣшниками. Эта расправа будетъ такая дикая, такая неумолимая, что передъ ней поблѣднѣютъ всѣ ужасы французской революціи. Пусть же это помнятъ всѣ, у кого есть близкія дорогія существа: жены, матери и дѣти...

Чтобы судить о томъ, до чего можетъ дойти народъ, надо всегда брать въ расчетъ крайнихъ людей, исповѣдующихъ народныя вѣрованія. «Не оскорбляйте царской власти и вѣры русскаго народа, иначе мы васъ всѣхъ сметемъ». Вотъ грозный окрикъ, надъ которымъ пора призадуматься оторванной отъ народа революціонной партіи. Народъ русскій гораздо умнѣе, чѣмъ думаютъ революціонеры. Народъ понимаетъ, куда мѣтятъ они. А понявъ это, русскій народъ съумѣетъ дать революціонному движенію такой отпоръ, отъ котораго содрогнутся всѣ тѣ сановники, которые играли въ руку революціи... Чтобы остановить почту, забастовщики объявили, что устроятъ крушеніе тѣхъ поѣздовъ, къ которымъ будутъ прицѣплены почтовые вагоны. Какая сатанинская жестокость къ мирнымъ гражданамъ. А какъ относятся къ этимъ угрозамъ наши сановники? Они говорятъ, что надо уступить! Какъ относится къ угрозамъ революціонеровъ простой русскій народъ? Онъ требуетъ, чтобы назвали имена главарей почтово-телеграфной забастовки и если судебныя власти будутъ бездѣйствовать, то народъ расправится самосудомъ надъ тѣми, которые угрожаютъ крушеніемъ поѣздовъ. Неужели такіе примѣры, какъ растерзаніе народомъ извѣстной революціонной агитаторши, дочери врача Гепкиной, не образумятъ наше правительство? Вѣдь народъ не хочетъ больше терпѣть революціонную пропаганду, зачѣмъ же судебныя власти смотрятъ сквозь пальцы на призывъ анархистами населенія къ вооруженному возстанію? Вѣдь если бы власти во-время арестовали Ольгу Гепкину, она хотя бы и лишилась свободы, но за то была бы жива. А теперь она растерзана на куски дикой толпою...

Скажите, въ какомъ другомъ государствѣ допускается безнаказанное оскорбленіе главы государства и представителей власти?

Въ Англіи не только за содержаніе, но даже за одно заглавіе статей редакторы газетъ и журналовъ уже подвергаются тяжкому наказанію, если эти заглавія представляются обидными или позорными. А «Сынъ Отечества» восторгается тѣмъ, что революціонерка убила генералъ-адъютанта Сахарова и увѣряетъ, что убійцы исполняютъ приговоръ общественной совѣсти! Какая ложь, какое нахальство! Въ то время, какъ въ свободной Англіи огульное порицаніе должностного лица или какого либо учрежденія почитается преступленіемъ, у насъ правительство графа Витте допускаетъ безнаказанную свистопляску революціонеровъ надъ не остывшими еще трупами убитыхъ слугъ государства. Но какіе дикіе вопли раздадутся тогда, когда русскій народъ начнетъ исполнять приговоры общественной совѣсти надъ самими подстрекателями къ бунту, надъ вождями революціи? Что скажутъ тогда въ свою защиту революціонеры, вѣдь они сами первые восхваляли политическія убійства! Апеллированіе къ Европѣ тогда не поможетъ.

Каждому, кто знакомъ съ англійскимъ государственнымъ строемъ, извѣстно, что дѣятельность должностныхъ лицъ и правительственныя распоряженія подлежатъ по теоріи «свободному обсужденію въ печати», но что въ дѣйствительности англійскіе законы и суды требуютъ такой сдержанности, такого уваженія къ существующимъ властямъ и такой абсолютной точности изложенія фактовъ, «что ни одна газета не позволятъ себѣ слишкомъ рѣзкихъ, а тѣмъ болѣе бранныхъ выраженій». Въ Англіи обвиняемый въ клеветѣ не можетъ

оправдываться тѣмъ, что слухъ, сообщенный имъ, «не былъ лишенъ нѣкотораго основанія», тамъ онъ не можетъ ссылаться на то, что позорящее сообщеніе заимствовано изъ другой газеты. А у насъ всѣ радикальныя газеты взапуски одна передъ другой безнаказанно измышляютъ небылицы, возмущающія общество и народъ. Въ Англіи статутъ Георга Третьяго и парламентскій актъ 1889 года устанавливаютъ весьма серьезныя ограниченія для обсужденія политическихъ вопросовъ: «всякія слова и письменныя произведенія, имѣющія цѣлью возбудить у гражданъ ненависть къ существующимъ законамъ, къ суду, или управленію или къ парламенту, считаются возмущеніемъ». Палата лордовъ и высшій судъ имѣютъ даже право безъ всякаго формальнаго суда назначить арестъ, не ограниченный какимъ-либо временемъ, если признаютъ себя оскорбленными письменно или словесно въ засѣданіи. А у насъ, когда толпа въ пятьдесятъ человѣкъ ворвалась въ засѣданіе окружнаго суда и разогнала судебныхъ должностныхъ лицъ, то министерство юстиціи, не усмотрѣвъ въ этомъ ничего кромѣ невиннаго политическаго протеста, ограничилось тѣмъ, что приказало закрыть главный подъѣздъ, а затѣмъ предложило сообщить совѣту присяжныхъ повѣренныхъ о дѣйствіяхъ адвокатовъ, разгонявшихъ судъ и лишь черезъ три недѣли рѣшилось возбудить уголовное преслѣдованіе. Всѣмъ извѣстенъ первый номеръ Шебуевскаго журнала «Пулеметъ». Еслибы въ свободной Англіи г-нъ Шебуевъ посмѣлъ написать, что къ парламентскому биллю приложилъ «кровавую руку» министръ Чемберленъ, то за это Шебуева немедленно, на основаніи закона 1889 года, присудили бы къ тюремному заключенію на нѣсколько лѣтъ. Но въ Россіи судебная палата, послѣ долгихъ пререканій между слѣдователемъ и прокуратурою, предписала привлечь Шебуева по 106 ст. уложенія; но какая же гарантія, что, пока будетъ производиться слѣдствіе, обвиняемые, какъ-бы глумясь надъ русскими судами, будутъ наводнять русскій народъ всякими «Пулеметами», въ которыхъ высмѣиваютъ «Игрушечное оловянное Колинькино войско», а министровъ объединеннаго министерства обзываютъ «блохами». Не пора ли прекратить эту игру. Есть граница, дальше которой не можетъ зайти опасность отъ самого дурного правительства. Но нѣтъ совершенно границы злу, могущему произойти отъ того, что съ объединеніемъ министерствъ у насъ исчезло правительство, долженствующее охранять честь и достоинство русскаго государства.

„Россія“ 24 Декабря 1905 г. № 40.

Обвинительныя рѣчи.

III.

«Когда средства къ достиженію цѣли были предметомъ долгаго и упорнаго труда, то они въ концѣ концовъ начинаютъ замѣнять самую цѣль». Эти слова великаго англійскаго историка Маколея какъ нельзя

болѣе примѣнимы къ оцѣнкѣ дѣятельности революціонной и радикальной партіи въ современной Россіи.

Долго и упорно въ теченіе одиннадцати лѣтъ тайные враги русскаго государства подготовлялись къ свержепію ненавистнаго имъ самодержавія и ради достиженія этой цѣли не брезгали никакими средствами: подкупали сановниковъ, развращали народъ, лгали и клеветали на честныхъ русскихъ людей, устраивали предательскія нападенія и убійства тѣхъ министровъ и генераловъ, которыхъ не могли ни запугать угрозами, ни привлечь на свою сторону подкупомъ и лестью.

Долго, долго разъѣдали русскую государственную машину обманы, лицемѣріе, подкупы, насилія и убійства и все это замалчивалось или даже оправдывалось въ печати, какъ печальное, но необходимое средство для достиженія намѣченной цѣли. И вотъ, когда эта цѣль достигнута, когда отъ великой грозной русской державы остались чуть ли не одни лохмотья—всѣ гнусныя средства, которыми до сихъ поръ пользовались революціонеры, не только не сданы въ архивъ, но, напротивъ того, замѣнили самую цѣль. И нынѣ уже ясно для всѣхъ, къ чему стремятся главари революціи. Убійства и насилія для нихъ теперь необходимы, какъ воздухъ для живыхъ существъ. Ихъ цѣль напоить землю человѣческою кровью и упиться человѣческими страданіями. Они хотятъ стереть съ земли цѣлое государство, насчитывающее восемьдесятъ милліоновъ русскихъ людей; они хотятъ навести ужасъ и наложить печать молчанія на всѣхъ, кому противны революція и анархія. И они довели добродушныхъ русскихъ людей до такого тяжелаго положенія, когда каждому мирному человѣку приходится дѣлать выборъ между преступленіемъ или собственною гибелью. Вѣдь русскихъ людей враги Россіи не щадятъ! Они не пощадятъ и Государя; они не пощадятъ и тѣхъ близорукихъ сановниковъ, которые все еще играютъ въ руку революціи, ожидая отъ тайнаго руководителя революціоннымъ движеніемъ великихъ и богатыхъ милостей... Все, что творится теперь въ Россіи, свидѣтельствуетъ, что революція идетъ къ намъ не снизу, а сверху; мы видимъ, что главные виновники возстаній и убійствъ почти постоянно ускользаютъ отъ кары; мы видимъ, что какая-то таинственная рука всячески старается обезопасить не нашу жизнь и свободу, а жизнь и свободу тѣхъ людей, которые рвутъ царскіе портреты, вооружаютъ фабричныхъ рабочихъ, убиваютъ губернаторовъ, оскорбляютъ нашу родину и наши святыни.

Русскій народъ усталъ терпѣть невыносимый гнетъ революціи; весь русскій народъ уже кричитъ правительству: «довольно попустительства, довольно заигрыванія съ врагами русскаго царства!»

Но правительство графа Витте то загадочно молчитъ, то еще загадочнѣе начинаетъ такъ говорить, что никому не ясно, о комъ и о чемъ оно говоритъ... Можно ли не согласиться, что правительству графа Витте давно пора увольнять безъ прошенія тѣхъ сановниковъ, которые раскланивались передъ революціонерами и снимали свои шляпы во время пѣнія рабочей марсельезы! Или можетъ быть подъ нарушителями «служебной дисциплины» правительство подразумѣваетъ тѣхъ чиновниковъ, которые соблюденіе своей присяги считаютъ важнѣе, чѣмъ угожденіе двуличнымъ начальникамъ? Развѣ не заговорщики тѣ, которые теперь увѣряютъ, что не нужно прибѣгать къ

какимъ-нибудь чрезвычайнымъ мѣрамъ для подавленія анархіи, такъ какъ она потеряла сочувствіе и почву подъ собою? Неужели же не лицемѣры тѣ, которые увѣряютъ, что введеніе военнаго положенія, полевые суды и твердая власть теперь не успокоятъ, а раздражатъ все общество?

Можно-ли сохранить въ непорочности мысли и желанія народа, питая народъ исключительно описаніями преступленій, злодѣяній и всякаго рода гнусностей? Нѣтъ; уже около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ знаменитый философъ римскій императоръ Маркъ Аврелій утверждалъ, что ничто такъ не развращаетъ народный духъ, какъ восхваленіе грѣха и преступленій, т. е. какъ разъ то, что совершается теперь въ Россіи. Полное пренебреженіе къ своимъ обязанностямъ, а главное возведеніе въ доблесть революціонной похоти, вотъ та почва, на которой была выращена русская анархія. Одержимый манією человѣкъ имѣетъ, какъ пропасть, необъяснимое свойство къ себѣ притягивать; но идейное помѣшательство одинаково заразительно какъ въ крайнемъ лѣвомъ, такъ и въ крайнемъ правомъ направленіи, а поэтому тѣ, которые считались только съ желаніями лѣвой стороны, скоро окажутся въ безвыходномъ положеніи. Многомилліонный русскій народъ уже зашевелился и близокъ тотъ часъ, когда онъ скажетъ свое рѣшительное слово. Вождями окажутся тѣ, кто смѣло стали на защиту народныхъ вѣрованій; горе тогда робкимъ тайнымъ прислужникамъ революціи. Какая бы сторона ни взяла верхъ, правая или лѣвая, имъ не сдобровать! За нихъ никто не заступится, отъ нихъ одинаково отшатнутся какъ убѣжденные патріоты, такъ и убѣжденные разрушители русскаго государства. И не приставъ ни къ правой, ни къ лѣвой, они въ обоихъ случаяхъ головою своею поплатятся за свою трусость и за свое двуличіе.

Только бездарные или поверхностные люди могутъ утверждать, будто конституціонныя государства способнѣе къ улучшенію быта рабочаго класса, чѣмъ то государство, гдѣ царитъ самодержавная власть. Вѣдь въ парламентахъ засѣдаютъ люди, интересы которыхъ взаимно другъ другу противорѣчатъ, а въ государствѣ съ абсолютною властью отъ одной воли, отъ одного росчерка пера иногда зависитъ осчастливить милліоны людей. Абсолютная власть Царя можетъ заставить капиталистовъ и самыхъ черствыхъ эгоистовъ заботиться объ улучшеніи быта рабочихъ въ такихъ случаяхъ, когда парламенты и думы совершенно безсильны помочь рабочимъ. Это поняли всѣ выдающіеся западно-европейскіе мыслители конца девятнадцатаго вѣка и признали, что демократическое правленіе само по себѣ не можетъ облагодѣтельствовать народныя массы. Самобытный и *смѣлый мыслитель еврей Максъ Нордау утверждаетъ, что парламентаризмъ и всѣ европейскія конституціи „верхъ человѣческой условной лжи“*. Англичанинъ Маколей одинъ изъ любимѣйшихъ англійскихъ историковъ, поборникъ народныхъ правъ, долгое время стоявшій во главѣ англійскаго либеральнаго правительства, въ своихъ запискахъ высказалъ твердую увѣренность, что всеобщая равная подача голосовъ—величайшее зло, такъ какъ въ каждомъ государствѣ больше недовольныхъ дурныхъ и глупыхъ людей, чѣмъ довольныхъ, умныхъ и добрыхъ, а поэтому, предоставляя всѣмъ безъ разбора право голоса, отдаютъ

судьбу государства въ руки необразованнаго, глупаго и порочнаго большинства. «Демократическія правительства никогда не будутъ сильны и жизнеспособны», писалъ Маколей, «ибо не въ силахъ усмирить бѣдствующее и недовольное большинство, потому что демократическое правительство должно опираться именно на это бѣдствующее и слѣдовательно недовольное большинство». Маколей въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ не разъ высказывалъ увѣренность, что злѣйшимъ врагомъ прогресса является крайняя демократическая партія. «Демократическія учрежденія непремѣнно рано или поздно уничтожатъ или просвѣщеніе, или свободу или и то, и другое вмѣстѣ». Если бы Маколей воскресъ и узналъ-бы о томъ, что творится теперь въ Россіи, то даже онъ удивился бы, до какой степени сбылись всѣ его предсказанія: университеты превращены въ политическіе клубы, наука въ загонѣ, а демократы-профессора не считаютъ недостойнымъ своего ученаго званія получать жалованіе изъ казны за лекціи, которыхъ они не читаютъ. Жалкіе паразиты, высасывающіе изъ казны народныя деньги, ничего не даютъ взамѣнъ народу, кромѣ пропаганды ненависти и презрѣнія къ народнымъ святынямъ. Инженеры устраиваютъ забастовки, адвокаты разгоняютъ судей, рабочіе во имя свободы устраиваютъ предательскія крушенія, убивая возвращающихся съ войны солдатъ. Стынетъ въ жилахъ кровь, нѣмѣетъ языкъ, проклятія несутся вслѣдъ этому «освободительному движенію». Вотъ она — эта свобода во всѣхъ ея пяти видахъ. Что же будетъ съ нашей свободой, когда демократическія учрежденія, созданныя пока на бумагѣ, осуществятся на дѣлѣ? Американецъ Стэдъ въ царствованіе Александра III утверждалъ, что никакая демократическая республика не можетъ провести такъ быстро и такъ рѣшительно какую-нибудь полезную реформу, какъ абсолютная монархія.

Теперь, кажется, послѣ свиданія съ графомъ Витте и съ московскими земцами взгляды Стэда нѣсколько измѣнились. Не будемъ слишкомъ суровы къ Стэду за эту неустойчивость убѣжденій. Вѣдь при Александрѣ III весь міръ боялся Россіи и уважалъ русское правительство, а теперь весь міръ восхваляетъ политику графа Витте и въ то же время презираетъ русскій народъ, за то, что онъ такъ долго терпитъ эту политику.

Англичане и нѣмцы никогда не хвалили ни Каткова, ни Скобелева, ни Муравьева Виленскаго, но всегда расхваливали тѣхъ русскихъ государственныхъ людей, которые расшатывали русскую мощь. Пора-бы намъ познать истинную оцѣнку иностраннымъ похваламъ.

Зачѣмъ Европа намъ хочетъ навязать свою форму правленія, благодаря которой гніетъ и разваливается австро-венгерская монархія Габсбурговъ? Изъ любви къ намъ? Изъ желанія облагодѣтельствовать нашъ русскій народъ? Какая наивность! Да неужели, русскіе люди, все еще не понимаютъ, что вся эта революціонная вакханалія нужна для того, чтобы вырвать у Царя конституцію, при которой всякіе Ротшильды могли бы печатать у насъ въ Россіи свои бумажныя деньги, какъ они печатаютъ ихъ въ Австріи. Не даромъ нѣмецкій политикъ желѣзный канцлеръ Бисмаркъ и его поэтъ въ прозѣ философъ Ницше съ презрѣніемъ относились къ парламентаризму! А знаменитый юмористъ Маркъ Твэнъ, а французскій историкъ Тэнъ, ученый Принсъ, историкъ Бер-

транъ и многіе другіе отрицательно относятся къ парламентаризму и безпощадно осмѣиваютъ идею всеобщей равной подачи голосовъ. Но всѣ эти авторитеты забываются тогда, когда надо погубить Россію и въ совѣтѣ министровъ раздается пѣснь торжествующей любви къ конституціи!

Не довольно-ли «терпѣнія и терпѣнія?» Не пора ли понять, что вся русская революція ничто иное, какъ только шахматный ходъ искуснаго игрока и что вся она отъ начала до конца вовсе не нужна русскому народу и задумана въ заграничныхъ кабинетахъ.

„Россія“ 5 Января 1906 г. № 4.

Обвинительныя рѣчи.

IV.

Можно ли сомнѣваться въ существованіи международнаго огромнаго заговора, направленнаго какъ противъ русскаго народа, такъ и противъ цѣлости Россійской Имперіи? Развѣ могли бы революціонеры такъ нагло издѣваться надъ законами и жизнью русскихъ людей, вѣрныхъ Царю и родинѣ, если бы очень высокопоставленные сановники не играли въ руку революціи?

Посмотрите, что творится вокругъ: съ революціею играютъ и пянчатся, какъ съ писаной торбой. Разбивъ въ Москвѣ вооруженное возстаніе, начинаютъ убаюкивать общество увѣреніями, что все само собою успокоится, а для того, чтобы въ дѣйствительности революція не ослабѣвала, старательно заботятся о спасеніи и сохраненіи ея вождей. И какихъ только предательскихъ хитростей не пускаютъ въ ходъ, чтобы обезпечить безопасность не мирнымъ гражданамъ, а вождямъ революціи.

Съ Носаремъ возятся и церемонятся, вмѣсто того, чтобы поступить съ нимъ, какъ съ измѣнникомъ.

Съ Гапономъ, вмѣсто того, чтобы его арестовать, возились до тѣхъ поръ, пока онъ, занявъ деньги у графа Витте, уѣхалъ за границу... Лейтенанта Шмидта, котораго во всякой другой странѣ давно разстрѣляли бы, стараются спасти отъ висѣлицы, выдавая его за сумасшедшаго!

Вѣдь если бы Шмидту удалось поднятое вооруженное возстаніе, то президентъ одесской южно-русской республики, еврей Пергаментъ, навѣрное не задумался бы назначить «сумасшедшаго лейтенанта Шмидта главнокомандующимъ всѣми морскими вооруженными силами южно-русской республики». Но когда Шмидтъ попался въ руки правосудія, его объявляютъ сумасшедшимъ. Гдѣ же конецъ этимъ издѣвательствамъ? Развѣ не ясно, что революціонерамъ даютъ всѣ преимущества предъ вѣрными слугами родины?

Если главари революціонеровъ одержали бы побѣду, то ихъ ожидали королевскія почести и президентскія кресла въ разныхъ республикахъ, которыя возворились бы на развалинахъ единой русской имперіи. Возстаніе не удалось, и что же мы видимъ: главари латышской и эстонской республикъ ускользнули изъ рукъ русскихъ властей.

Таинственный Максимъ, пріѣхавшій изъ Швейцаріи, руководившій вооруженнымъ возстаніемъ въ Москвѣ, скрылся изъ Москвы, какъ только возстаніе было подавлено. Финляндскіе сенаторы Шауманъ и Михелинъ, о которыхъ убитый сыномъ Шаумана генералъ Бобриковъ докладывалъ Государю, какъ объ измѣнникахъ и главныхъ агитаторахъ, являются теперь въ Финляндіи чуть-ли не первыми совѣтчиками новаго финляндскаго генералъ-губернатора.

Странная судьба у русскаго освободительнаго движенія. Давно ли бароны имѣли право сѣчь эстонцевъ и латышей? Давно-ли латыши и эстонцы были лишены самыхъ основныхъ гражданскихъ правъ? Русская власть освободила эстонцевъ и латышей отъ крѣпостной зависимости и ввела въ прибалтійскомъ краѣ равный для всѣхъ судъ.

Изъ положенія безправныхъ рабовъ, почти безсловесныхъ животныхъ, эстонцы и латыши были подняты русскою властью на одинъ уровень съ своими господами—баронами. И чѣмъ отплатили эстонцы и латыши за всѣ русскія благодѣянія? Пяпы, Теманты, эти бездарные эстонскіе помощники присяжныхъ повѣренныхъ, не научившіеся за пятнадцать лѣтъ существованія русскихъ судовъ даже говорить грамотно и толково по-русски, подняли мстительныхъ, неблагодарныхъ, сумрачныхъ чухонцевъ противъ русской власти, облагодѣтельствовавшей эстонскій народъ... Начались поджоги старинныхъ баронскихъ замковъ, убійства, предательскія нападенія на русскихъ офицеровъ и солдатъ.

Звѣрства и жестокость эстонцевъ и въ особенности латышей не поддаются описанію. Нападая ночью врасплохъ на войска, они выкалывали русскимъ солдатамъ глаза, отрѣзали имъ уши...

Вожди эстонской революціи Теманть и Пяцъ скрылись, предусмотрительно захвативъ съ собою тридцать пять тысячъ рублей общественныхъ денегъ.

И съ такими людьми церемонятся!

Не стыдно-ли это!

Русскіе люди, унижаемые, оскорбляемые на каждомъ шагу, чувствуя что чья-то сильная рука направляетъ одинъ за другимъ смертельные удары на нашу родину, возненавидѣли всею душою графа Витте, заключившаго постыдный миръ съ японцами въ то самое мгновеніе, когда послѣ долгихъ неудачъ и пораженій военный успѣхъ повидимому началъ склоняться на сторону Россіи. Двоедушіе и загадочность политики, которую повелъ графъ Витте, ставъ предсѣдателемъ совѣта министровъ, окончательно убѣдила русскій народъ въ томъ, что, пока Витте будетъ во главѣ правительства, успокоенія не наступитъ.

Но неужели устраненіемъ одного Витте можно спасти Россію? Вѣдь С. Ю. Витте—только одна изъ крупныхъ пѣшекъ, которою пользуются враги Россіи для ея разрушенія.

Теперь уже каждому ясно, что за послѣднія пять лѣтъ почти на всѣ выдающіяся должности выдвигались люди, обязанные своимъ возвышеніемъ или инородческимъ, или масонскимъ интригамъ.

Во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ началѣ 1905 года стоялъ графъ Ламздорфъ, во главѣ юстиціи—Манухинъ; этихъ министровъ графъ Витте удержалъ въ своемъ «объединенномъ министер-

ствѣ», а между тѣмъ именно эти министры ничего хорошаго для объединенія русскаго государства не сдѣлали. Не роковымъ бюрократическимъ многовластіемъ, не несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ могутъ быть объяснены такія возвышенія, какъ возвышеніе послѣ «недовѣрчиваго» Плеве, довѣрчиваго князя Святополкъ-Мирскаго; послѣ скоропостижно умершаго русскаго моряка Тыртова—назначеніе полу-шведа Авелана; послѣ убитаго генерала Бобрикова—назначеніе князя Оболенскаго, засыпаннаго шведскими цвѣтами... Заговоръ, страшный международный заговоръ—вотъ разгадка всѣхъ этихъ назначеній.

„Русское Знамя“ 9 Января 1906 г. № 7.

П. Ѳ. Булацель обратился къ Государю со слѣдующею рѣчью:

«Государь!

Нѣсколько дней тому назадъ въ этомъ самомъ залѣ Вы изволили милостиво меня выслушать, принимая депутацію землевладѣльцевъ. Разрѣшите мнѣ теперь отъ имени Союза Русскаго Народа, насчитывающаго въ одномъ Петербургѣ десятки тысячъ членовъ, высказать тѣ чувства, которыя раздѣляются всѣми нашими членами.

Нашъ союзъ образовался послѣ 17 октября, но мы не поколебались выставить на нашемъ знамени священныя для насъ понятія: «Православіе», «Самодержавіе» и «Русская Народность». Мы твердо увѣрены, что Самодержавіе вполнѣ совмѣстимо съ Государственной Думой, какъ оно совмѣстимо съ существованіемъ Судебныхъ Учрежденій. По нашему глубокому убѣжденію Самодержавіе не устранено манифестомъ 17 Октября. Да и какъ устранить то, благодаря чему крѣпло и росло Государство Русское? Вѣдь всѣ почти выдающіеся писатели и философы девятнадцатаго столѣтія признаютъ, что при Самодержавіи гораздо легче создать сильное государство и облагодѣтельствовать простой народъ, чѣмъ при конституціонно-демократическихъ формахъ правленія. Но когда хотятъ разрушить русскую мощь, тогда забываются авторитеты Маколея, Ницше, Макса Нордау, считающихъ величайшимъ зломъ всеобщую, равную подачу голосовъ, а парламентскую конституцію—«верхомъ человѣческой условной лжи». Зачѣмъ же хотятъ навязать намъ такую форму правленія, благодаря которой развязывается Австро-Венгерская монархія? Какъ дневной свѣтъ ненавистенъ кротамъ, такъ Самодержавіе ненавистно врагамъ Россіи. Оно ихъ обезсиливаетъ, а потому раздражаетъ. Они понимаютъ, что доколѣ будетъ существовать Самодержавіе, дотолѣ Россія не распадется. А врагамъ Россіи нужно ее разслабить и погубить: для этого надо внести расколъ въ народъ и въ войско. Но расчеты враговъ Россіи не оправдаются, потому что нѣтъ той силы на свѣтѣ, которая могла бы заставить русскихъ людей отказаться отъ присяги Самодержавному Царю. Горе тѣмъ, кто попытается заставить русскій народъ измѣнить своимъ святынямъ! Не вѣрьте, Государь, тому, кого выдвигаютъ масоны и кто опирается только на инородцевъ. Если русскій народъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, творитъ молитву

за своего Самодержавнаго Царя, повѣрьте, что эта молитва дороже всякихъ похвалъ, заграничныхъ газетъ и банкировъ...

Насъ много. Милліоны русскихъ крестьянъ осѣняютъ себя такъ же крестнымъ знаменіемъ, какъ теперь крестимся мы. Обопритесь на русскихъ людей, и врата ада не одолѣютъ Русскаго Государя, окруженнаго своимъ народомъ».

„Россія" 14 Января 1906 г. № 11.

Письмо въ редакцію.

Извѣстный публицистъ г. Меньшиковъ утверждалъ недавно, что старое самодержавіе довело Россію до «Севастополя и Портъ-Артура, до берлинскаго и портсмутскаго договора, до голоднаго вымиранія и государственнаго краха».

Это не вѣрно. Неужели ему неизвѣстно, что Севастополь, Портъ-Артуръ, портсмутскій и берлинскій мирные договоры — результаты «новаго», а вовсе не стараго русскаго самодержавія, когда интересы русскаго народа считались важнѣе, чѣмъ одобренія англійской печати и французско-еврейскихъ банкировъ.

О, какая блестящая будущность открылась бы для русскаго народа, если-бы ему удалось сохранить царское самодержавіе, устранивъ продажныхъ международныхъ сановниковъ, жадною толпою тѣснящихся у того самаго трона, подъ который они предательски подкапываются отчасти изъ желанія прослыть либералами, отчасти изъ-за подкупа въ угоду своихъ вдохновителей масоновъ. Зачѣмъ же огульное обвиненіе самодержавія въ угоду революціонерамъ? Неужели ради «моды» можно отказываться отъ правды? Для того, чтобы старики могли вѣрить въ самодержавіе, необходимо только, чтобы они призвали на помощь всю силу своей памяти, которая воскресила бы передъ ними блестящія страницы русской исторіи; а чтобы старики могли вѣрить искренно въ спасительность конституціи, для этого необходимо ни больше, ни меньше чтобы она потеряли весь остатокъ своей памяти, ибо иначе она начертитъ имъ изъ исторіи парламентаризма такія страницы злобы и порока, передъ которыми поблѣднѣютъ Портъ-Аргуръ и портсмутскій договоръ... Подражательныя конституціи Франціи, Испаніи, Португаліи, Италіи, Болгаріи и Сербіи только испортили ихъ общественный государственный ростъ и повергли ихъ въ состояніе перемежающихся кровавыхъ политическихъ лихорадокъ... У насъ же, въ Россіи, величайшія реформы—земская, судебная, освобожденіе крестьянъ, всеобщая воинская повинность и т. п. вводились самодержавною властью безъ всякихъ кровопролитій.

Врагамъ Россіи стало завидно, что въ Россіи давно не проливалась кровь народа. И они рѣшили облагодѣтельствовать насъ такою реформою, вслѣдствіе которой братъ пойдетъ на брата и кровь польется рѣкою... Они рѣшили навязать русскому народу конституцію, хорошо понимая, что конституція внесетъ расколъ и раздоры во всѣхъ углахъ Россіи и поведетъ къ ея распаденію. Еще конституція не дана, а ужъ

кровь полилась. Одинъ призракъ парламентской конституціи вызвалъ ужасы по всей Россіи; что же будетъ, когда дана будетъ конституція? Будетъ то, что тысячи офицеровъ откажутся ей присягать. Нѣтъ такой силы, которая заставила бы милліоны русскихъ крестьянъ измѣнить вѣрѣ предковъ. Этимъ общимъ негодованіемъ народныхъ массъ, общимъ смущеніемъ и замѣшательствомъ воспользуются революціонеры.

Стоны, отчаяніе, плачъ снизойдутъ на русскую землю. Вотъ, что принесетъ русскому народу «европейская конституція», передъ которою благоговѣйно преклоняются Святополкъ-Мирскій, Витте, Сольскій, Кобеко, Герардъ, митрополитъ Антоній, баронъ Фредериксъ, Нольде, Манухинъ, графъ Ламздорфъ, генералъ Раухъ, Толстой, Урусовъ, Кауфманъ и вся ихъ партія... Слава Богу, марево проясняется. Пусть русскіе люди помнятъ, что либеральные сановники отличаются отъ консерваторовъ и революціонеровъ тѣмъ, что не умѣютъ приносить себя самихъ въ жертву идеи. Они больше всего заботятся о себѣ и по большей части отличаются возмутительной личной трусостью. Они очень падки къ наградамъ и очень жаждутъ, чтобы ихъ похвалили за границею, а ради этого готовы даже залить всю Россію кровью, надѣясь сами во-время спрятаться. Пусть льется русская кровь пусть горятъ усадьбы, пусть грохочатъ пушки, пусть дикіе революціонеры стрѣляютъ въ солдатъ и городовыхъ. Вѣдь по мнѣнію либеральныхъ сановниковъ и соціалъ-демократовъ, все это чуть-ли не главный признакъ европейской просвѣщенности, а тамъ у насъ появится парламентъ, въ которомъ инородческіе ораторы будутъ по примѣру австрійскаго доктора Люгера говорить безъ перерыва 35 часовъ кряду, а депутаты будутъ другъ друга бить кулаками, швырять тетрадями, ругаться площадною бранью, давать въ засѣданіяхъ пощечины и брать съ еврейскихъ дѣльцовъ такія взятки, какія не снились до сихъ поръ во снѣ даже самымъ либеральнымъ министрамъ и пройдохамъ. А съ бѣднаго русскаго крестьянина потянутъ вдвое больше повинностей, чѣмъ тянули до сихъ поръ. И въ Россіи повторятся тѣ самыя картины, которыя на западѣ превзошли самыя смѣлыя ожиданія противниковъ демократическихъ формъ правленія. Повсюду плутократическій произволъ, замаскированный свободой выборовъ. Повсюду подкупы, застой законодательства, дикій обструкціонизмъ, выразившійся въ самыхъ возмутительно-глупыхъ пріемахъ, посредствомъ которыхъ одни депутаты стараются помѣшать другимъ депутатамъ заниматься дѣломъ; безплодныя пренія, нескончаемыя рѣчи, длящіяся цѣлыя сутки, безконечное толченіе воды въ ступѣ, мальчишеское поведеніе представителей народа, мелочность ихъ самолюбія и недостатокъ политическаго такта—все это такіе перлы парламентаризма, передъ которыми всѣ недостатки самодержавія кажутся невинными промахами.

Чѣмъ-же тѣшатся конституціоналисты? Неужели они думаютъ, что тѣ демократическія формы правленія, которыя на душѣ образованнаго европейца оставляютъ слѣды растлѣнія—эти самыя формы, пересаженныя на чуждую для нихъ русскую землю, отразятся въ душѣ русскаго мужика порывами увлеченія, полными вдохновенія, и красотою, которую они ухитрятся извлечь изъ парламентской грязи?

„Русское Знамя“ 23 января 1906 г. № 19.

Литературная чернь.

Мои обвинительныя рѣчи задѣли за живое тѣхъ, кого давно слѣдовало потревожить за возмутительное двуличіе и равнодушіе къ судьбѣ родины... Спеціалисты чутко приноравливающіеся къ политическому барометру, уже забили тревогу и начали свою недостойную травлю противъ русскихъ людей, открыто указывавшихъ на существованіе конституціоннаго заговора. Во главѣ этихъ спеціалистовъ пера оказался г. Меньшиковъ, который имѣлъ неосторожность назвать «Союзъ Русскаго Народа» самозваннымъ союзомъ», несмотря на то, что этотъ союзъ былъ принятъ Государемъ, удостоившимъ принять значекъ изъ рукъ предсѣдателя союза А. И. Дубровина! Ясно, что кому нибудь изъ сильныхъ міра въ данную минуту нужно умалить значеніе союза. Давно-ли г. Суворинъ былъ членомъ «Русскаго Собранія»? Давно-ли онъ писалъ статьи, въ которыхъ безпощадно громилъ даже тѣхъ евреевъ, которые рѣшительно ни въ чемъ не провинились передъ русскими людьми? Да это было всего три года тому назадъ. Но для нововременскаго главы это очень, очень большой срокъ, потому что за годъ онъ могъ-бы успѣть перемѣнить свое направленіе уже четыре раза, а за три года двѣнадцать разъ. И что же въ этомъ удивительнаго, вѣдь «свѣтская чернь», на которую Нов. Время вдругъ обрушилось, сама должна знать, что капризная петербургская погода измѣнчива, какъ капризная женщина, а барометръ Новаго Времени настолько чувствителенъ ко всякимъ «сферическимъ перемѣнамъ, что не только съ точностью предсказываетъ наступленіе „весны“, бури и грома, но даже и всякую перемѣну въ высшихъ правительственныхъ кругахъ.

Давно ли почтенный издатель «Новаго Времени» А. С. Суворинъ прочелъ мнѣ цѣлое наставленіе о томъ, что мирные граждане не имѣютъ понятія о могучей силѣ революціи. «Вы мнѣ говорите о вашей силѣ, но простите меня, вы такъ же заблуждаетесь въ своихъ силахъ, какъ и правительство. На сторонѣ революціонеровъ 75% а на сторонѣ правительства и вашей 25%». Вотъ что сказалъ намъ Суворинъ, когда я въ числѣ нѣсколькихъ лицъ, уполномоченныхъ союзомъ землевладѣльцевъ, былъ у него, чтобы просить его не замалчивать вопросовъ, возбуждаемыхъ въ рѣчахъ, сказанныхъ Государю. Долго и много говорилъ самъ Суворинъ, но изъ всѣхъ его разглагольствованій особенно меня поразила нотка, похожая на боязнь». Суворинъ особенно подчеркнулъ что онъ не принадлежитъ ни къ какимъ партіямъ и что хотя не сочувствуетъ революціи, но не сочувствуетъ также и правительству; однимъ словомъ старался намъ дать понять, что онъ освѣдомленъ великолѣпно о мощи революціонной партіи, но собственная его хата съ краю... „Неужели вы вѣрите, что 75% населенія Россіи хотятъ революціи; если это ваше убѣжденіе, то позвольте вамъ сказать, что вы очень плохо освѣдомлены о томъ, что дѣлается въ Россіи, да, впрочемъ вѣдь вы даже не освѣдомлены о томъ, что дѣлается въ вашихъ соб-

ственныхъ газетныхъ кіоскахъ. А вотъ, если бы вы знали, что, напримѣръ, въ Ессентукахъ, въ вашемъ собственномъ кіоскѣ, лѣтомъ цѣлую недѣлю подъ предлогомъ желѣзнодорожныхъ забастовокъ нельзя было получить „Новаго Времени", а продавались всѣ радикально-революціонныя газеты, которыя вѣдь не на лошадяхъ же доставлялись изъ Петербурга, то тогда бы вы не стали спорить, что въ Россіи революція сильна лишь обманомъ, а вовсе не сочувствіемъ 75 процентовъ населенія».

Эта маленькая отповѣдь была мною сдѣлана маститому издателю недѣли за двѣ до Московскаго возстанія, а теперь, какъ всѣмъ читателямъ Новаго Времени извѣстно, и Столыпинъ, и Суворинъ дружно поютъ, что революція подавлена и что правительству надо приняться за подавленіе «черныхъ сотенъ». Милые «передовые люди»! Вы кажется, почти заняты доносомъ на русскихъ націоналистовъ. Новое Время дошло до такого безстыдства, что увѣряетъ, будто «Союзъ Русскаго Народа» и «Русское Собраніе» вращаются на одной оси съ красной анархіею, и что «*въ рабольпіи* своемъ ретрограды доходятъ до революціонной крайности, до отрицанія самаго права Монарха ограничить самодержавіе иначе, какъ при условіи оставленія престола». (См. манифестъ русскаго собранія).—Большей непорядочности, нечистоплотности въ передергиваніи фактовъ нельзя даже себѣ представить. Говоритъ „о раболѣпіи" тѣхъ, которые отрицаютъ за Монархомъ право ограничить самодержавіе «иначе какъ при условіи оставить престолъ, да вѣдь это все равно, что говорить о *рабольпіи* того вѣрнаго солдата, который душу и жизнь свою готовъ отдать за своего полкового командира, но въ тоже время отрицаетъ за нимъ право сдать непріятелю святыню полка «полковое знамя». Этотъ примѣръ едва-ли будетъ понятенъ г. Суворину. Вѣдь только для добровольцевъ самое служеніе идеѣ защита знамени является цѣлью, тогда какъ для спеціалиста по части заказанныхъ фельетоновъ, оно служитъ лишь средствомъ.

Наемные лакеи никогда не въ состояніи отличить «вѣрность» отъ „раболѣпства". Наемники играютъ словами; неужели даже Меньшиковъ хочетъ, что-бы его подозрѣвали въ томъ, что кто-то ему заказалъ писать играя словами.

Но, г. Меньшиковъ не такъ простъ. Онъ всѣ свои статьи, помѣщаемыя въ „Новомъ Времени," перепечатываетъ особымъ изданіемъ („Письма къ ближнимъ") въ просмотрѣнномъ и *дополненномъ* видѣ. Объ этомъ „*дополненіи*" сообщаетъ самъ М. О. Меньшиковъ въ объявленіяхъ о своихъ сочиненіяхъ. Да оно вполнѣ понятно: можно ли г. Меньшикову обходится безъ дополненій, когда его перо столь непостоянно, какъ петербургская погода. Вѣдь безъ дополненій каждому станетъ очевидно, что у г. Меньшикова совсѣмъ нѣтъ опредѣленнаго направленія и, что онъ противорѣчитъ зачастую своимъ же прежнимъ статьямъ.

«Одинъ изъ запѣвалъ, Павелъ Булацель, доходитъ даже до отрицанія существующаго самодержавія въ пользу стараго—не эпохи ли Бирона"? Вотъ, что приписываетъ мнѣ г-нъ Меньшиковъ, не указывая откуда онъ взялъ эти, будто-бы, мною сказанныя слова. Пусть-же читатели сами судятъ, какъ исказилъ г. Меньшиковъ мою мысль, я ее приведу цѣликомъ: въ письмѣ въ Редакцію въ номерѣ 11 газеты „Россія" я писалъ:

„Извѣстный публицистъ г. Меньшиковъ утверждалъ недавно, что *старое Самодержавіе довело Россію до Севастополя и Портъ-Артура, до Берлинскаго и Портсмутскаго договора, до голоднаго вымиранія и государственнаго краха*". Но это не вѣрно, неужели г. Меньшикову неизвѣстно, что Севастополь и Портъ-Артуръ и Портсмутскій мирный договоръ результаты *новаго*, а вовсе не стараго русскаго самодержавія, когда интересы русскаго народа считались важнѣе, чѣмъ одобренія англійской печати и французско-еврейскихъ банкировъ.

Если сопоставить то, что сказалъ я и что сказалъ г. Меньшиковъ то, ясно, кто изъ насъ двухъ „доходитъ до отрицанія *существующаго* самодержавія". Я говорю открыто и Государь благодарилъ меня „за правдивую и смѣлую рѣчь", когда я упомянулъ о томъ, что благодаря только твердости и силѣ незабвеннаго Императора Александра Третьяго замолкла смута на Руси и весь міръ склонился предъ мощью Русскаго государства. А вотъ, господинъ Меньшиковъ говоритъ иносказательно, когда говоритъ, что *старое Самодержавіе довело Россію до Портсмутскаго договора, до голоднаго вымиранія и государственнаго краха*...

Нѣтъ, до краха, слава Богу, всетаки, еще далеко. Я вижу чудовищный заговоръ, въ которомъ участвуютъ многіе сановники, но краха я не вижу и его не будетъ, если на мѣсто измѣнниковъ будутъ поставлены честные люди.

Сказать, что виновникомъ постыднаго Портсмутскаго договора является „старое русское самодержавіе" это все равно, что сказать будто въ сдачѣ Меца и въ Седанскомъ погромѣ виноватъ не Базенъ и Наполеонъ III, а Великій Наполеонъ Первый.

Такихъ передержекъ нельзя дѣлать безъ опасенія, потерять свою честь и совѣсть. Впрочемъ, у меня имѣется номеръ Новаго Времени въ которомъ помѣщена статья г. Меньшикова, прославляющая творца Портсмутскаго мирнаго договора графа Витте, вскорѣ послѣ его возвращенія изъ Америки. Вѣроятно объ этой статьѣ г. Меньшиковъ на время изволилъ забыть, когда всѣ прелести позорнаго Портсмутскаго договора приписалъ „старому самодержавію".

„Русское Знамя" 25 Января 1906 г. № 21.

Чистота русской рѣчи.

Чувство омерзенія и досады охватываетъ русскихъ людей, цѣнящихъ чистоту русской рѣчи при чтеніи современныхъ газетъ. Какая смѣсь нарѣчій, какой нерусскій слогъ, какая пошлая подражательность такъ называемому «научному языку».

Краснорѣчіе, какъ одна изъ осязательныхъ формъ воздѣйствія на человѣческую душу, должно носить всѣ признаки, свойственные идеѣ прекраснаго. Съ развитіемъ знаній, искусство выражать свои мысли должно было бы сдѣлать также значительные успѣхи. Но въ дѣйствительности, оказывается, наоборотъ, самыя свѣтлыя страницы въ исто-

ріи краснорѣчія принадлежатъ не настоящему, а давно прошедшему времени. Выдающіеся историческіе ораторы появляются гораздо рѣже, чѣмъ въ древнемъ мірѣ.

А между тѣмъ повседневная жизнь требуетъ на каждомъ шагу умѣнія говорить публично. Но, хотя многія лица по самому своему общественному положенію должны были бы обладать даромъ слова, и въ судахъ, и въ земскихъ собраніяхъ, и въ городскихъ думахъ, на одного хорошаго оратора приходятся сотни такихъ, которые не умѣютъ положительно сказать связно даже нѣсколькихъ словъ. Стыдно и досадно становится за нашихъ судебныхъ и административныхъ чиновниковъ и даже адвокатовъ, изъ которыхъ одни не обладаютъ плавностью рѣчи, заикаются, ищутъ словъ, не находя ихъ для выраженія своихъ мыслей; другіе страдаютъ многословіемъ и бормочатъ свои рѣчи невнятно, однообразно, наводя тоску и сонливость на слушателей. Такое жалкое состояніе современнаго краснорѣчія зависитъ отъ того, что на искусство хорошо говорить смотрятъ, какъ на исключительно природный даръ, и ничего рѣшительно не предпринимаютъ для усвоенія краснорѣчія учащеюся молодежью.

Но еще болѣе виноваты въ упадкѣ нашей русской рѣчи инородцы наводнившіе Россію своими представителями. Всюду въ судахъ и въ общественныхъ собраніяхъ разглагольствуютъ господа съ польскимъ, еврейскимъ и чухонскимъ произношеніемъ. Они не только коверкаютъ окончанія словъ, и ударепіе, но и придумываютъ совершенно несуществующія въ русскомъ словарѣ слова Такъ напримѣръ еврен-юристы изобрѣли слово «бламировать» вмѣсто словъ «хулить и стыдить». Слово «биссировать» вмѣсто «повторить» «кюпировать»— вмѣсто «урѣзать». А въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и «Петербургской Газетѣ» встрѣчаются такіе перлы краснорѣчія, что прямо, хоть святыхъ вонъ выноси. Газета г. Худекова дошла до того, что однажды сообщила, что у графини Х. „*дансантный*“ вечеръ очень удался. Даже талантливые писатели «Новаго Времени» и тѣ не чужды этого страннаго порока замѣнять безъ всякой нужды русскія слова иностранными. Напримѣръ г. Меньшиковъ слово подводная лодка замѣнилъ непонятнымъ русскому народу словомъ «субмаринка». Не проще ли было ввести въ обращеніе слово «подводка»? Ясно и точно и вполнѣ современно. Лодки эти ходятъ подъ водою и къ тому же «*подвели*» русскія морскія силы въ послѣднюю японскую войну. Конечно, отдѣльныя даровитыя личности съумѣютъ сохранить чистоту своей русской рѣчи. Но истинное краснорѣчіе усваивается лишь тѣми, которые, основательно изучивъ родной языкъ и обладая искусствомъ плавной, правильно построенной рѣчи, имѣли возможность слышать образцовыхъ ораторовъ. Въ этомъ отношеніи русская учащаяся молодежь поставлена въ очень неблагопріятныя условія. Наука красиво говорить вовсе не преподается въ нашихъ университетахъ. А чтеніе по запискамъ не способствуетъ развитію среди студентовъ краснорѣчія, тѣмъ болѣе, что многіе профессора даже въ своихъ обработанныхъ для печатя трудахъ выражаются такимъ ужаснымъ языкомъ, отъ котораго нельзя не придти въ отчаяніе. Вмѣсто простыхъ общепонятныхъ русскихъ словъ и выраженій, лекціи ихъ пестрѣютъ отъ набора иностранныхъ словъ, повторяемыхъ иногда безъ всякой нужды

по нѣсколько разъ, и мысль, которую хорошій ораторъ съумѣлъ бы ясно выразить въ немногихъ словахъ, у нихъ растягивается на цѣлыя страницы.

Какое, напримѣръ, смущеніе могутъ вызвать въ слушателяхъ нижеслѣдующіе перлы краснорѣчія г. Карѣева:—«что существуетъ и чего не существуетъ, что въ существовавшемъ, существующемъ и имѣющемъ существовать возможно или невозможно, должно быть или быть не должно, что можетъ стать предметомъ точнаго знанія и чему приходится оставаться предметами предположеній, гаданій, чаяній и вѣрованій, что подлежитъ доказыванію и опроверженію и что, наоборотъ, не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто».

Даже туманный слогъ Гегеля, надъ которымъ такъ ѣдко издѣвался Шопенгауеръ, проще и яснѣе этого слога, которымъ профессоръ Карѣевъ написалъ свои «письма къ учащейся молодежи». И не взирая на этотъ недостатокъ, письма его разошлись въ количествѣ семи изданій. Бѣдная учащаяся молодежь. Какъ сильна въ ней потребность къ живому слову, если даже отчаянный слогъ не отвращаетъ ея отъ сочиненій иныхъ профессоровъ, не понимающихъ, что пора наконецъ начать писать научныя сочиненія на такомъ же чистомъ русскомъ языкѣ, какимъ пользовались для своихъ безсмертныхъ твореній Пушкинъ, Тургеневъ, Гончаровъ, и другіе выдающіеся русскіе писатели. Искусство владѣть роднымъ языкомъ не только на письмѣ, но и въ рѣчахъ должно непремѣнно войти въ программу преподаванія нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Нельзя забывать, что самые выдающіеся ораторы не родились краснорѣчивыми, а сдѣлались таковыми только послѣ упорнаго труда надъ выработкою своей рѣчи и пріемовъ говорить публично.

Если бы мы не были такъ снисходительны къ инородцамъ, коверкающимъ нашъ языкъ и не заимствовали бы выраженія у нихъ, а сами насмѣшками и увѣщаніями заставили бы ихъ постараться правильнѣе говорить по русски —то вѣроятно намъ не пришлось бы такъ часто присутствовать при томъ какъ позорно и гадко коверкается русскій языкъ въ печати, въ судахъ, и другихъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ вплоть до Комиссіи прошеній и Государственнаго Совѣта.

Если бы въ университетахъ, на юридическихъ факультетахъ существовали обязательныя практическія упражненія въ произнесеніи рѣчей и происходили бы примѣрныя судебныя пренія съ распредѣленіемъ между студентами ролей прокуроровъ, защитниковъ и предсѣдателей, то навѣрное въ нашихъ судахъ приходилось бы чаще встрѣчать такихъ юристовъ, которые обладаютъ умѣніемъ красиво и ясно выражать свои мысли.

„Русское Знамя“ 28 Января 1906 г. № 24.

Торгово-промышленный Союзъ.

Торговля и промышленность! О чемъ же заботиться купцамъ, какъ не о торговлѣ и промышленности. Какъ же купцамъ не пойти въ тѣ

собранія, на которыхъ обсуждаются вопросы наиболѣе близкіе купечеству. И вотъ повалили наши купцы, какъ бараны, въ союзъ торговли и промышленности, не соображая, куда приведетъ ихъ этотъ союзъ и кто руководитъ имъ. А если бы наши русскіе коммерсанты не утратили бы природнаго русскаго смысла, подражая иноземцамъ, то поняли бы, что негоже имъ вступать въ такой союзъ, въ которомъ заправилы и запѣвалы иностранцы. Пользы для русской торговли и промышленности отъ этого союза ожидать нечего.

Вѣдь подъ видомъ торговыхъ и промышленныхъ цѣлей союзъ этотъ преслѣдуетъ политическія цѣли, идущія въ разрѣзъ съ потребностями русскаго народа. Желаніе навязать Россіи парламентское устройство, свидѣтельствуетъ, что вожаки промышленнаго союза мечтаютъ занять депутатскія мѣста, но вовсе не доказываетъ, что ихъ сердцу дѣйствительно близки интересы русской торговли... Но наши коммерсанты, исковеркавъ на иноземный ладъ свои русскія лица, не понимаютъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего презрѣннѣе человѣка непомнящаго родства. Вѣдь нѣмецъ всюду остается нѣмцемъ, французъ — французомъ, англичанинъ — англичаниномъ и даже всѣми якобы гонимые евреи и тѣ не стыдятся своей народности. А наши русскіе коммерсанты и промышленники напяливъ англійское платье, стараются подальше отшатнуться отъ русскаго народа и поближе примкнуть къ инородцамъ.

Равнодушіе къ родинѣ русскихъ космополитовъ имѣетъ исключительно отрицательный характеръ; они не хотятъ понять, что желательно, чтобы русскій человѣкъ оставался всюду прежде всего русскимъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Ригѣ, Гельсингфорсѣ, Варшавѣ и Тифлисѣ, но зато они вполнѣ понимаютъ, что можно всегда и всюду въ Россіи оставаться финляндцемъ, нѣмцемъ и евреемъ... Такимъ образомъ, нашъ космополитизмъ есть ни что иное, какъ умаленіе всего русскаго. Наши «международные передовики» готовы подобно индійскимъ факирамъ или издѣваться надъ самими собою или поощрять все то, что враждебно русскому народу и государству. Разсказывали будто извѣстный русскій клоунъ Дуровъ выдрессировалъ одну собачку, такъ что она бѣжитъ навстрѣчу къ тѣмъ куклам, которыя изображаютъ изъ себя нѣмца, еврея, армянина и чухонца, а когда Дуровъ подводитъ ее къ куклѣ, одѣтой въ русское платье, собаченка отворачивается и начинаетъ злобно лаять. Эта собачка, названная имъ по имени одной изъ столичныхъ газетъ, какъ нельзя болѣе мѣтко характеризуетъ нашихъ космополитовъ купцовъ...

Отворачиваясь отъ всего русскаго, они готовы брататься съ кѣмъ угодно, даже съ чухонцемъ и евреемъ, но больше всего на свѣтѣ боятся, что-бы ихъ не упрекнулъ кто-нибудь въ приверженности къ русской національности. Точно любить Россію стыдно?

Нѣтъ эти «коммерсанты» хоть и богаты и хоть зачастую ихъ и возводятъ даже въ коммерціи и мануфактуръ совѣтники, но все же они только жалкіе выродки, отъ которыхъ съ презрѣніемъ отворачиваются всѣ честные люди...

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ народный поэтъ Некрасовъ бичевалъ Большую Морскую улицу.

«Гдѣ съ полугосударства доходы
Поглощаетъ заморскій товаръ.
Говорятъ въ этой улицѣ милой
Все, что модная выдумалъ свѣтъ,
Совмѣстилось волшебною силой,
Ничего только русскаго нѣтъ!
На французскій, на англійскій ладъ,
Исковеркавъ нерусскія лица,
Тамъ гуляютъ они пустоты вѣковой
И наслѣдственной праздности дѣти».

А что сталось съ Морскою улицею и съ русской торговлею за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ: она почти вся находится въ рукахъ нерусскихъ. Посмотрите на эти вывѣски, на эти красныя рыжія самодовольныя лица съ сигарами во рту, на эти бѣлые воротнички вышиною въ четверть аршина, на эти гортанные звуки съ чухонскимъ акцентомъ и вы поймете, что «въ этой улицѣ моды» царитъ чухонецъ, нажившійся въ Петербургѣ и поставившій своею задачею стремиться къ тому, чтобы его всѣ считали настоящимъ нѣмцемъ.

Если бы коверкать свой языкъ, лицо и нравы на нѣмецкій образецъ было бы столь же опасно и невыгодно, какъ отстаивать русскую утварь, русскія одежды и русскій языкъ, то легіоны нашихъ космополитовъ давно уже значительно порѣдѣли бы, потому, что, большая часть космополитовъ очень жадна къ наградамъ и очень чувствительна къ насмѣшкамъ. А до сихъ поръ, кто только не смѣялся надъ русскими? А русскіе молчали! Но вотъ пришла и наша пора и скоро засмѣемся мы русскіе...

Послѣднія сорокъ лѣтъ на всѣхъ окраинахъ обширнаго русскаго государства упорно подготовлялось всѣми дозволенными и недозволенными средствами искусственное нерасположеніе къ Россіи. А въ центрѣ находились люди, не хотѣвшіе замѣчать, какъ небольшая горсть чужеземцевъ, внушая учащейся молодежи свои личные вкусы, старалась отдалить новыя поколѣнія сердцемъ и умомъ отъ всего русскаго. Печальные результаты такой политики теперь налицо. На окраинахъ въ особенности въ Финляндіи, и въ нашей баронской Германіи привилось возмутительное нерасположеніе ко всему русскому. Дошло до того, что даже добродушнымъ малороссамъ, такъ искренно полюбившимъ при Екатеринѣ Великой свое русское отечество, и тѣмъ теперь начали внушать мечты о какой-то особой Малой Украйнѣ! Смѣшно какъ будто, но въ тоже время, право, грустно. А россійскіе космополиты горюютъ, что у насъ еще недостаточно развилось мѣстныхъ патріотовъ, въ родѣ нѣмцевъ и финновъ и хотѣли бы, чтобы не только армяне, но даже киргизы и эскимосы прониклись національно-киргизскими интересами.

Жалки недоумки, не понимающіе, что стыдно должно быть не тому, кто открыто признаетъ себя сыномъ русскаго народа, а тому, кто открещивается отъ родства съ русскимъ мужикомъ! Образованные люди, изучившіе исторію, должны знать, что государство можетъ процвѣтать только тогда, когда среди составляющихъ его народностей нѣтъ стремленія къ обособленію отъ центра. Римъ былъ силенъ именно тѣмъ, что всѣ присоединяемые къ нему народы постепенно проникались идеею римскаго единства и считали за честь и счастье

стать полноправными гражданами римской имперіи. А Австро-Венгрія разлагается и падаетъ потому, что германская національность безсильна объединить всѣ славянскія народности, изъ которыхъ состоитъ пестрая имперія Франца Іосифа. Если бы Россія продолжала идти по тому же пути, то вскорѣ стала бы похожа на Австро-Венгерскую имперію. Но къ счастью, русское правосознаніе проснулось. Все сильнѣе и настоятельнѣе раздаются голоса, что Россія должна быть русскою славянскою державою, что пора стряхнуть съ себя иноземное навожденіе и создать для юношества возможность воспитываться въ національномъ духѣ.

Русское Знамя 7 Февраля 1906 г. № 32.

Вопросъ?

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество выработало свои первыя понятія о справедливости, оно считаетъ себя въ правѣ карать за злодѣянія. Особенно «убійство» возмущало всегда людскую совѣсть. Но съ тѣхъ поръ какъ въ Россіи началась теперяшняя масонская революція, всѣ понятія о правдѣ и совѣсти перепутались.

Тѣ самые люди, которые постановляютъ резолюціи, «что разстрѣлы, примѣняемые *«военнымъ судомъ»*, представляютъ собою не „наказаніе виновныхъ, а преступленіе со стороны органовъ правительства», эти самые люди молчатъ, когда ежедневно изверги бросаютъ бомбы въ мирныхъ жителей. Что же это за двойная нравственность! Возмущаются смертными приговорами правительственнаго военнаго суда; а смертными приговорами тайныхъ революціонныхъ главарей нисколько не возмущаются.

Иные вожди освободительнаго движенія не гнушаются даже доносами. Но всѣхъ ихъ превзошелъ Владиміръ Короленко. Этотъ господинъ употребилъ свое перо на то, чтобы причинить смерть Филонову. Хорошо сознавая, что въ наше время всякое слово печати, можетъ подвести оклеветаннаго подъ пули изувѣровъ, господинъ Короленко позволилъ себѣ напечатать къ Филонову въ газетѣ такое письмо, въ которомъ натравилъ революціонеровъ на Филонова. Нашлись фанатики; имъ было безразлично правду-ли писалъ Короленко, или нагло лгалъ и клеветалъ на Филонова; они не стали доискиваться истины и провѣрять свѣдѣнія, сообщенныя Владиміромъ Короленко, а прямо пошли и убили Филонова! Что же, вы враги смертной казни, господа Петербургскіе присяжные повѣренные, что-же вы молчите по поводу злодѣянія, совершеннаго именитымъ либеральнымъ писателемъ Владиміромъ Короленко? Или вы не понимаете, что убійца не только тотъ, кто самъ вонзилъ человѣку въ сердце ножъ, но и сугубо тотъ, кто подговорилъ вонзить этотъ ножъ? Чтобы вы сказали если-бы въ

Союзѣ Русскаго Народа, кто нибудь сталъ-бы писать такія-же статьи противъ васъ, какія Короленко писалъ противъ Филонова? Какъ-бы вы заметались во всѣ стороны, какой-бы шумъ вы подняли, если бы узнали, что противъ васъ кто нибудь подстрекаетъ русскій черный народъ!

Мы поборники, сильной государственной власти и законной кары, внушаемъ народу, что месть и подпольное убійство недостойное оружіе для честныхъ бойцовъ за правое дѣло! А вы, вы называете себя вождями освободительнаго движенія и врагами смертной казни, но въ то же время восторгаетесь такимъ человѣкомъ, какъ Владиміръ Короленко, который свое писательское перо обагрилъ кровью невиннаго человѣка, павшаго жертвою его злобнаго клеветническаго писанія... Что же вы, передовые люди, молчите по поводу тѣхъ бомбъ, которыя брошены 27 января въ мирныхъ рабочихъ, сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ? Что же вы не возмущаетесь по поводу убійства старшины Смоленскихъ хоругвеносцевъ купца Котова, на котораго напала шайка убійцъ въ маскахъ? Или быть можетъ это не преступный разстрѣлъ, а правосудіе, когда замаскированные убійцы врываются въ лавку безоружаннаго купца и выпускаютъ въ него шесть пуль, а сами убѣгаютъ? Что же вы въ своихъ резолюціяхъ не упоминаете объ этихъ посягательствахъ на неприкосновенность жилища? Отчего вы молчали, когда вся Россія была поражена негодованіемъ при извѣстіи, что революціонеры посягаютъ на жизнь даже безоружепныхъ слугъ, Божьихъ алтарей? Когда въ Алупкѣ революціонеры проникли въ чужую квартиру и убили священника о. Владиміра Троепольскаго за его русскія убѣжденія и за его проповѣди, вы этимъ не возмущались! Въ тамбовскаго присяжнаго повѣреннаго выстрѣлила шальная гимназистка. За что? за то, что Луженовскій приверженецъ самодержавія.

А люди негодующіе на смертные приговоры, постановляемые военными судами, ничего не говорятъ противъ смертныхъ приговоровъ, приводимыхъ въ исполненіе гимназистками по наущенію революціонныхъ заправилъ. Вы постановили возложить на особо избранную изъ вашей среды комиссію, «обязанность собирать матеріалы о практикуе«мыхъ нынѣ органами правительства убійствахъ «и истязаніяхъ съ тѣмъ, чтобы эти «матеріалы впослѣдствіе были представлены « на судъ свободно выбранныхъ народныхъ представителей». Запишите же въ свои матеріалы и о тѣхъ страданіяхъ и истязаніяхъ, которыя причиняются мирнымъ гражданамъ разрывомъ бомбъ, метаемыхъ революціонерами! Если бы вы видѣли эти изуродованныя, окровавленныя тѣла русскихъ рабочихъ съ оторванными руками, ногами, съ кусками вытекшаго мозга! Если бы вы видѣли эти широкораскрытые обожженные глаза и окровавленныя уста съ нѣмымъ укоромъ неужели и тогда вы продолжали-бы замалчивать эти злодѣянія?

Сознайтесь, что васъ возмущаютъ не столько человѣческія страданія и пролитіе крови, какъ то, что государственная власть казнитъ смертью политическихъ убійцъ! Гдѣ же ваша правда? Гдѣ же ваша любовь къ человѣчеству?

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 18 Февраля 1906 г. № 42.

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Чѣмъ безумно-смѣлѣе становятся лѣвыя партіи, тѣмъ уступчивѣе становятся наши сановники-конституціоналисты. День созыва Государственной Думы выбранъ по указанію крайней лѣвой. Радикалы и революціонеры не только дѣлаютъ внушенія и отдаютъ приказанія теперешнему правительству, но даже какъ бы издѣваются надъ мирнымъ населеніемъ, всячески, подчеркивая, что во главѣ теперешняго правительства находятся ихъ сторонники. Московская радикальная газета «Новости Дня» указываетъ на то, что газета «Наша Жизнь» «отмѣчаетъ любопытное совпаденіе: на 27 апрѣля назначенъ созывъ Государственной Думы; на это самое число во Франціи было назначено первое собраніе генеральныхъ штатовъ». Что это, случайное совпаденіе или умышленная подтасовка чиселъ, чтобы въ молодыхъ горячихъ поклонникахъ революціи вселить увѣренность въ роковомъ сходствѣ теперешняго «освободительнаго движенія» съ французскою революціею? До какихъ предѣловъ будутъ допускать это роковое сходство? Неужели до конца? А вотъ еще образчикъ газетнаго глумленія надъ мирнымъ русскимъ населеніемъ. Въ той же газетѣ «Новости Дня» пятнадцатаго февраля помѣщено сообщеніе по телефону изъ Петербурга слѣдующаго содержанія:—«Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ кн. Урусовъ совершенно устранилъ себя отъ «внутреннихъ» дѣлъ и положительно не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ министерства. *Слухи о томъ, что онъ уходитъ въ отставку, не вѣрны, а просто кн. Урусовъ находится въ выжидательномъ „состояніи“ и не теряетъ еще надежды* получить портфель министра внутреннихъ дѣлъ!»

Посмотрите какая пошлость слога и мысли! Вѣдь всѣ знаютъ, что князь Урусовъ принадлежитъ къ плеядѣ робкихъ непротивленцевъ злу, и вотъ, чтобы ободрить революцію, пускаются въ ходъ «сообщенія по телефону» о томъ, что «князь Урусовъ находится въ выжидательномъ состояніи и *не теряетъ еще* надежды получить портфель министра внутреннихъ дѣлъ». Хороша надежда: при живомъ наслѣдодателѣ разсчитывать на наслѣдство! Товарищъ министра, выжидающій исчезновенія своего министра, чтобы занять его мѣсто! Исторія оцѣнитъ эту картину нравовъ современнаго «освободительнаго движенія». Сотрудникъ-телефонистъ радикальной газеты знаетъ, о чемъ думаетъ и на что надѣется товарищъ министра князь Урусовъ! Вѣдь это безподобная по своей откровенности наглость! Неужели и послѣ этихъ «сообщеній по телефону» графъ Витте и князь Урусовъ ограничатся попрежнему только заявленіемъ, что это сообщеніе «Новостей Дня» не соотвѣтствуетъ дѣйствительности? А слухи о всеобщей политической амнистіи, усиленно распространяемые въ послѣдніе дни въ провинціальныхъ газетахъ, сообщающихъ, что въ *правительственныхъ сферахъ сочувствуютъ всеобщей амнистіи*, развѣ это тоже не знаменательное явленіе? Развѣ это не доказываетъ, что *подкупъ* въ высшихъ сферахъ дѣлаетъ свое губительное дѣло? У насъ негодуютъ на евреевъ. Но вѣдь

евреи знаютъ, на что они идутъ, отстаивая интересы своего еврейскаго народа; а вотъ многіе наши сановники не сознаютъ, что для русскаго сановника благо родины должно быть выше, чѣмъ личная выгода. Когда-то «либералъ» было лестное названіе, но русскіе либеральные сановники опошлили его.

Заботясь только о своемъ личномъ благополучіи, они ради своей личной выгоды и своей собственной безопасности на каждомъ шагу приносятъ въ жертву родину и играютъ головами тѣхъ людей, которые въ угоду модными вѣяніямъ не умѣютъ и не хотятъ отказываться отъ своихъ убѣжденій. А когда надъ головами самихъ либеральныхъ сановниковъ стрясется бѣда, они первые устремятся за помощью и охраною къ войскамъ и полиціи.

Но какъ бы тогда не было уже слишкомъ поздно! Развратить народъ и войско гораздо легче, чѣмъ потомъ развращенному народу внушать, что собственность и личность *высокопоставленныхъ* «либераловъ» должны быть неприкосновенны.

«Русское Знамя» 28 Февраля 1906 г. № 52.

Опять обманъ, опять насиліе надъ совѣстью народа. Высокопоставленные чиновники-конституціоналисты опять исказили слова Государя, умышленно вычеркнувъ изъ словъ, сказанныхъ Имъ Иваново-Вознесенской депутаціи то великое, рѣшающее слово, отъ котораго для милліоновъ русскихъ людей зависитъ быть или не быть! Государь сказалъ, что Онъ, какъ встарь будетъ Самодержавнымъ и «Неограниченнымъ». Но газета «Русское Государство», издаваемая на казенныя деньги напечатала подъ давленіемъ властныхъ чиновниковъ слова Государя Императора съ пропускомъ слова «Неограниченный». Съ невыразимымъ недоумѣніемъ, съ бѣшеной злобой, съ ясно сознанной опасностью, угрожающею отъ лица лицемѣрныхъ заговорщиковъ дорогой моей родинѣ, я готовъ былъ призвать громы небесные на головы людей дерзающихъ обманывать весь свѣтъ, искажая и утаивая отъ народа слова Государя.

Но черезъ два дня появился Манифестъ 20 февраля подписанный Императоромъ Николаемъ Вторымъ. Этотъ манифестъ подалъ поводъ газетѣ «Русь» воскликнуть: «свершилось!» Отнынѣ нѣтъ больше неограниченнаго Самодержавія. Прочитавъ манифестъ я понялъ, почему 18 февраля сановитые лакеи временщика графа Витте не позволили объявить, что Государь сказалъ, что Онъ какъ въ старь будетъ самодержавнымъ „*и неограниченнымъ*“. О, теперь понятно, почему слово неограниченный было выпущено! Какъ-же сообщать народу, что Царь хочетъ оставаться неограниченнымъ, когда уже въ то время былъ *за-*

готовленъ манифестъ ограничивающій Царя подчиняя его волю случайному большинству Государственной Думы. Безымённой цифрѣ и слѣпой случайности ввѣрены отнынѣ судьбы Россіи. Самое даже названіе Русскаго Государства опошлено изданіемъ на казенныя народныя деньги оффиціальной газеты «Русское Государство», руководимой и вдохновляемой инородцами...

Дальше идти по этому пути уже кажется нельзя. Чаша горькихъ обидъ переполнилась. Виланіе, обманы и оплеухи всему русскому сыплятся со всѣхъ сторонъ. И все это дѣлается точно невзначай, точно по недосмотру, по ошибкѣ...

За нерадѣніе, за случайный недосмотръ прежде чиновники лишались своихъ мѣстъ. Въ Царствованіе Императора Александра Третьяго молодой чиновникъ «кодификаціоннаго» отдѣла блестяще шедшій по службѣ сломалъ всю свою карьеру благодаря тому, что пропустилъ какую-то незначительную ошибку при напечатаніи сборника законовъ. А теперь къ подписи Государя осмѣливаются подносить манифесты *съ роковыми опечатками.* Вотъ уже десять лѣтъ какъ злой рокъ, видимо тяготѣетъ надъ Россіею. Но этотъ рокъ не Божественнаго происхожденія. Въ немъ нѣтъ ничего сверхъ естественнаго. Напротивъ того: только человѣческая слабость и нерѣшительность съ одной стороны и увѣренность въ безнаказанности крайней дерзости съ другой стороны создаютъ благопріятную почву для этого злого рока. Не будь увѣренности въ томъ, что все сойдетъ, все простятъ — развѣ рѣшился бы какой нибудь министръ проглядѣть, что вмѣсто слова «обсужденія» напечатано *„осуждсніе"*?! или что вмѣсто Верховная Самодержавная Власть напечатано просто Верховная Власть. Есть-ли названіе для такой опечатки? Развѣ могла-бы подобная непростительная опечатка, близкая къ наглому издѣвательству приключиться въ Царствованіе незабвеннаго Императора Александра Третьяго? Высоко и непоколебимо держалъ знамя русской народности Богатырь-Самодержецъ, за то и боялись и уважали Россію всѣ на свѣтѣ. Но когда русскій языкъ изгоняютъ изъ оффиціальнаго обращенія въ Финляндіи и Балтійскихъ провинціяхъ, когда въ Екатеринославѣ на глазахъ недоумѣвающихъ и глубоко оскорбленныхъ офицеровъ, допускаютъ на вокзалѣ торжественные проводы съ цвѣтами человѣка, собиравшаго деньги «на временное правительство», когда въ числѣ генералъ-адъютантовъ числится князь Оболенскій, про котораго чуть-ли не на улицахъ кричатъ что онъ за два милліона финскихъ марокъ продалъ Россію, когда въ Финляндіи «бабоподобный Герардъ изгоняетъ русскую форму, русскій языкъ и русскихъ людей, а на ихъ мѣсто сажаетъ сторонниковъ злѣйшаго врага Россіи Михелина; когда по религіознымъ будто-бы соображеніямъ, находя возможнымъ отмѣнить смертную казнь надъ убійцами-анархистами, тѣмъ самымъ увеличиваютъ количество подпольныхъ смертныхъ приговоровъ надъ мирными гражданами, когда русскихъ людей за любовь къ родинѣ и за преданность Самодержавному Царю поносятъ и ругаютъ хулиганами, когда казнокрадамъ за ихъ льстивыя либеральныя рѣчи даютъ возможность въ концѣ разорять Россію, а во главѣ правительства терпятъ сгавленника масоновъ графа Витте, когда поляки Цѣховецкіе губернаторствуютъ и оскорбляютъ русскіе идеалы, что же удивительнаго, что при такихъ порядкахъ несчастія и не-

удачи сыпятся, какъ изъ ведра. Наглость и издѣвательство надъ здравымъ смысломъ и терпѣніемъ русскаго народа превосходятъ всякое вѣроятіе. Русскихъ людей сажаютъ въ тюрьмы за то, что они силою хотѣли помѣшать революціонерамъ рвать и топтать Царскіе портреты, въ то время, когда власти бездѣйствовали. Русскихъ сановниковъ, вѣрныхъ Царю и Родинѣ, стрѣляютъ, какъ перепелокъ, почти безнаказанно, а измѣнника предателя лейтенанта Шмидта превозносятъ чуть ли не какъ поборника народныхъ правъ. Газета «Русь» безнаказанно печатаетъ анонимныя письма, въ которыхъ требуется помилованіе Шмидта и его сообщниковъ, а самъ Шмидтъ, загубившій столько человѣческихъ жизней называется «лучшимъ сыномъ отечества». Недостаетъ только еще предложенія, чтобы лейтенанта Шмидта пожаловали въ флигель-адъютанты! Впрочемъ и до этой дерзости, вѣроятно, не далеко! Измѣна быстро ползетъ по пути, начертанному рукою «освободителей отъ всѣхъ нравственныхъ обязанностей». Но все-таки Россія не погибнетъ. Народъ проснулся. Народъ сдѣлаетъ свое дѣло: онъ сотретъ своей стихійной силой предателей. Единая, Самодержавная, недѣлимая Россія будетъ возстановлена, въ это я вѣрю, какъ вѣрю въ всемогущаго Бога и въ загробную жизнь. Россія будетъ славна и счастлива, хотя тѣ, кто ея губили едва ли доживутъ до торжества Русскаго Самодержавія.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 28 Марта 1906 г. № 71.

Къ убійству Тверскаго Губернатора П. А. Слѣпцова.

Во всѣхъ газетахъ напечатано сообщеніе по телефону объ ужасномъ злодѣяніи, совершенномъ въ Твери.

«Подъ губернаторскій экипажъ была брошена бомба. Раздался оглушительный взрывъ. Когда разсѣялся дымъ, глазамъ прибѣжавшихъ представилась ужасная картина: въ разныхъ мѣстахъ на довольно большомъ пространствѣ валялись ноги, внутренности, части тѣла и клочья платья убитаго взрывомъ Слѣпцова; слышались стоны сильно раненаго губернаторскаго кучера и лицъ, случайно проходившихъ здѣсь въ моментъ взрыва; экипажъ былъ разбитъ въ дребезги. Раненыя лошади убѣжали. Сила взрыва, подобнаго пушечному выстрѣлу, была такъ велика, что гулъ былъ слышенъ въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города, а отъ сотрясенія воздуха въ ближайшихъ къ мѣсту катастрофы зданіяхъ не осталось въ окнахъ ни одного цѣлаго стекла. Фасадъ дворянскаго дома, занимаемаго губернскимъ предводителемъ дворянства, обезображенъ прилипшими къ нему кусками мяса и сгустками крови».

Многіе изъ прохожихъ ранены. Убійца задержанъ: онъ назвалъ себя саратовскимъ мѣщаниномъ. Наружность его некрасива и не-

пріятна. Лицо его носитъ отпечатокъ тупоумія. Очевидно этотъ убійца только жалкое орудіе—презрѣнный палачъ въ рукахъ тѣхъ тайныхъ убійцъ, которые руководятъ и направляютъ политическія убійства. Но кто же, кто же эти тайные заправилы? Неужели смерть Слѣпцова останется не отомщенною?

Кому нужно было это злодѣйское преступленіе? П. А. Слѣпцовъ въ своей частной жизни былъ мягкій и добрый человѣкъ. Отзывчивый къ чужому страданію онъ вездѣ, гдѣ могъ помогалъ бѣднымъ и страждущимъ людямъ. Но онъ не выносилъ революціоннаго задора тверскихъ земцевъ, которые ничѣмъ не могли его запугать. У него были поэтому личные враги среди вліятельныхъ дѣятелей, какъ Милюковъ, Петрункевичъ, Бакунинъ, Пановъ, Гессенъ, Де-Роберти... Но покойный не шелъ ни на какія сдѣлки съ совѣстью и не искалъ поддержки у тѣхъ людей, которые, хотя кричатъ о свободѣ и объ отмѣнѣ смертной казни, но въ тоже время не находятъ возможнымъ суровымъ порицаніемъ прекратить подпольную политику «внѣ закона» съ ея гнусными убійствами, повальными грабежами, бомбами, подкупами и сплошною ложью въ освободительныхъ газетахъ...

Вѣдь пора стать искренними. Насиліе всегда остается насиліемъ съ чьей-бы стороны оно не проявлялось. А между тѣмъ «освободители» и ихъ лакеи возмущаются только насиліями полицейскими, а всякое самое вопіющее насиліе, исходящее изъ своего революціоннаго лагеря оправдываютъ и даже восхваляютъ. У нашихъ освободителей двѣ нравственности, двѣ мѣрки! Одна для себя, другая для всѣхъ, кто еще вѣритъ въ Царскую власть. Но что же молчитъ эта власть? Или Государю неизвѣстно, что родину нашу терзаютъ, что вѣрныхъ слугъ ея рвутъ на части бомбами, что русскихъ людей всюду оскорбляютъ? Неужели не пора прекратить эту кровавую вакханалію? Вѣдь стоитъ только захотѣть *на верху*, стоитъ только твердо рѣшить *пресѣчь* революцію не путемъ борьбы съ отдѣльными жалкими убійцами, а съ главными ея руководителями—и кровь перестанетъ литься.

Неужели ради спасенія Россіи, ради спасенія Русскаго Народа и Царскаго Престола нельзя рѣшиться на то, чтобы арестовать нѣсколькихъ сановниковъ и дѣятелей, про которыхъ всѣ знаютъ, что они руководятъ революціею?

Ради спасенія Царя, ради спасенія единства и независимости Россіи нельзя молчать, когда сановные революціонеры подкапываются подъ тронъ, направливаютъ убійцъ на царскихъ слугъ и готовятъ Царю участь Людовика XVI.

Я никогда не былъ человѣконенавистникомъ, я никогда не признавалъ права отнимать жизнь у людей за ихъ убѣжденія, какъ бы странны и нелѣпы они не были. Въ великой жизненной битвѣ величайшее священнѣйшее право человѣка это право умереть, чтобы не сдѣлаться убійцею. Я написалъ книгу о *самоубійствѣ*, гдѣ собраны мысли и факты за тысячи лѣтъ.

Если бы эта книга была снабжена освободительной рекламой, она разошлась бы въ десяткахъ-тысячахъ экземплярахъ, но такъ какъ я никогда никому не льстилъ и никогда у толпы молодежи не заискивалъ, а смѣло говорилъ правду въ глаза, то и эту мою книгу замолчали, хотя въ свое время она была запрещена духовною цензурой и

была даже предназначена къ сожженію, отъ котораго ея спасъ Побѣдоносцевъ, тотъ самый Побѣдоносцевъ, котораго тупицы осуждаютъ, не прочитавъ ни одной строчки изъ его сочиненій.

Но пройдетъ это жалкое племя и мысли Побѣдоносцева сдѣлаются достояніемъ человѣческой культуры. Его будутъ читать, о немъ будутъ писать тогда, когда о Милюковыхъ, Карѣевыхъ забудутъ даже, что они когда-то существовали.

Сила мысли и сила дарованія иногда торжествуютъ свою побѣду только за гробомъ. Такъ Шопенгауеръ при жизни не былъ оцѣненъ. Его не признавали, его замалчивали, но когда всѣ его личные враги и онъ самъ сошли въ могилу весь свѣтъ призналъ его геній.

То же самое повторится и въ Россіи; пока не прекратится разнузданная бѣшеная пляска бездарныхъ, больныхъ, полупомѣшанныхъ недоучекъ, пока въ Россіи будетъ царить трусливая растерянность и рабское заискиваніе у общественнаго мнѣнія, сбитаго съ толку революціонерами—до тѣхъ поръ никакое свѣтлое разумное движеніе впередъ не будетъ имѣть надежды на успѣхъ. Теперь вѣдь торжествуетъ и душитъ все и всѣхъ преступная инородческая банда, борющаяся съ Россіею не живымъ честнымъ словомъ убѣжденія, а насиліями и разрывными снарядами...

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 31-го Марта 1906 г. № 82.

Жизнь и смерть.

Самоубійства въ Петербургѣ приняли почти эпидемическій характеръ. Почти одновременно прибѣгли къ насильственному расчету съ жизнью двѣ юныя ученицы петербургской консерваторіи: Жозефина Шпаковская, 23 лѣтъ и Марія Юрьева, 25 лѣтъ. Обѣ дочери состоятельныхъ родителей, проживали въ Петербургѣ вдали отъ семьи. Первая выстрѣломъ изъ револьвера въ грудь нанесла себѣ тяжкую рану и близка къ смерти. Причина покушенія ея на самоубійство неизвѣстна. Другая, проживавшая въ д. 15, по Заротной, гдѣ она занимала комнату, повѣсилась. Въ этомъ случаѣ причина, вызвавшая катастрофу, также осталась невыясненной и лишь догадываются, что она кроется въ неудачномъ романѣ.

По Б. Пушкарской ул. 29 марта, въ 4 ч. утра, застрѣлился изъ револьвера городовой петербургской полиціи Николай Денисовъ, 27 лѣтъ. Въ карманѣ платья самоубійцы найдена записка слѣдующаго содержанія: «Милая Груша, черезъ тебя погибаю—терпѣнія не хватаетъ».

Всѣ эти случаи, повидимому, не имѣютъ никакого отношенія къ политикѣ. Но тѣмъ не менѣе учащающіеся случаи самоубійствъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что цѣнность современной человѣческой жизни въ Россіи упала до безконечности. Стоитъ ли жить и мучиться, когда кругомъ обманы, предательства, насилія, грабежи, звѣрскія убійства,

разрывныя бомбы... Что можетъ быть безобразнѣе и отвратительнѣе того общества, которое труситъ бомбометателей и пресмыкается предъ «Шлиссельбургскими кадетами»?...

Вѣдь, если бы люди, стоящіе у кормила власти и многочисленные «газетные труженики» не были совершенно чужды высшей справедливости и великодушія, то не могли бы выказать такую черствость и жестокость, какая проявилась по случаю убійства Тверского губернатора Слѣпцова и не менѣе гнуснаго покушенія на убійство Черниговскаго губернатора Хвостова. Всѣ почти газеты молчатъ объ этихъ убійствахъ, точно воды въ ротъ набрали. Не смѣютъ писать! Не приказано. О, жалкіе трусы! Ваше перо было къ услугамъ защитниковъ лейтенанта Шмидта, который былъ осужденъ судомъ военнымъ—открытымъ судомъ. Защищать Шмидта было безопасно. За это не убьютъ, не посадятъ въ тюрьму. А въ защиту жертвъ революціи у васъ нѣтъ ни одного слова, ни одной строчки. Не смѣете пожалѣть людей, которыхъ предательски разрываютъ заживо на тысячи кусковъ! Вы даже не гнушаетесь тѣмъ, что убійца бросилъ бомбу въ карету губернатора Хвостова, когда въ этой каретѣ рядомъ съ губернаторомъ сидѣла *женщина*—его жена! Вамъ зажали ротъ. У васъ нѣтъ ни единаго звука негодованія противъ людей, которые заочно, безъ суда, приговариваютъ къ смерти женъ, дѣтей и даже несчастныхъ кучеровъ губернаторовъ... Васъ вполнѣ удовлетворяетъ и успокаиваетъ возраженіе радикальныхъ освободителей: «а зачѣмъ же она лѣзетъ въ карету, когда знаетъ, что на ея мужа готовится покушеніе». О, лицемѣры, освобождающіе государство отъ церкви, семью—отъ родителей, человѣчество—отъ всѣхъ велѣній нравственности, душу—отъ тѣла, посредствомъ разрывныхъ снарядовъ! Вы даже самыя святыя понятія вѣрность, дружбу и любовь готовы осмѣять въ угоду освободителямъ! Вы не понимаете даже, какъ высоко надо уважать и чтить жену, которая всюду ѣздитъ съ своимъ мужемъ, зная, что противъ ея мужа идетъ ожесточенная травля и что изъ-за угла, подъ его карету, каждую минуту можетъ быть брошена бомба.

Но это жалкое время, это подлое трусливое рабство предъ динамитчиками пройдетъ и найдутся, наконецъ, люди, которые отмстятъ за поруганную честь Россіи...

«Русское Знамя» 7-го Апрѣля 1906 г. № 86.

Таинственная связь.

Рука тупого фанатика вновь лишила родину одного изъ истинныхъ ея слугъ, а *тверскихъ кадетовъ одного изъ ихъ личныхъ убѣжденныхъ противниковъ.*

Удивительное совпаденіе дѣйствій полуграмотныхъ „грубыхъ" революціонеровъ съ самыми задушевными желаніями убѣленныхъ сѣдинами „полированныхъ" кадетъ. Положительно, надо думать (а А. П. Гучковъ даже это и высказывалъ), что *между кадетами и революціонерами* существуетъ таинственная связь.

ціонерами существуетъ какая-то невидимая духовная связь, что то въ родѣ безпроволочнаго телеграфа!

Такая связь существуетъ, напримѣръ, между многочисленными лавочками подъ вывѣской „покупка и продажа старыхъ вещей“ и взламывателями квартиръ, одни безъ другихъ существовать не могутъ, одни дополняютъ другихъ: одни даютъ законное пристанище, другіе—возможность прибыльно торговать.

Русскій народъ съ негодованіемъ относится къ такимъ злодѣяніямъ, какъ убійство Тверского губернатора Слѣпцова. Надъ бренными останками разорваннаго на куски бомбою П. А. Слѣпцова совершилось множество панихидъ. Народъ издалека стекался поклониться праху губернатора *и заказывалъ на свои трудовые гроши панихиды* объ упокоеніи его души.

Но объ этомъ газеты „освободительнаго направленія“ молчатъ. Еще бы, вѣдь имъ не выгодно признавать, что народъ не на ихъ сторонѣ, а за вѣрныхъ царскихъ слугъ! Всѣ газеты скрываютъ тотъ фактъ, что когда убійца, бросившій бомбу, былъ схваченъ, народъ кричалъ: дайте его, мы разорвемъ его „на части“. Проклятія, угрозы, неистовая брань сыпались на убійцу. Было мгновеніе, когда народъ едва не исполнилъ свое намѣреніе. Но въ это время убійцу спасъ изъ рукъ толпы Архіепископъ Тверской, Преосвященный Алексѣй, воскликнувшій: „Оставьте его, православные, не пачкайте рукъ о злодѣя. Онъ будетъ наказанъ властями земными; онъ получитъ вѣчную кару на небѣ. Онъ будетъ проклятъ. Анафема, анафема, анафема убійцѣ“.

Тысячи голосовъ вторили: проклятъ—анафема.

Это происшествіе „освободительныя“ газеты скрыли отъ своихъ читателей... Очень боятся освободители, чтобы за границей не узнали, что русскій народъ проклинаетъ и ненавидитъ революціонеровъ...

Ломаютъ Россію, грабятъ, убиваютъ, продаютъ Россію оптомъ и въ розницу по кусочкамъ,—а кадеты съ своими профессорами и генералами въ отставкѣ Кузьминъ-Караваевымъ, Набоковымъ, Милюковымъ, Гессеномъ и др. находятъ для этого даже юридическое основаніе.

На ноябрьскомъ съѣздѣ самозванцевъ земскихъ и городскихъ дѣятелей усердно проповѣдовались республиканскія стремленія, а теперь, когда самозванцы, переименовавшись въ партію „Народной свободы“, близки къ тому мгновенію, когда они войдутъ въ Государственную Думу, уже не въ видѣ самозванцевъ, а „избранниковъ“ на которыхъ будто бы пожелала опереться вся Россія—началось коварное, лицемѣрное увѣреніе во всѣхъ газетахъ, что *партія народной свободы отказалась отъ республиканскихъ стремленій.*

Нѣтъ, это не правда! Партія эта, поддерживаемая евреями, неуклонно стремится къ превращенію Россіи въ республику и если теперь „партія народной свободы“ это отрицаетъ, то только для того, чтобы обмануть Государя и его совѣтниковъ. Партія кадетъ понимаетъ, что Императорская Власть еще настолько сильна, что можетъ однимъ почеркомъ пера уничтожить всѣ недостаточно созрѣвшія хитросплетенныя козни конституціонно-демократовъ... Вотъ почему кадеты надѣли маски. А когда правительство дастъ себя обмануть и пойдетъ въ ловушку, то тогда кадеты себя покажутъ.

Только самые недальновидные бюрократы, да господа, подкуплен-

ные инородцами, могутъ не замѣчать, куда мѣтятъ конституціонно-демократическіе дѣятели! Суровую оцѣнку партіи Народной свободы сдѣлалъ на дняхъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей французскаго парламента. „Если бы, сказалъ онъ, въ какомъ либо изъ европейскихъ государствъ общественные дѣятели проявили бы такое предательство къ своей родинѣ, какое проявляютъ „*кадеты*“, подрывающіе финансы Русской казны, то они были бы заклеймены единодушнымъ презрѣніемъ, а если бы это случилось съ некультурными странами, то такіе дѣятели были бы казнены.

Но увы, теперешнее правительство Россіи, повидимому, намѣрено до тѣхъ поръ влачить свою жалкую политику *уступокъ*, и заигрываній съ революціонерами, пока само не будетъ казнено „Шлиссельбургскими кадетами“...

Неужели же русскій народъ допуститъ, чтобы революціонеры овладѣли властью? Неужели русскіе православные люди не встанутъ на защиту Царской власти; неужели дозволятъ врагамъ разорвать родную землю на клочки?

«Русское Знамя» 16-го апрѣля 1906 г.

По поводу письма А. И. Дубровина.

Что это невыносимый бредъ или тяжелая мрачная дѣйствительность? Неужели *безнаказанно* можно даже въ шутку вскользь предлагать «такія радикальныя мѣры» какъ прививка чумы, чтобы мстить *казачеству*, ненавистному радикаламъ, конституціонно-демократамъ и революціонерамъ... Правительство графа Витте возбуждало преслѣдованія противъ лицъ, совѣтовавшихъ «избивать революціонныхъ агитаторовъ»...

Почему же власти молчатъ, когда среди курсистокъ, фельдшеровъ и докторовъ обсуждаются мѣры, какъ разорить и погубить все казачье населеніе? Можно ли найти во всей исторіи человѣчества что либо подобное по своей гнусности и безчеловѣчной жестокости, какъ дьявольскій замыселъ привить *чуму* въ области войска Донскихъ казаковъ? Что скажутъ за границею передовые нѣмцы, англичане и французы, когда узнаютъ, что «освободители» замышляютъ и обсуждаютъ въ своихъ собраніяхъ такіе чудовищные заговоры, какъ прививка чумныхъ бациллъ въ отместку за политическія воззрѣнія казаковъ и за ихъ вѣрность Самодержавному Царю? Даже германскіе соціалисты и тѣ съ омерзеніемъ отвернутся отъ русскихъ революціонеровъ, когда узнаютъ, какая чудовищная злоба, какое сатанинское коварство двигаетъ русскую революцію. Проектъ прививки *чумы* превосходитъ все, что до сихъ поръ было изобрѣтено даже такими извергами-тиранами, какъ Неронъ, какъ Гелеогабалъ, Цезарь Борджіо, ужасная Локуста и Лукреція Борджіо!! Неудивительно, если сыны тихаго Дона громко возмегодуютъ, узнавъ о замыслахъ «медицинскаго персонала». Какой

отвѣтъ можетъ дать казачество людямъ, собирающимся вспрыснуть въ ихъ мирныя станицы ядъ отравы?!

Есть границы, переступать которыя запрещаетъ самымъ крайнимъ людямъ чувство человѣческаго достоинства. Пусть это помнятъ руководители Россійской революціи, какъ бы страстно они не горѣли желаніемъ сокрушить Имперію Романовыхъ. Господь Богъ не допуститъ торжества *изувѣровъ*. Русскій народъ и русское казачество поднимутся *противъ революціи* и чѣмъ бѣшеннѣе будутъ покушенія революціонеровъ, тѣмъ стремительнѣе и стихійнѣе послѣдуетъ въ концѣ концовъ отпоръ *со стороны русскаго народа*.

«Русское Знамя» 20-го апрѣля 1906 г. № 99.

Удивительная непослѣдовательность замѣчается въ мѣрахъ принимаемыхъ судебными властями для предупрежденія и пресѣченія обвиняемымъ возможности уклоненія отъ суда и слѣдствія.

Три «товарища» Брюхановъ, Лукинъ и Колосовъ, занимавшіеся изготовленіемъ «бомбъ» привлечены были къ уголовной отвѣтственности по 128 ст. уложенія о наказ. и впредь до рѣшенія дѣла оставлены на свободѣ... А когда дѣло должно было 17 апрѣля разбираться въ судебной Палатѣ, то ни одинъ изъ обвиняемыхъ не явился и, по слухамъ, сообщеннымъ въ Петербургскомъ листкѣ, всѣ три обвиняемые товарища воспользовались свободою, чтобы скрыться отъ суда. Когда человѣкъ, защищая свою жизнь отъ нападенія превысилъ предѣлы обороны и ранилъ или убилъ нападавшаго, то такого человѣка до суда заключаютъ подъ стражу и держутъ его цѣлыхъ пять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ до разбора дѣла, какъ это было съ околоточнымъ Савиновымъ и присуждаютъ къ арестантскимъ ротамъ, какъ это было съ Ермоловымъ, убившимъ соціалиста Воробьева. А когда люди, принадлежащіе къ революціонной партіи, обвиняются въ выдѣлываніи бомбъ, то съ такими господами въ угоду радикальнымъ газетамъ нянчаются и не рѣшаются до суда заключить ихъ подъ стражу. Во всѣхъ другихъ государствахъ покушенія общеопасными средствами, угрожающими жизни и здоровью многихъ людей наказываются особенно строго. У насъ же, 80 лѣтъ тому назадъ ничтожная горсть революціонеровъ, какъ всегда пустыхъ и близорукихъ, утѣшала себя надеждой, что участь Россіи въ ихъ жалкихъ рукахъ; 80 лѣтъ тому назадъ эти слабоумные фанатики, пренебрегая выводами исторіи и истинными требованіями страны объявили себя спасителями отечества, ни замѣчая сами какъ ничтожны они съ ихъ дѣтской фантазіей въ сравненіи съ тѣмъ грандіознѣйшимъ вопросомъ, который они силились рѣшить. Но прошло 80 лѣтъ, эти маленькіе люди сохранили свои дѣянія лишь въ памяти столь же маленькихъ послѣдователей, которые рѣшили, что пора уничтожить самодержавіе и замѣнить его масонскою конституціею, а для совершенія этого переворота прибѣгнуть къ насиліямъ, грабежамъ... Создать проектъ отнятія чужихъ имуществъ, выпустить изъ тюремъ политическихъ убійцъ, на эти подвиги наши либералы спо-

собны... Но, Боже, какъ немилосердны, какъ сурово строги они тогда, когда кто-нибудь посягаетъ на ихъ собственныя права и преимущества. Теперь, когда убиваютъ только консерваторовъ, сановники, въ родѣ Таганцева ратуютъ за отмѣну смертной казни, но если начнутся убійства въ противоположномъ направленіи—что тогда скажутъ Таганцевы, Толстые, Петрункевичи, Темирязевы, Милюковы, Родичевы, Винаверы, Гессены и компанія? Позволительно усумниться, что теперешніе защитники амнистіи и тогда будутъ ратовать за отмѣну смертной казни! Исковое прошеніе, поданное Тверскою Управою въ Сенатъ противъ Тверского губернатора Слѣпцова можетъ служить поразительнымъ примѣромъ непослѣдовательности, пристрастія и двуличія господъ либеральныхъ вождей освободительнаго движенія. Губернатору Слѣпцову они ставили въ вину то, что «онъ имѣя въ своемъ распоряженіи эскадронъ драгунъ и цѣлый нарядъ полиціи никакихъ приказаній *разогнать* погромщиковъ «не дѣлалъ». А когда въ другихъ мѣстахъ администраторы и полиція приказываютъ войскамъ разгонять мятежныя скопища—радикальная печать поднимаетъ вопль негодованія, утверждая, что въ благоустроенномъ государствѣ войска не должны отправлять полицейскихъ обязанностей. Такимъ образомъ, чтобы заслужить похвалу партіи—кадетской народной свободы губернаторы должны бездѣйствовать въ тѣхъ случаяхъ когда земскіе служащіе вмѣстѣ съ хулиганами оскорбляютъ Царскую Власть и правительственныя высшія учрежденія и непремѣнно *дѣйствовать вплоть до разогнанія толпы военнымъ оружіемъ* въ тѣхъ случаяхъ, когда неслужащіе въ земствѣ вмѣстѣ съ «Патріотами» оскорбляютъ обидчиковъ Царской Власти.

Жалоба Тверской губернской земской управы заключаетъ въ себѣ сплошное издѣвательство надъ людьми, вѣрящими въ необходимость для блага Русскаго Народа сохраненія Самодержавія. Даже надъ простыми сѣрыми людьми, заключенными подъ стражу, либеральный истецъ позволилъ себѣ глумиться, коверкая ихъ вѣрованія, и называя ихъ «патреотами». Боже, какое негодованіе, какія выкрикиванія раздавались на страницахъ «Руси», «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Страны», «Рѣчи» и другихъ радикальныхъ газетъ по поводу потасовки, заданной черносотенцами въ Твери революціонерамъ! Но черносотенцы въ Твери никого до сихъ поръ не убили, а вотъ революціонеры и ихъ союзники убили П. А. Слѣпцова звѣрскимъ, злодѣйскимъ способомъ, разорвавъ его на клочки брошенною бомбою. И ни одного негодующаго возгласа противъ «бомбистовъ»! Гдѣ же, ваша справедливость, господа кадеты! А какъ вы будете кричать, если въ васъ самихъ начнутъ метать бомбы? Вашею несправедливостью и обманами вы непремѣнно доведете русскій народъ до такого озлобленія, что онъ подымется на васъ же! Если въ Россіи начнется междуусобная война, виновными въ кровопролитіяхъ должны быть признаны тѣ, кто оправдываютъ убійства и пріучаютъ народъ къ такимъ страшнымъ зрѣлищамъ, какъ разрываніе на куски живыхъ людей... Не играйте чужими жизнями, не развращайте народъ, а то потомъ будете сами жалѣть, когда нельзя уже будетъ сдержать, вами же поднятую, стихійную силу..

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 26-го апрѣля 1906 г. № 105.

Лицемѣры.

Обаяніе власти велико. Разставаться съ властью, казенными роскошными квартирами, съ громадными окладами, присвоенными министрамъ и начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ очень непріятно. *Но все же честные люди не должны прибѣгать къ лицемѣрнымъ уловкамъ для удержанія министерскихъ мѣстъ.* Консерваторы сами одинъ за другимъ уходили въ отставку, когда во главѣ правительства сталъ *портмутскій герой*, служить подъ руководствомъ котораго они считали для себя обидпымъ.

Совсѣмъ иначе поступаютъ теперь ставленники графа Витте. Они цѣпляются за власть, содрагаясь отъ мысли потерять свои оклады; они придумываютъ всякія уловки, чтобы остаться на своихъ мѣстахъ, хотя честный и прямой Ив. Лонг. Горемыкинъ безъ всякихъ обиняковъ высказываетъ имъ свое недовѣріе...

Посмотрите сколько лицемѣрія въ сообщеніи „Новаго Времени“ о томъ, что князь Алексѣй Дмитріевичъ Оболенскій „дорожа *начатымъ церковнымъ преобразованіемъ не считаетъ себя вправѣ бросить начатую работу*“. Прежде всего церковное преобразованіе *начато* вовсе не Оболенскимъ, а еще до его вступленія въ обязанности оберъ-прокурора. Какъ фальшивая нота рѣжетъ ухо, такъ невыносима для честныхъ людей попытка князя Оболенскаго, отстоять *теперь* ту точку зрѣнія, что должность оберъ-прокурора должна быть выдѣлена изъ общей политики министерства! Почему же раньше, когда во главѣ министерства стоялъ графъ Витте, почему *тогда* А. Д. Оболенскій не проводилъ свой теперешній взглядъ, что оберъ-прокуроръ долженъ быть самостоятеленъ и независимъ отъ предсѣдателя совѣта министровъ?

При графѣ Витте Алексѣй Дмитріевичъ Оболенскій былъ послушной балалайкой, на которой „премьеръ“ разыгрывалъ *свои* мелодіи, но когда премьеръ ушелъ, князь Оболенскій вдругъ почувствовалъ въ себѣ такой приливъ *смѣлости* и самостоятельности, что захотѣлъ остаться и при И. Л. Горемыкинѣ на своемъ министерскомъ посту, не взирая на то, что всѣ другіе „*собственные*“ *министры* графа Витте подали въ отставку.

Интересно знать, какъ поступилъ бы А. Д. Оболенскій, если бы «за начатую имъ работу» ему угрожала бы серьезная опасность? Имѣлъ ли бы князь А. Д. Оболенскій мужество и тогда остаться при утвержденіи, что „онъ не считаетъ себя въ правѣ *бросить* начатую работу“. Позволительно очень усумниться въ стойкости такихъ людей, какъ князь А. Д. Оболенскій. Такіе *передовые* люди, какъ онъ, *запаздываютъ* съ своими убѣжденіями, ибо не стремятся идти на перекоръ событіямъ, а свои убѣжденія принаравливаютъ къ свершившимся событіямъ. Почти всѣ отзывы *правовѣдовъ*, знающихъ князя А. Д. Оболенскаго, согласны въ томъ, что это не борецъ за истину, это не тотъ труженикъ, который ради работы готовъ на всякія лишенія и страданія! Вспомните, какъ вся Россія, всѣ общественные дѣятели безъ различія направленія и консерваторы, и либералы, и радикалы него-

довали по поводу домогательствъ балтійскихъ бароновъ *о вознагражденіи за упраздненіе привилегированныхъ рыцарскихъ корчемъ*! Три министра высказались за отклоненіе домогательствъ балтійскаго дворянства. Но князь А. Д. Оболенскій, побывавъ, въ балтійскомъ краѣ, очарованный пріемомъ, оказаннымъ ему балтійскими предводителями дворянства, сталъ поддерживать претензіи балтійскихъ рыцарей въ ущербъ общегосударственной казнѣ. Что общаго между винной монополіей и церковными дѣлами? Но князь А. Д. Оболенскій, насаждавшій въ Россіи казенныя винныя лавки, не колеблясь, принялъ предложенный ему постъ блюстителя православныхъ церковныхъ интересовъ. Какъ управлялъ онъ церковными дѣлами, какъ отстаивалъ права духовенства, какъ заботился онъ о благѣ и процвѣтаніи русскихъ церквей объ этомъ говорить безъ дрожи негодованія невозможно! Но жизнь и службу свою князь Оболенскій цѣнитъ очень дорого. Онъ полагаетъ, что нуженъ для начатой церковной работы и потому съ самоотверженностью, похожей на насмѣшку, предлагаетъ свои услуги и новому министерству. Возьмите же этого министра, какъ вольнаго мученика, идущаго на мученье...

Но если не хотятъ, чтобы православныя обители были бездушны, чтобы русскіе интересы всюду предавались на поруганіе, сдѣлайте невозможнымъ возвращеніе къ власти графу Витте и его друзьямъ: Ламздорфу, Оболенскому, Герарду, Пв. Ив. Толстому и компаніи.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 27-го апрѣля 1906 г. № 106.

Спящая аристократія.

За послѣднее время, замѣчается усиленное переселеніе евреевъ изъ *Гомеля* въ Сѣверную Америку и Канаду. Почти ежедневно уѣзжаютъ группы семействъ. Уѣзжаютъ преимущественно здоровые, молодые ремесленники, а также лица, имѣющія нѣкоторый *капиталъ*. Бываютъ дни, когда на станціи желѣзной дороги покупаютъ по 100 и по 150 желѣзнодорожныхъ билетовъ до границы.

Что означаетъ это переселеніе, это массовое бѣгство евреевъ?

Очевидно, евреи, всегда хорошо освѣдомленные о всемъ, что подготовляютъ для Россіи масоны, уѣзжаютъ наканунѣ кровополитія. Когда кораблю суждено потонуть, то за нѣсколько уже недѣль до крушенія его оставляютъ крысы. Чутье у евреевъ не хуже, чѣмъ у крысъ. Съ этимъ чутьемъ слѣдовало-бы считаться и Петербургской *придворной аристократіи*. Опасность близкая и злобная для нея, столь же непонятна, какъ непонятенъ ей русскій народъ, его языкъ, вѣрованія и нравы. Безумная, пустая аристократія не видитъ и не понимаетъ, что чудовище революціи уже разверзло свою пасть. Наканунѣ водруженія гильотины французскіе маркизы весело и беззаботно прожигали свою жизнь. Теперь въ Россіи повторяется та же самая страница изъ жизни французскихъ дворянъ.

Заигрываніемъ съ врагами Родины и Верховной законной власти иные аристократы воображаютъ, что сохранятъ свои головы и пріумножатъ свои богатства. Какой жалкій, какой нечестный расчетъ! На

первыхъ порахъ онъ, можетъ быть, оправдается, но потомъ революція начнетъ крушить на право и на лѣво все безъ разбора и тогда уже ничто ея не будетъ въ состояніи остановить, а теперь еще можно ее остановить. Нужно только властное желаніе Царя и Россія будетъ спасена. Но если царскіе совѣтники попрежнему будутъ скрывать отъ Царя опасность положенія и вмѣсто твердыхъ рѣшительныхъ мѣръ будутъ попрежнему идти навстрѣчу желаній Милюковыхъ, Гессеновъ, Винаверовъ, Родичевыхъ, Холщевниковыхъ, Петерсоновъ, Михелиныхъ, Герардовъ, Староселькихъ, Воронцовыхъ-Дашковыхъ, Скрыдловыхъ, Немировскихъ, Гурландовъ, Іолосовъ, Кизеветтеровъ, Герасимовыхъ, Боргмановъ, Таганцевыхъ, Ковалевскихъ, Манухиныхъ, Редигеровъ и комп., то зданіе Русскаго Государства рухнетъ и похоронитъ подъ своими обломками и трусливыхъ сановниковъ и нерѣшительныхъ правителей. Точно малыя дѣти, точно выжившіе изъ ума старцы—наша аристократія утѣшаетъ себя тѣмъ, что Дума хотя и кадетская, не будетъ обострять положенія! „Среди кадетъ есть умные и властолюбивые люди, а поэтому они будутъ осторожны и не доведутъ столкновенія съ Верховной властью до такихъ размѣровъ, *когда прійдется разгонять Думу штыками*“, вотъ какими разсужденіями убаюкиваютъ себя въ петербургскихъ великосвѣтскихъ салонахъ!

Войска, правда, представляютъ еще грозную силу, вѣрную Царю. Но каждая новая уступка революціонерамъ, каждый новый шагъ по пути, начертанному графомъ Витте, вселяетъ больше и больше раскола въ арміи. Отталкиваютъ приверженцевъ Самодержавія, а на кого же потомъ можно будетъ опереться? На конституціоналистовъ? Да вѣдь они такъ же легко измѣнятъ конституціонному монарху, какъ измѣнили самодержавію! Генералы, офицеры и простые солдаты съ трудомъ скрываютъ свое негодованіе по поводу тѣхъ поблажекъ, которыя дѣлаются революціонерамъ. Оскорбленные, не видящіе ни откуда просвѣта, храбрые честные русскіе слуги Царя одинъ за другимъ или уходятъ въ отставку, или вырываются бомбами изъ русской семьи, а на ихъ мѣсто неуклонно все проводятъ *масонскихъ* ставленниковъ, которые въ рѣшительную минуту съумѣютъ столь же безстыдно перейти на сторону республики, какъ сотрудникъ „Новаго Время, Столыпинъ перебѣжалъ въ еврейскую конституціонную партію.

А властолюбивые кадеты потому-то и не станутъ щадить верховную власть, что ими самими руководитъ „желаніе властвовать“. Чѣмъ больше имъ будутъ уступать, тѣмъ быстрѣе они съумѣютъ свергнуть ненавистную имъ власть „не умѣющую властвовать на страхъ врагамъ“. Пора нашему жалкому дворянству перестать ползать на запяткахъ у графа Витте и либеральной прессы, пора сознать, что наша аристократія не имѣетъ права безучастно относиться къ дѣятельности конституціонно-демократической партіи, задавшейся цѣлью сокрушить все то, чему дворяне и вѣрноподданные сыны Россіи должны посвятить всѣ свои силы, всѣ свои стремленія, умъ, талантъ, состояніе и даже самую жизнь.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 28 Апрѣля 1906 г. № 107.

Вчера и сегодня.

Радикальныя газеты помѣщаютъ судебные отчеты о политическихъ дѣлахъ съ такими извращеніями, пропусками и добавленіями, что трудно рѣшить, кто болѣе виновенъ судившіеся или судьи...

Надняхъ, напримѣръ, сообщалось, что въ Псковѣ, въ выѣздной сессіи петербургской судебной палаты, разсматривалось дѣло учительницы Е. Ф. Нечай, обвиненіе къ которой было предъявлено въ томъ, что она распространяла среди крестьянъ воззванія кружка соціалистовъ-революціоперовъ, «заключающія въ себѣ выраженія оскорбительныя для достоинства Государя Императора». Далѣе въ отчетѣ сообщалось, что допрошенные въ качествѣ свидѣтелей крестьяне Кузьминъ и Семеновъ показали, что дѣйствительно имъ передавала *вышеназванныя воззванія* учительница Е. Ф. Нечай.

Какимъ же образомъ, при такихъ данныхъ, судебная палата оправдала госпожу Нечай, признавъ ее невиновною?

Вѣдь если госпожа Нечай невиновата, то надо было въ судебномъ отчетѣ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, указать на причины и обстоятельства, выяснившія на судѣ ея невиновность! Но радикальныя газеты излагаютъ отчетъ такъ, что получается очень странное впечатлѣніе; учительница, призванная просвѣщать народъ въ духѣ правды и свѣта, вмѣсто того раздаетъ крестьянамъ прокламаціи, составленныя революціонерами; въ этихъ прокламаціяхъ поносится особа Государя Императора; это все подтверждается представленными къ дѣлу прокламаціями и двумя свидѣтелями крестьянами, удостовѣрившими что эти прокламаціи они получили отъ обвиняемой и, въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, судебная палата, «судящая по указу Государя Императора» оправдываетъ подсудимую. Что же это такое? Кому служатъ судьи? Неужели не послѣдуетъ опроверженія этой гнусной клеветы на судебную власть? Вѣдь одно изъ двухъ: или въ засѣданіи палаты выяснилось, что Нечай *не* раздавала преступныхъ прокламацій и не оскорбляла особу Государя Императора—тогда ея оправданіе вполнѣ законно, или выяснилось, что она дѣйствительно давала крестьянамъ оскорбительныя, для Государя, воззванія соціалъ-революціоннаго кружка и тогда ея оправданіе явилось бы новымъ оскорбленіемъ Верховной Власти. По отчетамъ же радикальной и революціонной прессы выходитъ будто судебныя власти одобряютъ и оправдываютъ оскорбленіе Особы Государя Императора. Такая клевета не можетъ оставаться безъ возраженій. Нельзя допустить мысли, что предсѣдатель судебной палаты, въ угоду радикаламъ, станетъ подавать свой голосъ за оправданіе оскорбителей Царской Власти. Такое предположеніе было бы прямо чудовищно, тѣмъ болѣе, что теперешній предсѣдатель судебной палаты, Максимовичъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ находилъ возможнымъ поддерживать обвиненіе въ общемъ собраніи петербургской судебной палаты противъ присяжнаго повѣреннаго, виновнаго лишь въ томъ, что этотъ присяжный повѣренный послалъ министру юстиціи телеграфную жалобу на предсѣдателя Везенбергъ-Вейссенштейнскаго мироваго съѣзда, Свистунова.

Строгій выговоръ судебной палаты покаралъ присяжнаго повѣреннаго П. Ѳ. Булацеля несмотря на то, что помѣщенные имъ въ телеграммѣ по адресу предсѣдателя Везенбергъ-Вейссенштейнскаго мирового съѣзда укоры были вполнѣ заслужены. А теперь та же самая судебная палата *оправдываетъ* учительницу, распространяющую укоры и оскорбленія противъ особы, стоящей повыше, чѣмъ предсѣдатель Везенбергскаго мирового съѣзда.

Чѣмъ объяснить такую рѣзкую перемѣну во взглядахъ?

„Русское Знамя“ 29-го апрѣля 1906 г. № 108.

Кто друзья и кто враги графа Витте.

Блестящую обличительную статью посвятилъ на дняхъ Меньшиковъ на столбцахъ „Новаго Времени“ дѣяніямъ террористовъ. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи почти цѣликомъ перепечатать его статью на страницахъ нашей газеты.

Къ сожалѣнію Меньшиковъ началъ свою статью съ ложнаго утвержденія, что уходъ графа Витте отпразднованъ *его врагами* кликами торжества и *человѣческими жертвоприношеніями*. Въ Екатеринославлѣ убитъ генералъ-губернаторъ Желтановскій, а въ Москвѣ графъ Коновницынъ...

Къ чему Меньшикову понадобилось искажать истину, приписывая эти, убійства врагамъ графа Витте? Развѣ Меньшиковъ не знаетъ, что враги графа Витте вовсе не революціонеры, а православные русскіе люди, боевой кличъ которыхъ „Русская Имперія для процвѣтанія русскаго народа, а не для учрежденія международныхъ республиканскихъ штатовъ?“

Больше всего ненавидятъ графа Витте простой русскій народъ и русскіе генералы, офицеры и солдаты, которымъ *извѣстно, что Витте заключилъ позорный миръ, помѣшавшій генералу Линевичу разбить японскую армію*. Дѣятельность графа Витте, такъ развращающе подѣйствовала на армію, что даже храбрый Линевичъ спасовалъ передъ стачечниками.

Не враги графа Витте убили графа Коновницына и генерала Желтановскаго. Покойный графъ Коновницынъ считалъ графа Витте злымъ геніемъ русской земли и прямо высказалъ мнѣ лично эти свои взгляды во время послѣдняго свиданія моего съ нимъ въ Москвѣ на съѣздѣ землевладѣльцевъ, на которомъ открыто было высказано, что революція окрѣпла и усилилась, благодаря графу Витте.

Значитъ ясно, что не враги, а друзья и лакеи графа Витте будутъ всячески стремиться къ возвращенію его вновь къ власти. Первый примѣръ этихъ стремленій уже показалъ Меньшиковъ, увѣряющій, вопреки истинѣ, будто графъ Витте сдерживалъ, а не разжигалъ революціонное движеніе.

Государ... Б им. В. И. Ленина

„Русское Знамя“ 30-го апрѣля 1906 г. № 109.

Перемѣна вѣтра.

Герардъ начинаетъ относиться милостиво къ русскому языку и русскимъ людямъ. Что за чудо!!! Удаленіе графа Витте сказывается въ перемѣнѣ политической погоды даже въ Гельсингфорсѣ. Телеграфъ 26 апрѣля принесъ такія извѣстія изъ Финляндіи, какихъ двѣ недѣли тому назадъ никто бы не могъ ожидать:

1) Генералъ-губернаторъ *не* согласился съ постановленіемъ сената объ отмѣнѣ дѣятельности инспекторовъ по наблюденію за преподаваніемъ русскаго языка въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

2) Ректоръ университета въ Гельсингфорсѣ запретилъ студентамъ корпоративное участіе въ похоронахъ Шаумана.

3) Генералъ-губернаторъ подалъ протестъ по поводу невключенія въ бюджетъ 1906 года десяти милліоновъ марокъ слѣдуемыхъ, съ Финляндіи русскому государственному казначейству на военныя нужды.

Если вѣтеръ будетъ дуть въ томъ же направленіи, пожалуй мы доживемъ до того, что супруга генералъ-губернатора перестанетъ даже заказывать платья у той модистки, у которой заказываетъ платья супруга сенатора шведа Михелина. Какъ же послѣ этого не признавать, что героевъ создаютъ обстоятельства и что даже почтенные люди къ перемѣнѣ вѣтра очень чувствительны. Быть можетъ, вскорѣ, по примѣру князя Алексѣя Дмитріевича Оболенскаго, Н. Н. Герардъ сообщитъ въ „Новомъ Времени“ тоже, что несмотря на отставку своего друга графа Витте онъ, Герардъ, „не считаетъ возможнымъ *бросить начатую работу*“. Да и почему теперь Герарду не остаться въ Гельсингфорсѣ? Вѣдь жалованіе онъ получаетъ очень большое, а тѣхъ опасностей, которыя угрожаютъ храбрымъ русскимъ генералъ-губернаторамъ въ другихъ городахъ—для Николая Николаевича Герарда въ Гельсингфорсѣ не существуетъ. Его жизнь пока еще очень нужна вождю шведской партіи Михелину. Значитъ Герардъ можетъ спать спокойно. Шведы его не убьютъ, какъ убили генерала Бобрикова. А русскіе, изгоняемые изъ Финляндіи, вѣдь не революціонеры, а вѣрные слуги Царя. Значитъ и на нихъ Герардъ можетъ смотрѣть безъ страха. То ли дѣло революціонеры, передъ тѣми надо непремѣнно расшаркиваться, а то неровенъ часъ: хватятъ изъ-за угла *во имя гуманности и милосердія*. Робкіе, уступчивые либеральные рамолики процвѣтаютъ, наслаждаясь жизнью на высокихъ постахъ, а храбрые честные администраторы одинъ за другимъ разрываются на части гуманными „бомбистами“.

Домогаться удаленія съ генералъ-губернаторскаго поста такого слабаго человѣка, какъ Герардъ, обязаны всѣ, кому дороги интересы и достоинство Россіи.

Надо различать частную и семейную жизнь человѣка отъ его государственной дѣятельности. Николай Николаевичъ Герардъ въ частной своей жизни въ высшей степени пріятный и милый человѣкъ, это не должно останавливать мое перо отъ заслуженныхъ упрековъ по его адресу, какъ генералъ-губернатора...

Всякое послабленіе шведамъ, всякое заигрываніе съ финнами пора оставить... Нельзя въ такую тяжелую минуту довѣрять оборону русскаго государства людямъ, сочувствующимъ финляндскимъ происканъ. Въ Россіи довольно коренныхъ русскихъ генераловъ какъ Зарубаевъ, Бородкинъ, Величко, Толмачевъ, Веретенниковъ, Линевичъ и т. д., которые сочтутъ за честь и счастье принести на алтарь служенія родинѣ свою жизнь и все свое достояніе. За величіе, за единство Россіи и смерть не страшна. Имя генерала Бобрикова будетъ съ благодарностью вспоминаться будущими поколѣніями, тогда какъ имена гнусныхъ убійцъ, бросающихъ бомбы въ русскихъ генераловъ и въ русскихъ солдатъ будутъ прокляты. Умѣстна ли жалость и пощада по отношенію тѣхъ, которые не щадятъ святыхъ чувствъ русскаго народа? Умѣстно ли изъ вѣжливости молчать, когда видишь, что слабые и непригодные администраторы заботятся только о своемъ личномъ благополучіи и спокойствіи, а не о благополучіи родины?

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 9-го мая 1906 г. № 117.

Манухинская справедливость.

Нужно потерять всякое представленіе о справедливости, чтобы говорить такъ, какъ говорилъ въ государственномъ совѣтѣ по вопросу объ амнистіи бывшій министръ юстиціи Сергѣй Сергѣевичъ Манухинъ. Человѣкъ безъ роду и безъ племени, не отличавшійся за всю свою жизнь ни учеными трудами, ни особыми талантами, ни краснорѣчіемъ, ничѣмъ кромѣ вѣчной угодливости своему прямому начальству; человѣкъ, умѣвшій «свои либеральныя воззрѣнія» совмѣщать съ слѣпымъ послушаніемъ своему покровителю Н. В. Муравьеву даже тогда, когда это послушаніе приводило къ нарушенію понятій о независимости суда, этотъ человѣкъ *вдругъ* на старости лѣтъ неудержимо понесся по теченію, созданному масоно-еврейскимъ союзомъ!

Что же собственно удивительнаго въ такомъ превращеніи? Вѣдь только храбрые люди могутъ оставаться при всякихъ условіяхъ самими собою; но тотъ, кто всегда угождалъ начальству, пока оно было сильно и грозно, по привычкѣ будетъ подслуживаться къ тѣмъ, за кѣмъ въ данную минуту предполагаетъ *грозную силу*. Верховная власть на каждомъ шагу дѣлаетъ уступки и оказываетъ милости не тѣмъ, кто за нее стоитъ, а тѣмъ, кто подъ нее подкапывается. А «главари освободительнаго движенія» устраняютъ своихъ противниковъ бомбами; такъ какъ же не считаться съ ихъ грозной силой... И вотъ передъ вождями этого движенія лебезятъ, передъ ними заискиваютъ, ихъ протекціи ищутъ!!! Неровенъ часъ, вчерашній рабъ, еврей, финляндецъ—завтра сдѣлается президентомъ славянскихъ штатовъ и велитъ казнить смертной казнью своихъ политическихъ противниковъ. Тогда, конечно, истерическіе вопли Кузьмина-Караваева, Милюкова, Щепкина, Таганцева и Родичева о незаконности смертной казни будутъ забыты. И вотъ слабохарактерные, трусливые люди стараются заручиться кадетскими одобреніями. Если вѣренъ отчетъ „Новаго

Времени" въ номерѣ 10828 о засѣданіи государственнаго совѣта, то каждый „свободный гражданинъ" можетъ сказать, что С. С. Манухинъ утверждалъ въ государственномъ совѣтѣ „завѣдомую неправду". Какъ бывшій министръ юстиціи Манухинъ не могъ не знать, что въ тюрьмахъ сидятъ не только революціонеры, но и тѣ монархисты, которые или стрѣляли въ революціонеровъ или нанесли побои революціонерамъ, бранившимъ Царя. Неужели память совершенно измѣнила господину Манухину и онъ не помнитъ о тѣхъ мастеровыхъ, которые громили 17 октября 1905 года Тверскую земскую управу не изъ личной мести, не изъ корыстныхъ побужденій, а единственно, потому что были возмущены слухами о томъ, что земцы на собраніи въ зданіи управы говорили противуправительственныя рѣчи и обсуждали вопросъ, какъ произвести всеобщую забастовку, революцію и свергнуть съ престола Государя. Столяръ Качаловъ, сапожникъ Страховъ, городовой Ежовъ, заключенные подъ стражу, за то, что побили тверскихъ революціонеровъ, развѣ все это не политическіе фанатики, впавшіе въ преступленіе исключительно въ борьбѣ за Царя? Какимъ же образомъ С. С. Манухинъ утверждаетъ, что такихъ преступниковъ нѣтъ, *не могло быть* и *не должно быть*?

Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново уличилъ его въ искаженіи истины, отвѣтивъ ему, что *такихъ борцовъ было много*. Онъ могъ-бы напомнить Манухину, что въ Екатеринославлѣ, Кіевѣ и Одессѣ много мирныхъ гражданъ сдѣлались случайными преступниками лишь подъ вліяніемъ гнѣва на революціонеровъ, оскорблявшихъ царскіе портреты? Что хотѣлъ сказать г. Манухинъ, заявляя, что такихъ преступниковъ не только «*не могло, но и не должно было быть*»? Не находитъ-ли бывшій министръ юстиціи справедливымъ испытывать долготерпѣніе Русскаго Народа, который съ омерзѣніемъ и ненавистью смотритъ на замыслы революціонеровъ, превратить Россію въ республику. Уже не думаетъ-ли С. С. Манухинъ, что идейные борцы могутъ быть, лишь въ той партіи, которая собирается свергнуть Царя и устроить въ Россіи республику? Развѣ среди тѣхъ, кто громили Тверскую управу не было идейныхъ борцовъ? Развѣ у сапожника Страхова и столяра Качалова была какая либо выгода или корыстная цѣль бросать камни въ земскую управу? Вѣдь никто за это не поблагодарилъ Качалова, Страхова и ихъ единомышленниковъ! Ихъ заключили подъ стражу, ихъ привлекли къ суду, а бывшій министръ юстиціи, такъ слабъ памятью, что черезъ полъ года имѣетъ неосторожность утверждать, *будто такихъ преступниковъ вовсе не было и не должно быть*. Предсказывать будущее трудно, а потому съ одинаковою увѣренностью, какъ Ермоловъ, Шиповъ, Манухинъ и Таганцевъ, утверждаютъ, что такихъ, преступниковъ не должно быть, мы можемъ утверждать, что такіе преступники *будутъ*, до тѣхъ поръ, пока не прекратятъ революцію. Событія въ Вологдѣ подтверждаютъ, что долготерпѣніе народа приходитъ къ концу. Народу русскому въ высшей степени противны явные революціонеры, но еще противнѣе и нестерпимѣе тайные приспѣшники революціоннаго движенія. Когда настанетъ грозный часъ всеобщей расплаты, Русскій Народъ не проститъ тѣмъ неблагодарнымъ „либеральнымъ" сановникамъ, которые обласканные ми-

лостями и щедротами мягкосердечнаго Царя, всюду стараются умалить и ограничить самодержавную Его власть.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 11-го мая 1906 г. № 119.

Красный флагъ и національный гимнъ.

Какъ не рости ненависти и взаимному ожесточенію, когда всюду даже въ судѣ врывается политика освободительнаго движенія съ присущимъ ему искаженіемъ истины и оскорбленіемъ всего русскаго. Въ зданіи гласнаго суда, того суда, который судитъ «по указу Его Императорскаго Величества» глумятся дерзко и пошло надъ русскимъ народомъ и его національнымъ гимномъ. Присяжный повѣренный Адамовъ позволилъ себѣ 9 мая, обвиняя Окунева, сказать, что «кровь и насиліе не тамъ, гдѣ развѣваются красные флаги, а тамъ, гдѣ шествуютъ съ «хоругвями и національнымъ гимномъ». Эта клевета, это глумленье надъ мирнымъ русскимъ національнымъ гимномъ теперь сходятъ безнаказанно. Я ждалъ, что предсѣдатель окружнаго суда добродушный и корректный нѣмецъ «Фонъ-Паркау» остановитъ обидчика. Но нѣтъ. Получающіе 20-го числа жалованье теперь такъ запуганы, побѣднымъ шумнымъ шествіемъ революціонеровъ, что всякое смѣлое слово порицанія по адресу революціонеровъ встрѣчается съ нескрываемымъ страхомъ, и каждая самая возмутительная вылазка противъ русской національности, противъ православной вѣры и царской власти принимается, какъ самое заурядное явленіе. Я не выдержалъ Адамовскаго кривлянія и глумленія надъ тѣмъ, что свято чтутъ милліоны русскихъ людей, я громко замѣтилъ, что сказанное имъ *неправда*. А въ отвѣтъ на это Адамовъ возразилъ, «а я утверждаю, что это правда и никакихъ угрозъ Союза Русскаго Народа не боюсь». Точно за мои слова отвѣчаетъ Союзъ Русскаго Народа. Точно Союзъ Русскаго Народа когда-либо угрожалъ Адамову! Когда и кого убивали члены Союза Русскаго Народа? По какому праву Адамовъ говоритъ, что тамъ, гдѣ несутъ православныя хоругви и поютъ національный гимнъ—тамъ насиліе, тамъ кровь? Много развилось теперь разныхъ этихъ Адамовыхъ, ищущихъ дешевый успѣхъ трескучими фразами. Вѣдь теперь опаснѣе быть русскимъ патріотомъ, чѣмъ самымъ краснымъ международнымъ кадетомъ! Вѣдь теперь для того, чтобы произносить *адамовскія* рѣчи никакого мужества не требуется. А вотъ года три тому назадъ Адамовъ не говорилъ и десятой доли того, что теперь вѣщаетъ такъ развязно! Почему же онъ прежде не былъ столь смѣлъ? Посмотримъ будутъ-ли оскорбители русскаго народа столь же смѣлы и тогда, когда противъ нихъ поднимется русская волна, ими же самими взбаламученнаго моря?

Въ газетѣ „Двадцатый Вѣкъ“ появилось сообщеніе, что истинно русскій человѣкъ прис. пов. Булацель, обиженный Адамовымъ горькими упреками по адресу истинно русскихъ людей, вызвалъ Адамова на дуэль. Вотъ къ какимъ выдумкамъ прибѣгаютъ газеты освободительнаго лагеря для рекламы своихъ сторонниковъ. Бѣдный Адамовъ! Видите-ли, онъ храбро высказалъ нѣсколько *правдивыхъ (?)* укоровъ

членамъ Союза Русскаго Народа и одинъ изъ членовъ Союза вызвалъ за то его на дуэль. Значитъ, Адамовъ герой, рискующій своей жизнью за свои красноватыя убѣжденія!!! Такъ можно подумать, когда читаешь „Двадцатый Вѣкъ", а въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. Была только обычная рисовка передъ молодежью и искаженіе историческихъ фактовъ. Я сказалъ, что онъ говоритъ неправду. Иными словами я первый назвалъ Адамова лжецомъ, а потому, если онъ меня вызоветъ на дуэль, я отказываться не буду, но самъ я этого господина не звалъ еще къ барьеру.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 6-го іюня 1906 г. № 141.

Крушеніе Монархіи.

Цѣлый годъ въ Россіи убиваютъ, калѣчатъ и ранятъ городовыхъ, офицеровъ, губернаторовъ, околоточныхъ надзирателей, полицеймейстеровъ и казаковъ... А правительство Россійскаго Самодержавнаго Монарха все это терпитъ и терпитъ. Негодованіе русскихъ людей уже громко раздается во всѣхъ концахъ Россіи. Среди офицеровъ все настойчивѣе и настойчивѣе слышатся голоса, что необходимо, во что бы то ни стало, положить конецъ издѣвательству революціонеровъ надъ войскомъ и надъ мирными гражданами; а правительство все медлитъ и медлитъ, все точно чего-то *еще* ждетъ и все не рѣшается, объявить войну извергамъ, затѣявшимъ „великую россійскую революцію".

Точно было еще мало жертвъ, мало было всякихъ кровавыхъ возстаній...

Революціонеры дѣятельно готовятъ вооруженное возстаніе въ самомъ Петербургѣ. На всѣхъ заводахъ идетъ быстрое вооруженіе револьверами и кинжалами. *Снабжаютъ оружіемъ, одеждой, деньгами и все это на глазахъ у полиціи, открыто на глазахъ у всего правительства*; а чтобы отнять у „Союза Русскаго Народа" возможность мѣшать революціонерамъ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ въ Петербургѣ сразу точно по мановенію какого-то тайнаго руководителя началось гоненіе на членовъ Союза Русскаго Народа и одновременно съ этимъ въ газетахъ началась травля противъ руководителей Союза Чѣмъ-то дикимъ, средневѣковымъ вѣетъ отъ этихъ гоненій на русскихъ людей, вѣрныхъ Православной вѣрѣ и Самодержавному Царю. Русскимъ рабочимъ революціонеры предлагаютъ на выборъ одно изъ двухъ: или оставайтесь вѣрны Царю, но тогда васъ ждутъ голодъ, гоненіе, поджариваніе на плитѣ, убійство изъ-за угла; или переходите на сторону революціи, пойте марсельезу, идите съ краснымъ флагомъ противъ царскихъ войскъ и *тогда* васъ будутъ кормить, поить, одѣвать, надѣлять деньгами! Несчастные рабочіе колеблются, соблазнъ слишкомъ силенъ. А что дѣлаетъ правительство, чтобы спасти рабочихъ отъ тѣхъ сѣтей, въ которыхъ ихъ ловятъ революціонеры? Правительство на дѣло водворенія порядка жалѣетъ денегъ!

А революціонеры сыпятъ сотнями тысячъ; партія конституціонно-демократическая тратитъ милліоны рублей на привлеченіе фабричныхъ рабочихъ на сторону революціи... А правительство богатѣйшаго въ мірѣ Монарха жалѣетъ денегъ на газеты и пропаганду среди рабочихъ и крестьянъ здравыхъ понятій. Приверженцевъ Царя отовсюду гонятъ, а приверженцевъ республики всюду поддерживаютъ. Что же удивительнаго, что при такой политикѣ Монархія быстрыми шагами приближается къ гибели.

Терпѣніе истощается, *довѣріе народа къ способности правительства прекратить терроръ съ каждымъ днемъ слабѣетъ. Извѣрившись окончательно, народъ самъ пойдетъ на сторону революціонеровъ въ надеждѣ, что хотя они, ставъ у власти съумѣютъ водворить въ странѣ порядокъ.*

Что тогда, кто тогда спасетъ Царскій домъ? Тогда не будетъ никакого спасенія, а теперь еще не поздно. Еще крестьяне, въ громадномъ большинствѣ, еще все войско, еще большинство дворянства готовы грудью своею защищать Царя... Воспользуйтесь же этимъ, стряхните съ себя робкое малодушіе и твердо и властно безъ всякихъ уступокъ положите конецъ возмутительной позорной революціи. Вотъ, что должны говорить руководителю Русскаго государства всѣ честные люди. Тѣ же, которые виляютъ и сидятъ между двумя стульями—недостойны имени честныхъ людей. Можно съ уваженіемъ относиться, какъ къ искреннимъ черносотенцамъ, такъ и къ искреннимъ революціонерамъ, но нельзя уважать тѣхъ правителей, которые стараются одновременно угодить и „черносотенцамъ“ и „красной сворѣ“. *Такіе правители роютъ сами себѣ могилу.* Всеобщая ненависть и презрѣніе вотъ ихъ удѣлъ. Поймите же это, господинъ Столыпинъ, и если Вы не чувствуете въ себѣ силы бороться съ забастовщиками, съ бомбистами, съ вооруженными возстаніями, то уступите Ваше мѣсто такимъ людямъ, которые съумѣютъ защитить жизнь и имущество мирныхъ гражданъ отъ нападеній дикой орды революціонеровъ. Имѣйте же мужество сказать въ глаза и самому Царю то, что говорилъ Ему покойный В. К. Плеве. Скажите Царю, что уступка кадетамъ будетъ крушеніемъ Монархіи.

Скажите же и Николаю Михайловичу, восторгающемуся кадетскими рѣчами и члену Государственнаго Совѣта Таганцеву, *ищущему популярности у революціонеровъ*, что какими бы передовыми они себя не выставляли *имъ не будетъ мѣста въ республикѣ* и они первые погибнутъ отъ той *амнистіи*, за которую теперь подаютъ свои голоса.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 17-го августа 1906 г. № 204.

Какъ осуждающіе смертную казнь „освободители“ отнеслись къ взрыву на дачѣ Столыпина.

Когда двѣ или три таинственныя пули изъ-за угла сразили „выдающагося“ еврейскаго общественнаго дѣятеля Герценштейна,

угрожавшаго русскимъ помѣщикамъ иллюминаціею въ небывалыхъ еще размѣрахъ, тогда вся радикальная печать вдругъ вспомнила завѣты любви и мира и высказала горячее осужденіе убійству, увѣряя, что вся Россія *взволнована* этимъ злодѣяніемъ.

Буря негодованія, безпощадное осужденіе, проклятія расточались радикальными газетами по адресу убійцъ Герценштейна.

Но вотъ прошло нѣсколько недѣль; ополоумленные вожди „освободительнаго движенія" Винаверъ, Львовъ, Долгоруковы, Милюковъ, Гессены, Таганцевъ, Витте, Ѳ. Головинъ, Муромцевъ, Бакунинъ, Кокошкинъ, Родичевъ и прочая компанія пришли въ себя, успокоились, увѣрившись, что вслѣдъ за Герценштейномъ никто изъ партіи еще не отправился къ праотцамъ... Опять бомбы, опять красный терроръ и опять благосклонность „освободительныхъ газетъ" къ убійствамъ!

Передо мною *листокъ* экстреннаго прибавленія къ вечернему выпуску „Биржевыхъ Вѣдомостей". „Покушеніе на П. А. Столыпина". На листкѣ подпись, редакторъ „Владиміръ Бонди", издатель „С. Проппперъ". И эти самые люди, которые нѣсколько дней тому назадъ такъ возмущались *единичнымъ* убійствомъ Герценштейна,—не находятъ теперь ни единаго слова негодованія, сообщая подробности покушенія на Столыпина.

Что-то злорадное, *предательское* чувствуется въ самой формѣ, въ какой излагаются въ этомъ вечернемъ прибавленіи событія и обстоятельства, сопровождавшія страшный взрывъ.

По пути на Аптекарскій островъ „по Каменноостровскому проспекту не было замѣтно *никакого волненія*"..

Еще бы, вѣдь пострадали *только* около ста человѣкъ. Вѣдь это все больше русскіе чиновники, русскіе генералы, правда, убитъ швейцаръ, кучеръ, почтальонъ; эти уже не генералы, а простой народъ; правда, убиты и разорваны на части женщины; въ страшныхъ мученіяхъ корчится маленькій пятилѣтній сынъ и шестнадцатилѣтняя дочь министра. Но развѣ у Бонди и Проппера можетъ шевельнуться чувство жалости къ этимъ жертвамъ революціоннаго террора? Вѣдь это къ небу несется вопль страданія русскаго народа... Вѣдь эти страданія, эти стоны и вопли причинены не правительствомъ, не войскомъ, а революціонными бомбистами.

Иное дѣло, когда зашевелится черная сотня. Ее освободители боятся пуще всего. За свою жизнь, за свою *шкуру* „освободители" дрожатъ какъ осиновые листы, но жизнь другихъ людей для нихъ не имѣетъ никакой цѣны..

Они сообщаютъ, что при взрывѣ на дачѣ министра „*пострадалъ*" генералъ Замятинъ. Не правда ли какая мягкость выраженія! Генерала Замятина искромсало въ куски. Этотъ добрый, отзывчивый, жизнерадостный, молодой генералъ убитъ на мѣстѣ, а господа сотрудники Проппера и Бонди сообщаютъ, что „пострадалъ" дежурный генералъ Замятинъ. „Пострадали чиновники и просители. Изъ посторонныхъ, убиты до двадцати лицъ. Есть убитыя женщины". О милые газетные писаки—передовые дѣятели освободительнаго движенія, какъ спокойно вы подсчитываете убитыхъ на дачѣ министра внутреннихъ дѣлъ! Но съ какимъ ужасомъ вы будете считать *своихъ* „пострадавшихъ", когда уничтоженіе вашихъ вождей приметъ

повальный обликъ. Не забывайте, что идейное помѣшательство заразительно, и что все чаще и чаще въ обществѣ и среди военныхъ раздаются голоса о необходимости безпощаднаго истребленія всего вашего освободительнаго гнѣзда...

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 18-го августа 1906 г. № 205.

Столыпинскій режимъ.

Оффиціозная газета „Россія“ въ передовой статьѣ семнадцатаго августа открыто высказываетъ, что „руки у *кадетовъ* въ крови и что кровь эту имъ никогда не отмыть, несмотря ни на какія старанія. Кадеты теперь тревожно оглядываются по сторонамъ и начинаютъ увѣрять, что въ сущности они вовсе не имѣли въ виду заходить такъ далеко“... Ту же самую мысль уже давно высказывало „Русское Знамя“, утверждая, что виновниками проливающейся повсюду русской крови, являются не столько сумасшедшіе террористы, сколько хитрые вожди освободительнаго движенія, которые къ негодованію и горю Русскаго Народа не только не преслѣдуются законною властью, но даже, по временамъ, удостоиваются ласкъ и наградъ. Каково было мое изумленіе когда въ оффиціозной газетѣ я прочелъ то самое признаніе, которое много разъ устно и печатно высказывалось мною и дома и за границею. Кадеты, конституціонно-демократы и мирные обновленцы неистово обрадовались извѣстію, что правительство Столыпина больше всего на свѣтѣ боится прослыть реакціоннымъ...

Еще бы, какъ же, врагамъ порядка и завистникамъ былой мощи русской державы не радоваться такому повороту событій? Вѣдь была минута, когда въ воздухѣ почувствовалась близость диктатуры честной, неподкупной, неумолимой русской диктатуры. Затряслись за свои звѣриныя шкуры, за свои награбленныя состоянія, за свои оклады всѣ „освободители“ высшихъ степеней.

„То самое правительство, *которое столь тщательно изо дня въ день* ими расшатывалось, къ ихъ прискорбію, оказалось много сильнѣе, чѣмъ они думали, а въ то же время, они, которые гордо мнили о себѣ, что за ними весь народъ, оказались горстью людей, *личныя цѣли которыхъ всѣмъ давно ясны.* „Правительство еще слишкомъ сильно!“—говорятъ они теперь въ слухъ. „Мы еще слишкомъ слабы!“—добавляютъ они тутъ же про себя. *Что же будетъ съ ними*, если подлый поступокъ ихъ друзей и учениковъ заставитъ правительство взяться и за учителей“?!!

Да, что будетъ съ учителями и руководителями революціи? Что съ ними сдѣлаютъ?

Прочитавъ этотъ вопросъ на первой страницѣ газеты „Россія“,

я хотѣлъ осѣнить себя крестнымъ знаменемъ и вознести горячую молитву къ Богу о дарованіи жизни, силъ и здоровья нынѣшнему министру внутреннихъ дѣлъ.

Наконецъ-то правительство Русскаго Императора сознало, что переполнять тюрьмы сумасшедшими студентами и полуграмотными рабочими, любезничая въ то же время съ Николаемъ Львовымъ, Ѳедоромъ Головинымъ, Иваномъ Петрункевичемъ, Павломъ Милюковымъ, Владиміромъ Гессеномъ, и комп. совершенно равносильно тому, какъ колоть булавкою въ хвостъ гремучей змѣи, уже обвившейся вокругъ своей жертвы...

Наконецъ-то правительство рѣшило бороться не съ хвостомъ, а *съ головою*... увы, слѣдующія строки „Россіи“ разсѣиваютъ всѣ надежды мирныхъ гражданъ и окрыляютъ всѣ упованія революціонеровъ: „Правительство, вѣщаетъ полу-министерская газета, „однако, не сдѣластъ этой *ошибки*. На этотъ счетъ кадеты могутъ успокоиться. Имъ суждено нести, куда болѣе тяжелое наказаніе: омывать окровавленныя руки и не имѣть возможности смыть съ нихъ слѣды крови“.

По истинѣ *страшное* наказаніе придумано нынѣшнимъ правительствомъ для главарей революціоннаго освободительнаго движенія?

Исполнительные отряды революціи съ опасностью для своей жизни будутъ бросать бомбы, убивая и калѣча мирныхъ гражданъ, а руководители революціи въ наказаніе за это будутъ принуждены по нѣсколько разъ въ день омывать окрававленныя свои руки, не имѣя возможности смыть слѣды крови... Какая поэзія, какой „*культурно-законом*ѣрный“ пріемъ борьбы съ главарями революціи!!! Читаешь эти оффиціальныя завѣренія, эти лицемѣрные призывы къ непротивленію злу и все болѣе и болѣе начинаешь понимать причины невыразимаго презрѣнія, которое россійское правительство и прогнившій либеральный сановный Петербургъ, внушаютъ къ себѣ повсюду въ Россіи и даже за границею.

Въ Миланѣ, на всемірной выставкѣ, я былъ свидѣтелемъ того, какъ далеки европейцы отъ нашихъ теорій непротивленія злу.

Какой то мошенникъ вырвалъ у дамы кошелекъ и пустился бѣжать. Не прошло и двухъ минутъ какъ вся улица превратилась въ сплошное море людей, бѣгущихъ за грабителемъ. Бѣжали за нимъ въ догонку и старые, и молодые, бѣдные рабочіе и богатые люди, даже дамы, одѣтыя по послѣдней модѣ... Вскорѣ грабителя поймали и съ торжествомъ отвели въ полицію. А у насъ извращеніе всѣхъ понятій о правдѣ и нравственности дошло до того, что уличная толпа становится на сторону грабителей, что министры юстиціи боятся привлечь Гессена за восхваленіе революціонныхъ убійствъ, а знаменитые сановные юристы предоставляютъ свои перья и свои голоса не въ защиту потерпѣвшихъ, а въ защиту бомбистовъ.

У насъ, въ Россіи, стоящіе у власти люди больше всего опасаются прослыть *„реакціонерами“* и ради того, чтобы избѣжать этой клички, они жертвуютъ честью, славой, всею будущностью Россіи. Великая держава гибнетъ, погружаясь все болѣе и болѣе въ мракъ невѣжества и преступленія.

Чтобы не заслужить въ либеральныхъ газетахъ названія *„отсталыхъ“*, наши педагоги примкнули къ общей забастовкѣ, полагая, что всемірная наука ничего не потеряетъ отъ того, что въ Россіи на нѣсколько лѣтъ прекратится преподаваніе всѣхъ наукъ, кромѣ науки подстрекать народъ къ бунту, а молодежь—къ злодѣяніямъ... Чтобы не прослыть ретроградомъ, расшаркиваются передъ тѣми либеральными общественными дѣятелями, у которыхъ руки въ крови! Вмѣсто того, чтобы у злодѣевъ, двигающихъ и направляющихъ революціонную колесницу выпрячь лошадей; вмѣсто того, чтобы отнять у главарей революціи ихъ огромныя богатства, дома, капиталы и вознаградить на эти деньги потерпѣвшихъ отъ бомбъ и браунинговъ—вмѣсто этого завѣряютъ революціонеровъ своею честью, что правительство не сдѣлаетъ *такой ошибки*... Какъ же не сказать, что лицемѣріе и трусость все глубже и глубже подтачиваютъ правительственный корабль... Да, тотъ, кто боится бомбъ и страха ради идетъ на всякія уступки и всякія сдѣлки съ своею совѣстью, тотъ презрѣнный „шкуротрусъ“. Но еще большой вопросъ, кто хуже, тотъ ли, кто какъ гласный петербургской городской думы Пузыревъ, откровенно, при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, сознавшійся въ своей боязни революціонеровъ, платитъ Союзу Русскаго Народа пятисторублевую неустойку за то, чтобы Союзъ не открывалъ своей читальной, рядомъ съ его жилищемъ, или тотъ, кто ради похвалы либеральныхъ газетъ приноситъ въ жертву жизнь своихъ дѣтей, спокойствіе и будущность всего русскаго народа!?

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 20-го августа 1906 г. № 207.

Кому нужна была смерть Столыпина.

Въ «Новомъ Времени» находимъ слѣдующее сообщеніе изъ Берлина отъ 17 августа: Германскіе оффиціозы говорятъ, что покушеніемъ на Столыпина русскіе революціонеры дискредитировали освободительное движеніе, но нѣмецко-еврейскія газеты настраиваютъ общественное мнѣніе иначе. Не рѣшаясь задѣвать репутацію Столыпина, еврейская печать извращаетъ самый фактъ покушенія. Еврейская „Frankfurter Zeitung“ вретъ, напримѣръ, буквально слѣдующее:

«Уже за 20 минутъ до покушенія на Столыпина было приготовлено двадцать каретокъ скорой помощи, а вскорѣ послѣ взрыва вожакъ черной сотни, Дубровинъ, находился уже на мѣстѣ преступленія. Предполагается, что покушеніе совершено вовсе не революціонерами, но ультра-реакціонерами».

Такъ врутъ евреи.

Медицинскій осмотръ трупа одного изъ злоумышленниковъ, взорвавшихъ министерскую дачу на Аптекарскомъ островѣ, того самаго, который былъ въ формѣ жандармскаго офицера, обнаружилъ, что преступникъ былъ еврей.

Одинъ изъ преступниковъ, покушавшихся на Столыпина, оказался еврей, что и надо было, впрочемъ, ожидать. Это опровергаетъ гнусную клевету франкфуртской газеты, что взрывъ на дачѣ Столыпина устроенъ черносотенцами. Всѣмъ извѣстно, что евреи, даже крещеные, въ Союзъ черносотенцевъ не допускаются. Но эта клевета не простая выдумка—это дьявольски хитро расчитанный подкопъ подъ послѣднюю опору русскаго царства, подъ вѣру Царя въ русскій народъ.

Еврейскіе банкиры употребляютъ всѣ усилія, чтобы за границею въ придворныхъ кругахъ думали, что правыя партіи устроили покушеніе на Столыпина за то, что европейскій парламентаризмъ, давящій и грабящій народы Австріи, Испаніи, Италіи и Франціи — Столыпинъ считаетъ болѣе совершенною формою правленія, чѣмъ русское Самодержавіе, даже въ томъ случаѣ, когда во главѣ Имперіи стоитъ истинный Самодержецъ съ рѣшительной волей, съ беззавѣтной преданностью родинѣ, съ мужественнымъ сознаніемъ своей высокой божественной обязанности...

Лучше пережить самыя мрачныя страницы неудачнаго и несчастнаго примѣненія великой идеи, чѣмъ навсегда отказаться отъ всѣхъ тѣхъ преимуществъ, съ которыми для Россіи и русскаго народа связано сохраненіе Царскаго Самодержавія. Враги Россіи это хорошо понимаютъ и потому хотятъ съ корнемъ вырвать залогъ русской силы, хотятъ устроить такъ, чтобы никогда—никогда больше Самодержавіе не могло воскреснуть на Руси.

Это былъ бы ужасный ударъ, это была бы смертельная рана. Но русскіе люди знаютъ, что на такой предательскій поступокъ П. А. Столыпинъ не пойдетъ, потому что онъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ все-таки русскій человѣкъ. На его долю выпала историческая задача.

Онъ любитъ Русскій Народъ, онъ, какъ всѣ честные русскіе люди страдаетъ вѣроятно невыразимо больно за несчастія, обрушившіяся на Россію...

Нѣтъ, не противъ Столыпина направили бы правыя партіи свои бомбы, еслибы не считали безчеловѣчнымъ пользоваться этимъ орудіемъ діавола...

Гнѣвъ, ненависть, месть жестокая—безпощадная месть со стороны правыхъ партій должна направляться противъ тѣхъ, кто руководитъ революціею. Вся Россія знаетъ, что виновникомъ смуты является Сахалинскій графъ, правою его рукою Милюковъ, Гессены, Острогорскій, Петрункевичъ, Щепкинъ, Винаверъ, Муромцевъ и, нѣкоторые сановники, гнусныя имена которыхъ такъ же извѣстны уже всей Россіи...

Клеврета Сахалинскаго за границею распускаютъ клевету противъ правыхъ партій, увѣряя, что монархисты устроили подкопъ на дачѣ министра Столыпина, а въ то же самое время въ петербургскихъ революціонныхъ газетахъ увѣряютъ, что Столыпинъ болѣе всего покровительствуетъ «Союзу Русскаго Народа»...

Двуличіе, подлоги, ложь, клевета—обычное орудіе либеральныхъ «освободителей».

Нужно быть слѣпцомъ, чтобы не видѣть, что не обошлось безъ ихъ участія и покушеніе противъ Столыпина. Восхваляя П. А. Столыпина, его твердость, мужество и честность, главный вождь «освободительнаго движенія» ясно далъ понять революціонерамъ, что П. А. Столыпинъ, человѣкъ, который для нихъ далеко не столь удобенъ, какъ трусливый Святополкъ...

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 22 Августа 1906 г. № 208.

Зловѣщіе слухи.

Оффиціальныя газеты увѣряютъ, что Столыпинъ бодръ и полонъ силы. Но зловѣщіе слухи о томъ, что столыпинское министерство считаетъ необходимымъ удовлетворить *всѣ требованія кадюковъ и евреевъ*, вселяютъ сомнѣніе въ бодрость духа перваго министра. Евреи объявили, что не прекратятъ въ Россіи революціи, пока имъ не будетъ дано равноправіе...

Если правительство теперь уступитъ евреямъ, то всему міру будетъ ясно, что Россіею управляютъ трусы, а успокоенія все равно не наступитъ. Правда евреи прекратятъ на время *свою* революцію, но тогда начнется *русская* революція и еще большой вопросъ, которая изъ революцій будетъ ужаснѣе. Если робкое еврейское племя при помощи бомбъ достигнетъ своихъ цѣлей, то что же произойдетъ, когда болѣе храброе и болѣе многочисленное племя *русское* тоже возьмется за бомбы, чтобы достигнуть возстановленія своихъ попранныхъ правъ. Примѣръ соблазнителенъ. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что тѣ, которые продадутъ русскій народъ, не избѣгнутъ смерти, хотя бы вся еврейская печать восхваляла ихъ до небесъ.

Горе тому правительству, которое въ сознаніи народныхъ массъ укрѣпляетъ увѣренность, что при помощи бомбъ можно всего достигнуть; такое правительство само себѣ подписываетъ смертный приговоръ.

Сегодня вы уступите пяти тысячамъ евреевъ, вооруженныхъ браунингами и бомбами, а послѣ завтра что вы будете дѣлать, когда явятся сто тысячъ русскихъ и скажутъ:

„Вы испугались еврейскихъ бомбъ и уступили, теперь мы пришли, *тоже* съ бомбами и хотимъ, чтобы вы сдѣлали по нашему, а не по ихнему. Въ хорошемъ положеніи тогда очутится Законная власть! На кого Она обопрется, кто Ее защититъ своею грудью? Ужь не тѣ ли трусливые сановники-октябристы, которыхъ евреи успѣли подкупить своими деньгами?!

„Русское Знамя“ 22 Августа 1906 г. № 208.

Памяти князя Николая Владиміровича Шаховскаго.

Въ длинный списокъ русскихъ людей, замученныхъ злодѣями-революціонерами приходится вписывать имена новыхъ жертвъ. 18 августа скончался отъ зараженія крови, ушибленный при взрывѣ на дачѣ министра князь Н. В. Шаховской.

Первое время ушибы казались совсѣмъ не опасны. Друзья поздравляли Николая Владиміровича съ счастливымъ избавленіемъ отъ смертельной опасности. Но видно бомбы, брошенныя революціонерами въ переднюю Столыпинской дачи, обладали кромѣ своей страшной разрушительной силы еще также свойствомъ смертельной *отравы*. Всѣ даже легко раненые умираютъ „отъ зараженія крови“.

Вотъ, къ какимъ чудовищнымъ средствамъ прибѣгаютъ революціонеры, а правительство Русскаго Императора все съ ними церемонится...

Членъ Государственнаго Совѣта Таганцевъ совѣтовалъ отмѣнить смертную казнь увѣряя, что ея отмѣна до слезъ растрогаетъ благородныхъ чувствительныхъ революціонеровъ, и они въ *благодарность* за это сами прекратятъ убійства. Конечно, кому же, какъ не Таганцевымъ судить насколько революціонеры умѣютъ быть *благодарны* своимъ попустителямъ, но полагаться на обѣщанія Таганцевыхъ всетаки не совсѣмъ удобно...

Свою рѣчь, продиктованную повидимому трусостью за свою шкуру, Таганцевъ кончилъ заявленіемъ, что если послѣ отмѣны смертной казни всетаки будутъ продолжаться убійства, то онъ самъ будетъ молить Бога, чтобы Богъ убралъ его изъ этой юдоли печали.

Сколько лицемѣрія, сколько кривлянія, сколько самыхъ *низменныхъ инстинктовъ* руководятъ рѣчью тѣхъ высокопоставленныхъ людей, которые свой голосъ и свой „авторитетъ“ предоставляютъ въ распоряженіе революціонеровъ...

Какъ не похожъ былъ покойный князь Шаховской на этихъ акробатовъ трусости. „Право, лучше умереть отъ руки революціонеровъ, чѣмъ дожить до того, что Россіею будутъ управлять такіе люди, какъ Витте и Таганцевъ“. Вотъ что за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти сказалъ Николай Владиміровичъ.

Онъ умеръ отъ руки революціонеровъ. Неужели же *намъ сіо, друзьямъ прійдется дожить до позора*, отъ котораго его избавила смерть?

Нѣтъ, *есть предѣлы трусости, дальше которыхъ не смѣютъ заходить даже самые трусливые правители.*

Нельзя безнаказанно издѣваться надъ совѣстью, вѣрой и патріотизмомъ великаго Русскаго Народа.

„Мстители живы“ гласитъ надпись на вѣнкѣ князю Николаю Владиміровичу Шаховскому отъ Союза Русскаго Народа.

Этой надписи вѣроятно суждено стать пророчествомъ...

Со всѣхъ концовъ Россіи поднимаются люди, готовые жизнь свою отдать за родину!

„Насъ предали, нашу жизнь правительство не защищаетъ; правительство старается только угодить главарямъ революціи: мы этого больше не въ состояніи выносить. Правительство прислушивается только къ крику радикаловъ и къ совѣтамъ заграничныхъ газетъ: а на мнѣніе милліоновъ православныхъ людей правительство не обращаетъ вниманія"... Такъ продолжаться не можетъ.

Неужели же въ Петергофѣ думаютъ, что всѣ тѣ, у кого революціонеры убили братьевъ, мужей, женъ, друзей будутъ *безконечно терпѣливо* переносить все новые и новые смертельные удары..

Мы просимъ, мы требуемъ, чтобы насъ приняли, чтобы насъ выслушали и что же?

Въ то время, какъ малочисленная шайка самозванцевъ тверского, саратовскаго и московскаго земства была проведена въ чертоги Царя Треповымъ и баропомъ Фредериксомъ и дерзко требовала отъ имени всей Россіи замѣны Самодержавія парламентскимъ правленіемъ, мы представители Союза, число членовъ котораго въ теченіе восьми мѣсяцевъ, возросло до трехъ милліоновъ людей, не можемъ добиться, чтобы голосъ нашъ доходилъ до Царя. Наши письма, наши телеграммы скрываются; нашими головами и нашей жизнью играютъ, прячутся за наши спины.

И въ концѣ концовъ, не спросивши Русскаго Народа, хотятъ принять ультиматумъ еврейскихъ банкировъ.

Нѣтъ этого сносить больше невозможно! Только враги дома Романовыхъ, только враги нынѣ царствующаго Государя могутъ совѣтовать совершить роковой шагъ по пути новыхъ уступокъ еврейской революціи. „Биржевыя Вѣдомости" увѣряютъ, что маленькій сынъ П. А. Столыпина въ бреду кричитъ „валимся", „валимся" и что этотъ крикъ является пророческимъ...

Неправда! Ни Россія, ни домъ Романовыхъ не повалятся, если правительство будетъ прислушиваться къ голосу Русскаго Народа; но если правительство станетъ поступать по либерально-еврейской указкѣ, то несомнѣнно вскорѣ дѣйствительно повалятся не только дачи, но и дворцы.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя" 24 Августа 1906 г. № 210.

Самозванецъ.

„Какой бы шумъ вы подняли друзья
Когда бы это сдѣлалъ я".

Кому не извѣстенъ князь Алексѣй Димитріевичъ Оболенскій? Онъ ли не достаточно либералъ? Онъ ли не осуждалъ чиновничій бюрократизмъ? Онъ ли не утверждалъ, что стоитъ только устранить консерваторовъ-министровъ, замѣнивъ ихъ приверженцами конституціоннаго строя и сразу Россія расцвѣтетъ, а всѣ злоупотребленія прекратятся?!

Но наша газета никогда не вѣрила князю Оболенскому и когда онъ стоялъ во главѣ Синода и затѣялъ поднять своими либеральными реформами нравственный уровень православнаго духовенства, мы говорили, что для того, чтобы улучшить нравственный уровень духовенства необходимо, чтобы во главѣ вѣдомства стоялъ неподкупно честный, твердый, благопамѣренный человѣкъ, а не либеральная балалайка, разыгрывающая пьесы по указкѣ своего друга графа Витте".

Какой бы шумъ подняла либеральная печать, если бы что-либо подобное тому, что сдѣлалъ двойникъ А. Д. Оболенскаго совершилъ бы покойный Плеве?! Какіе ушаты помоевъ вылили бы на консерватора сановника, который черезъ два мѣсяца по увольненіи его съ министерскаго поста въ отставку выдавалъ бы себя за министра?!

Къ счастью, на такіе поступки консерваторы неспособны.

А вотъ что произошло 16 іюля 1906 года, въ Брянскомъ поѣздѣ, номеръ пятый, идущемъ изъ Москвы въ 12 часовъ дня по московско-воронежской желѣзной дорогѣ.

Одно изъ купе перваго класса оказалось занято *даровымъ* пассажиромъ, а когда платные пассажиры стали требовать, чтобы купе было для нихъ открыто, то кондукторъ заявилъ, что никакъ это невозможно, потому что въ купе ѣдетъ „самъ *оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода*", которому полагается даровое мѣсто.

Среди пассажировъ оказался одинъ господинъ, лично знакомый съ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ, княземъ Ширинскимъ-Шахматовымъ и знавшій, что оберъ-прокуроръ въ данный моментъ въ Петербургѣ. Что за притча! Какъ же это одновременно оберъ-прокуроръ ѣдетъ въ Брянскомъ поѣздѣ? Потребовали составленія *протокола* и тутъ-то оказалось, что господинъ сидящій въ купе, ѣдетъ „по даровому билету I класса, выданному на имя оберъ-прокурора святѣйшаго синода князя А. Д. Оболенскаго, за № 384".

Что сталось съ этимъ протоколомъ намъ неизвѣстно. Но имена и фамиліи свидѣтелей у насъ имѣются. Если бы министромъ путей сообщенія былъ Немѣшаевъ, то вѣроятно во имя *„свободы даровыхъ передвиженій"* онъ вмѣшался бы въ дѣло и желѣзнодорожнымъ служащимъ Малевскому и Сайкову попало бы за составленіе такого протокола. Но такъ какъ генералъ Шауфусъ не столь либералъ, какъ Оболенскій и Немѣшаевъ, то можетъ быть протоколъ о самозванномъ оберъ-прокурорѣ получитъ всетаки ходъ...

Какъ не сказать, что либералы двадцатаго вѣка далеко ушли *впередъ*. Гдѣ-ужъ тутъ говорить о реакціи. Вѣдь консерваторы подъ чужимъ именемъ не ѣздятъ; банковъ не грабятъ: такъ ужъ гдѣ-же реакціонерамъ понять и оцѣнить „закономѣрность" либеральныхъ министровъ.

Князь же Оболенскій, *вѣроятно* не откажется объяснить, почему послѣ своей отставки онъ не возвратилъ *даровой* билетъ, по которому заштатнымъ министрамъ ѣздить *даромъ* по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ не полагается. Можетъ быть этотъ билетъ былъ у него украденъ, а самозванецъ, ѣхавшій подъ именемъ оберъ-прокурора, такъ хорошо загримировался княземъ Оболенскимъ, что какъ двѣ капли воды оказался на него похожимъ.

Неисправимый консерваторъ.

„Русское Знамя“ 27 Августа 1906 г. № 213.

Полуразрушенная твердыня.

Интересно знать, откуда газета „Рѣчь“ и другія *оппозиціонныя* или вѣрнѣе *революціонныя* газеты взяли, что правительство: *обратилось съ приглашеніемъ къ Союзу Русскаго Народа, убѣждая* его отказаться отъ принципа неограниченнаго самодержавія, какъ совершенно, *непріемлемаго*? уже въ настоящихъ условіяхъ, и приложить свои силы къ тому чтобы сохранить *конституцію* самодержавной.

Мы такого прямого приглашенія даже въ газетѣ „Россія“ не читали а если бы и прочли, то, конечно всетаки не отказались бы отъ вѣрованій, которыя по нашему убѣжденію спасутъ Россію.

Какъ извѣстно, говоритъ газета „Рѣчь“, Союзъ Русскаго Народа не пошелъ на эту приманку, онъ предпочелъ свою полуразрушенную *твердыню* тому неустойчивому равновѣсію, въ которомъ очутилось правительство“.

Итакъ революціонеры хотя и называютъ неограниченное Царское Самодержавіе *полуразрушенного* твердынею, но признаютъ что это еще и теперь все же *твердыня*.

Какъ бы не подкапывались подъ эту твердыню, *ей суждено спасти Россію*. Это отлично понимаютъ враги русскаго народа и потому то они и стали увѣрять, что правыя монархическія партіи еще опаснѣе чѣмъ революціонеры.

Опаснѣе! Для кого опаснѣе? Для предателей, для заговорщиковъ, которые кивають на Англію и говорятъ: «отчего бы не сдѣлать Россію такой же конституціонной страной, какъ Англія»; да для такихъ измѣнниковъ правыя партіи, дѣйствительно, со дня на день становятся опаснѣе, чѣмъ революціонеры, потому что въ Россіи приверженцевъ Самодержавія гораздо больше, чѣмъ революціонеровъ. Но для всѣхъ вѣрныхъ своему долгу правыя партіи не только не опасны, но даже напротивъ *въ нихъ залогъ и спасеніе Царскаго Дома отъ той ужасной судьбы Бурбоновъ, которую ему готовятъ конституціонно-демократы*.

— —

„Русское Знамя“ 1-го Сентября 1906 г. № 217.

Баринъ и лакей.

Прошло два мѣсяца со времени подписанія бывшими думскими депутатами крамольнаго выборгскаго воззванія; прошло два мѣсяца съ того дня когда послѣ объявленія Высочайшаго повелѣнія Государя о

прекращеніи засѣданій Думы, г. Муромцевъ провозгласилъ въ Выборгѣ: засѣданіе Государственной Думы „*продолжается*"; и что же, точно въ насмѣшку надъ здравымъ смысломъ и надъ совѣстью русскихъ вѣрныхъ Государю людей—мы видимъ, что человѣкъ, зло издѣвавшійся надъ волею Государя, гуляетъ на свободѣ...

Но то ли намъ еще придется увидать?! Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ «большинство министровъ склоняется къ тому, чтобы ко дню новыхъ выборовъ бывшіе депутаты были *освобождены* отъ преслѣдованія». Такъ, по крайней мѣрѣ увѣряетъ газета «Новый Путь». Этой газетѣ *сообщаютъ*, что въ совѣтѣ министровъ вопросъ о преслѣдованіи бывшихъ депутатовъ по 129 статьѣ вызываетъ *расколъ* въ мнѣніяхъ.

Вѣроятно, чтобы выручить заправилъ революціи выдвигаются хитросплетенные юридическіе крючки, съ помощью которыхъ хотятъ изобразить закономѣрнымъ—*предательское освобожденіе отъ преслѣдованія* людей, которые составили и подписали манифестъ, призывающій народъ не платить податей, не слушать повелѣній Государя, не отбывать воинскую повинность...

Ослушники Царской воли, враги порядка и законности, заговорщики призывавшіе къ бунту и мятежу—нашли себѣ защитниковъ среди министровъ!!! Да можетъ ли это быть? Неужели это не новая клевета освободительной печати?! Неужели Россія доживетъ до того, что прежнихъ царскихъ бояръ отовсюду вытѣснятъ лакеи революціоннаго самозваннаго правительства.

Господа министры, что же вы молчите? Я обращаюсь къ вамъ, не только какъ юристъ, который можетъ привести вамъ много доводовъ въ подтвержденіе того, что *даже* по курсу уголовнаго права Таганцева лица, подписавшія выборгское воззваніе должны быть наказаны, какъ тяжкіе преступники...

Я обращаюсь къ вамъ, какъ одинъ изъ милліоновъ русскихъ людей, для которыхъ простая правда, важнѣе тонкихъ юридическихъ ухищреній прелюбодѣевъ совѣсти. Я хочу вамъ задать одинъ вопросъ.

Но предварительно прошу васъ представить себѣ такую, мало вѣроятную, картину:

Въ одно прекрасное утро вамъ приноситъ мой лакей или мой дворникъ письмо, въ которомъ за полною моей подписью, обзывая васъ предателями, грабителями, трусами, и призывая на васъ всѣ проклятія ада, я сообщаю, что приложу всѣ старанія къ тому, чтобы вы никогда больше не получали *ни единаго рубля жалованья*. Но мало этого, представьте себѣ, что вы узнали бы, что я разослалъ такія же воззванія къ разнымъ лицамъ, уговаривая ихъ возстать противъ вашей власти и уничтожить васъ.

Теперь я спрашиваю васъ только по совѣсти, а не по Таганцеву, *кого вы будете винить въ распространеніи моего письма? Того ли кто составилъ и послалъ письмо, или тѣхъ только, которые эти письма разносятъ?*

Пусть даже мой дворникъ зналъ содержаніе письма, пусть даже бы я составилъ это письмо въ Ниццѣ, въ Миланѣ, а не то что въ Выборгѣ; развѣ вы освободите меня отъ отвѣтственности только потому, что я не самъ отнесъ вамъ письмо и что оно написано не въ Петербургѣ, а за границею?

Чтобы сказали бы про того слѣдователя, прокурора, министра юстиціи—которые бы нашли справедливымъ заключить подъ стражу только моего дворника, а меня отпустили бы на всѣ четыре стороны? Такой поступокъ повлекъ бы за собой обвиненіе въ неправосудіи, въ пристрастіи .. Онъ бы вызвалъ бурю негодованія. Но развѣ по закону достоинство Царской Власти ограждается уже менѣе, чѣмъ достоинство министровъ?!

Когда оскорбляли Верховную Власть, призывали къ бунту, когда сынъ первоприсутствующаго сенатора подучивалъ гимназистовъ выкалывать глаза въ Царскихъ портретахъ, тогда не слышно было негодующихъ, криковъ среди петербургскихъ либеральныхъ сановниковъ, изъ которыхъ иные даже готовы были и осуждать «втихомолку» Акимова и Дурново за то, что они строго преслѣдовали не только разносчиковъ прокламацій, но и главарей революціи.

Можно исповѣдывать какія угодно убѣжденія, но нельзя служить одновременно двумъ богамъ. Надо выбирать одно изъ двухъ или идти открыто въ лагерь революціонеровъ или ставъ на защиту самодержавной Царской Власти, объявить безпощадную войну всѣмъ, кто противъ нея злоумышляетъ.

Какія бы хитрыя ученыя соображенія не придумывали для освобожденія Выборгскихъ заговорщиковъ—этимъ никого не обманутъ. Здравый смыслъ говоритъ, что наказывать надо не лакея, разносившаго оскорбительное письмо, а того, кто это письмо подписалъ...

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 3 Сентября 1906 г. № 219.

Безбожные клеветники.

Волосы становятся дыбомъ, кровь леденѣетъ въ жилахъ, негодованіе сдавливаетъ грудь при чтеніи тѣхъ клеветническихъ мерзостей, которыми «освободители» стараются подорвать довѣріе къ главнымъ дѣятелямъ Союза Русскаго Народа. Наглость заговорщиковъ дошла до того, что они одновременно выпустили всѣхъ своихъ продажныхъ писателей противъ Союза Русскаго Народа, забрасывая ложью и безбожной чудовищною клеветою даже служителей православной церкви. Въ газетѣ «Сѣверная Рѣчь», издающейся въ Ярославлѣ, появилась нижеслѣдующая безстыдная корреспонденція:

«25-го іюля Шую изволилъ удостоить своимъ загадочнымъ посѣщеніемъ извѣстный ярославскій монахъ Пліодоръ. Останавливался онъ у извѣстнаго въ Шуѣ черносотеннаго вождя, предсѣдателя «Союза Православныхъ Русскихъ Людей», Петрова, у коего находится единственный въ Шуѣ домъ терпимости. Неизвѣстно, съ какой цѣлью пріѣзжалъ къ Петрову ярославскій монахъ. Цѣли могутъ быть различны».

Дальше такихъ измышленій, кажется, уже идти некуда. Конечно Михаилъ Кузьмичъ Петровъ не стерпѣлъ такой наглой клеветы и подалъ

прокурору Владимірскаго Суда жалобу на редактора газеты «Сѣверная Рѣчь». Но пока правосудіе покараетъ клеветниковъ, позволяющихъ себѣ про безупречныхъ русскихъ людей выдумывать будто у нихъ въ домѣ имѣется домъ терпимости—пройдетъ много времени. Вѣдь наши суды, связанные формализмомъ, не спѣшатъ наказывать тѣхъ которые во имя торжества революціи причиняютъ обиды, огорченія и мученія русскимъ людямъ.

Прокуроръ Владимірскаго Окружнаго Суда, 2-го Августа 1907 г. за № 10042, объявилъ М. Петрову, что прошеніе его отъ 30 минувшаго іюля препровождено на распоряженіе судебнаго слѣдователя перваго участка, Шуйскаго уѣзда. Можно ли удивляться тому, что самъ русскій народъ все болѣе и болѣе проникается жаждою расправиться съ своими оскорбителями. Ужели думаютъ, что горечь пролитыхъ слезъ, что подавленные вздохи оскорбленной народной гордости, поруганные православные алтари,—все это не вопіетъ о мщеніи? Предательство измѣна и убійства, совершаемыя главарями революціи—суть гвозди, которые они сами вбиваютъ въ свой собственный гробъ...

«Русское Знамя» 4 Сентября 1906 г. № 220.

А онъ всетаки сидитъ въ Гельсингфорсѣ !!

Исторія русскаго народа не забудетъ имя финляндскаго генералъ-губернатора, изгоняющаго русскихъ изъ финляндской окраины! Но что въ томъ утѣшеніи для семействъ русскихъ служащихъ, выгнанныхъ на улицу и разоренныхъ «либеральнымъ-гуманнымъ» Николаемъ Николаевичемъ Герардомъ? Что за польза для Россіи отъ отчаянныхъ обличительныхъ писемъ, которыми Герарда допекаетъ въ «Новомъ Времени Анатолій Апатольевичъ Рейнботъ?

Негодованіе и презрѣніе къ Н. Н. Герарду ростетъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества, но онъ невозмутимо остается на своемъ посту. Пишите, обличайте, доказывайте, что онъ и его политика угрожаютъ смертельной опасностью для Русскаго Государства, а онъ, всетаки сидитъ въ Гельсингфорсѣ! Въ этомъ весь ужасъ теперешняго положенія. Современные «международные» сановники сидятъ на своихъ мѣстахъ, до тѣхъ поръ, пока сами не пожелаютъ уйти, что, впрочемъ, съ ними случается очень рѣдко, тѣмъ болѣе, что они получаютъ огромныя жалованія и чувствуютъ себя вполнѣ безопасно, ибо въ нихъ революціонеры не стрѣляютъ и бомбъ не бросаютъ.

Неисповѣдимы судьбы Провидѣнія.

Изъ двухъ братьевъ, которыхъ я обоихъ, когда-то въ моей юности зналъ очень близко, Господь Богъ отозвалъ къ себѣ младшаго въ полномъ расцвѣтѣ силъ и дарованія. Какъ разъ въ то время, когда Владиміръ Николаевичъ Герардъ началъ въ качествѣ предсѣдателя петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ проявлять твердость и независимость убѣжденій; когда именно такой человѣкъ былъ нуженъ, чтобы удер-

жать разношерстное сословіе петербургскихъ адвокатовъ отъ однобокихъ увлеченій освободительнымъ движеніемъ, судьба похитила его у сословія и у Россіи... А старшій братъ Н. Н. Герардъ, нѣкогда блиставшій своимъ остроуміемъ и веселостью, но никогда не отличавшійся ни выдающимся мужествомъ, ни любовью къ боевой дѣятельности вдругъ вознесся на должность генералъ-губернатора самой важной окраины...

Неисповѣдимы пути Господни!

Невольно воспоминанія переносятъ меня въ старый деревянный домъ, небольшого имѣнія въ Могилевской губерніи. Перечитывая письма къ моему дѣду, отъ жившей въ томъ домѣ старушки, съ удивленіемъ спрашиваю себя: неужели космополитъ финляндскій генералъ-губернаторъ родной сынъ этой замѣчательной русской патріотки? Какой вѣрой, какой любовью къ Россіи, къ русскому народу, къ русскимъ святынямъ дышатъ ея письма. А сынъ ея увѣряетъ, что всегда съ дѣтства исповѣдывалъ, что Россія не для русскихъ.

О да! когда прослѣдить судьбу русскихъ людей и русскаго дворянства, дѣйствительно начинаешь вѣрить, что Россія не для русскихъ. Безслѣдно исчезаютъ старинныя барскія семейства, не гнувшія свои спины ни въ министерскихъ канцеляріяхъ, ни въ придворныхъ гостиныхъ, а тѣ семейства, которыя приноровились къ чиновничьему космополитизму Петербурга благоденствуютъ. Три поколѣнія были связаны узами сосѣдства и дружбы—семейство Герардовъ и мое семейство.

Я лично питаю горячую благодарность къ памяти умершаго Вл. Ник. Герарда, но это не должно меня удерживать отъ горькихъ упрековъ его брату, предающему Россію...

Старинныя барскія родовыя усадьбы Булацелей—(еще тридцать лѣтъ тому назадъ гремѣвшихъ на югѣ Россіи въ Екатеринославской и Харьковской губерніи) исчезли почти безслѣдно. А на мѣстѣ деревяннаго домика въ родовомъ имѣніи Герардовъ «Демьянки», года три тому назадъ выросъ огромный роскошный дворецъ. Мой отецъ и его четыре брата служили родинѣ беззавѣтно и нелицемѣрно. Ихъ силы и ихъ состояніе ушли на служеніе родинѣ. Они жертвовали на красный крестъ, на добровольный флотъ, они строили даромъ избы для крестьянъ, они служили по выборамъ, не получая жалованья, какъ предводители дворянства, какъ почетные мировые судьи, уѣздные и губернскіе гласные, отличались широкимъ гостепріимствомъ и въ наслѣдство своимъ дѣтямъ оставили завѣтъ: служить родинѣ и Самодержавному Царю до послѣдней капли крови.

А что оставилъ Николай Николаевичъ Герардъ своему маленькому сыну? Онъ оставитъ ему «въ Демьянкахъ» каменный дворецъ, выстроенный на деньги, полученныя какъ жалованье за казенную службу. Онъ завѣщаетъ сыну любить финляндскую красную гвардію больше, чѣмъ славный Семеновскій полкъ! Онъ оставитъ своему сыну вмѣсто портрета вѣрнаго слуги родины, генерала Бобрикова, большой портретъ главы финляндскихъ заговорщиковъ съ надписью: «моему другу Н. Н. Герарду отъ Михелина». Онъ завѣщаетъ своему сыну быть прежде всего космополитомъ и либераломъ. И если черезъ двадцать пять лѣтъ Россія будетъ еврейской республикой, то сынъ теперешняго финляндскаго генералъ-губернатора пойдетъ еще дальше, чѣмъ его

отецъ. Но, если Богъ смилуется надъ Россіею и во главѣ Россіи будетъ стоять сильный православный Самодержавный Царь, а русское самосознаніе окончательно окрѣпнетъ—то юному Герарду придется не разъ пожалѣть о томъ, что отецъ его оставилъ ему въ наслѣдство не только огромное состояніе, но и имя, ставшее ненавистнымъ русскому народу.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 4 Сентября 1906 г. № 220.

Памяти генерала Трепова.

Еще одно русское сердце не выдержало и разорвалось. Дворцовый комендантъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Д. Ф. Треповъ 2-го сентября около шести часовъ вечера, скоропостижно скончался, во время отдыха передъ обѣдомъ у себя на дачѣ въ Петергофѣ, отъ разрыва сердца. Можно одобрять или не одобрять дѣятельность покойнаго генерала какъ московскаго оберъ-полицеймейстера, какъ петербургскаго генералъ-губернатора, какъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, какъ дворцоваго коменданта; можно бросать ему укоръ въ нѣкоторой непослѣдовательности во взглядахъ, можно обвинять его въ излишнемъ честолюбіи и близорукости. Но въ двухъ отношеніяхъ память его должна остаться безусловно безупречною: во-первыхъ, онъ никогда не прятался за чужую спину, а во-вовторыхъ, онъ беззавѣтно былъ преданъ лично Государю Императору Николаю Второму, независимо отъ той политики, какую велъ самъ Государь.

Д. Ф. Треповъ сдѣлалъ въ своей жизни только одну роковую ошибку, онъ далъ себя обмануть и окрутить вождю освободительнаго движенія, а когда понялъ эту ошибку было уже поздно ея исправить.., Монархисты отшатнулись отъ Трепова, а «заговорщики-освободители» продолжали на него смотрѣть, какъ на самаго опаснаго своего врага. И остался онъ стоять на своемъ посту одинокій, безъ всякой поддержки среди водоворота придворныхъ происковъ и подкоповъ... Горькая судьба выпала на долю этого русскаго, прямого, храбраго слуги Государя. Онъ сдѣлался мишенью для злобнаго натиска неистово напирающей кучки международныхъ заговорщиковъ, стремящихся самодержавную Имперію превратить въ еврейскую республику, а тѣ, которые сами до послѣдней капли крови готовы стоять за царскую имперію, тоже отвернулись. Таинственна, загадочна и болѣе чѣмъ подозрительна смерть Д. Ф. Трепова. Не слѣдуетъ забывать, что и предшественникъ его дворцовый комендантъ Гессе тоже не отличался расположеніемъ къ еврейско-освободительному движенію и считался личнымъ врагомъ графа Витте.

Отчего же только русскія сердца перестаютъ биться, и разрываются какъ разъ въ то время, когда русскіе патріоты становятся наиболѣе опасны для внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ.

Трусливый, вѣчно задыхающійся, проведшій бурно молодость,

князь Святополкъ-Мирскій до сихъ поръ живетъ и не торопится умирать отъ разрыва сердца: графъ Витте, вѣчно переутомленный, вѣчно носящій въ себѣ остатки застарѣлой, неизлечимой болѣзни, живъ и не думаетъ умирать ни отъ разрыва сердца, ни отъ бомбъ; разслабленный, престарѣлый финляндскій генералъ-губернаторъ Герардъ превесело проводитъ свою старость въ Гельсингфорсѣ. Многое множество другихъ сановниковъ, губившихъ и предавшихъ Россію, здравствуютъ и наслаждаются жизнью.

И ни у одного изъ нихъ не разрывается сердце!

Смерть отъ бомбъ, отъ браунинга, «отъ разрыва сердца во время отдыха»—это удѣлъ только борцовъ за русское дѣло.

Миръ праху твоему честный солдатъ, оберегавшій Государя. Спи въ преждевременной могилѣ, непонятый, обманутый, и заграбленный Дмитрій Федоровичъ Треповъ.

Мало ли загадокъ даетъ намъ исторія послѣднихъ лѣтъ? Князь Лобановъ-Ростовскій умеръ отъ разрыва сердца въ такое время, когда этотъ богатырь собирался обрусить наше министерство иностранныхъ дѣлъ. Но Лобановъ былъ старикъ и потому скоропостижная смерть его не возбудила подозрѣній. Величко умеръ отъ слабости сердца въ цвѣтѣ силъ и своего дарованія... Гессе и Треповъ, никогда не страдавшіе прежде жабою, вдругъ умираютъ отъ неожиданныхъ сердечныхъ припадковъ, которые сломили ихъ желѣзное здоровье въ три недѣли.

Науки и искусства идутъ впередъ, но озвѣрѣніе людей идетъ тоже быстро впередъ. Техника неуловимыхъ преступленій ростетъ... Надъ современной политической жизнью когда нибудь раздастся грозный приговоръ безпристрастной исторіи и тогда наши потомки содрогнутся при одной мысли о томъ, какія опасности на каждомъ шагу подстерегали жизнь тѣхъ русскихъ людей, для которыхъ идея Царской Самодержавной Неограниченной Власти представлялась залогомъ счастья и преуспѣянія русскаго народа.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 6 Сентября 1906 г. № 222.

Естественная смерть.

Кадетская газета «Рѣчь» въ статьѣ «Сопоставленіе» за подписью нѣкоего господина, не рѣшившагося поставить своей фамиліи, а подписавшагося только одной буквой, пишетъ:

Г-нъ Булацель не вѣритъ въ естественность смерти Трепова „Таинственна, загадочна и болѣе чѣмъ подозрительна смерть Д. Ф. Трепова —пишетъ сотрудникъ „Р. Зн.“.—Не слѣдуетъ забывать, что предшественникъ его дворцовый комендантъ Гессе, тоже не отличался расположеніемъ къ еврейско-освободительному движенію и считался личнымъ

врагомъ графа Витте... Техника неуловимыхъ преступленій ростетъ».

Намеки г. Булацеля черезъ-чуръ прозрачны. Но возьмемъ № 208 того же „Русскаго Знамени“ и тамъ въ статьѣ того же г. Булацеля прочтемъ слѣдующее:

„Въ то время какъ малочисленная шайка самозванцевъ тверского, саратовскаго и московскаго земства была проведена въ чертоги Царя Треповымъ и барономъ Фредериксомъ и дерзко требовала отъ имени всей Россіи замѣны самодержавія парламентскимъ правленіемъ, мы, представители союза, число членовъ котораго въ теченіе восьми мѣсяцевъ возросло до трехъ милліоновъ людей, не можемъ добиться, чтобы голосъ нашъ доходилъ до Царя“...

Г-нъ Булацель, вѣроятно, забылъ, что онъ писалъ двѣ недѣли тому назадъ...

Нѣтъ, господа кадеты, г. Булацель никогда ничего не забываетъ! Но „Рѣчь“ забыла привести своимъ читателямъ то мѣсто изъ некролога Трепова, гдѣ говорится:

„Д. Ф. Треповъ сдѣлалъ только одну роковую ошибку, онъ далъ себя окрутить вождю освободительнаго движенія а когда понялъ эту ошибку—было уже поздно. Монархисты отшатнулись отъ Трепова, а заговорщики освободители продолжали на него смотрѣть какъ на самаго опаснаго своего врага“.

И такъ, не забылъ г. Булацель то, что писалъ двѣ недѣли тому назадъ, а, напротивъ, подтверждаетъ свою мысль, что заговорщики-освободители жестоко мстятъ тому, кто, войдя съ ними въ сношенія въ концѣ концевъ ихъ надеждъ не оправдываетъ. С. Н. князь Трубецкой и Треповъ вошли въ переговоры съ кадетами, Треповъ провелъ кадетовъ въ чертоги Царя, но ни Треповъ, ни покойный Трубецкой, не согласились быть орудіемъ въ рукахъ предателей, увидавъ, куда они клонятъ свою политику. Треповъ и Трубецкой умерли скоропостижно. Остальное ясно. Сама „Рѣчь“ находитъ намеки Булацеля прозрачными.

„Русское Знамя“ 9-го Сентября 1906 г. № 225.

Развѣ можно играть полевымъ судомъ.

Съ ужасомъ приходится обратиться къ высшимъ судебнымъ и административнымъ властямъ, съ наболѣвшимъ вопросомъ.

Недолго существуютъ военно-полевые суды, а уже замѣтно, что они примѣняются далеко неравномѣрно.

Неужели грозная мѣра, долженствовавшая устрашить революціонеровъ, будетъ направляться исключительно противъ русскихъ крестьянъ, сбитыхъ съ толку революціонными подстрекателями. Неужели высшее правительство все еще не хочетъ признать, что нужна прежде всего борьба съ главарями революціи, а не только съ слѣпыми исполнителями предначертаній революціонныхъ заправилъ? Неужели военно-полевые суды роковая игрушка?

На лысой горѣ крестьяне имѣли столкновеніе съ полиціею. Всѣхъ задержанныхъ крестьянъ, какъ гласитъ телеграмма, передаютъ военно-полевому суду. Въ то-же время въ Варшавѣ задерживаютъ шайку евреевъ и поляковъ, въ квартирѣ у которыхъ найдено множество бомбъ, ружья, револьверы, революціонныя прокламаціи... А въ телеграммахъ ни единаго слова о томъ, что эта шайка будетъ предана военно-полевому суду. Злодѣевъ, изготовляющихъ бомбы не судятъ военно-полевымъ судомъ, „ибо преступность ихъ еще не очевидна“, а простыхъ смутьяновъ, случайно сдѣлавшихся преступниками, будутъ приговаривать къ смертной казни.

Вѣдь это чудовищно, несправедливо. Вѣдь можно подумать, что кто-то изъ сильныхъ міра въ Россіи нарочно милуетъ главныхъ и самыхъ опасныхъ революціонеровъ, чтобы поощрить и удвоить дерзость заговорщиковъ, рѣшившихъ вмѣсто православнаго самодержавнаго Царя дать народу продажнаго республиканскаго президента.

Кадетская газета „Рѣчь“ увѣряетъ,

„что 28 августа департаментъ полиціи наводилъ справки въ 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената, когда и за какими номерами былъ разосланъ во всѣ правительственныя учрежденія экземпляръ „Собранія узаконеній и распоряженій правительства“, въ которомъ напечатанъ законъ о военно-полевыхъ судахъ. Вопросъ о времени отправленія этого экземпляра и полученія его на мѣстахъ имѣетъ большое значеніе, такъ какъ законъ вступаетъ въ силу лишь по полученіи соотвѣтствующаго экземпляра „Собранія узаконеній...

Видимо не брезгаютъ никакими способами, чтобы свести на нѣтъ значеніе военно-полевыхъ судовъ. Стоитъ какому нибудь почтово-телеграфному чиновнику перехватить и задержать номеръ „Собранія узаконеній“, въ которомъ отпечатанъ новый законъ о военно-полевомъ судѣ, и по мнѣнію кадетской газеты и выписывающихъ „Рѣчь“ сановниковъ—мѣстная власть не имѣетъ права примѣнять новый законъ, „такъ какъ законъ вступаетъ въ силу лишь по полученіи соотвѣтствующаго экземпляра „Собраній узаконеній“.

Не издѣвательство-ли это надъ здравымъ смысломъ? Неужели при теперешнихъ обстоятельствахъ защита мирныхъ гражданъ отъ революціонныхъ бомбъ можетъ быть поставлена въ зависимость отъ исправности почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, среди которыхъ есть шведы, армяне и русскіе революціонеры, принимающіе всѣ мѣры къ тому, чтобы мѣшать правительству подавить крамолу?!

—

„Русское Знамя“ 13-го Сентября 1906 г. № 228.

Юстиція и придворныя сферы.

Шпіоны и измѣнники во всѣ времена человѣческой исторіи клеймились глубокимъ презрѣніемъ, независимо отъ той формы правленія, какую они старались сокрушить своимъ предательствомъ.

Но въ Русской Имперіи въ послѣднее десятилѣтіе до такой степени смѣшались понятія о правдѣ и чести, что люди, находящіеся на службѣ Россійскаго Императора, получающіе жалованье, чины, ордена и награды отъ русской казны, не гнушаются вести подпольную борьбу противъ той самой Верховной Власти, которая ихъ опредѣлила къ себѣ на службу.

Первая и неотложная задача Русскаго Народа это требовать, чтобы правительство немедленно очистило прокуратуру и суды отъ засѣвшихъ тамъ измѣнниковъ и шпіоновъ...

Глумленіе надъ святыми для русскаго человѣка понятіями надъ православною вѣрою и надъ царскимъ самодержавіемъ сдѣлалось обычнымъ явленіемъ въ министерствѣ юстиціи.

Въ газетѣ «Русское Слово» было напечатано сообщеніе о происшедшемъ, будто бы, конфликтѣ между «придворными сферами» и министромъ юстиціи И. Г. Щегловитымъ, по вопросу объ освобожденіи отъ отвѣтственности бывшихъ членовъ Государственной Думы, подписавшихъ выборгское воззваніе, между тѣмъ оказывается, что придворныя сферы вполнѣ довольны министерствомъ юстиціи; такъ; по крайней мѣрѣ, утверждаетъ оффиціозная газета «Россія», объявившая 10 сентября, что она уполномочена заявить, что сообщеніе о конфликтѣ между придворными сферами и г. Щегловитовымъ лишено всякаго основанія.

Но вотъ вопросъ останутся ли придворныя сферы довольны министерствомъ юстиціи даже послѣ того, какъ узнаютъ отъ насъ о нижеслѣдующемъ фактѣ:

Въ газетѣ «Вечернее Эхо», издаваемой въ Казани, появилось въ № 149 слѣдующее воззваніе:

„Граждане! правительство распустило думу —послѣднюю надежду мирнаго исхода революціи.

Этимъ актомъ нанесено тягчайшее оскорбленіе всему русскому народу. Со вчерашняго дня правительство стремится снова закрѣпить за собою власть, чтобы снова пить кровь народа, растлѣвать его женъ и дѣтей, хищнически грабить страну.

Граждане! всѣ мирные пути испытаны, они болѣе не годятся. Остается борьба.—„Будьте всѣ на своихъ мѣстахъ“..

За это воззваніе редакторъ „Вечерняго Эхо“ былъ привлеченъ къ отвѣтственности и казанскій окружный судъ оправдалъ его, не найдя въ этомъ воззваніи признаковъ и состава преступленія. Прокуроры Симоновъ и Чебышевъ не находятъ ничего преступнаго въ открытомъ призывѣ гражданъ къ вооруженной борьбѣ съ правительствомъ. Министерство юстиціи не находитъ нужнымъ опротестовать судебный приговоръ, оправдавшій редактора газеты, напечатавшаго, что правительство Государя „пьетъ кровь народа, растлѣваетъ женъ и дѣтей и хищнически грабитъ страну“.

Хорошо правосудіе, хороша вѣрность Государю и родинѣ, хороша хваленая безпристрастность.

„Мы“, говорятъ либералы-юристы, не вносимъ политику въ „судебныя рѣшенія“. Такъ ли это? Не есть ли это самая беззастѣнчивая политика оправдывать всѣхъ мятежниковъ, призывающихъ къ вооруженной борьбѣ съ правительствомъ? Сравните, господа юристы, воззваніе газеты „Вечернее Эхо“ съ воззваніемъ дѣйствительнаго стат-

скаго совѣтника Лаврова и по совѣсти скажите, можно ли уважать тѣхъ людей, которые обвиняютъ Лаврова и оправдываютъ редактора „Вечерняго Эхо“. Лавровъ привлекается за подстрекательство одной части населенія противъ другой. Но вникните въ его воззваніе: онъ совѣтуетъ русскимъ людямъ не слушать крамольниковъ и „прогонять отъ себя этихъ христопродавцевъ, которые помогаютъ евреямъ превратить Россію въ развалины; избейте ихъ, чтобы не было у нихъ охоты больше приходить къ вамъ“.

Такимъ образомъ изъ самаго грамматическаго построенія этой фразы видно, что не евреевъ, какъ часть населенія, называетъ онъ христопродавцами, а именно тѣхъ русскихъ измѣнниковъ, которые помогаютъ евреямъ превратить Россію въ развалины. Лавровъ не проповѣдуетъ ни бунта, ни возстанія противъ законной верховной власти, или противъ мирной части населенія, не призываетъ русскихъ людей идти къ евреямъ или къ революціонерамъ, чтобы ихъ избивать, а говоритъ лишь о самообороне, о самозащитѣ русскихъ „какъ только къ нимъ явятся эти христопродавцы“. Значитъ, избавиться отъ Лавровскаго погрома очень не трудно: стоитъ только христопродавцамъ бунтарямъ не ходить съ своими проповѣдями къ русскимъ людямъ и никто ихъ не тронетъ, а придутъ они непрошенные въ гости къ читателямъ Лаврова, такъ пусть сами и пеняютъ на себя за послѣдствія своей наглой назойливости.

Вотъ смыслъ всего воззванія д. с. с. Лаврова.

„Весь цензурный комитетъ въ полномъ составѣ разсмотрѣлъ это воззваніе и разрѣшилъ его печатать“. И вдругъ послѣ этого судебная власть поддерживаетъ обвиненіе противъ Лаврова. А та же судебная власть не нашла состава преступленія въ воззваніи „Вечерняго Эхо“, напечатаннаго безъ всякаго разрѣшенія цензуры.

Вотъ они прелести либерализма. Гонятъ, убиваютъ изъ за угла, преслѣдуютъ судомъ всѣхъ, кто служитъ родному русскому народу и награждаютъ и оправдываютъ всѣхъ тѣхъ, которые призываютъ народъ къ сверженію Верховной Царской власти, къ возстанію, къ бунту, къ мятежу. Оправдываютъ тѣхъ, которые пишутъ будто правительство Столыпина пьетъ кровь и растлѣваетъ женъ и дѣтей.

И послѣ всего этого радикальныя газеты имѣютъ наглость утверждать будто „всѣ министры“ кромѣ военнаго и морского, „подчинены“ П. А. Столыпину и „исполняютъ его предписанія“!

Нѣтъ только лжецы—революціонеры могутъ утверждать, что первый министръ П. А. Столыпинъ предписалъ министру юстиціи терпѣть въ судебномъ вѣдомствѣ такихъ предателей, которые въ воззваніи „Вечерняго Эхо“ не усмотрѣли признаковъ состава преступленія...

Мы убѣждены, что если подвиги казанскихъ судебныхъ дѣятелей станутъ извѣстны въ придворныхъ сферахъ, то министру юстиціи П. Г. Щегловитову дѣйствительно трудно будетъ оправдать не только своихъ либеральныхъ казанскихъ сослуживцевъ, но и свой собственный непомѣрно загадочный либерализмъ. А чтобы кадетская „Рѣчь“ и вдохновляемые ею сановники знали на сколько намъ страшны намеки „Рѣчи“, что смѣлыя статьи „Русскаго Знамени“ могутъ вызвать „непріятныя осложненія для ея редактора съ точки зрѣнія

адвокатской этики", считаемъ долгомъ заявить, что ту адвокатскую этику, которая оправдываетъ насиліе надъ судомъ и считаетъ совмѣстимымъ съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго устройство судебной забастовки—мы, дѣйствительно глубоко презираемъ. Мы служимъ родинѣ. Мы преданы до самозабвенія идеѣ сохраненія единой могущественной Русской Имперіи. За нами уже теперь стоитъ сила по грознѣе, чѣмъ всякіе еврейскіе бунды... На нашей сторонѣ правда, а потому мы не боимся подписывать наши статьи даже тогда, когда онѣ придутся очень не по вкусу самому министру юстиціи.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 14-го сентября 1906 г. № 229.

Гессенская правда.

Владиміръ Гессенъ въ нашумѣвшей статьѣ «объ убійствахъ справа и слѣва» заявилъ, что обѣими руками готовъ подписаться подъ словами тѣхъ, которые понимаютъ, если и не оправдываютъ, лицъ, совершающихъ политическія убійства.

Далѣе Гессенъ утверждаетъ, что «красный терроръ никогда не поднималъ руки на идейныхъ руководителей и вдохновителей реакціи, на ея публицистовъ и пророковъ, на тайныхъ и явныхъ совѣтниковъ власти, невооруженныхъ никакою принудительной физическою властью».

«Между тѣмъ Герценштейнъ убитъ за свою мысль и за свое слово».

Да такъ ли это? Неужели Гессену не извѣстны многочисленные случаи, когда красный терроръ направлялъ свое ядовитое жало противъ людей мысли и слова? Развѣ Гессенъ не слыхалъ о тѣхъ десяткахъ мирныхъ русскихъ рабочихъ, которыхъ жгли на плитѣ и привязывали къ маховому колесу только за то, что они, какъ напримѣръ, Иванъ Гусевъ, открыто на заводахъ среди сознательныхъ товарищей проповѣдывали свою мысль, что безъ Царя и Бога Россія окончательно погибнетъ? А развѣ священникъ, отецъ Владиміръ Троепольскій, звѣрски зарѣзанный анархистами въ Алупкѣ, былъ представителемъ принудительной физической власти?

Вѣдь Троепольскій боролся съ революціею только живымъ словомъ убѣжденія и проповѣди.

Такъ какъ же Владиміръ Гессенъ имѣетъ безстыдство увѣрять, будто красный терроръ никогда не поднималъ руки на идейныхъ руководителей? Не чувствуется ли въ этихъ позднихъ лживыхъ завѣреніяхъ вождя кадетской лиги просто таже трусливая нотка, которая прозвучала въ передней полицейскаго участка, куда другой идейный вдохно-

витель революціи, Петрункевичъ, прибѣжалъ просить охраны отъ черносотенцевъ.

Боже, какіе лицемѣры, какіе трусы и лжецы всѣ эти кадетскіе вожди.

„Русское Знамя“ 19-го сентября 1906 г. № 233.

По поводу убійства Е. К. Николаева.

Кровавые ужасы, творимые еврейско-масонской революціею, не прекращаются. Одинъ за другимъ падаютъ, сраженные изъ-за угла русскіе люди, вѣрные своему долгу. Революціонеры никого не жалѣютъ, ничего не щадятъ. Какъ самые низкіе и презрѣнные воры чужой жизни они подкрадываются сзади и стрѣляютъ въ затылокъ и въ спину несчастнымъ своимъ жертвамъ, не имѣя мужества встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу. Такъ былъ убитъ 6 сентября въ Варшавѣ командиръ седьмой батареи третьей лейбъ-гвардіи артиллерійской бригады полковникъ Евгеній Ивановичъ Николаевъ. Одинъ изъ злодѣевъ, по внѣшнему виду еврей, въ студенческой формѣ подойдя къ полковнику Николаеву сзади выстрѣлилъ четыре раза изъ браунинга ему въ затылокъ. Сраженный этими выстрѣлами съ разможенной головой изъ которой сочился мозгъ, несчастный полковникъ Николаевъ упалъ, какъ подкошенный на землю. Кровь залила весь тротуаръ, а въ это время другой злодѣй, выстрѣлилъ въ лежачаго уже мертваго.

Покойный Николаевъ былъ семейный человѣкъ; послѣ него осталась молодая жена, старикъ отецъ, дочь двухлѣтняя малютка.

Солдаты рыдали положительно навзрыдъ, при видѣ обезображеннаго трупа своего любимаго командира! А начальство, а высшее правительство, что предприняло оно, чтобы оградить своихъ вѣрныхъ слугъ, чтобы отомстить за ихъ смерть? Оно больше всего боится, чтобы революціонеры не упрекнули правительства въ мстительности. Трудно рѣшить, чему приписать такую боязнь, непомѣрной чуть не дѣтской, наивности, или гнусному непростительному лицемѣрію? Въ числѣ правительственныхъ сановниковъ есть много состоящихъ членами масонской лиги и кадетской партіи. Иные сами еще не записались ни въ международную лигу, ни въ кадетскую партію активной борьбы съ Самодержавной властью, но за то ихъ родные братья стоятъ во главѣ революціи и поэтому кровное родство мѣшаетъ имъ принять общія рѣшительныя мѣры противъ главарей революціи...

А положеніе Россіи все запутывается и ухудшается. Можно ли надѣяться на выборы, на успѣшную мирную борьбу умѣренной части общества противъ кровавой революціи? Вѣдь въ рѣшительную минуту всегда берутъ верхъ только крайніе люди, а эту историческую истину не хотятъ принять въ соображеніе ни П. А. Столыпинъ, ни всѣ его окружающіе либералы. Судьбу Россіи рѣшатъ или крайніе лѣвые или крайніе правые. Середины быть не можетъ, потому что она одинаково ненавистна и правому и лѣвому крылу. Напрасно ловкіе интриганы

расчитываютъ натравить революціонеровъ на Союзъ Русскаго Народа и обезсиливъ въ дикой схваткѣ этихъ двухъ непримиримыхъ враговъ водрузить свою лицемѣрно-благородную конституціонную власть на развалинахъ крайнихъ лѣвыхъ и крайнихъ правыхъ партій. Власть по долгу удерживается только въ тѣхъ рукахъ, которыя смѣлы и тверды. Вся Россія жаждетъ сильной и твердой власти. Искра надежды загорѣлась въ милліонахъ русскихъ сердецъ, когда П. А. Столыпинъ готовъ былъ признать въ своемъ чудесномъ спасеніи перстъ Божій, указывающій ему, что никакими уступками революціонерамъ и евреямъ онъ не умиротворитъ Россію! Но эта искра начинаетъ гаснуть. Въ тайникахъ государственной канцеляріи переписывается указъ о разныхъ льготахъ евреямъ. Въ высшихъ сферахъ идетъ дѣятельная агитація въ пользу масонства, а юстиція сажаетъ въ тюрьму тѣхъ, кто ради самозащиты отбиваетъ революціонныя атаки.

Въ Саратовѣ, крестьянъ, которыхъ бывшій саратовскій губернаторъ Столыпинъ хвалилъ за вѣрность Самодержавному Царю и Родинѣ, теперь посадили въ тюрьму, а всѣхъ главныхъ агитаторовъ выпустили изъ тюремъ. Въ Казани судебное вѣдомство подъ руководствомъ Симонова и Чебышева совсѣмъ почти открыто беретъ подъ свое покровительство такихъ революціонеровъ-подстрекателей, какъ редактора газеты «Вечернее Эхо». Наконецъ, въ Варшавѣ, когда мать вдовы убитаго полковника Николаева, явилась къ прокурору Судебной палаты Сергѣю Димитріевичу Набокову и разсказала ему возмутительные факты, которые извѣстны всему офицерскому обществу въ Варшавѣ, то господинъ Набоковъ холодно ей отвѣтилъ, что „это очень, конечно, непріятно, но онъ не находитъ нужнымъ передавать это дѣло судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, такъ какъ у него есть болѣе важныя дѣла, чѣмъ убійство полковника Николаева".

Итакъ, звѣрское убійство, посреди большого города изъ-за засады русскаго полковника, выдающагося по дарованіямъ, уму и учености все это не особо важно. Удручающее впечатлѣніе, которое производитъ на русскихъ солдатъ сознаніе, что ихъ офицеровъ безнаказанно убиваютъ какъ собаку; негодованіе русскихъ людей на то, что оба еврея, убившіе полковника Николаева, отойдя два шага отъ своей жертвы на глазахъ публики были впущены въ ворота дома училища Маевскаго дворникомъ, видѣвшимъ убійство — это все не важно! Вѣроятно, неважно также и то, что дворникъ заперъ за убійцами ворота, чтобы облегчить имъ скрыться отъ военнаго патруля! Наконецъ, не важно и то, что у этого дворника даже не сдѣлали обыска, а вмѣсто того сдѣлали обыскъ у классныхъ дамъ, живущихъ въ домѣ Маевскаго. Вѣдь это издѣвательство надъ правосудіемъ! Но все это не важно?!.

Въ Ригѣ «злоумышленники» взорвали телеграфный столбъ. Ихъ судили военно-полевымъ судомъ и разстрѣляли. Въ Москвѣ повѣшенъ по приговору военно-полевого суда крестьянинъ Семенъ Грачевъ за то, что ограбилъ лавку еврея Левина.

А революціонеры, застрѣлившіе въ Ростовѣ на Дону полковника Иванова, арестованные 22 сентября, преданы суду Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.*) Убійцы же полковника Ни-

*) И въ послѣдствіи были оправданы.

колаева совсѣмъ не арестованы, а слѣдствіе по дѣлу не находятъ даже нужнымъ поручать опытному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ.

Выходитъ такимъ образомъ, что покушеніе на телеграфный столбъ и на ограбленіе еврейской лавки наказываются смертной казнью, а революціонеры, убившіе русскихъ офицеровъ наказываются гораздо легче, чѣмъ тѣ, которые ограбили еврейскую лавку.

Неужели же жизнь русскихъ воиновъ не драгоцѣннѣе, чѣмъ телеграфный столбъ? Неужели это все не извѣстно первому министру? И невольно хочется вмѣстѣ съ вдовою и тещею убитаго полковника Николаева крикнуть: „Не можетъ быть, чтобы П. А. Столыпину не было дѣла до чести и достоинства русскаго войска. Не можетъ быть, чтобы Столыпинъ одобрялъ то либеральное равнодушіе, съ какимъ министръ юстиціи Щегловитовъ и прокуроръ Варшавской Судебной Палаты относятся къ мольбамъ русскихъ людей оградить ихъ отъ посягательствъ революціонеровъ... Мы не печатаемъ раздирающаго душу письма несчастной госпожи Тихменевой. Мы не рѣшаемся скорбь и негодованіе ея дѣлать достояніемъ печати, но умоляемъ П. А. Столыпина вспомнить свою молодость, вспомнить, какъ онъ бывалъ въ домѣ Тихменевой и быть можетъ чувство острой жалости къ страданіямъ этой женщины, у дочери которой революціонеры звѣрски отняли мужа, проникнетъ трепетнымъ лучемъ въ душу перваго министра.

И все, что есть лучшаго и возвышеннаго въ этой загадочной душѣ проснется, содрогаясь отъ той несправедливости, которая творится теперь на Руси, благодаря потворству революціонерамъ... Довольно колебаній, довольно уступокъ главарямъ революціи! Первый министръ не мстилъ за страданія своихъ родныхъ дѣтей, но онъ не можетъ оставлять безъ отмщенія страданія русскаго народа. Есть времена, когда позорно быть милосернымъ къ злодѣямъ, когда постыдно быть снисходительнымъ къ людямъ, издѣвающимся надъ правосудіемъ.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 6-го Октября 1906 г. № 248.

Искренность.

Мѣсяцъ тому назадъ первый министръ П. А. Столыпинъ въ Зимнемъ дворцѣ принималъ предсѣдателей отдѣловъ Союза Русскаго Народа. Всего тогда у Союза было сто три отдѣла, но нѣкоторые предсѣдатели не пріѣхали вовсе на съѣздъ, а иные не пожелали представляться Столыпину, считая его приверженцемъ парламентаризма, противъ котораго Союзъ Русскаго Народа будетъ бороться до послѣдней капли крови своихъ руководителей.

Выслушавъ символъ вѣры Союза Русскаго Народа, Столыпинъ

твердо и положительно отрекся отъ всякаго сочувствія парламентаризму. Слова Столыпина записаны присутствовавшими лицами тотчасъ послѣ пріема и могутъ быть во всякое время обнародованы. Точность записанныхъ словъ можетъ быть подтверждена подъ присягою всѣми присутствовавшими на пріемѣ предсѣдателями и уполномоченными отдѣловъ.

Кончивъ свою блестящую рѣчь, П. А. Столыпинъ высказалъ увѣренность т. е. иными словами пожеланіе, что все имъ сказанное не появится въ печати.

Мы исполнили его желаніе, ни одна строчка изъ того, что имъ было сказано не появилось въ печати.

Но всегда ли такъ скроменъ Столыпинъ? Почему только то, что онъ сказалъ редактору газеты «Русское Знамя» и газеты «За Царя и Родину, то, что было сказано въ присутствіи предсѣдателей отдѣловъ Союза Русскаго Народа, не должно появляться на столбцахъ газетъ, а все, что Столыпинъ говорилъ Мухапову и разнымъ англійскимъ и французскимъ репортерамъ, это можетъ быть разносимо по всему свѣту?

Почему же насъ просятъ молчать, а болтовню радикаловъ и иностранцевъ не опровергаютъ? Мы видѣли предъ собою русскаго горячо любящаго родину министра, а иностранные писатели стараются изобразить этого министра чуть ли не такимъ же международникомъ и конституціоналистомъ, какимъ выказалъ себя графъ Витте.

Который же Столыпинъ былъ искренъ? Тотъ ли который говорилъ съ русскими людьми, или тотъ, который оправдывался передъ иностранцами и евреями?

Очевидно П. А. Столыпинъ загадка, но въ наше время онъ, пожалуй, болѣе всякаго другого на своемъ мѣстѣ! Все неопредѣленное, все загадочное, теперь имѣетъ особую цѣну въ глазахъ руководителей разлагающейся правительственной машины Великой Россійской Имперіи. Людей съ слишкомъ яснымъ опредѣленнымъ правительственнымъ обликомъ, какъ Плеве, Бобриковъ, Побѣдоносцевъ, Ванновскій не выносятъ. Отъ такихъ людей сторонятся. Ихъ правда въ душѣ уважаютъ, но ихъ ненавидятъ. Теперешнее общество и вся Петербургская бюрократія въ политикѣ слѣдуетъ вкусамъ поэта Стефана Маларме, увѣрявшаго, что вся прелесть жизни заключается въ постепенномъ отгадываніи, а потому совѣтовавшаго никогда не называть ничего собственнымъ именемъ. Поэтому-то такіе люди, какъ Герардъ, Витте, Мавухинъ, Кауфманъ, Нольде, Таганцевъ, Икскюль, которые сегодня говорятъ то, что отрицали вчера, которые внимательно прислушиваются къ вою революціонной еврейской печати и ради сохраненія своей жизни идутъ на всякія сдѣлки, могутъ расчитывать на успѣхъ въ обществѣ, утратившемъ способность уважать добродѣтель и стойкость убѣжденій.

А люди идейные, люди, для которыхъ русская родина дороже собственной жизни—заранѣе обречены на гоненіе и травлю со стороны высокопоставленныхъ лакеевъ англо-еврейскаго заговора.

Для множества русскихъ людей, однако, жизнь все болѣе и болѣе утрачиваетъ значеніе и всякую цѣну. Отчаяніе, глухая, нестерпимая жажда мести, ненависть противъ предателей сквозитъ въ каждой строчкѣ

множества писемъ, которыя я получаю со всѣхъ концовъ Россіи послѣ первыхъ моихъ передовыхъ статей. Особенное негодованіе раздается по адресу тѣхъ лицемѣрныхъ судебныхъ дѣятелей, которые преслѣдуютъ монархистовъ, заискивая у революціонеровъ.

Несчастіе Россіи поистинѣ ужасающее, но меня утѣшаетъ всегда воспоминаніе о томъ, какъ знаменитый, безнадежно-мрачный писатель графъ Леопарди однажды сказалъ, что «никакое несчастіе нельзя почесть за черезмѣрное, если продолжительность его всецѣло зависитъ отъ воли страдающаго».

Я вѣрю, что стоитъ Русскому Самодержцу твердо захотѣть и страданія русскаго народа прекратятся. Я вѣрю, что скоро самъ русскій народъ прекратитъ тѣ ужасы и то предательство, отъ которыхъ Великая Имперія Александра Третьяго въ нѣсколько лѣтъ низвелась на степень чуть-ли не несчастной Турціи.

На что намъ жизнь, когда отъ насъ отнимаютъ счастье, славу, вѣру, даже честь. Англичане уже управляютъ нашими министрами, евреи убиваютъ нашихъ генераловъ и городовыхъ; революціонеры запрещаютъ намъ говорить и читать то, что намъ нравится и заставляютъ насъ преклоняться предъ всѣми злодѣяніями, творимыми созпательными передовыми борцами...

Нѣтъ, изъ того ужаса, который переживаетъ теперь Россія, ее выведутъ не Витте, не либеральное пустословіе, не продавшіе себя евреямъ сановники.

Не средніе, не сидящіе между двумя стульями вожди успокоятъ взбаламученное русское море!

Жизнь отдыхаетъ отъ одной страсти не иначе, какъ впадая въ другую страсть!

Теперь царитъ страсть ломать все русское, все родное, замѣняя все французскою революціею. Но чуется уже въ воздухѣ приближеніе новой непреодолимой страсти, которая поглотитъ и задавитъ всѣхъ поклонниковъ французской революціи.

Народъ жаждетъ сильной твердой власти. Народъ страстно ея желаетъ и страсть эта заглушитъ всѣ другія еврейско-масонскія страсти. Не даромъ даже масонъ-магнетизеръ «Филиппъ» со вздохомъ сказалъ: «Россію спасетъ русскій народъ».

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 7-го октября 1906 г. № 249.

Новый видъ правосудія.

Ничто не овладѣваетъ такъ всецѣло человѣкомъ и не подчиняетъ себѣ всю его дѣятельность, какъ бредъ навязчиваго представленія. Не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя учрежденія, очевидно, заболѣваютъ теперь бредомъ безсмысленнаго преклоненія предъ кадетскими главарями ..

Не далѣе какъ 3 октября 1906 г., въ № 9523 «Биржевыхъ Вѣдомостей» появилась слѣдующая статья, перепечатанная изъ газеты „Товарищъ“:

«Къ допросу проф. Петражицкаго». На-дняхъ проф. Л. И. Петражицкій, какъ уже сообщалось, былъ вызванъ къ судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ по дѣлу о выборгскомъ воззваніи. Какъ въ настоящее время выяснилось, г. Петражицкій былъ вызванъ по дѣлу первымъ потому, что прокурорская власть сомнѣвается въ правильности предъявленнаго къ бывшимъ членамъ Государственной Думы обвиненія. Поэтому прокуратура желала выслушать мнѣніе по данному вопросу г. Петражицкаго, какъ виднаго юриста, который помогъ бы ей разобраться въ вопросѣ и далъ бы возможность представить дѣло на разсмотрѣніе палаты съ надлежащимъ обоснованіемъ».

Читаешь эти перлы глумленія надъ здравымъ смысломъ, надъ совѣстью и основными понятіями о правосудіи и только руками разводишь. Да что же это такое, наконецъ, съ какихъ поръ обвиняемый вызывается въ судъ въ качествѣ «свѣдующаго лица», по поводу тяготѣющаго надъ нимъ обвиненія? Съ какихъ поръ прокуратурѣ предоставлено право вмѣсто заключенія подъ стражу «бунтовщиковъ»— спрашивать у самихъ „бунтовщиковъ“ изъявляютъ-ли они свое согласіе на привлеченіе ихъ къ суду?

Правда, въ «Новомъ Времени» 6 октября 1906 года, въ № 10979 появилось, что-то въ родѣ опроверженія по адресу газеты «Страны». Но читая слова П. К. Камышанскаго, еще тяжелѣе становится на душѣ! Неужели этотъ живой, умный, талантливый прокуроръ Судебной Палаты могъ обратиться къ обвиняемому даже приблизительно со слѣдующими словами:

«Такъ какъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, вопросъ о правильности привлеченія бывшихъ членовъ Государственной Думы спеціально обсуждался въ конституціонно-демократической партіи при участіи выдающихся юристовъ, и рѣшенъ не въ пользу прокурорскаго надзора, то, имѣя въ виду процедуру обжалованія и ради ея ускоренія, я рѣшилъ пригласить васъ, профессоръ, первымъ къ допросу, дабы вы, какъ компетентное лицо, могли ознакомиться съ постановленіемъ о привлеченіи къ суду и дѣйствовать далѣе по своему усмотрѣнію».

Итакъ, прокуроръ Судебной Палаты, по словамъ „Новаго Времени“ рѣшилъ пригласить къ допросу обвиняемаго Петражицкаго не потому, что къ этому его обязываетъ законъ, а лишь потому, что, „судя по газетнымъ извѣстіямъ вопросъ этотъ спеціально обсуждался въ конституціонно-демократической партіи и рѣшенъ не въ пользу прокуратуры“.

Обвиняемаго профессора Петражицкаго вызываютъ, какъ компетентное лицо.

Что за тонкость юридическаго мышленія! Какая глубокая, неуловимая ироніи и какая красота слога въ словахъ опроверженія: „это свидѣтельствуетъ лишній разъ о томъ, какъ они, т.-е. кадеты, высоко о себѣ понимаютъ“.

Да какъ же „не понимать о себѣ высоко“, когда прокуроры Судебныхъ Палатъ распинаются передъ кадетскими главарями и не рѣшаются даже въ ихъ присутствіи имѣть свое мнѣніе.

Обращеніе къ обвиняемому съ предисловіемъ, которое по словамъ „Новаго Времени" сдѣлано П. К. Камышанскимъ по адресу „компетентнаго" профессора Петражицкаго, обвиняемаго не въ составленіи, а въ распространеніи „Выборгскаго воззванія" — вѣдь это своего рода перлъ краснорѣчія. „Они высоко о себѣ понимаютъ".

На какомъ языкѣ сказана эта фраза. Русскій языкъ такихъ построеній „высоко о себѣ понимаютъ" не допускаетъ, и только у иныхъ не совсѣмъ русскимъ компетентныхъ юристовъ можно встрѣтить выраженія, свидѣтельствующія, что они не только высоко о себѣ понимаютъ, но и очень даже „высоко изъ-подъ себя думаютъ".

Неужели эти юристы настолько компетентны, что безъ расшаркиванія передъ ними прокуратура не можетъ уже отправлять свои обязанности.

Преступникъ, помогающій прокуратурѣ разбираться въ вопросѣ о своей виновности!

Вѣдь это безподобно!!!

Вѣдь такой статьи въ уставѣ судопроизводства никогда и нигдѣ не бывало.

Вѣдь это уже не условное осужденіе, а условное отправленіе правосудія!

По истинѣ болѣе передовой юстиціи во всемъ мірѣ не сыскать. Вотъ что значитъ, когда во главѣ министерства стоитъ такой просвѣщенный либеральный дѣятель, какъ Щегловитовъ.

Генералъ прокуроръ и подвѣдомственная ему петербургская прокуратура высоко чтутъ мнѣніе виднаго „русскаго" юриста Петражицкаго (не умѣющаго даже безъ ошибокъ и безъ акцента говорить по-русски).

Если самъ обвиняемый Петражицкій найдетъ, что съ точки зрѣнія польско-еврейскихъ „видныхъ" юристовъ въ дѣяніи „выборгскихъ кадетовъ повстанцевъ" есть признаки тяжкаго преступленія—прокуратура тогда раскланяется предъ Петражицкимъ и заключитъ его первымъ, подъ стражу, опираясь на его собственное ученое заключеніе.

Но, если Петражицкій найдетъ, что выборгскіе повстанцы правы, а виновато во всемъ «царское правительство вахмистровъ и погромщиковъ,» то прокуратура съ торжествомъ и съ гордостью доложитъ судебной палатѣ, что сомнѣваясь въ правильности обвиненія, предъявленнаго къ бывшимъ членамъ Государственной Думы, она допросила первымъ обвиняемаго Петражицкаго и самъ Петражицкій не нашелъ состава преступленія въ своихъ преступленіяхъ!!!

Какіе же послѣ этого еще разговоры. Дѣло пойдетъ на прекращеніе...

Великое хитроуміе и великая низость почти одно и то же!

Нѣтъ вѣрности закону и правдѣ, гдѣ нѣтъ вѣрности своему долгу и своей присягѣ.

И въ такомъ позорномъ видѣ газеты «Товарищъ» и «Биржевыя Вѣдомости» выставляютъ столичную прокуратуру, изображая ее игрушкою въ рукахъ руководителей кадетской партіи! А министръ юстиціи молчитъ и прокуроръ петербургской судебной палаты оффиціально не опровергаетъ позорныхъ сообщеній «Товарища» и «Биржевыхъ Вѣдомостей», а робко и не смѣло въ третьемъ лицѣ приводитъ лишь приблизительно свои слова.

Вслѣдствіе своей неточности они, вѣроятно, «приближаютъ» насъ къ той грани, гдѣ предупредительность и вѣжливость къ обвиняемому переходитъ уже въ низкопоклонничество передъ людьми, составившими выборгское воззваніе къ ниспроверженію законнаго царскаго правительства.

Можно имѣть какія угодно убѣжденія, состоя въ адвокатурѣ, но состоя на государственной службѣ въ прокуратурѣ и въ судахъ въ монархическомъ государствѣ нельзя даже «приблизительно» говорить то, что приписываютъ П. К. Камышанскому лѣвыя газеты. Если правда, что главари революціоннаго выборгскаго заговора обвиняются не въ составленіи и подписаніи, т. е. не въ учиненіи въ печати воззванія, а лишь въ его распространеніи, то, конечно, вся исторія привлеченія ихъ къ суду кончится кукольной комедіею! Потому что распространяли воззваніе не главари, а почти исключительно мелкія сошки, студенты и рабочіе, которыми уже переполнены тюрьмы.

Доказать, что Колюбакинъ, Петражицкій, Муромцевъ, Милюковъ, Гессенъ и всѣ другіе главари развозили и раздавали выборгское воззваніе—совершенно невозможно.

Въ то время какъ разносчики «выборгскаго воззванія» томятся въ тюрьмахъ—творцы этого пресловутаго выборгскаго кренделя гордо разгуливаютъ на свободѣ и съ улыбкою жмутъ руки высшимъ чинамъ россійской юстиціи.

„Полиція и судъ обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не былъ наказанъ безъ закона и помимо суда".

Такъ выразился о полиціи уважаемый русскій юристъ А. Ѳ. Кони. Онъ тоже отличался либерализмомъ, но его либерализмъ совсѣмъ иной пробы, чѣмъ тотъ, какимъ „щеголяютъ" современные юристы „Щегловитовскаго министерства".

Для либераловъ семидесятыхъ годовъ было неоспоримой истиной, что министръ юстиціи обязанъ неусыпно наблюдать за тѣмъ, „чтобы никто не издѣвался надъ закономъ и надъ судомъ!

А когда въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не могли рѣшить вопроса о привлеченіи къ отвѣтственности виновныхъ, подписавшихъ выборгское воззваніе—это издѣвательство надъ судомъ!

Когда лица, открыто въ октябрѣ 1905 года призывавшія толпу къ избіенію правительственныхъ властей и собиравшія на похороны Царя—остаются безнаказанны, а тѣ, кто ихъ разгоняли привлечены къ суду—это глумленіе надъ судомъ! Когда редакторъ газеты «Вечернее Эхо», призывавшій къ сверженію правительства, посредствомъ вооруженнаго возстанія—оправданъ Казанскою судебной палатою—это издѣвательство надъ судомъ!

Когда на Невскомъ революціонеръ публично поносилъ бранными словами Царя, толпа хотѣла за это избить революціонера. Въ толпѣ былъ чиновникъ, сказавшій громко, что за такія рѣчи нужно бить.

Революціонеръ убѣжалъ, а противъ чиновника возбудили уголовное слѣдствіе и оно до сихъ поръ не прекращено. Это конечно глумленіе надъ закономъ, ибо выходитъ, что возбуждать толпу противъ Царя можно безнаказанно, а противъ революціонеровъ нельзя...

Очевидно нѣкоторые сановники стараются угождать революціонерамъ и боятся ихъ больше, чѣмъ Царя.

Кадеты, состоящіе на государственной службѣ такъ прямо и говорили въ 1905 году своимъ подчиненнымъ: «не будьте безтактны по отношенію революціонеровъ, скоро можетъ быть произойдетъ государственный переворотъ». Теперь, впрочемъ, сами кадеты убѣдились, что народъ не хочетъ никакого переворота и повсюду бьетъ тѣхъ проповѣдниковъ, которые дерзаютъ оскорблять Царское Самодержавіе. Но революція еще не прекратилась. Предательство продолжается. Ни одно вѣдомство не можетъ причинить народу и Монархіи столько зла, и столько добра, сколько судебное вѣдомство. Если во имя безпартійности судебное вѣдомство будетъ преслѣдовать монархистовъ и заискивать у революціонеровъ, то революція будетъ дѣлать успѣхи, несмотря на всѣ препятствія, какія ей будетъ ставить администрація. Во главѣ юстиціи долженъ стоять мужественный непоколебимо честный поборникъ законности и порядка. Министръ юстиціи въ Русской Имперіи долженъ быть силенъ своею вѣрою въ правоту, и законность Царскаго Самодержавія! Но если онъ нуждается въ совѣтахъ Винавера, и Петражицкаго, то доказываетъ свою слабость, а слабость есть грѣхъ, ибо въ мірѣ нѣтъ ничего безсильнѣе виновной совѣсти...

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 8-го октября 1906 г. № 250.

Революціонные лжецы.

Въ газетахъ «Товарищъ» и «Око», занимающихся сочиненіемъ всевозможныхъ лживыхъ извѣстій, появилось сообщеніе, что «докторъ А. И. Дубровинъ, какъ редакторъ-издатель «Русскаго Знамени» вошелъ въ министерство съ ходатайствомъ поддержать дѣла изданія, которыя за послѣднее время сильно пошатнулись, такъ что, въ случаѣ отказа въ субсидіи, газета вынуждена будетъ ликвидировать свои дѣла».

Это сообщеніе измышлено лѣвыми газетами, уже неоднократно распускавшими слухъ, что будто «Русское Знамя» скоро прекратится. Все это, конечно, ложь! Пошатнуться дѣла изданія не могли, потому что «Русское Знамя» не есть торговое предпріятіе, а идейное изданіе, начатое на гроши, при даровыхъ сотрудникахъ, а теперь маленькій капиталъ редакціонной комиссіи не только не уменьшился, но даже возросъ, ибо количество подписчиковъ увеличивается не по днямъ, а по часамъ.

Удивительно, какъ лѣвыя газеты любятъ заниматься сыскомъ и шарить въ чужихъ карманахъ, доискиваясь, какія средства имѣются въ Союзѣ Русскаго Народа. Мы бы, конечно, могли бы отплатить имъ взаимностью и на столбцахъ нашей газеты, дѣлать догадки и справки о томъ, изъ какихъ источниковъ уличныя газеты „Товарищъ“, „Око“, „Народъ“ и т. п. платятъ построчную плату своимъ грязнымъ сотрудникамъ-лгунишкамъ, измышляющимъ всякія клеветы на руково-

дителей Союза Русскаго Народа. Прямота, правдивость и смѣлость „Русскаго Знамени“ привлекаютъ къ нему сердца всѣхъ русскихъ людей и свидѣтельствуютъ о томъ, что эта газета не изъ числа тѣхъ, «которыя въ случаѣ отказа въ субсидіи ликвидируютъ свои дѣла». «Русское Знамя»не нуждается въ покровительствѣ министровъ. Настанетъ скоро время, когда всѣмъ это станетъ ясно. У насъ есть поддержка сильнѣе. „Русское Знамя“, есть органъ Союза Русскаго Народа, а потому ликвидація «Знамени» можетъ наступить только тогда, когда враги Русскаго царства успѣютъ «ликвидировать» русскій народъ. Но этого вѣроятно, никогда не будетъ.

„Русское Знамя“ 19-го октября 1906 г. № 259.

Плоды кадетскаго правосудія.

Обращаемъ вниманіе на помѣщенныя въ сегодняшнемъ номерѣ «Русскаго Знамени» письмо изъ Симферополя и статью о Гомельскомъ слѣдователѣ.

Въ то время, какъ самъ министръ юстиціи г. Щегловитовъ очень озабоченъ, чтобы кадеты и „трудовики“ не могли его даже въ будущей думѣ упрекнуть въ посягательствѣ на ихъ «свободу», подвѣдомственные ему судьи и слѣдователи во многихъ мѣстахъ изъ кожи лѣзутъ, чтобы доказать «черносотенцамъ», что справедливость и милосердіе въ судахъ не примѣняются къ русскимъ монархистамъ, имѣвшимъ несчастіе попасть въ кадетскія судейскія лапы.

Министромъ юстиціи внесенъ на разсмотрѣніе правительствующаго сената вопросъ о томъ: а) представляется ли обязаніе подпискою о явкѣ къ слѣдствію или суду и неотлучкѣ съ мѣста жительства—однимъ изъ видовъ лишенія или ограниченія свободы и, соотвѣтственно съ симъ, можетъ ли означенная мѣра пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда быть принята въ отношеніи члена Государственной Думы, во время ея сессіи, безъ испрошенія предварительнаго разрѣшенія Думы».

Какая предусмотрительность. А въ то же время въ Симферополѣ, въ Тульской губ. и въ Саратовской губ. томятся въ тюрьмахъ уже почти годъ невинные русскіе люди, признанные бунтовщиками и засаженные въ темницы впредь по окончанія слѣдствія за то только, что вступились за честь Царя и Родины! И добро бы если бы ко всѣмъ нарушителямъ порядка относилось одинаково наше министерство юстиціи. Но, нѣтъ; когда порядокъ нарушаютъ «черносотенцы», тогда юстиція къ нимъ безжалостна; а когда порядокъ нарушаютъ враги Царскаго дома Романовыхъ и Русскаго Народа, тогда юстиція не только къ нарушителямъ милосердна, но даже, какъ это было въ Симферополѣ, прямо замяла и скрыла всѣ факты, свидѣтельствующіе, что не черносотенцы виноваты въ погромѣ, а «краснокожіе кадеты».

Вѣроятно министру юстиціи не извѣстно, что 18 октября прошлаго года въ Симферопольской Акъ-Мечети революціонеры разбили двери тюрьмы, выпустили преступниковъ и грабителей, принесли имъ оружіе и платье; разстрѣляли портреты Императора Николая II и за все это не были отданы даже подъ судъ?

Прокалываніе глазъ въ Царскихъ портретахъ, глумленіе надъ вѣрою народа, надъ національной гордостью, пѣніе революціонныхъ пѣсенъ, взятіе «Таврической бастиліи», снабженіе арестантовъ оружіемъ и стрѣльба по мирнымъ черносотенцамъ изъ браунинговъ—все это замяли, скрыли и не привлекли къ суду ни одного краснотряпичника, а всѣхъ черносотенцевъ томятъ въ тюрьмахъ! И это кадеты называютъ прогрессомъ, либерализмомъ, справедливостью. А по нашему это не справедливость, а гнусная подлость.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 21-го Октября 1906 г. № 261.

День Восшествія на Престолъ.

Недолгое царствованіе Императора Александра Третьяго было ознаменовано возрожденіемъ Россіи. Неимовѣрныхъ усилій, стоило незабвенному Царю-Миротворцу, возстановить въ Россіи расшатанный первомартовскими ужасами порядокъ, и спасти ее отъ распаденія. Предводители тогдашнихъ «освободительныхъ» шаекъ, возомнившіе было себя вершителями судебъ Россіи, робко стушевались при видѣ надлежаще проявленной единоличной Царской Власти.

Умирая, царственный труженикъ оставилъ своему Сыну благоустроенное, на зависть сосѣдямъ,—наслѣдіе. Въ Россіи процвѣталъ мирный трудъ, и она была сильна внутри и извнѣ. Нынѣ царствующій Государь Императоръ, воодушевленный стремленіемъ вести Россію по пути завѣщанному Отцомъ, вступилъ на престолъ при обстоятельствахъ предвѣщавшихъ благополучное царствованіе; но судьба рѣшила иначе. Свѣтлую зарю новаго царствованія обволокло кровавыми тучами ходынской катастрофы. Затѣмъ по мѣрѣ того какъ правительство стало уклоняться съ благодатнаго пути, начертаннаго незабвеннымъ Царемъ Богатыремъ—Александромъ III на Россію посыпались одно за другимъ тяжкія испытанія и несчастія. Министры Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ забыли, что Россія для русскихъ и стали наперерывъ другъ передъ другомъ стараться угодить Англичанамъ, еврейскимъ банкирамъ, шведскимъ и польскимъ сепаратистамъ, а о благѣ Русскаго Народа совсѣмъ не заботились. Погоня за одобреніемъ и похвалой въ еврейскихъ лондонскихъ и парижскикъ газетахъ сдѣлалась главнымъ пробужденіемъ и мѣриломъ годности и до-

стоинствъ Министровъ. И эти министры не успѣвали докладывать о нуждахъ Россіи, не хотѣли обезопасить Россію отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, только гнались „за похвалами и дипломами", раздаваемыми за границей нашимъ сановникамъ за предательство Россіи. За счетъ русскаго народа возмечтали облагодѣтельствовать весь міръ, и разоружая русскую мощь, заслужить благодарность Великобританіи. Плоды такой политики сказались очень скоро. Изъ сильнѣйшей державы въ мірѣ Россія превратилась въ нѣсколько лѣтъ въ разслабленнаго больного. Водоворотомъ событій Россія была вовлечена въ войну съ Китаемъ, и затѣмъ съ Японіей. Послѣ напряжчайшаго испытанія ниспосланнаго нашей родинѣ неудачнымъ исходомъ войны, возгорѣлась внутренняя позорная братоубійственная распря до сихъ поръ злорадно разжигаемая при помощи русскихъ соціалъ-измѣнниковъ—евреями. Всесвѣтный паразитъ еврей, довѣрчиво отогрѣтый на мирной русской груди, открыто глумясь надъ завѣтно-святыми чувствами русскаго народа подъ видомъ равноправія стремится къ его окончательному порабощенію. Кровавая волна анархіи, смывая дѣятелей вѣрныхъ завѣтамъ чести и долга, подступаетъ къ ступенямъ Трона. Но Милостивъ Богъ земли Русской. Несмотря на безчестныя вражескія ухищренія, хищныхъ іудеевъ и ихъ пособниковъ горячая любовь и приверженность русскаго народа къ Самодержавной Царской Власти спасетъ Россію. Весь русскій народъ, за исключеніемъ ничтожной шайки презрѣнныхъ лукавящихъ, либеральствующихъ изгоевъ, сочтетъ для себя счастіемъ съ радостью умереть за Родину и за неприкосновенность Царской Самодержавной Власти. Сегодня въ знаменательный день вступленія Царя Николая II на прародительскій Престолъ, сольемся въ единодушномъ пожеланіи Ему слѣдовать завѣтамъ Отца, ибо Божье благословеніе нисходитъ только на тѣхъ сыновей, которые чтутъ завѣты своего отца. Боже сохрани въ Россіи Царскую Самодержавную Власть.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 22-го октября 1906 г. № 262.

Былъ въ должности камеръ-юнкера.

Такіе господа, какъ лицеистъ П. П. Сабуровъ, поднявшій на лицейскомъ праздникѣ, 19 октября свой бокалъ за здравіе Муромцева, Карѣева и другихъ бывшихъ думцевъ, совершившихъ безчестный поступокъ, конечно, не могутъ оставаться въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Величества?

Вѣдь Муромцевъ и компанія, подписавшая Выборгское воззваніе, призывали народъ къ неповиновенію Царской власти, совѣтуя не давать казнѣ денегъ, а Царскому войску солдатъ. Такой бунтовщическій призывъ дѣлается сугубо гнуснымъ и преступнымъ, когда находитъ

одобреніе среди должностныхъ лицъ, обязанныхъ служебнымъ долгомъ и придворнымъ своимъ званіемъ хранить особую преданность и благодарность Царю.

Въ такихъ вопросахъ, какъ измѣна присягѣ, нельзя быть снисходительнымъ. Тутъ ни природное тупоуміе, ни пріобрѣтенное легкомысліе, ни бокалъ вина не могутъ служить извиненіемъ для преступника. Это поняли всѣ присутствовавшіе на завтракѣ бывшіе лицеисты. Тостъ камеръ-юнкера Сабурова за выборгскихъ крамольниковъ былъ встрѣченъ негодующими криками и свистками. Да иначе и быть не могло: вѣдь лицеисты не торгуютъ своею любовью къ родинѣ и никогда не согласятся стать лакеями революціи, хотя бы за это рептильныя газеты, какъ «Рѣчь» начали ихъ расхваливать до небесъ...

Посыпавшіеся по адресу Сабурова со всѣхъ сторонъ негодующіе крики, угрозы и даже пинки и пощечины превратились на столбцахъ «Рѣчи» въ «единодушные крики одобренія».

Такъ беззастѣнчиво лгать и перевирать событія, какъ вретъ хроникеръ газеты «Рѣчь» могутъ только люди, потерявшіе всякій стыдъ и совѣсть.

Оффиціозная «Россія» называетъ это происшествіе «крупнымъ недоразумѣніемъ» на лицейскомъ праздникѣ. Почтенная министерская газета очевидно не договариваетъ. Недоразумѣніе заключается не въ томъ, что всѣ лицеисты, бывшіе и теперешніе, выгнали и исключили изъ своей среды товарища, позволившаго оскорбить всю семью лицеистовъ своимъ наглымъ тостомъ, а въ томъ, что такой господинъ, какъ П. Сабуровъ состоитъ въ числѣ придворныхъ чиновъ.

Это недоразумѣніе къ счастью теперь уже исправлено.

Происшествіе въ лицеѣ показываетъ съ какимъ негодованіемъ и презрѣніемъ общество начинаетъ относиться къ лакеямъ революціи. Вѣдь Сабуровъ послѣ своего тоста не удалился, а былъ прямо выгнанъ изъ залы. При этомъ одинъ изъ бывшихъ лицеистовъ, гвардейскій офицеръ, отодралъ его за ухо, а другой гвардейскій офицеръ сорвалъ съ него лицейскій значекъ. Молодые и старые лицеисты наперерывъ другъ передъ другомъ выталкивали Сабурова изъ залы и гнали его пинками съ криками «вонъ» черезъ все зданіе лицея до самой прихожей.

П. П. Сабуровъ «не спустился, а буквально былъ спущенъ съ лѣстницы», такъ что даже пальто и шляпу ему выбросили на улицу черезъ дверь, запретивъ швейцару «подавать пальто такому негодяю».

Лицейскій товарищескій совѣтъ тутъ же постановилъ единогласно самое имя П. П. Сабурова вычеркнуть изъ лицейскихъ списковъ.

Кромѣ того, состоялось уже распоряженіе объ исключеніи Сабурова по 3 пункту со службы и съ него, по ходатайству высокопоставленныхъ лицеистовъ, снятъ придворный мундиръ.

Вотъ какъ лицеисты относятся къ выборгскимъ заговорщикамъ! Пусть это знаютъ «Рѣчь», «Товарищъ», и «Око» и другія лѣвыя газеты, старавшіяся извратить это происшествіе и смягчить впечатлѣніе этой семейной саморасправы лицеистовъ надъ отщепенцемъ Сабуровымъ.

Неужели выборгскіе дѣятели Гессенъ и Карѣевъ, которые до сихъ поръ состоятъ въ числѣ профессоровъ лицея, не будутъ уволены

въ отставку даже послѣ столь наглядиаго доказательства всеобщаго къ нимъ презрѣнія со стороны бывшихъ и теперешнихъ лицемѣровъ.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 7-го ноября 1906 г. № 275.

Впечатлѣнія, вынесенныя отъ рѣчей Гучкова и Чистякова.

Случайно попалъ я въ собраніе октябристовъ: мнѣ хотѣлось послушать А. И. Гучкова, котораго до сихъ поръ никогда не слыхалъ и не видалъ...

Московскій политикъ и предсѣдатель Союза октябристовъ, произвелъ на меня гнетущее впечатлѣніе.

Такъ вотъ онъ, этотъ прославленный московскій дѣлецъ и ораторъ! Тихій, нѣсколько гнусавый голосъ, вычурно книжные обороты рѣчи и стремленіе быть немножко правымъ, оставаясь немножко лѣвымъ—вотъ первое впечатлѣніе отъ рѣчи Гучкова.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ развивалъ предъ слушателями свое мировоззрѣніе, вся мелочность и неискренность его всплывала яснѣе и неотразимѣе, чѣмъ это было нужно даже для самыхъ лицемѣрныхъ «послушниковъ царской воли»...

Личное я, рисовка своимъ послѣдовательнымъ политическимъ воспитаніемъ и хвастовство своею «самостоятельностью»—могли быть не замѣчены только тѣми слушателями, которые не привыкли вникать въ сущность политическихъ рѣчей.

Но и это все можно бы было охотно простить московскому «гостю», если бы рѣчь его хоть сколько-нибудь была бы проникнута искренностью и смѣлостью!

Но увы! духъ лицемѣрнаго вѣка наложилъ свою тяжелую руку и на этого сына Москвы, родившагося въ русской купеческой семьѣ, а теперь всячески стремящагося порвать связь съ своимъ прошлымъ и съ особой настойчивостью подчеркивающимъ желательность уничтоженія сословности... Особенно я обратилъ вниманіе на слѣдующее мѣсто изъ рѣчи Гучкова:

«Путемъ эволюціи я сдѣлался убѣжденнымъ конституціоналистомъ еще за долго до того времени, какъ твердая воля Монарха, выраженная въ манифестѣ 17 октября повелѣла каждому вѣрноподданному русскаго Царя сдѣлаться конституціоналистомъ».

Итакъ, Гучковъ конституціоналистъ, не по Высочайшему повелѣнію, а по собственному убѣжденію. Онъ дошелъ до такой премудрости самъ, перечитавъ нѣсколько книжекъ о конституціи и побывавъ за границею... А вотъ вы всѣ господа октябристы, вы должны свободно примкнуть къ Гучкову, потому, что воля Царя, выраженная 17 октября 1905 г. повелѣваетъ вамъ стать конституціоналистами! Если же вы

за Самодержавіе, если вы враги конституціи, то вы значитъ противленцы Царской волѣ».

Въ этихъ словахъ сказался весь Гучковъ и его друзья. Даже ненавистную постылую русскому народу конституцію, которая навсегда лишитъ Россію надежды увидать на Царскомъ престолѣ великихъ самоотверженныхъ Самодержцевъ, какими были Николай Павловичъ и Александръ Третій, даже эту конституцію, которая знаменуетъ собою отдачу народа во власть партій и политикановъ—господа октябристы хотятъ навязать обманомъ и принужденіемъ, насилуя совѣсть вѣрныхъ подданныхъ Самодержавнаго Царя, увѣряя ихъ, что Царь требуетъ отъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Родины, чтобы они сдѣлались конституціоналистами.

Какая низкая ложь, какое позорное коварство кроется въ такомъ способѣ проведенія конституціи!!!

Условная лживость возведена вождемъ октябристовъ въ символъ вѣры, передъ которымъ должны всѣ преклоняться. А символъ этотъ построенъ на передержкѣ и лицемѣрномъ преувеличенномъ почтеніи къ твердой будто бы волѣ, выраженной 17 октября 1905 г.! Но почему же октябристы не вспоминаютъ о твердой волѣ Царя, высказанной Государемъ Николаемъ II, уже послѣ манифеста 17 октября 1905 г. когда Царь сказалъ представителямъ монархическихъ партій: «Самодержавіе мое останется какимъ оно было встарь». Я самъ слыхалъ эти слова изъ устъ Государя и никакія ухищренія Гучкова, Витте, Пкскюля, Таганцева и тому подобныхъ «убѣжденныхъ» конституціоналистовъ не заставятъ меня и моихъ многочисленныхъ единомышленниковъ вычеркнуть изъ нашей памяти эти слова Царя, какъ не можемъ мы забыть и никогда не забудемъ, что Царское Самодержавіе принадлежитъ не одному Царю, а всей Россіи, и что самъ Императоръ Николай II въ началѣ своего царствованія объявилъ манифестомъ всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ, что стремленія ввести конституцію въ Россіи, представляются «безсмысленными и безпочвенными мечтаніями»! Эти слова мы не забудемъ! Но почему же Гучковъ раболѣпно преклоняется только передъ тѣми словами Царя, въ которыхъ онъ и конституціоналисты усматриваютъ одобреніе конституціи? Да потому что Гучковъ и К° лицемѣры. Имъ дорога и свята вовсе не воля Царя, а лишь все то, ухватившись за что, они могутъ провести въ Россіи западно-европейскій конституціонный строй.

Холодный пріемъ, оказанный Гучкову въ Петербургѣ въ дворянскомъ собраніи 5 ноября слушателями доказываетъ, что русское общество начало понимать всю фальшь октябристовъ. За то громъ рукоплесканій заглушилъ рѣчь П. С. Чистякова, искренно, задушевно и безпощадно осуждавшаго освободительно-аграрное движеніе. «Довѣріе Царя къ представителямъ русскаго народа и безпредѣльная вѣрность представителей народа Царю—вотъ чего надо желать для блага Россіи».

Эти слова были встрѣчены долго не смолкавшими одобреніями. Да вѣдь П. С. Чистяковъ русскій, честный, правдивый человѣкъ. Ему не мѣсто среди октябристовъ.

Только на такихъ правыхъ, какъ Чистяковъ и держится еще союзъ 17 октября.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 9-го Ноября 1906 г. № 277.

Одумайтесь пока не поздно!

Готовится нѣчто чудовищно-ужасное. Черезъ нѣсколько дней сановники-конституціоналисты поднесутъ къ подписи Государя уже изготовленный ими проектъ расширенія правъ евреевъ. Ужасно не то, что евреи получатъ право повсемѣстнаго жительства въ городахъ. Страшно не за войско храбрыхъ Донскихъ казаковъ, въ Область которыхъ собираются впустить евреевъ, но ужасно, чудовищно мерзко, что эти преимущества евреямъ хотятъ дать въ такую минуту, когда весь русскій народъ негодуетъ на евреевъ, когда половина Россіи на военномъ положеніи, благодаря смутѣ, созданной евреями, когда въ большей части Россіи порядокъ поддерживается казаками.

И въ такую-то минуту собираются нанести тяжкое оскорбленіе всему Казачеству. Неужели военный министръ не знаетъ, что казаки сочтутъ за кровную обиду, допущеніе евреевъ въ Область Войска Донского? Вѣдь Донскіе казаки прямо и твердо заявили, что евреевъ къ себѣ въ Область не допустятъ!

Кто-же рѣшается сомнѣваться въ словѣ казаковъ? Злыхъ шутокъ надъ собою казаки не позволятъ!

Всѣ русскіе, стоящіе у власти, знаютъ казаковъ. Даже жандармское управленіе Области Войска Донского удостовѣрило, что казаки «ни за что не допустятъ евреевъ въ свои предѣлы»...

Но гдѣ-же шведамъ и чухонцамъ знать духъ казачества и понимать на что въ сей мигъ кровавый подымаютъ руку Царскіе министры...

И вто награда за примѣрную, внѣ очередную службу! Все колебалось,—казаки стояли несокрушимымъ оплотомъ Царскаго Престола!

Такъ разбейте-же, предатели или слѣпые политики, главную опору трона. Военный министръ Редигеръ не встрѣчаетъ препятствій къ допущенію евреевъ въ Область Войска Донского?!

Неужели министры не отдаютъ себѣ отчета въ тѣхъ роковыхъ послѣдствіяхъ, какія вызоветъ оскорбленіе, наносимое ими русскому народу и казачеству?

Таинственно,—торопливое удовлетвореніе требованій евреевъ, послѣ всеобщаго еврейскаго поста, заставитъ невольно предполагать, что проведеніе закона о расширеніи правъ евреевъ до созыва Думы имѣетъ цѣлью не только личное обогащеніе, но и намѣреніе вызвать небывалую еще въ Россіи смуту!

Въ какомъ положеніи очутится Правительство, когда противъ требованій евреевъ раздастся мощный голосъ всего казачества?

На кого обопрется правительство, когда казаки потребуютъ, чтобы оно выбирало одно изъ двухъ: «или казаки или евреи»!

Ужъ не замѣнитъ-ли конституціонное правительство казачьи полки и Гвардейскій конвой еврейскими дружинниками?

Нѣтъ! До такого довѣрія къ евреямъ никакое, самое конституціонное правительство въ Россіи никогда не доживетъ!

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 15-го ноября 1906 г. № 282.

Травля противъ Гурко.

Сынъ славнаго русскаго фельдмаршала В. І. Гурко навлекъ на себя яростный гнѣвъ руководителей «освободительнаго движенія».

Волны притворнаго, лживаго негодованія разливаются на столбцахъ «Рѣчи», «Товарища» и «Страны» по поводу поставки хлѣба въ голодающія губерніи, произведенной товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Гурко при посредствѣ фирмы Лидваль.

Почему же однако со столбцовъ радикальныхъ газетъ не сходитъ имя фирмы Лидваль? Почему эти революціонныя рептиліи ничего не пишутъ о фирмахъ Бюха, Гершуни, Гецъ и другихъ евреяхъ, которые поставляютъ хлѣбъ въ голодныя губерніи и наживаютъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ хорошіе барыши?

Почему Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не нашло возможнымъ поручить поставку хлѣба русскимъ купцамъ, или русскимъ землевладѣльцамъ?Зачѣмъ и почему Столыпинское Министерство даетъ возможность еврейскимъ хлѣбнымъ торговцамъ наживаться за счетъ русскихъ производителей и землевладѣльцевъ? Вотъ если-бы всѣ эти вопросы подверглись бы всестороннему разъясненію на столбцахъ радикальной печати, то никто не могъ бы упрекнуть эту печать въ пристрастіи и въ лицемѣріи; всѣмъ было-бы ясно, что радикальные писатели стоятъ за выгоды русскаго народа; но когда радикалы травятъ товарища министра Гурко и нападаютъ только на одну фирму Лидваль, упорно обходя молчаніемъ, что всѣ казенныя поставки хлѣба сданы исключительно еврейскимъ торговцамъ то ясно, что весь радикальный походъ, предпринятый только противъ Гурко имѣетъ самую неблагородную подкладку... Товарищу Министра В. І. Гурко мстятъ за то, что онъ смѣло и прямо высказалъ въ Государственной Думѣ глубокое презрѣніе, какое ему внушали безпорядочныя и наглыя рѣчи недоучекъ, въ родѣ Аладьина, Жилкина, Михайленко и переучекъ въ родѣ Гредескула, Щепкина, Винавера и Герценштейна...

Мелкіе, завистливые и мстительные кадюки и нѣкоторые трудовики не могутъ простить В. І. Гурко, что онъ неизмѣримо выше въ духовномъ и нравственномъ отношеніи, чѣмъ вся ватага недавнихъ думскихъ прикуповъ.

Одинъ изъ сотрудниковъ газеты «Товарищъ» П. Жилкинъ въ статьѣ «Странички жизни» (№ 112) прямо натравливаетъ фанатиковъ на товарища министра Гурко! Но всего безчестнѣе, что Жилкинъ завѣдомо пишетъ неправду, увѣряя, будто «разламываясь на своемъ креслѣ, Гурко чувствовалъ, что власть его безнаказанная и безотвѣтственная надежно защищена отъ бушующаго въ парламентѣ негодованія». Какъ глупо и какъ неумѣстно теперь говорить про какого нибудь русскаго министра, что онъ надежно защищенъ отъ негодованія завистливыхъ и жадныхъ до чужого добра революціонеровъ. Вѣдь только Герарды, Пескюлы, Нольде, Витте, Таганцевы и тому подобныя орудія масонства защищены надежно отъ революціоннаго гнѣва враговъ Рос-

сіи. Да и то защищены слѣва, но не справа. Русскіе же люди одинъ за другимъ уничтожаются бомбами, отъ которыхъ никакой надежной защиты до сихъ поръ правительство не придумало. Только въ послѣдній мѣсяцъ отчаяніе и близкая опасность, угрожающая всѣмъ русскимъ людямъ, дала силы самому русскому народу создать мощную организацію, рѣшившую защищать жизнь русскихъ людей отъ нападеній инородцевъ и революціонеровъ. Возмущенные тѣмъ, что кадюки и трудовики науськиваютъ убійцъ на Гурко, нѣсколько молодыхъ людей рѣшили осуществить старый законъ: око за око...

И такъ пусть лучше Жилкинъ, Гессенъ и Милюковъ остерегутся на этотъ разъ; ибо если поднятая ими травля противъ Гурко будетъ имѣть какія нибудь послѣдствія, то подстрекатели не избѣгнутъ расплаты, хотя бы опять побѣжали къ первому министру Столыпину и директору Департамента полиціи Трусевичу просить защиты отъ черносотенцевъ.

Не трогайте насъ, не подстрекайте молодежь къ насиліямъ надъ русскими министрами и никто тогда васъ не тронетъ, но если вы первые нападете изъ за угла на тѣхъ кого называете черносотенцами и на всѣхъ кто еще не перешелъ въ лагерь измѣнниковъ, то не сѣтуйте, если васъ постигнетъ участь очень печальная...

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 16-го Ноября 1906 г. № 283.

Уловки „Новаго Времени“.

Сотрудники „Новаго Времени“, Столыпинъ, Пиленко и К° имѣютъ большое сходство съ истеричными женщинами. «Они сами вѣрятъ нелѣпѣйшимъ своимъ измышленіямъ, если только эти измышленія имъ выгодны.

Въ погонѣ за насажденіемъ въ Россіи конституціонныхъ западноевропейскихъ формъ, октябристы замалчиваютъ всѣ факты, которые имъ неудобны, а все что даже косвенно повидимому подтверждаетъ ихъ бредъ, то они расписываютъ съ настойчивостью и безстыдствомъ, поражающими своимъ размѣромъ...

Въ собраніи октябристовъ пятаго ноября въ Дворянскомъ Собраніи А. П. Гучковъ съ беззастѣнчивостью Хлестакова зазывалъ въ лавочку союза 17-го октября всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Государя Императора, увѣря, что по Высочайшему повелѣнію всѣ вѣрные подданные должны сдѣлаться теперь конституціоналистами.

„Русское Знамя“ по достоинству оцѣнило неприличіе такого заявленія А. П. Гучкова.

Я привелъ почти стенографически слова Гучкова, сказанныя имъ въ Дворянскомъ Собраніи:

„Путемъ эволюціи я сдѣлался убѣжденнымъ конституціоналистомъ еще за долго до того времени, какъ твердая воля Монарха, выражен-

ная въ манифестѣ 17-го октября повелѣла каждому вѣрноподданному русскаго Царя сдѣлаться конституціоналистомъ".

Приведя эти слова А. И. Гучкова, я указалъ въ моей передовой статьѣ 7-го ноября 1906 г., что даже постылую русскому народу конституцію, которая навсегда лишитъ Россію надежды увидать на Царскомъ престолѣ великихъ самоотверженныхъ Самодержцевъ, какими были Николай Павловичъ и Александръ Третій, даже эту конституцію, которая знаменуетъ собою отдачу народа во власть партій и политикановъ—господа октябристы хотятъ навязать обманомъ и принужденіемъ, насилуя совѣсть вѣрныхъ подданныхъ Самодержавнаго Царя, увѣряя ихъ, что Царь требуетъ отъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Родины, чтобы они сдѣлались конституціоналистами.

Такое разоблаченіе не могло остаться не замѣченнымъ вождями союза октябристовъ.

Какъ-же они на это отвѣтили?

Они помѣстили въ „Новомъ Времени" девятаго ноября рѣчь А. И. Гучкова и умышленно выкинули изъ нея то мѣсто, которое послужило князю М. Н. Волконскому основаніемъ высказать про Гучкова слѣдующее ѣдкое, но вѣрное замѣчаніе:

«До сихъ поръ право объявлять Именныя Высочайшія повелѣнія было предоставлено по закону министрамъ и дежурному генералъ-адъютанту.

Купеческій сынъ Гучковъ, хотя онъ не министръ и не генералъ-адъютантъ, тѣмъ не менѣе рѣшился объявить въ залѣ Дворянскаго Собранія при публикѣ «волю Царя», чтобъ всѣ въ Россіи были сторонниками конституціи, т. е. по просту записывались въ союзъ 17-го октября.

Не дурной пріемчикъ, въ особенности для „монархиста", какимъ якобы показать себя хочетъ г. Гучковъ.

Пожалуйста, дескать, въ нашу лавочку, мы подъ Императорскимъ гербомъ торгуемъ".

Я лично возмущаюсь поступкомъ Гучкова не потому, что онъ присвоилъ себѣ непринадлежащее ему званіе, а потому главнымъ образомъ, что онъ позволилъ себѣ солгать будто Государь повелѣлъ всѣмъ вѣрнымъ своимъ подданнымъ стать въ ряды конституціоналистовъ. Государь ни разу не говорилъ, что хочетъ облечь Россію въ ризы конституціи и повелѣваетъ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Россіи стать конституціоналистами!

Ничего подобнаго Государь не говорилъ, а напротивъ того, Государь высказалъ представителямъ Союза Русскаго Народа пожеланіе развитія нашего Союза.

А вѣдь, какъ знаетъ это теперь вся Европа, Союзъ Русскаго Народа является смертельнымъ врагомъ всякой попытки насадить въ Россіи западно-европейскую конституцію. И если бюрократы во время не откажутся отъ своего заговора, навязать русскому народу конституцію, то ихъ постигнетъ неизбѣжно очень печальная судьба.

Гнѣвъ и ненависть народа противъ предателей, продающихъ Россію и Царское Самодержавіе—едва сдерживается...

Но безстыдство либеральныхъ бюрократовъ способно хоть кого вывести изъ терпѣнія.

Пѣвцы октябрьской конституціи А. Столыпинъ и К° дошли уже до того, что первый вѣщаетъ на столбцахъ «Новаго Времени», что Дума будетъ такою какою ее хочетъ видѣть А. Столыпинъ, а г-нъ М. тотъ уже до того заврался, что увѣряетъ будто ему извѣстны расчеты самого Господа Бога.

«Россія» пишетъ М. (см. 7-го ноября 1906 г. № 11101 „Новаго Времени", «Забытое Слово» послѣдній столбецъ) хочетъ быть такою какою расчитывалъ ее видѣть Богъ».

Что единомышленники М. за нѣкоторую сумму денегъ могли узнать «какою расчитывалъ увидѣть Россію графъ Витте и П. А. Столыпинъ— это понятно; но, что г-нъ М. имѣетъ средства узнать какою расчитывалъ увидѣть Россію Господь Богъ», этому никто не повѣритъ.

Даже сказочный Мюльгаузенъ не завирался до такой степени до какой заврался М.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 25-го Ноября 1906 г. № 291.

Игра въ правосудіе.

На 27 ноября назначено къ слушанію въ судебной палатѣ дѣло студента института путей сообщенія Финка по обвиненію его въ храненіи взрывчатыхъ веществъ.

Милый двадцати двухъ лѣтній мальчикъ, руководившій заготовкой и доставкой адскихъ бомбъ, обвиняется только въ храненіи взрывчатыхъ веществъ. У него нашли только семьдесятъ бомбъ.

Этими бомбами можно взорвать семьдесятъ такихъ дачъ, какъ та, которую анархисты взорвали на Аптекарскомъ островѣ.

У проживавшихъ въ С.-Петербургѣ: финляндскаго уроженца Отто Корхонена было обнаружено восемь заряженныхъ бомбъ и у крестьянъ—Андрея Иванова Семгина и Якова Тимофѣева Долгихъ одна заряженная бомба и мастерская изготовленія бомбъ; бомбы хранились съ преступною цѣлью для боевыхъ организацій. Корхоненъ, Семгинъ и Долгихъ приговорами военно-полевого суда присуждены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, каковые приговоры 20 сего ноября приведены въ исполненіе.

Когда у бомбистовъ находятъ восемь бомбъ, ихъ судятъ военно-полевымъ судомъ, но когда какъ у Финка находятъ семьдесятъ бомбъ, тогда судятъ, въ Судебной Палатѣ съ сословными представителями. Будущаго инженера путей сообщенія, который вмѣсто того, чтобы учиться, занимался пріобрѣтеніемъ и храненіемъ въ институтѣ путей сообщенія огромнаго количества бомбъ не рѣшились судить, какъ простого рабочаго военнымъ судомъ. За Финка по словамъ газетъ хлопотали у перваго министра сами профессора и директоръ института. И какъ видно хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Финка не предали военно-полевому суду, а вотъ Семгина, Корхонена и Долгихъ, за которыхъ

никто не хлопоталъ, судили полевымъ судомъ и повѣсили. Двое убійцъ покушавшихся на жизнь адмирала Чухнина приговорены въ Севастополѣ только къ каторгѣ, а одинъ изъ обвиняемыхъ даже совсѣмъ оправданъ. А рядомъ съ этимъ за поврежденіе бомбою телеграфныхъ столбовъ казненъ въ Ригѣ смертью. Жизнь и смерть преступниковъ зависитъ такимъ образомъ не отъ безпощаднаго точнаго примѣненія суроваго закона, а исключительно отъ каприза и произвола сановниковъ, кичащихся своею закономѣрностью... Если я человѣку, нанесшему мнѣ смертельное оскорбленіе раздроблю въ порывѣ раздраженія голову чернильницею, меня могутъ предать военно-полевому суду и повѣсить, потому что я не буду отрицать мое преступленіе, а если еврейскій студентъ-путеецъ Финкъ, пріобрѣвшій семьдесятъ бомбъ, скажетъ, что бомбы имъ пріобрѣтались не съ преступною цѣлью, а съ благотворительною цѣлью, чтобы дать работу фабрикантамъ бомбъ, то преступность его является сомнительною и военно-полевому суду онъ не подлежитъ.

Неужели же не ясно, что это лицемѣрная игра чужими жизнями? Когда раздался взрывъ на дачѣ Столыпина правительство поняло всю гнусность и весь ужасъ злодѣяній бомбистовъ.

„Новое время“ разразилось негодованіемъ противъ злодѣевъ, причинившихъ страданія дочери и сыну перваго министра. Но тоже самое „Новое Время“ очень робко порицало революцію, когда до взрыва на Аптекарскомъ островѣ кадюкскіе анархисты, чтобы убить Хвостова, Слѣпцова, Неплюева и другихъ храбрыхъ русскихъ сановниковъ разрывали на куски чудовищными бомбами несчастныхъ кучеровъ, женщинъ и дѣтей... Развѣ страданія, причиняемыя бомбистами простому городовому теряютъ свое значеніе только потому, что страдальцы не засѣдаютъ въ Совѣтѣ Министровъ? Развѣ жена кучера, у которой революціонеры отняли мужа чувствуетъ слабѣе свое горе, чѣмъ жена министра, у которой бомбисты растерзали мужа? Развѣ раздробленныя крохотныя ножки маленькой крестьянской дѣвочки, искалѣченной въ Севастополѣ, болѣли меньше, чѣмъ у дочери перваго министра... Нѣтъ, пора всѣмъ сознать, что страданія и мученія независимы отъ чина и орденовъ! Море человѣческихъ скорбей, горькихъ слезъ и сдавленныхъ рыданій не знаетъ различія національностей и сословныхъ предразсудковъ... Ни улыбка любимыхъ существъ, ни желѣзная сила воли, ни блестящая по мыслямъ страница старой книги, прочитываемая въ тиши уютнаго кабинета, ни задушевная бесѣда съ друзьями ничто не въ силахъ отогнать тяжелое расположеніе духа, которое возникаетъ въ душѣ русскихъ людей при видѣ лицемѣрія, какимъ проникнуто сверху до низу современное правящее чиновничество.

Оно преслѣдуетъ людей не за ихъ дурные поступки, оно преклоняется передъ сильными не за ихъ достоинства и заслуги, а всюду и вездѣ руководится однимъ и тѣмъ же рулемъ личной выгоды.

Наступило полное нравственное отупѣніе; люди не совсѣмъ еще испортившіеся чувствуютъ разладъ между своими помѣреніями и цѣлями человѣческой жизни. Но гдѣ искать спасенія? Мы вѣримъ, что спасеніе въ единеніи Русскаго народа съ Царемъ; мы вѣримъ, что миръ и успокоеніе наступятъ, только тогда, когда правительство будетъ интересы и жизнь русскаго народа ставить выше выгодъ еврейскаго, шведскаго, польскаго и армянскаго революціоннаго союза. Мы

знаемъ, что правительство петербургскихъ чиновниковъ почти сплошь примкнуло къ союзу семнадцатаго октября, но мы также знаемъ, что въ этотъ же союзъ октябристовъ вошли и всѣ тѣ инородческія группы, которыя хотятъ превратить единую нераздѣльную Россійскую Имперію въ междуплеменное Австро-еврейское парламентское государство. Мы знаемъ, что затѣя конституціоналистовъ зальетъ Россію потоками крови. Мы хотимъ предотвратить ужасныя событія, избѣжать междуусобной брани, спасти Царское Самодержавіе и поэтому мы открыто и прямо говоримъ всѣмъ правду въ глаза, не заботясь о томъ понравится-ли эта правда сильнымъ міра сего! А наши противники качаются въ волнахъ противорѣчій, ныряютъ въ бездну лукавства, ловятъ вѣтеръ измѣны и мѣняютъ свой флагъ смотря по обстоятельствамъ.

На чьей-же сторонѣ должны быть сочувствіе и уваженіе всѣхъ юныхъ и чистыхъ русскихъ сердецъ? Я лично никогда не травилъ ни евреевъ, ни поляковъ за ихъ патріотизмъ, но я всегда клеймилъ и буду клеймить презрѣніемъ и позоромъ тѣхъ руководителей русскаго государства и тѣхъ сановниковъ, у которыхъ нѣтъ чувства національной русской гордости. Всѣ свои силы и дарованія считаю священнымъ долгомъ направлять на то, чтобы изобличать лицемѣріе «русскихъ» сановниковъ, исполняющихъ обязанности лакеевъ у инородцевъ.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 26-го Ноября 1906 г. № 292.

Игра въ правосудіе.

Редакторъ газеты «Другъ» Крушеванъ за призывъ христіанъ бойкотировать евреевъ, приговоренъ кишиневскимъ окружнымъ судомъ къ штрафу въ 200 руб.

С.-Петерб. тел. агентство оповѣстило объ этомъ всю Россію. Отнынѣ всѣ знаютъ, что „призывъ къ бойкоту“ запрещается закономъ подъ страхомъ наказанія 200 рублеваго штрафа. Но привлечены-ли къ судебной отвѣтственности и оштрафованы-ли лица, призывающія къ бойкоту противъ профессоровъ Никольскаго, Боровитинова, Вязигина? Развѣ судебная власть хоть одинъ разъ привлекла къ уголовной отвѣтственности тѣхъ репортеровъ и редакторовъ, которые на столбцахъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, „Руси“, „Молвы“, „Ока“, „Страны“, „Рѣчи“ подробно приводили постановленія разныхъ кружковъ относительно бойкотированія учителей, профессоровъ, адвокатовъ и даже аптекарей, не примкнувшихъ къ забастовкѣ?

Нѣтъ, никого и никогда за призывъ къ бойкоту судебная власть не преслѣдовала! Только одного Крушевана притянули къ уголовной отвѣтственности за призывъ къ бойкоту! Милые безпристрастные юристы! бойкотъ по ихъ толкованію долженъ быть наказуемъ только тогда, когда онъ направленъ противъ евреевъ и революціонеровъ, но всѣхъ чест-

ныхъ православныхъ людей они допускаютъ невозбранно бойкотировать на каждомъ шагу. Поразительная справедливость!

Но впрочемъ чему же удивляться?

Судебное вѣдомство то тутъ, то тамъ, выкидываетъ такіе юридическіе фокусы, что скоро самое понятіе о справедливости въ генералъ-прокурорскомъ домѣ, окажется такимъ-же пережиткомъ старины, какъ понятіе патріотизма въ словарѣ Бодуэна-де-Куртне. Телеграмма изъ Вильны отъ 22 ноября сообщаетъ, что Виленская Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло о крестьянахъ Ромейко, обвинявшихся одинъ въ покушеніи на убійство околоточнаго, другой въ учиненіи надъ нимъ насилія съ цѣлью дать время бѣжать покушавшемуся, приговорила перваго къ лишенію всѣхъ правъ и каторжнымъ работамъ только на 4 года, второго къ трехнедѣльному аресту при полиціи.

Это наказаніе трехнедѣльнымъ арестомъ за участіе въ покушеніи на убійство—развѣ это не глумленіе надъ полиціею?

Вѣдь Виленская Судебная палата прямо подъучиваетъ анархистовъ, какъ совершать безнаказанно самыя ужасныя злодѣянія; одинъ убійца—анархистъ нападаетъ и убиваетъ намѣченную жертву, а другіе товарищи анархисты должны наброситься на полицейскихъ и помѣшать имъ задержать убійцу, чтобы тотъ успѣлъ убѣжать; за такое соучастіе въ убійствѣ ихъ приговорятъ только на три недѣли къ аресту, а потомъ по отбытіи ареста они опять убьютъ скопомъ другого полицейскаго и такъ до безконечности при благосклонномъ попустительствѣ судебнаго вѣдомства. Видно не дорого цѣнитъ г. Щегловитовъ жизнь Виленскихъ полицейскихъ, если равнодушно сноситъ такое глумленіе Виленской Судебной Палаты надъ вѣрными слугами Царя и родины. Кругомъ обманы, лицемѣріе, убійства, сокрытіе преступниковъ, а министръ юстиціи съ высокоподнятой головой безстрастно взираетъ на подвѣдомственныхъ ему либеральныхъ судей...

Пусть льется кровь, пусть свищутъ пули, пусть падаютъ городовые—лишь бы не было покушенія на драгоцѣнную откормленную самодовольную личность оберъ-кадетовъ правосудія. А этой личной безопасности теперь такъ легко достигнуть: стоитъ только не имѣть твердыхъ убѣжденій и сквозь пальцы смотрѣть на всѣ подлости и мерзости творимыя выборгскими кадюками и революціонерами.

Рецептъ долголѣтія, сытости и спокойствія найденъ: не надо подражать Бобрикову, Плеве, Слѣпцову, Сахарову, Чухнину, Каульбарсу, Дубасову, Неплюеву, Дейтриху, Кузьмичу, Богдановичу, Старынкевичу и другимъ честнымъ неподкупнымъ борцамъ за правду, сложившимъ свои головы за вѣрную службу самодержавному Царю; надо умѣть угодить измѣнникамъ и революціонерамъ, а для этого лучше всего брать примѣры съ Герарда, Оболенскаго, Манухина, Кауфмана, Лопухина, Урусова и тогда «да благо и долгоденствіе тебѣ будетъ на земли». «Закономѣрность» вещь хорошая, но собственную жизнь иные министры цѣнятъ очень дорого и люди «закономѣрности» не торопятся рисковать переселеніемъ въ тотъ загробный міръ въ который анархисты переселяютъ лишь тѣхъ кого не въ силахъ подкупить, ни жалость къ Нотовичу, ни страхъ смерти, ни жажда разбогатѣть за счетъ еврейства.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 28-го Ноября 1906 г. № 293.

Нотовичъ и Щегловитовъ.

Не обидно-ли для русской души сопоставлять эти имена. Нотовичъ—еврей, тотъ еврей, котораго такъ мѣтко вывелъ наружу талантливѣйшій современный фельетонистъ В. П. Буренинъ. Нотовичъ тотъ который, редактируя большую газету «Новости», долго и послѣдовательно политически развращалъ нашу учащуюся молодежь, внушая ей не повиноваться старшимъ и не уважать русскихъ героевъ и подвижниковъ. Нотовичъ—это тотъ, который подстрекалъ народныя массы на разореніе русскаго государства. Наконецъ, Нотовичъ это тотъ редакторъ, который, по приговору суда, подлежитъ тюремному заключенію «за разбой въ печати».

Кто же Щегловитовъ? Обидно сказать, что Щегловитовъ—это извѣстное въ судебномъ мірѣ имя, составитель руководства къ нашимъ судебнымъ уставамъ, это человѣкъ, по своимъ знаніямъ и талантливости составляющій украшеніе для русской юридической науки. А съ общественной и политической стороны г. Щегловитовъ—это „русскій" министръ юстиціи, про котораго смѣетъ Нотовичъ пускать грязные намеки. Нотовичъ долженъ отбыть давно уже тюремное заключеніе, судебный приговоръ давно уже вступилъ въ силу, русскіе редакторы, какъ А. А. Суворинъ и отвѣтственный редакторъ „Русской газеты" за такое же преступленіе первый отбылъ, а второй отбываетъ тюремное заключеніе, а Нотовичъ гуляетъ на свободѣ и подсмѣивается...

Въ кругу малознакомыхъ Нотовичъ объясняетъ оставленіе его судебнымъ вѣдомствомъ на свободѣ, боязнью мести за него еврейской боевой организаціи, пославшей будто министру юстиціи предложеніе не приводить приговоръ въ исполненіе, а въ кругу пріятелей разсказываетъ, что свобода ему стоитъ очень дорого, даже слишкомъ дорого, что съ него все тянутъ и тянутъ, такъ что онъ подумываетъ уже, не лучше-ли отсидѣть?

Недѣли три тому назадъ, въ статьѣ подъ названіемъ „Позоръ судебному вѣдомству" «Русское Знамя» предало гласности это преступное попустительство революціонеру, врагу нашей родины, ненавистнику Россіи. Мы думали, что послѣ этой статьи опомнится прокуратура и съ негодованіемъ стряхнетъ съ себя клевету, распускаемую друзьями Нотовича ту клевету, которая была обычною по отношенію къ прокуратурѣ до судебной реформы и которой не должно быть по отношенію къ прокуратурѣ «гласнаго и скораго суда, равнаго для всѣхъ».

Надежды наши не оправдались. Черезъ день послѣ появленія статьи въ „Русскомъ Знаменѣ" къ Нотовичу прибылъ какой-то чиновникъ и сказалъ ему, что русская печать вопіетъ о несправедливости, оставленія на свободѣ Нотовича, что поэтому единственное средство—бѣжать за границу.

На другой день государственный преступникъ Нотовичъ уже катилъ въ экспрессѣ за границу, а на границѣ въ таможнѣ предъявилъ заграничный паспортъ, выданный ему, вѣроятно, безъ вѣдома министра юстиціи Щегловитова!!!

Преступникъ, убійца многихъ министровъ, еврей Гершуни бѣжалъ съ каторги, а редакторъ Нотовичъ изъ Петербурга.

Что же смотритъ генералъ-прокуроръ, высшій блюститель законовъ, правды и чести Россійской Имперіи. Плакать, навзрыдъ рыдать хочется отъ этой жестокой обиды для достоинства Русскаго Правительства.

Русскіе люди томятся въ тюрьмахъ, а преступники враги Царя, избѣгаютъ наказанія.

Но что же молчитъ предсѣдатель совѣта министровъ?

Проступокъ либеральнаго конституціоналиста генералъ-прокурора Россійской Имперіи поважнѣе, вѣдь, промаха товарища министра внутреннихъ дѣлъ. В. І. Гурко.

Правъ ли я былъ когда писалъ, что скоро самое понятіе „о справедливости“ исчезнетъ изъ генералъ-прокурорскаго дома, жители, которыя сквозь пальцы равнодушно взираютъ на самыя возмутительныя продѣлки судебныхъ кадюковъ? Вотъ что газета „Другъ“ сообщаетъ про дѣло объ устройствѣ лабораторіи взрывчатыхъ снарядовъ. Главный обвиняемый, студентъ медицинской академіи, еврей Аудеръ (вотъ такъ медикъ!) выпущенный подъ залогъ въ 20 руб., давно уже бѣжалъ, а о второмъ обвиняемомъ, полякѣ Андрушевскомъ, уже старикѣ, вдругъ заявили, что онъ содержался когда-то въ больницѣ ума лишенныхъ. Дѣло направлено на изслѣдованіе и испытаніе его умственныхъ способностей. Другіе соучастники: двѣ курсистки и студентъ скрылись еще до начала дѣла. Лабораторія была въ деревнѣ Выра; обвиняемые поселились подъ видомъ дачниковъ. Фабрикація снарядовъ была поставлена широко: кромѣ совсѣмъ готовыхъ снарядовъ, матеріала было приготовлено для изготовленія 150 снарядовъ. И всѣ бѣжали и всѣхъ оправдали“.

Да что же это наконецъ? Развѣ это не глумленіе надъ Царскимъ указомъ, надъ судомъ, надъ закономъ возмездія за зло и преступленіе?

Почти всѣ политическіе преступники убѣгаютъ изъ московскихъ тюремъ съ поразительной легкостью. Даже каторжники вродѣ Гершуни ухитряются бѣжать съ каторги. Развѣ возможно было что либо подобное при Манассинѣ въ Царствованіе Императора Александра III, а теперь все кругомъ развращено, всюду подкупъ, измѣна, предательство, глумленіе надъ приверженцами Царя и православной вѣры. Такъ дальше продолжаться не можетъ; пора положить конецъ революціонной дѣятельности оберъ-кадетовъ юстиціи.- Если противъ издѣвательства судейскихъ лицемѣровъ не будутъ приняты рѣшительныя мѣры, если за революціонную пропаганду судебные дѣятели будутъ вмѣсто уголовнаго наказанія удостоиваться лишь перевода изъ одного суда въ другой изъ Кишинева въ Харьковъ, а изъ Тулы и Саратова въ Вильну, то негодованіе всей страны разростется до такихъ размѣровъ, что успокоить возмущенную общественную совѣсть будетъ уже очень трудно.

Останется ли русскій народъ молчаливымъ зрителемъ даже тогда, когда военные суды начнутъ подражать «штатскимъ юристамъ»... Развѣ слуги Царя могутъ равнодушно относиться къ оправданію тѣхъ, кто въ нихъ стрѣляетъ? Какое впечатлѣніе произвело извѣстіе, что одесскій военно-окружный судъ, оправдалъ Крылова, Никиту Горошко и Григорія Горошко, обвинявшихся въ покушеніи на жизнь николаевскаго военнаго губернатора Ступина 20 августа, приговоривъ Крылова къ штрафу 25 руб. за недозволенное ношеніе оружія...

А вотъ какое: видно, что вѣрныхъ Царскихъ слугъ не цѣнятъ и не берегутъ. Вотъ если бы кто нибудь выстрѣлилъ въ измѣнника предающаго Самодержавнаго Царя, а тогда гнилая Петербургская бюрократія вся неистово требовала бы смертной казни патріота, покусившагося на главарей революціи, а когда революціонеры стрѣляютъ въ честнаго храбраго русскаго генерала Ступина, то лицемѣры лѣволизы только плечами поддергиваютъ замѣчая: „Вѣдь Ступинъ остался живъ, значитъ революціонеры не совершили никакого преступленія“.

Пусть же русскіе люди запомнятъ, что когда революціонеры Крыловъ и Горошко стрѣляютъ въ генералъ-губернатора Ступина охраняющаго жизнь и честь русскихъ людей, то къ такому покушенію относятся какъ къ шуткѣ и оправдываютъ убійцъ говоря, что они стрѣляли только шутя.

А что скажутъ витіеватые конституціоналисты, составляющіе сановный заговоръ противъ русскаго народа, когда милліоны русскихъ людей прійдутъ къ сознанію, что пора и имъ на такія шутки отвѣчать тоже шутками, отъ которыхъ у трусливыхъ международныхъ сановниковъ душа уйдетъ въ пятки.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 19-го Ноября 1906 г. № 294.

Сознательное искаженіе истины въ „Новомъ Времени“.

Насколько сознательная неправда входитъ въ кругъ партійной дѣятельности политическихъ дѣльцевъ жаждущихъ конституціи и свившихъ себѣ теплое гнѣздо въ „Новомъ Времени“ видно изъ того, что при описаніи торжества Союза Русскаго Народа въ Михайловскомъ манежѣ 26 ноября с. г. „Новое Время“ умепьшило въ двѣнадцать разъ численность собранія. Если бы тридцатипяти тысячную толпу „Новое Время“ назвало тридцатью или даже двадцатью тысячною толпою, то такую ошибку можно было бы считать случайной, но когда вмѣсто 30.000 напечатано 3000, то ясно, что ноль на концѣ пропущенъ нарочно „сознательно“... Я просилъ оплаченной телеграммой г-на Суворина объяснить это невѣрное сообщеніе «Новаго Времени», но Суворинъ не отвѣтилъ.

Вѣдь сотрудники и редакторы «Новаго Времени» отлично знаютъ, что Михайловскій манежъ полонъ лишь тогда, когда въ немъ около тридцати тысячъ человѣкъ, а 26 ноября на общемъ собраніи Союза Русскаго Народа они сами видѣли, что манежъ былъ такъ переполненъ, что люди жались одинъ около другого, какъ въ бочкѣ. Билетовъ было роздано около сорока тысячъ; билетовъ не хватило и многіе пропускались безъ билетовъ! Было такъ тѣсно и душно, что отецъ Іоаннъ просилъ раскрыть большія ворота манежа. Одни члены главнаго совѣта, дѣятельные поборники идей Союза Русскаго Народа, русскіе купцы Барановъ, Чекаловъ, Верещагинъ, и другіе привели около восьми тысячъ своихъ единомышленниковъ по билетамъ въ манежъ, а „Новое Время“ сообщило, что въ манежѣ было всего около трехъ тысячъ человѣкъ! Какъ назвать такое завѣдомое искаженіе истины? Нечего сказать, къ благороднымъ пріемамъ прибѣгаютъ оберъ-конституцы „Новаго Времени“, чтобы ослабить впечатлѣніе, произведенное многолюдствомъ общаго собранія Союза Русскаго Народа?

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 28-го Декабря 1906 г. № 317.

Красныя обезьяны.

Къ то время, когда многіе русскіе московскіе и петербургскіе купцы пресмыкаются передъ революціонерами и даютъ даже деньги на «освободительное движеніе», пора высокопоставленнымъ лицамъ перестать принимать приглашенія на торжественные молебны и обѣды, устраиваемые «передовымъ» купечествомъ, въ корнѣ утратившимъ всякое понятіе о русскомъ національномъ достоинствѣ.

Эти передовики купчины, недоучившіеся и не довоспитавшіеся даже до самыхъ простыхъ правилъ чести и патріотизма зачитываются красными газетами, захлебываются отъ восторга при самооплеваніи всего русскаго, а въ свободное время отъ трудовъ сквернословія и либеральнаго пустозвонства ухаживаютъ за разными француженками и еврейками. Одѣтые по послѣдней модѣ съ готовыми фразами изъ фельетоновъ „Рѣчи“, «Русскаго Слова», «Товарища», «Биржевыхъ Вѣдомостей» и другихъ еврейскихъ газетъ, эти остолопы россійскаго купечества мнятъ себя европейцами «настоящими коммерціи» и «мануфактуръ совѣтниками». Въ ихъ мѣдные лбы не можетъ проникнуть мысль, что нѣтъ ничего гаже, ничего отвратительнѣе, ничего смѣшнѣе, россійскаго купчика, разыгрывающаго роль европейца.

Оторванные отъ завѣтовъ предковъ, отъ православной вѣры, отъ русскаго народа они жадно, какъ глупые попугаи повторяютъ все, чему ихъ учатъ кровожадные освободители. Отъ этого безпочвеннаго, безнравственнаго «международнаго» типа долженъ отворачиваться съ гадливостью каждый русскій, не продавшійся врагамъ Россіи. Я не

знаю «статскаго совѣтника Синягина». Можетъ быть онъ составляетъ исключеніе и совсѣмъ не походитъ на тотъ типъ жалкаго «краснаго попугая», который теперь такъ развитъ среди богатыхъ россійскихъ купеческихъ семействъ. Но одно я знаю, что если бы градоначальникъ Владиміръ Ѳеодоровичъ Лауницъ не удостоилъ этого вновь испеченнаго изъ купцовъ «статскаго совѣтника» своимъ посѣщеніемъ, предательская пуля убійцы не сразила бы честнаго твердаго слугу Царя и Родины...

Убійца, сразившій генерала Лауница оказался евреемъ.

Три года тому назадъ чудная пара рысаковъ часто подвозила молодого купца Синягина къ дому номеръ 9 въ Ковенскомъ переулкѣ и подолгу стояла у подъѣзда, пока хозяинъ рысаковъ проводилъ время у еврейки, жившей въ этомъ домѣ. Роковую роль евреи играютъ въ жизни русскихъ людей. Но не всегда освободительная печать удѣляетъ такое большое вниманіе красавицамъ еврейкамъ, какое выпало на долю госпожи Эстеръ...

Теперь «освободители» ликуютъ: они подняли въ газетахъ неистовую травлю противъ главарей Союза Русскаго Народа, называя ихъ шайками убійцъ и погромщиками.

Прогрессивно-еврейская юстиція и почтительно прислушивающійся къ завываніямъ красныхъ газетъ департаментъ полиціи бѣгомъ взапуски устремились по дорожкѣ, указываемой Гессеномъ, Милюковымъ, Харитономъ, Урусовымъ и Лопухинымъ, а тѣмъ временемъ господа „освободители“ по одиночкѣ убиваютъ главныхъ вождей русской царской національной партіи. Убитъ графъ Игнатьевъ, убитъ генералъ Лауницъ, убитъ генералъ Павловъ, покушались убить генерала Рейнбота, адмирала Дубасова, предсѣдателя Союза Русскаго Народа доктора А. И. Дубровина. Послѣдуетъ вскорѣ еще цѣлый рядъ убійствъ другихъ неподкупныхъ мужественныхъ слугъ Царя. А тѣмъ временемъ, чтобы отвлечь вниманіе высшей власти отъ анархистовъ, освобождающихъ Россію отъ храбрыхъ прямыхъ, вѣрныхъ долгу и присягѣ сановниковъ, невидимая рука «Руководителя революціи» натравливаетъ лѣвыя газеты и правительство на Союзъ Русскаго Народа, въ которомъ «освободители» видятъ самое трудное препятствіе къ введенію въ Россіи республиканскаго строя. Горе Царской Россіи, если «освободителямъ» удастся обмануть Царя. Они уже ликуютъ при одномъ слухѣ, что на мѣсто генерала Лауница будетъ назначенъ Джунковскій. Точно праздникъ для руководителей революціи для вождей кадюковъ, если на мѣсто богатыря духомъ и волею покойнаго Лауница будетъ назначенъ слабенькій духомъ «уступчивый и столь предупредительный къ евреямъ и кадюкамъ Джунковскій! Неужели же при дворѣ не найдется людей, которые докажутъ Царю, что для охраны жизни и чести Царя и маленькаго Цесаревича нужны русскіе люди съ желѣзной силой воли, а не поляки и не Котикъ Оболенскій, съ мягкими «передовыми» стремленіями.

Пора окончить вакханалію революціонныхъ убійствъ. Пора понять, что уступки приведутъ только на эшафотъ. Пора прекратить клеветническую травлю противъ Союза Русскаго Народа! Вѣдь Союзъ нашъ еще никого не убилъ даже изъ самыхъ извѣстныхъ вождей революціонеровъ. А многіе члены Союза уже пали отъ руки подосланныхъ

«освободителями» убійцъ... Наше терпѣніе лопнуло. Отовсюду изъ провинціи несутся просьбы разрѣшить нашимъ фанатикамъ, (а ихъ очень, очень много) расправиться съ главарями революціи. Но справедливо-ли обвинять насъ въ организаціи погромовъ только потому, что на вопросы, обращенные къ намъ: за Царя или противъ Царя работаютъ Винаверъ, Гессенъ, Милюковъ, Петрункевичъ, Муромцевъ, Гредескуль, Кокошкинъ, Кузьминъ-Караваевъ и К° мы отвѣчаемъ, что лица, подписавшія и одобряющія выборгское воззваніе враги Царя, ибо призываютъ народъ бунтовать и совѣтуютъ не давать Царю и казнѣ солдатъ и не платить податей, т. е. разрушаютъ Русское Государство. Освободители изливаютъ потоки брани на царское правительство. А между тѣмъ если бы Столыпинское правительство хоть на одинъ день перестало бы охранять революціонныхъ главарей, то отъ всей великой революціи въ Россіи осталось-бы одно мрачное воспоминаніе. Только слѣпцы не видятъ, что озлобленіе въ народѣ, повсемѣстно ростетъ противъ попустителей и руководителей революціоннаго движенія...

За своихъ вождей Союзъ Русскаго Народа самъ съумѣетъ постоять, но пора-же и правительству постоять за своихъ избиваемыхъ генераловъ, адмираловъ, губернаторовъ, офицеровъ, полицейскихъ, солдатъ, городовыхъ и мирныхъ жителей... Чаша терпѣнія переполнилась.

Вѣдь глумленіе красныхъ газетъ надъ здравымъ смысломъ и совѣстью превосходитъ всякое вѣроятіе.

Такія газеты, какъ «Русское Слово» Сытина, «Рѣчь» Милюкова, «Биржевыя Вѣдомости» Бака и Проппера клеймятъ Союзъ Русскаго Народа позорными бранными именами; лицемѣрно негодуютъ на убійство Герценштейна, приписываемое союзу, а по поводу такихъ гнусныхъ убійствъ, какъ убійство генерала Лауница не обмолвились ни единымъ словомъ порицанія. Генерала Лауница «освободители» предательски заманили, какъ въ ловушку въ Божій храмъ и здѣсь въ церкви Божіей слѣдили за каждымъ его шагомъ; за каждымъ движеніемъ его руки, творившей крестное знамя; напали на него сзади, выстрѣлили ему въ затылокъ разрывными пулями «думъ-думъ» и—надъ свѣжею его могилою красныя газеты не произнесли ни слова осужденія, ни слова негодованія гнусному убійцѣ. Куда-же еще дальше по пути лжи, разврата и бѣсовской наглости поведетъ насъ революціонная печать?

Очнитесь всѣ, въ комъ совѣсть спитъ!

Близится часъ возмездія. Грозный Божій судъ народной самозащиты, какъ разъяренное море начнетъ поглощать въ своихъ пучинахъ вождей освободителей, которые рукоплещутъ при каждомъ извѣстіи о томъ, что изъ-за угла опять убитъ вѣрный слуга Царя. Не Союзъ Русскаго Народа натравливаетъ на революціонеровъ, а сами революціонеры, забывшіе правду, совѣсть, родину, Царя и даже Бога натравливаютъ на себя ненависть русскаго народа. «Новое Время» 22 декабря 1906 г. оповѣстило всю Россію изъ Москвы по телефону, какъ вели себя красные дѣятели московскаго земства въ послѣднемъ земскомъ собраніи. Предсѣдатель Московской губернской земской управы Ф. А. Головинъ заявилъ, что онъ противъ посылки телеграммы, составленной Шереметевымъ, выражающей негодованіе по поводу убійства графа Игнатьева. Къ заявленію Головина присоединились Н. И. Щепкинъ, кн. П. Д.

Долгоруковъ, В. Кокошкинъ, Н. Михайловъ, В. В. Пржевальскій и А. И. Цыбульскій.

Пусть-же не пеняютъ теперь на другихъ московскія красныя обезьяны, если ихъ ужимки и прыжки не будутъ забыты народомъ. Нельзя винить монархистовъ за то, что они въ отвѣтъ на клеветы и злодѣянія лѣвыхъ оглашаютъ имена «красныхъ обезьянъ», оправдывающихъ политическія убійства. Въ послѣдній часъ кровавой битвы за Царя, за Родину, за русскій народъ, конечно, не будутъ забыты имена кровожадныхъ вождей революціи, съ которыми правительство г. Столыпина нянчится почти годъ, какъ съ писаной еврейской торбой... Но вся отвѣтственность за будущее упадетъ не на тѣхъ истинно русскихъ, которые защищаются, а на тѣхъ изверговъ, которые устраиваютъ нападенія на русскихъ людей и убиваютъ царскихъ слугъ подъ одобрительное шипѣніе «освободительныхъ» газетъ.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 29-го Декабря 1906 г. № 318.

Защитите Царскихъ слугъ.

Опять злодѣяніе. Убитъ среди бѣлаго дня на улицѣ переодѣтымъ въ матросское платье убійцею генералъ Павловъ.

Нѣтъ больше силъ терпѣть вѣроломное издѣвательство надъ Царскими слугами. Вся лѣвая печать подъ руководствомъ Гессена и Милюкова воетъ о необходимости наказать воображаемыхъ виновниковъ въ убійствѣ еврейскаго «аграрнаго иллюминатора» Герценштейна. Правительство Столыпина внимательно прислушивается къ этому дикому вою, а тѣмъ временемъ друзья Милюкова и «товарищи», еще нѣсколько лѣвѣе его стоящіе, безнаказанно, цинично совершаютъ подсчетъ вновь убитыхъ на посту храбрыхъ Царскихъ слугъ.

Пора Императорскому правительству поискать тѣхъ убійцъ, которые даютъ деньги на фабрикацію бомбъ и на покупку браунинговъ, изъ которыхъ подло, низко, предательски застрѣлены генералъ Минъ, генералъ Лауницъ, графъ Игнатьевъ, генералъ Павловъ... Кровь этихъ генераловъ вопіетъ о мщеніи! Исторія скажетъ свое слово и заклеймитъ неизгладимымъ омерзительнымъ позоромъ то трусливое правительство, которое не умѣетъ не только уберечь своихъ вѣрныхъ слугъ отъ подлаго заговора, но даже не рѣшается за невинно пролитую ихъ кровь отомстить тѣмъ, которые руководятъ революціоннымъ заговоромъ.

Защитите же скорѣе хоть тѣхъ вѣрныхъ престолу и родинѣ слугъ, которыхъ еще не успѣли отправить на тотъ свѣтъ кровожадные освободители! Скорѣе, скорѣе защитите ихъ, а то терпѣніе истощилось.

Горе лицемѣрамъ, когда со всѣхъ концовъ Россіи поднимутся сыновья и друзья убитыхъ генераловъ, чтобы отомстить за убитыхъ отцовъ и друзей. Чуется приближеніе этой страшной бурной мести. Она неизбѣжна... Напрасно тогда лукавые кадюки и ихъ друзья кон-

ституціоналисты будутъ опираться на еврейское племя: оно имъ не поможетъ вновь, и они не смоютъ всею своею нечистою кровью сыновъ Россіи праведную кровь.

П. Булацель.

«Русское Знамя» 3-го Января 1907 г. № 1.

Поучительная статистика.

Долой репрессіи! долой здравый смыслъ! Рептиліи трусости, подкупа и гнусной измѣны на всѣ лады стараются увѣрить придворныя сферы, что репрессіи надо ослабить, такъ какъ несмотря на репрессіи убійства продолжаются! Жалкіе, презрѣнные лицемѣры! Неужели хоть одного умнаго человѣка могутъ обмануть эти лживые призывы къ кротости и человѣколюбію? Не ясно-ли, что не только надо казнить тѣхъ фанатиковъ убійцъ, которые именуютъ себя соціалъ-революціонерами, но и тѣхъ негодяевъ, которые, именуя себя «либералами», помогаютъ укрываться убійцамъ, снабжаютъ ихъ деньгами и оружіемъ и указываютъ, кого изъ приверженцевъ самодержавной власти въ данную минуту особо важно убить!

Только «мѣщанскіе туполобые реформаторы» способны въ такую минуту совѣтовать Самодержавному Царю сдѣлать уступку революціонерамъ и ослабить репрессіи.

Подсчиталъ-ли кто-нибудь и доложилъ-ли Царю, сколько всего жертвъ погибло съ января 1905 года, благодаря „политикѣ довѣрія князя Святополка-Мірскаго“ и современной политики заигрыванія съ вождями еврейской революціи... Извѣстно-ли всѣмъ, что съ февраля 1905 года по ноябрь 1906 включительно по подсчету «Почаевскихъ извѣстій» убито и тяжело ранено генералъ-губернаторовъ и градоначальниковъ—67; исправниковъ, приставовъ и околоточныхъ—315; полицеймейстеровъ и ихъ помощниковъ —57; городовыхъ—347; офицеровъ охраннаго отдѣленія и жандармскаго корпуса—47; нижнихъ жандармскихъ чиновъ—95; агентовъ охранной полиціи—74; армейскихъ и гвардейскихъ офицеровъ—124; нижнихъ чиновъ арміи и гвардіи — 382; чиновниковъ гражданскаго вѣдомства — 215; духовныхъ лицъ—53; сельскихъ властей—68; землевладѣльцевъ—73; фабрикантовъ, заводчиковъ и высшихъ служащихъ—117; купцовъ и директоровъ разныхъ обществъ въ юго-западномъ и Варшавскомъ округѣ—72; простыхъ рабочихъ, крестьянъ и людей безъ опредѣленныхъ профессій убито частью самими революціонерами, частью во время столкновеній революціонеровъ съ войсками и съ черносотенцами, всего—32,706 человѣкъ. Вотъ во что обошлись Россіи два послѣдніе года. Между тѣмъ при твердомъ правительствѣ Государя Александра III-го за все царствованіе Царя-Миротворца не было даже десятой части того количества жертвъ, какое поглотила за два года нынѣшняя «допущенная» революція.

Вся Россія залита кровью; и въ такое-то время совѣтуютъ ослабить правительственныя репрессіи противъ революціи! Чего-же достигнутъ

такими уступками? Лишь того, что революція на время воздержится отъ убійствъ, окрѣпнетъ, пуститъ новые корни въ чиновничьемъ, въ особенности въ судебномъ вѣдомствѣ и въ военной и крестьянской средѣ, а затѣмъ при первой возможности дастъ такое сраженіе правительству, отъ котораго затрясется тронъ... Этого-ли хотятъ при дворѣ?! Неужели не ясно, что всякая уступка революціи подтачиваетъ авторитетъ царствующей династіи! Боже, избави нашего многострадальнаго Царя отъ этого рокового шага, на который Его толкаютъ «сознательные» предатели и «безсознательные» трусы, думающіе какими-то уступками воображаемому общественному мнѣнію спасти свою собственную жизнь! Развѣ это такъ называемое «общественное мнѣніе» встанетъ въ рѣшительную минуту между Царемъ и революціонерами и защитить Царя отъ изувѣровъ?

Полноте, вѣдь у этого «общественнаго мнѣнія» нѣтъ ни храбрости, ни физической силы. Православнаго Самодержавнаго Царя могутъ спасти своею грудью только черносотенцы-монархисты, а не трусливые лицемѣры конституціоналисты.

Павелъ Булацель.

»Русское Знамя» 14-го Января 1907 г. № 10.

Новые пути правосудія.

«Есть времена, когда позорно жить, —
«И въ смерти, — жизнь, спасенье и свобода.
«В. Л. Величко».

На югѣ Россіи во многихъ монархическихъ газетахъ можно прочесть слѣдующее объявленіе.

> Новороссійскій Отдѣлъ Союза Русскаго Народа съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ о смерти члена совѣта Лаврентія Васильевича Лавриновича, звѣрски убитаго ночью на 8-е января.

Одновременно съ этимъ изъ Полтавы пришла душу раздирающая телеграмма о томъ, что у предсѣдателя отдѣла Союза Русскаго Народа, казака Михаила Омельяна враги Союза подожгли домъ и вся усадьба сгорѣла до тла, а Михаилъ Омельянъ остался безъ крова съ девятью маленькими дѣтьми въ страшную морозную ночь...

Одновременно съ этимъ въ Тифлисѣ злодѣи, натравливаемые лѣвою печатью застрѣлили шестью пулями предсѣдателя мѣстнаго отдѣла Союза Русскаго Народа, священника отца Городцова, оставшагося, однако, чудомъ Божьимъ живымъ, несмотря на опасныя раны.

Одновременно съ этимъ товарищъ прокурора Гвоздановичъ, производитъ по порученію Министра Юстиціи, тщательное негласное дознаніе о томъ, кто убилъ лѣтомъ, прошлаго года Герценштейна. Кругомъ гре-

мятъ браунинги, убиваются русскіе генералы, падаютъ окровавленные православные священники, рвутся въ клочья царскіе портреты; оскорбляются святыни народа, но Министерство Юстиціи ко всѣмъ этимъ ужасамъ, какъ будто привыкло. Слезы дѣтей, стоны раненыхъ, кровь убитыхъ русскихъ патріотовъ не трогаютъ нашу Юстицію. Ее больше всего интересуетъ раскрыть, кто убилъ Герценштейна, а до, про что, что ей за дѣло...

Безстрастно взираетъ глава юстиціи г-нъ Щегловитовъ на «закономѣрное» попустительство злодѣяніямъ, если отъ этихъ злодѣяній гибнутъ монархисты. Ни одинъ прокуроръ, ни предсѣдатель еще не смѣненъ, при г. Щегловитовѣ, несмотря на то, что со всѣхъ концовъ Россіи несется стонъ и вопль о томъ, что многіе судебные дѣятели измѣнили своей присягѣ и продали совѣсть свою въ угоду красному террору.

А рядомъ съ нѣжными послабленіями и позорнымъ подлизываніемъ къ революціонерамъ замѣчается чудовищная суровость по отношенію къ черносотенцамъ. Нѣтъ такого жестокаго, инквизиціоннаго средневѣковаго пріема раскрытія преступленія, какимъ не пользовались бы для уличенія людей, подозрѣваемыхъ въ убійствѣ знаменитаго «иллюминатора» Герценштейна.

Слушаютъ доносы кадюкскихъ вождей, чинящихъ гнусный допросъ съ пристрастіемъ въ застѣнкѣ газеты «Рѣчь»; закрываютъ глаза на упорные слухи о томъ, что трехъ негодяевъ Лаврова, Зорина и Романова, (неимѣющаго даже вида на жительство) неоднократно уже присужденныхъ къ позорнымъ наказаніямъ за гнусныя преступленія подкупила, за восемнадцать тысячъ рублей» кадюкская партія! Дѣлаютъ видъ, что не знаютъ, какимъ образомъ раздувается и извращается дѣло Герценштейна!

Какъ будто не знаютъ, что кадюки пишутъ изъ Петербурга въ Финляндію лжедоносы, а на основаніи этихъ лжедоносовъ, Финляндскія судебныя власти глумятся надъ русскими монархистами и требуютъ производства все новыхъ и новыхъ дознаній...

Господинъ Министръ Юстиціи спѣшитъ удовлетворить требованія кадюковъ, забывая, что есть исторія, которая запишетъ, что въ 1907 году при либеральномъ министрѣ юстиціи Щегловитовѣ судебной слѣдователь приглашающій г. Юскевича-Красковскаго въ качествѣ жалобщика на редактора «Рѣчи» Харитона за клевету постарался устроить г. Юскевичу-Красковскому ловушку, допустивъ присутствіе въ камерѣ какихъ-то постороннихъ лицъ, которымъ дали возможность такимъ образомъ разсмотрѣть г. Юскевича-Красковскаго, чтобы потомъ они не ошиблись при опредѣленіи его наружности, когда наступитъ время явиться въ числѣ достовѣрныхъ лжесвидѣтелей...

А кстати съ г. Юскевича-Красковскаго вызваннаго въ качествѣ потерпѣвшаго сняли втихомолку фотографію!

Это вѣроятно тоже новые либеральные благородные пріемы освободительнаго судейскаго прогресса!

Справедливость—самое лучшее, самое желанное изъ всѣхъ земныхъ сокровищъ, украшающихъ государственнаго человѣка. Справедливость способна вернуть обездоленнымъ радость, узникамъ—свободу, оклеветанному—честь, приговоренному къ смерти—жизнь!

Но гдѣ теперь та справедливость? Ее гонятъ, ее искореняютъ на Руси!

И ради проведенія конституціи идутъ на всякія сдѣлки съ совѣстью, не останавливаются ни передъ какими мѣрами, чтобы угодить революціонерамъ; отдаютъ на потокъ и разграбленіе всю Россію лишь бы скорѣе свергнуть самодержавіе! Общественныя бѣдствія трудно уврачевать добродѣтелями отдѣльныхъ людей, но когда въ смутное время во главѣ правительства стоятъ люди не отличающіеся ни личными добродѣтелями, ни беззавѣтной преданностью родинѣ, ни рѣшимостью жертвовать своею жизнью за торжество справедливости, тогда предвидѣть конца общественныхъ бѣдствій совсѣмъ невозможно. Россія быстро катится подъ гору, а сатанинскій смѣхъ ея враговъ заглушаетъ стоны и слезы ея сыновъ... Въ тяжелое положеніе ставитъ судейская власть вѣрныхъ сыновъ Россіи. Девять десятыхъ русскаго населенія принуждаются дѣлать тяжелый выборъ между преступленіемъ или собственной гибелью.

Чтобы судить до чего можетъ дойти народъ, доведенный до отчаянія постоянными оскорбленіями, наносимыми лицемѣрами—конституціоналистами его святынямъ, Царской власти и національной гордости,— надо брать въ расчетъ крайнихъ людей, а не умѣренныхъ, потому что въ рѣшительныя минуты народъ всегда попадаетъ въ руки смѣлыхъ крайнихъ людей. Пусть это помнятъ виляющіе сановные трусы, расчитывающіе сдѣлать себѣ карьеру при помощи конституціи. Пусть они помнятъ, что ихъ съ одинаковымъ удовольствіемъ народъ будетъ провожать на висѣлицу, какъ въ томъ случаѣ если возьметъ верхъ революціонный сбродъ, такъ и въ томъ случаѣ, если побѣдятъ такіе люди, какъ покойный генералъ Лауницъ...

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя», 16-го Января 1907 г. № 11.

Невѣроятно, но правда.

Въ городѣ Горбатовѣ 22 декабря 1906 г. должно было слушаться въ окружномъ судѣ съ сословными представителями дѣло о 15 мѣстныхъ жителяхъ, обвиняемыхъ въ томъ, что они изъ ненависти на почвѣ религіозной, племенной и экономической вражды, устроили разгромъ революціонеровъ, при чемъ двое революціонеровъ, служившихъ въ земствѣ, были убиты толпою. По дѣлу было вызвано около 120 свидѣтелей, изъ коихъ большая часть живетъ въ Горбатовѣ. Однако двадцать человѣкъ не явилось; при чемъ шесть крайнихъ лѣвыхъ подали заявленіе, въ томъ смыслѣ, что „они боятся черносотеннаго горбатовскаго населенія» и просятъ потому перевести дѣло въ Нижній-Новгородъ. Несмотря на протесты всѣхъ обвиняемыхъ и ихъ защитниковъ, судъ удовлетворилъ ходатайство «храбрыхъ» лѣвыхъ и дѣло будетъ слушаться въ Нижнемъ-Новгородѣ; такъ, что всѣ сто свидѣтелей и 15 обвиняемыхъ должны тащиться за сотню верстъ въ другой городъ въ угоду краснофлажникамъ.

Но въ какомъ положеніи окажется судъ, когда всѣ сто свидѣтелей послѣдуютъ примѣру лѣвыхъ и заявятъ суду, что изъ опасенія краснокожаго населенія Нижняго Новгорода ни за что туда не поѣдутъ?

Вѣроятно Нижегородскому суду останется только одно средство: подвергнуть всѣхъ черносотенныхъ свидѣтелей приводу черезъ полицію въ Нижній.

Предъ такой крайней мѣрою судъ едва ли остановится! Но тогда не лишнее будетъ припомнить, что на просьбу защитниковъ подвергнуть приводу свидѣтеля Куварина и другихъ шесть свидѣтелей, неявившихся 22 декабря 1906 г. въ судъ безъ законныхъ основаній и, такимъ образомъ, сорвавшихъ судебное засѣданіе, Нижегородскій судъ отвѣтилъ, что въ силу 641 ст. уст. уг. суд. отъ усмотрѣнія суда зависитъ вновь повѣстками вызвать неявившихся свидѣтелей, или подвергнуть ихъ приводу, а потому судъ просьбу о приводѣ оставилъ безъ послѣдствій. Еще бы, какъ же передовой либеральный судъ будетъ подвергать приводу цѣлыхъ шесть сознательныхъ свидѣтелей!!!

Вотъ другое дѣло, безсознательныхъ черносотенцевъ, тѣхъ правосудію можно погнать, куда угодно...

О, Боже, доколѣ же будетъ терпѣться такое односторонее отношеніе къ правымъ?

Неужели законы справедливости не одинаковы для правыхъ и лѣвыхъ? Неужели высшая власть не заступится за монархистовъ, надъ которыми глумятся въ судебныхъ учрежденіяхъ приверженцы и слуги освободительнаго движенія.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 20-го Января 1907 г. № 15.

Закономѣрность или предательство.

Все яснѣе становится, что избирательный законъ долженъ быть измѣненъ, потому что существующая у насъ система расчитана на то, чтобы въ думу попали тѣ, кто лучше съумѣютъ мошенничать на выборахъ. При существующемъ законѣ можно безнаказанно исключить изъ списковъ выборщиковъ половину монархистовъ и членовъ Союза Русскаго Народа и когда неправильно исключенные монархисты, возмущаются и негодуютъ на мошенничества чинимыя кадюкскими городскими управами и красными уѣздными членами судовъ, то монархистамъ спокойно отвѣчаютъ: «подавайте жалобы, которыя будутъ разсмотрѣны послѣ выборовъ». В. М. Пуришкевича обманнымъ образомъ лишили голоса, а жалобу его Губернская Комиссія оставила безъ послѣдствій. Правда еще есть Сенатъ, но когда-то еще дѣло дойдетъ до Сената изъ Кишинева? Очевидно уже послѣ выборовъ!

Но когда исключеннымъ оказался П. Н. Милюковъ, то даже правительствующій Сенатъ, гдѣ дѣла обыкновенно лежатъ въ нѣкоторыхъ

департаментахъ безъ движенія по два, по три года и тотъ поторопился заслушать немедленно рапортъ П. Д. С.-Петербургскаго градоначальника съ протестомъ на включеніе Милюкова въ избирательные списки. Немедленно было потребовано производство губернской избирательной коммиссіи и въ теченіе недѣли Первый Департаментъ Сената разсмотрѣлъ по существу претензіи Милюкова.

Вотъ, что значитъ, когда дѣло идетъ о правахъ вождя кадюковъ. Все суетится, все работаетъ, перья скрипятъ, сановники совѣщаются, министры переговариваются по телефону; летятъ во всѣ концы приказы и телеграммы. Но когда идетъ дѣло о тысячахъ русскихъ людей, незаконно исключенныхъ изъ списковъ избирателей, то тогда министры и подчиненныя имъ власти палецъ о палецъ не двигаютъ, чтобы возстановить во время права русскихъ людей...

Тогда «безпартійность» и «закономѣрность» дѣлаетъ ихъ безгласными и безсильными. А когда надо унизить, оскорбить Союзъ Русскаго Народа, когда кадюкамъ надо подтасовать факты, передернуть какъ послѣдній шулеръ, лишить свободы и быть можетъ, даже жизни русскаго гражданина, непріятнаго для бундистовъ и для выборгскихъ революціонеровъ, тогда господа Столыпинъ и Щегловитовъ отдаютъ приказъ заключить подъ стражу и передать во власть финляндскихъ судовъ людей, виновность коихъ болѣе чѣмъ сомнительна...

Въ слѣдующихъ номерахъ газеты „Русское Знамя“ я разскажу, какъ генералъ-губернаторъ Финляндскій знаменитый Герардъ потребовалъ, отъ перваго министра П. А. Столыпина арестованія и доставленія въ Финляндію пяти членовъ Союза Русскаго Народа, заподозрѣнныхъ на основаніи ложныхъ показаній трехъ подкупленныхъ отъявленныхъ негодяевъ, изъ которыхъ одинъ, а именно Лавровъ, обвиняется въ убійствѣ Мухина. Я подробно разскажу, какъ П. А. Столыпинъ рѣшилъ, что разъ финляндскія власти обѣщали выдавать Русскому правительству террористовъ и убійцъ, то и Министръ Юстиціи Щегловитовъ долженъ сдѣлать распоряженіе о немедленномъ удовлетвореніи желанія «финляндскихъ судей» и отдать приказъ о заарестованіи всѣхъ тѣхъ русскихъ, которыхъ финляндцы пожелаютъ лишить свободы и томить въ финляндскихъ тюрьмахъ... Я все разскажу русскому общественному мнѣнію, «какіе въ Финляндіи судьи», какъ они судятъ и по какимъ уставамъ уголовнаго судопроизводства. Вѣроятно ни первому министру Столыпину, ни министру Юстиціи Щегловитову не извѣстны судопроизводственные порядки финляндскаго уголовнаго суда, иначе ни первый, ни второй министры, не унизились бы до такой степени, что въ угоду П. Н. Герарду и выборгскимъ крамольникамъ распорядились заточить въ темницу людей, которымъ въ улику ставятъ то, что они были въ Финляндіи во время Выборгскаго съѣзда.

Зачѣмъ нѣкоторые изъ членовъ Союза Русскаго Народа ѣздили въ Финляндію? Отвѣтъ у нашихъ на обѣ ноги кадюкствующихъ юристовъ готовъ: «чтобы убить Герценштейна!».

Право, господа Щегловитовскіе юристы, вы очень прозорливы, а главное очень умны и безпристрастны! Вы забываете, что вся Россія, а Союзъ Русскаго Народа въ особенности въ то время очень былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы узнать вступили ли «кадеты» въ соглашеніе съ финляндскими революціонерами и что вообще замышляется въ

Выборгѣ, Терiокахъ и Гельсингфорсѣ. Но васъ это не интересовало. Вамъ выгодно знать, кто убилъ Герценштейна, а что въ Финляндiи подготовляется вооруженное возстанiе—это васъ не интересуетъ!

По вашему «nonsens» ѣздить въ Финляндiю, чтобы послушать, что будутъ говорить русскiе крамольники въ Выборгѣ. По вашему безсмысленна жалоба г-на Юскевича-Красковскаго, въ которой вы не замѣтили самаго главнаго, а именно, что Красковскiй прямо указываетъ на Лаврова, какъ на убiйцу члена Союза Русскаго Народа Мухина. Вы изъ жалобы Красковскаго поняли лишь то, что г-нъ Юскевичъ-Красковскiй обвиняетъ Лаврова и Зорина въ лжедоносѣ, но самаго главнаго вы не замѣтили: вы не хотите видѣть, что столь милые финляндскому суду достовѣрные лжесвидѣтели Лавровъ и Зоринъ прежде чѣмъ пахально лжесвидѣтельствовать въ финляндскихъ судахъ должны бы оправдываться сами въ русскомъ судѣ по обвиненiю въ убiйствѣ Мухина.

Вы видите только то, что хотите видѣть въ своемъ слѣпомъ самообольщенiи. Вы боготворите свою власть, вы ставите себѣ въ заслугу умѣнiе вилять и въ то же время мстить безчеловѣчно и безстыдно всякому, кто становится поперекъ вашей дороги! До такого позора, до такого попранiя всего благороднаго и самостоятельнаго еще никогда не доходила Россiя со временъ Бирона. Никогда даже С. Ю. Витте не мстилъ такъ жестоко своимъ критикамъ, какъ вы „свободолюбивые“ и „закономѣрные министры“, готовые заточить всѣхъ приверженцевъ Царскаго Самодержавiя въ финляндскiе казематы ..

Вы играете въ опасную игру. Ваша «плодотворная» дѣятельность и Ваше „закономѣрное“ умѣнiе сводить личные счеты со всѣми тѣми, кто не хочетъ разыгрывать низкую роль домашняго льстеца, подобнаго Суворинскому брату Министра А. Ст...нъ у всѣхъ на виду, но найдутся дастъ Богъ люди, которые съумѣютъ о всѣхъ Вашихъ подвигахъ довести и до свѣдѣнiя самого Государя. Вѣдь не всѣ же еще русскiе патрiоты перебиты революцiонерами благодаря Вашему попустительству.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 21-го Января 1907 г. № 16.

Перлы Финляндскаго суда.

Въ 1903 году въ августовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ помѣщено очень интересное изслѣдованiе П. Шиловскаго о судебной системѣ Финляндiи.

Это изслѣдованiе было уже три года тому назадъ предметомъ доклада, сдѣланнаго мною въ „Русскомъ Собранiи“ и вызвало въ то время огромный интересъ среди всѣхъ присутствующихъ къ труду П. П. Шиловскаго, задавшагося цѣлью представить въ общепонятной формѣ систему финляндскаго судебнаго строя съ ея весьма немно-

гими положительными и съ ея многочисленными отрицательными качествами.

Съ цифрами, фактами и документами въ рукахъ, г. Шиловскій совершенно опровергаетъ ходячее мнѣніе о Финляндіи, какъ о странѣ особо пуританской жизни. Финляндскіе писатели имѣвшіе очень распространенную среди скандинавскихъ и германскихъ народовъ привычку безмѣрно и незаслуженно восхвалять до небесъ свою собственную культуру, создали искусственный ореолъ финляндскимъ учрежденіямъ.

Но этотъ ореолъ, къ сожалѣнію, не находитъ себѣ никакого подтвержденія въ данныхъ безспорнаго характера каковыми являются свѣдѣнія оффиціальной уголовной статистики Финляндіи.

Въ Финляндіи до 14 апрѣля 1894 года дѣйствовало средневѣковое уложеніе 1734 года, перешедшее туда изъ Швеціи. Это страшное уложеніе въ 68 случаяхъ за разныя, даже средней важности, преступленія, напримѣръ, за колдовство, за кровосмѣшеніе и т. д. назначало смертную казнь. И лишь по особому настоянію Императора Александра III это дикое законодательство было замѣнено современнымъ уложеніемъ, вступившимъ въ силу 14 апрѣля 1894 г. Упорство, съ которымъ финляндскіе дѣятели пытались удержать свое архаическое уголовное уложеніе, является наглядным доказательствомъ, что стремленія къ общественному прогрессу у нихъ не существуетъ и что столь восхваляемая культурность и нравственность финляндскаго народа не что иное, какъ миѳъ, созданный скандинавскими писателями.

Финляндцы старательно замалчиваютъ тотъ фактъ, что до 1894 года въ этой передовой странѣ розги расточались въ неимовѣрномъ размѣрѣ за множество сравнительно незначительныхъ преступленій. Финляндская юриспруденція выработала даже нѣсколько видовъ тѣлеснаго наказанія подъ именемъ „рисъ“ „спо“ и „гундстрикнингъ“. Что скажутъ наши либералы, когда прочтутъ приводимое г. Шиловскимъ разъясненіе финляндскаго профессора Форсмана характера и свойства этихъ трехъ видовъ тѣлесныхъ наказаній!!! „Рисъ“ и „спо“ отличались отъ послѣдняго вида лишь тѣмъ, что назначались лицамъ обоего пола въ опредѣленномъ количествѣ ударовъ, а гундстрикнингъ въ томъ размѣрѣ: „который могъ выдержать деликвентъ, не подвергаясь опасности умереть“.

Итакъ, если бы не новое уложеніе, изданное нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по личному настоянію Государя Императора Александра III, то не только свободные финляндскіе граждане, но и финляндскія женщины до сихъ поръ вкушали бы еще отъ культурныхъ плодовъ шведскихъ „гундстрикинговъ“ т.-е. розогъ, расточаемыхъ въ количествѣ обусловливаемомъ усмотрѣніемъ палача. Этотъ примѣръ наглядно доказываетъ, что русская власть вноситъ среди инородцевъ просвѣщеніе и смягченіе ихъ дикихъ нравовъ.

Тѣ же писатели, которые со словъ шведскихъ и нѣмецкихъ лгуновъ, повторяютъ, будто русскія преобразованія лишь задерживаютъ развитіе на окраинахъ, такіе писатели не заслуживаютъ иного названія, какъ «безсмысленныхъ клеветниковъ Россіи». Для такихъ господъ трудъ Шиловскаго является хорошимъ предостереженіемъ.

Они поймутъ, наконецъ что настало время, когда имъ придется изъ обвинителей превратиться въ обвиняемыхъ. Если они не станутъ добросовѣстнѣе, то имъ можетъ прійтись плохо вслѣдствіе пробудившагося сознанія русскаго народа, что они клевещутъ на русскихъ!..

Судебное устройство Финляндіи не выдерживаетъ никакого сравненія съ существующимъ въ остальной Россіи. Недостатки финляндской судебной системы отчетливо изображены въ трудѣ Шиловскаго.

«Выборное начало всекомпетентныхъ судей первой инстанціи, связанныхъ лишь бумажнымъ надзоромъ высшихъ инстанцій отличается всѣми недостатками, какіе только можно себѣ представить». Выборные бургомистеры и ратманы стоятъ въ слишкомъ близкой зависимости отъ своихъ избирателей. Купеческій городской классъ очень замѣтно вліяетъ на судейскую дѣятельность судей, особенно по дѣламъ, которымъ заправилы финляндской клики хотятъ придать политическій характеръ.

«Судопроизводственнаго кодекса на подобіе русскихъ судебныхъ уставовъ и другихъ европейскихъ судопроизводствъ въ Финляндіи не существуетъ, а лишь масса разныхъ процессуальныхъ постановленій безъ всякой системы приведены въ собраніи судопроизводственныхъ правилъ, начиная съ 1614 года и до самаго послѣдняго времени.

Разобраться въ такомъ сборникѣ, конечно, почти невозможно. Въ провинціи судомъ первой степени являются «ландретенъ» и его выѣздныя сессіи «гератретенъ». Суды эти считаются коллегіальными, но коллегіальность эта совершенно призрачна, ибо въ «ландретенѣ» и «гератретенѣ» засѣдаетъ «судья-гефдингъ и нѣсколько отъ 5 до 12 выборныхъ изъ крестьянъ „немденовъ“ или по-фински „лаутамѣсовъ“, нѣчто въ родѣ нашихъ присяжныхъ засѣдателей. „Эти „немдены“ въ сущности совершенно безгласны, ибо только ихъ единогласное противорѣчіе герадсгефдингу даетъ перевѣсъ ихъ голосу надъ коронным судьею“. Такимъ образомъ, если даже одиннадцать немденовъ держатся особаго мнѣнія, а одинъ изъ „немденовъ“ согласенъ съ гератсгефдингомъ, то мнѣніе герадсгефдинга рѣшаетъ все дѣло. „Значитъ суда присяжныхъ засѣдателей въ Финляндіи не существуетъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято понимать этотъ судъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ“. Финляндія въ судебномъ отношеніи раздѣлена на 62 участка и герадсгефдингъ отъ 2 до 3 разъ, въ годъ пріѣзжаетъ на сессію и разбираетъ съ „немденами“ дѣла. „Въ остальное время, т. е. въ промежуткахъ между его пріѣздами правосудіе не отправляется за отсутствіемъ въ провинціи постояннаго судебнаго органа! Насколько такое положеніе мало соотвѣтствуетъ понятію о благоустроенномъ переповомъ судебномъ строѣ—говорить, конечно, не приходится!“ Впрочемъ, можетъ быть Финляндія въ самомъ дѣлѣ такая первобытно патріархальная страна, что въ постоянныхъ судахъ совсѣмъ не нуждается?

На этотъ вопросъ отвѣтомъ могутъ служить цифры, приводимыя П. П. Шиловскимъ изъ оффиціальнаго отчета о количествѣ содержавшихся въ гельсингфорскихъ каторжныхъ тюрьмахъ за 1893 годъ, т. е. до начала русскихъ преобразованій, а именно за умышленное убійство и за убійство въ дракѣ 294 мужчинъ и 32 женщины, за

дѣтоубійство 194 женщины; за грабежи и кражи со взломомъ 709 мужчинъ и 118 женщинъ: за подлоги 60 мужчинъ и 6 женщинъ. Кромѣ того, за болѣе мелкія преступленія въ арестантскихъ тюрьмахъ содержалось въ 1903 году 10,507 человѣкъ и сверхъ того въ одномъ Гельсингфорсѣ за 1893 годъ задержано за пьянство 5,062 мужчины и 383 женщины, т. е. 300 до 500 человѣкъ въ мѣсяцъ за пьянство на улицѣ. Сопоставляя эти цифры съ немногочисленнымъ населеніемъ Финляндіи въ 2.500,000, съ отдаленностью ея сѣверныхъ губерній, сельское населеніе которыхъ дѣйствительно даетъ очень малый процентъ преступности, приходится придти къ очень неутѣшительному выводу о нравственности финляндскихъ городскихъ центровъ съ шведскимъ или ошведившимся населеніемъ. Въ особенности краснорѣчивы цифры дѣтоубійства незамужними женщинами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить, что финляндскія власти нисколько не церемонились стѣснять возможность пьянства, этого обычнаго фактора преступности въ низшемъ классѣ населенія. По субботамъ съ вечера со времени прекращенія работъ на фабрикахъ закрываются всѣ водочныя лавки на все воскресенье и въ деревняхъ пріобрѣтеніе водки очень затруднительно; противъ босяковъ примѣняются чрезвычайно строгія мѣры, а именно: свыше 6,000 человѣкъ босяковъ ежегодно заключается въ тюрьмы безъ всякаго суда, ради такъ сказать предупрежденія возможныхъ преступленій. И несмотря на все это въ одномъ Гельсингфорсѣ свыше 5,000 человѣкъ задержанныхъ въ одинъ годъ за пьянство! Что же касается гражданскихъ исковъ, то „финляндцы очень просто рѣшили сложный вопросъ о томъ, какъ поступить, чтобы высшія инстанціи не были обременены излишней непосильной работой по пересмотру рѣшеній: „въ Финляндіи было сдѣлано все, чтобы затруднить физическую возможность обращаться къ высшимъ судебнымъ инстанціямъ". Безъ адвоката нѣтъ возможности вести дѣло. Страшная дороговизна и масса процессуальныхъ придирокъ лишаютъ бѣдный народъ возможности прибѣгать къ суду для защиты своихъ имущественныхъ правъ. „Посылка апелляціи по почтѣ не допускается". Наконецъ, „Гофретъ, рѣшивъ дѣло, можетъ еще признать апелляціонную жалобу не добросовѣстною и оштрафовать по своему усмотрѣнію апеллятора, а въ случаѣ недостаточности его денежныхъ средствъ посадить въ тюрьму". При такихъ условіяхъ, конечно, очень мало оказывается охотниковъ подавать апелляціонныя жалобы. Финляндская судебная система, благодаря которой проигравшій гражданскій искъ тяжущійся можетъ еще въ довершеніе всѣхъ своихъ бѣдъ очутиться въ тюрьмѣ, конечно, не въ правѣ расчитывать на восторженные отзывы со стороны даже самыхъ снисходительныхъ изслѣдователей финляндскаго судопроизводства и судоустройства.

„Тюрьма по гражданскому дѣлу—это такой перлъ шведо-финской культуры, который цѣликомъ переноситъ къ временамъ Густава Адольфа", угрожавшаго когда-то ревельскимъ купцамъ, что онъ въ наказаніе за ихъ ослушаніе запретитъ имъ „пить пиво". до тѣхъ поръ, пока они не заплатятъ ему своего долга. Отважный шведскій завоеватель зналъ, чѣмъ смирить непокорныхъ бюргеровъ; но по настоящимъ временамъ, къ сожалѣнію, даже такія мѣры какъ выколачиваніе долга

лишеніемъ права пить пиво, непримѣнимы; а тѣмъ болѣе странно сажать по гражданскому иску проигравшую процессъ сторону въ тюрьму!

Судопроизводство въ Финляндіи представляетъ смѣсь самыхъ замысловатыхъ формальностей и самыхъ первобытныхъ положеній, выработанныхъ средними вѣками. „Свидѣтельскія показанія записываются въ самомъ засѣданіи секретаремъ, но не прочитываются свидѣтелями". При такой системѣ у тяжущихся и у свидѣтелей не существуетъ никакой гарантіи, что показанія свидѣтелей будутъ изложены вполнѣ точно. По уголовнымъ же дѣламъ полною уликою считается сознаніе обвиняемаго, а поэтому во время разбора дѣла обвиняемаго всячески убѣждаютъ сознаться и „наконецъ судья для того, чтобы добиться сознанія подсудимаго имѣлъ до 1894 года право подвергнуть заподозрѣннаго строгому тюремному режиму". Вѣдь это уже что то въ родѣ нашего допетровскаго застѣнка! А въ Финляндіи этотъ застѣнокъ существовалъ еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ и отмѣненъ исключительно по настоянію русскихъ юристовъ. Насколько же сами финляндскіе юристы проникнуты духомъ нетерпимости и кастовыми предразсудками можно видѣть изъ того, что даже такіе ученые, какъ профессоръ Форсманъ, въ своихъ сочиненіяхъ прямо высказываютъ мысль, что для простого народа судебныя учрежденія совсѣмъ излишни, такъ какъ крестьяне вполнѣ удовлетворяются двумя пріѣздами городского суда въ годъ; болѣе частыхъ судебныхъ засѣданій имъ не нужно. „Неразумность такого мнѣнія почетнаго финляндскаго профессора не требуетъ доказательствъ", замѣчаетъ не безъ ѣдкости господинъ Шиловскій. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе тѣхъ упрековъ, которые за время своего пребыванія въ Финляндіи господинъ Шиловскій слыхалъ отъ русскихъ людей по адресу финляндскихъ судовъ, и будучи въ высокой степени безпристрастнымъ изслѣдователемъ, склонный даже снисходительно относиться къ нѣкоторымъ недостаткамъ финляндской судебной системы, П. П. Шиловскій, въ концѣ концовъ, тѣмъ не менѣе вынужденъ признать, что существуетъ масса судебныхъ дѣлъ, по которымъ финляндскій судъ слишкомъ уже явно въ угоду финскихъ сепаратистовъ уклоняется отъ основныхъ требованій безпристрастности и перешелъ на почву репрессалій русскимъ за политику въ Финляндіи.

А такъ какъ финляндскіе суды въ довершеніе всѣхъ своихъ недостатковъ техническаго свойства поддаются стороннимъ дѣлу правосудія политическимъ тенденціямъ, то тутъ частными реформами уже ничего поправить нельзя, а необходимо коренное преобразованіе всей судебной системы"... Въ исторіи между самостоятельными государствами отказы въ правосудіи такъ же, какъ оскорбленіе національнаго чувства всегда считались за „casus belli и влекли переговоры, соглашенія или, наконецъ, объявленіе войны, но споръ по такимъ предметамъ между неравноправными сторонами обыкновенно влекъ болѣе простой исходъ: введенія судебной системы господствующей стороны. Такъ было въ Польшѣ и въ балтійскихъ губерніяхъ".

Если русское правительство признаетъ доказаннымъ, что финляндскіе суды зашли слишкомъ далеко въ своемъ подчиненіи вліяніямъ мѣстныхъ политическихъ партій и что финляндскіе суды не обезпечи-

ваютъ всѣмъ русскимъ подданнымъ безпристрастнаго отправленія-правосудія, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого явится введеніе въ Финляндіи судебныхъ уставовъ Императора Александра II-го. „Судебную систему Эстляндской губерніи съ составомъ ревельскаго окружнаго суда перевести вѣдь на тотъ берегъ Финскаго залива вовсе не такъ ужъ трудно,—замѣчаетъ г. Шиловскій,—для этого даже большихъ перемѣнъ въ штатѣ канцеляріи и переводчиковъ производить не придется, такъ какъ эстонскій языкъ весьма схожъ съ финскимъ и многіе эстонцы умѣютъ говорить по-фински и по-шведски. Дай Богъ,—заканчиваетъ свою статью г. Шиловскій, — чтобы прибѣгать къ послѣдней мѣрѣ не оказалось необходимымъ. Это пожеланіе г. Шиловскаго, однако, не находитъ себѣ достаточнаго оправданія въ его изслѣдованіи.

Изъ всего, что онъ самъ сообщаетъ о финляндскомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, съ неотразимою ясностью слѣдуетъ, что „введеніе въ Финляндіи русскихъ судебныхъ уставовъ будетъ актомъ выдающагося прогресса и великимъ благодѣяніемъ для всего мирнаго народонаселенія Финляндіи".

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 23-го Января 1907 г. № 17.

Перлы современной Русской Юстиціи.

Со всѣхъ сторонъ въ Союзъ Русскаго Народа несутся жалобы и негодующіе возгласы по поводу судебныхъ приговоровъ чрезвычайно снисходительныхъ къ революціонерамъ и безпощадно строгихъ къ монархистамъ.

Уступая общему желанію русскихъ людей газета «Русское Знамя» будетъ печатать краткія сообщенія о наиболѣе выдающихся крайностяхъ въ милосердіи и суровости судебнаго вѣдомства. Для начала приведемъ слѣдующіе два примѣра: Въ Твери за угрозу убить Государя Императора соціалъ-революціонеръ приговоренъ на двѣ недѣли подъ арестъ. Въ Петербургѣ членъ Союза Русскаго Народа Гагаринъ за угрозу ударить палкою революціонера мировымъ судьею 19 участка, и столичнымъ съѣздомъ приговоренъ къ аресту на два съ половиною мѣсяца. Жизнь Государя суды защищаютъ слабѣе, чѣмъ спокойствіе революціонера, который впослѣдствіи оказался замѣшанъ въ серьезной революціонной агитаціи и высланъ изъ Петербурга.

Читатели помнятъ, что во время разбора дѣла о Горбатовскомъ погромѣ нѣсколько „лѣвыхъ" свидѣтелей не явились въ Окружный Судъ, объяснивъ, что боятся являться въ Черносотенный городъ. Читатели помнятъ также, вѣроятно, что со стороны „лѣвыхъ" были приняты всевозможныя мѣры, чтобы перенести дѣло изъ Горбатова въ Нижній-Новгородъ, такъ какъ въ Нижнемъ-Новгородѣ легче, чѣмъ въ Горбатовѣ въ числѣ сословныхъ представителей подыскать „красноватыхъ".

Въ настоящее время обвиняемые и ихъ защитники присяжные повѣренные Булацель, Бажановъ и Орловъ получили увѣдомленіе, что дѣло будетъ 29-го января разбираться въ „Нижнемъ-Новгородѣ". И такъ красные добились своего! Политиканство и лицемѣріе все болѣе и болѣе проникаютъ въ судебныя учрежденія. Московская Судебная Палата въ особенности отличается снисходительностью и сочувствіемъ къ революціонерамъ. Во главѣ прокуратуры Московской Судебной Палаты стоитъ прокуроръ Дольникъ юдофилъ и ненавистникъ. Истинно Русскихъ Людей. Дѣдъ господина Дольника былъ еврей. Предсѣдателемъ Московской Судебной Палаты состоитъ сенаторъ г. Арнольдъ, который сидѣлъ бы на самомъ крайнемъ лѣвомъ креслѣ, если бы только въ Сенатѣ по примѣру Государственнаго Совѣта образовался „центръ"... Къ счастью въ Сенатѣ еще нѣтъ Ермоловскаго центра и потому, тамъ еще можно найти людей, занимающихся дѣломъ, а не игрою въ конституцію и въ политическія партіи ..

До какого безстыдства доходятъ международные бюрократы, заполняющіе теперь судебное вѣдомство видно изъ того давленія, которое оказываютъ г. Дольникъ и г. Арнольдъ на подвѣдомственныхъ имъ судебныхъ дѣятелей, заставляя ихъ выходить изъ Союза Русскаго Народа. Старшій Предсѣдатель Московской Судебной Палаты Арнольдъ въ г. Калугѣ имѣлъ безстыдство заявить, что Союзъ Русскаго Народа революціонная партія, такъ какъ не признаетъ Манифеста 17-го октября и что поэтому состоять въ этой партіи судебные чины не могутъ. Мы называемъ это заявленіе г. Арнольда безстыднымъ, потому что г. Арнольду не можетъ быть неизвѣстно, что Союзъ Русскаго Народа несмотря на всѣ интриги и происки бюрократовъ-конституціоналистовъ неизмѣнно получаетъ доказательство благоволенія Главы Русскаго Государства Православнаго Самодержавнаго Царя къ мощной объединяющейся истинно русской силѣ Союза Русскаго Народа. Недалѣе какъ 6-го декабря 1906 г. по личному приказанію Государя, вопреки желанію высокопоставленнаго чиновника-конституціоналиста, была пожалована митра протоіерею отцу Іоанну Восторгову, одному изъ самыхъ дѣятельныхъ представителей Союза Русскаго Народа, удостоившемуся продолжительной бесѣды съ Царемъ. Но судебные лицемѣры до того покраснѣли за время управленія г-на Щегловитова русскою Юстиціею, что сдержать ихъ слишкомъ быстрое превращеніе изъ умѣренно-прогрессивныхъ въ крайнихъ лѣвыхъ уже нѣтъ почти никакой возможности безъ коренной чистки среди высшихъ чиновъ судебнаго вѣдомства. Ниже мы помѣщаемъ двѣ точныя копіи съ двухъ оффиціальныхъ документовъ. Первый документъ это постановленіе Нижегородскаго Окружнаго Суда отъ 3-го января 1907 г. въ которомъ приведенъ докладъ члена суда Степанова, увѣряющій что въ Горбатовѣ въ зданіи Уѣзднаго Съѣзда невозможно помѣстить одновременно 15 подсудимыхъ и 113 свидѣтелей, и что помѣщеніемъ для свидѣтелей служитъ только одна комната, вмѣщающая не болѣе двадцати человѣкъ.

Второй документъ, удостовѣреніе Горбатовскаго уѣзднаго Предводителя Дворянства отъ 12-го января 1907 г. за № 12, въ которомъ говорится, что никогда до сихъ поръ жалобъ на тѣсноту помѣщенія Уѣзднаго Съѣзда не поступало; что въ залѣ засѣданій свободно помѣ-

шались неоднократно болѣе трехъ сотъ лицъ и что комнаты для свидѣтелей на столько обширны, что въ нихъ свободно помѣщаются сто двадцать человѣкъ.

Для чего же въ такомъ случаѣ вдругъ потребовался въ Нижегородскомъ судѣ докладъ о тѣснотѣ судебнаго зданія въ Горбатовѣ? Очень просто для чего! Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ прямо въ постановленіи суда такъ-таки и написать: «на основаніи 586 ст. уст. уг. суд. предсѣдатель окружнаго суда постановилъ въ угоду революціонерамъ, перенести судебное засѣданіе изъ Горбатова въ Нижній-Новгородъ».

Такой мотивировки даже г. Арнольдъ не одобрилъ бы и вотъ появился докладъ о тѣснотѣ зданія уѣзднаго Горбатовскаго съѣзда и дѣло переносится въ Нижній-Новгородъ, хотя 22-го декабря, никакой тѣсноты при разборѣ дѣла въ Горбатовѣ не было усмотрѣно.

Можно ли похвалить такіе пріемы судебныхъ дѣятелей, старающихся привлечь на свою сторону сочувствіе крайнихъ красныхъ элементовъ...

Вѣдь одно изъ двухъ или судъ говоритъ неправду, или предводитель дворянства говоритъ неправду! Предоставляемъ самимъ читателямъ рѣшить вопросъ, гдѣ правда и гдѣ ложь; а чтобы это было легче рѣшить привожу ниже оба документа и сообщаю, что 22-го января с. г. мною подано Министру Юстиціи по почтѣ заказной квитанціею прошеніе о возстановленіи правъ Горбатовскихъ обвиняемыхъ, которыхъ изъ Горбатова заставляютъ перекочевывать въ Нижній-Новгородъ въ угоду революціонерамъ.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя», 9-го Февраля 1907 г. № 31.

Россія успокаивается.

Чудовищное, безумно отвратительное положеніе создало теперешнее правительство.

До какой степени безотрадна жизнь въ Россіи видно изъ того, что въ разныхъ концахъ огромнаго русскаго Государства поднимаются отчаянные призывы къ самосохраненію, самозащитѣ и къ самосуду.

Недовѣріе къ высшимъ правительственнымъ властямъ все ростетъ. Преступная омерзительная игра въ конституцію начинаетъ выводить изъ терпѣнія даже самыхъ спокойныхъ уравновѣшенныхъ людей. Со всѣхъ сторонъ слышатся негодующіе возгласы на то, что министры—конституціоналисты издѣваются надъ патріотизмомъ, вѣрованіями, честью и жизнью русскаго народа... Когда народъ русскій просилъ доложить Государю о необходимости измѣнить выборный законъ, благодаря которому на каждыхъ 18,000 коренныхъ русскихъ приходится лишь одинъ представитель, а въ городахъ съ еврейско-польскимъ населеніемъ на каждыя шесть тысячъ евреевъ приходится два представителя—тогда конституціоналисты съ лукавой игривостью киваютъ

вверхъ и лицемѣрно увѣряютъ, что къ пересмотру выборнаго закона встрѣчаются свыше непреодолимыя «конституціонныя» преграды. А когда евреи, пожертвовавшись и собравъ этимъ постомъ нѣсколько милліоновъ рублей, стали просить о проведеніи до Думы совсѣмъ новаго закона о расширеніи правъ евреевъ, то «сферы» забыли о всѣхъ конституціонныхъ преградахъ и быстро составивъ и переписавъ проектъ закона, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ для еврейскихъ банкировъ, повезли «потихоньку» этотъ проектъ въ Царское Село. Обыкновенно очень чувствительныя къ своей безупречной репутаціи и готовыя даже отдать подъ судъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ, лишь бы самимъ не навлечь на себя какихъ нибудь нареканій за авансы по продовольственной части «сферы» не побоялись поставить себя и своихъ „единомышленниковъ-конституціоналистовъ“ въ такое щекотливое положеніе, что вся Россія негодуетъ за безконтрольный «авансъ», сдѣланный первымъ министромъ по еврейскому вопросу. А вѣдь этотъ авансъ значительно крупнѣе по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ авансъ въ 800,000 руб. выданный Лидвалю. Несправедливости властей и ужасы творимые революціонерами, благодаря попустительству теперешняго правительства, внушаютъ такое отвращеніе къ представителямъ конституціонной партіи, что даже женщины-патріотки не хотятъ больше оставаться въ долгу у предателей родины. И со всѣхъ сторонъ несутся призывы, проклятія, угрозы и предложенія пожертвовать собою, чтобы освободить родину отъ ужасовъ и позора революціи. А правительство ничего этого не замѣчаетъ и не чувствуетъ надвигающагося девятаго вала... Жалкіе, самодовольные люди, упивающіеся своею властью, помѣшались на томъ, что для успокоенія Россіи надо печь, какъ блины, все новые и новые законопроекты... А жизнь между тѣмъ становится все хуже, все нестерпимѣе. И только инородцы да вожди революціи пользуются защитой и покровительствомъ властей... А русскимъ людямъ на каждомъ шагу угрожаетъ разореніе, нищета и смерть... Прочтите письмо несчастнаго Гранкина предсѣдателя Симферопольскаго отдѣла Союза Русскаго Народа. Его молоденькую дочь закололи ножемъ и когда она чудомъ осталась жива, ее безнаказанно травятъ на столбцахъ еврейскихъ газетъ, увѣряя, что она сама всадила себѣ въ грудь ножъ. Судебныя власти не торопятся найти убійцу, который поднялъ ножъ на безоруженную молодую дѣвушку, а то ли дѣло когда «Русь» и «Телеграфъ» заявили, что одинъ конвойный грубо крикнулъ на дерзкаго арестанта-революціонера. Къ такому заявленію „сферы“ отнеслись очень чутко и немедленно распорядились, чтобы конвойный былъ наказанъ. Также точно, когда Милюковъ и Гессенъ попросили, чтобы имъ дали охрану, ихъ просьба была тотчасъ же исполнена по распоряженію товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ, а вотъ градоначальника Лауница и Царскаго Посланца генерала Сахарова, П. А. Столыпинъ «не съумѣлъ» охранить! Такъ что же послѣ этого удивляться, что «истинно-русскіе» люди не особенно довѣряютъ казенной охранѣ и что въ Кишиневѣ Павелъ Александровичъ Крушеванъ, въ Одессѣ графъ Коновницынъ, въ Симферополѣ Гранкинъ, въ Почаевѣ монахъ Иліодоръ, въ Херсонѣ Ѳоменко, чтобы спасти свою жизнь и жизнь своихъ дѣтей и друзей грозятъ анархистамъ самосудомъ.

Изъ Одессы въ Кишиневъ понаѣхало множество бундистовъ.

Очевидно вѣдь не для благотворительныхъ цѣлей захватили бундисты съ собою бомбы. Но власти не трогаютъ бундистовъ „Пока не убилъ—не виновенъ“. И вотъ, издѣваясь надъ мирнымъ населеніемъ, щеголяютъ на улицахъ даже Петербурга въ лакированныхъ высокихъ сапогахъ и громадныхъ папахахъ будущіе убійцы, выслѣживающіе свои жертвы. И все то, что лживая газета „Русь“ пишетъ про Союзъ Русскаго Народа, гораздо вѣрнѣе примѣнить къ революціонерамъ. „И полиція, и власти, знаютъ, что эти „милые юноши“, принадлежатъ къ отряду, открыто объявляющему, что для нѣкоторыхъ цѣлей убійства считаются дозволенными и что ихъ боевая готовность къ преступленіямъ не только не подвергается гоненіямъ, но удостоивается даже нѣкоторыхъ внѣшнихъ знаковъ отличія; такъ иные изъ нихъ на шапкахъ имѣютъ какіе то галуны серебряные или золотые, смотря вѣроятно по рангу будущаго убійства. „Но если случится Варѳоломѣевская ночь можно ли будетъ дальше скрывать, что „революціонная“ армія безнаказанно, открыто готовилась къ своимъ злодѣяніямъ на глазахъ самого теперешняго правительства?!“

Нѣтъ тогда заговорятъ милліоны русскихъ голосовъ, возмущенные тѣмъ, что въ то время, когда повсюду грабятъ, жгутъ и убиваютъ, играя жизнью и честью стойкихъ русскихъ людей, господа министры Коковцевъ и Столыпинъ, сидя въ своихъ роскошныхъ кабинетахъ, благодушно увѣряютъ иностранныхъ корреспондентовъ, что „Россія успокаивается“.

Хорошо успокоеніе!

Когда монахи вынуждены точно въ средніе вѣка защищать „сами“ свой монастырь отъ вторженія убійцъ; когда іеромонахъ Иліодоръ, чтобы избѣжать смерти отъ руки бундистовъ, вынужденъ благословлять черносотенцевъ на самооборону, когда твердый честный и прямой слуга родины градоначальникъ Лауницъ предательски заманивается въ ловушку и убивается въ церкви на глазахъ своихъ подчиненныхъ; когда новый градоначальникъ назначенный на мѣсто убитаго произноситъ такую удивительную рѣчь, что одна газета „дословно“ приводитъ ее какъ доказательство того, что онъ „истинно русскій человѣкъ“, а другая газета также дословно приводитъ ее въ подтвержденіе того, что новый Петербургскій градоначальникъ „истинно-полякъ“, а освѣдомительное бюро не опровергаетъ этой „польско-кадюкской версіи“—когда на улицахъ открыто юноши въ папахахъ перекидываются паролями и планами о будущихъ сраженіяхъ, когда изъ каторжныхъ тюремъ ежедневно убѣгаютъ самые опасные убійцы, когда самъ первый министръ сидитъ взаперти изъ опасенія, что его тотчасъ же убьютъ свободно гуляющіе по Невскому юноши въ папахахъ,—то какъ же не признать, что успокоеніе наступаетъ?.. Коковцевъ, Васильчиковъ, Ермоловъ и Герардъ спокойны!

«Юноши въ папахахъ» бранятъ Гришкмута и Крушевана, но уважаютъ всетаки ихъ за прямоту, храбрость и искренность, а о будущихъ премьерахъ: Коковцевѣ, Васильчиковѣ, Герардѣ и Ермоловѣ отзываются съ нескрываемымъ глубокимъ презрѣніемъ на своихъ митингахъ.

Евреи же, которые руководятъ революціею, рѣшили, что Герардъ, Коковцевъ, Васильчиковъ и Ермоловъ совсѣмъ для революціи не вред-

ны, а потому „центробѣжцы“ могутъ быть за себя спокойны, а до прочаго, что имъ за дѣло...

Много, увы, развелось теперь сановниковъ, которые изъ трусости ищутъ увѣриться въ положительной цѣнности самодовольнаго бытія... Ужасы и горести переживаемые Россіею не прекратятся доколѣ въ „сферахъ“ будетъ царить погоня за личною безопасностью и бездушное чудовищное себялюбіе, благодаря которому на тризнѣ чужихъ похоронъ весело смѣются, а при одномъ намекѣ на личную опасность блѣднѣютъ, трясутся и мѣняютъ свои убѣжденія...

О какъ хотѣлось бы мнѣ дожить до того времени, когда этимъ вертунамъ будетъ угрожать справа болѣе страшная опасность, чѣмъ слѣва. Хоть однимъ бы глазкомъ увидать тогда физіономіи этихъ сановныхъ радикаловъ!

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 13-го Февраля 1907 г. № 34.

Поразительное лицемѣріе.

До какой степени спуталисъ у «конституціоналистовъ» всѣ понятія о правдѣ и порядочности можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Первый примѣръ.

Въ Одессѣ, выведенные изъ терпѣнія нападеніями революціонеровъ, члены Союза Русскаго Народа побили нѣсколькихъ наиболѣе задѣвшихъ ихъ анархистовъ. Какъ же отнеслось къ этому конституціонное министерство Столыпина? Оно чуть ли не цѣлыхъ два часа совѣщалось о чрезвычайныхъ мѣрахъ для обузданія Союза Русскаго Народа и какъ господинъ первый министръ Столыпинъ такъ и министры Извольскій и Кауфманъ на перерывъ другъ передъ другомъ старались щегольнуть своимъ «искреннимъ», негодованіемъ по адресу «насилій», совершаемыхъ членами союза. Рядили, судили и чтобы сокрушить союзъ угрожали другъ другу даже иностранными войсками! А въ заключеніе рѣшили вызвать въ Петербургъ командующаго Одесскимъ военнымъ округомъ барона Каульбарса, котораго анархисты приговорили къ смерти и давно подстерегаютъ, но котораго въ Одессѣ не могутъ убить только потому, что его оберегаютъ члены Союза Русскаго Народа. Съумѣютъ-ли агенты министерства внутреннихъ дѣлъ уберечь въ Петербургѣ генерала Каульбарса—большой вопросъ?!. Но если, не дай Богъ, съ барономъ Каульбарсомъ случится здѣсь несчастіе изъ за того, что его, какъ генерала Лауница пригласили въ опасное мѣсто, то это останется на совѣсти конституціоналистовъ г. Столыпина и г. Извольскаго. Мы же спросимъ господъ Кауфмана, Извольскаго и Столыпина почему они молчатъ и не возмущаются событіемъ въ Севастополѣ? Вѣдь въ Севастополѣ брошенною революціонерами бомбой убито пять человѣкъ

и ранено около 35 человѣкъ! отчего же по поводу этого злодѣянія министры не предпринимаютъ чрезвычайныхъ мѣръ, не совѣщаются, не вызываютъ «любимаго братца» адмирала Скрыдлова для объясненій, а старательно скрываютъ свое „искреннее негодованіе“? Или попустительство революціонерамъ, нападающимъ на мирныхъ гражданъ — не преступно, а попустительство членамъ Союза Русскаго Народа, защищающимъ свою жизнь — заслуживаетъ взысканія?! Нѣтъ, будемъ надѣяться, что вся русская гвардія съумѣетъ защитить честь генеральскаго мундира, на который посягаютъ штатскіе генералы, забывшіе, что генералъ Каульбарсъ прежде всего долженъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Государю Императору, а не краснымъ газетамъ и не тѣмъ еврейскимъ и англійскимъ консуламъ, которые такъ запугали господина Извольскаго, что въ угоду имъ онъ готовъ выдать генерала Каульбарса на потокъ и разграбленіе бундистамъ. Слава Богу въ Россіи всетаки еще не узаконена полная тиранія конституціонныхъ министровъ, прислуживающихъ инородцамъ и иностранцамъ, а потому пусть господа Кауфманы и Извольскіе всетаки не слишкомъ забываются!

Примѣръ второй.

Въ „Новомъ Времени“ въ отдѣлѣ хроники можно было 11-го февраля прочесть слѣдующее:

> Въ «Русскомъ Знаменіи» заявляется, что г. Булацель по довѣренности предсѣдателя Гомельскаго отдѣла Союза Русскаго Народа Давыдова привлекъ къ суду редактора «Нов. Врем.» Ѳ. И. Булгакова за помѣщенную нѣсколько мѣсяцевъ назадъ замѣтку объ арестѣ г-на Давыдова. Сообщеніе это на другой день въ «Нов. Врем.» было опровергнуто, такъ что привлеченіе къ суду въ данномъ случаѣ является полной нелѣпостью».

Какова „Нововременская нравственность!“ оклеветали предсѣдателя Гомельскаго отдѣла Союза Русскаго Народа. Злостно отъ себя приврали о томъ, что небывалый „арестъ былъ вызванъ его противозаконной агитаціею“, а затѣмъ на слѣдующій день помѣстили опроверженіе объ арестѣ, но не агитаціи и потому считаютъ, что привлеченіе редактора къ суду „является полной нелѣпостью“.

Хороши у „Новаго Времени“ понятія о чести: сегодня оплевалъ лицо, завтра платочкомъ вытеръ лицо и можно свободно съ поднятою головою гулять по Невскому. Но чтобы сказалъ г. Суворинъ, если бы въ „Русскомъ Знамени“, стали увѣрять, что А. С. Суворинъ торгуетъ на двѣ лавочки въ «Новомъ Времени» и въ «Руси» сохраняя себѣ позицію у правительства и у революціи. Или, что А. С. Суворинъ въ 80-хъ годахъ писалъ противъ золотой валюты, а потомъ получилъ отъ Витте казенныя объявленія и вслѣдствіе этого сталъ хвалить и прославлять геніальность министра финансовъ, подарившаго Россіи золотую валюту?

Вѣдь если-бы „Русское Знамя“ стало увѣрять, что г. Суворинъ занимался противозаконными и безчестными предпріятіями, то конечно,

„Новое Время", привлеченіе за эту клевету къ суду не назвало бы „полною нелѣпостью", хотя бы „Русское Знамя" на другой день опровергло свое сообщеніе о противозаконныхъ дѣяніяхъ лица, стоящаго во главѣ „Новаго Времени!" Почему же, лицо, стоящее во главѣ Гомельскаго Союза Русскаго Народа должно благодарить „Новое Время" за то, что оно 22-го октября его оклеветало, а 23-го октября опровергло свою клевету.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 17-го Февраля 1907 г. № 38.

Еврейское золото дѣлаетъ чудеса.

Когда покушаются на жизнь русскихъ людей, тогда ни полиція, ни охранное отдѣленіе, ни судебныя власти не умѣютъ раскрыть виновниковъ и организаторовъ этихъ преступленій.

Даже убійство Великаго Князя Сергѣя Александровича не было раскрыто. Только Коляевъ физическій виновникъ—одинъ былъ схваченъ и казненъ. А кто его подговорилъ идти на ужасное злодѣяніе, кто снабдилъ его деньгами, бомбой, лошадью и всѣми свѣдѣніями о проѣздѣ Великаго Князя—все это осталось тайною. Никто надъ раскрытіемъ этой тайны не трудился!

То-ли дѣло, когда убили еврея Герценштейна?!

Тутъ заработало еврейское золото. Нашлись лжесвидѣтели, сыщики, негодяи-провокаторы, нашлась добровольная газетная инквизиція и въ результатѣ черезъ полгода сообщается уже полуоффиціозно въ «Новомъ Времени», что дознаніе «по дѣлу объ убійствѣ Герценштейна, которое велось товарищемъ прокурора судебной палаты г. Гвоздановичемъ, было прервано изъ-за требованія финляндскаго суда немедленно выслать въ его распоряженіе слѣдственный матеріалъ. По распоряженію министра юстиціи слѣдствіе возобновлено, оно ведется тѣмъ же представителемъ прокуратуры подъ наблюденіемъ прокурора г. Камышанскаго. «Собранный слѣдственный матеріалъ говоритъ далеко не въ пользу тѣхъ членовъ Союза Русскаго Народа, которые обвиняются въ убійствѣ Герценштейна», слѣдствіе подтверждаетъ прикосновенность ихъ къ этому дѣлу. Въ виду этого обстоятельства сдѣлано распоряженіе объ арестѣ всѣхъ тѣхъ, на кого указывалъ обвинитель. Изъ обвиняемыхъ пока арестованъ Половневъ, розыскъ и задержаніе Ларичкина поручены полиціи».

А что сдѣлало «октябристское» правительство для раскрытія лицъ, виновныхъ въ убійствѣ октябриста инженера Плохова? Очень мало! Вѣрнѣе ничего. Но вѣдь Плоховъ русскій и не революціонеръ—такъ стоитъ-ли стараться! Вотъ другое дѣло, если будетъ убитъ опять какой-нибудь еврей-кадюкъ, тогда вѣдь есть изъ-за чего поднять на ноги всю полицію и прокуратуру.

Какъ извѣстно, Герценштейнъ убитъ одною пулею, конечно, десять

человѣкъ не могли выстрѣлить одною пулею, но «слѣдственный матеріалъ говоритъ не въ пользу «всѣхъ» обвиняемыхъ».

Очевидно кадюки дали промахъ: они обвиняютъ только нѣсколько человѣкъ въ этомъ убійствѣ; но завѣтною мечтою еврейской печати является обвинить въ этомъ убійствѣ всѣхъ монархистовъ, всѣхъ, кто не хочетъ промѣнять Царскую, Самодержавную, наслѣдственную власть на выборнаго еврейскаго президента.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 14-го Марта 1907 г. № 58.

Адвокатура и освободительная печать.

Газета «Русь», 8-го марта 1907 г. напечатала, а газеты «Сегодня», «Биржевыя Вѣдомости», «Петербургскій Листокъ» и другія перепечатали сообщеніе, что „совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ составляетъ curriculum vitae присяжнаго повѣреннаго Булацеля и находитъ, что свидѣтельское показаніе Крикса о подкупѣ его присяжнымъ повѣреннымъ Булацелемъ на убійство Петрункевича служитъ достаточнымъ основаніемъ для начатія разслѣдованія въ дисциплинарномъ порядкѣ".

Не допуская мысли, чтобы совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, который до сихъ поръ не собиралъ curriculum vitae даже о такихъ „дѣятеляхъ" какъ Родичевъ, Винаверъ и Гальперштейнъ позволилъ бы себѣ, основываясь на показаніяхъ какихъ-то хулигановъ, свидѣтельствующихъ въ финляндскихъ дореформенныхъ судахъ, дѣлать разслѣдованіе о моей политической и частной жизни, я десятаго марта обратился къ предсѣдателю совѣта присяжныхъ повѣренныхъ г. Стасову съ вопросомъ правда-ли, что въ совѣтѣ производится какое-либо разслѣдованіе обо мнѣ. На это г. Стасовъ отвѣтилъ отрицательно.

Основываясь на заявленіи г. Стасова я утверждаю, что газета А. А. Суворина «Русь» восьмого марта по обыкновенію самымъ безстыднымъ образомъ завѣдомо распространила ложь...

Что-же касается до самой басни о томъ, что я за пять рублей организовалъ убійство здравствующаго понынѣ Петрункевича, котораго, кстати сказать, я никогда даже не видалъ въ глаза и личность котораго по мнѣнію всѣхъ правыхъ представляется полнѣйшимъ ничтожествомъ, то по этому поводу я могу лишь сказать то, что открыто и прямо говорю вездѣ:

Мы, «истинно-русскіе» люди, глубоко возмущенные насиліями «освободителей», съумѣемъ для защиты своей жизни, чести и вѣрованій обойтись „безъ наемныхъ" убійцъ! Я и мои друзья отлично понимая, что Криксъ является лишь жалкимъ орудіемъ въ рукахъ шайки революціонеровъ трусовъ, прячущихся за его спиною, приложимъ всѣ старанія, чтобы выяснить имена тѣхъ гнусныхъ іезуитовъ, которые содержатъ на деньги бунда цѣлую шайку лжесвидѣтелей.

Пріѣдя домой въ девять часовъ вечера, я засталъ отношеніе предсѣ-

дателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ отъ 10-го марта 1907 года за № 2980, содержаніе коего привожу дословно:

Милостивый Государь
Павелъ Ѳедоровичъ!

Сегодня въ два часа я Вамъ отвѣтилъ на Вашъ вопросъ, что въ совѣтѣ не возбуждено вопроса о Васъ по дѣлу Герценштейна. Но вслѣдъ затѣмъ совѣтъ постановилъ: вслѣдствіе появившагося въ печати отчета о засѣданіи финляндскаго суда объ убійствѣ бывшаго члена Государственной Думы Герценштейна (газета «Рѣчь» № 56 отъ 8-го марта 1907 г.) предложить Вамъ представить совѣту въ 2-хъ-недѣльный срокъ объясненія по поводу указаній, сдѣланныхъ на Васъ въ показаніи свидѣтеля Якова Крикса.

Объ этомъ постановленіи спѣшу Вамъ сообщить.

Примите увѣреніе въ почтеніи.

Д. Стасовъ.

Итакъ, до двухъ часовъ 10-го марта, совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ не дѣлалъ никакого постановленія, въ которомъ высказалось-бы намѣреніе идти на буксирѣ у газеты «Русь», какимъ-же образомъ газета „Русь“ могла восьмого марта изложить постановленіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, состоявшееся лишь вслѣдъ затѣмъ десятаго марта и то лишь послѣ разговора моего съ предсѣдателемъ г. Стасовымъ, который оказался менѣе освѣдомленнымъ въ намѣреніяхъ совѣта чѣмъ газета „Русь“. Не хотѣлось бы вѣрить, что съ такимъ послушаніемъ приводятся въ исполненіе совѣтомъ петербургскихъ адвокатовъ предначертанія, исходящія изъ главнаго штаба освободительной печати.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 15-го Марта 1907 г. № 59.

Закономѣрный министръ Самодержавнаго Царя.

Плавной и могучей волной разливались по залѣ Государственной Думы слова перваго Министра. Съ затаеннымъ дыханіемъ прислушивались къ его красивой и убѣдительной рѣчи какъ враги его, такъ и доброжелатели.

Рѣчь эта производила несомнѣнно впечатлѣніе исповѣди властнаго, сильнаго духомъ человѣка, сознающаго себя выше и безупречнѣе своихъ думскихъ судей...

Разница между П. А. Столыпинымъ и лѣвыми ораторами огромная. Всѣ ораторы революціонныхъ партій, заботятся не столько о своихъ слушателяхъ, столпившихся въ душномъ думскомъ залѣ, гдѣ визгливо, гнусаво и картаво раздается террористическая армяно-жидо-польско-русская рѣчь, сколько о стенографахъ, благодаря которымъ исправленная рѣчь эта разойдется въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ и будетъ прочитана неизвѣстными читателями.

П. А. Столыпинъ говорилъ, какъ природный ораторъ.

Чувствовалось, что главною цѣлью его было непосредственно убѣдить, очаровать громадную толпу своихъ живыхъ слушателей.

Красивые звуки и смѣлыя мысли сливались въ гармоническомъ сочетаніи и повышаясь къ концу рѣчи достигли такого напряженія, что невольно въ слушателяхъ явилось предчувствіе сильнаго заключительнаго аккорда.

Когда г. Столыпинъ заговорилъ о томъ, что бытіе Государства дороже, чѣмъ отдѣльныя жизни тысячъ изступленныхъ людей и что «изъ бывшихъ тутъ въ самой Думѣ преній ясно, что кровавый бредъ не пошелъ еще на убыль и что обыкновеннымъ установленіямъ, едвали по плечу подавить этотъ бредъ обыкновенными способами»... казалось что вотъ, вотъ онъ скажетъ послѣднее твердое слово, договоритъ до конца искренно и прямо свою обвинительную рѣчь противъ одержимыхъ кровавымъ бредомъ отсталыхъ дикарей, именующихъ себя освободителями.

Уже сорвалось съ устъ слово «диктаторъ»; уже сталъ обрисовываться обликъ сильнаго безстрашнаго Государственнаго мужа, уже люди искренніе, желающіе во что-бы то ни стало умиротворенія измученной гнѣвомъ и горемъ Родины, готовы были въ лицѣ Столыпина привѣтствовать давно желанную сильную непоколебимо твердую власть...

Но вдругъ набѣжали другія слова безотрадныя, жесткія...

А тѣ слова, что сами собою напрашивались какъ выводъ, какъ заключительный аккордъ изъ всей блестящей рѣчи перваго министра—эти слова не прозвучали въ залѣ, они не слетѣли съ его устъ...

А вмѣсто того, какъ звукъ внезапно надтреснувшей струны раздались увѣренія въ довѣріи къ тѣмъ самымъ членамъ Думы, которые за нѣсколько часовъ до этого призывали народъ продолжать безпощадную борьбу съ правительствомъ и злостно клеветали на русскую армію.

Обидною пощечиною для всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи прозвучали обращенныя къ депутатамъ слова министра:

„Господа, въ вашихъ рукахъ успокоеніе Россіи!

Мы хотимъ вѣрить, мы должны вѣрить, что отъ васъ, господа, мы услышимъ слово умиротворенія, что вы прекратите кровавое безуміе. Мы вѣримъ, что вы скажете то слово, которое заставитъ насъ всѣхъ стать не на разрушеніе историческаго зданія Россіи, а на пересозданіе, переустройство его и украшеніе".

Какъ! Послѣ всего того, что самъ первый министръ слыхалъ въ Думѣ, послѣ того, что онъ самъ прочелъ въ Думѣ, постановленіе Таммерфорскаго террористическаго съѣзда соціалистовъ, послѣ всего, что онъ знаетъ о замышляющихся „іезуитами революціи" новыхъ злодѣяніяхъ—онъ хочетъ вѣрить, что успокоеніе Россіи въ рукахъ тѣхъ самыхъ депутатовъ, которые осыпаютъ правительство, Царскую власть и Православную вѣру дикими упреками безъ числа, безъ смысла, безъ всякой мѣры?

Какъ люди, не гнушающіеся общенія съ убійцами, люди, радующіеся каждой новой бомбѣ, брошенной въ слугъ „стараго режима"—эти люди сумѣютъ успокоить Россію?

И вы, вы первый министръ Православнаго Царя — вы хотите

вѣрить этимъ людямъ! Вы говорите, что мы даже должны имъ вѣрить. Но скажите же какой долгъ принуждаетъ васъ вѣрить врагамъ порядка и законной сильной власти?! Назовите безстрашно то имя, которое васъ заставляетъ такъ поступать?!

Въ то время, какъ вы говорили съ трибуны въ Государственной Думѣ, въ эту самую Думу пробирался убійца, чтобы отнять у васъ жизнь! Вы смѣлы, вы талантливы, вы любите Россію! Зачѣмъ же вы ваше дарованіе и вліяніе не употребляете на то, чтобы очистить Россію отъ революціонеровъ, убійцъ и отъ тѣхъ министровъ, которые не рѣшаются даже проѣхаться съ вами по Морской улицѣ въ коляскѣ, такъ какъ для моціона докторъ прописалъ имъ ходить пѣшкомъ и, главное, не садиться въ вашу коляску, ибо это можетъ вредно отозваться на ихъ здоровьи?..

Зачѣмъ вы закончили свою рѣчь позорнымъ обѣщаніемъ, которое было бы подъ стать только тѣмъ министрамъ, которымъ прописанъ трусливый моціонъ? Вы сказали, что „правительство приметъ мѣры для того, чтобы ограничить суровой законъ только самыми исключительными случаями самыхъ дерзновенныхъ преступленій".

Но отдаете ли вы себѣ отчетъ, какое широкое поле для произвола открываете вы этимъ обѣщаніемъ?!

Что подразумѣвать подъ „исключительными случаями самыхъ дерзновенныхъ преступленій"?

Вѣдь дерзновенное убійство Герценштейна было исключительнымъ. Вѣдь никого кромѣ Герценштейна не убивали въ лѣвомъ лагерѣ. За то стрѣльба и бросаніе бомбъ въ городовыхъ, околоточныхъ въ полицей-мейстеровъ, въ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, все это не исключительныя, а обычныя заурядныя преступленія, о которыхъ теперь ежедневно сообщается въ газетной хроникѣ. За всѣ эти преступленія военно-полевыхъ судовъ вы примѣнять не будете?

Впрочемъ, вы и раньше всегда пререкались съ генераломъ Лауницомъ, находя, что законномѣрность требуетъ, чтобы законъ о полевыхъ судахъ существовалъ только на бумагѣ, до тѣхъ поръ, пока выведенные изъ терпѣнія убійствами и насиліями революціонеровъ мирные граждане поднимутся противъ своихъ мучителей и на насилія бомбистовъ начнутъ отвѣчать насиліемъ.

Отчего на увѣренія евреевъ, армянъ и „товарищей", что смертная казнь никого не устрашитъ. Вы не привели извѣстный вамъ фактъ, что тѣ студенты, которые на-дняхъ въ Москвѣ совершили нѣсколько гнусныхъ убійствъ и за то были приговорены военно-полевымъ судомъ къ смерти, тряслись и въ смертельномъ страхѣ метались, какъ сумасшедшіе передъ казнью?!

Люди, которые безпощадно охотились на городовыхъ и ни во что не цѣнили чужую жизнь, сами умоляли на колѣняхъ о пощадѣ своей собственной жизни!

Почему же вы не имѣли мужества сказать въ Думѣ, что если за каждое убійство будетъ неукоснительно примѣняться смертная казнь, то кровавый бредъ революціонныхъ убійствъ пойдетъ быстро на убыль. Почему вы этого не сказали? Почему на изступленныя рѣчи лѣвыхъ вы не сказали имъ, что хотя идею терроризма нельзя разстрѣлять, но всѣхъ носителей этой идеи можно уничтожить! И тогда идея безъ адептовъ будетъ безвредна!

Почему, наконецъ, вы не сказали, что сами революціонеры въ Россіи, отлично сознавая, что идею самодержавія невозможно взорвать никакими бомбами, тѣмъ не менѣе стремятся уничтожить бомбами и револьверами всѣхъ выдающихся носителей этой великой священной идеи!

Неужели революціонеры напрасно изъ одной только кровожадности обагряли бы свои руки въ человѣческую кровь, если бы не были увѣрены, что этой невинною кровью они устрашатъ другихъ приверженцевъ ненавистнаго имъ Самодержавія?!

Неужели кто-либо изъ вашихъ товарищей по кабинету сомнѣвается искренно въ томъ что, если лѣвые достигнутъ власти, то они перестанутъ разбирать теоретически несовершенство военно-полевыхъ судовъ, а будутъ безпощадно присуждать къ висѣлицѣ и къ гильотинѣ всѣхъ, кто имъ будетъ казаться опаснымъ для ихъ плановъ превращенія Россіи въ республику.

Почему вы не сказали, что никакія мѣры кротости и послабленій ни въ какомъ случаѣ не будутъ допущены Царскими министрами до тѣхъ поръ, пока государственная власть не одержитъ полной окончательной побѣды надъ внутренними врагами Русской Имперіи?

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 4-го Апрѣля 1907 г. № 76.

Подкупъ.

Бѣгутъ одинъ за другимъ изъ каторжныхъ тюремъ и изъ арестныхъ помѣщеній самые важные политическіе преступники. Бѣжали Гершуни, Бѣленцовъ, Бронштейнъ-Троцкій, Хрусталевъ-Носарь, Просвирина, Ратнеръ и т. д. безъ конца, безъ счета. А Петръ Петровичъ, Петръ Аркадьевичъ и Иванъ Григорьевичъ продолжаютъ всѣ свои усилія употреблять къ тому, чтобы вниманіе общества и народа отвлекалось въ другую сторону отъ этого безобразнаго явленія.

Современный „конституціонный“ воздухъ пропитанъ взятками и всѣ это чувствуютъ, всѣ это начинаютъ сознавать, но пока еще молчатъ, потому что „правители моралисты“ искусно создаютъ громоотводы, устремляя общественное вниманіе въ противоположную сторону, не туда, гдѣ освободительными артистами разыгрываются чудовищныя панамы съ взятками, подкупами, подговорами, посулами, со всякими безнравственными безгранично развратными интригами..

Послѣ побѣга Бронштейна было сообщено въ газетахъ рѣшеніе уволить всю мѣстную администрацію за непринятіе ею мѣръ предосторожности. Однако, до сихъ поръ что-то не слыхать, чтобы это намѣреніе было приведено въ исполненіе. Неужели же общество не въ правѣ требовать, чтобы взяточники и мошенники, выпускающіе преступниковъ, были бы устраняемы съ своихъ казенныхъ мѣстъ высшими Петербургскими чинами?

Газеты лѣваго лагеря не безъ оттѣнка глумленія надъ петербургскимъ правительствомъ сообщаютъ: „что за остальными членами бывшаго совѣта рабочихъ депутатовъ надзоръ „будетъ“ усиленъ согласно спѣшно выработанной въ министерствѣ инструкціи“.

Это „будетъ“—звучитъ безподобно! Сперва всѣ главные террористы и члены бывшаго совѣта рабочихъ депутатовъ убѣгутъ за границу, а потомъ за ними будетъ усиленъ надзоръ.

Не пора ли перестать издѣваться надъ совѣстью и надъ терпѣніемъ мирной части законопослушнаго населенія?!

Россіи нѣтъ дѣла до частной жизни министровъ, но когда оказывается, что шесть товарищей экспропріаторовъ повѣшены, а седьмому товарищу грабителю—облегчено наказаніе, только потому что за него хлопотала его сестра, произведшая такое неотразимое впечатлѣніе на министра, что онъ на ней женился, тогда русскіе люди въ правѣ сказать что эта панама похуже, чѣмъ исторія съ Эстеръ, которую еврейскія газеты и нѣкоторые „конституціонные министры“ старались раздуть во чтобы то ни стало. Сановники вольны, конечно, увлекаться женщинами, но если эти увлеченія влекутъ послабленія преступникамъ то такія увлеченія несовмѣстимы съ пребываніемъ у кормила власти.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 5-го Апрѣля 1907 г. № 77.

Перлы Финляндскаго суда.

Нашумѣвшее дѣло объ убійствѣ бывшаго члена Думы Герценштейна окончилось 3-го апрѣля въ Кивинапѣ присужденіемъ Александрова къ 5 мѣсячному тюремному заключенію. Кандалы, лжесвидѣтели, сыскные бюлетени, оглашаемые на судѣ, оставленіе въ подозрѣніи свидѣтелей и прочіе перлы финляндскаго судопроизводства являются такимъ тяжкимъ невыносимымъ глумленіемъ надъ основными понятіями о правосудіи, что даже адвокатъ Веберъ, повѣренный наслѣдниковъ Герценштейна, долженъ былъ покраснѣть...

Оказывается этотъ господинъ, числящійся въ сословіи Петербургскихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ руководилъ разслѣдованіемъ дѣла объ убійствѣ Герценштейна и добываніемъ какъ свидѣтелей такъ и справокъ изъ сыскного отдѣленія. Главные лжесвидѣтели, выставленные обвинителемъ находятся подъ судомъ частью за кражи, частью по обвиненію въ убійствѣ рабочаго Мухина. Что-же касается свидѣтелей защиты Власова и Комисарова, вызванныхъ со стороны Сергѣя Александрова и другихъ обвиняемыхъ, то эти свидѣтели были устранены финскимъ судьею г. Селинымъ отъ дачи показаній подъ тѣмъ предлогомъ, что о нихъ петербургскою сыскной полиціею даны свѣдѣнія, будто бы Комисаровъ и Власовъ за кражу сидѣли въ тюрьмѣ 3 мѣсяца.

И вотъ несмотря на то, что въ справкѣ сыскного отдѣленія говорится, что приговоръ о Власовѣ состоялся въ 1863 году, а Власовъ до-

казалъ паспортомъ и свидѣтелями, что онъ родился лишь въ 1872 году, тѣмъ не менѣе финляндскій судъ устранилъ Власова отъ свидѣтельства, оставивъ его подъ сильнымъ подозрѣніемъ, „что онъ очевидно совершилъ кражу за девять лѣтъ еще до рожденія".

Что-же касается Ивана Комисарова, то хотя онъ доказалъ своими документами и паспортомъ, что онъ дворянинъ Новгородской губерніи, а справка о судимости за кражу дана объ углицкомъ крестьянинѣ Иванѣ Комисаровѣ, тѣмъ не менѣе финляндскій судъ не внялъ его объясненіямъ и оставивъ его тоже въ подозрѣніи, отстранилъ отъ дачи показаній.

Вотъ каковъ финляндскій судъ! Не стыдно-ли нашимъ русскимъ юристамъ, что они молчатъ, когда на ихъ глазахъ попираются всѣ гарантіи правомѣрнаго судебнаго разбирательства? Не позорно-ли безучастное отношеніе русскихъ министровъ къ такому глумленію надъ правосудіемъ и надъ подданными русскаго Царя?

Какое право имѣло сыскное отдѣленіе оффиціально давать ложныя свѣдѣнія о Комисаровѣ и Власовѣ, зная, что эти свѣдѣнія относятся не къ тѣмъ лицамъ, о которыхъ запрошены справки? Какъ назвать такую по меньшей мѣрѣ небрежную недобросовѣстность? Вѣдь послѣ этого отъ казеннаго сыскного отдѣленія можно ожидать такихъ-же подлоговъ къ какимъ прибѣгаютъ добровольные сыщики, пріютившіеся въ Гессенъ-Милюковско-Петрункевическомъ сыскномъ освободительномъ застѣнкѣ.

Стыдитесь господа кадюки! Ваше увлеченіе „освободительными стремленіями" заставило васъ потерять всякій стыдъ и человѣческій обликъ. У васъ спутались всѣ понятія о правдѣ и вы сдѣлались безсмысленными погромщиками культуры, справедливости, науки и совѣсти подъ кровавымъ знаменемъ вашей безчестной революціи.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя" 11-го Апрѣля 1907 г. № 82.

Конституціонный Потокъ-Богатырь.

Въ „Свѣтѣ" двѣ страницы посвящены описанію пріема П. А. Столыпинымъ депутаціи отъ газеты „Свѣтъ", которая въ восторгѣ отъ того что Петръ Аркадьевичъ былъ очень любезенъ съ депутаціею, въ числѣ которой были г-жа Добровольская и Васильева и просилъ даже всѣхъ участвовавшихъ въ ней „сѣсть".

Вотъ какъ мало надо для того, чтобы привести въ восхищеніе русскихъ литераторовъ. Достаточно Министру пригласить дамъ садиться и сказать нѣсколько хвастливо твердыхъ словъ о своей непоколебимой рѣшимости бороться съ революціоннымъ помѣшательствомъ и министръ уже герой—спаситель Отечества.

Ему прощаютъ все; забываютъ, что онъ съ такою же любезностью предлагаетъ садиться и тѣмъ членамъ Думы, которые числятся въ спис-

кахъ кадюкской и соц.-револ. партіи, забываютъ, что этотъ министръ допускаетъ такіе ужасы, какъ избіеніе желѣзными шпицрутами несчастнаго монархиста Прохорова, по ошибкѣ посаженнаго въ Елисаветградскую тюрьму и тамъ до смерти засѣченнаго еврейскими революціонерами, которыхъ по „ошибкѣ“ допустили вооружиться желѣзными прутьями и по „ошибкѣ“ пропустили въ камеру, гдѣ сидѣлъ Прохоровъ.

Забываютъ, что при этомъ самомъ министрѣ безнаказанно производится ежедневно въ лѣвой печати травля, русскихъ людей, приведшая уже къ убійствамъ генерала Мина, генерала Лауница, графа Игнатьева, полковника Думбадзе, ротмистра Аргамакова, ефрейтора въ Кіевѣ, директора Брянскаго завода инженера Мылова въ Екатеринославлѣ, октябриста Плахова въ Курскѣ и многихъ другихъ. Забываютъ, что повсюду при этомъ министрѣ льется свѣжая русская кровь; забываютъ спросить его отдаетъ-ли онъ себѣ отчетъ въ томъ, на кого падетъ вся эта, проливаемая кровь?! И никто не сказалъ въ лицо этому самодовольному, самовосторгающемуся Государственному человѣку:

„На васъ ляжетъ эта невинная кровь русскихъ патріотовъ, на васъ, Петръ Аркадьевичъ, потому что вы могли бы разоружить революціонеровъ и казнить всѣхъ бомбистовъ, но вы этого не дѣлаете, а вмѣсто того „вы любезничаете съ кадетами“ зачитываетесь похвалами англійскихъ газетъ и негодуете на дружины Союза Русскаго Народа. Вы упоенные ораторскимъ успѣхомъ, наслаждаетесь сотней телеграммъ, полученныхъ вами отъ наивныхъ людей, пришедшихъ въ восторгъ отъ фразы вашей „не запугаете“ а между тѣмъ забываете, что тысячи людей, у которыхъ революціонные убійцы отняли братьевъ, мужей и отцовъ, проклинаютъ васъ за вашу снисходительность къ злодѣямъ революціонерамъ. О повѣрьте, что какъ-бы вы не заигрывали съ вождями „освободительнаго движенія“ они не раскроютъ вамъ всѣхъ тайнъ своихъ заговоровъ и вы одинъ изъ первыхъ погибнете жертвою вашей перѣшительной политики. Вспомните маленькія дѣтскія ручки дочерей генерала Лауница крестившихъ въ гробу своего отца! Неужели вы не чувствуете угрызенія совѣсти, когда вы милуете убійцъ?!

Вы видимо не знаете того, что по свидѣтельству такихъ великихъ мыслителей и историковъ какъ Моисенъ, Мишле, Ренанъ, Тьеръ и Луи Бланъ „полупартіи и промежуточные люди всегда обречены на гибель“.

Вамъ неизвѣстно, что революціонеры послѣ смерти генерала Лауница стремительно подготовляютъ вооруженное возстаніе въ Петербургѣ и въ его окрестностяхъ?! Развѣ вамъ не докладываютъ фабричные инспектора и директоръ департамента полиціи, что творится на заводахъ и фабрикахъ. Или несмотря на эти доклады вы сомнѣваетесь въ широтѣ и въ безумной дерзновенности революціонныхъ замысловъ? Конечно храбрая и вѣрная гвардія подавитъ въ столицѣ вооруженное возстаніе, но сколько при этомъ будетъ жертвъ; не лучше-ли было-бы не допускать самой возможности разразиться вооруженному возстанію? Не лучше-ли теперь-же принять самыя рѣшительныя мѣры? Неужели до васъ не достигаютъ раскаты негодующихъ на васъ кликовъ за то, что вы не принимаете суровыхъ мѣръ къ прекращенію повальной охоты, начатой на предсѣдателей отдѣловъ Союза Русскаго Народа. Одинъ за другимъ убиваются предателями изъ-за угла предсѣдатели Союза Рус-

ского Народа, имѣющаго уже 900 отдѣловъ. А вы и ваши товарищи по министерству Извольскій, Кауфманъ и кн. Васильчиковъ возмущаетесь только статьями газеты „Вѣче", а избіенія и разстрѣлы, которымъ подвергаются члены многомилліоннаго Союза Русскаго Народа вызываютъ въ васъ только равнодушную улыбку, потому что вы къ этому союзу не принадлежите. Но если вы думаете, что такое проклятое положеніе, какое вы создаете для русскихъ людей своимъ попустительствомъ злодѣямъ и своимъ заигрываніемъ съ главарями революціи можетъ тянуться безконечно долго—то вы жестоко ошибаетесь. Терпѣнію русскому уже насталъ предѣлъ. Уже по всей Россіи виднѣются на горизонтѣ зарницы и начинаютъ громѣть раскаты приближающейся грозы. Стоитъ только сверкнуть молніи, стоитъ только кому нибудь изъ патріотовъ пожертвовать собою, чтобы показать первый примѣръ и начнется такое эпидемическое подражаніе, что волна смерти перемѣнитъ свое направленіе. Думаете ли вы, что конституціоналисты, которые допускаютъ теперь безнаказанно проливать невинную, чистую кровь русскихъ патріотовъ, не будутъ сметены въ такомъ ураганѣ, какого вы, сидя въ Петербургѣ за семью замками, себѣ даже представить не можете!

Говорятъ, что вы религіозный человѣкъ. Такъ заклинаю Васъ именемъ Бога, именемъ Вашего Отца, именемъ вашихъ дѣтей, перестаньте плясать этотъ проклятый конституціонный танецъ, который зальетъ окончательно кровью всю Россію. Неужели ради похвалъ иностранцевъ, ради сомнительныхъ лицемѣрныхъ одобреній враговъ великой могущественной Россіи вы согласились на роль Толстовскаго Потока-Богатыря, который, разъ начавъ танцовать, не можетъ остановиться и ничего не замѣчаетъ, не слышитъ и не видитъ, „какъ мѣсяцъ изъ за лѣсу кажетъ рога, какъ въ ступѣ поѣхала баба-яга, какъ въ Днѣпрѣ заплескались русалки, въ Заднѣпровьи послышался лѣшаго вой, на трубѣ вѣдьма пологомъ машетъ, а Потокъ себѣ пляшетъ, да пляшетъ"...

Вся Россія стонетъ, каждый день убійства и грабежи, всюду бомбы, браунинги, всюду ужасъ, ненависть, смерть и мерзость запустѣнія... Остановилась вся разумная, вся духовная жизнь государства, а «Потокъ-Богатырь» все себѣ пляшетъ, да пляшетъ, вытанцовывая на русскихъ трупахъ конституцію во славу евреевъ и масоновъ.

Павелъ Булацель.

«Русское Знамя» 15-го апрѣля 1907 г. № 86.

Безъ названія.

Оффиціозная „Россія" разразилась по адресу одной крайней правой газеты безыменною передовою статьею, въ которой каждая строчка дышетъ задѣтымъ самолюбіемъ.

Такъ и чувствуется, что перо, написавшее означенную грозную передовицу, получило внушеніе отъ „Потока-богатыря" который въ

нелестной критикѣ своей самодовольной личности усмотрѣлъ „стараніе правыхъ отнять у Государства его нравственное основаніе".

Оффиціозъ увѣряетъ, „что крайніе правые проповѣдуютъ хаосъ и лишаютъ себя защиты закона и отдаютъ страну на жертву насилія".

Боже мой до чего мы дожили: оффиціозныя газеты, искажая истину, идутъ по стопамъ самыхъ низменныхъ революціонныхъ листковъ. Вспомнимъ сколько правыхъ убито за послѣдній годъ.

Они-ли эти несчастные правые сами лишили себя защиты закона или теперешнее правительство лишило ихъ этой защиты?

Или быть можетъ продажные писаки конституціоннаго лагеря станутъ увѣрять, что законная защита личности, и жизни доступна теперь въ Россіи правымъ въ одинаковой мѣрѣ, какъ и лѣвымъ?

Да вѣдь за восемь мѣсяцевъ пляски Потока-Богатыря убито только два лѣвыхъ, а за одинъ мартъ мѣсяцъ, правыхъ убито болѣе шести сотъ человѣкъ! Вѣдь это настоящее избіеніе—какъ на войнѣ.

Кому изъ правыхъ конституціонные законы въ Россіи теперь обезпечиваютъ мирное существованіе?

Кто вечеромъ ложась спать, или утромъ, садясь за письменный столъ, можетъ быть увѣренъ, что черезъ окно его не застрѣлятъ изъ ружья или въ комнату его не ворвутся грабители, разбойники, убійцы и не отнимутъ у него все до жизни включительно?

„Если бы мнѣ понадобилось мобилизировать всѣ французскія войска, чтобы защитить хоть одного человѣка, насильственно снятаго съ работы, я никогда не остановился бы передъ этимъ".

Такъ говорилъ Вальдекъ-Руссо во Франціи, а Россійскій Вальде-Руссо не только не мобилизуетъ войска, чтобы помѣшать анархистамъ снимать рабочихъ съ работы на фабрикахъ, но упраздняетъ даже дѣйствіе военно-полевыхъ судовъ, чтобы не мѣшать анархистамъ снять за 30 дней съ лица земли шестьсотъ двадцать пять мирныхъ гражданъ.

И послѣ этого оффиціозъ имѣетъ безстыдство, увѣрять, что крайніе правые проповѣдуютъ варварство и хаосъ... Не правительство-ли проповѣдуетъ варварство, когда увѣряетъ, что думская болтовня важнѣе чѣмъ обезпеченіе жизни мирнымъ гражданамъ? кто же отдаетъ страну на жертву насилія? тѣ-ли, которые призываютъ дать отпоръ, насилію, или тѣ, которые допускаютъ революціонныя насилія и злодѣянія?

„Во всемъ мірѣ правыя партіи являются партіями консервативными, защитницами Государственности, только у насъ мнящія себя правыми взываютъ по словамъ газеты „Россіи" къ разрушенію Государственности и законности"...

Да первое утвержденіе оффиціоза правильно, но вѣдь за то во всемъ мірѣ правыя партіи наслаждаются спокойствіемъ и защитою закона, и только у насъ правыя партіи въ угоду либеральствующимъ министрамъ и лѣвымъ членамъ Государственнаго Совѣта отданы и обречены на потокъ и разграбленіе анархистовъ...

Только у насъ въ Россіи возможно такое душу леденящее, омерзительное явленіе, какъ охота на правыхъ и повальное затяжное истребленіе монархистовъ точно кроликовъ... Только у насъ возможно такое правительство, которое бережетъ Думу, отказывающуюся выразить

порицаніе убійцамъ! Назовите же тѣ человѣческіе законы, которые обязываютъ монархистовъ безропотно подставлять свои шеи подъ ножъ анархистовъ и вмѣстѣ съ теперешнимъ правительствомъ унижаться и заискивать передъ революціею.

Гдѣ это видано, чтобы власть безмятежно терпѣла въ теченіе двухъ лѣтъ позорное предательское, поголовное избіеніе своихъ агентовъ?

„Защита народныхъ вѣрованій и завѣтовъ не должна совершаться посредствомъ угрозъ мятежа".—Кто-же противъ этого споритъ? Но защита жизни милліоновъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, гибнущихъ подъ ударами революціонеровъ, не только можетъ, но и должна быть совершаема всѣми мѣрами и всѣми способами, какіе только возможно придумать.

И если правительство не умѣетъ обезпечить неприкосновенность жизни монархистовъ, то имъ ничего болѣе не остается, какъ прибѣгнуть къ самозащитѣ. Угрозу мятежа создаютъ не крайніе правые, а само теперешнее правительство, крайне боящееся лѣвыхъ и допускающее ихъ безнаказанно проливать невинную чистую кровь русскихъ патріотовъ.

„Необходимая оборона" допускается нашими уголовными законами и только напрасный вредъ, сдѣланный нападающему, послѣ уже отвращенія грозившей опасности, почитается превышеніемъ необходимой обороны...

Но пока опасность не устранена, пока всѣмъ правымъ угрожаетъ опасность быть перерѣзанными и перестрѣленными шайкою бундистовъ и кадюковъ, до тѣхъ поръ самооборона, хотя бы въ самыхъ крайнихъ формахъ, является правомѣрнымъ дѣяніемъ, не разрушающимъ русскую государственность, а наоборотъ спасающимъ государство отъ конечной гибели, уготовленной ему конституціоналистами, этими политическими слѣпцами, ищущими опоры у кровожадныхъ—безчестныхъ кадюковъ, лишь бы только осуществить свою безумную мечту насадить въ Россіи „Западно-еврейскую конституцію"...

Не мы крайніе правые ослѣплены партійною ненавистью, а конституціонные Потоки-богатыри ослѣплены блескомъ своей власти и изъ за этого блеска не видятъ, что кругомъ ихъ уже идетъ война, жестокая безпощадная война, во время которой одна сторона, а именно революціонеры и ихъ вдохновители кадюки совершаютъ почти безнаказанно массовыя нападенія и убійства, а другая сторона—правые монархисты и вѣрные слуги Царя лишены всякой возможности оградить свою жизнь отъ браунинговъ и бомбъ нападающихъ озвѣрѣлыхъ „товарищей" и единомышленниковъ Головина. Вспомните, что въ Московскомъ Земскомъ Собраніи въ Декабрѣ 1906 г. этотъ самый Ѳедя Головинъ противился отправкѣ составленной гр. Шереметьевымъ телеграммы, выражающей негодованіе по поводу убійства графа Игнатьева.

И вотъ за то, что тыквообразная голова косвенно одобрила убійство генералъ адъютанта графа Игнатьева, эту тыкву кадюки выбрали предсѣдателемъ Государственной Думы! А правительство все это терпитъ и любезничаетъ съ Головинымъ.

Такъ какъ-же послѣ этого можно утверждать, что правительство равно караетъ насиліе откуда-бы оно не шло? Гдѣ же это равенство передъ закономъ?!

Три—четыре мѣсяца тому назадъ въ Москвѣ теперешнее правительство повѣсило крестьянина Семена Грачева за то, что онъ ограбилъ еврея Левина. А въ апрѣлѣ сего года тоже самое правительство приговорило только къ 11 годамъ каторги злодѣя-убійцу, застрѣлившаго графа Игнатьева отравленными пулями! Такъ какъ же оффиціозной газетѣ „Россія“ не стыдно увѣрять, что „теперешнее правительство равно караетъ насиліе откуда бы оно ни шло“.

Или еще нужны примѣры? Но вѣдь я ихъ уже приводилъ не мало! Въ Твери судъ за угрозу убить Государя приговорилъ революціонера къ аресту на одну недѣлю. Въ Петербургѣ Мировой Съѣздъ за угрозу ударить революціонера приговорилъ монархиста члена Союза Русскаго Народа Гагарина къ аресту на 2 съ половиной мѣсяца.

Не правда-ли какъ теперешняя судебная власть „равно караетъ насиліе, откуда-бы оно ни шло?“.

Лгите-же дальше въ томъ-же духѣ, господа оффиціозные лакеи, клевещите на крайнихъ правыхъ, но знайте, что насъ вы дѣйствительно ничѣмъ никогда „не запугаете!“.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 18-го апрѣля 1907 г. № 88.

Какъ Столыпинъ похристосуется съ русскимъ народомъ.

Глава министерства П. А. Столыпинъ разослалъ 10 апрѣля с. г. всѣмъ начальникамъ циркулярную телеграмму, въ которой заявляетъ, что «за допущеніе аграрныхъ и другихъ безпорядковъ, а такъ же и еврейскихъ погромовъ сами власти отвѣтятъ по всей строгости закона».

Чѣмъ же вызвана эта грозная телеграмма?

«Ко мнѣ»—говоритъ первый министръ,—«поступаютъ «заявленія» о готовящихся будто бы во время праздниковъ Пасхи еврейскихъ погромахъ».

О, если бы всегда и ко всѣмъ заявленіямъ объ избіеніяхъ и убійствахъ П. А. Столыпинъ былъ бы столь чуткъ, какъ къ заявленіямъ о готовящихся будто бы еврейскихъ погромахъ!

Но, увы, въ то время, какъ одни слухи о еврейскихъ погромахъ вызываютъ особливую заботливость перваго министра—совершающіеся уже ежедневно погромы надъ русскими людьми не вызываютъ никакихъ распоряженій къ прекращенію повальныхъ убійствъ.

Невозможно безъ чувства отвращенія и гадливости смотрѣть на тѣхъ министровъ, которые, получая огромные оклады, живя въ дворцахъ и пользуясь благодаря своей угодливости революціонерамъ, относительной личной безопаспостью, равнодушно взираютъ на ежедневныя убійства и истязанія, которымъ подвергаются русскіе люди, входящіе въ составъ многомилліоннаго Союза Русскаго Народа.

Министерскій развратъ и государственное грѣхопаденіе дошли уже до того, что не только убійство предсѣдателей отдѣловъ Союза, но даже

убійство архимандрита, совершенное въ Тамбовѣ, не вызываетъ никакихъ респрессій со стороны теперешняго правительства. Не многіе даже прочли о звѣрскомъ преступленіи, совершенномъ въ Тамбовѣ, потому что даже такія большія газеты, какъ «Россія» и «Новое Время» лишь вскользь гдѣ-то тамъ на задворкахъ мелкимъ шрифтомъ упомянули о погибшемъ архипастырѣ. А когда былъ убитъ еврейскій агитаторъ Іоллосъ, тогда всѣ газеты были переполнены передовыми статьями! Тогда министры волновались и суетились, точно у нихъ погибъ родной сынъ. Я не смѣю говорить за другихъ, но чувствую, что мое терпѣніе лопнуло и что я не могу больше выносить лицемѣрія Столыпина, предающаго русскихъ людей на закланіе. У меня лично меньше досады даже противъ революціонеровъ и противъ евреевъ, чѣмъ противъ тѣхъ министровъ, которые своимъ бездѣйствіемъ власти поощряютъ избіеніе русскихъ людей. Ухаживаніе за еврейскимъ бундомъ доходитъ до того что, по словамъ газеты „Законъ и Правда" Петербургскому агентству предложено смягчать случаи особенно возмутительныхъ революціонныхъ убійствъ, а то и вовсе замалчивать ихъ...

Я помню слова П. А. Столыпина, что военно-полевые суды и смертная казнь будутъ примѣняться лишь въ случаяхъ „особо дерзновенныхъ преступленій" и я съ ужасомъ вижу, что онъ сказалъ неправду, потому что смертная казнь по приговору подпольно-революціонныхъ судовъ примѣняется ежедневно къ предсѣдателямъ и членамъ Союза Русскаго Народа. Я получилъ на дняхъ телеграмму отъ одного изъ Ревельскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ которой онъ проситъ ради Бога спасти жизнь извѣстнаго браконьера Адо Пельда, который приговоренъ къ смертной казни, хотя никакихъ политическихъ убійствъ не совершалъ и хотя вообще противъ него нѣтъ никакихъ вѣскихъ уликъ.

Я сунулся было туда-сюда, но можетъ-ли что-нибудь сдѣлать въ одинъ день одинъ человѣкъ, окруженный моремъ лжи и лицемѣрія современнаго конституціоннаго строя?

Прежде, чѣмъ мнѣ удалось узнать, гдѣ и отъ кого зависитъ конфирмація смертнаго приговора, пришла телеграмма, что Адо Пельдъ казненъ!

Итакъ за пару убитыхъ лосей и за охоту въ чужомъ лѣсу браконьеръ казненъ, а убійца охотившійся въ Москвѣ на городовыхъ, и сразившій отравленными пулями, царскаго генералъ-адъютанта графа Игнатьева присужденъ только къ ссылкѣ на каторгу съ надеждою быть выпущеннымъ черезъ три мѣсяца для увеселительной поѣздки въ Парижъ, подобно Гершуни, Бернштейну и Носарю...

Такими дѣйствіями правительство явно подчеркиваетъ, что убійство лосей считаетъ болѣе дерзновеннымъ преступленіемъ, чѣмъ убійство царскихъ генералъ-адъютантовъ!

Это глумленіе, это безсердечіе имѣетъ глубокій скрытый смыслъ. Такими актами вопіющей несправедливости хотятъ достигнуть всеобщаго недовольства всѣхъ правыхъ, затѣмъ стравить ихъ съ крайними лѣвыми и на костяхъ русскихъ патріотовъ и русскихъ фанатиковъ революціонеровъ создать конституцію, которая быстро превратится въ буржуазно-банкирскую республику, въ которой первое мѣсто будетъ принадлежать кадюкамъ и евреямъ. Но П. А. Столыпинъ глухъ и

нѣмъ ко всему, что угрожаетъ гибелью тысячелѣтней исторіи Россійскаго Государства. Страшное сомнѣніе невольно закрадывается въ душу. Приближающаяся Пасха съ готовящимися забастовками, безнаказанное глумленіе въ Думѣ армянина Зурабова надъ доблестнымъ русскимъ войскомъ, измѣнническое требованіе польскаго коло отдѣленія Польши, страстное подготовленіе рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ къ вооруженному возстанію — все это — заставляетъ милліоны русскихъ людей съ тревогою вопрошать какимъ краснымъ яичкомъ похристосуется первый министръ съ русскимъ народомъ.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 10-го мая 1907 г. № 99.

Симферопольскіе ужасы.

Въ самый разгаръ октябрьской революціи страшный стихійный взрывъ оскорбленныхъ чувствъ за поруганіе народныхъ святынь обратился въ Симферополѣ на руководителей революціи—евреевъ.

Точно смерчъ, внезапно, въ какіе-нибудь полчаса толпа мирныхъ русскихъ рабочихъ, ремесленниковъ, плотниковъ, каменьщиковъ, землекоповъ, превратилась въ разъяренную стихійную силу, не знавшую никакой преграды, никакого удержу для отомщенія еврелмъ за все, что вытерпѣли русскіе люди съ 11 по 18 октября 1905 года. Долго томившіеся вслѣдствіе забастовки на станціи въ ожиданіи поѣзда, оставшіеся безъ заработка и безъ хлѣба, несчастные русскіе все сносили терпѣливо, но когда 18 октября еврейская молодежь и жидовствующая чиновничья интеллигенція, всевозможные статисты, акушерки, телеграфистки, агрономы, чиновники казенной палаты и акциза—всякіе безъ стыда и совѣсти полячишки, отъѣвшіеся и разжирѣвшіе на русскихъ казенныхъ хлѣбахъ, вздумали на митингѣ въ городскомъ саду устраивать демонстрацію съ красными флагами и съ криками «долой самодержавіе» — тогда терпѣніе народа истощилось: онъ рѣшилъ пройти съ портретомъ Государя по главнымъ улицамъ, несмотря на угрозы революціонеровъ, разбившихъ ворота тюрьмы и выпустившихъ оттуда всѣхъ арестантовъ. Революціонеры и еврейская боевая дружина зазнались до такой степени, что встрѣтила патріотическую манифестацію сперва свистками и криками «вотъ несутъ хулигана», долой Самодержавіе, да здравствуетъ республика, а затѣмъ и выстрѣлами изъ револьверовъ. Участники патріотической манифестаціи сперва дрогнули; въ ихъ толпѣ нѣсколько человѣкъ упали: одинъ русскій и одинъ татаринъ оказались убитыми, человѣкъ пятнадцать—двадцать ранеными; но вслѣдъ затѣмъ съ возгласами: «нашихъ убиваютъ жиды», вся толпа, какъ лавина, какъ горный потокъ устремилась на стрѣлявшихъ евреевъ, прыгая черезъ заборъ бульвара, вырывая тутъ же на бульварѣ колья, сучья и деревья; предъ этимъ стремительнымъ натискомъ не устояла вооруженная револьверами еврейская боевая дружина; съ воплями

ужаса, отстрѣливаясь во всѣ стороны, бросились бѣжать евреи; многіе изъ нихъ были схвачены съ оружіемъ въ рукахъ и доставлены въ участокъ, однако, товарищъ прокурора полковъ Пенскій, самовольно распорядился въ тотъ же день выпустить всѣхъ задержанныхъ евреевъ и ни одинъ изъ нихъ не былъ привлеченъ даже къ судебной отвѣтственности. Тѣмъ временемъ разсвирѣпѣвшая толпа русскихъ рабочихъ уже не знала пощады и улицы Симферополя залились кровью. Ослѣпленная бѣшенствомъ толпа кольями и дубинами била евреевъ, изъ которыхъ тридцать девять оказались убитыми и нѣсколько десятковъ поранено. Среди убитыхъ евреевъ были даже лица, не принимавшія никакого участія въ революціонныхъ демонстраціяхъ, но слѣпое бѣшенство толпы уже ничего не разбирало. Полиція, постоянно оскорбляемая и поносимая евреями, конечно, не могла удержать разъяренную толпу. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые полицейскіе чины, съ опасностью своей жизни, спасли и вырвали у толпы нѣсколько избиваемыхъ евреевъ и евреекъ и въ благодарность за это еврейскій кагалъ и революціонная печать стали этихъ же чиновъ завѣдомо ложно обвинять въ организаціи еврейскаго погрома. Но несмотря на всѣ ухищренія еврейской печати, несмотря на всѣ продѣлки тов. прокурора Пенскаго и судебнаго слѣдователя Панкратьева, истина теперь всѣмъ ясна. Весь стыдъ, весь позоръ за ужасный погромъ долженъ пасть на голову тѣхъ «прогрессистовъ», которые разжигаютъ народныя страсти и кощунственно оскорбляютъ народныя святыни: Православіе и Царское Самодержавіе. Революціонныя насилія, забастовки, надругательство надъ портретомъ Царя и стрѣльба въ безоружныхъ русскихъ патріотовъ — все это вывело народъ изъ терпѣнія и онъ, превратившись на мгновеніе въ дикаго звѣря, успѣлъ за этотъ мигъ натворить много бѣдъ евреямъ. Кровь жертвъ вопіетъ къ небу; но виноваты въ пролитой крови не мирные русскіе люди, а главари революціоннаго движенія, которые безумно оскорбляютъ и раздражаютъ всѣхъ русскихъ людей... Теперь, на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ только русскіе патріоты и тѣ городовые и полицейскіе, которыхъ изъ низкой мести ложно оговорили краснофлажники. Но народное негодованіе не успокоится въ Симферополѣ до тѣхъ поръ, пока о дѣйствіяхъ Пенскаго и Панкратьева не будетъ произведено особое разслѣдованіе.

У Панкратьева письмоводителемъ служилъ Зборовскій, заядлый революціонеръ, вся семья котораго сослана. Свидѣтелей, показывавшихъ въ пользу русскихъ, онъ прогонялъ и запугивалъ, а свидѣтелей евреевъ допрашивалъ сотнями. Судебное слѣдствіе выясняетъ такое неправосудіе предварительнаго слѣдствія, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ лихоимства дореформеннаго суда. Множество русскихъ можетъ удостовѣрить, что имъ судебный слѣдователь Панкратьевъ прямо говорилъ, что если они не откажутся отъ своего показанія, даннаго противъ еврейской боевой дружины, то онъ привлечетъ и самихъ свидѣтелей въ качествѣ обвиняемыхъ. Такія угрозы и внушенія привели къ тому, что множество русскихъ боялись являться свидѣтелями, ибо стоило какому-нибудь русскому заявить, что онъ видалъ, какъ евреи стрѣляли въ русскихъ, непремѣнно черезъ два или три дня появлялось нѣсколько еврейскихъ лжесвидѣтелей, кото-

рые заявляли, что они видали, какъ этотъ самый русскій тоже дубиной убилъ кого-нибудь изъ прохожихъ евреевъ или разбивалъ окна въ еврейскихъ магазинахъ. Одинъ изъ почтенныхъ жителей Симферополя Константинъ Ильичъ Артемовъ, явился самъ къ слѣдователю Панкратьеву и заявилъ, что въ него, когда онъ по бульвару ѣхалъ на извощикѣ, стрѣлялъ еврей и что вообще видалъ, какъ первые выстрѣлы были сдѣланы съ бульвара, когда русскіе мирно шли съ портретомъ Государя.

Но слѣдователь сказалъ, что это показаніе къ дѣлу не идетъ и Артемовъ въ судъ не вызывался, также точно не вызывалась въ судъ свидѣтельница Грибенева, которой слѣдователь Панкратьевъ угрожалъ посадить въ тюрьму, если она не откажется отъ своего желанія изобличать еврейскую молодежь. Точно также свидѣтель— чиновникъ Медвѣдевъ — показалъ, что видалъ, какъ евреи первые стали стрѣлять въ мирную манифестацію, но судебн. слѣдователь сказалъ, что это къ дѣлу не относится. На судѣ обвиняемые Морозовъ, Спиринъ, Чехъ и Гутейко заявили, что суд. слѣдователь Панкратьевъ вымогалъ отъ нихъ оговоръ противъ Полицеймейстера и Губернатора Волкова, обѣщая отпустить ихъ, если они свалятъ всю вину на администрацію.

О такихъ пристрастныхъ дѣйствіяхъ судебн. слѣдователя показываютъ столь многіе свидѣтели, что невольно недоумѣваешь, какъ министръ Юстиціи еще не рѣшился предпринять разслѣдованіе о дѣйствіяхъ и поведеніи суд. сл. Панкратьева и товарища прокурора Пенскаго. А впрочемъ, вѣдь, юстиціи некогда заниматься такими вопросами, какъ беззаконная игра судебнаго персонала въ руку бундистовъ. Министръ Юстиціи и его товарищи заняты розысканіемъ убійцъ Герценштейна и Іоллоса и запросами Думы, а слѣдить за правосудіемъ имъ некогда.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 12-го Мая 1907 г. № 100.

Истина, гдѣ ты?

Читая краснотряпичныя газеты, невольно вспоминаешь русскую поговорку: «не любо не слушай, а лгать не мѣшай». Да кому—кому, но краснофлажникамъ дѣйствительно никто не мѣшаетъ лгать во всю. И такъ они свободно пользуются своею «свободою лжи», что зачастую въ одномъ и томъ-же даже номерѣ своихъ «радикально прогрессивныхъ газетъ» на одной страницѣ увѣряютъ одно, а на другой страницѣ другое, а по провѣркѣ и то и другое оказывается ложью... Характерный образчикъ до невѣроятности наглой провокаціи на дняхъ имѣлъ мѣсто въ русской «прогрессивно жидовствующей» Симферопольской газетѣ «Южныя Вѣдомости». Въ номерѣ 99 газета сообщила вымышленное, очевидно, врагами союза русскаго народа извѣстіе, что:

— «Союзомъ Русскаго Народа» предполагается, въ виду репрессій

со стороны высшей администраціи Петербурга, перевести главный совѣтъ и редакцію «Русскаго Знамени» въ Москву».

А въ слѣдующемъ номерѣ 100 тѣ же «Южныя Вѣдомости» помѣстили передовую статью подъ заглавіемъ «опала или покровительство», въ которой пишутъ, что имъ «всегда казалось, что разсужденія о разрывѣ, происшедшемъ между бюрократіей и истинно-русскими слишкомъ преувеличены и во всякомъ случаѣ преждевременны. Тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ чайныхъ черносотенцевъ были обыски, отнюдь не давало основанія предполагать, что черносотенныя организаціи подвергнуты опалѣ. «Репрессіи», которыя временно примѣнялись къ нимъ администраціей, обусловливаются не разрывомъ духовныхъ связей съ ними, а вѣрнѣе тѣмъ, что дружественная организація слишкомъ зарвалась въ сознаніи своего превосходства надъ своими единомышленниками изъ бюрократическаго міра. И гг. Дубровинымъ, Булацелямъ et tutti quanti дали только понять, что неприлично за столь широкое *покровительство*, оказываемое имъ, ругать своихъ союзниковъ.

Въ сущности для бюрократіи этотъ бутафорскій походъ противъ черной сотни является выгодной демонстраціей въ смыслѣ привлеченія общественной симпатіи проявленіемъ своей якобы конституціонной лойяльности».

Какъ-же теперь понять эти разнорѣчивыя увѣренія краснотряпичной газеты? Съ одной стороны оказывается по ея словамъ, что репрессіи противъ Союза Русскаго Народа такъ сильны, что главный совѣтъ и редакція газеты «Русское Знамя» даже готовы бѣжать изъ Петербурга въ Москву, а съ другой стороны эти репрессіи только бутафорскій походъ? Газеты красной породы увѣряютъ, что между теперешнимъ правительствомъ и черной сотней существуетъ духовная связь и въ то же время увѣряютъ, что походомъ противъ черной сотни правительство привлекаетъ общественныя симпатіи, находящіяся на сторонѣ конституціи. О, жалкіе лгунишки! Неужели вы не видите и не слышите, что все, что есть патріотически-честнаго въ Россіи не хочетъ конституціи и хорошо понимаетъ, что при конституціи и парламентѣ русскій народъ будетъ въ тысячу разъ безправнѣе, угнетеннѣе и бѣднѣе, чѣмъ при Царскомъ Самодержавіи. Вѣдь отъ конституціи выигрываютъ только банкиры, дѣльцы и политическіе интриганы, а народъ попадаетъ во власть самаго ужаснаго рабства — партійной условной лжи...

Не только главные Петербургскіе и Московскіе вожди Союза Русскаго Народа, но и всѣ вообще члены совѣтовъ во всѣхъ безчисленныхъ отдѣлахъ и подотдѣлахъ союза глубоко убѣждены, что главнымъ врагомъ Русской Державы являются тѣ чиновники, которые хотятъ *обманомъ* и противъ воли народа и Царя навязать Россіи конституцію, отъ которой гніютъ и задыхаются народы въ Австріи, въ Италіи и во Франціи... Такъ какъ-же можно утверждать, что теперешнее правительство оказываетъ широкое покровительство «Дубровинымъ, Булацелямъ и tutti quanti?» Ужъ не Столыпинъ-ли и Щегловитовъ *покровительствуютъ* Павлу Булацелю? О, стыдитесь господа вашей собственной лживости, вѣдь вы сами на дняхъ еще сообщали, что Павла Булацеля привлекаютъ къ судебной отвѣтственности по 128 и 129 ст.

улож. за его статьи въ «Русскомъ Знамени». Вѣдь вы сами печатаете, что въ отсутствіи Булацеля его *заочно*, въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ, разбирали по косточкамъ тѣ люди, которые при Плеве не смѣли даже громко высказывать хулы Лопухину, а теперь открыто собираютъ подписки на разныя «самообороны и забастовки». Люди, которые прекращали судебныя засѣданія посредствомъ угрозъ и насилій, смѣютъ заочно обвинять прис. пов. Булацеля въ «антикультурной и безнравственной дѣятельности!» Люди, которые въ красныхъ газетахъ анонимно пишутъ противъ высокопоставленныхъ лицъ всякія инсинуаціи, смѣютъ обвинять Булацеля въ неискренности, хотя онъ всегда открыто подписываетъ свое имя подъ всѣми статьями, за которыя его гонятъ и преслѣдуютъ «истинно—освободительные люди» адвокатскаго, судейскаго и министерскаго сословія. И къ стыду русскихъ присяжныхъ повѣренныхъ среди петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ въ общемъ собраніи не нашлось ни одного русскаго человѣка, который бы открыто сказалъ князю Эристову, Елисѣеву, Новикову, Рапопорту, Гиллерсону, Зарудному, что они слишкомъ увлекаются своею партійной нетерпимостью къ чужимъ мнѣніямъ и что имъ менѣе чѣмъ кому бы то ни было, можно было утверждать, что Булацель дѣйствуетъ не во имя убѣжденій, а изъ за простой личной выгоды! Хороша выгода—вмѣсто трехсотъ—двухсотъ судебныхъ дѣлъ съѣхать на тридцать дѣлъ въ годъ, вмѣсто громадной гражданской практики выступать по дѣламъ союзниковъ, изъ которыхъ многія очень плохо и скудно оплачиваются, а между тѣмъ отрываютъ отъ дома, отъ мирныхъ занятій, сопряжены съ поѣздками въ отдаленные города и вызываютъ нареканія и злобу краснотряпичной прессы всюду порочащей и вредящей тѣмъ адвокатамъ, которые не состоятъ въ рядахъ «освободителей»...

Одинъ нашелся у П. Ѳ. Булацеля въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ защитникъ, всегда скромный, но трудолюбивый и самостоятельный присяжный повѣренный М. С. Розенталь, онъ не побоялся возвысить свой голосъ въ защиту отсутствовавшаго Булацеля и хотя онъ приписалъ Булацелю «кровожадныя убѣжденія», но прибавилъ, что за убѣжденія нельзя судить. И такъ у меня былъ только одинъ защитникъ «и той бѣ Самарянинъ».

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 4-го іюля 1907 г. № 144.

Какъ сановники уничтожаютъ монархистовъ?

Гоненіе на маленькихъ чиновниковъ, остающихся вѣрными монархическимъ воззрѣніямъ, продолжается. Несмотря на знаменательную телеграмму Государя Императора къ А. И. Дубровину, въ которой Государь изъявилъ свое довѣріе и благоволеніе къ Союзу Русскаго Народа, министры изъ кожи лѣзутъ, чтобы, въ противовѣсъ этой телеграммѣ, всюду оказывать содѣйствіе конституціоналистамъ и всюду вредить приверженцамъ идеи Царскаго Самодержавія.

Повсюду маленькихъ чиновниковъ, примкнувшихъ къ Союзу Русскаго Народа, гонятъ съ мѣстъ, преслѣдуютъ, придираются, обходятъ наградами.

Въ настоящее время, выгоднѣе быть кадюкомъ, чѣмъ союзникомъ, ибо для кадюковъ уши и объятія гг. конституціонныхъ сановниковъ открыты, а для Союзниковъ Русскаго Народа министры изобрѣтаютъ всевозможныя препятствія и ограниченія.

Секретъ этой злобной, ядовитой ненависти конституціонныхъ инородниковъ къ Союзу Русскаго Народа очень простъ—чуютъ утратившіе Русскій патріотизмъ сановники, что ихъ господству наступитъ неминуемый конецъ, какъ только въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ возьметъ верхъ патріотическая національная идея Союза Русскаго Народа.

Чуютъ всѣ масоны и участники шведо-польскаго кадюкскаго заговора, что Русское самосознаніе всѣхъ ихъ безпощадно выгонитъ поломъ изъ министерствъ и изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

И вотъ, чтобы отдалить этотъ часъ очищенія правительственной машины отъ хищныхъ инородцевъ, послѣдніе всячески клевещутъ на патріотовъ, гадятъ, гдѣ могутъ Русскимъ людямъ, выдвигаемымъ самою судьбою, сжалившеюся, повидимому, надъ бѣдствіями Россіи, обворовываемой и обманываемой горстью инородцевъ-проходимцевъ, задумавшихъ захватить такую же власть, какую когда-то пытались пріобрѣсти члены верховнаго тайнаго кабинета.

Исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются ясныя и твердыя распоряженія бывшаго государственнаго контролера Шванебаха и теперешняго начальника главнаго управленія желѣзныхъ дорогъ Вендриха, который разослалъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ слѣдующій циркуляръ:

«Поступаютъ заявленія, что начальствующія лица запрещаютъ служащимъ вступить въ члены Союза Русскаго Народа. Въ дополненіе предложенія министра путей сообщенія, отъ 19-го числа минувшаго мѣсяца, сообщается, по приказанію министра, что, согласно разъясненію министерсвта внутреннихъ дѣлъ, означенный Союзъ является законно-зарегистрованной организаціей вполнѣ легальнаго характера. Въ виду государственной пользы заслуживаетъ поддержки со стороны начальствующихъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и по вольному найму. Предлагаю это къ неуклонному исполненію. Прошу дать соотвѣтствующія разъясненія и предупредить объ увольненіи со службы начальствующихъ лицъ, дѣйствія которыхъ идутъ въ разрѣзъ съ указаніями, преподанными въ циркулярѣ совѣта министровъ, за № 1442, разосланномъ при приказахъ по желѣзнымъ дорогамъ, и настоящимъ разъясненіемъ».

Читая этотъ циркуляръ, невольно замѣчаешь, что люди съ нерусскими фамиліями въ послѣднее время проявляютъ болѣе мужества и благородства, чѣмъ тѣ Русскіе министры, которые прислуживаютъ еврейской революціонной компаніи.

Послѣдняя, къ сожалѣнію, очень сильна въ разныхъ вѣдомствахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ, гдѣ Сліозберги, Немировскіе и т. п. являются первыми совѣтниками.

Даже въ почтовомъ вѣдомствѣ Русскому человѣку прямо не стало силы выносить кадюкское иго.

Жилъ былъ себѣ въ Городцѣ (Нижегородской губерніи) маленькій чиновникъ почтоваго вѣдомства Толвинскій: все шло хорошо и начальство было имъ довольно. Но вотъ его, Толвинскаго, выбрали товарищемъ предсѣдателя мѣстнаго Городецкаго отдѣла Союза Русскаго Народа. Этого конституціонно-освободительное начальство стерпѣть не могло. Какъ?! Чиновникъ почтоваго вѣдомства—и вдругъ становится во главѣ монархическаго кружка вмѣсто того, чтобы помогать кадюкамъ и соціалистамъ! Такой самостоятельности либералы не терпятъ! И вотъ, во имя свободы конституціи, бѣднаго Толвинскаго начали всячески притѣснять и, наконецъ, перевели его, безъ его просьбы, въ такую мѣстность, гдѣ онъ жить никакъ не можетъ, и этимъ принудили подать въ отставку. Затравили, замучили бѣднаго маленькаго человѣка только за то, что онъ вѣренъ присягѣ, данной Самодержавному Царю. Сдѣлали нищимъ, заставили голодать семью маленькаго чиновника только за то, что онъ не захотѣлъ приспособляться къ вѣяніямъ и желаніямъ «большихъ» чиновниковъ, играющихъ въ масонскую конституцію.

Изъ помѣщаемой ниже перепечатки изъ „Кронштадтскаго Маяка“ видно, что Толвинскій въ простыхъ и ясныхъ образныхъ разсказахъ разъяснялъ народу всю ложь и гнусность „освободительнаго движенія“. Такіе люди, какъ Толвинскій, конечно, опасны для безчестныхъ сановниковъ, продавшихъ свою совѣсть врагамъ Россіи. Такихъ людей, какъ Толвинскій, отовсюду гонятъ холопскіе приспѣшники конституціоннаго министерства, въ головахъ которыхъ, какъ гвоздь, засѣла мысль — отнять обманомъ у Русскаго народа его достояніе, а у Царя—Его неограниченную Власть!

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 5-го іюля 1907 г. № 145.

Коварство „составителей но́ваго избирательнаго зако́на“.

Съ горяча, подъ вліяніемъ радостнаго впечатлѣнія, охватившаго всѣхъ русскихъ людей при чтеніи великихъ незабвенныхъ словъ Государя, что дума должна быть Русскою, большинство монархистовъ не замѣтило тѣхъ подтасовокъ, которыя, вопреки прямо выраженной волѣ Русскаго Царя, вставлены въ новый избирательный законъ людьми, не желающими, чтобы государственная дума была Русскою думою.

Теперь становится понятнымъ, почему на выборную агитацію министерство не жалѣетъ народныхъ денегъ, теперь понятно, почему безпочвенные междуплеменные октябристы пользуются такимъ покровительствомъ и поддержкою казенными деньгами въ огромныхъ размѣрахъ... Ясно теперь, что въ Россіи образовалось двѣ большія партіи. Одна партія—это весь Русскій народъ. Этой партіи вѣритъ самъ Царь. Другая партія—это конституціонные чиновнички. Во главѣ этой партіи стоятъ нѣкоторые теперешніе министры, работающіе такимъ образомъ на казенныя русскія деньги противъ Русскаго народа во славу всемірнаго масонства. Неудивительно, что при такомъ небываломъ еще въ исторіи государственнаго права положеніи, когда органы выс-

шихъ правительственныхъ учрежденій сами подпиливаютъ то дерево, на которомъ выросли эти учрежденія, составители новаго выборнаго закона приложили всѣ старанія къ тому, чтобы въ тѣхъ губерніяхъ, которыя дали для второй думы наиболѣе яркихъ русскихъ патріотовъ, измѣнить выборную систему въ пользу инородцевъ.

Даже «Новое Время» теперь поняло какой ударъ новый выборный законъ нанесъ въ Минской, Бессарабской, Подольской, Волынской, Могилевской и Витебской губерніяхъ объединившимся и окрѣпшимъ могучимъ союзамъ русскихъ монархистовъ—націоналистовъ...

Вслѣдствіе новаго закона въ предѣлахъ 9 губерній Западнаго края (особенно въ Сѣверо-Западномъ краѣ) евреи могутъ провести своихъ кандидатовъ въ городской куріи.

Съ другой стороны поляки, преобладая въ землевладѣльческой куріи, могутъ обезпечить за собою полную побѣду въ случаѣ соединенія съ евреями.

При еврейско-польскомъ блокѣ исходъ избирательной кампаніи въ пользу инородцевъ совершенно обезпеченъ. Въ Минской, Гродненской, Витебской и Могилевской губерніяхъ блокъ даетъ неоспоримый перевѣсъ евреямъ и полякамъ, а милліоны русскихъ крестьянъ не будутъ въ состояніи провести въ третью думу ни одного своего представителя!

Вотъ какъ идутъ въ разрѣзъ съ волею Русскаго Народа и вопреки желаніямъ, высказаннымъ Верховнымъ Самодержавнымъ Вождемъ Русской Имперіи, всѣ предначертанія и «труды» господъ «либеральничающихъ министровъ»... Но не пора ли прекратить издѣвательство надъ русскими патріотами?

Даже столь корректно вѣжливое къ министрамъ «Новое Время» и то признаетъ, что въ этой игрѣ неспособна ориентироваться наша власть, это уже теперь не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Новое избирательное положеніе выдаетъ коренную русскую землю прямо въ руки насѣвшаго на нее немногочисленнаго польскаго и еврейскаго элемента. Оно вызываетъ и разжигаетъ здѣсь вновь старыя національныя страсти и старые политическіе аппетиты».

Должна же наконецъ быть мѣра кажущейся безпечности и лукавой предусмотрительности нашихъ законодателей.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 10-го Іюля 1907 г.

Еще новый случай „освободительнаго“ звѣрства.

Въ Москвѣ, на богородско-глуховской мануфактурѣ «товарищи» замуравили въ красильный котелъ неудобнаго имъ рабочаго-черносотенца и пустили пары. Бѣдняга былъ сваренъ заживо. Фактъ этотъ тщательно замалчивается. («Волга»).

Въ самомъ дѣлѣ,—почему по поводу такого, выходящаго изъ ряда

вонъ, преступленія не печатается въ лѣвыхъ и кадетскихъ органахъ циркуляровъ и не дѣлается обращенія къ правительству о необходимости обуздать краснаго звѣря? («Россія»).

Но еще интереснѣе—почему по поводу такихъ чудовищно возмутительныхъ злодѣяній кадюкско-товарищескихъ воспитанниковъ оффиціозная «Россія» дѣлаетъ самымъ мелкимъ шрифтомъ на четвертой страницѣ маленькую замѣточку, а судебныя и административныя власти даютъ возможность замалчивать и замазывать такіе факты?

Даже имя сваренаго заживо въ паровомъ котлѣ «черносотеннаго рабочаго» не обнаружено ни судебными, ни газетными разоблаченіями...

И та самая юстиція, которая такъ встревожилась убійствомъ Іоллоса, безмолствуетъ и нисколько не тревожится, когда на заводахъ въ Россіи красные людоѣды варятъ себѣ супъ изъ живыхъ людей... Гдѣ же, господа передовые юристы, ваши сердца и ваша совѣсть? Проснитесь, станьте хоть немного послѣдовательнѣе, а то судьба ваша будетъ очень печальна, ибо народъ уже понялъ, кому вы служите.

„Русское Знамя“ 10-го іюля 1907 года № 150.

Съѣздъ анархистовъ въ Лондонѣ.

Событія бѣгутъ своимъ чередомъ. Но отъ людей у власти стоящихъ зависитъ многое въ ходѣ историческихъ событій и несомнѣнно иныя ужасныя происшествія могутъ и должны быть предотвращены тѣми, кто держитъ въ своихъ рукахъ судьбы Русскаго Государства..

Наивны тѣ, которые думаютъ, что живя на необитаемомъ островѣ, окруживъ себя колючими проволоками и электрическою сигнализаціею да изрѣдка любезничая съ главарями революціи—можно оградить себя отъ бѣшеной ненависти тѣхъ изувѣровъ-анархистовъ, которые пылаютъ злобой ко всему, что носитъ на себѣ отпечатокъ другого міра, а не того человѣконенавистническаго кружка, въ которомъ зарождаются самыя дикіе планы убійствъ, взрывовъ и грабежей...

Обрывки министерскихъ конституціонныхъ потугъ безжалостно разрушили въ Россіи всѣ фантастическія мечтанія и заблужденія. Теперь уже честнымъ людямъ приходится признать, что увлеченіе конституціею и параламентаризмомъ не дало Русскому народу и государству ничего—кромѣ страданій, оскорбленій и нищеты... Только въ привязанности къ идеѣ Самодержавія Русскій народъ почерпаетъ еще храбрость и силу сносить свою горькую судьбу; но терпѣніе приходитъ къ концу.

Какъ стерпѣть, напр., допущеніе-такого наглаго глумленія надъ Верховной Властью и честью народной, какое допущено въ г. Лондонѣ.

Въ столицѣ «дружественнаго королевскаго англійскаго дома» собрались вчера всѣ отребья русско-польско-шведско-еврейско-латышско-

армянскаго союза анархистовъ, съ цѣлью обсудить мѣры и способы какъ усилить массовой терроръ и бомбометаніе въ Россіи. И правительство знаетъ объ этомъ чудовищно-злодѣйскомъ собраніи, которому даетъ пріютъ «милая корректная Англія»; а Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ не считаетъ своею обязанностью напомнить англійскому правительству, что есть предѣлы долготерпѣнія и для гостепріимства, оказываемаго убійцамъ. Что сказало бы англійское правительство, если бы въ Петербургѣ Союзъ Русскаго Народа устроилъ бы съѣздъ «для обсужденія плановъ и способовъ, какъ посредствомъ бросанія бомбъ въ богатыхъ жителей лондонскаго Сити—уничтожить масоновъ-англичанъ и помочь освободить Индію отъ англійской эксплоатаціи?»

О, такого съѣзда англійское правительство въ Россіи не допустило бы, а вотъ Русскіе министры допускаютъ чудовищный съѣзъ въ Лондонѣ, имѣющій обсуждать вопросъ о томъ, какъ залить кровью Русскаго народа всѣ села и города Россіи...

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 14-го іюля 1907 года № 153.

Часъ отмщенія приближается.

Раболѣпство передъ лѣвыми газетами доводитъ либеральныхъ сановниковъ до полной потери всякой порядочности. Чтобы угодить краснымъ газетамъ «Товарищу» и «Рѣчи», чиновники не останавливаются передъ самыми крутыми и безпощадными мѣрами по отношенію тѣхъ, на кого клевещутъ «товарищи» и «рѣчистые кадюки»...

Такъ, напримѣръ, по ложному доносу, сдѣланному въ газетѣ «Товарищъ» студентомъ Бобецкимъ о томъ, что будто бы надъ пассажиркою Парасковьею Егоровой было совершено гнусное насиліе кондукторами и телеграфистами, немедленно, какъ сообщаетъ «Новое Время», «вся бригада поѣзда № 12 отстранена отъ исполненія служебныхъ обязанностей впредь до окончанія разслѣдованія случая». И что же оказалось? Послѣ долгихъ розысковъ, наконецъ, удалось найти и самую Егорову. Допрошенная Егорова объяснила жандармской полиціи, что о случаѣ она слышитъ впервые, ничего подобнаго съ ней въ пути не произошло—заявленіе студента Бобецкаго является чистѣйшимъ вымысломъ. Студентъ Бобецкій дѣйствительно ѣхалъ съ ней вмѣстѣ въ вагонѣ и дѣлалъ ей двусмысленныя предложенія, которыя она отвергла. Заявленіе непрошеннаго защитника причинило ей массу непріятностей: въ теченіе двухъ недѣль Егорову допрашивали въ полиціи и сыскномъ отдѣленіи.

Вотъ какъ стараются сыщики и полицейскіе, когда дѣло идетъ объ угожденіи «Товарищу».

Но, когда надо было бы проявить чувство человѣчности и справедливости къ несчастнымъ жертвамъ краснаго звѣря, тогда полиція и сы-

щики и судебныя власти бездѣйствуютъ и ничѣмъ не проявляютъ своего рвенія къ раскрытію преступленій, учиненныхъ революціонными злодѣями.

На дняхъ одинъ членъ Союза просилъ меня напечатать открытое письмо министру юстиціи Щегловитову по поводу сообщеннаго въ «Россіи» новаго случая освободительнаго звѣрства, учиненаго въ Московско-Богородской Глуховской мануфактурѣ, гдѣ «сознательные» людоѣды сварили заживо въ котлѣ неугоднаго имъ черносотеннаго рабочаго.

Письмо это кончалось такъ: предупреждаю васъ, что если въ теченіе трехъ дней со дня опубликованія моего письма не появится оффиціальнаго сообщенія объ имени и фамиліи несчастнаго истинно Русскаго чернорабочаго, изъ котораго красные передовые товарищи сварили супъ въ паровомъ котлѣ, и не будутъ опубликованы мѣры, принятыя для разслѣдованія этого чудовищнаго злодѣянія и для наказанія виновныхъ, то я приму мѣры къ тому, чтобы во всѣхъ крупныхъ парижскихъ и берлинскихъ газетахъ были бы опубликованы собранныя мною данныя о дѣятельности либеральныхъ судебныхъ чиновниковъ, позорящихъ человѣческое достоинство своимъ трусливымъ долготерпѣніемъ по отношенію такихъ злодѣяній, отъ которыхъ съ отвращеніемъ и невыразимымъ ужасомъ придутъ въ негодованіе всѣ образованные и честные люди Франціи и Германіи. Я же лично возьму на себя трудъ и обязанность вамъ доказать, что издѣваться надъ Союзомъ Русскаго Народа въ настоящее время очень опасно хотя «Рѣчь» и ея вдохновители Гессены и К°. (Ваши бывшіе сотоварищи по редакціи кадюкскаго журнала «Право») умышленно ложно ежедневно твердятъ, что Союзъ Русскаго Народа «представляетъ организацію ничтожную и «морально и количественно».

О количествѣ союзниковъ говорятъ собраніе членовъ Союза въ Одессѣ, въ Симферополѣ, Харьковѣ, Екатеринославлѣ, Аккерманѣ, Кишиневѣ, Ялтѣ, Ярославлѣ, Кіевѣ, на Волыни и въ другихъ городахъ и селахъ Россіи, гдѣ Союзъ Русскаго Народа съ каждымъ мѣсяцемъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ; а о моральной силѣ Союза скоро будутъ имѣть самое точное представленіе враги Царскаго Самодержавія! Дайте намъ только время широко оповѣстить среди всѣхъ союзниковъ имена самыхъ вредныхъ враговъ Русской національной идеи и, повѣрьте, что найдется множество добровольныхъ мстителей за поруганную честь и славу Русской Имперіи.

Павелъ Булацель

„Русское Знамя“ 15-го іюля 1907 г. № 154.

Судъ скорый, правый и милосердый.

4 іюня 1907 г. я получилъ коротенькую телеграмму изъ Симферополя:

«Ермоленко отчаявшись въ русскомъ правосудіи повѣсился».

Сколько горечи, сколько грагизма въ этихъ немногихъ словахъ.

Но развѣ тѣ для кого эти слова должны быть смертельнымъ укоромъ способны еще что нибудь чувствовать? уснувъ безчувственной душой, они просыпаются лишь тогда, когда въ «Новомъ Времени» прочтутъ телеграмму изъ Берлина о томъ, что «Deutsche Tageszeitung» отдаетъ должное ясному уму и рѣшительному «характеру П. А. Столыпина».

Въ Высочайшемъ манифестѣ сказано, что государственная дума должна быть русскою и по духу.

Но увы въ то самое время, когда съ высоты Престола наконецъ высказали, что инородцы не должны быть вершителями вопросовъ чисто русскихъ, въ это самое время въ русскихъ судахъ, вершителями судебъ русскаго народа, являются инородцы и революціонеры. И всѣ тѣ безобразія, которыя творятся кадюкствующими юристами извѣстны, какъ министру юстиціи Щегловитову, такъ и предсѣдателю совѣта министровъ Столыпину, но правительство упорно хранитъ доброжелательный нейтралитетъ по отношенію къ главарямъ и руководителямъ революціи. Игра арестами идетъ во всю: арестуютъ и сейчасъ же выпускаютъ, а завтра арестуютъ другихъ и опять выпускаютъ и такъ до безконечности только дразнятъ и раздражаютъ, но никого не устраняютъ... Упущенія, слишкомъ частыя, невольныя ошибки и коварныя выходки противъ монархистовъ заставляютъ давно русскихъ людей сомнѣваться въ томъ, что П. А. Столыпинъ сказалъ правду, когда назвалъ себя горячимъ приверженцемъ самодержавія. Послѣднія событія все болѣе и болѣе убѣждаютъ въ томъ, что Столыпинъ играетъ двойную игру. Противорѣчіе Всемилостивѣйшаго манифеста 3 іюня съ закономъ о новыхъ выборахъ наводитъ на страшное предположеніе, что умышленно приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы новые выборы опять дали перевѣсъ кадетской партіи.

Но особенно тяжелое впечатлѣніе производитъ редакціонная туманность, которую нельзя оправдать недосмотромъ: Въ манифестѣ говорится

«Совершилось дѣяніе неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи. Судебною властью былъ раскрытъ заговоръ противъ государства и Царской Власти».

Неужели въ лѣтописяхъ исторіи никогда не слыхано, чтобы судебною властью былъ раскрытъ заговоръ.

Не лестная похвала судебному вѣдомству получилась вслѣдствіе такой редакціонной неточности.

Но если даже толковать эту часть манифеста не въ буквальномъ смыслѣ, а въ переносномъ, то и тогда получается противорѣчіе съ истиною, ибо всѣ грамотные люди знаютъ, что въ лѣтописяхъ исторіи совершались дѣянія не только подобныя думскому заговору противъ государства и Царской Власти, но и еще болѣе ужасныя.

Не далѣе, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Сербіи была убита вся королевская семья; а въ 1881 г. отъ злодѣйской руки соціалистовъ въ столицѣ Русскаго государства палъ великодушный Императоръ Александръ II. Кто же теперь не знаетъ о заговорѣ на жизнь Императора Павла I, всѣ подробности котораго опубликованы въ книгѣ «Цареубійство», рекламируемой на первой страницѣ „Новаго Времени». Всѣ эти чудовищные заговоры осуществлялись только потому, что высшія

власти медлили, колебались и не принимали рѣшительныхъ мѣръ противъ заговорщиковъ.

Еще фонъ-Визинъ писалъ, что «нѣтъ вѣрности Государю, гдѣ нѣтъ вѣрности къ исторической истинѣ».

Теперь эти слова фонъ-Визина я открыто бросаю въ лицо П. А. Столыпину, который обманываетъ и себя и другихъ, стараясь вѣрить, наперекоръ исторической истинѣ, будто парламентская болтовня можетъ способствовать водворенію мира и законности въ Русской Имперіи. Онъ хочетъ, во чтобы то ни стало при помощи горсти кадетскихъ заговорщиковъ и безпринципныхъ „октябрей" вопреки волѣ милліоновъ русскаго народа навязать Русскому государству, вымученную евреями, конституцію.

Въ чемъ же выражается „ясный умъ" и „рѣшительный характеръ" Столыпина?

Въ томъ, что когда ему, наконецъ, приказали распустить думу, онъ, скрѣпя сердце, исполнилъ приказаніе?

Или, быть можетъ, рѣшительность его проявилась въ томъ, что онъ такъ долго медлилъ съ преслѣдованіемъ заговорщиковъ, пока главные изъ нихъ удрали за границу?

Развѣ не признакъ „ясности ума" такія распоряженія, какъ запрещенія волновать общество свѣдѣніями и слухами о злодѣяніяхъ, совершаемыхъ революціонерами? А когда въ Царствѣ Польскомъ въ одну ночь на дняхъ убѣжали изъ тюрьмы 40 отчаянныхъ бундистовъ, то объ этомъ событіи ни въ одной изъ газетъ не появилось никакихъ сообщеній. Развѣ это не свидѣтельствуетъ о „ясности ума" того государственнаго мужа, который спокойно созерцаетъ повальное бѣгство еврейскихъ террористовъ изъ русскихъ тюремъ и отдаетъ приказанія, чтобы полицейскіе чины, какъ можно вѣжливѣе обращались бы съ тѣми „политическими" которые всего только тѣмъ и провинились, что поставили себѣ задачею отнимать у полицейскихъ чиновъ такой пустякъ, какъ жизнь.

Ну, а если городовые, какъ, напр., Павелъ Ефимовъ, вздумаютъ оказать сопротивленіе волѣ депутата Сѣдельникова въ тотъ моментъ, когда Сѣдельниковъ съ крикомъ „бей полицію" выхватываетъ револьверъ, чтобы убить городового, то тогда, конечно, по правиламъ „парламентарной законномѣрности" отдаютъ подъ судъ не Сѣдельникова, а самого городового Ефимова по обвиненію по ст. 347 улож. о наказ. за оскорбленіе дѣйствіемъ „священной особы" члена первой думы. Это называется справедливостью. Такъ же точно, когда въ Симферополѣ еврейская революціонная молодежь начала стрѣлять залпами изъ револьверовъ въ тѣхъ безоружепныхъ мирныхъ русскихъ гражданъ, которые съ пѣніемъ гимна шли 18 октября 1905 года съ Царскимъ портретомъ по улицамъ Симферополя, то судебная власть не нашла нужнымъ разыскивать виновниковъ этихъ залповъ, которыми убиты писарь Александровъ и кучеръ Мемешъ-Али и ранены семь русскихъ рабочихъ. Мало того, товарищъ прокурора полякъ Пенскій, самовольно выпустивши вопреки разъясненію Общаго Собранія Сената 1876 года за № 10 всѣхъ задержанныхъ съ оружіемъ въ рукахъ евреевъ, и уничтожившій даже списки задержанныхъ, не только не уволенъ въ отставку, но даже получилъ переводъ въ лучшій городъ за такую услугу, оказанную

революціонерамъ. А несчастный помощникъ полицейскаго пристава Ермоленко, который клялся на судѣ, что не виновенъ въ погромѣ, присужденъ по оговору революціонныхъ лжесвидѣтелей къ заключенію въ арестантскія отдѣленія на 3 съ половиной года.

Съ отчаянія, подъ гнетомъ этого несправедливаго приговора Ермоленко повѣсился. Но что за дѣло Столыпину и Щегловитову до судьбы несчастнаго полицейскаго, удавленнаго русскимъ правосудіемъ? Мысль объ этомъ загубленномъ вѣрномъ слугѣ Родины и Царя, не мучаетъ ихъ совѣсть, потому что ни лѣвыя газеты, ни еврейскіе раввины объ этомъ ихъ не просятъ. То ли дѣло если бы повѣсился какой нибудь бундистъ, о тогда была бы поднята на ноги вся Россія. Доводы, которые я привелъ въ доказательство невиновности Ермоленки ихъ не интересуютъ. Но пусть хоть судьи вспомнятъ, что свидѣтель Капленко удостовѣрилъ, что Ермоленко такъ побили, что онъ съ 18 октября слегъ въ постель и что даже докторъ еврей Гидалевичъ на судѣ показалъ, что вся спина у Ермоленки 22 октября 1905 года была сплошь покрыта кровоподтеками. Человѣкъ на посту былъ избитъ и его же присудили къ наказанію по требованію еврейской революціонной партіи. Безстыдную роль сыграли въ этомъ дѣлѣ революціонныя газеты.

Въ самомъ началѣ процесса Симферопольскія и Севастопольскія газеты со словъ мѣстныхъ лживыхъ корреспондентиковъ сообщили что „наружность Ермоленки очень измѣнилась такъ, что свидѣтелямъ будетъ трудно въ безбородомъ молодомъ человѣкѣ узнать прежняго помощника полицейскаго пристава". Замѣтка эта возымѣла свое дѣйствіе и всѣ почти еврейскіе революціонные свидѣтели путавшіеся и сбивавшіеся на судѣ увѣряли что, видали какъ „пом. пристава Ермоленко съ бородкой билъ обнаженной шашкой бѣжавшихъ евреевъ". Однако множество свидѣтелей: Терлецкій, Поповъ, Чернявскій, Марсаловъ, Багель, Капленко и др. удостовѣрили, что никакой бородки у Ермоленко не было 18 октября. Многіе свидѣтели удостовѣрили, что Ермоленко спасъ двухъ дѣвушекъ и одного еврея отъ разъяренной толпы. Но гражданскіе истцы требовали во чтобы то ни стало обвиненія Ермоленки и судъ ихъ требованіе уважилъ.

Я издамъ отчетъ о Симферопольскомъ процессѣ. Исторія насъ разсудитъ. А пока не лишнимъ привести составъ суда: Предсѣдатель корректный правовѣдъ сдержанный и внимательный, одинъ членъ суда русскій, затѣмъ другой полякъ; а сословные представители отъ дворянства: Кипчатскій—татаринъ—кадетъ, городской голова Раковъ—кадетъ, хуже всякаго еврея, и наконецъ волостной старшина—нѣмецъ. Это называется русскимъ судомъ, на долю, котораго пала тяжелая задача рѣшить кто виноватъ—тѣ-ли русскіе, которые шли съ портретомъ Царя или тѣ революціонеры-евреи, которые на нихъ напали? Впрочемъ революціонеровъ не судили; они были заранѣе освобождены товарищемъ прокурора Пенскимъ отъ ареста, а суд. слѣдователемъ Панкратовымъ отъ всякой отвѣтственности; судили только тѣхъ патріотовъ, которые защищая свою жизнь, отъ нападавшихъ на нихъ революціонныхъ стрѣлковъ, схватили дубины, палки и камни и побили своихъ враговъ, а за одно съ патріотами посадили на скамью подсудимыхъ и нѣсколькихъ полицейскихъ, которые хотя по мѣрѣ силъ своихъ старались помѣшать проявленію народной саморасправы, но все-же недостаточно

охотно подставляли свои головы подъ пули еврейскихъ революціонеровъ, кричавшихъ „долой полицію“ и стрѣлявшихъ не только въ процессію, но и въ городовыхъ и приставовъ...

Страшное впечатлѣніе будутъ на потомковъ производить современные Россійскіе суды по такъ называемымъ погромнымъ дѣламъ, карающіе только тѣхъ, кто „за Царя“, хотя настоящими погромщиками-зачинщиками являются повсюду враги Царской власти революціонеры...

Несомнѣнно, въ концѣ концовъ всѣ злодѣянія и несправедливости будутъ отмщены. Имена Столыпина, Арбузова, Немировскаго, барона Икскюля, Герасимова, Кауфмана и нѣкоторыхъ другихъ сотрудниковъ Столыпина стали настолько ненавистны всему русскому народу, что нужно удивляться властолюбію этихъ господъ, остающихся на своихъ мѣстахъ, несмотря даже на недовѣріе, которое къ нимъ питаютъ милліоны русскихъ людей.

Въ телеграммѣ на имя А. И. Дубровина Государь выразилъ увѣренность, что Союзъ Русскаго Народа будетъ опорою Царя и Престола. Эти слова придаютъ новыя силы всѣмъ убѣжденнымъ противникамъ „парламентскаго лицемѣрія“. Прочь, враги русскаго народа, разступитесь и дайте дорогу тѣмъ, у кого слово не расходится съ дѣломъ.

Уйдите съ вашихъ постовъ вы, у которыхъ дремлетъ совѣсть, вы которые несмотря на всѣ похвалы заграничныхъ газетъ можете къ себѣ примѣнить слова Пушкина:

„И межъ дѣтей ничтожныхъ міра
„Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй вы“.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“, 17-го іюля 1907 года № 155.

Какъ сановники искусственно вызываютъ раздраженіе противъ правительства.

Все больше и больше явствуетъ, что руководители такъ называемой революціи въ Россіи не только поставили себѣ цѣлью уничтожать вѣрныхъ присягѣ монархистовъ, но и всячески глумиться надъ тѣми русскими людьми, которые еще вѣрятъ, что правительство серьезно, а не для виду только, борется съ революціею.

Развѣ не глумленіе надъ здравымъ смысломъ, надъ совѣстью и надъ честью Русскихъ министровъ опубликованіе сообщенія о пенсіонномъ комитетѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, которое появилось на дняхъ въ хроникѣ «хорошо освѣдомленнаго» «Новаго Времени» и затѣмъ, къ сожалѣнію, безъ всякихъ оговорокъ было перепечатано даже во многихъ монархическихъ газетахъ:

«Вслѣдствіе постоянныхъ убійствъ служащихъ Закавказскихъ дорогъ (на одной прошлой недѣлѣ было убито три старшихъ и четыре младшихъ агента) пенсіонный комитетъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ

предполагаетъ возбудить вопросъ объ исключеніи изъ страхованія служащихъ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ».

Какъ поймутъ смыслъ этого сообщенія, всѣ, кому революціонеры грозятъ насильственной смертью? А вотъ какъ: «читайте», служащіе на Закавказской желѣзной дорогѣ сообщеніе о предположеніяхъ пенсіоннаго комитета, и разумѣйте, что начальство не только не считаетъ нужнымъ ограждать вашу жизнь отъ посягательства революціонеровъ, но даже предполагаетъ, вслѣдствіе постоянныхъ убійствъ, возбудить вопросъ объ исключеніи изъ страхованія служащихъ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ».

Итакъ, у честныхъ и стойкихъ служащихъ отнимаютъ послѣднее утѣшеніе. Теперь они будутъ знать, что даже пенсіонныя кассы исключаютъ ихъ изъ страхованія. Въ другихъ государствахъ правительство всячески старается одобрить и награждать «своихъ» приверженцевъ и своихъ вѣрныхъ слугъ. А у насъ, въ Россіи, правительство вотъ уже три года всячески старается быть милостивымъ къ своимъ противникамъ и безжалостнымъ къ своимъ агентамъ. Личности—какъ Кутлеръ, князь Урусовъ, Лопухинъ, Петражицкій, Михелинъ, Біернбергъ, гофмейстеръ графъ Армфельдъ и другіе чиновники-перебѣжчики и финляндскіе революціонеры—получаютъ пенсіи и награды изъ Царской казны, а бѣдные и честные Русскіе труженики, служащіе на Закавказской желѣзной дорогѣ, подвергаются исключенію изъ страхованія.

Знайте, Русскіе люди, что нѣтъ вамъ состраданія, нѣтъ вашимъ женамъ и дѣтямъ даже утѣшенія, что за вашу вѣрную службу Царю ихъ не оставитъ Правительство, послѣ того, какъ вы сложите свои головы за Царя и Родину!

Руководители революціи отлично понимаютъ, что сознаніе неизбѣжной нищеты, ожидающей жену и дѣтей, охладятъ рвеніе Русскихъ людей поступать на опасную Царскую службу въ далекихъ окраинахъ.

Понемногу, революціонеры — шведы, армяне и поляки будутъ вытѣснять отовсюду Русскихъ чиновниковъ, вѣрныхъ Царю, и повсюду понасаживаютъ своихъ Кутлеровъ, Лопухиныхъ, Армфельдовъ, Лангофовъ, Герардовъ и др.

Что будетъ дальше? Появится опять какой-нибудь министръ внутреннихъ дѣлъ, въ родѣ «Святополка-Окаяннаго» или лживаго князя У и тогда, благодаря уже готовымъ, хотя вовсе не многочисленнымъ, революціоннымъ кадрамъ можно будетъ осуществить заговоръ «кадюкско-шведскаго соглашенія», свергнуть династію и Царское Самодержавіе!

Что же смотрятъ министры? Или имъ эти планы и соглашенія инородческихъ главарей съ Россійскими кадюками неизвѣстны. Или наши сановники не знаютъ, что даже имъ по французской поговоркѣ: «Est permis d'être bête jusqu'à un certain point»? Почему освѣдомительное бюро не опровергнуло до сихъ поръ сообщенія «Новаго Времени» о пенсіонномъ комитетѣ? Или, въ самомъ дѣлѣ, для предположеній комитета нѣтъ даже тѣхъ границъ, о которыхъ говоритъ французская поговорка»?

А вотъ еще успокоительное извѣстіе изъ лѣвыхъ газетъ:

При министерствѣ народнаго просвѣщенія образована, подъ предсѣдательствомъ товарища министра д. с. с. О. П. Герасимова, особая комиссія съ участіемъ представителей отъ министерства путей сооб-

щенія для окончательной выработки проекта новыхъ правилъ о завѣдываніи желѣзнодорожными школами.

Не нашли никого лучше для предсѣдательства кромѣ О. П. Герасимова!

Вѣдь изъ желѣзнодорожныхъ школъ еще не вышло до сихъ поръ ни одного бомбиста и экспропріатора; значитъ надо выработать «новыя правила» и при томъ непремѣнно по рецепту Герасимова, по которому гимназіи и университеты уже превратились въ разсадники разбойниковъ.

Повидимому министерство путей сообщенія находится все еще на перепутьи. Многое до трудолюбиваго и строгаго генерала Шауфуса не доходитъ и потому бюрократы-либералы продолжаютъ въ министерствѣ путей сообщенія хранить обычаи сонливой медлительности, существованіе при князѣ Хилковѣ и при красноватомъ Немѣшаевѣ.

Развѣ можно, напримѣръ, не возмущаться канцелярской волокитой въ юридическомъ отдѣлѣ по сооруженію желѣзныхъ дорогъ.

Три года ждутъ подрядчики по Екатерининской желѣзной дорогѣ отвѣта на свои заявленія и каждый разъ, когда приходится справляться, получается одинъ и тотъ же отвѣтъ. «претензіи будутъ доложены не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца». И эти два мѣсяца тянутся уже третій годъ... А, когда прямой и честный Вендрихъ издалъ свой циркуляръ, въ которомъ требуетъ, чтобы желѣзнодорожные чиновники не притѣсняли членовъ Союза Русскаго Народа, то долгое время циркуляръ этотъ скрывали отъ публики. Но вотъ «Новое Время», всегда чувствительное къ перемѣнѣ погоды, напечатало этотъ циркуляръ во всеобщее свѣдѣніе. Впечатлѣніе этого сообщенія было огромное, кадюки и конституціонные сановники всполошились... И вотъ, чтобы ослабить это впечатлѣніе, враги Союза Русскаго Народа, рѣшились на мошенничество. Они опровергли въ „Новомъ Времени“ и въ „Россіи“ этотъ циркуляръ, но опровергли его такъ, что краска стыда должна броситься въ лицо каждому, кто имѣетъ дѣло съ такими опроверженіями. Боже, до чего мы дожили. Появляется разумный, честный циркуляръ; его содержаніе, число и номеръ опубликовываются въ распространенной газетѣ, а на слѣдующій день появляется въ той же газетѣ сообщеніе чуть ли не оффиціальное, что такой „циркуляръ въ послѣднее время вовсе не издавался генераломъ Вендрихомъ!“ Ну, а въ предпослѣднее время такого циркуляра тоже не было издано?! Кого же обманываютъ и зачѣмъ обманываютъ? А вотъ зачѣмъ: затѣмъ, чтобы въ Союзъ Русскаго Народа, несмотря на благоволеніе къ Союзу Государя и несмотря на циркуляръ г. Вендриха, всетаки не смѣли вступать желѣзнодорожные служащіе. Кому же нужно давить Союзъ Русскаго Народа и тормозить его ростъ? Конечно это нужно кадюкамъ и тѣмъ конституціоннымъ самовольникамъ, которые „въ парламентѣ“ хотятъ опираться на противниковъ національнаго Русскаго возрожденія. Вѣдь если Союзъ Русскаго Народа возьметъ верхъ, тогда пѣсенка „парламентаристовъ“ спѣта. А имъ хочется такъ страстно еще подольше остаться у власти и поторговаться съ армянами, евреями и шведами о дѣлежѣ Русскаго царства.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 19-го іюля 1907 г. № 157.

Молитесь за мучениковъ.

Ниже помѣщается письмо несчастной Юліи Ермоленко, вдовы того самаго пом. полиц. пристава Ермоленко, въ котораго за его преданность Царю революціонная еврейская молодежь стрѣляла 18 октября 1905 г. и который почти до безчувствія былъ избитъ толпою чернорабочихъ за то, что мѣшалъ имъ расправиться съ евреями, а затѣмъ самими же еврейскими революціонерами былъ оклеветанъ и по ихъ ложнымъ показаніямъ осужденъ Симферопольскимъ судомъ на 3½ года въ арестантскія роты.

Такой несправедливости, такого позора Ермоленко не вынесъ и— повѣсился.

Молитесь, Русскіе люди, о жертвѣ конституціоннаго произвола...

Помогите, кто чѣмъ можетъ, бѣдной семьѣ Ермоленко, оставшейся безъ всякихъ средствъ къ существованію. На правительство надежда плохая, ибо правительство допускаетъ издѣвательство финляндцевъ и евреевъ надъ Русскими. Никогда прежде не позволили бы чухнамъ «томить въ кандалахъ Русскаго гражданина», облыжно оговариваемаго революціонерами. Но теперешнее правительство, желая запугать милліоны крайнихъ правыхъ монархистовъ, дѣлаетъ видъ, будто оно безсильно потребовать отъ дикихъ чухонскихъ шведовъ, чтобы они не примѣняли свои варварскіе средне-вѣковые обычаи къ Русскому узнику. Правительство Столыпина и Герарда хочетъ убѣдить всю Россію въ томъ, что никто и ничто не можетъ помѣшать финляндцамъ мучить Русскаго монархиста!

Нѣтъ, господа конституціонные министры Самодержавнаго Царя, вамъ все зачтется; вамъ припомнятъ всѣ глумленія и страданія, которымъ вы подвергаете Русскихъ людей!

Не играйте словами, не ссылайтесь на то, что Финляндія конституціонная страна—независимая отъ Россіи. Вспомните, что когда въ независимой Франціи глумились въ театрѣ надъ честью Россіи и поносили имя Екатерины Великой, то Императоръ Николай I объявилъ, что пришлетъ въ Парижъ 600,000 зрителей, если немедленно не будетъ прекращено глумленіе надъ Россіею, и свободное Французское правительство немедленно исполнило волю Русскаго Царя! Почему же «конституціонные министры» теперь считаютъ себя вправѣ предполагать, что воля Самодержавнаго Русскаго Царя Николая Второго можетъ быть не выполняема финляндцами?

Въ Россіи отмѣнены тѣлесныя наказанія. По какому же праву отсталые финны съ ихъ допотопнымъ судопроизводствомъ подвергаютъ тѣлеснымъ истязаніямъ, заковывая въ кандалы, Русскаго подданнаго, *не* осужденнаго даже финляндскимъ судомъ? Не пора ли прекратить эту трагедію кишинапскаго произвола?

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 21-го іюля 1907 г. № 159.

Жизнь и слава.

Когда у г. Суворина не хватаетъ доводовъ и доказательствъ онъ въ своихъ «маленькихъ письмахъ» прибѣгаетъ къ «большимъ» грубостямъ.

При этомъ г. Суворинъ, очевидно, со словъ «Рѣчи» и «Руси» приписываетъ „Русскому Знамени“ совсѣмъ *не тѣ* мысли и сожалѣнія, которыя въ дѣйствительности ежедневно высказываются на столбцахъ нашей газеты.

Такъ, напримѣръ „Русское Знамя“ постоянно возмущается не прекращающимися убійствами и негодуетъ на то, что министръ внутреннихъ дѣлъ г. Столыпинъ ничего не предпринимаетъ для обузданія дикой анархіи и злодѣяній, совершаемыхъ революціонерами по подстрекательству партіи „народной свободы“.

Множество монархистовъ увѣрено, что если во главѣ правительства будетъ стоять человѣкъ, который захочетъ *раздавить* революцію, то онъ этого достигнетъ очень быстро; а г. Столыпинъ за полтора года не подавилъ революціонеровъ и не прекратилъ ихъ кровавую вакханалію; значитъ онъ не можетъ или не хочетъ прекратить этотъ дикій революціонный самосудъ...

Монархисты, конечно, никогда не высказывали сожалѣнія, что г. Столыпинъ съумѣлъ себя самого сохранить отъ бомбъ «товарищей» и по этому поводу никогда редакторъ „Русскаго Знамени“ не дѣлалъ г. Столыпину упрековъ, а потому фраза г. Суворина:

«Вообще подобные упреки я считаю большимъ свинствомъ со стороны г. Булацеля, редактора „Русскаго Знамени“,

совершенно неумѣстна и неприлична, тѣмъ болѣе, что статья «Пропивайте Россію», въ которой г. Столыпину ставилось въ вину, что онъ, умѣя хорошо ограждать самого себя, совсѣмъ не умѣетъ ограждать другихъ Русскихъ людей отъ браунинговъ и бомбъ, а Россію и помѣщиковъ отъ разоренія и грабежей, подписана полнымъ именемъ Г. В. Бутми.

Тѣмъ не менѣе г. Суворинъ старшій, какъ и газета его сынка „Русь“ приписываетъ статью „Пропивайте Россію“ П. Булацелю.

Конечно, когда правые, смѣлые и прямые люди будутъ у власти, «они будутъ тоже охранять свои жилища въ такое время, какъ наше», но они съумѣютъ охранять и *чужія* жилища и при нихъ не будутъ убивать въ Тверскомъ земскомъ собраніи генералъ-адъютантовъ.

Когда люди, никогда не торговавшіе своими убѣжденіями, смѣлые и правдивые — станутъ у кормила власти, они съумѣютъ оградить своею жизнью Самодержавнаго Царя, но никогда не будутъ подводить Того, Кто по ихъ мнѣнію долженъ стоять внѣ всякихъ „конституціонныхъ Столыпинскихъ замысловъ!“

Когда во главѣ министерства станутъ Русскіе люди, для которыхъ честь Родины и честь Царя дороже личнаго своего спокойствія, тогда они съумѣютъ такъ повести дѣла, что станутъ невозможны такія позорныя убійства, какъ убійство Царскаго посланца, генерала-адъютанта

Сахарова, у дома саратовскаго губернатора. Тотъ губернаторъ, который не съумѣлъ уберечь генерала Алиханова, будетъ уволенъ въ 24 часа безъ пенсіи; тотъ полицеймейстеръ, который позаботился убрать обычный нарядъ полиціи при проѣздѣ генерала Алиханова, будетъ отданъ подъ судъ; тогда баронъ Гинсбургъ не будетъ, конечно, ѣздить къ товарищу министра народнаго просвѣщенія г. Герасимову; тогда Милюковъ, конечно, не будетъ заботиться объ укрѣпленіи положенія генералъ-губернатора финляндскаго Н. Н. Герарда. Тогда, тогда многое перемѣнится, а главное тогда А. С. Суворинъ не будетъ любезничать съ А. С—нымъ. Времена мѣняются и чуткій къ барометрическимъ измѣненіямъ старикъ Суворинъ мѣняется, какъ хамелеонъ. Давно ли онъ говорилъ въ своемъ кабинетѣ, въ присутствіи пяти лицъ изъ союза землевладѣльцевъ: Павлова, Чемадурова, Кисловскаго, Булацеля и Шарапова, что правительство на 70 процентовъ слабѣе, чѣмъ революціонеры, а вотъ теперь, ссылаясь на г. Бомпара, онъ даетъ понять, что всегда будто бы насмѣхался надъ хвастовствомъ революціонеровъ.

Съ 1905 года г. Суворинъ много разъ мѣнялъ на столбцахъ своей газеты направленіе. А теперь, когда на закатѣ своей долгой „плодотворной“ публицистической дѣятельности г. Суворинъ съ удивленіемъ слышитъ, что начинаютъ и слѣва и справа раздаваться въ печати голоса людей, непоколебимо вѣрящихъ въ правоту своихъ убѣжденій, независимо отъ желаній министровъ, тогда г. Суворинъ бранитъ *свиньями* тѣхъ, кто, не обладая, быть можетъ, его „барометрическими“ талантами, все же въ тысячу разъ дальше отъ *свинства*, чѣмъ самъ А. С. Суворинъ.

Что же касается П. А. Столыпина, то скажу ему прямо правду въ глаза: онъ имѣетъ много причинъ быть недовольнымъ мною за то, что я своими статьями и разоблаченіями разсѣялъ ореолъ неустрашимаго *рыцарства*, въ который въ началѣ его драпировали монархисты; но у него также много причинъ быть мнѣ благодарнымъ за то, что *теперь* онъ можетъ безъ особыхъ предосторожностей ѣздить по улицамъ Петербурга. Мои статьи раскрыли глаза революціонерамъ; даже самые сумасшедшіе ненавистники сильной власти не станутъ трудиться, чтобы охотиться *теперь* на П. А. Столыпина. У революціонеровъ есть болѣе сильные идейные враги и потому даже самые глупые изъ большевиковъ поняли, что Столыпинъ имъ не опасенъ. Я повредилъ нѣсколько репутаціи „героя“, но я обезопасилъ жизнь „отцу и мужу“. А, повидимому, г. Столыпинъ очень дорожитъ своею *жизнью*, если заигрываетъ съ Милюковымъ.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 26-го сентября 1907 г. № 210.

А. Ѳ. Кони и „Утро Россіи“.

Въ газетѣ «Объединеніе» читаемъ:

„Нѣкая, очень грязненькая газетка „Утро“ послѣ нѣкоторыхъ

„мѣръ“ начала значительно облагораживаться. Принявъ на-дняхъ новое названіе „Утро Россіи“, она рѣшила остепениться, и дабы сему повѣрили не шутя, включила въ составъ своихъ сотрудниковъ представителей высшей бюрократіи, въ среду которыхъ попалъ небезызвѣстный А. Ѳ. Кони. *О либеральномъ сенаторѣ заговорили.* Неудобно вамъ, ваше превосходительство,—говорятъ ему сановники, носить въ одно и то же время сенаторскій мундиръ и сотрудничать въ революціонной газетѣ. Помилуйте-съ, смѣялись шутники, вѣдь сенаторскій мундиръ всегда былъ по закону краснымъ. Но какъ все это не смѣшно, *а объ А. Ѳ. Кони заговорили и на верху.* Задумался сановникъ. Красный мундиръ приличнѣе красной газеты, да и доходнѣе порой. Надо писать опроверженіе... да какъ бы не обидѣть „товарищей“... не дай Богъ, назовутъ реакціонеромъ... прощай тогда министерство юстиціи, которое кадеты обѣщали. Думалъ, думалъ сановникъ, взялъ перо, написалъ „письмо въ редакцію“ и послалъ въ сенаторскую газету „Новое Время“.

„М. г., г. редакторъ. Въ объявленіи объ изданіи въ Москвѣ газеты „Утро Россіи“, появившемся сегодня въ „Новомъ Времени“, указано, что мною обѣщано ближайшее участіе въ этой газетѣ. Указаніе это, къ *сожалѣнію*, лишено достаточнаго основанія, такъ какъ мои обязательныя и неотложныя занятія, а также частое нездоровье лишаютъ меня возможности, впредь до дѣйствительнаго и фактическаго осуществленія моего сотрудничества, давать опредѣленное обѣщаніе участія (а тѣмъ болѣе ближайшаго) въ какомъ бы то ни было изданіи и тѣмъ принимать на себя своего рода нравственное обязательство предъ редакціей и подписчиками. Объ этомъ мнѣ приходится каждый разъ заявлять тѣмъ, *кто дѣлаетъ мнѣ честь*, предлагая сотрудничество въ новыхъ изданіяхъ“.

И повѣрили г. Кони, сановники, повѣрили сенаторы и общество, повѣрили и успокоились. „Какое корректное письмо“,—говорили встревоженные было коллеги по сенату, но совершенно успокоенные этой корректностью; „какое корректное письмо“, — говорили, подмигивая, сотрудники „Утро Россіи“—оно укрѣпляетъ нашу надежду на его участіе. И только немногихъ эта „корректность“ и возмущала. Почему, думали они, „русскій сенаторъ“ не пишетъ прямо, что газетное объявленіе о его ближайшемъ участіи въ „Утро Россіи“—не имѣетъ и не можетъ имѣть никакихъ основаній, а двусмысленно говоритъ о какихъ-то „достаточныхъ“ основаніяхъ? Почему,—думали они,—русскій сенаторъ не пишетъ прямо, что въ революціонной газетѣ по чувству долга, по совѣсти, онъ, какъ сенаторъ считаетъ свое участіе преступнымъ, а всякія обѣщанія на таковое участіе считаетъ покушеніемъ на государственное преступленіе? Почему вмѣсто этихъ словъ, русскій сенаторъ робко ссылается на отсутствіе времени? Почему, думали они, русскій сенаторъ считаетъ, что революціонная газета, приглашая его принять въ ней участіе, *„дѣлаетъ для него честь“* и о томъ открыто заявляетъ на страницахъ „Новаго Времени“? Почему не говоритъ онъ, что такое отношеніе оскорбляетъ его, какъ сенатора, какъ человѣка, что такое приглашеніе есть призывъ къ измѣнѣ его присягѣ, его отечеству? Почему — думали они, такъ довѣрчиво отнеслось къ этому письму общество? Почему такъ плѣняется оно той „корректностью“, подъ которою скрыта, быть можетъ, очень горь-

кая истина? На эти вопросы имъ некому было отвѣтить .. „Красные мундиры гармонируютъ иногда съ красными флагами“.

Къ этимъ, полнымъ горечи, словамъ газеты „Объединеніе“, мы въ „Русскомъ Знамени“ вынуждены добавить еще болѣе грустные выводы, къ которымъ насъ приводятъ повседневныя явленія изъ жизни нѣкоторыхъ сенаторовъ.

Давно-ли, напримѣръ, сенаторы Ѳененко, Смирновъ и Шидловскій нашли, что „нѣтъ состава преступленія“ въ тѣхъ гнусныхъ строкахъ революціоннаго журнала „Зритель“, въ которыхъ, глумясь надъ Царемъ и манифестами, безсовѣстный писака прикрылся подложнымъ именемъ „Васька Гогенцоллернъ“.

Однако, дѣло о сенаторахъ Ѳененко, Смирновѣ и Шидловскомъ такъ и заглохло.

Всесильный министръ Столыпинъ не затруднился, къ великой радости кадюковъ, исхлопотать преданіе сенаторскому суду своего товарища министра В. І. Гурко, но исходатайствовать повелѣніе объ увольненіи со службы тѣхъ сенаторовъ, которые позволяютъ революціонерамъ безнаказанно глумиться надъ Особою Государя Императора — на это рѣшимости у Столыпина не хватаетъ.

Павелъ Булацель.

—

„Русское Знамя“ 29-го Сентября 1907 г. № 212.

Теперь и прежде.

Какъ же не признать, что иногда и теперешнее правительство умѣетъ безпощадно дѣйствовать.

Въ Лодзи убитъ еврей-фабрикантъ Зильберштейнъ, и вотъ вся мѣстность вокругъ перевернулась верхъ дномъ. Прибыли на мѣсто помощникъ Варшавскаго генералъ-губернатора, генералъ Утгофъ, Петроковскій губернаторъ Эссенъ и вице-губернаторъ. Вся фабрика была немедленно оцѣплена ротами солдатъ. Арестовано, какъ сообщило «Нов. Время», двѣсти рабочихъ; изъ нихъ восемь присуждены къ смертной казни и на другой же день казнены.

За смерть одно убитаго фабриканта-еврея—восемь казненныхъ! А за смерть генералъ адъютанта графа Игнатьева—ни одного казненнаго. За убійство же генералъ-губернатора Полковникова всѣ восемь подсудимыхъ оправданы военно-окружнымъ судомъ.

Очевидно, государственная власть только тогда вспоминаетъ о своей силѣ, когда эта сила направляется на защиту евреевъ? А когда Русскіе молятъ о защитѣ своей жизни, тогда имъ братъ министра Александръ Столыпинъ отвѣчаетъ, что «только одно общество можетъ справиться съ позоромъ непрекращающихся убійствъ?!»

И дѣйствительно, когда въ августѣ, въ Одессѣ, шайка бундистовъ, прогуливалась по улицѣ, внезапно произведенными выстрѣлами въ за-

тылокъ убила двухъ городовыхъ и одного околоточнаго, тогда никакихъ обысковъ и облавъ сдѣлано не было—вѣроятно, для того, чтобы не тревожить еврейское населеніе.

Очевидно, защита еврейской промышленности и еврейскихъ биржевыхъ дѣльцовъ, въ настоящее время, составляетъ главную задачу; все остальное Русское населеніе очень мало интересуетъ современныхъ правителей.

При одномъ извѣстіи, что Одесская биржа два дня была закрыта, они трясутся, какъ въ лихорадкѣ, точно случилось дѣйствительно ужасное бѣдствіе: «два дня не работала жидовская биржа». Подумаешь, какое несчастіе: два дня бродяги, темные дѣльцы, аферисты самаго гнуснаго вида лишены были возможности справляться о котировочныхъ цѣнахъ. Чтобы впредь не повторялось такое бѣдствіе—идутъ на всякія уступки!

Цѣна на биржевыхъ дѣльцовъ выше, чѣмъ цѣна на генералъ-адъютантовъ!

Бывшій министръ, генералъ Сахаровъ, посланецъ Царя, былъ убитъ на улицѣ Саратова, когда тамъ былъ губернаторомъ П. А. Столыпинъ, но Одесская биржа встрѣтила это убійство благосклонно, а потому правительство не очень встревожилось убійствомъ генерала Сахарова, и не только не наградило саратовцевъ репрессіями, но дало имъ университетъ.

Зато извѣстіе объ арестѣ еврейскаго адвоката Кальмановича задержаннаго по распоряженію тамбовскаго губернатора Лауница, въ петербургскихъ бюрократическихъ сферахъ было встрѣчено съ нескрываемымъ ужасомъ. Какъ, при харитоновско-витговской пскюлевской конституціи—и вдругъ въ чужой губерніи арестовать еврейскаго вождя!

Вскорѣ тамбовскій и саратовскій губернаторы оказались на новыхъ постахъ. Храбрый и честный Лауницъ вскорѣ былъ убитъ, а г. Столыпинъ, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, послѣ 12 августа 1906 года, наконецъ, съумѣлъ охранять самого себя отъ всякихъ опасностей. Но подчиненные этого министра, за отсутствіемъ хорошей охраны, гибнутъ одинъ за другимъ на своихъ постахъ отъ бомбъ и пуль революціонеровъ. Зато Милюкову и Гессену даютъ казенную охрану.

Можно ли, при такихъ условіяхъ, не повѣрить, что Россія успокаивается?!

Къ счастью, впрочемъ, такого «спокойствія» никогда не прощаютъ тѣ, у кого безвинно гибнутъ отцы, мужья, сыновья и братья ..

Но до поры, до времени, когда въ глубинѣ морской уже бурлитъ приближающаяся буря, поверхность моря все еще сохраняетъ кажущееся спокойствіе.

Все, что другому было бы вмѣнено въ смертельное преступленіе—все это сходитъ безнаказанно счастливцу.

Нигдѣ столько помѣщичьихъ имѣній не разорено и не разграблено, какъ въ Саратовской губерніи.

Ни при одномъ изъ прежнихъ Русскихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ не было такого повальнаго избіенія Царскихъ слугъ, какое происходитъ теперь. Трудно даже перечислить имена самыхъ выдающихся, самыхъ доблестныхъ генераловъ и офицеровъ, отданныхъ за послѣдніе

два года безпощадно на убой и разстрѣлъ дикой ордѣ молодыхъ бундистовъ. Вспомнимъ, напр., Сахарова, Лаупица, Павлова, Игнатьева, Желтановскаго, Вонлярлярскаго, Николаева, Мина, Чухнина, Кузмича, Блока, Старынкевича, Обручева, Слѣпцова, Луженовскаго, Богдановича, Коновницына, Полковникова, Александровскаго, Карангозова, Алиханова, Грязнова...

Безконечно длиненъ списокъ убіенныхъ во славу масонской «конституціи».

Правительство точно нарочно стремится пріучить общество «къ позору непрекращающихся политическихъ убійствъ».

Вспомнимъ Варѳоломѣевскую ночь учиненную въ августѣ въ Варшавѣ молодыми бундистами. Въ одну ночь, по тайному сговору, были на постахъ предательски убиты 22 городовыхъ и околоточныхъ; были брошены бомбы въ генералъ-губернатора Скалона, были и искалѣчены десятки казаковъ.

Какъ же отвѣтили на этотъ кровавый вызовъ?

Крикнули: „не запугаете“, а затѣмъ стали на всѣхъ постахъ сдавать позиціи врагамъ Русской государственности.

Дошло до того, что уже въ тюрьмы, гдѣ содержатся политическіе преступники, свободно ввозятся бомбы и браунинги.

Газеты лѣваго лагеря продолжаютъ развращать народъ, а братъ министра въ „Новомъ Времени“ клевещетъ на главарей Союза Русскаго Народа, завѣдомо ложно приписывая имъ проектъ избіенія студентовъ. а самъ въ «Новомъ Времени», натравливаетъ своими «Замѣтками» ослѣпленныхъ фанатизмомъ убійцъ на Тамбовскаго губернатора...

Пріученіе Петербургскаго общества къ позору непрекращающихся клеветъ и убійствъ идетъ настолько успѣшно, что за утреннимъ кофе кадюкствующіе сановники, раскрывая газету, чувствуютъ даже какую-то скуку, если въ этотъ день телеграфъ не принесъ извѣстій о новыхъ невинныхъ жертвахъ подлаго революціоннаго трибунала!

По—Боже мой—какъ затрясутся вставныя челюсти у либераловъ, когда гнѣвъ Русскаго народа прорвется наружу и обрушится на покровителей и подстрекателей гнусной революціонной камарильи! Тогда конституціонные сановники не будутъ, конечно, больше держать въ своихъ пріемныхъ такихъ курьеровъ, которые съ номеромъ газеты «Русь» въ рукахъ входятъ въ кабинетъ либеральнаго чиновника, и докладываютъ, что вотъ молъ, «убили губернатора Блока, да этимъ самыхъ губернаторовъ ничѣмъ, кромѣ бомбъ, не проймешь».

Удивительно ли, что при такихъ подлыхъ взглядахъ, свободно прививаемыхъ даже сенатскимъ и министерскимъ курьерамъ, тюремнымъ надзирателямъ, штабнымъ писарямъ, сестрамъ милосердія, дворцовымъ сторожамъ и мелкимъ чиновникамъ, въ концѣ концовъ хранилища бомбъ оказались въ институтѣ путей сообщенія, въ желѣзнодорожныхъ потребительныхъ обществахъ, въ тюрьмахъ и въ больницахъ?!

Славу Богу, что до сихъ поръ еще бомбы не проникли во дворцы! Но заигрываніемъ съ вождями революціи доведутъ Россію и до этого! А тѣмъ временемъ международные заговорщики, рѣшившіе во что-бы то ни стало наградить Россію конституціею, задумали, выполнить чудовищно-адскій планъ: хотятъ увѣрить придворныя сферы будто революція такъ сильна, что отъ нея нельзя уберечь даже царскій дворецъ,

а затѣмъ подъ впечатлѣніемъ этого событія вырвать актъ, которымъ объявится, что Русская Имперія безповоротно вступила на конституціоный путь... И это затѣвается въ то время, когда повсюду въ Россіи замѣчается такое отвращеніе къ парламентской игрѣ, что даже въ собранія для выборовъ въ члены Думы является лишь одна двадцатая часть законнаго числа избирателей... Господь Богъ много разъ спасалъ Россію, когда она была на краю гибели. Будемъ молить Царя Царствующихъ, чтобы Онъ не допустилъ кощунства надъ памятью незабвеннаго Императора Александра Третьяго, доказавшаго наглядно всему міру, что неограниченное Царское Самодержавіе есть вѣрнѣйшее прибѣжище и защита Русскаго Народа отъ яростнаго натиска враговъ Россіи.

Павелъ Булацель.

„Русское Знамя“ 29-го Декабря 1907 г. № 283.

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ.

Невообразимый шумъ и бѣшенно-радостная свисто-пляска, поднятая кадюками, евреями и октябристами по поводу будто-бы распаденія Союза Русскаго Народа, злорадно поощряется «высокими чиновниками», сводящими личные счеты съ ненавистными главарями Союза, не идущими ни на какія уступки. Еще-бы честолюбивымъ чиновникамъ-конституціоналистамъ не негодовать на Союзъ Русскаго Народа!

Пока «Союзъ» существуетъ, «Россійскіе Кавуры», при всей своей изворотливости и лицемѣріи не въ состояніи нажить себѣ ни тѣхъ милліоновъ золота, ни тѣхъ «историческихъ именъ», которые давно мерещатся имъ, какъ первымъ насадителямъ въ Россіи масонско-европейской конституціи. Чиновники, привыкшіе все, начиная съ своей совѣсти и кончая своей Родиной, покупать и продавать за деньги, съ удивленіемъ замѣтили, что изъ горсточки самоотверженныхъ борцовъ за Родину выросъ огромный Союзъ Русскаго Народа, который презираетъ одинаково, какъ угрозы революціонеровъ, такъ и подкупъ сановниковъ!

Люди, которые даже во времена Одесскихъ, Севастопольскихъ и Московскихъ мятежей, не побоялись открыто стоять за Вѣру, Родину и за Самодержавнаго Царя, не измѣнятъ, конечно, своихъ убѣжденій ради того, чтобы доставить удовольствіе всесильному конституціонному министру. Они отлично понимаютъ, что за спиною, какъ финскихъ революціонеровъ, такъ и русскихъ конституціонно-демократовъ и еврейскихъ бундистовъ, видѣется одна и та же едва уловимая тѣнь сановника, искусно натравливающаго на Союзъ Русскаго Народа не только тѣхъ инородцевъ, которые ненавидятъ Россію, но и тѣхъ близорукихъ Русскихъ монархистовъ, которые изъ-за мелкаго личнаго самолюбія не видятъ въ своемъ слѣпомъ самообожаніи,

что не думскимъ крикунамъ, а могучему Союзу Русскаго Народа суждена историческая великая задача спасти Россію...

Октябристы занимаются порою остроумной болтовней, порою легкомысленной интригой противъ Царскаго Самодержавія, но больше всего скучнѣйшими газетными препирательствами съ кадюками и съ правыми... А между тѣмъ не чуютъ и не понимаютъ, что именно октябристамъ Россія будетъ обязана своимъ страшнымъ концомъ, если только Господь Богъ не смилосердится надъ Родиною нашею и не избавитъ ее отъ ужаснаго трупнаго яда, прививаемаго ей октябристами, ибо никто такъ не способствуетъ ослабленію въ народѣ любви къ Родинѣ и къ династіи, какъ вѣрноподданные лицемѣры-октябристы, увѣряющіе, что главный врагъ Царя—это Царское Самодержавіе...

Вѣковая Вѣра въ Бога и Царя не можетъ быть безнаказанно произвольно упразднена шайкою политическихъ честолюбцевъ, въ упоеніи своей власти готовыхъ выплясывать жидовскую конституцію на костяхъ и трупахъ вѣрныхъ сыновъ Россіи. Тотъ, кто воображаетъ, что въ угоду модными вѣяніямъ весь русскій народъ преклонится предъ конституціоннымъ идоломъ, глубоко заблуждается. Народъ русскій можетъ обожать только Самодержавнаго Православнаго Царя даже тогда, когда Царь дѣлалъ бы крупнѣйшія невольныя ошибки, но тотъ-же народъ не проститъ самаго маленькаго промаха конституціонному правителю, ибо Россія не Англія и не Австрія, а Русскій народъ на Самодержавіе смотритъ, какъ на свое вѣковое достояніе, посягать на которое не позволитъ никому изъ смертныхъ, какъ бы высоко не стоялъ онъ по своему рожденію и сану...

Жалкіе либеральные болтуны не понимаютъ, что не правительство, а только черносотенцы остановили революцію! Ничтожные, трусливые сановники вообразили себѣ, что лѣвая революція окончательно подавлена и что поэтому для укрѣпленія «милашки конституціи» необходимо теперь задавить и всѣхъ правыхъ...

Бѣдные россійскіе Кавуры и Пеккеры! Они, очевидно, не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что либеральные министры, всѣ эти русскіе Мирабо, Гарибальди и Кавуры, давно бы уже на потѣху «пролетаріямъ всѣхъ странъ» качались на фонарныхъ столбахъ, если бы черносотенное движеніе не остановило бы безумныхъ попытокъ правительства отдать все красному Молоху. Не всегда опытъ, однако, дѣлаетъ умными тѣхъ, у кого природа отняла ясный разумъ и твердую волю... и, можетъ быть, удивленный міръ вновь увидитъ, что русскіе правители легко умѣютъ забывать уроки недавняго прошлаго и отдавать свою судьбу въ руки своихъ смертельныхъ враговъ...

Есть роковыя натуры, которыя изъ-за страннаго упрямства не могутъ и не хотятъ отодвинуться отъ зіяющей пропасти... Но тащить за собою въ бездну величайшее въ свѣтѣ государство они не имѣютъ права. Когда придетъ часъ выбора между Россіею и конституціею—народъ съумѣетъ сдѣлать безошибочный выборъ. *За конституцію никто не станетъ подставлять свои головы подъ удары палачей*, а за дорогую Русскую Имперію милліоны истинно-русскихъ людей съумѣютъ постоять, какъ встарь; и еще большой вопросъ, кто устоитъ въ неравномъ спорѣ: трусливые конституціоналисты или смѣлые приверженцы Самодержавія?

Черносотенцы уже побѣдили въ 1905 году революціонеровъ въ открытомъ бою, разсѣявъ и обративъ въ бѣгство красныхъ милиціонеровъ и демонстрантовъ; теперь предстоитъ болѣе трудная борьба съ тайнымъ предателемъ, съ тѣмъ продажнымъ революціоннымъ чиновничествомъ, которое, ради личныхъ выгодъ, готово на какую угодно измѣну и коварство. Подъ маскою либерализма многіе кадюки и октябристы сохранили тѣ же качества, которыми обладалъ канцлеръ Бестужевъ, про котораго Фридрихъ Великій говорилъ, что онъ продалъ бы даже Императрицу Елизавету Петровну, если бы только нашелъ достаточно богатаго покупателя. Но такихъ ловкихъ продавцовъ съумѣетъ изобличить и обезвредить многомилліонный русскій народъ.

Павелъ Булацель.

Замѣтки А. Столыпина.

Въ № 11266 «Новаго Времени» г. А. Ст—нъ назвалъ меня «инсектомъ», т. е. въ переводѣ на русскій языкъ «насѣкомымъ».

Много понадобилось А. Столыпину времени, чтобы придумать для меня такое названіе. Бранная статья, въ которой онъ меня называетъ «маленькою насѣкомою», приписываетъ мнѣ инквизиторскіе принципы, и торжественно заявляетъ, что читалъ „гдѣ-то", что Булацель—португалецъ,—по странной случайности, появилась въ „Новомъ Времени" какъ разъ въ тотъ день, когда, по моей жалобѣ къ судебному слѣдователю 2-го участка, въ качествѣ обвиняемаго вызывается редакторъ „Нов. Времени", г. Булгаковъ, за не совсѣмъ красивое дѣяніе, именуемое „клеветою". Самого же хозяина „Новаго Времени" я привлекаю „за сквернословіе" къ уголовной отвѣтственности по 1040 ст. улож. о наказ., а вмѣстѣ съ нимъ заодно, и А. Ст—на, за брань и сквернословіе безъ указанія опредѣленныхъ, позорящихъ мою честь, обстоятельствъ. Надѣюсь, что, при установившемся у насъ строѣ, столь восхваляемомъ г. А. Ст—номъ, даже либеральные судьи будутъ настолько безпристрастны, что не побоятся присудить къ аресту либеральнаго публициста, пользующагося своими связями для сквернословія и брани на столбцахъ самой большой въ Россіи газеты.

Нѣсколько дней тому назадъ, революціонная еврейская газетка „Сегодня", издаваемая Коганомъ, Вейнбергомъ и Городецкимъ, заявила, что „Русск. Знамя" редактируется „португальцемъ" Булацелемъ. И. вотъ г. Ст—нъ торжественно заявляетъ, что онъ „гдѣ-то" читалъ что Булацель—Португалецъ. Это гдѣ-то прямо безподобно въ устахъ нововременскаго публициста. Если-бы г. Столыпинъ открылъ энциклопедическій словарь Брокгауза, то въ томѣ 8 на страницѣ 892 онъ увидалъ бы, что дворянская фамилія Булацель существуетъ въ Россіи около 200 лѣтъ, и происходитъ отъ „знатныхъ молдованскихъ бояръ".

Хотя дворянскій родъ Столыпиныхъ начинается въ Россіи уже съ 1672 года, когда Сильвестръ Столыпинъ пожалованъ въ московскіе дворяне, однако до начала 18 столѣтія въ роду Столыпиныхъ не было

ни одного чѣмъ нибудь проявившаго себя генерала или сановника, тогда какъ Булацели съ своими полками переселились въ Россію въ 1711 году изъ Молдавіи, а уже въ 1759 г., генералъ Булацель, начальствуя казаками и Чугуевскимъ полкомъ, разбилъ пѣмцевъ при Цюлихау.

Если-бы А. Ст—нъ свои историческія познанія черпалъ хотя-бы изъ энциклопедическимъ словарей, то онъ былъ бы ближе къ истинѣ, чѣмъ тогда, когда онъ всю свою мудрость черпаетъ изъ газетки „Сегодня".

По словамъ А. Столыпина слишкомъ мелко Булацель плаваетъ и слишкомъ смѣшенъ», чтобы такой крупный человѣкъ какъ братъ перваго министра могъ на меня Булацеля, негодовать. Но вотъ, что странно, никогда меня въ обществѣ не звали тѣми уничижительными прозвищами, которыя всегда знаменуютъ собою ничтожество человѣка, съ именемъ котораго они связаны, а вотъ самъ А. А. Столыпинъ всему кутящему Петербургу извѣстенъ подъ именемъ «Саши». А вѣдь обладать такимъ само собою создавшимся великимъ именемъ, пожалуй, погрустнѣе, чѣмъ получить отъ этого великаго Саши безграмотное названіе „маленькой насѣкомой".

Но что любопытнѣе всего, такъ это удивленіе г. А. Столыпина по поводу того, что, „имѣя отъ новаго строя уйму выгодъ, Булацель борется противъ этого новаго строя".

Въ этой фразѣ сказался весь мелкій ничтожный умишка г. А. Столыпина. Онъ не можетъ понять, что есть люди, которые отказываются „отъ уймы личныхъ выгодъ", ради выгоды всего государства.

Конечно, для честолюбивыхъ людей, одаренныхъ памятью, волею, сообразительностью и, вдобавокъ, природнымъ даромъ слова—конституціонный строй открываетъ очень широкіе горизонты, но вѣдь простому Русскому народу при конституціи будетъ житься во сто сто разъ хуже, чѣмъ безъ конституціи. Поэтому друзья Русскаго народа должны всячески бороться противъ насажденія въ Россіи того „новаго строя", при которомъ провозглашается свобода революціонной печати,—а братъ перваго министра намекаетъ въ „Новомъ Времени" очень прозрачно редактору черносотенной газеты на возможность „получить билетъ для дароваго проѣзда на очень крайній Сѣверъ".

О, милѣйшій изъ либераловъ! Какъ назвали бы васъ за эти строчки лѣвые товарищи, если бы вы это писали про вашего бывшаго друга Жилкина, или про Алексинскаго?

Въ заключеніе, спасибо вамъ за то, что вы, называя меня полнымъ ничтожествомъ, все-таки приписываете мнѣ „какую-то видимость силы".. Въ устахъ либеральнаго дворянина, подобное признаніе все-же имѣетъ нѣкоторую цѣнность, какъ показатель того безсмыслія, до котораго могутъ теперь договориться либералы. Подумали ли вы, что вы сказали? Вы пишете: „у нихъ нѣтъ внутренней силы, а это придаетъ имъ какую-то видимость силы".

Съ какихъ же это поръ „отсутствіе" силы придаетъ „видимость" силы? Грустно, если эта теорія пріобрѣтаетъ права гражданства на Елагиномъ островѣ. Неудивительно, что при такой доктринѣ не прекращаются грабежи и убійства. Можно ли придумать что либо несооб-

разнѣе? Положительно вы, увлекшись „свободою“, стали въ ряды „свободной глупости“!

Почему вы думаете, что при старомъ режимѣ предѣломъ моихъ мечтаній могла быть „лишь средняя карьеришка, вѣнцомъ которой былъ бы чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника?“ Вѣдь когда двадцать лѣтъ тому, назадъ я окончилъ курсъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, то во главѣ тогдашняго правительства стояли люди очень близкіе моей семьѣ, а Иванъ Николаевичъ Дурново, который въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателя комитета министровъ имѣлъ вѣсъ больше чѣмъ „Саша Столыпинъ“, предлагалъ моему отцу взять меня къ себѣ на службу.

Правда, я не получилъ золотой медали въ училищѣ правовѣдѣнія, но потому только, что и при старомъ режимѣ я отличался самостоятельнымъ характеромъ и при блестящихъ 12-ти баллахъ почти по всѣмъ наукамъ, я всетаки оказался въ концѣ перваго разряда, только потому, что ни инспекторъ, ни директоръ, ни даже Таганцевъ не признавали въ то время той свободы слова, которую теперь насаждаетъ Кауфманъ не только въ университетахъ, но и даже въ прогимназіяхъ.

Почему же А. Столыпинъ думаетъ, что при такихъ данныхъ Булацель не могъ бы „при старомъ режимѣ“ сдѣлать карьеры и пойти дальше дѣйствительнаго статскаго?

Вѣдь, кажется, кому то изъ родственниковъ А. Ст—па старый режимъ не помѣшалъ сдѣлать блестящую карьеру, хотя этотъ родственникъ не получилъ даже высшаго образованія и рѣшительно не проявилъ ни прежде, ни теперь такихъ выдающихся качествъ, которыя давали бы г-ну А. Ст—ну нравственное право сравнивать его съ „могучимъ желудоносящимъ дубомъ“.

Впрочемъ какая же можетъ быть нравственность у А. Столыпина, если онъ на столбцахъ большой газеты „Новое Время“ позволяетъ себѣ приписывать главарямъ Союза Русскаго Народа „инквизиторскіе принципы“.

Вѣдь мы знаемъ, что по нынѣшнимъ временамъ назвать кого нибудь изъ своихъ противниковъ „инквизиторомъ“—это равносильно натравливанію сумасшедшей молодежи на его убійство.

Спасибо вамъ, господинъ либералъ—братъ конституціоннаго министра Самодержавнаго Царя!!!

Павелъ Булацель.

Юстиція и «Товарищи».

Въ Москвѣ вышла въ свѣтъ удивительная книга г. Елишева подъ заглавіемъ: «Октябрьское вооруженное возстаніе въ Одессѣ». Я называю ее удивительную потому что, если хотя часть того, что пишетъ г. Елишевъ о сенаторской ревизіи А. М. Кузминскаго правда, то г. Кузминскому надлежало быть не судящимъ, а судимымъ. Книга эта подобно брошюркѣ, изданной въ Симферополѣ подъ заглавіемъ «Правда о Кавказѣ», раскрываетъ такіе бюрократическіе ужасы, которые не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Русское Государство губится высокопоставленными либеральными чиновниками...

Предатели и конституціонные заговорщики, поддерживая другъ друга, проводятъ на высшія должности своихъ единомышленниковъ, а для вѣрныхъ слугъ Родины и Царя создаютъ такія условія, что всѣ поборники Самодержавія одинъ за другимъ погибаютъ или отъ руки убійцъ, или умираютъ скоропостижно «отъ разрыва сердца», или, наконецъ, уничтожаются при помощи «скораго и справедливаго суда».

Когда въ угоду «освободительному движенію» надо стереть съ лица земли кого-нибудь изъ сильныхъ сановниковъ праваго направленія, тогда «конституціонные министры Самодержавнаго Царя» не стѣсняются идти по стопамъ временщиковъ Бирона и Аракчеева и смѣло подносятъ доклады объ отдачѣ подъ судъ сына фельдмаршала и объ увольненіи отъ должности, безъ всякаго прошенія, лицъ, занимающихъ министерскіе посты, хотя сами признаютъ, что эти лица отличаются умомъ и трудолюбіемъ.

Власть совѣта министровъ, повидимому, безгранична, онъ заслонилъ собою всѣ остальныя учрежденія, сведя почти на нѣтъ и Государственный Совѣтъ и личную отвѣтственность отдѣльныхъ министровъ передъ Государемъ.

Но когда надо обуздать вдохновителей и руководителей революціи, тогда Совѣтъ Министровъ впадаетъ въ летаргію. Предъ главарями освободительнаго движенія, онъ безпомощно опускаетъ руки. Онъ не можетъ даже заикнуться о докладѣ противъ такихъ чиновниковъ, которыхъ одобряютъ господа освободители; онъ выдвигаетъ на высокіе посты такихъ личностей какъ Немировскій, какъ Воронежскій губернаторъ Бибиковъ, какъ директоръ департамента общихъ дѣлъ Арбузовъ, какъ Шидловскій, Смирновъ, Рынкевичъ и Чернявскій, столь восхваляемыхъ лѣвою печатью.

Больше года Герасимовъ и Кауфманъ губили русское просвѣщеніе, а школа при нихъ развращала молодежь и готовила вмѣсто ученыхъ

тружениковъ, безумныхъ невѣждъ, занимающихся грабежами! Сенаторы Д. Е. Рынкевичъ, А. А. Чернявскій, В. Д. Шидловскій и Смирновъ открыто въ засѣданіи Сената девятаго марта 1907 года по дѣлу редактора газеты «Зритель» допустили глумленіе надъ личностью Государя Императора и надъ Фамиліею Царствующаго Дома Романовыхъ!

Вышеозначенные сенаторы изъ «вѣжливости» передъ революціею, признали, что редакторъ сатирическаго журнала Арцыбушевъ имѣетъ будто бы «законномѣрное» право безнаказанно утверждать, что «всякая скотина идетъ ко двору» и что «Царскій манифестъ для извѣстныхъ мѣстъ...

Зналъ ли объ этомъ вопіющемъ дѣлѣ совѣтъ министровъ? Почему «совѣтъ» молчалъ до тѣхъ поръ, пока это дѣло не дошло до Царскаго Села? Вѣдь даже въ Пруссіи, гдѣ существуетъ столь любезная П. А. Столыпину и его бывшему товарищу Кауфману «прусская конституція», строго наказывается всякое оскорбленіе фамиліи царствующаго дома Гогенцоллерновъ! Но все это не мѣшаетъ всесильному министру безсильно разводить руками передъ несмѣняемостью сенаторовъ, узаконившихъ утвержденіе г. Арцыбушева, что «Царскіе манифесты существуютъ для извѣстныхъ мѣстъ» и не нашедшихъ ничего преступнаго въ томъ, что въ «Зрителѣ» 4 декабря 1905 года въ номерѣ 24 было помѣщено подложное письмо за подписью Василія «Гогенцоллернъ», въ которомъ спрашивалось, что это за «маленькій кореецъ Николай Романовъ», «о которомъ въ «Руси» пишутъ, что этотъ Николай уже арестованъ».

Никто не можетъ сомнѣваться въ личной храбрости П. А. Столыпина, проявившейся особенно наглядно въ томъ, что за сравненіе его съ Муравьевымъ-Виленскимъ, онъ не побоялся вызвать на дуэль не менѣе храбраго своего противника члена думы Ѳ. И. Родичева. Всѣмъ извѣстно также, что будучи Саратовскимъ губернаторомъ г. Столыпинъ спасъ одного изъ вождей освободительнаго движенія Н. Н. Львова изъ рукъ разъяренной толпы, собиравшейся разорвать на куски „прогрессивныхъ“ земскихъ дѣятелей, усердно насаждавшихъ въ Балашевскомъ уѣздѣ революцію.

Но при всей своей личной храбрости г. Столыпинъ проявляетъ часто непонятную слабость, когда дѣло идетъ о защитѣ чести Самодержавнаго Царя. Онъ безропотно сноситъ, когда враги самодержавія предписываютъ ему „свои конституціонные законы“; онъ хранитъ гордое молчаніе, когда крамольные „прогрессивные“ судебные чиновники съ торжествомъ прикрываютъ свою революціонную дѣятельность „судейскою несмѣняемостью“ и „профессорскою ученостью“.

Онъ молчитъ и тогда, когда на всѣ кривотолки о неприкосновенности сенаторовъ, на всѣ шипѣнія господъ Тимофѣевскихъ и Мясоѣдовскихъ могъ-бы просто отвѣтить примѣромъ изъ жизни сенатора Закревскаго, который былъ уволенъ въ отставку безъ всякаго прошенія и притомъ безъ нарушенія или измѣненія основныхъ законовъ. Онъ могъ бы вспомнить, что даже по буквѣ закона сенаторы не могутъ считаться „судьями“ и несмѣняемыми, если они не назначены особыми Высочайшими указами непосредственно сенаторами въ уголовный и гражданскій кассаціонные департаменты. Но увы въ видѣ наказанія

полька-сенатора Шидловскаго, позволившаго себѣ глумиться надъ русскою Царскою фамиліею, этого сенатора „только переводятъ“ изъ уголовнаго кассаціоннаго Департамента—въ общее собраніе Сената! Въ одной комнатѣ Сената г. Шидловскій оказался зловреднымъ, но въ другой комнатѣ Сената, онъ вѣроятно окажется полезнымъ...

Въ Севастополѣ преданъ военно-морскому суду командиръ полка Яновскій случайно убившій иностраннаго подданнаго, преслѣдуя и стрѣляя въ грабителя.

Вотъ какими „рѣшительными“ мѣрами борются противъ своеволія и политиканства, инородческихъ чиновниковъ.

Думскій ораторъ Родичевъ, желая заручиться похвалами иностранной прессы и поляковъ, считаетъ позорнымъ сравненіе „современнаго“ министра съ величайшимъ русскимъ патріотомъ „историческимъ“ Муравьевымъ! „Муравьевскіе галстуки оскорбили Столыпина, но къ Кивенапскимъ финляндскимъ пудовымъ кандаламъ „современные дѣятели“ вполнѣ равнодушны, когда въ эти кандалы заковываютъ русскихъ людей. Невозмутимое спокойствіе «современныхъ министровъ» не нарушается, когда до нихъ доходитъ вѣсть, что Пабьяницкій полицеймейстеръ поручикъ Іонинъ заключенъ въ Варшавскую крѣпость и привлеченъ къ суду за то, что убилъ почью тяжкаго политическаго преступника Гризеля, пытавшагося убѣжать. Кадюки призывавшіе народъ къ ниспроверженію государственнаго строя, къ бунту, къ кровопролитію ходятъ до сихъ поръ на свободѣ, хотя уже присуждены судомъ, а поручикъ Іонинъ томится въ крѣпости уже третій мѣсяцъ за то, что не далъ возможности убѣжать злодѣю Гризелю, участвовавшему въ организаціи Копенгагенскихъ анархистовъ, подготовляющихъ покушеніе на особу Государыни Маріи Ѳеодоровны.

Для кадюковъ конечно безопасность анархиста Гризеля, дороже чѣмъ безопасность Матери Государя Императора; но вѣрные подданные Русскаго Царя съ такимъ положеніемъ помириться не могутъ.

Обиды наносимыя Царю, горе причиняемое родинѣ, зло творимое красными профессорами, притѣсненія и душегубство, учиняемое ежедневно надъ черносотенцами—все это забывается, все прощается въ совѣтѣ министровъ и только одна любовь къ конституціи горитъ попрежнему неугасимо въ сердцѣ конституціоннаго министра „скрѣпляющаго“ указы Самодержавнаго Царя.

Но близокъ уже тотъ день, когда словами поэта Апухтина можно будетъ воскликнуть по адресу конституціи подарившей Россіи столько страданій, крови и слезъ:

„О, незабвенная, о, вѣчно дорогая,
„Откликнись, отзовись, скажи мнѣ: гдѣ-же ты?

И дастъ Богъ тогда „европейская“ конституція отвѣтитъ, что къ счастію Русскаго Народа она существовала лишь въ чаяніи и воображеніи той кучки прирожденныхъ грабителей, которые протягивали свои хищныя руки къ Верховной Власти, дабы удобнѣе унизить Россію, разодрать ее на части, ограбить русскій народъ во славу международныхъ банкировъ...

И дикій стонъ красныхъ обезьянъ московскаго купечества, масонскихъ чиновниковъ, и всѣхъ причастныхъ къ конституціонному заговору не заглушитъ побѣднаго звона русскихъ колоколовъ, когда

среди святынь Московскаго Кремля раздастся властное, могучее слово сильнаго какъ Петръ I и Екатерина II Самодержавнаго Царя, съумѣющаго защитить русскій народъ отъ иноплеменныхъ порабо-тителей...

Павелъ Булацель.

Царь благодаритъ—Сенатъ наказываетъ.

Въ концѣ сентября въ «Русскомъ Инвалидѣ» было объявлено «Царское «спасибо унтеръ-офицеру Покасанову и конвойнымъ солдатамъ резерв-«наго Тобольскаго полка», за то что они воспрепятствовали побѣгу взбунтовавшихся арестантовъ, уложивъ при этомъ двадцать два аре-станта.

А въ это самое время въ соединенномъ присутствіи Сената разби-рался вопросъ о томъ предать-ли суду или нѣтъ надзирателя, ко-торый, видя, какъ арестантъ вылѣзалъ изъ окна, приказалъ подъ стра-хомъ выстрѣла не двигаться, а когда арестантъ не послушался и сталъ браниться,—выстрѣлилъ и застрѣлилъ его!

Губернское начальство находило, что надзиратель не можетъ быть отдаваемъ подъ судъ, ибо онъ выполнилъ лишь свой долгъ, а прокура-тура требовала строгаго суда надъ конвойнымъ, вѣроятно находя, что жизнь политическаго преступника настолько драгоцѣнна, что конвой-ные и надзиратели не имѣютъ право посягать на нее даже тогда, когда политическій арестантъ пытается убить своихъ сторожей, чтобы убѣжать изъ тюрьмы...

Вслѣдствіе пререканій между администраціею и прокуратурой дѣло дошло до Соединительнаго Присутствія Сената и здѣсь въ стѣнахъ выс-шаго правительственнаго учрежденія четыре Сенатора Перваго Депар-тамента вѣроятно принимая во вниманіе трудныя условія, въ которыхъ находятся теперь часовые и надзиратели и памятуя благодарность Го-сударя Императора «молодцамъ истинно-русскимъ солдатамъ Тобольс-каго полка», высказались рѣшительно противъ отдачи подъ судъ че-ловѣка, который выполнилъ свой долгъ. Но пять Сенаторовъ уголовнаго кассаціоннаго департамента настаивали на преданіи суду дерзкаго кон-войнаго, осмѣлившагося въ нынѣшнее освободительно-конституціонное время мѣшать побѣгу арестанта.

И вотъ большинствомъ одного голоса несчастный конвойный пре-данъ суду...

Неумолимо строги «уголовные» сенаторы къ тѣмъ агентамъ власти, отъ дѣятельности которыхъ пострадали освободители; но когда на смѣхъ всему міру и на гибель Русскаго государства преступные «освобод-тели» сами грабятъ Россійскую казну издѣваясь и надъ закономъ и надъ совѣстью и надъ царскими повелѣніями, тогда уголовные судьи безко-нечно снисходительны къ преступнымъ освободителямъ.

Не пора-ли монархистамъ-черносотенцамъ въ Думѣ поднять выдви-гаемый Н. А. Павловымъ вопросъ, «чѣмъ руководствуется Власть, счи-«таясь съ мнѣніемъ конституціонныхъ заговорщиковъ и пренебрегая «требованіемъ всего православнаго русскаго народа, чтобы правитель-

«ство прежде всего защитило русскихъ людей отъ поджоговъ, грабежей и убійствъ...

Но можно ли отъ лицъ стоящихъ теперь у власти, ждать смѣлыхъ честныхъ шаговъ для защиты русскаго народа? Вѣдь раболѣпство передъ бундистами евреями и главарями конституціоннаго заговора дошло уже до того, что нѣкоторые министры не просто только имъ прислуживаютъ, а повергаются передъ ними во прахъ.

Не является-ли имѣвшій мѣсто 25 ноября с. г. грандіозный скандальный побѣгъ анархистовъ изъ Керченской тюрьмы прямымъ послѣдствіемъ сенатской строгости къ тому конвойному, который помѣшалъ политическому арестанту убѣжать изъ тюрьмы? Подробности Керченскаго побѣга прямо невѣроятны! Даже русское общество, привыкшее къ тому, что за послѣдніе три года на всѣхъ ступеняхъ общественной и государственной лѣстницы оказываются предатели, не можетъ все-таки примириться съ безобразной керченскою трагикомедіею, описанною мелкимъ шрифтомъ на столбцахъ „Новаго Времени“:

Арестанты подошли къ надзирателю Читу и неожиданно схватили его за руки, говоря: „пойдемъ съ нами“. Читъ подумалъ сначала что съ нимъ шутятъ, но его привели къ камерѣ № 6 и обезоружили: тамъ уже стояли наготовѣ каторжникъ Евтушенко съ револьверомъ и политическій Залѣскій съ ножемъ. Читъ сталъ кричать, но его схватили за горло и повели въ камеру № 3. Туда же были доставлены 3 надзирателя, снятые съ постовъ и обезоруженные; затѣмъ привели туда еще трехъ надзирателей съ разныхъ корридоровъ, также обезоруженныхъ, и всѣхъ заперли въ камерѣ. Все это совершилось чрезвычайно быстро и неожиданно; заключенные перервали телефонную проволоку и бросились въ караульную комнату, гдѣ конвойные солдаты распивали чай. На солдатъ были направлены свыше десяти револьверовъ и предупредили, что при малѣйшемъ движеніи они будутъ разстрѣляны. Караульные растерялись и остались неподвижны; у нихъ отобрали винтовки (6) и распредѣлили между наиболѣе сильными заключенными. Тогда заключенные стали хозяевами тюрьмы; они вышли во дворъ, у воротъ обезоружили привратника, отворили калитку. Выбѣжалъ начальникъ тюрьмы Вольскій и далъ нѣсколько выстрѣловъ по убѣгающимъ; ему отвѣтили выстрѣлами. Затѣмъ заключенные бросились изъ калитки вразсыпную, бросая на ходу ружья. Только нѣкоторое время спустя дали знать полиціи по телефону изъ бойни; на мѣсто происшествія явилась полиція, была организована облава по всей окрестности, но удалось задержать только малолѣтняго уголовнаго Кравченко и каторжника Евтушенко. Остальные безслѣдно скрылись.

Не ясно-ли, что сами власти помогаютъ скрываться тѣмъ, кто еще нуженъ для освободительнаго движенія! Не пора-ли хоть въ Керчь командировать для разслѣдованія не простого слѣдователя сочувствующаго кадюкамъ, а облеченнаго особыми полномочіями флигель-адъютанта, который съумѣетъ выяснить роль начальника тюрьмы поляка Вольскаго, надзирателя Чита и другихъ лицъ «растерявшихся» при видѣ направленныхъ на нихъ револьверовъ. Оставить такое вопіющее дѣло безъ послѣдствій нельзя. Если не будутъ строго наказаны всѣ пособники Керченскаго побѣга, то по всей Россіи создастся убѣжденіе въ томъ, что высшіе правительственные чиновники дѣйствуютъ за одно съ ре-

волюціонерами и подобно знаменитому итальянскому графу Кавуру пользуются революціонерами, для того чтобы создать конституціонный режимъ съ хищными масонами-банкирами во главѣ...

Вѣдь во времена Итальянской революціи многіе сановники и министры Фердинанда II неаполитанскаго служили въ дѣйствительности не своему королю и не своему королевству обѣихъ Сицилій, а были тайными агентами Сардинскаго Королевства, глава котораго покровительствовалъ масонамъ.

Такое предательство повело къ тому, что изъ всѣхъ тюремъ Сицилійскаго королевства безнаказанно убѣгали политическіе преступники, дерзость которыхъ наконецъ дошла до того, что они подговорили одного солдата ударить Фердинанда II штыкомъ въ грудь во время смотра.

Схваченный злодѣй назвалъ всѣхъ, кто его подговорилъ къ этому злодѣянію, но правительство Фердинанда II постаралось дать возможность главнымъ заговорщикамъ скрыться изъ Неаполя. А. Фердинандъ II все колебался, не рѣшаясь произвести чистку среди своихъ министровъ и въ концѣ концовъ, растерявъ всѣхъ вѣрныхъ слугъ дожилъ до очень печальнаго конца...

Послѣдніе оффиціальныя и оффиціозныя сообщенія министерства народнаго просвѣщенія и министерства торговли по поводу «внѣ-отдѣленскихъ» еврейскихъ студентовъ въ кіевскомъ политехникумѣ, по поводу хозяйничанія бундистовъ въ Одесскомъ университетѣ и еврейскихъ агитаторовъ въ Либавскомъ гарнизонѣ свидѣтельствуютъ, о позорномъ заискиваніи и пресмыкательствѣ передъ «освободительными главарями».

Евреи умѣютъ цѣнить своихъ друзей и своихъ враговъ. Для друзей у нихъ есть деньги, лесть, непомѣрныя похвалы въ жидовскихъ газетахъ! Для враговъ есть злобныя клеветническія перья, есть начальство, болѣзненно чутко прислушивающееся къ скрипу этихъ перьевъ, есть наконецъ браунинги, ядъ и бомбы. Выборъ при такихъ условіяхъ между дружбою, и враждою не труденъ Великій князь Сергѣй Александровичъ, Сипягинъ, Плеве, Шуваловъ, графъ Игнатьевъ, Павловъ, Минъ, Лауницъ, Гессе, Лобко, Тыртовъ, Треповъ, Желтановскій, Александровскій, Кисловскій, Стѣчкинъ, Грингмутъ, Величко спятъ въ сырой землѣ частью сраженные браунингами и бомбами, частью отравленные прислужниками евреевъ, а Кауфманъ, Герасимовъ, Нольде, Таганцевъ, Арбузовъ, гр. Ив. Ив. Толстой, Юрій Милютинъ, Бакъ, Пропперъ, баронъ Гинсбургъ и К° процвѣтаютъ и наслаждаются всѣми благами жизни.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если при такихъ условіяхъ и среди даже министровъ и сенаторовъ иногда встрѣчаются такія лица, которыя считаютъ прислуживаніе іудейской революціи болѣе для себя подходящимъ занятіемъ чѣмъ отстаиваніемъ Царскаго Самодержавія.

Павелъ Булацель.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ

ПРИСЯЖНАГО ПОВѢРЕННАГО

П. Ѳ. Булацеля.

Дѣло о крестьянинѣ Давидѣ Саккеосѣ,

обвиняемомъ по 1490 ст. улож. въ причиненіи косоглазія дворянину Эстляндской губерніи Мельхіору Гельфрейху.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

о крестьянинѣ Давидѣ Саккеосѣ.

16 февраля 1898 года помѣщикъ им. „Піомецъ", Вяцкой вол., Вейссенштг. уѣз., Мельхіоръ-фонъ-Гельфрейхъ, проѣзжая мимо своего участка «Ляне» замѣтилъ, что проживавшая на этомъ участкѣ Май Бюргенъ вытаскиваетъ изъ забора колья на топливо. Гельфрейхъ поспѣшилъ свернуть съ дороги и заѣхалъ на уч. «Ляне». Привязавъ къ забору свою лошадь, онъ *сталъ звать скрывшуюся* въ домѣ съ вязанкой дровъ Май Бюргенъ, но послѣдняя *на его зовъ* не откликнулась. Тогда Гельфрейхъ, держа въ лѣвой рукѣ свою палку, подошелъ къ избѣ и правою рукою сталъ отворять ведущую въ первую комнату дверь. *Не успѣлъ Гельфрейхъ переступить порогъ сушильни, какъ почувствовалъ ударъ въ голову, который онъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что стукнулся о притолоку двери.* Однако, непосредственно за этимъ, ему нанесли въ голову второй ударъ, а затѣмъ хватили чѣмъ-то желѣзнымъ по зубамъ. *Послѣ этого напавшій злоумышленникъ схватилъ Гельфрейха за горло.* Началась борьба, во время которой Гельфрейху удалось *высвободиться, сѣсть въ свои сани и уѣхать домой.* Прибывъ къ себѣ въ имѣніе, Гельфрейхъ, весь окровавленный и, почти лишившійся сознанія, долженъ былъ отъ полученныхъ побоевъ тотчасъ слечь въ постель.

Изложенныя обстоятельства были удостовѣрены, на предварительномъ слѣдствіи показаніемъ Мельхіора фонъ-Гельфрейха, который къ этому добавилъ, *что стремительность нападенія лишила его возможности разсмотрѣть злоумышленника, но что онъ въ комнатѣ въ то время замѣтилъ брата* Май Бюргенъ *Давида Саккеоса.*

По осмотрѣ шапки, бывшей 16 февраля на головѣ Гельфрейха, оказалось, что на ней видны пятна засохшей крови.

Спрошенные на слѣдствіи служащіе въ имѣніи «Піомецъ» *Дена Азави*, *Адо Эрикъ* и *Карель Вестрикъ* показали, что Гельфрейхъ *16 февраля* вернулся избитымъ и окровавленнымъ и тотчасъ же слегъ въ постель. До этого времени Гельфрейхъ былъ совершенно здоровъ,

передніе зубы, которыхъ онъ лишился, были всѣ въ цѣлости, а также не замѣчалось у него ранѣе и косоглазія.

Произведеннымъ на слѣдствіи двукратнымъ освидѣтельствованіемъ потерпѣвшаго, было установлено, что у него во рту осталось всего *4 зуба* и *2 корня;* что десны *въ нижней челюсти красны и опухли;* что на внутренней сторонѣ нижней губы имѣется опухоль, 2 рубца и маленькая рана и что при испытаніи зрѣнія Гельфрейха, у него наблюдается *косоглазіе недавняго происхожденія.*

По заключенію врачей, доктора Кандидова и спеціалиста по глазнымъ болѣзнямъ доктора Миддендорфа, поврежденія, полученныя Гельфрейхомъ слѣдуетъ признать послѣдствіемъ тяжкихъ, подвергавшихъ жизнь его опасности, побоевъ, такъ какъ свѣжее явленіе косоглазія вызвано кровоизліяніемъ въ полость черепа, вслѣдствіе травмы головы.

На произведенномъ по сему поводу предварительномъ слѣдствіи, допрошенные въ качествѣ свидѣтелей *Май Бюргенъ и дочь ея Лиза показали, что 16 февраля* Гельфрейхъ дѣйствительно заѣхалъ на участокъ «Ляне» *и съ крикомъ и бранью вошелъ въ избу, гдѣ въ то время находились свидѣтельница, а также и крестьянинъ Давидъ Саккеосъ.* Май Бюргенъ, испугавшись, убѣжала на сосѣдній участокъ къ своему брату *Марту Саккеосу*, а Лиза Бюргенъ, сидѣвшая въ задней комнатѣ избы, услышавъ раздавшіеся изъ сушильни шумъ и крики, *побоялась войти туда.* Такимъ образомъ, въ сушильнѣ оставались лишь Гельфрейхъ и Давидъ Саккеосъ.

На дознаніи урядникомъ Амптусомъ были между прочими лицами опрошены *Давидъ Саккеосъ* и братъ его *Мартъ Саккеосъ.* Давидъ отказался дать какія-либо объясненія о происшедшемъ, а Мартъ Саккеосъ показалъ, что братъ его *пришелъ къ нему послѣ случая съ Гельфрейхомъ и говорилъ будто послѣднему отъ него досталось.* Привлеченный къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго въ нанесеніи Гельфрейху тяжкихъ побоевъ, Давидъ Саккеосъ не призналъ себя виновнымъ въ этомъ преступленіи *и объяснилъ, что потерпѣвшій, пріѣхавъ 16 февраля на участокъ «Ляне», сталъ ругаться и ударилъ его палкой такъ сильно, что палка переломилась.* У него, обвиняемаго, впрочемъ, послѣ этого никакихъ знаковъ насилія на тѣлѣ не осталось. Во время нападенія, *по словамъ Саккеоса, у него въ рукахъ ничего не было и потому, защищаясь, онъ лишь отталкивалъ Гельфрейха.* Въ одинъ изъ такихъ моментовъ Гельфрейхъ споткнулся о дрова, упалъ и ударился головой объ печку.

На основаніи вышеизложеннаго, кр. Давидъ Саккеосъ, 32 лѣтъ, обвиняется въ томъ, что 16 февраля 1898 г., на участкѣ «Ляне» нанесъ дворянину М. фонъ-Гельфрейху побои, которые повлекли за собою для потерпѣвшаго потерю цѣлаго ряда зубовъ и кровоизліяніе въ мозгу, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ косоглазіе, представлялись тяжкими, грозившими Гельфрейху опасностью для жизни.

Означенное преступленіе предусмотрѣно 1489 и 1 ч. 1490 ст. Улож. о наказаніяхъ.

Дѣло разбиралось въ г. Вейссенштейнѣ 17 сентября 1898 года. Обвиненіе поддерживалъ тов. прок. С. С. Христіановичъ. Защищалъ обвиняемаго прис. пов. П. Ѳ. Булацель.

Предсѣдательствовалъ К. Г. Высоцкій (нынѣ членъ Петербургской

Судебной Палаты). Въ составѣ суда участвовали члены Ревельскаго Окружнаго Суда В. А. Корнѣевъ и С. Н. Ланковскій (нынѣ состоящіе членами Петербургскаго Окружнаго Суда).

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Булацеля.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество выработало свои первыя понятія о справедливости оно считаетъ себя въ правѣ карать. Но между первобытной формой само-суда и современной судебной дѣятельностью лежитъ длинный рядъ заброшенныхъ теорій, добытыхъ путемъ вѣковыхъ усилій и горькихъ житейскихъ испытаній. Не сразу, а постепенно взгляды на преступленія мѣнялись и многое изъ того, что не считалось преступнымъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, то считается имъ теперь. Съ развитіемъ просвѣщенія законы строго охраняютъ личную неприкосновенность каждаго гражданина, независимо отъ принадлежности его къ тому или другому сословію. Законы справедливости не знаютъ уже теперь различія національностей и нынѣ уголовный законъ одинаково строгъ, какъ для нѣмца—помѣщика, такъ и для эстонца—мужика. Въ этомъ неопровержимомъ фактѣ защита Давида Саккеоса можетъ почерпнуть свою силу и внутреннее содержаніе.

Было-бы дико отрицать, что дурные инстинкты толпы необходимо сдерживать страхомъ наказанія и выбрасываніемъ изъ ея среды порочныхъ членовъ. Но прежде, чѣмъ по жалобѣ дворянина Эстляндской губерніи Мельхіора Гельфрейха оторвать отъ мирныхъ сельскихъ занятій,—отъ семьи, отъ родины крестьянина съ безупречнымъ прошлымъ и ввергнуть его въ каторжную среду должно самымъ тщательнымъ образомъ заняться провѣркой показаній жалобщика. Въ данномъ случаѣ защита не можетъ ограничиваться узкой цѣлью вызвать состраданіе къ обвиняемому. Ея задача гораздо шире, она проситъ не о снисхожденіи, а объ оправданіи подсудимаго въ томъ тяжкомъ преступленіи въ которомъ его обвиняютъ; къ счастію судебное слѣдствіе намѣтило тотъ путь, по которому приходится идти, чтобы не запутаться въ области предположеній, на которыхъ основано все обвиненіе Давида Саккеоса въ нанесеніи Мельхіору Гельфрейху тяжкихъ побоевъ, причинившихъ поврежденіе въ здоровьѣ. Этотъ путь обезпечиваетъ обвиняемому надежду, что его не осудятъ только на основаніи догадокъ и объясненій потерпѣвшаго, не внушающихъ во многихъ отношеніяхъ никакого довѣрія. Разногласіе между показаніемъ Гельфрейха и другихъ свидѣтелей на столько существенно, что прежде всего на немъ и нужно остановиться.

Зачѣмъ Гельфрейху понадобилось 16-го февраля 1898 г. сворачивать съ дороги, заѣзжать на участокъ «Лане» и входить въ избу крестьянки Бюргенъ? Вошелъ-ли онъ въ эту избу съ такими намѣреніями, съ какими просвѣщенный помѣщикъ переступаетъ порогъ крестьянскаго жилища? Собирался-ли онъ поговорить съ своими крестьянами о дѣлѣ, дать имъ какой нибудь полезный совѣтъ, и уйти отъ нихъ, оставляя за собою то ощущеніе духовнаго превосходства, и уваженія, которыя всегда внушаютъ низшимъ классамъ люди выше нихъ стоящіе въ умственномъ и нравственномъ отношеніи? Къ сожалѣнію нѣтъ. Гельфрейхъ входилъ съ совершенно иными намѣреніями. И

было бы большою ошибкою выставлять его жертвою какихъ-то стихійныхъ проявленій ненависти одного сословія къ другому. Въ Эстляндіи,, гдѣ положеніе Эстонскаго народа въ теченіе долгихъ лѣтъ оставляло желать весьма многаго, тѣмъ не менѣе въ громадномъ большинствѣ крестьяне никогда не питали враждебныхъ чувствъ къ помѣщикамъ. Напрасно товарищъ прокурора отозвался не лестно объ общемъ характерѣ эстонскаго народа. Пусть эстонцы по природѣ нѣсколько угрюмы, но за то развѣ они лѣнивы, развѣ они легкомысленны... Развѣ долготерпѣніе и трудолюбіе плохія качества? Почему-же появленіе помѣщика Мельхіора Гельфрейха на порогѣ крестьянской хаты производитъ такой страшный переполохъ? Почему это появленіе влечетъ за собою драку, а затѣмъ тяжкое обвиненіе по 1489 ст. ул. о наказ. Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ показаніяхъ допрошенныхъ сегодня свидѣтелей. Было бы недостойно скрывать отъ себя, что Мельхіоръ Гельфрейхъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя своею кротостью и человѣколюбивымъ отношеніемъ къ меньшей братіи привлекаютъ къ себѣ любовь и уваженіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ крестьянинъ Юрій Антовъ жаловался на то, то Мельхіоръ Гельфрейхъ произвелъ нападеніе на его домъ, разбилъ двери и нанесъ ему самому побои. Въ свою очередь Гельфрейхъ обвинялъ Антова въ томъ, что онъ Антовъ бросалъ въ него камнями. Правда мировой судья оправдалъ обѣ стороны, но при этомъ для характеристики Гельфрейха небезразлична фраза, которую мы находимъ въ приговорѣ мирового судьи: «установлено только одно, что между сторонами *происходятъ постоянныя драки* и препирательства». И такъ господа судьи, между эстляндскимъ дворяниномъ Гельфрейхомъ и крестьяниномъ Юріемъ Антовымъ *„происходили постоянныя драки»*. Кто-же этотъ Антовъ и какую роль онъ игралъ раньше въ жизни Гельфрейха? Въ числѣ свидѣтелей, обличавшихъ г-на Гельфрейха въ возмутительномъ нападеніи на пастора Курикова былъ Мартъ Антовъ; Гельфрейхъ не забылъ этого семьѣ Антова. Теперь понятно, почему между Гельфрейхомъ и сыномъ этого Марта Антова происходили впослѣдствіи постоянныя драки.

Прошло уже 12 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Оберъ-Ландгерихтъ приговорилъ Мельхіора Гельфрейха къ кратковременному домашнему аресту зато, что онъ напалъ на большой дорогѣ на эстонскаго пастора Курикова и своею толстой палкою нанесъ ему два удара, которые угодили-бы прямо въ голову, если-бы безоруженный пасторъ не заслонилъ ее рукою.

Вотъ каковъ г-нъ Гельфрейхъ, старающійся разжалобить теперь судъ своимъ косоглазіемъ и мнимою травмою головы. Однако, вѣроятно, для того чтобы не испортить формулярный списокъ дворянина Мельхіора Гельфрейха, дѣяніе его было подведено подъ категорію „гражданскихъ дѣлъ“. По крайней мѣрѣ въ числѣ уголовныхъ дѣлъ эстляндскаго Оберъ-Ландгерихта мы напрасно стали-бы искать дѣло о дворянинѣ Мельхіорѣ Гельфрейхѣ, побившемъ пастора Курикова. Къ счастію я догадался поискать это дѣло въ алфавитѣ „гражданскихъ дѣлъ“ и дѣйствительно оказалось, что оно передано въ архивъ Ревельскаго Окружнаго Суда изъ Оберъ-Ландгерихта въ синей обложкѣ, озаглавленной:

„Гражданское дѣло пастора Курикова съ дворяниномъ Мельхіоромъ Гельфрейхомъ".

Итакъ, когда эстляндскій дворянинъ поднялъ палку на служителя алтаря, тогда оскорбителя „въ виду его общественнаго положенія" какъ сказано въ приговорѣ Оберъ-Ландгерихта, „и его чисто сердечнаго *отчасти*"? „признанія", судъ мѣстныхъ Ландратовъ приговорилъ только къ двухъ мѣсячному *домашнему аресту*, а теперь, когда побитымъ оказывается не эстонецъ, а самъ бывшій оскорбитель пастора Курикова, общественное мнѣніе въ лицѣ эстляндскаго помѣстнаго дворянства настойчиво добивалось принятія самыхъ суровыхъ мѣръ противъ крестьянина, осмѣлившагося защищаться, когда г-ну Мельхіору Гельфрейху вздумалось по обыкновенію проявить свою грубую силу надъ безоруженной крестьянкой. Чѣмъ же объяснить такую крайнюю неустойчивость воззрѣній? То что въ 1886 г. считалось „гражданскимъ дѣломъ" черезъ двѣнадцать лѣтъ выставляется какъ „страшное уголовное преступленіе", угрожающее будто-бы чуть-ли не гибелью всему экономическому строю эстляндской губерніи.

Не возможно-же предположить, что вся разгадка кроется въ томъ, что тогда судили „своего", а теперь домогаются осужденія эстонца. Нѣтъ, господа судьи, будемте лучше думать, что за двѣнадцать лѣтъ въ правосознаніи эстляндскаго общества произошло отрадное просвѣтлѣніе и что теперь уже даже Мельхіоръ Гельфрейхъ понимаетъ, что посягательство на личную и тѣлесную неприкосновенность нельзя относить къ разряду гражданскихъ дѣлъ и что только вслѣдствіе этого духовнаго перелома, произошедшаго во взглядахъ Гельфрейха на достоинство человѣческой личности, а не вслѣдствіе травматическихъ поврежденій своей головы, онъ такъ настойчиво добивается теперь осужденія Саккеоса, что не брезгаетъ даже такими мѣрами, какъ дача невѣрныхъ показаній относительно времени появленія своего косоглазія.

Онъ увѣряетъ, что никогда прежде не страдалъ глазами, а свидѣтели говорятъ, что онъ всегда щурилъ лѣвый глазъ; онъ увѣряетъ насъ, что отъ теперь ничего не видитъ, а экспертъ удостовѣрилъ, что онъ симулируетъ. Какъ-же послѣ этого вѣрить Гельфрейху? Гельфрейхъ, какъ его обрисовали свидѣтели, человѣкъ заносчивый, сердитый и злопамятный. Вся жизнь его проходитъ въ дракахъ. Бить крестьянъ это для него своего рода спортъ. Онъ бьетъ Юрія Антова за то, что отецъ этого крестьянина свидѣтельствовалъ противъ него; онъ бьетъ портного Бекермана за то, что ему не нравится сшитый имъ костюмъ; онъ бьетъ пастора Курикова, потому что ему не нравятся его проповѣди; онъ бьетъ Марта Пальма, Августа Мяника и многихъ другихъ...

Онъ самъ хвастаетъ своей физической силой даже на судѣ.

Неудивительно послѣ всего этого, что ему случалось благодаря особенностямъ своей невоздержанной натуры, склонной къ саморасправамъ бывать въ такихъ передрягахъ, которыя могли повлечь за собою не только травму головы, но и болѣе серьезныя послѣдствія. Протоколомъ освидѣтельствованія 9 марта 1898 года установлено, что у Гельфрейха на поверхности черепа и на лицѣ *никакихъ поврежденій не наблюдается*, за исключеніемъ *бѣловатаго* рубца на правой сторонѣ лба

стариннаго происхожденія. Этотъ рубецъ по словамъ Гельфрейха полученъ имъ еще въ юности.

Далѣе изъ обвинительнаго акта и изъ объясненій, данныхъ на судѣ самимъ Гельфрейхомъ мы знаемъ, что 16 февраля 1898 г. онъ не разсмотрѣлъ того „злоумышленника", который на него напалъ, но замѣтилъ только въ комнатѣ брата крестьянки Май Бюргенъ Давида Саккеоса.

Такимъ образомъ изъ словъ самого Гельфрейха вытекаетъ, что не разсмотрѣнный злоумышленникъ, стремительно на него напавшій, и замѣченный имъ въ комнатѣ Давидъ Саккеосъ совершенно различныя лица. Свидѣтелей очевидцевъ всего этого происшествія не имѣется, а поэтому, принявъ во вниманіе, что самъ обвиняемый положительно отрицаетъ свое нападеніе на Гельфрейха, можно прежде всего предположить, что Гельфрейху, досталось отъ другого лица; а вовсе не отъ Давида Саккеоса. *Единственною уликою противъ Давида Саккеоса служитъ показаніе урядника Амитуса.* Да и то, разобравъ эту улику, мы не скроемъ отъ себя, что она крайне сомнительнаго достоинства. Прежде всего трудно предположить, чтобы братъ обвиняемаго Мартъ Саккеосъ пошелъ вообще хвастать тѣмъ, что его братъ Давидъ Саккеосъ ему разсказывалъ, что Гельфрейху отъ него досталось.

Еще можно допустить такую откровенность между двумя братьями, но чтобы Мартъ Саккеосъ разсказывалъ объ этомъ уряднику это совершенно не правдоподобно. Что могло побудить Марта Саккеоса пускаться въ такія откровенности? Или желаніе устранить отъ себя самого подозрѣніе и свалить все на брата, или же нерасположеніе къ брату.

Мы знаемъ однако, что Марта Саккеоса никто не подозрѣвалъ въ нанесеніи побоевъ Гельфрейху; значитъ ему и не было надобности оправдывать себя и наговаривать на брата. Второй мотивъ не можетъ имѣть мѣста въ данномъ случаѣ потому, что братья Саккеосы живутъ очень дружно и крѣпко стоятъ другъ за друга. Слѣдовательно Мартъ Саккеосъ не могъ наговаривать уряднику на своего брата Давида... Какія-же причины побуждаютъ урядника давать такое неправдоподобное показаніе?

Какъ защитникъ Давида Саккеоса я въ правѣ и даже долженъ обратить вниманіе на то, что у свидѣтеля Амитуса „могутъ быть" особыя причины относиться слишкомъ односторонне къ потерпѣвшему, потому что ни для кого не тайна, что положеніе въ Эстляндіи урядниковъ далеко не принадлежитъ къ числу вполнѣ независимыхъ. А вамъ, господа судьи, хорошо извѣстно, что по настоящему дѣлу со стороны вліятельной части Эстляндскаго помѣстнаго дворянства былъ предпринятъ цѣлый рядъ дѣйствій, направленныхъ на то, чтобы произвести давленіе даже на лицъ по выше стоящихъ въ администраціи, чѣмъ урядникъ. Къ тому же на очной ставкѣ Амитуса съ Мартомъ Саккеосомъ послѣдній положительнымъ образомъ утверждаетъ, что ничего подобнаго онъ никогда Амитусу не говорилъ. Такимъ образомъ одинъ изъ нихъ показываетъ невѣрно. Показанію Марта Саккеоса слѣдуетъ придать предпочтеніе, потому что оно подтверждается показаніемъ свидѣтеля *Карла Вестрика*, вызваннаго со стороны обвиненія.

Вспомнимъ слова этого свидѣтеля: „я", говоритъ Вестрикъ, при-

„сутствовалъ при производствѣ дознанія и слыхалъ, что Мартъ Сак-„кеосъ высказалъ свое предположеніе о томъ, что если Давидъ былъ „одинъ съ барином̀ъ то между ними могла произойти драка, однако „онъ *Мартъ Саккеосъ не говорилъ, что Давидъ сознался ему въ „томъ, что побилъ барина. Самъ же Давидъ ничего не говорилъ*“. Итакъ если бы Давидъ Саккеосъ на предварительномъ и на судебномъ слѣдствіи объяснилъ, что онъ совсѣмъ не подходилъ къ Мельхіору Гельфрейху, то у насъ не было бы рѣшительно никакихъ основаній подозрѣвать, что Давидъ Саккеосъ ударилъ Гельфрейха.

Въ обвинительномъ актѣ мы читаемъ, что Гельфрейхъ первый „ударъ въ голову почувствовалъ, не успѣвъ еще переступить порогъ „сушильни, и этотъ ударъ онъ самъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что сту-„кнулся о притолку двери“.

Эти слова обвинительнаго акта цѣликомъ заимствованы изъ показанія самого потерпѣвшаго, даннаго имъ на предварительномъ слѣдствіи.

Значитъ, отпираться отъ этого показанія господину Гельфрейху неприлично; а между тѣмъ, это показаніе служитъ въ пользу Давида Саккеоса. Изъ этого показанія явствуетъ, что первый ударъ во всякомъ случаѣ не былъ нанесенъ Давидомъ Саккеосомъ, а или произошелъ отъ того, что Гельфрейхъ ударился о притолку, или былъ нанесенъ ему крестьянкою Бюргенъ. И то и другое предположеніе весьма правдоподобны. Гельфрейхъ высокаго роста, а притолокъ двери въ крестьянской избѣ на столько низокъ, что съ горяча не трудно объ него удариться головою даже человѣку гораздо болѣе спокойному, чѣмъ Гельфрейхъ. Свидѣтельницы Май Бюргенъ и Лиза Бюргенъ удостовѣрили, что Гельфрейхъ, входя въ домъ страшно кричалъ, ругался и такъ напугалъ ихъ, что Лиза Бюргенъ сперва не рѣшалась даже выглянуть изъ своей засады. Изъ показаній этихъ свидѣтельницъ видно, что Гельфрейхъ входилъ въ ихъ домъ съ такими же мирными «гражданскими» намѣреніями, съ какими четырнадцать лѣтъ тому назадъ на большой дорогѣ напалъ на пастора Курикова. *И этотъ человѣкъ хочетъ, чтобы ему повѣрили, что вслѣдствіе полученныхъ 16 февраля с. г. ударовъ, онъ потерялъ всѣ зубы и лѣвый глазъ*! Но чѣмъ же доказывается причинная связь между ударами, нанесенными Гельфрейху 16 февраля 1898 г. и усматриваемымъ нынѣ у него косоглазіемъ? Допустимъ даже, что вслѣдъ за первымъ ударомъ по затылочной части головы, происхожденіе котораго самъ Гельфрейхъ первоначально объяснилъ тѣмъ, что стукнулся затылкомъ о притолку двери, послѣдовалъ второй ударъ по передней части головы. Однако, ни первый ударъ о притолку, ни второй ударъ по лбу— не оставили никакихъ наружныхъ знаковъ поврежденія, слѣдовательно невозможно опредѣлить, который именно изъ этихъ двухъ ударовъ произвелъ кровоизліяніе въ мозгу. Независимо отъ этого *самый фактъ кровоизліянія въ мозгу ничѣмъ не доказанъ* и представляется даже почти не вѣроятнымъ, въ виду того, что послѣ полученныхъ ударовъ Гельфрейхъ не только не потерялъ сознанія, но вышелъ изъ избы, самъ отвязалъ отъ столба свою лошадь, сѣлъ въ сани и поѣхалъ въ сторону имѣнія; при чемъ, по словамъ Марта Саккеоса, Гельфрейхъ самъ правилъ лошадью. Неужели же господинъ Гельфрейхъ станетъ утверждать, что все это онъ дѣлалъ въ безсознательномъ состояніи, на подобіе лунатиковъ?

Но изъ дѣла не видно, чтобы Гельфрейхъ былъ подверженъ сомнамбулизму; значитъ, все это онъ продѣлалъ, находясь въ полномъ сознаніи. И если, пріѣхавъ домой, онъ никому не разсказывалъ о случившейся съ нимъ непріятности и въ теченіе двухъ дней послѣ этого еще не заявлялъ никакой жалобы, то причиною тому было вовсе не безсознательное состояніе, а стыдъ, что его побили двѣ бабы.

Да, господа судьи, хотя по настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго привлеченъ крестьянинъ Давидъ Саккеосъ, но съ увѣренностью можно сказать, что удары по головѣ, во всякомъ случаѣ, были нанесены не Давидомъ Саккеосомъ, а либо Май Бюргенъ, либо Лизою Бюргенъ, потому что, когда Гельфрейхъ отворялъ двери сушильни, тогда Саккеосъ находился въ нѣсколькихъ шагахъ впереди и, слѣдовательно, не онъ нанесъ Гельфрейху первый ударъ по затылку.

Обстоятельство это подтверждается также тѣмъ, что, давая свое первое показаніе у судебнаго слѣдователя 28 февраля, Мельхіоръ Константиновичъ Гельфрейхъ заявилъ, что онъ обвиняетъ Давида Саккеоса, Май Бюргенъ и дочь ея Лизу Бюргенъ въ нанесеніи ему побоевъ.

Однако, судебная власть не нашла достаточныхъ данныхъ для привлеченія Лизы и Май Бюргенъ къ отвѣтственности, значитъ, одной части его обвиненія судебная власть, въ лицѣ судебнаго слѣдователя и прокурора, уже не придала достаточной вѣры и я надѣюсь, что послѣ всего того, что вы, господа судьи, знаете теперь о Мельхіорѣ Гельфрейхѣ, не найдете возможнымъ придать достаточной вѣры и той части его обвиненія, въ которой онъ силится увѣрить судъ, будто косоглазіе его вызвано ударами, нанесенными Давидомъ Саккеосомъ. Свидѣтельницѣ *Лень Азави, показавшей*, «что раньше у барина не было косоглазія», нельзя придавать большой вѣры, потому что ея показаніе идетъ въ разрѣзъ со всѣми другими свидѣтельскими показаніями и, кромѣ того, потому что нельзя не вспомнить, что никакихъ объективныхъ данныхъ, доказывающихъ, что это косоглазіе недавняго происхожденія *не* добыто путемъ медицинской экспертизы и даже мѣстный врачъ *окулистъ Мидендорфъ склонный утверждать, что косоглазіе у Гельфрейха дѣйствительно свѣжаго происхожденія, не скрываетъ, что это заключеніе онъ выводитъ изъ поведенія свидѣтельствуемаго*, такъ какъ «Гельфрейхъ, повидимому, не привыкъ еще къ косоглазію и поэтому «постоянно щуритъ лѣвый глазъ». Въ протоколѣ освидѣтельствованія 11 марта 1898 г., произведеннаго Мидендорфомъ, мы читаемъ: «указать «на основаніи объективныхъ данныхъ точно время развитія косогла«зія—нельзя, но показанія свидѣтелей, указывающихъ начало щуренія «могутъ способствовать выясненію этого момента». Итакъ, для насъ важно установить, дѣйствительно-ли Гельфрейхъ началъ щурить лѣвый глазъ только послѣ непріятности, приключившейся съ нимъ въ избѣ крестьянки Бюргенъ, или же онъ щурилъ свой глазъ уже и раньше? Вы слышали, господа судьи, цѣлый рядъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ, что Мельхіоръ Гельфрейхъ давно уже щуритъ свой лѣвый глазъ. Эта особенность его зрительныхъ органовъ настолько бросалась въ глаза людямъ, съ которыми ему приходилось имѣть какое-нибудь дѣло, что среди крестьянъ сложилась даже какая-то странная поговорка, что у Мельхіора Гельфрейха одинъ глазъ смотритъ въ карманъ, а другой — въ Вейссенштейнъ. *Отсюда явствуетъ, что косоглазіе Гельфрейха ста-*

риннаго происхожденія! При такихъ условіяхъ насъ вовсе не могутъ интересовать причины, вызвавшія это косоглазіе, было-ли оно прирожденнымъ качествомъ или оно произошло вслѣдствіе того, что въ дѣтствѣ его уронили, или вслѣдствіе иныхъ травматическихъ поврежденій головы, это—для даннаго дѣла совершенно безразлично; важно лишь то, что оно существовало уже за-долго, до столкновенія на участкѣ Лане и слѣдовательно никакъ не могло быть вызвано побоями, нанесенными 16 февраля настоящаго года, потому что причина всегда должна предшествовать слѣдствію. Если же доктору Мидендорфу непремѣнно желательно видѣть въ этомъ косоглазіи послѣдствіе травматическихъ насилій, то спорить съ нимъ въ этомъ отношеніи мы не будемъ, потому что прошлая жизнь господина Гельфрейха дѣйствительно богата всякими травматическими поврежденіями и насиліями, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ и *бѣловатый рубецъ* стариннаго происхожденія на правой сторонѣ лба, да и ключница Лена Азави, удостовѣрившая, что ея баринъ уже и раньше нѣсколько разъ возвращался домой израпеный.

Пріобрѣтенная имъ среди крестьянъ слава непобѣдимаго *чемпіона* дѣйствительно померкла послѣ пораженія, нанесеннаго ему въ избѣ крестьянки Май Бюргенъ. *Пораженіе* это *не особенно лестно для* самолюбія, эстляндскаго дворянина, считавшаго до сихъ поръ себя въ правѣ бить другихъ, но не успѣвшаго еще примириться съ мыслью, что и его самого въ концѣ концовъ побили.

Однако въ дѣлѣ нѣтъ достаточныхъ данныхъ чтобы признать, что этимъ пораженіемъ нанесенъ не только неизгладимый ударъ самолюбію, но неизгладимый ударъ здоровью г-на Гельфрейха. Во всякомъ случаѣ дѣятельное участіе Саккеоса въ нанесеніи Гельфрейху тяжкихъ побоевъ, угрожавшихъ жизни, ничѣмъ по дѣлу не установлено. По словамъ Саккеоса у него ничего въ рукахъ не было и онъ защищаясь, лишь отталкивалъ Гельфрейха.

Съ другой стороны у Гельфрейха въ рукахъ была палка, это обстоятельство подтверждается свидѣтельницею Май Бюргенъ и обвиняемымъ Давидомъ Саккеосомъ. Въ обвинительномъ актѣ также упоминается о томъ, что, входя въ избу, Гельфрейхъ держалъ въ лѣвой рукѣ свою палку.

Дальнѣйшія подробности происшествія излагаются Гельфрейхомъ совершенно иначе, чѣмъ другими тремя лицами, находившимися въ то время въ избѣ. Гельфрейхъ утверждаетъ, что на него напали будтобы внезапно безъ всякаго съ его стороны повода, а обвиняемый и свидѣтельницы Май Бюргенъ и Лиза Бюргенъ удостовѣрили, что дѣло происходило иначе: Мельхіоръ Гельфрейхъ съ бранью и крикомъ ворвался въ избу, напугалъ Май Бюргенъ, а уже за тѣмъ на помощь бабѣ пришелъ Давидъ Саккеосъ.

Очень можетъ быть, что вся эта драка происходила и не безъ участія Лизы Бюргенъ. Но своя рубашка ближе къ тѣлу и поэтому вполнѣ понятна боязнь Май Бюргенъ и Лизы Бюргенъ признать себя участницами въ дракѣ. Да и мудрено ожидать отъ нихъ чистосердечнаго признанія, когда обвиненію придана такая страшная форма.

Получи это дѣло такое направленіе, какое получаютъ обыкновенно дѣла о взаимныхъ обидахъ и дракахъ, суду навѣрное-бы пришлось выслушать со стороны Май Бюргенъ чистосердечное признаніе, что она

хватила Гельфрейха по зубамъ ключемъ. Но предъ грознымъ обвиненіемъ въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ, подвергавшихъ будто бы жизнь потерпѣвшаго опасности, смолкаетъ рѣшимость Май Бюргенъ признаться въ томъ, что она, а не обвиняемый ударила по зубамъ г-на Гельфрейха.

Какъ защитникъ Саккеоса я не могу конечно злоупотреблять довѣріемъ, оказаннымъ мнѣ семьею обвиняемаго и поэтому даже въ томъ случаѣ, если-бы Май Бюргенъ и признавалась мнѣ, что она ударила по зубамъ Гельфрейха, я не имѣю права утверждать, что обстоятельство это мнѣ доподлинно извѣстно. Однако я думаю, господа судьи, что, отвергнувъ причиненіе косоглазія, Вы отвергнете и утвержденіе обвинительной власти будто по дѣлу доказано, *что Давидъ Саккеосъ выбилъ Гельфрейху всѣ передніе зубы*. Прежде всего въ дѣлѣ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы ударъ по зубамъ поставить въ счетъ Давиду Саккеосу, потому что во первыхъ самъ Гельфрейхъ объяснилъ, что не могъ разглядѣть, кто именно ударилъ его по зубамъ, а во вторыхъ самый вопросъ о количествѣ зубовъ, имѣвшихся у Гельфрейха крайне сомнителенъ. Я же позволю себѣ обратить Ваше вниманіе, господа судьи, на то, что протоколомъ осмотра отъ 9-го марта 1898 г. установлено, что только десны нижней челюсти опухли и красны. О краснотѣ-же или опухоли десенъ верхней челюсти ничего не говорится, изъ чего слѣдуетъ заключить, что десны верхней челюсти при осмотрѣ не были красны и не были опухши такъ, какъ въ противномъ случаѣ объ этомъ было-бы также упомянуто въ протоколѣ осмотра. Значитъ зубы верхней челюсти были удалены не посредствомъ насилія, а отсутствовали уже раньше. Дурные зубы и выпаденіе зубовъ въ сорока пяти лѣтнемъ возрастѣ слишкомъ общераспространенное явленіе, чтобы сомнѣваться въ правдоподобности предположенія, что у Мельхіора Гельфрейха вообще было уже очень мало своихъ зубовъ во рту. Объ искусственныхъ зубахъ я не говорю, они могли и быть и не быть. Во всякомъ-же случаѣ въ верхней деснѣ у Гельфрейха своихъ зубовъ не было, такъ какъ иначе выбитіе ихъ сопровождалось-бы такою-же краснотою и опухолью верхней десны, какія согласно осмотру усмотрѣны *только* относительно нижней десны. Значитъ свидѣтельница Лиза Азави видала у Гельфрейха утромъ 16-го февраля с. г. такіе передніе зубы, которыхъ уже давно простылъ и слѣдъ въ верхней деснѣ. Что-же касается нижней десны то я допускаю, что тамъ еще были два, три переднихъ зуба, выбитіе которыхъ произвело опухоль и красноту нижней десны. Однако едва ли даже за три выбитые здоровые зуба можно сослать обвиняемаго въ каторгу въ особенности, если не доказанъ самый фактъ, что это именно онъ нанесъ Гельфрейху ударъ по зубамъ. Затѣмъ господа судьи, задача моя исчерпана. Я говорилъ можетъ быть очень долго, но я считалъ своею обязанностью не пропустить ни одного довода, ни одной улики, выставленныхъ обвиненіемъ. Вниманіе, съ которымъ Вы слушали показанія свидѣтелей и экспертовъ, терпѣніе, съ которымъ вы вслушивались въ объясненія потерпѣвшаго даже *тогда*, когда при осмотрѣ онъ явно симулировалъ, служитъ доказательствомъ, что по Вашему мнѣнію лучше выслушать лишнее, нежели пропустить хоть малѣйшую полезную подробность.

Послѣ всего сказаннаго, не называя непріятность, происшедшую съ Гельфрейхомъ 16-го февраля с. г. гражданскимъ дѣяніемъ, нельзя однако не видѣть, что она не подходитъ подъ признаки того преступленія, которое предусматривается грозною статьею 1490 улож. о наказ., такъ какъ причинная связь между косоглазіемъ и приключеніемъ на участкѣ Лане ничѣмъ по дѣлу не доказана.

Ревельскій Окружный судъ отвергнувъ причиненіе крестьяниномъ Давидомъ Саккеосомъ косоглазія дворянину Мельхіору Гельфрейху оправдалъ Саккеоса по обвиненію по 1490 ст. улож. и признавая его виновнымъ лишь въ нанесеніи Гельфрейху тяжкихъ побоевъ, не угрожавшихъ опасностью жизни и не повлекшихъ за собою общаго разстройства здоровья, приговорилъ подсудимаго Давида Саккеоса къ заключенію въ арестанскія отдѣленія на одинъ годъ.

Дѣло о мѣщанинѣ Фридрихѣ Шмидтѣ, обвиняемомъ по 9 и 2 ч. 1455 ст. уложенія въ покушеніи на убійство своей невѣсты.

Обстоятельства дѣла.

18 марта 1894 года въ Ревельскомъ Окружномъ судѣ разсматривалось дѣло по обвиненію Фридриха Шмидта въ томъ, что онъ изъ ревности въ запальчивости и раздраженіи съ цѣлью лишить жизни свою невѣсту Елизавету Парцъ нанесъ ей перочиннымъ ножемъ нѣсколько ранъ, а затѣмъ когда она выбросилась изъ окна, онъ съ отчаянія перерѣзалъ себѣ горло ножницами.

Дѣло разбиралось коронным судомъ безъ присяжныхъ засѣдателей.

Защищалъ обвиняемаго Шмидта Присяжный Повѣренный П. Ѳ. Булацель по назначенію суда.

Рѣчь П. Ѳ. Булацеля.

Господа судьи! Къ Фридриху Шмидту предъявлено обвиненіе въ покушеніи на убійство Елизаветы Парцъ *безъ* обдуманнаго заранѣе намѣренія, однако же умышленно въ запальчивости и раздраженіи. На судебномъ слѣдствіи съ неоспоримостью установлено, что Шмидтъ, войдя къ Елизаветѣ Парцъ и заставъ ее въ кровати, началъ наносить ей раны маленькимъ перочиннымъ ножемъ; всѣ эти раны оказались легкими; затѣмъ, когда раненая Парцъ выскочила изъ окна на улицу, Фридрихъ Шмидтъ перерѣзалъ себѣ горло ножницами и кромѣ того, тѣми же ножницами нанесъ себѣ почти смертельную рану въ животъ. Орудіе, которымъ Шмидтъ наносилъ раны Елизаветѣ Парцъ, равно какъ и большое количество ранъ свидѣтельствуютъ лишь о сильномъ раздраженіи близкомъ къ безсознательному состоянію, въ которомъ находился Шмидтъ во время нанесенія этихъ ранъ, а никакъ не о серьезномъ умыслѣ лишить жизни Елизавету Парцъ. Если бы обвиняемый дѣйствительно желалъ тогда смерти своей невѣсты, то онъ воспользовался бы другими орудіями, напр. ножницами, болѣе пригодными для выполненія такого намѣренія. Но Фридрихъ Шмидтъ, нанося удары маленькимъ, почти игрушечнымъ, перочиннымъ ножемъ, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ сильнѣйшаго аффекта, продолжавшагося до тѣхъ поръ, пока Парцъ не выброси-

лась на улицу. Тогда только онъ опомнился и, полагая, что упавшая на мостовую любимая имъ дѣвушка убилась вслѣдствіе паденія изъ окна, Шмидтъ въ отчаяніи нанесъ себѣ ножницами двѣ смертельныя раны, отъ которыхъ съ большимъ трудомъ докторамъ удалось его однако вылечить. Такова очень несложная фактическая сторона драмы, происшедшей 12 сентября 1893 года въ 9 часовъ утра въ домѣ Алтмецъ по Татарской улицѣ въ г. Ревелѣ. Эта фактическая сторона не даетъ возможности сдѣлать положительные выводы о безусловномъ намѣреніи Шмидта убить Елизу Парцъ.

Правда, г. прокуроръ въ своей рѣчи ссылается на то, что уже раньше въ Петербургѣ Шмидтъ грозилъ по словамъ свидѣтеля Гартмана «сдѣлать изъ своей невѣсты жаркое», и что кромѣ того онъ, по словамъ самой потерпѣвшей, предупреждалъ ея за двѣ недѣли до катастрофы, что 16-ое сентября будетъ днемъ или ихъ свадьбы, или ихъ смерти...

Эти факты, по мнѣнію г. прокурора, изобличаютъ подсудимаго въ намѣреніи лишить Елизу Парцъ жизни и приводятъ къ убѣжденію, что раны ей нанесенныя перочиннымъ ножикомъ Шмидтъ наносилъ не съ иною цѣлью, какъ съ цѣлью лишенія ея жизни. Однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что Фридрихъ Шмидтъ вовсе не преданъ суду по обвиненію въ покушеніи на убійство съ *заранѣе* обдуманнымъ намѣреніемъ, а потому и всѣ указанія на угрозы и намеки, дѣланныя имъ за нѣсколько дней до 12 сентября, не могутъ и не должны служить противъ него уликою. Если даже допустить, что прежде у Шмидта было намѣреніе лишить жизни Елизавету Парцъ, то все же это не служитъ доказательствомъ того, что и 12 сентября, нанося ей раны перочиннымъ ножикомъ, онъ сознательно допускалъ возможность причиненія смерти своей невѣстѣ. Необходимо установить существованіе умысла лишить жизни въ моментъ нанесенія ранъ, только въ этомъ случаѣ примѣнима ст. 1455 улож. о нак., если же умыселъ существовалъ уже раньше, то получается на лицо признакъ, обусловливающій примѣненіе ст. 1454 улож. о нак., а между тѣмъ въ данномъ дѣлѣ наличность умысла въ моментъ нанесенія ранъ ничѣмъ не установлена, а выводится только изъ того, что еще раньше, задолго до нанесенія этихъ легкихъ ранъ Елизаветѣ Парцъ, Фридрихъ Шмидтъ выражалъ угрозы сдѣлать изъ нея жаркое, каковыя угрозы имѣли бы значеніе улики противъ Шмидта только въ томъ случаѣ, если бы онъ обвинялся въ предумышленномъ убійствѣ, а не въ запальчивости и раздраженіи *безъ заранѣе* обдуманнаго намѣренія.

На основаніи недоказанности у Шмидта умысла убить Елизавету Парцъ, я полагалъ бы справедливымъ въ особенности въ виду того, что дѣяніе его само по себѣ не имѣло худыхъ послѣдствій ни для здоровья, ни для наружности красивой и молодой Елизаветы Парцъ, назначить ему наказаніе не по 1455 ст., а по 2-й части 1483 ст. улож. о наказ. хотя въ обвинит. актѣ сказано, что свидѣтель Юрій Тамикъ видѣлъ, что обвиняемый старался ножемъ попасть непремѣнно въ сердце потерпѣвшей, однако вы слышали и видѣли, что на судѣ этотъ самый свидѣтель на мой вопросъ, гдѣ именно находится сердце, указалъ на середину верхней части живота, т. е. на такое мѣсто, гдѣ еще ни у одной женщины на свѣтѣ не находилось сердце. Вотъ каковы улики предварительнаго слѣдствія.

Я прошу васъ, господа судьи, вспомнить показаніе свидѣтелей Пауля Эстергаузена и Іогана Альтмена, только что нами выслушанныя. Я спрашиваю, неужели васъ не тронетъ то ужасное душевное состояніе, въ какомъ долженъ былъ находиться страстно влюбленный въ свою невѣсту Шмидтъ, когда, придя къ ней въ 9 часовъ утра 12 сентября, онъ засталъ ее еще въ постели и узналъ отъ словоохотливыхъ сосѣдей, что лишь въ 8 часовъ утра изъ этой самой уютной комнатки, гдѣ точно невинный ребенокъ спитъ его невѣста, вышелъ Павелъ Эстергаузенъ, просидѣвшій у Елизаветы Парцъ всю ночь... Какая буря негодованія, какое бѣшеное недоумѣніе должно было овладѣть всѣмъ существомъ несчастнаго жениха при такомъ внезапномъ открытіи! Какъ, почти наканунѣ свадьбы, эта милая, скромная, прелестная дѣвушка, въ которую онъ влюбленъ до безумія, которой онъ уже два года отдаетъ всѣ свои деньги, всѣ свои сбереженія,—оказывается, проводитъ цѣлую ночь наединѣ съ чужимъ молодымъ человѣкомъ, къ которому безотчетно уже давно питалъ онъ ревниво-непріязненное чувство... Она не оправдывается. Жесткое безжалостное слово срывается съ ея устъ; какъ острая сталь, какъ ядовитое жало змѣи врывается это слово въ его сердце. Голова его закружилась, въ глазахъ потемнѣло, красные круги, перочинный ножикъ, голая грудь молодой дѣвушки, отчаянные крики ея, все смѣшалось, спуталось въ страшный чудовищный кошмаръ, отъ котораго онъ очнулся лишь въ больницѣ. Вы слышали показаніе доктора, что самъ Шмидтъ въ теченіе двухъ недѣль боролся между жизнью и смертью. Теперь онъ воскресъ, но перерѣзанное горло ноетъ и болитъ и можетъ быть въ ближайшемъ будущемъ его ждетъ горловая чахотка. Не судите же слишкомъ жестоко этого несчастнаго человѣка, пострадавшаго за то, что свою любовь къ невѣстѣ онъ ставилъ выше всего на свѣтѣ. Теперь онъ все потерялъ: невѣсту, здоровье, вѣру въ людей, всѣ свои сбереженія. Предъ вами больной, нищій духомъ и тѣломъ юноша; пощадите его, господа судьи. Ваше милосердіе будетъ тѣмъ справедливѣе, что даже сама потерпѣвшая Елизавета Парцъ заявила сегодня на судѣ, что искренно сожалѣетъ объ участи несчастнаго Шмидта и вѣритъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія ее убить.

Окружный Судъ послѣ краткаго совѣщанія вынесъ приговоръ, коимъ призналъ Фридриха Шмидта заслуживающимъ снисхожденія и приговорилъ его на 1½ года въ арестантскія отдѣленія.

Дѣло М. А. Стаховича и князя В. П. Мещерскаго.

Въ жалобѣ, принесенной отъ имени орловскаго губернскаго предводителя дворянства, камергера Двора Его Императорскаго Величества, М. А. Стаховича, прис. пов. Плевако и Маклаковъ изложили слѣдующее:

Въ № 28 журнала «Гражданинъ» за 1904 годъ помѣщена замѣтка, направленная противъ губернскаго предводителя дворянства Орловской губерніи, Михаила Александровича Стаховича, обвиняющая его въ сотрудничествѣ въ издаваемой за границей газетѣ «Освобожденіе», выразившемся въ подписанной его именемъ статьѣ, въ которой заключается обусловленное единичнымъ случаемъ обвиненіе нынѣшней административной власти въ беззаконіи. Предположенное авторомъ инкриминируемой замѣтки сотрудничество именуется измѣной присягѣ и традиціямъ дворянства, котораго Стаховичъ счелъ себя въ правѣ быть представителемъ, одновременно съ преступнымъ сотрудничествомъ въ революціонномъ изданіи, враждебно и оскорбительно относящемся къ нашему государственному строю. Оставить безъ вниманія это обвиненіе г. Стаховичъ не могъ и не имѣлъ права. Вѣрноподданный слуга своего Государя и своего отечества, онъ могъ, именно, поэтому на многое смотрѣть иначе, чѣмъ многочисленные недруги его, выдающіе за истинный патріотизмъ только свои близорукіе взгляды, но онъ признаетъ, что для дворянина, принявшаго избраніе быть представителемъ своего сословія въ качествѣ предводителя, свято относящагося къ долгу званія и къ присягѣ, участіе въ недозволенномъ изданіи, помѣщеніе въ немъ статей, порицающихъ правительство и его развѣтвленія, есть актъ, противный чести и долгу.

Утверждая, что статья помѣщена безъ его вѣдома и согласія, онъ видитъ въ поступкѣ автора «Дневника», помѣщеннаго въ № 28 «Гражданина», обвиняющаго его въ сотрудничествѣ въ революціонной газетѣ, наличность поступка, караемаго 1535 ст. уложенія.

Правда, авторъ «Дневника» стоитъ на фактѣ, что въ «Освобожденіи» есть указанная имъ статья и подъ ней подпись: М. Стаховичъ. Но авторъ, какъ и самъ свидѣтельствуетъ, зналъ, что издатель «Освобожденія» заявилъ, что онъ печатаетъ статью безъ согласія г. Стаховича. Положимъ, что свидѣтельство г. Струве въ глазахъ князя Мещерскаго могло не быть убѣдительнымъ доказательствомъ, но для того обвиненія, которое поднялъ онъ противъ г. Стаховича, мало личнаго предубѣжденія, но потребно честное и обоснованное убѣжденіе. А этого-то нѣтъ и не можетъ быть, какъ это и сказалось уже въ позднѣйшей замѣткѣ, помѣщенной въ слѣдующемъ нумерѣ „Гражданина“, гдѣ князь говоритъ, что дай г. Стаховичъ слово, что онъ статьи не посылалъ, и онъ, князь Мещер-

скій, помѣститъ въ своемъ журналѣ опроверженіе и сознаетъ свою ошибку.

Не довѣряя свидѣтельству Струве и безъ всякихъ основаній утверждая, что статья была ему послана самимъ Стаховичемъ, князь Мещерскій тѣмъ самымъ обвиняетъ Стаховича не только въ томъ, что онъ, будучи предводителемъ дворянства, сотрудничаетъ въ «Освобожденіи», но и въ томъ еще, что онъ, по соглашенію съ Струве, ложными завѣреніями это сотрудничество скрываетъ. Если г. Стаховичъ считаетъ самое сотрудничество въ запрещенномъ органѣ несовмѣстимымъ съ долгомъ предводителя, то тѣмъ болѣе недостойнымъ является въ его глазахъ сотрудничество, соединенное съ лживымъ и лицемѣрнымъ его отрицаніемъ. Поэтому утвержденіе князя Мещерскаго, что, несмотря на оговорку Струве, статья *была послана* Стаховичемъ, заключаетъ въ себѣ обвиненіе въ двоякомъ прегрѣшеніи противъ правилъ и долга чести.

Авторъ „Дневника", не ограничиваясь обвиненіемъ г. Стаховича въ сотрудничествѣ, старается подкрѣпить свое мнѣніе дополнительнымъ обвиненіемъ г. Стаховича въ нарушеніи присяги и въ измѣнѣ традиціямъ своего сословія. Авторъ утверждаетъ, что статья, напечатанная въ „Освобожденіи", беретъ частный случай изъ судебной практики, чтобы набросить тѣнь на нынѣшнюю административную власть, что такое содержаніе статьи изобличаетъ антиправительственное направленіе, несогласное съ принятымъ полномочіемъ, и что помѣщеніе статьи съ такимъ содержаніемъ можетъ быть приравнено къ писанію сочувственныхъ телеграммъ къ японскому правительству.

И эти обвинительныя строки „Дневника" ложны въ своемъ существѣ и составляютъ, по намѣренію и цѣли, клевету, направленную на г. Стаховича. Прежде всего, князю Мещерскому изъ цитируемаго имъ сообщенія „Освобожденія" и самаго содержанія статьи видно, что г. Стаховичъ дѣйствительно написалъ статью для мѣстнаго орловскаго органа. Статья не была помѣщена, и онъ ее отправилъ въ столичный органъ, вполнѣ убѣжденный въ соотвѣтствіи ея цензурнымъ требованіямъ, согласованнымъ съ закономъ. Матеріалъ, которымъ мы надѣемся обладать, укажетъ судьбы статьи г. Стаховича въ Петербургѣ и докажетъ полную непричастность его съ фактомъ напечатанія ея въ „Освобожденіи". Предназначенная для напечатанія въ Россіи, статья эта не направлена, какъ ложно увѣряетъ князь Мещерскій, къ принципіальному порицанію административной власти, а есть правомѣрное обращеніе вниманія высшихъ ея органовъ и общества на совершившееся и обнаруженное на судѣ искаженіе истиннаго служенія интересамъ государства.

Авторъ „Дневника" обличаетъ г. Стаховича въ измѣнѣ традиціямъ сословія и присягѣ.

И это обвиненіе въ существѣ ложно и не имѣетъ опоры въ содержаніи обличаемой статьи.

Въ 305 ст. тома IX книги 1, раздѣла 1 сказано, что на священной обязанности дворянства лежитъ защита Престола и Отечества; въ 308—что во всякое Россійскому Самодержавію нужное время, когда служба дворянства общему добру потребна, всякій дворянинъ обязанъ не щадить ни труда, ни жизни. Таковъ кругъ общественныхъ обязанностей дворянства, таковы и традиціи.

А въ приложеніи 5-омъ къ основнымъ законамъ изображены общія обязанности вѣрноподданнаго. Въ немъ мы читаемъ: я хочу и долженъ Его Императорскому Величеству... Самодержцу Всероссійскому вѣрно и нелицемѣрно служить, не щадя живота своего... и притомъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ.

Вся статья Стаховича, посланная имъ въ законо-дозволенные журналы, сначала въ „Орловскій Вѣстникъ", а потомъ въ „Право", заключала актъ служенія интересамъ государства, для котораго болѣе всего необходимо правосудіе.

Обличаемая княземъ Мещерскимъ статья, вопреки его обвиненію, стремится не къ порицанію властей, а вылилась какъ скорбный кликъ о томъ, что въ дорогомъ ему отечествѣ еще слабо сознаніе права.

А сожалѣть онъ могъ, ибо возможность фактовъ, обнаруженныхъ на судѣ по дѣлу объ убійствѣ полицейскими или пожарными Касамбая Ибрагимова, вызывала сожалѣніе. Невольно припоминается Высочайшая отмѣтка на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра юстиціи, 27-го мая 1897 г., о судебной реформѣ въ Туркестанскомъ краѣ: «Буду счастливъ, когда наша матушка Россія станетъ благоустроенною, по крайней мѣрѣ, въ правосудіи". И самъ собой напрашивается вопросъ: какъ назвать тѣхъ, кто зоветъ измѣнниками присягѣ и долгу лицъ, въ чьихъ сердцахъ такъ громко раздается отзвучіе на полное скорбнаго чувства слово Государя?

Въ прилагаемомъ № 28 „Гражданина", въ замѣткѣ, печатающейся подъ общей рубрикой „Дневники", находимъ оскорбительныя и подходящими подъ понятіе клеветы слѣдующія мѣста: „Пока русскіе люди идутъ умирать за своего Царя и за свое Отечество, губернскій предводитель дворянства идетъ въ сотрудники „Освобожденія"...

Редакторъ „Освобожденія" предпосылаетъ этой статьѣ заявленіе, что она имъ печатается безъ согласія автора. Когда онъ докажетъ, какимъ образомъ чья-либо рукопись можетъ попасть въ редакцію „Освобожденія" безъ согласія писавшаго ее, тогда я повѣрю и тому, что г. Стаховичъ послалъ г. Струве... Ужъ больно наивно глумится г. Струве надъ своими читателями. Статья эта, разумѣется, потому появилась въ „Освобожденіи", что она заключала въ себѣ... явный умыселъ г. Стаховича воспользоваться единичнымъ случаемъ, чтобы набросить обвинительную тѣнь на нынѣшнюю административную власть... Если бы была въ этомъ человѣкѣ искра патріотическаго чувства, онъ бы не могъ въ такое время, когда Россіи и русскимъ людямъ трудно... «не признать въ фактѣ сотрудничества въ „Освобожденіи" оскорбленіе патріотизма, почти равное писанію сочувственныхъ телеграммъ японскому правительству... Никто не можетъ мѣшать г. Стаховичу измѣнять преданіямъ и принципамъ своихъ предковъ и даже присягѣ. Это его личное дѣло, никого не касающееся, за которое онъ и отвѣтственъ, но всякій русскій дворянинъ имѣетъ право требовать, чтобы г. Стаховичъ не могъ измѣнять и преданіямъ и долгу присяги въ должности губернскаго предводителя дворянства».

Изъ этихъ цитатъ видно, что авторъ инкриминируемой замѣтки завѣдомо ложно обвиняетъ М. А. Стаховича: 1) въ сотрудничествѣ

въ журналѣ «Освобожденіе», 2) въ нарушеніи присяги и долга своего званія, 3) въ желаніи возбудить неуваженіе къ нынѣшней административной власти путемъ оглашенія событій, обнаруженныхъ при разбирательствѣ дѣла объ убійствѣ сарта Ибрагимова низшими служителями полиціи. Дѣяніе это предусмотрѣно 1535 ст. 2 ч. уложенія о наказаніяхъ и подлежитъ преслѣдованію въ порядкѣ частнаго обвиненія

А посему, за отъѣздомъ М. А. Стаховича на Дальній Востокъ, мы, по довѣренности его, согласно рѣш. угол. касс. деп. Сената за 1892 г. № 59, просимъ привлечь князя Владиміра Петровича Мещерскаго, редактора-издателя «Гражданина», живущаго въ Петербургѣ, въ Гродненскомъ переулкѣ № 6, къ законной отвѣтственности».

Дѣло слушалось 22 ноября во II отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда. Предсѣдательствуетъ предсѣдатель суда Чебышевъ. Князь В. П. Мещерскій въ судъ не явился, по болѣзни. Со стороны М. А. Стаховича выступили прис. пов. Ѳ. Н. Плевако и В. А. Маклаковъ.

Послѣ оглашенія частной жалобы, по ходатайству частныхъ обвинителей, оглашена инкриминируемая статья «Гражданина» и разрѣшено имъ сослаться на тотъ № «Освобожденія», въ которомъ напечатана статья М. А. Стаховича (№ пріобщенъ къ дѣлу).

Окружный судъ выслушавъ рѣчи прис. пов. В. А. Маклакова и Ѳ. Н. Плевако, заочно призналъ князя Мещерскаго виновнымъ въ клеветѣ и приговорилъ его, за силою Всемилостивѣйшаго манифеста, къ заключенію на военной гауптвахтѣ на двѣ недѣли.

Въ своемъ заочномъ приговорѣ окружный судъ нашелъ, что обвиненіе лица, занимающаго должность губернскаго предводителя дворянства и носящаго придворное званіе, въ обусловленномъ желаніи опорочить русскую административную власти, въ сотрудничествѣ въ изданіи революціоннаго направленія, притомъ въ сотрудничествѣ, скрываемомъ ложнымъ заявленіемъ отъ имени редакціи, есть обвиненіе несомнѣнно вредоносное, помрачающее достоинство того, кого въ такомъ дѣяніи обвиняютъ, ибо свидѣтельствовало бы о двуличіи и лицемѣріи, независимо отъ содержанія дѣянія, закономъ воспрещеннаго. Несомнѣнная оскорбительность такого обвиненія усугубляется тѣми выводами, которые въ своемъ «Дневникѣ» дѣлаетъ кн. Мещерскій, приравнивая поступокъ Стаховича къ писанію сочувственныхъ телеграммъ къ японскому правительству въ то время, когда Россіи и русскимъ людямъ трудно, и называя этотъ поступокъ измѣною присягѣ, преданіямъ и принципамъ дворянства и „оплеваніемъ“ всего дворянства и самого себя.

Данными подъ присягою показаніями свидѣтелей Гессена и Столыпина удостовѣрено, что Стаховичъ, высказывая намѣреніе напечатать свою статью въ заграничномъ органѣ, рѣшительно заявилъ, что помѣщеніе ея въ „Освобожденіи“ было бы несовмѣстимо съ его служебнымъ положеніемъ, и что Стаховичъ по своимъ нравственнымъ свойствамъ является такимъ лицомъ, которое никогда бы не скрыло свое участіе въ «Освобожденіи», если бы статья его была дѣйствительно помѣщена съ его согласія. Изъ представлен-

наго же письма кн. Волконскаго видно, что это онъ послалъ статью въ «Освобожденіе».

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ окружный судъ нашелъ, что кн. Мещерскій вполнѣ изобличается въ приписываемомъ ему дѣяніи, т.-е. клеветѣ; но, въ виду того, что въ ложномъ установленіи тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ кн. Мещерскій сдѣлалъ столь невѣрные и оскорбительные выводы, было все-таки болѣе опрометчивости и затемняющаго правильное мнѣніе враждебнаго настроенія, чѣмъ завѣдомой лжи, также въ виду преклоннаго возраста обвиняемаго, судъ находитъ возможнымъ понизить наказаніе, которое, съ примѣненіемъ манифеста, сводится до ареста при военной гауптвахтѣ на двѣ недѣли.

Недовольный такимъ исходомъ дѣла, кн. Мещерскій подалъ черезъ своего повѣреннаго, прис. пов. Булацеля, апелляціонный отзывъ, въ которомъ высказаны слѣдующія соображенія.

Обвиняя кн. Мещерскаго въ клеветѣ, повѣренные Стаховича не забыли, съ одной стороны, въ своихъ рѣчахъ оговорить, что законъ не возлагаетъ непосильную задачу проникать въ душу князя Мещерскаго и доказывать, что имъ доподлинно было извѣстно, что г. Стаховичъ чистъ, какъ непорочный агнецъ, неповинный въ появленіи его статьи въ зарубежномъ, враждебномъ русскому государству изданіи, а съ другой стороны, вся защита г. Стаховича, т.-е. все обвиненіе князя Мещерскаго было сведено именно къ копанію въ душѣ князя Мещерскаго, не брезгая никакими средствами, начиная отъ установленія неравномѣрности при оцѣнкѣ личностей князя Мещерскаго и г. Стаховича и кончая покушеніемъ на честь князя Мещерскаго съ такими негодными средствами, какъ письмо князя Волконскаго. Въ результатѣ въ первой инстанціи получился обвинительный приговоръ, потому что судьи дали себя увлечь на ту же почву, на которой стояли оба защитника Стаховича, прис. пов. Маклаковъ и Плевако. Ради чего сталъ бы Стаховичъ скрывать, если бы онъ самъ это написалъ въ «Освобожденіи»! Изъ-за страха, изъ боязни потерять свое положеніе? Это было бы недостойно. Значитъ, Стаховичъ на это неспособенъ. Но когда ту же мѣрку нужно примѣнить къ князю Мещерскому, то она совсѣмъ измѣняется, и тогда восклицаютъ: «Изъ-за чего князь Мещерскій, получивъ письмо князя Волконскаго и потому доподлинно зная, что статья помѣщена не Стаховичемъ, а Волконскимъ, могъ бы скрывать это обстоятельство отъ читателей «Гражданина»? Изъ личной ненависти къ Стаховичу и тому лагерю, къ которому принадлежитъ Стаховичъ. Но вѣдь это было бы недостойно! Значитъ, князь Мещерскій на это способенъ.

Вотъ безпристрастіе людей, требующихъ полнаго довѣрія только къ себѣ. Вотъ послѣдовательность поборниковъ свободы убѣжденій, признающихъ эту свободу только для себя, но не для князя Мещерскаго. Самая великая, самая страшная отвѣтственность въ мірѣ—это отвѣтственность передъ самимъ собою и передъ исторіею, эта «отвѣтственность» важнѣе «отвѣтственности» передъ полицейскою властью. Какія прекрасныя слова!

Къ этой мысли, высказанной прис. пов. Маклаковымъ, охотно присоединятся всѣ порядочные люди, но они пожелаютъ, конечно,

въ интересахъ справедливости, чтобъ защитникъ Стаховича расширилъ свою узкую формулу и призналъ, что отвѣтственность передъ своимъ личнымъ достоинствомъ важнѣе не только отвѣтственности передъ исторіею и передъ полицейскою властью, *но и отвѣтственности «передъ толпою либеральныхъ кликушъ»*.

Окружный Судъ довѣряетъ Стаховичу, уклонившемуся отъ дачи «честнаго слова дворянина», что онъ не только не посылалъ статьи за границу, но что она помѣщена въ «Освобожденіи» безъ его вѣдома и противъ его воли. И тотъ же Судъ не довѣряетъ добросовѣстности князя Мещерскаго, когда тотъ утверждаетъ, что не допускалъ ни на одну минуту мысли, чтобы статья Стаховича появилась въ «Освобожденіи» безъ вѣдома автора. Обвинители князя Мещерскаго стали на вполнѣ формальную почву, они требуютъ, чтобъ князь Мещерскій доказалъ, что Стаховичъ самъ помѣстилъ свою статью въ зарубежномъ изданіи, а чтобъ отнять у Мещерскаго возможность оправдываться безспорностью фактовъ, имѣющихся налицо, они постарались дать несомнѣнному факту сомнительную окраску при помощи внѣсудебнаго письменнаго показанія князя Волконскаго.

Окружный Судъ этому письму повѣрилъ.

Далѣе говорится, что фактъ обращенія Стаховича во всевозможныя русскія редакціи удостовѣренъ свидѣтелями Гессеномъ и Столыпинымъ, и что свидѣтель Гессенъ сообщилъ, какъ Стаховичъ обѣщался передать статью въ одинъ изъ заграничныхъ органовъ, если она не можетъ появиться въ «Правѣ». Никакихъ неопровержимыхъ доказательствъ того, что статья эта очутилась въ «Освобожденіи» противъ воли Стаховича, къ дѣлу не представлено, а странное заявленіе князя Волконскаго, что онъ винитъ только одного себя во всей этой исторіи, едва-ли представляется убѣдительнымъ. Свидѣтели Набоковъ, Гессенъ и Столыпинъ дѣлали лишь предположеніе о возможности посылки постороннимъ лицомъ статьи Стаховича за границу, такъ какъ статья эта обращалась въ Петербургѣ во многихъ спискахъ. Окружный Судъ усмотрѣлъ клевету въ томъ, что князь Мещерскій огласилъ въ печати, что камергеръ и губернскій предводитель дворянства Стаховичъ находитъ возможнымъ помѣстить свою статью въ запрещенномъ заграничномъ журналѣ. Но вѣдь свидѣтель Гессенъ удостовѣрилъ, что Стаховичъ заявлялъ ему, что онъ помѣститъ эту статью за границею. Интересно знать, гдѣ же именно за границею, если не въ «Освобожденіи», намѣренъ былъ помѣстить Стаховичъ свою статью. Характеръ поступка камергера, помѣщающаго свою статью въ заграничномъ изданіи, не измѣняется отъ того, помѣщена статья въ «Освобожденіи» или въ «Завладѣніи». Стаховичъ только впервые сталъ на правильную точку зрѣнія, что для русскаго губернскаго предводителя дворянства и для лица, считающаго честью носить придворный мундиръ, позорно участвовать своимъ перомъ въ зарубежныхъ, враждебныхъ русскому правительству изданіяхъ, именно, когда князь Мещерскій разразился негодованіемъ.

То мѣсто приговора, гдѣ Окружный Судъ говоритъ: «Судъ находитъ справедливымъ по обстоятельствамъ дѣла избрать менѣе тяжкое наказаніе въ виду того, что въ ложномъ установленіи тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ князь Мещерскій сдѣлалъ столь невѣрные и оскорби-

тельные выводы, было всетаки болѣе опрометчивости о затемняющаго правильное мышленіе враждебнаго настроенія, чѣмъ завѣдомой лжи»,— указываетъ, какъ Судъ не былъ увѣренъ въ наличности состава клеветы. Князь Мещерскій не измыслилъ ни одного факта и всѣ его выводы подтверждены судебнымъ слѣдствіемъ, а потому прис. пов. Булацель проситъ Палату отмѣнить приговоръ Окружнаго Суда и считать князя Мещерскаго по суду оправданнымъ.

Вслѣдствіе этой жалобы, дѣло слушалось въ Петербургской Судебной Палатѣ 24 февраля 1905 г.

Уже къ 11 часамъ утра сравнительно небольшой залъ Судебной Палаты былъ переполненъ, хотя публика допускалась только по билетамъ. Представители печати, сидѣвшіе за двумя столами, вплотную жались другъ къ другу, чтобы владѣть хоть одной правой рукой.

Предсѣдательствовалъ предсѣдатель Уголовнаго Департамента Судебной Палаты Ѳ. О. Гредингеръ.

Мѣсто возлѣ эстрады для подсудимыхъ занялъ князь В. П. Мещерскій. Рядомъ расположился защитникъ его, присяжный повѣренный Булацель.

Въ другой части зала находились повѣренные г. Стаховича, присяжные повѣренные Маклаковъ и Плевако. Самъ М. А. Стаховичъ на судѣ опять не присутствовалъ.

Въ качествѣ свидѣтеля былъ допрошенъ только г. І. Гессенъ, который редактируетъ газету «Право» и удостовѣрилъ, что статью г. Стаховича, хотя *пропущенную цензурой*, самъ редакціонный комитетъ газеты «Право» не рѣшился выпустить въ очередномъ номерѣ, и что г. Стаховичъ заявлялъ, что если бы въ «Правѣ» его статья не появилась, то онъ напечатаетъ ее за границей.

Послѣ перерыва слово было предоставлено прис. пов. Маклакову, который болѣе часа обсуждалъ юридическій составъ обвиненія и общественное значеніе того газетнаго преступленія, въ которомъ обвиняется князь Мещерскій, повторивъ вкратцѣ ту же самую рѣчь, которую произнесъ въ Окружномъ Судѣ.

Приблизительно то же самое, что въ Окружномъ Судѣ, но только гораздо мягче, говорилъ Плевако.

Послѣ слѣдующаго перерыва началъ свою рѣчь прис. пов. Булацель.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго П. Ѳ. Булацеля.

«Господа судьи!

Вѣроятно, вамъ, какъ и мнѣ, бросилось въ глаза странное обстоятельство, что обвинители князя Мещерскаго сбавили значительно тотъ рѣзкій тонъ, которымъ они громили въ первой инстанціи неявившагося тогда къ разбору дѣла обвиняемаго. Но такъ какъ въ Окружномъ Судѣ дѣло князя Мещерскаго получило лишь одностороннее освѣщеніе, то, чтобы возстановить равноправность сторонъ, мнѣ придется въ своей рѣчи касаться не только тѣхъ доводовъ и соображеній, которые сегодня въ Судебной Палатѣ приводили повѣренные Стаховича, гг. Маклаковъ и Плевако, но и тѣхъ доводовъ, которые они же приводили въ Окружномъ Судѣ. Почему гг. Маклаковъ и Плевако оба нашли нужнымъ сегодня оговориться, что, по ихъ мнѣнію, дѣло Стаховича и князя Мещерскаго утратило тотъ жгучій интересъ, который имѣло въ первой инстан-

ціи? Почему они такъ сегодня съузили свои прежнія широкія рамки обвиненія, что вся ихъ обвинительная рѣчь сегодня вертѣлась исключительно около вопроса: доказалъ-ли князь Мещерскій, что статью Стаховича послалъ въ «Освобожденіе» самъ Стаховичъ. Неужели такая сдержанность и поразительная скромность объясняется преувеличеннымъ уваженіемъ къ мнѣнію первой инстанціи? Развѣ мои почтенные противники не знаютъ, что заочный приговоръ первой инстанціи еще не далъ права противникамъ князя Мещерскаго клеймить его позорнымъ названіемъ клеветника? Развѣ они не знаютъ, что сегодня во второй инстанціи долженъ окончательно рѣшиться вопросъ, кто поступилъ предосудительно: Стаховичъ или князь Мещерскій? Такъ какъ же можно утверждать, что рѣшеніе Судебной Палаты не имѣетъ того значенія, какое имѣло рѣшеніе Окружнаго Суда? Теперь, когда у князя Мещерскаго есть защитникъ; теперь, когда мы слышимъ объясненія самого обвиняемаго,—теперь дѣло утратило свое жгучее значеніе! Что это—насмѣшка, неискренность или излишняя скромность моихъ противниковъ, которые въ первой инстанціи вовсе не блистали такой скромностью? Тамъ, обвиняя *заочно* князя Мещерскаго, г. Плевако, напримѣръ, не гнушался даже такихъ выраженій, какъ «змѣиный языкъ», «Іуда Искаріотъ», «опричникъ», «княжескія черты искажались, какъ у Мефистофеля», и т. п. Теперь же онъ нѣсколько разъ въ своей рѣчи называлъ обвиняемаго князя Мещерскаго просто «Владиміръ Петровичъ»; онъ даже упомянулъ въ своей рѣчи, что по годамъ своимъ ближе подходитъ къ князю Мещерскому, чѣмъ къ своему сотоварищу по защитѣ. И что года его заставляютъ спокойнѣе и сдержаннѣе относиться къ обвиняемому. Но почему же нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ однимъ этажемъ ниже, въ Окружномъ Судѣ, тѣ же года не помѣшали г. Плевако быть гораздо менѣе сдержаннымъ, когда, во имя своихъ либеральныхъ убѣжденій, онъ считалъ себя въ правѣ обратиться къ Окружному Суду съ пожеланіемъ, чтобы судебный приговоръ прибавилъ къ гербу древняго славнаго рода князей Мещерскихъ девизъ клеветника? Вѣдь тѣ отдаленныя времена, когда вмѣстѣ съ обвиняемымъ на плаху тащили и всѣхъ ни въ чемъ неповинныхъ его родичей, всѣхъ домочадцевъ, боковыхъ восходящихъ и нисходящихъ родственниковъ,—эти звѣрскія времена, слава Богу, миновали давно и безвозвратно. Неужели же представители передового сословія въ правѣ воскрешать эти дикія традиціи среднихъ вѣковъ, когда не понимали, что каждый долженъ отвѣчать только за свои проступки, а не за чужіе грѣхи. Если князь В. П. Мещерскій провинился,—обвиняйте его, но не трогайте его родъ, не заставляйте родовыя могилы высылать своихъ давно усопшихъ покойниковъ, память о которыхъ для обвиняемаго священна! Господа Маклаковъ и Плевако преподали здѣсь цѣлую лекцію о томъ, что съ чужою честью надо обращаться бережно и честно, что непозволительно вторгаться въ чужое святое святыхъ; но, видно, поучать другихъ легче, чѣмъ исполнять свое собственное поученіе, и гг. повѣренные Стаховича перешли сами всѣ предѣлы бережнаго обращенія съ честью князя Мещерскаго, въ особенности тогда, когда говорили въ судѣ въ *отсутствіи* обвиняемаго. То, чего князь Мещерскій на самомъ дѣлѣ не писалъ и не утверждалъ, то они ему приписывали и затѣмъ съ торжествомъ доказываютъ, что это утвержденіе князя Мещерскаго далеко отъ истины. Гдѣ же

князь Мещерскій въ „Дневникѣ“ отъ 5 апрѣля 1904 года утверждалъ, что Стаховичъ самъ лично поѣхалъ въ Штутгардтъ и передалъ свою статью въ „Освобожденіе“? Гдѣ же князь Мещерскій утверждалъ, что самъ Стаховичъ послалъ свою статью по почтѣ въ „Освобожденіе“? Въ примѣчаніи къ своему „Дневнику“ 5 апрѣля 1904 года князь Мещерскій говоритъ: „редакторъ „Освобожденія“ предпосылаетъ этой статьѣ „оговорку, что она имъ печатается безъ согласія автора. Когда онъ „докажетъ, какимъ образомъ чья-либо рукопись можетъ попасть въ ре„дакцію „Освобожденія“ *безъ согласія писавшаго ее*, тогда я повѣрю и „тому, что Стаховичъ послалъ г. Струве статью *въ защиту администра„ціи*, а г. Струве. безъ согласія автора, превратилъ ее *въ статью „противъ правительства*. Ужъ больно глумится Струве надъ читате„лями“. Въ судебномъ отчетѣ о дѣлѣ князя Мещерскаго, помѣщенномъ въ газетѣ „Право“, вкралась ошибка: вмѣсто фразы: „*тогда я повѣрю, что Стаховичъ послалъ*... въ „Правѣ“ напечатано: „тогда я повѣрю, *что Стаховичъ не послалъ*“. И вотъ, благодаря этой маленькой частицѣ отрицанія, всю Россію облетѣло увѣреніе, что Мещерскій утверждалъ, что не вѣритъ, что Стаховичъ самъ *не* послалъ свою статью въ „Освобожденіе“, или, иными словами, что князь Мещерскій утверждалъ, что самъ Стаховичъ послалъ свою статью въ „Освобожденіе“. Въ дѣйствительности, однако, этого князь Мещерскій не утверждалъ. Для правильнаго рѣшенія дѣла важно выяснить, доказано-ли, что статья господина Стаховича очутилась, безъ вѣдома и даже противъ воли Стаховича, въ «Освобожденіи», но доказать, кто ее туда послалъ, это Мещерскій не можетъ, и законъ на него такой обязанности не возлагаетъ. Имѣлъ-ли князь Мещерскій 5 апрѣля 1904 года достаточное основаніе быть убѣжденнымъ въ томъ, что статья Стаховича, въ «Освобожденіи» появилась съ согласія Стаховича? На этотъ вопросъ обвинители князя Мещерскаго отвѣчаютъ отрицательно, ссылаясь на то, что редакція «Освобожденія» печатая статью Стаховича, предпослала ей предисловіе, въ которомъ заявляется: «Во имя *неприкосновенности* русской мысли и русскаго слова, мы нарушаемъ авторское право Стаховича». Неужели же эта оговорка такъ убѣдительна, что князь Мещерскій не имѣлъ права считать ее глумленіемъ надъ читателемъ? Переведемте на юридическій языкъ эту оговорку, и что же тогда получится? Во имя неприкосновенности чужой собственности, мы похищаемъ чужую собственность; или, говоря обыденнымъ языкомъ, «во имя того, чтобы не воровали, мы сами крадемъ». Что же! неужели это не глумленіе? Вѣдь если украсть изъ чужого кармана портсигаръ постыдно, то еще постыднѣе украсть имущество самое дорогое для мыслящаго человѣка,—украсть его статью и помѣстить ее въ запрещенномъ органѣ «противъ его воли», подвергая автора возможности испытать непріятности до потемнѣнія камергерскихъ галуновъ включительно. Какъ назвать этотъ поступокъ? Мои противники называютъ этотъ поступокъ г. Струве «не вполнѣ корректнымъ». Какая странная снисходительность называть некорректнымъ поступокъ, для котораго могли бы быть умѣстны самыя отвратительныя названія. Вора чужого слова, вора чужой мысли называютъ не вполнѣ корректнымъ! Вотъ оно безпристрастіе тѣхъ людей, которые требуютъ обвиненія князя Мещерскаго за то, что онъ не повѣрилъ оговоркѣ г. Струве, не повѣрилъ тому, что

безъ согласія Стаховича статья его могла очутиться въ «Освобожденіи». Стоитъ вору сказать громкую фразу о «неприкосновенности свободы слова»—и ему прощаютъ его собственный самый гнусный поступокъ; ему прощаютъ присвоеніе чужого имущества... Когда же у насъ поймутъ, что правда не въ лицемѣріи... что не тотъ идетъ по истинному пути, который ставитъ на своемъ знамени девизъ свободы, попирая эту свободу, а тотъ, кто уважаетъ чужія убѣжденія и во имя свободы не совершаетъ гнусныхъ насилій надъ людьми и надъ ихъ имуществомъ. Вѣдь движеніе впередъ не всегда похвально, потому что оно только тогда и знаменуетъ собою прогрессъ, если впереди свѣтятъ идеалы правды и добра; важно не то, куда люди идутъ, «впередъ или назадъ» а важно, куда они приближаются, къ чему они стремятся. Если впереди болота и гниль, если, идя впередъ, люди озвѣрѣютъ и и опошлятся, то какая отъ этого будетъ польза человѣчеству и будущимъ поколѣніямъ? Въ письменной жалобѣ, подписанной не Стаховичемъ, а его повѣренными, гг. Маклаковъ и Плевако пишутъ: «положимъ, что свидѣтельство господина Струве въ глазахъ князя Мещерскаго могло не быть убѣдительнымъ доказательствомъ»... Спасибо моимъ почтеннымъ противникамъ хоть за эту маленькую уступку, хоть въ одномъ отношеніи они признаютъ за княземъ Мещерскимъ право на самостоятельныя убѣжденія: они признаютъ, что князь Мещерскій можетъ не вѣрить г. Струве, которому г. Маклаковъ безусловно вѣритъ, какъ это мы слышали сегодня изъ рѣчи г. Маклакова. Но зато по отношенію отставного коллежскаго регистратора Григорія Волконскаго этой уступки мои противники ни за что сдѣлать не хотятъ! Григорію Волконскому князь Мещерскій *обязанъ* вѣрить. Однако, вѣдь все, что сказано уже мною о поступкѣ г. Струве, помѣстившаго чужую статью въ своемъ запрещенномъ изданіи, все это сугубо примѣнимо къ князю Волконскому. Не объясняя, отъ кого и какъ онъ получилъ эту статью, князь Григорій Волконскій лишь утверждаетъ, что онъ, безъ вѣдома и безъ согласія Стаховича, передалъ корректурный листъ въ «Освобожденіе». Но кто такой этотъ Волконскій, почему ему обязанъ вѣрить князь Мещерскій? Изъ письма князя Волконскаго, представленнаго уже свидѣтелемъ Гессеномъ и пріобщеннаго къ дѣлу, видно, что князь Григорій Волконскій—человѣкъ съ болѣзненно повышеннымъ самомнѣніемъ, онъ жаждетъ, чтобы объ немъ говорили, писали; онъ готовъ на всякія выходки, чтобы только заслужить одобреніе своихъ единомышленниковъ; онъ сотрудникъ «Освобожденія»; онъ начитался всякихъ брошюръ о разныхъ видахъ свободы; всѣ философскія понятія у него перепутались, и все его письмо, пріобщенное къ дѣлу, свидѣтельствуетъ, что онъ человѣкъ не серьезный. Его письмо—это винигретъ всякихъ сплетенъ, слуховъ, брани по адресу высокопоставленныхъ лицъ, безсвязныхъ мыслей и хвастливыхъ заявленій, что онъ не порвалъ связей съ сильными міра сего, и что въ Дармштадтѣ онъ «цѣлые полчаса» бесѣдовалъ въ кабинетѣ съ министромъ Двора, барономъ Фредериксомъ, о способахъ передѣлать русскій государственный строй. Въ письмѣ своемъ князь Волконскій, между прочимъ, пишетъ: «цензура поступила противозаконно, не пропустивъ статью Стаховича и *я* считалъ необходимымъ вывести это наружу и обратить на это вниманіе Вер-

«ховной Власти». Свидѣтель, присяжный повѣренный Гессенъ, редактирующій газету «Право», удостовѣрилъ, что статью Стаховича цензура въ конце-концовъ *пропустила*, и что если статья эта въ «Правѣ» не напечатана, то только потому, что *сами* редакторы «Права» побоялись печатать эту статью вслѣдствіе *слуховъ*, что изъ-за статьи Стаховича могутъ выйти непріятности для «Права». Значитъ, Григорій Волконскій пишетъ неправду, утверждая, что цензура не пропустила статью Стаховича. Странный и непослѣдовательный человѣкъ князь Григорій Волконскій. Вѣдь если онъ имѣетъ возможность доводить черезъ министра Двора до Верховной Власти свои взгляды и свои брошюры, то для чего же ему понадобилось прибѣгать къ тайному похищенію чужой статьи, чтобы Верховная Власть узнала о насиліи, совершенномъ пожарными надъ несчастнымъ сартомъ въ городѣ Орлѣ? Не проще-ли было бы объ этомъ фактѣ довести законнымъ путемъ до свѣдѣнія Государя. Вѣдь и самъ Стаховичъ, какъ губернскій предводитель дворянства, имѣлъ полную возможность о возмутившемъ его случаѣ прямо сказать Государю. Зачѣмъ же Стаховичъ молчалъ пять лѣтъ, а потомъ единичный случай постарался обобщить и за границею предать гласности на посмѣшище всѣмъ врагамъ Россіи? Тотъ, кто безъ всякой необходимости выноситъ соръ изъ русской избы; тотъ, кто ищетъ личнаго шумнаго успѣха, а не торжества истины,— тотъ не заслуживаетъ такого ореола, какимъ хотятъ окружить Стаховича его повѣренные. Не въ характерѣ у князя Мещерскаго выкручиваться и заискивать у толпы. Князь Мещерскій знаетъ, какъ толпа непостоянна и какъ она развѣнчиваетъ своихъ вчерашнихъ кумировъ. Князь Мещерскій и Стаховичъ — питомцы того же училища правовѣдѣнія, оба они камергеры, оба богаты, оба знатны, и если у Стаховича есть писательскій талантъ, то у князя Мещерскаго въ этомъ талантѣ ужъ несомнѣнно нѣтъ недостатка! Многіе либеральные газетные писатели клялись своими грязными перьями никогда не упоминать даже имени князя Мещерскаго, и что же?—не проходитъ дня, чтобы о князѣ Мещерскомъ не писали во всѣхъ газетахъ,— значитъ, замолчать его трудно. Князь Мещерскій, стойко отстаивавшій свои убѣжденія и тогда, когда судьба его ласкала и одѣвала славою земной, и тогда, когда отъ него отворачивалась и никогда не подлаживался къ барометру общественнаго настроенія, а шелъ тѣмъ путемъ, который *считалъ* правымъ. Отвѣтственность передъ своею совѣстью онъ ставилъ выше, чѣмъ отвѣтственность передъ модными вѣяніями. Вотъ почему Мещерскій и не можетъ завидывать такому господину, какъ Стаховичу, и если безпристрастно вникнуть въ каждую строку «Дневника» Мещерскаго отъ 5 апрѣля 1904 года, то нужно признать что не месть, не зависть, а негодованіе, злое презрѣніе загоралось въ глазахъ этого упрямаго старика противъ губернскаго предводителя дворянства, либеральную разпущенность котораго князь Мещерскій сравниваетъ съ «хамскимъ своеволіемъ». На бранныя слова, на ругань въ печати Стаховичъ не жаловался, а жаловался на клевету, а гдѣ же она, эта клевета? Князь Мещерскій не измыслилъ ни единаго факта, а вотъ люди, которые произносили горячія рѣчи о томъ,

что надо трепетно и бережно обращаться съ чужою честью,—эти люди въ дѣлѣ князя Мещерскаго первые сами нарушили свои завѣты. Они забыли, что «если увлеченіе въ защитѣ извинительно, то увлеченіе въ обвиненіи непростительно»! Они роль стороны смѣшали съ ролью свидѣтеля, и господинъ Плевако, забывъ, что онъ не въ театрѣ, позволилъ себѣ въ окружномъ судѣ глумиться надъ отсутствующимъ обвиняемымъ, изображая, какъ онъ, Плевако, представляетъ себѣ фигуру князя Мещерскаго, распечатывающаго письмо князя Григорія Волконскаго, прочитывающаго его, затѣмъ складывающаго это письмо трепетной рукою, опускающаго его себѣ въ карманъ и утаивающаго отъ судебнаго слѣдователя содержаніе этого письма; а между тѣмъ, сегодня выяснилось, что вся эта картина—лишь плодъ личной и не въ мѣру разошедшейся фантазіи господина Плевако. Развѣ г. Плевако былъ въ кабинетѣ князя Мещерскаго, когда князь Мещерскій получилъ письмо Волконскаго? Князь Мещерскій не отрицаетъ, что какое-то письмо отъ Волконскаго онъ получилъ въ концѣ апрѣля, то есть уже значительно позже, чѣмъ былъ написанъ «Дневникъ», но онъ положительно утверждаетъ, что не читалъ этого письма до конца, потому что не имѣетъ вообще обыкновенія дочитывать бранныя письма до конца. Всякому, кто знакомъ съ редакторской дѣятельностью, извѣстно, что ни одинъ редакторъ не имѣетъ времени дочитывать всѣ бранныя письма, которыя получаются въ редакціи... Но это невыгодно для повѣренныхъ Стаховича, и потому они утверждаютъ, что князь Мещерскій обязанъ былъ прочитать до конца письмо Волконскаго, обязанъ его помнить наизустъ и повѣрить каждому слову этого письма. По мнѣнію же князя Мещерскаго, для произведеній Григорія Волконскаго въ кабинетѣ Мещерскаго нѣтъ болѣе подходящаго мѣста, какъ въ корзинкѣ подъ письменнымъ столомъ. Казалось бы, что въ своемъ кабинетѣ князь Мещерскій воленъ располагать своимъ временемъ и вещами по своему усмотрѣнію; но обвинители Мещерскаго не хотятъ за нимъ признать и этого права и требуетъ, чтобы онъ сохранялъ письма Волконскаго и вѣрилъ бы имъ, какъ непредложеннымъ свидѣтелямъ изъ заграничнаго царства. Строгіе не въ мѣру къ князю Мещерскому, обвинители, его не въ мѣру снисходительны къ Стаховичу. «Гдѣ же князь Мещерскій зпаетъ примѣръ, чтобы Стаховичъ скрывалъ свои мнѣнія или заставлялъ другихъ говорить за себя?» Вотъ что въ Окружномъ Судѣ восклицалъ присяжный повѣренный Маклаковъ. Тогда на этотъ вопросъ отвѣта не было, потому что обвиняемый по болѣзни на судѣ не присутствовалъ, но теперь я отвѣчу на этотъ вопросъ: скрывалъ-ли когда-нибудь раньше свои мнѣнія Стаховичъ—это для даннаго дѣла не имѣетъ значенія, но что по дѣлу князя Мещерскаго Стаховичъ самъ точно воды въ ротъ набралъ и ни разу ни устно, ни письменно заявилъ, что статья его очутилась безъ его вѣдома и противъ его воли у сотрудника „Освобожденія“ князя Григорія Волконскаго,—это фактъ установленный. Почему же Мещерскому объ этомъ пишетъ не самъ Стаховичъ, а князь Волконскій? Нужны-ли еще другія доказательства, что Стаховичъ заставляетъ говорить за себя другихъ а самъ упорно отмалчивается? Почему же онъ молчитъ? Здѣсь широкое поле для всякихъ догадокъ. Стаховичъ далъ формальную довѣренность присяжному повѣренному

Плевако для возбужденія дѣла о клеветѣ противъ князя Мещерскаго. Но какъ формулируютъ повѣренные обвиненіе въ клеветѣ,—это лежитъ на отвѣтственности самихъ повѣренныхъ, а не Стаховича. Вотъ если бы Стаховичъ далъ ложно честное слово, что статья его была украдена, тогда отъ него отвернулись бы всѣ его честные единомышленники. Но дать довѣренность на обвиненіе старика въ клеветѣ, когда знаешь, что этотъ старикъ не измыслилъ ни единаго обстоятельства,—это не считается некрасивымъ пріемомъ борьбы съ политическимъ врагомъ. О, эта свободная условность! какъ много зла принесла и причиняетъ она Россіи, какъ часто при помощи умолчанія недомолвокъ или напыщенныхъ фразъ о свободѣ сводятъ личные счеты со своими противниками! Глумленіе надъ обвиняемымъ не встрѣтило въ Окружномъ Судѣ надлежащей отповѣди, но теперь равноправныя стороны стоятъ другъ противъ друга, и какъ странно звучитъ рѣчь обвинителей, когда они во второй инстанціи пытаются негодовать на князя Мещерскаго, за то, что онъ о Стаховичѣ думаетъ не такъ, какъ это выгодно единомышленникамъ Стаховича. Они хотятъ, чтобы было признано, что князь Мещерскій обязанъ вѣрить отставному коллежскому регистратору князю Волконскому даже въ томъ случаѣ, если бы этотъ отставной регистраторъ былъ бы подставнымъ. Князь Мещерскій не отрицалъ за Стаховичемъ, какъ частнымъ человѣкомъ, права писать, что угодно, про русское правительство, но за губернскимъ предводителемъ дворянства не признаетъ права поносить это правительство. Князь Мещерскій именно отмѣтилъ въ своемъ „Дневникѣ“ 5 апрѣля, что статья Стаховича потому появилась въ „Освобожденіи“ что эта статья пришлась по вкусу нелегальнымъ газетамъ *по своему содержанію*. Самъ господинъ Плевако въ Окружномъ Судѣ началъ свою рѣчь съ того, что утверждалъ, что „не мѣсто, гдѣ появилась статья, а самое содержаніе статьи Стаховича вызвало со стороны князя Мещерскаго тотъ натискъ, который обвинители называютъ „клеветою“. Сегодня же въ Судебной Палатѣ обвинители почти совсѣмъ не касались содержанія статьи Стаховича, а между тѣмъ, именно содержаніе этой статьи давало право Мещерскому написать то, что онъ написалъ въ своемъ „Дневникѣ“ 5 апрѣля 1904 года о. г. Стаховичъ. По всѣмъ этимъ причинамъ я прошу объ оправданіи князя Мещерскаго“.

Послѣ реплики г. Плевако, присяжный повѣренный Булацель продолжалъ: „выслушавъ поучительное возраженіе почтеннаго моего противника, я еще болѣе убѣдился въ томъ, что легче поучать, чѣмъ самому исполнять свои поученія, и что ради краснаго словца мой противникъ не остановится ни передъ чѣмъ, а потому я буду кротокъ. Когда онъ говорилъ въ Судѣ о тѣхъ добровольныхъ труженикахъ, которые полетѣли туда, гдѣ, на поляхъ Манчжуріи, льется русская кровь, чтобы окружить своими заботами умирающихъ отъ ранъ русскихъ воиновъ, онъ воскликнулъ: „и что же?—имени патріота князя В. П. Мещерскаго мы не находимъ тамъ“... Эта фраза произвела желанное впечатлѣніе на слушателей, но этимъ дешевымъ успѣхомъ защитникъ Стаховича обязанъ лишь тому, что въ Судѣ не присутствовалъ князь Мещерскій. А если бы онъ былъ тамъ, то могъ бы отвѣтить, что имени

знаменитаго оратора Плевако мы тоже не находимъ тамъ, гдѣ льется не только русская рѣчь, но и русская кровь, и гдѣ русскіе люди нуждаются въ помощи и въ утѣшеніи. Но Мещерскому извинительно не ѣхать на войну: онъ хотя бодрый духомъ, но удрученный болѣзнями старикъ, а вотъ г. Плевако до сихъ поръ наслаждается въ одинаковой мѣрѣ своимъ тѣлеснымъ здоровьемъ, какъ и своимъ краснорѣчіемъ. „Со словомъ публичнымъ надо обращаться трепетно и честно". Какое благородное поученіе. Но самъ г. Плевако послѣдовалъ-ли своему поученію? Гдѣ же это трепетное обращеніе съ даннымъ ему природою даромъ краснорѣчія? Обращаясь вглубь временъ, говоря о грекахъ, о пиѳіяхъ и вообще о предметахъ совершенно не относящихся къ дѣлу Стаховича, г. Плевако позволилъ себѣ чисто личную выходку противъ моего мыслительнаго аппарата, „не умѣющаго отличать плоды фантазіи отъ дѣйствительности". Но гдѣ же находился аппаратъ для распознанія истины отъ выдумки у самого г. Плевако, когда онъ изображалъ имъ самимъ же выдуманную сцену прятанія въ карманъ письма Волконскаго княземъ Мещерскимъ? А вѣдь эта выдумка обошла всѣ газеты, и публика повѣрила ей. А теперь установлено, что когда князь Мещерскій писалъ пятаго апрѣля свой „Дневникъ", онъ писалъ лишь то, въ чемъ былъ искренно, глубоко убѣжденъ".

Послѣ двухчасового совѣщанія Судебная Палата объявила резолюцію, которою приговоръ Окружнаго Суда, какъ неправильный, отмѣнила и признала князя В. П. Мещерскаго по суду оправданнымъ.

Дѣло болгарскаго поддаинаго Петра Вишановича Карагеоргіева обвиняемаго по 1416 ст. уложенія.

Обвинительный актъ.

О болгарскомъ подданномъ Петрѣ Вишановѣ Карагеоргіевѣ.

Въ началѣ Ноября 1904 года въ городѣ С.-Петербургѣ къ проживающему въ д. № 14 по Алексѣевской улицѣ титулярному совѣтнику Анатолію Степанову явился неизвѣстный ему студентъ и заявивъ, что онъ племянникъ Сербскаго Короля Петръ Карегоргіевичъ, снялъ у Степанова комнату. Степановъ, повѣривъ заявленію назвавшагося Карагеоргіевичемъ о томъ, что онъ дѣйствительно находится въ родствѣ съ Сербскимъ Королемъ и долженъ получить деньги, не потребовалъ съ него впередъ и такимъ образомъ, Карагеоргіевичъ, не платя Степанову ни за комнату, ни за столъ, задолжалъ ему 125 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что именовавшій себя Карагеоргіевичемъ въ дѣйствительности—уроженецъ города Силистріи Петръ Карагеоргіевъ и въ родствѣ съ Сербскимъ Королевскимъ домомъ не состоитъ.

Степановъ, считая, что онъ понесъ убытки въ размѣрѣ 125 руб., вслѣдствіе ложнаго заявленія Карагеоргіева о томъ, что онъ племянникъ Сербскаго Короля, подалъ жалобу на Карагеоргіева Мировому Судьѣ 7-го участка горда С.-Петербурга съ просьбой о привлеченіи Карагеоргіева къ уголовной отвѣтственности за мошенничество.

Возникшее по этому поводу уголовное дѣло было разобрано первоначально Мировымъ Судьей, а затѣмъ поступило на разсмотрѣніе С.-Петербургскаго Столичнаго Мироваго Съѣзда, въ засѣданіи котораго свидѣтели баронъ-фонъ Функъ, Коганъ, Кирѣева, Сѣдкова, Юзбашевъ, Кишкинъ и Ходжіановъ, а также и потерпѣвшій Степановъ удостовѣрили, что Карагеоргіевъ, назвался Карагеоргіевичемъ и выдавалъ себя за родственника Сербскаго Короля, именно за его племянника.

По обвиненію въ мошенничествѣ Карагеоргіевъ однако былъ Мировымъ Съѣздомъ оправданъ, а дѣло о немъ въ видупризнаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 1416 ст. Ул. о Нак., было передано Прокурору С.-Петербургскаго Окружнаго Суда.

Карагеоргіевъ въ своихъ объясненіяхъ заявилъ, что сталъ называть себя Карагеоргіевичемъ потому, что такимъ образомъ была обозначена его фамилія при переводѣ его метрическаго свидѣтель-

ства на русскій языкъ для представленія въ высшее учебное заведеніе; племянникомъ же Сербскаго Короля не называлъ себя, а въ виду сходства его фамиліи съ фамиліей Сербской Королевской семьи его постоянно спрашивали не родственникъ ли онъ Сербскому Королю.

Изъ имѣющихся въ производствѣ Мирового Съѣзда отношеній Болгарскаго Дипломатическаго представительства видно, что Карагеоргіевъ по происхожденію болгаринъ, уроженецъ Силистріи.

На основаніи изложеннаго болгарскій подданный Петръ Вишановъ Карагеоргіевъ обвиняется въ томъ, что въ 1904 году въ городѣ С.-Петербургѣ именовалъ себя непринадлежащей ему знатной сербской фамиліи Карагеоргіевича, ложно называя себя племянникомъ царствующаго Сербскаго Короля Петра Карагеоргіевича.

Преступленіе это предусмотрѣно 1416 ст. Ул. о Нак.

Вслѣдствіе сего и на основаніи 200 ст. Уст. Угол. Суд. болгарскій подданный Петръ Вишановъ Карагеоргіевъ подлежитъ суду С.-Петербурскаго Окружнаго Суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Составленъ «17» Іюля 1907 года въ гор. С.-Петербургѣ.

Рѣчь П. Ф. Булацеля

въ защиту П. В. Карагеоргіева, произнесенная 3-го ноября 1907 года въ XI отд. Петербургскаго Окружнаго Суда.

Гг. судьи! Прежде чѣмъ приступить къ защитѣ, я хотѣлъ бы точно установить, въ чемъ собственно обвиняется Карагеоргіевъ съ точки зрѣнія закона? Обвиняется ли онъ въ томъ, что называлъ себя родственникомъ сербскаго короля?

Если бы онъ назвалъ себя родственникомъ не только сербскаго короля, а хотя бы англійской королевы,—то и въ такомъ случаѣ у насъ, въ уложеніи о наказаніяхъ, нѣтъ статьи, которая за это хвастовство преслѣдовала бы. Вѣдь Карагеоргіевъ обвиняется по 1416 ст. за то, что будто бы присвоилъ себѣ знатную фамилію, ему не принадлежащую, и лишь какъ на одно изъ доказательствъ этого преступленія, указывается на то, что онъ именовалъ будто-бы себя родственникомъ царствующей сербской фамиліи короля Петра Карагеоргіевича.

Но первый признакъ преступленія, въ которомъ онъ обвиняется, присвоеніе чужой фамиліи отпадаетъ, ибо эту фамилію присвоилъ себѣ не самъ онъ, а присвоило ему министерство иностранныхъ дѣлъ, и остается только второй: онъ называлъ себя родственникомъ царствующаго сербскаго короля. Между тѣмъ, когда мы выслушали обвинительную рѣчь прокурора, то оказалось, что съ точки зрѣнія обвинителя вина подсудимаго заключается въ томъ именно, что онъ изъ «корыстныхъ» цѣлей выдавалъ себя за родственника сербскаго короля. Г. прокуроръ забываетъ, однако, что отягчать обвиненіе и приводить такіе позорные мотивы, которые даже въ обвинительномъ актѣ не значатся, онъ не имѣетъ права. Онъ утверждалъ въ своей заключительной рѣчи, что мотивы присвоенія Петромъ Вишановичемъ Карагеоргіевымъ чужой фамиліи были корыстными. Но, вѣдь, подсу-

димый ни въ мошенничествѣ, ни въ корысти не обвиняется, онъ въ этомъ уже оправданъ приговоромъ мирового съѣзда. Теперь же подсудимому приходится давать отчетъ лишь по вопросу, присвоилъ ли онъ себѣ изъ тщеславія чужую знатную фамилію, или не присвоилъ чужой фамиліи. Итакъ,, гг. судьи, опредѣливъ въ чемъ заключается обвиненіе, я приступаю къ защитѣ.

Дѣйствтельно ли Карагеоргіевъ присвоилъ себѣ чужую фамилію «Карагеоргіевичей»? Прежде всего слѣдуетъ сказать, что изъ метрическаго свидѣтельства его видно, что фамилію передѣлалъ тотъ переводчикъ министерства иностранныхъ дѣлъ, который переименовалъ его изъ Карагеоргіева въ Карагеоргіевича. Затѣмъ, если придерживаться фактической стороны дѣла—не такъ какъ характеризуютъ ее гг., принадлежащіе къ кружку Кирѣевой, а такъ, какъ событія, дѣйствительно, имѣли мѣсто,—то придется придти къ выводу, что нигдѣ, ни въ какихъ документахъ, ни въ какихъ бумагахъ, подсудимый не обнаруживалъ желанія присвоить себѣ знатную, не принадлежащую ему фамилію. Цѣлый рядъ свидѣтелей прошелъ передъ нашими глазами; эти свидѣтели говорили, что даже 7—9 лѣтъ тому назадъ, когда еще Обреновичи царствовали въ Сербіи, когда Карагеоргіевичи были въ изгнаніи, когда эта фамилія еще не могла считаться столь знатной, какою является теперь—въ это время Карагеоргіевъ именовался во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ, въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ Карагеоргіевичемъ, ибо такъ съ болгарскаго языка была переведена на русскій языкъ его фамилія «Карагеоргіевъ», значитъ, собственно онъ никогда не присваивалъ себѣ фамиліи Карагеоргіевичъ. Эту фамилію ему присвоили русскія же присутственныя мѣста, а между тѣмъ, это ставятъ въ вину Карагеоргіеву, говоря: «Твоя фамилія Карагеоргіевъ, а ты присвоилъ себѣ знатную, непринадлежащую тебѣ фамилію «Карагеоргіевичъ».

Гг. судьи! Значитъ, въ концѣ концовъ весь споръ сводится къ окончаніямъ: «евъ» и «евичъ». А мы сегодня слышали свидѣтеля, фамилія котораго оканчивается на о, а въ русскихъ учрежденіяхъ ему прибавили «овъ». Значитъ ли это, что свидѣтель Димо самъ присвоилъ себѣ фамилію Димовъ, вмѣсто Димо? Мы раскрываемъ энциклопедическій словарь, историческій документъ, куда занесены фамиліи общественныхъ дѣятелей, которые переживутъ и наше печальное время и останутся въ исторіи. Мы здѣсь встрѣчаемъ жизнеописаніе писателя «Ѳ. Соллогуба». Какъ звали въ дѣйствительности этого господина, никто не узнаетъ,—вездѣ и въ обществѣ и въ энциклопедическихъ словаряхъ онъ фигурируетъ подъ этой фамиліей. Почему же его не привлекаютъ по 1416 ст. за присвоеніе знатной фамиліи Соллогубовъ? Что дѣлала прокуратура, когда человѣкъ, подлинная фамилія котораго неизвѣстна никому ни въ какихъ общественныхъ собраніяхъ, носилъ чужую, знатную фамилію Соллогуба? Въ уложеніи о наказаніяхъ имѣется статья, по которой за присвоеніе чужой, непринадлежащей фамиліи назначается не особенно тяжкое наказаніе, денежный штрафъ. Но вспомните, что протерпѣлъ Карагеоргіевъ? Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, за что? Вопреки латинскому правилу «non bis in idem», т. е. — «дважды судиться по одному и тому же нельзя» — его судятъ вновь за тоже самое, въ чемъ онъ уже оправданъ. Ст. 21 уст. уг. суд. къ нему, по-

видимому, не примѣняется. Онъ судился въ преступленіи болѣе тяжкомъ, чѣмъ то, въ которомъ обвиняется теперь. Очевидно, то обвиненіе, о которомъ теперь идетъ рѣчь, входитъ, какъ составная часть въ то болѣе тяжкое обвиненіе въ мошенничествѣ, которое предъявлялось къ Карагеоргіеву раньше у мирового судьи и кончилось оправданіемъ въ мир. съѣздѣ. Если бы Карагеоргіевъ не былъ иностранцемъ, болгарскимъ подданнымъ, онъ судился бы тогда не въ мировыхъ учрежденіяхъ, а съ присяжными засѣдателями. У мирового судьи по требованію г. Степанова онъ обвинялся въ томъ, что именно изъ корыстныхъ цѣлей, мошенническимъ образомъ, измѣнивъ свою фамилію, выдавая себя за знатнаго иностранца, за родственника сербскаго короля, — ввелъ цѣлый рядъ людей въ заблужденіе и причинилъ убытки Степанову. И вотъ мировой судья присуждаетъ его по оговору Кирѣевой, Степанова, Кишкина и компаніи къ аресту, сажаетъ въ тюрьму, не освобождаетъ подъ поручительство, несмотря на его просьбу. И вотъ онъ томился въ темницѣ, исключенъ изъ высшаго учебнаго заведенія, лишился мѣста, которое давало ему возможность зарабатывать тѣ 70 рублей, о которыхъ г. товарищъ прокурора говоритъ съ нѣкоторой какъ бы насмѣшкой, «что подсудимый бросается изъ стороны въ сторону, не умѣлъ никакъ устроиться».

Неужели можно поставить въ вину человѣку даже то, что онъ ищетъ честнаго труда, днемъ служитъ въ канцеляріи Сената, а вечеромъ въ канцеляріи Синода?

Такимъ образомъ, зарабатывая въ мѣсяцъ тяжелымъ трудомъ почти 70 рублей, онъ живетъ, тихо, скромно, какъ труженикъ, въ маленькой комнатѣ, за которую платитъ въ мѣсяцъ 30 рублей, это удостовѣряли всѣ свидѣтели, — днемъ и вечеромъ ищетъ занятій, не имѣя возможности проводить время въ праздности. Гдѣ же здѣсь признаки самозванства? Гдѣ хлестаковщина?

И вотъ онъ встрѣчается съ Кирѣевой на службѣ въ сенатѣ. Эта женщина теперь говоритъ, что онъ ей сразу при первой же встрѣчѣ представился, какъ племянникъ сербскаго короля. Эта женщина почти однихъ лѣтъ, какъ и онъ,—чуть-чуть моложе,—нельзя сказать, чтобы неопытная институтка,—эта женщина замужемъ, но живетъ почему-то одна въ меблированной комнатѣ, хотя въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ и ея мать г-жа Сѣткова, но все же въ другой квартирѣ, — приходитъ домой и своей квартирной хозяйкѣ сообщаетъ: «Я познакомилась съ родственникомъ сербскаго короля»! А черезъ нѣсколько дней эта женщина представляетъ его хозяину квартиры Платову, какъ своего жениха и какъ болгарскаго подданнаго, сына болгарскаго купца. Затѣмъ Карагеоргіевъ часто бывалъ съ Кирѣевой у Фабръ и у Горанна и никогда тамъ не называлъ себя сербомъ. Въ самомъ дѣлѣ, взвѣсьте всѣ эти обстоятельства, скажите, можно ли съ полнымъ довѣреніемъ относиться послѣ этого къ тому, что исходитъ отъ кружка Кирѣевой?

Можно ли предположить, что этотъ самый болгаринъ Карагеоргіевъ, который вездѣ отрицалъ, что онъ родственникъ знатной сербской фамиліи, который говорилъ вездѣ, что онъ болгаринъ, сталъ бы говорить Кирѣевой то, что ему стараются приписать. Когда у него спрашивали: «Ты сербскій принцъ»?—онъ, какъ каждый любящій свою національность, обижался: лучше быть сыномъ болгарскаго купца, чѣмъ серб-

скимъ принцемъ. Онъ предпочиталъ быть скромнымъ сыномъ своей родины, чѣмъ знатнымъ принцемъ чужого народа. Это—отличительная черта всѣхъ націоналистовъ.

Мы слышали, что онъ задавался мечтой, какъ онъ будетъ трудиться на благо любимой родины, когда, окончивъ въ Россіи высшее образованіе, будетъ въ Болгаріи имѣть какое нибудь значеніе. А кружокъ Кирѣевой говоритъ, что онъ будто-бы обѣщалъ мѣста, протекцію и награды своимъ знакомымъ, ссылаясь на свое родство съ сербскимъ королемъ! Я думаю, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ рядомъ преувеличеній, искаженій фактовъ, которые исходили всѣ изъ одного и того же мутнаго Кишкинско-Степановскаго источника.

Я даже не хотѣлъ бы особенно строго осудить госпожу Кирѣеву за то, что изъ тщеславія она первая стала разсказывать, будто выходитъ замужъ за племянника сербскаго короля. Маленькое женское хвастовство вѣдь такъ простительно! Но я не могу простить ей, когда она свое горе выноситъ на показъ и дѣлаетъ изъ него себѣ рекламу. Всѣ живыя существа ищутъ уединенія, когда они страдаютъ, но кто изучалъ психологію женщинъ, тотъ знаетъ, что есть такія женщины, которыя даже изъ своихъ сердечныхъ страданій ищутъ сдѣлать парадъ. Къ числу такихъ особъ принадлежитъ очевидно и Кирѣева. Послѣдній процессъ, привлекшій вниманіе всей Европы, процессъ берлинскаго графа Мольтке указываетъ на то, что даже женщина съ образованіемъ, изъ высшаго общества способна рисоваться своимъ горемъ, способна мыть свое грязное бѣлье, разсказывать о своихъ терзаніяхъ и мученіяхъ, которыя она пережила нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не стѣсняется предавать гласности такія интимныя подробности своей жизни, которыхъ даже простая горничная не передастъ по секрету своей подругѣ. Есть женщины, которыя находятся на низшемъ уровнѣ чѣмъ безсловесныя животныя, ибо даже животныя стараются уединится, спрятаться, не выставляться на показъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится страдать.

Когда мы все это примемъ во вниманіе, то мы можемъ сказать, что до извѣстнаго періода у Кирѣевой вѣроятно была только одна цѣль—вернуть любимаго человѣка. Она, можетъ быть, въ то время еще любила Карагеоргіева и вотъ она посылаетъ то Кишкина, то еще другихъ людей къ Карагеоргіеву, сама ему угрожаетъ, что если онъ не вернется къ ней, то тогда выйдутъ плохіе результаты.

Ему угрожали,—это подтвердили даже тѣ свидѣтели, которые совсѣмъ не были заинтересованы въ томъ, чтобы Карагеоргіевъ снова вернулся и жилъ въ одной комнатѣ съ Кирѣевой,—а желали наоборотъ, чтобы онъ уѣхалъ навсегда изъ Россіи и оставилъ бы свободное поле для нихъ.

Эти люди говорили: «мы подымемъ дѣло, мы укажемъ, что вы самозванецъ»!

А указать на это очень легко. Во-первыхъ,—его фамилія Карагеоргіевичъ,—въ которой онъ совершенно не повиненъ, такъ какъ ее ему дали русскія же власти, а во-вторыхъ,—надъ нимъ уже раньше въ семинаріи и въ юнкерскомъ училищѣ подтрунивали, что онъ родственникъ знаменитой исторической фамиліи Карагеоргіевичей. Извѣстно, что въ учебныхъ заведеніяхъ фамиліи учениковъ даютъ поводъ къ

всевозможнымъ остротамъ. Вотъ тотъ источникъ, который далъ мысль госпожѣ Кирѣевой воспользоваться, сходствомъ фамиліи Карагеоргіевича съ сербскимъ королемъ, какъ средствомъ для того, чтобы путемъ угрозъ вернуть къ себѣ подсудимаго. Когда, гг. судьи, средства начинаютъ въ сознаніи человѣка дѣлаться какъ бы цѣлью, когда они замѣняютъ эту цѣль, то въ концѣ концевъ они и оправдываютъ поговорку, что «цѣль оправдываетъ средства» и затѣмъ эти самыя средства переходятъ уже въ цѣль...

Такъ было, вѣроятно, и съ госпожей Кирѣевой. Съ начала она хотѣла вернуть къ себѣ охладѣвшаго поклонника, преслѣдуя его, мучила, застращивала,—а затѣмъ увлеклась этимъ спортомъ, когда увидѣла, что прошлаго все равно не вернешь. Подъ вліяніемъ ссоръ, которыя происходили у него съ ея матерью госпожею Сѣтковой,—о которыхъ такъ живописно повѣствовала эта «почтенная» особа, говорившая, что Карагеоргіевъ даже плюнулъ въ нее, подъ вліяніемъ сомнительныхъ справокъ, которыя услужливая мамаша такъ аккуратно начала доставать,—не тогда, когда дѣйствительно нужно бы было собирать свѣдѣнія о человѣкѣ, который начинаетъ ухаживать за дочерью, а десять мѣсяцевъ спустя, когда Карагеоргіевъ уже ушелъ отъ Кирѣевой, послѣдняя, конечно, стала питать къ Карагеоргіеву далеко не нѣжныя чувства. Отъ любви такія женщины какъ Кирѣева, быстро переходятъ къ ненависти. Господинъ членъ суда спрашивалъ Сѣткову «не потому ли она собирала справки о Карагеоргіевѣ, что на ней лежала священная обязанности защитить честь дочери». Госпожа Сѣткова, отвѣтила на этотъ вопросъ утвердительно. Еще бы, какъ же ей было не вспомнить о своихъ священныхъ материнскихъ обязанностяхъ?! Но вотъ что странно, что объ нихъ вспомнила лишь тогда, когда госпожа Кирѣева уже разошлась съ Карагеоргіевымъ. И лишь послѣ того, какъ Карагеоргіевъ сталъ требовать, чтобы Кирѣева перестала принимать студента Кишкина и другихъ молодыхъ людей, заботливая мать начинаетъ писать во всѣ учебныя заведенія, прося сообщить справки о Карагеоргіевѣ! Вѣроятно, со словъ Карагеоргіева, она знала, гдѣ онъ прежде учился, гдѣ воспитывался,—очевидно, что онъ не дѣлалъ изъ этого секрета.

Если бы онъ былъ самозванецъ, лжецъ,—онъ бы постарался окутать тайной свое прошлое. Онъ разсказывалъ бы, что пріѣхалъ съ Балканскаго полуострова, откуда нибудь изъ лѣса убѣжалъ,—какъ повѣствовали госпожа Кирѣева и свидѣтель Коганъ. Но нѣтъ! Онъ въ дѣйствительности разсказывалъ подробно, гдѣ онъ жилъ, что онъ былъ въ Одессѣ, въ Курской семинаріи, въ Чугуевскомъ юнкерскомъ училищѣ.

Все это, оказывается, извѣстно и бывшей невѣстѣ и ея заботливой мамашѣ. Мамаша начинаетъ травить безпощадно бывшаго жениха своей дочери... бомбардировать присутственныя мѣста и учебное начальство письмами и получаетъ будто бы на нихъ отвѣты, которые однако совсѣмъ не совпадаютъ ни съ оффиціальными справками, имѣющимися въ дѣлѣ, ни съ отвѣтами, которые получены мною теперь. Г-жа Сѣткова не довольствуется тѣмъ только, что разсказываетъ, будто ей написали изъ юнкерскаго училища, что Карагеоргіева оттуда выгнали за грязный поступокъ, она увѣряетъ, что даже болгарскій

консулъ ей сообщилъ, что Карагеоргіевичъ убѣжалъ отъ воинской повинности. По счастію, здѣсь, два русскихъ офицера опровергли эту клевету; они удостовѣрили, что приказы объ увольненіи изъ училища всегда читаются предъ всѣми юнкерами, и если бы было что-нибудь грязное, предосудительное въ поведеніи Карагеоргіева—имъ, какъ его товарищамъ, это было бы извѣстно.

Сѣткова увѣряетъ, что Карагеоргіевъ всюду называлъ себя родственникомъ сербскаго короля и хвасталъ своимъ богатствомъ, а цѣлый рядъ свидѣтелей защиты студенты духовной академіи, студенты университета и хозяинъ квартиры, гдѣ жили Кирѣева и Карагеоргіевъ опровергли эти разсказы госпожи Сѣтковой. Разсмотримъ шагъ за шагомъ свидѣтельскія показанія кирѣевскаго кружка изъ 6 лицъ: Кишкина. Степанова, Когана, Кирѣевой, Сѣтковой и бар. Функа.

Послѣдняго я впрочемъ нѣсколько выдѣляю ставлю отдѣльно отъ другихъ. Правда, онъ тоже часто бывалъ у г. Кирѣевой,—собственно у Степанова, но его показанія, данныя здѣсь на судѣ, въ значительной степени противорѣчатъ тому, что онъ показывалъ подъ присягой въ мировомъ съѣздѣ.

Тамъ онъ показывалъ, «что Степановъ говорилъ ему, что у него живетъ родственникъ сербскаго короля, но самъ Карагеоргіевъ не рекомендовался ему родственникомъ сербскаго короля». Теперь, конечно, легко оправдываться, что, можетъ быть, невѣрно занесено въ протоколъ.

Но, гг. судьи,—я легко согласился бы съ тѣмъ, что мировые судьи иногда невѣрно составляютъ протоколы, я бы скорѣе повѣрилъ г. Функу, когда онъ сегодня подъ присягой показывалъ хотя бы и противъ Карагеоргіева,—но вотъ въ чемъ дѣло: свидѣтели, выставленные обвиненіемъ, противорѣчатъ другъ другу и сами себѣ на каждомъ шагу. Установить эти противорѣчія, прослѣдить ихъ шагъ за шагомъ является главной моей задачей, чтобы показать, что даже то, что теперь ставится въ вину Карагеоргіеву,—а именно будто онъ именовался родственникомъ сербскаго короля,—т. е. даже то въ чемъ въ сущности нѣтъ состава преступленія, на самомъ дѣлѣ есть лишь плодъ измышленія все той же фантазіи Кирѣевой, Сѣтковой, Степанова, Когана и Кишкина...

Что за странное свойство памяти этихъ господъ? Каждый изъ этого кружка хорошо помнитъ все то, что касается Карагеоргіева, помнятъ, напримѣръ, что онъ обѣщалъ одному молодому человѣку Юзбашеву въ такомъ то мѣсяцѣ, такое то мѣсто, что онъ съ Юзбашевымъ ѣздилъ на извозчикѣ, номеръ котораго даже чуть ли не до сихъ поръ остался въ памяти Кишкина. Затѣмъ, простоялъ подъ воротами дома, гдѣ жилъ оберъ-прокуроръ, вышелъ, обманулъ довѣрчиваго юношу и поѣхалъ далѣе продѣлывать тоже съ цѣлымъ рядомъ другихъ лицъ...

Все это свидѣтели помнятъ. Помнитъ г. Степановъ, что являлся къ нему г. Карагеоргіевъ въ мундирѣ института гражданскихъ инженеровъ, хотя въ то время онъ въ институтѣ еще не былъ. Видите, какимъ прокуроромъ, какимъ обвинителемъ является этотъ свидѣтель, который долженъ безпристрастно показывать только то, что знаетъ! Съ какою ловкостью Степановъ показываетъ это, ловкостью не то, что

обвинителя, а судебнаго слѣдователя, или даже человѣка, который разыскиваетъ виновныхъ не въ судебныхъ учрежденіяхъ, а въ томъ департаментѣ, куда Кирѣева и Степановъ обращались прежде, чѣмъ обратиться къ суду...

Итакъ. Степановъ говоритъ о ношеніи мундира, непринадлежащаго Карагеоргіеву. А когда я его спрашивалъ, рискуя быть остановленнымъ вами, г. предсѣдатель, такъ какъ мой вопросъ могъ показаться не относящимся къ дѣлу—какой мундиръ былъ въ это время у самого г. Степанова; свидѣтель начинаетъ путаться, забываетъ и говоритъ, что не помнитъ, какой мундиръ онъ самъ носилъ въ это время и гдѣ онъ тогда состоялъ на службѣ. Гг. судьи! Есть взгляды, которые могутъ запоминать, какіе на другихъ бываютъ ленты, бантики, шляпы и перья: это—взгляды женщинъ. Но за то дамы отлично знаютъ, какія на нихъ самихъ бываютъ шляпы и платья. А г. Степановъ обладаетъ способностью замѣчать только чужіе костюмы, а своего не помнитъ. Затѣмъ Степановъ и Коганъ расходятся въ своихъ показаніяхъ. Степановъ судѣ сегодня показалъ, что Коганъ ему рѣшительно говорилъ, что онъ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Карагеоргіевымъ, что Карагеоргіевъ выдавалъ самъ себя за родственника Короля, что они вмѣстѣ ѣздили въ разныя присутственныя мѣста, что когда они пріѣзжали вмѣстѣ, то профессора всѣ вставали. Но вотъ допрашивается Коганъ. Онъ сначала все это отрицаетъ, а затѣмъ оказывается, что онъ припоминаетъ и говоритъ, что былъ такой разговоръ въ археологическомъ институтѣ и что здѣсь Карагеоргіевъ назвалъ себя родственникомъ Сербскаго Короля и нѣкоторыя лица въ первой комнатѣ, (уже не въ передней ли?) были этимъ поражены. Это произвело сильную сенсацію. Но онъ не говорилъ Степанову, что «всѣ встали» при одномъ словѣ о сербскомъ королевичѣ... Итакъ Степановъ говоритъ, со словъ Когана, что въ университетѣ профессора, люди съ высшимъ образованіемъ, встали;—а самъ Коганъ говоритъ объ обыкновенныхъ маленькихъ писаряхъ, которые не то встали, не то раскрыли рты, когда услыхали, что передъ ними родственникъ Сербскаго Короля. Коганъ отрицалъ, Степановъ утверждалъ. Правда, на очной ставкѣ они почти приходятъ къ соглашенію, и это понятно: вѣдь мы имѣемъ дѣло не съ простыми мужичками, но съ интеллигентными людьми, которые стараются сгладить неточность, неправдоподобность, выученность своихъ свидѣтельскихъ показаній, которая каждому бросается прямо въ глаза. Но развѣ отъ этого ихъ показанія пріобрѣтаютъ хоть какую-нибудь нравственную цѣну? А свидѣтель Кишкинъ, ведущій дѣло о разводѣ со стороны Кирѣевой, развѣ это не интересный свидѣтель? Онъ какъ будто совсѣмъ не заинтересованъ въ обвиненіи Карагеоргіева, но между тѣмъ пока не было Карагеоргіева, то Кирѣеву видали всегда въ сопровожденіи Кишкина. Кишкинъ уѣхалъ въ декабрѣ 1904 г. въ Москву, а когда вернулся, то Кирѣева уже жила съ Карагеоргіевымъ.

Кто первый подалъ на Карагеоргіева въ корпорацію студентовъ института гражданскихъ инженеровъ жалобу? Никто другой, какъ г. Кишкинъ, а когда корпорація назначила ему срокъ на представленіе доказательствъ этого обвиненія, онъ не явился. Теперь онъ передаетъ на судѣ мельчайшія подробности, уличающія Карагеоргіева въ само-

званствѣ, а когда я предложилъ господину Кишкину вопросъ, «не имѣлъ ли онъ отъ Кирѣевой полномочія на преслѣдованіе Карагеоргіева?», онъ отвѣтилъ, что не помнитъ. А между тѣмъ свидѣтели Георгіевъ и Платовъ удостовѣрили, что у Кишкина была собственноручная расписка Кирѣевой, въ которой она поручаетъ ему преслѣдовать Карагеоргіева. Эту записку Кишкинъ показывалъ Платову. Сама Кирѣева тоже подтвердила сегодня на судѣ, что выдала такую довѣренность Кишкину, а господинъ Кишкинъ этого не помнитъ. Странная память! Про Карагеоргіева все помнитъ, каждое его слово, сказанное два-три года тому назадъ помнитъ, а про себя ничего не помнитъ.

Гг. судьи! Обратите вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Коганъ на судѣ утверждаетъ, что онъ никогда не говорилъ прислугѣ у Степанова, чтобы она звала Карагеоргіева „вашимъ сіятельствомъ“. Степановъ увѣряетъ, что будто бы Коганъ обращался къ прислугѣ съ этимъ заявленіемъ. На очной ставкѣ Коганъ заявилъ, что онъ припоминаетъ, что онъ дворнику однажды сказалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ высокой особой. Оказывается, что этотъ разговоръ былъ не съ горничною, а съ дворникомъ. Это въ высшей степени странно. Вѣдь это тотъ самый дворникъ, который самъ прописывалъ паспортъ Карагеоргіева, въ которомъ значится, что онъ простой смертный, а вовсе не королевичъ. Хозяинъ же квартиры Степановъ увѣряетъ, что не поинтересовался посмотрѣть паспортъ того, кто у него живетъ. Правдоподобно ли это, что хозяинъ меблированной квартиры не спросилъ паспорта у бѣднаго студента, заявляющаго ему, что онъ „племянникъ сербскаго короля“. А дворникъ развѣ тоже не сдѣлалъ бы этого даже по обязанности своей службы? Дворникъ повидимому вовсе не считалъ студента Карагеоргіева за высшую особу; онъ настолько грубо обращался съ нимъ, что Коганъ счелъ необходимымъ напомнить ему, съ кѣмъ онъ имѣетъ счастье говорить?! Не придуманы ли всѣ эти сказки? Противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтелей Кишкина, Степанова, Когана и Сѣтковой поражаютъ на каждомъ шагу...

Кирѣева и ея мамаша говорятъ, что въ болгарскомъ посольствѣ сказали, что Карагеоргіевъ убѣжалъ отъ воинской повинности, но тутъ ихъ опровергаютъ уже не только живые свидѣтели, а оффиціальные болгарскіе документы въ которыхъ говорится, что Карагеоргіевъ освобожденъ отъ воинской повинности. Вѣдь далеко не одно и тоже убѣжать отъ воинской повинности на родинѣ, которую любишь, — и освободиться отъ военной службы на законномъ основаніи для того, чтобы учиться и чтобы потомъ вернувшись на родину, поспѣшно ей служить.

И вотъ г-жа Кирѣева по адресу человѣка, котораго любила,—а полюбила она его очень быстро: въ первый разъ они встрѣтились въ февралѣ 1904 г., а черезъ недѣлю уже жили въ одной комнатѣ, бросаетъ такія обвиненія, указываетъ на такія позорныя обстоятельства, которыя къ счастію оказываются невѣрными. Но, если свидѣтельница говоритъ неправду въ одномъ отношеніи, можемъ ли мы ей вѣрить во всемъ остальномъ, въ особенности, когда мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что ею руководитъ чувство мести?! Если бы мы здѣсь дѣйствительно чувствовали горе брошенной любовницы и жгучую тоску отвергнутой любви,—тогда дѣло другое,—тогда, можетъ быть, и нельзя было бы такъ строго къ ней относиться. Но здѣсь мы видимъ только упорное

желаніе во что бы то ни стало этому человѣку отомстить, насолить ему, разрушить, исковеркать всю будущность. Да, развѣ его судьба и теперь уже благодаря Кирѣевой, Кишкину и Степанову не исковеркана? И что для него значитъ штрафъ въ 100—200 р., когда его вся жизнь разбита всевозможными нападками въ газетахъ, на всю Россію обезславившихъ его?

Клевета ростетъ, какъ комъ, какъ лавина. Если по дорогѣ попадаются зданія, живыя существа, она все засыпаетъ своимъ снѣгомъ. Только тотъ снѣгъ бѣлъ, а эта глыба газетной клеветы грязна, мерзка, отвратительна. Люди же всегда останутся людьми; всегда будутъ говорить: правда, его оправдали, но или онъ кого-то побилъ, или его побили, или онъ укралъ, или у него украли,—однимъ словомъ,—грязная исторія! А человѣкъ, который находился въ такомъ положеніи, какъ Карагеоргіевъ, который часто мѣняетъ мѣстность, занятія,—такой человѣкъ всегда обрекаетъ себя на всевозможныя непріятности и на тяжкія горькія разочарованія.

Дѣйствительно, самая лучшая, мирная жизнь, когда нѣтъ никакихъ терзаній, никакихъ разочарованій,—это жизнь сельскаго пахаря, который дальше своей деревни ничего не видитъ и не имѣетъ тѣхъ заботъ и волненій, которыя встрѣчаются на пути человѣка, ищущаго труда, познаній, новыхъ впечатлѣній, жаждущаго простора, бросающагося во всѣ стороны, для приложенія своихъ способностей къ живому дѣлу.

Карагеоргіевъ пріѣхалъ изъ Болгаріи двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ далекую, но родственную славянамъ страну, Россію, чтобы здѣсь учиться. И что же? Неужели за то, что онъ пріѣхалъ сюда, расчитывая на гостепріимство, отплачивать продолженіемъ тѣхъ же мученій, къ которымъ его присудили еще до суда госпожа Кирѣева и ея сотоварищи? Вы знаете все это дѣло. Вы, какъ коронные судьи, а не какъ присяжные, знакомые только съ тѣмъ, что происходитъ на судѣ, — вы не можете отрѣшиться отъ бумажнаго производства, которое имѣется въ дѣлѣ,— и вы можете прочитать, что претерпѣлъ этотъ человѣкъ, когда онъ писалъ на 60 страницахъ исповѣдь своей жизни.

И неужели вы не вынесете оправдательнаго вердикта, въ особенности тогда, когда нѣтъ состава преступленія, которое къ тому же не можетъ считаться доказаннымъ, коль скоро оно поддерживается такими заинтересованными лицами, какъ Сѣткова, Кирѣева, Степановъ и Кишкинъ,—которые начинаютъ преслѣдовать Карагеоргіева только послѣ того, какъ начался разрывъ?

Вы спросите себя: почему по дѣлу, имѣвшему мѣсто въ 1904 году, г. Степановъ пошелъ жаловаться въ сыскное отдѣленіе лишь въ концѣ 1905 года? Что же онъ такъ долго молчалъ?! Онъ жалобу мировому судьѣ подалъ въ январѣ 1906 г., а это самозванство по его же словамъ происходило въ концѣ 1904 г.? Почему Степановъ началъ жаловаться только послѣ того, какъ Кирѣева дала полномочіе Кишкину преслѣдовать Карагеоргіева? Какая же свидѣтельница Кирѣева? Развѣ она безпристрастная? Развѣ въ дѣлѣ на стр. 9 не сказано, что 30 января 1906 г. въ сыскное отдѣленіе явилась госпожа Кирѣева и подала жалобу противъ любимаго раньше человѣка?

Кому же вы, господа судьи, скорѣе повѣрите, компаніи г-жи Кирѣевой, которая рукоплескала въ камерѣ мирового судьи обвинительному при-

говору или цѣлому ряду свидѣтелей и русскихъ, и болгаръ, удостовѣряющихъ, что Карагеоргіевъ честный скромный труженикъ, никогда не выдававшій себя за знатнаго принца?

Я понимаю, конечно, что прокурору въ показаніяхъ свидѣтелей болгаръ чуется только желаніе болгаръ оправдать своего земляка, чтобы смыть это позорное пятно; но вѣдь кромѣ болгаръ многіе русскіе свидѣтели—Платовъ, Хлѣбниковъ, Градовскій, Филипповъ, Базильскій удостовѣрили подъ присягою, что Карагеоргіевъ на вопросъ, не родственникъ ли онъ Сербскаго королевскаго дома, всегда отвѣчалъ, что ничего общаго съ королевской сербской фамиліею не имѣетъ и что онъ сынъ болгарскаго купца. Свидѣтель Хлѣбниковъ удостовѣрилъ, что самъ составлялъ для Карагеоргіева въ 1904 и 1905 году прошенія о поступленіи въ высшія учебныя заведенія на имя Побѣдоносцева и другихъ высокопоставленныхъ лицъ и что никогда въ этихъ прошеніяхъ не упоминалось ни о сербскомъ происхожденіи, ни о родствѣ съ королемъ Сербіи, а всегда Карагеоргіевъ именовался болгарскимъ подданнымъ.

Такимъ образомъ студентъ Хлѣбниковъ опровергъ взводимое на Карагеоргіева Коганомъ и Кишкинымъ ложное обвиненіе, что будто бы Карагеоргіевъ выдавалъ себя передъ Побѣдоносцевымъ за сербскаго уроженца и за родственника царствующей династіи. Теперь трудно конечно совершенно разсѣять ту басню о самозванствѣ, которую создали и распространили господа поклонники госпожи Кирѣевой, негодовавшіе на Карагеоргіева за то, что онъ отбилъ у нихъ, какъ они выражались, „нашу Марію Владиміровну“. Но все же думаю, что вашъ справедливый приговоръ сдѣлаетъ все то, на что надѣется и имѣетъ право расчитывать подсудимый. Вы не можете присуждать его къ наказанію, когда ясно, что все обвиненіе основано исключительно на почвѣ мести и вражды. Несчастнаго Карагеоргіева обезславили, оклеветали и его же еще посадили на скамью подсудимыхъ.

Теперь отъ васъ зависитъ его судьба, ибо безчестіе хуже смерти.

Подсудимый ждетъ отъ васъ, господа судьи, оправдательнаго приговора...

Приговоромъ Окружнаго Суда обвиняемый оштрафованъ на 100 р. Но присяжн. пов. П. Ѳ. Булацель перенесъ дѣло въ Судебную Палату и опредѣленіемъ С.-Петерб. Суд. Палаты отъ 10 марта 1908 г. Петръ Вишановичъ Карагеоргіевъ по суду *оправданъ*.

ДѢЛО ДѢЙСТВ. СТАТСКАГО СОВѢТНИКА

А. М. ЛАВРОВА

обвиняемаго 1306 ст. улож. за напечатаніе и распространеніе воззванія къ русскому народу:

«Причина всѣхъ несчастій Россіи. Мѣры пресѣченія «зла отъ евреевъ».

По предложенію прокурора спб. судебной палаты противъ д. с. с. А. М. Лаврова было возбуждено уголовное преслѣдованіе по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1036 ст. уг. ул. о нак. за напечатаніе и распространеніе листка подъ заглавіемъ «воззваніе къ русскому народу», направленное къ возбужденію одной части населенія Россіи противъ другой части—евреевъ, и заключавшее въ себѣ призывъ къ насильственнымъ противъ нихъ дѣйствіямъ.

Означенное воззваніе было оглашено въ судебномъ засѣданіи 13 сентября 1906 г., вотъ оно:

«Воззваніе къ русскому народу.

Причина всѣхъ несчастій Россіи. Мѣры пресѣченія зла отъ евреевъ.

Знаете-ли братцы, рабочіе и крестьяне, кто главный виновникъ всѣхъ нашихъ несчастій? Знаете-ли, что жиды всего міра, ненавидящіе Россію, армяне и затѣмъ Германія и Англія составили союзъ и рѣшили разорить Россію до тла, раздѣлить ее на мелкія царства и раздать ее врагамъ народа русскаго, это нашу то матушку Русь, русскимъ потомъ и кровью политую и пріобрѣтенную? Затѣмъ хотятъ позднѣе хитростью и обманомъ отобрать землю и у русскаго мужика, а самого его обратить въ раба жидовскаго, поповъ его разстричь, а православныя церкви и монастыри превратить въ жидовскіе хлѣвы и свинятники. И вотъ, чтобы разорить Россію, натравили они на насъ прежде всего японцевъ и во время войны они ежечастно предавали насъ и продавали нашимъ врагамъ, отчего мы и терпѣли такія небывалыя пораженья. А теперь рѣшили разорить единственныхъ защитниковъ русскаго народа и его вѣры, православныхъ русскихъ помѣщиковъ, фабрикантовъ и купцовъ, чтобы потомъ безъ помѣхи жидъ все на Руси забралъ-бы въ свои руки и некому-бы было за русскій народъ заступиться. У враговъ нашихъ припасено много денегъ, милліоны цѣлые на это подлое безбожное дѣло и не только жиды и другіе инородцы, Россію ненавидящіе, но и много русскихъ и поляковъ безчестныхъ и Бога и совѣсть утратившихъ, кто изъ гнусной корысти, а кто по безумію, помогаютъ гибели нашей несчастной дорогой родины. Всѣ эти подлые безбожные люди, для которыхъ собственно мало даже и висѣлицы, подъ видомъ друзей народа, втираются на фабрики и въ деревни, и, пользуясь темнотой и довѣрчивостью

вашей, обманываютъ васъ лживыми, а потому и щедрыми посулами и обѣщаніями и подбиваютъ васъ устраивать всякія стачки фабричныя, желѣзнодорожныя, почтовыя и другія, а также грабить и жечь помѣщичьи имѣнія и все ихъ добро. Такъ знайте-же вы, бѣдные довѣрчивые люди, что повинуясь гнуснымъ подстрекателямъ, *вы сами себѣ роете яму*: послѣ того какъ вы разорите стачками русскіе фабрики и заводы и пожжете и ограбите русскія помѣщичьи благоустроенныя имѣнія съ необходимыми для васъ самихъ школами и больницами и всякими заведеніями, вся наша бѣдная родина превратится въ нищую развалину. И вотъ тогда жиды переведутъ сюда свои капиталы изъ Англіи, Америки и Германіи и за гроши скупятъ всѣ наши русскіе фабрики, заводы и имѣнія, затѣмъ спаивая васъ и затягивая васъ въ свои ростовщическія сѣти (въ чемъ они такъ искусны), они скоро завладѣютъ всею вашею землею и самихъ васъ превратятъ въ безгласныхъ рабовъ своихъ. Они заставятъ васъ работать день и ночь и будутъ платить вамъ лишь столько, чтобы вы не умерли съ голоду. За малѣйшее ваше сопротивленіе они станутъ сажать васъ въ тюрьмы и гноить васъ тамъ безъ жалости по цѣлымъ годамъ; въ судахъ будутъ засѣдать тогда лишь жиды и *ихъ продажные русскіе наемники* и какъ бы вы ни были правы, васъ въ этихъ судахъ засудятъ и обвинятъ, такъ какъ всякій христіанинъ для жида хуже собаки и нѣтъ у него къ христіанину ни совѣсти, ни жалости, ни справедливости. И некому будетъ за васъ заступиться, такъ какъ ваши естественные заступники, православные помѣщики, фабриканты и купцы будутъ вами же разорены и впадутъ въ хищныя лапы и въ зависимость отъ тѣхъ-же безпощадныхъ христопродавцевъ жидовъ. Такъ не вѣрьте-же, братья во Христѣ, сладкимъ рѣчамъ и обѣщаніямъ жидовъ и *ихъ наемныхъ продажниковъ*; не блага они вашего желаютъ: *они за деньги помогаютъ жидамъ* превратить Россію въ развалину, развалину эту купить за небольшія сравнительно деньги и основать на ней царство жидовское съ рабами христіанскими. *Какъ только явятся къ вамъ эти христопродавцы, истребляйте вы ихъ и избейте, чтобъ не было у нихъ охоты больше приходить къ вамъ.* Сейчасъ русскіе честные люди, любящіе Россію, хлопочатъ у Государя, чтобъ онъ скорѣе согналъ съ президентскаго мѣста главнаго врага русскаго народа и главнаго помощника жидовскаго съ его жидовкой женой. Дай Господи, чтобы скорѣе были услышаны наши общія русскія молитвы! Теперь вышелъ приказъ выбирать въ Думу своихъ представителей, которые будутъ хлопотать передъ Царемъ за ваши дѣла. Смотрите-же, выбирайте крестьянъ непьющихъ, глубоко вѣрующихъ въ Бога и честныхъ. Отъ этого зависитъ все ваше будущее счастье и благополучіе.

Спасайте же, русскіе люди и другіе народы населяющіе Россію и любящіе родину, себя отъ гибели; время течетъ быстро и зло отъ евреевъ также быстро распространяется и, не предупредивъ его, можно дождаться такого момента, когда борьба сдѣлается непосильною. Поэтому, чтобы вредъ отъ евреевъ болѣе не усиливался, необходимо принять слѣдующія мѣры:

1) Всѣхъ евреевъ, не взирая на званіе и состояніе, выселить изъ всѣхъ городовъ и губерній Европейской и Азіатской Россіи въ предѣлы еврейской осѣдлости, назначивъ имъ по постановленіямъ особыхъ

Совѣщаній при Губернаторахъ и Градоначальникахъ для ликвидаціи коммерческихъ и иныхъ дѣлъ отъ 1 до 5 лѣтъ.

2) На мѣстахъ осѣдлости предоставить право торговли и занятій ремеслами опредѣленному числу лицъ изъ евреевъ, пропорціонально количеству торговаго и ремесленнаго сословія коренного населенія, съ воспрещеніемъ евреямъ торговать хлѣбомъ въ зернѣ, мясомъ, лѣсомъ и лѣснымъ матеріаломъ. Совершенно воспретить открывать, стоять во главѣ, или принимать участіе въ биржевыхъ, банковыхъ, а также банкирскихъ конторахъ, торговыхъ домахъ и т. п. учрежденіяхъ.

3) Остальному еврейскому населенію предоставить право напиматься въ качествѣ рабочихъ на фабрикахъ и у землевладѣльцевъ и заниматься всевозможными каменными, земляными, плотничными и другими работами.

4) Разрѣшеніе выѣзда изъ предѣловъ осѣдлости (за исключеніемъ столицъ, куда въѣздъ евреямъ безусловно воспретить) предоставить Губернаторамъ въ теченіе года на срокъ не болѣе 7 дней, съ поручительствомъ состоятельнаго еврея, а въ случаѣ самовольной отлучки или пребыванія внѣ черты осѣдлости свыше 7 дней подвергать виновныхъ штрафу не менѣе 300 р. и аресту отъ 2 до 3 мѣсяцевъ.

5) Закрыть всѣ еврейскія училища.

6) Лишить евреевъ права поступать во всѣ высшія, среднія и спеціальныя учебныя заведенія.

7) Лишить права евреевъ имѣть особыхъ рѣзниковъ.

8) Обязать евреевъ являться къ отправленію служебныхъ обязанностей въ субботы и праздничные ихъ дни, наравнѣ съ лицами принадлежащими къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Вообще лишить евреевъ всякой обособленности и предоставить пользоваться общими порядками, установленными въ государствѣ. Относительно отбыванія воинской повинности въ виду не только безполезности, но и вреда отъ такихъ защитниковъ, какъ евреи, выработать законъ, по которому за каждаго подлежащаго воинской повинности еврея, все населеніе евреевъ въ Россіи за круговою порукою должно вносить опредѣленную плату.

9) Запретить евреямъ вступать въ какіе бы то ни было казенные и общественные подряды и поставки. Виновные въ томъ какъ евреи, такъ и всѣ русскіе поддапные, взявшіе подрядъ фиктивно на свое имя, подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на сроки не менѣе года.

10) Уничтожить казенныхъ раввиновъ, съ возложеніемъ обязанности ихъ по записи родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся на городскія мѣщанскія Управы и Волостныя Правленія, или назначать для исполненія этой обязанности особыхъ лицъ отъ Правительства.

11) Въ случаѣ возвращенія евреевъ, послѣ выселенія изъ предѣловъ Россіи, подвергать такихъ заключенію въ арестантскія роты на сроки не менѣе 1 года, затѣмъ поселенію въ Колымскомъ Округѣ Якутской области навсегда.

12) Предоставить евреямъ выселяться безвозвратно и безвыѣздно съ семействами въ Верхоянскій Округъ Якутской области, съ надѣленіемъ землею по 15 дес. на каждую душу безплатно.

13) Всѣхъ евреевъ, принявшихъ русскія и иностранныя фамиліи и имена, обязать въ теченіе года замѣнить прежними еврейскими и воспретить на будущее время принимать новыя имена и фамиліи, подъ опа-

сеніемъ наложенія штрафа въ размѣрѣ 300 руб. и ареста отъ 1 до 3-хъ мѣсяцевъ.

14) Не только по всей Россіи, но и на мѣстахъ постоянной осѣдлости воспретить евреямъ поступать въ оперные и драматическіе театры съ наложеніемъ за неисполненіе сего штрафа какъ на евреевъ, такъ и антрепренеровъ, по 300 руб. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

15) Губерніи: Кіевскую, Таврическую, Херсонскую и гг. Екатеринославль и Кишиневъ исключить изъ предѣловъ осѣдлости евреевъ.

16) Всѣхъ лицъ іудейскаго закона безъ различія званій пріобрѣвшихъ имѣнія какъ въ чертѣ, такъ и за чертою осѣдлости, обязать продать таковыя въ теченіе 5 лѣтъ, а послѣ 5 лѣтъ продавать съ аукціона.

17) Въ предѣлахъ осѣдлости евреевъ предоставить сельскому и городскому населенію дѣлать постановленія о выселеніи ихъ въ случаѣ признаннаго отъ нихъ вреда на основаніи закона, предоставляющаго сельскимъ обществамъ назначать къ выселенію изъ общества вредныхъ по своему поведенію членовъ.

18) Воспретить принимать въ русское подданство иностранныхъ евреевъ.

19) Воспретить издавать на еврейскомъ языкѣ газеты, а евреямъ быть редакторами и издателями какихъ бы то ни было печатныхъ органовъ въ Россіи.

20) Подчинить мѣстечковыхъ евреевъ Волостнымъ Правленіямъ на общихъ основаніяхъ.

21) Воспретить евреямъ держать у себя христіанскую прислугу и рабочихъ.

22) Только внукамъ евреевъ, принявшихъ православіе, предоставить полныя права, какими пользуется остальное населеніе въ Россіи.

Чтобы спасти однако Россію отъ будущей гибели и привести въ исполненіе намѣченныя мѣропріятія нужна твердая, непоколебимая рѣшимость и гражданское мужество, нужно полное самообладаніе и увѣренность, что, это есть святое дѣло и огражденіе своего народа отъ вѣчнаго внутренняго врага. Нуженъ геній Петра I-го, нужна несокрушимая воля Николая I и Александра III, нужна та рѣшимость, съ которою Александръ II-й приступилъ къ дѣлу освобожденія крестьянъ, нужна желѣзная воля Бисмарка и твердая политика Англіи по окончанію войны съ бурами, когда противъ нея говорилъ весь міръ. Колебанія и палліативныя мѣры по отношенію къ евреямъ могутъ создать лишь затрудненія для Государственной власти и ускореніе революціи, къ чему стремится вся еврейская интеллигенція. Нужно призвать къ полному сознанію и единенію всѣ органы Государственнаго Управленія, дѣйствовать неуклонно и неотступно: чтобы мѣстные органы администраціи и суда шли рука объ руку, чтобы законы относительно евреевъ исполнялись въ точности, для чего на уклоняющихся отъ исполненія по слабости и недобросовѣстности налагать строгія наказанія, какъ за государственныя преступленія. И только тогда мѣропріятія противъ общаго внутренняго врага будутъ осуществлены и въ Россіи настанетъ внутренній миръ и спокойствіе. Да будетъ каждому русскому извѣстно, что вся сила Россіи въ незыблемомъ Самодержавіи и Православіи. Имена же лицъ, кои оградятъ наконецъ Русскій народъ отъ

еврейства и осуществятъ сказанныя мѣропріятія, будутъ занесены на страницахъ Отечественной Исторіи золотыми буквами».

Упомянутое воззваніе было напечатано и получило распространеніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ февралѣ 1906 г. въ типографію с. петербургскаго градоначальника явился д. с. с. А. М. Лавровъ и представилъ гектографированную рукопись подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ и, въ видѣ добавленія къ ней, вырванный изъ какой-то брошюры печатный листокъ и просилъ завѣдывающаго типографіей г. Будкова отпечатать рукопись вмѣстѣ съ добавленіемъ къ ней въ количествѣ 25 тыс. экземпляровъ. Такъ какъ на рукописи имѣлись оттиски печати спб. цензурнаго комитета: «дозволено цензурою, 15 февраля 1906 г.» и подпись скрѣпою по листамъ рукописи и печатнаго листка «старшій цензоръ Соколовъ», то г. Богдановъ согласился принять заказъ.

Изъ 25 тысячъ отпечатанныхъ экземпляровъ воззваній 1000 экземпляровъ, по просьбѣ Лаврова, отослана была въ книжный магазинъ «Новаго Времени», а остальные пересланы къ нему на квартиру. Изъ поступившихъ въ магазинъ «Новаго Времени» экземпляровъ въ теченіе 2 дней продано было 500 воззваній, остальныя же, вмѣстѣ съ отосланными на квартиру къ Лаврову, *были вскорѣ конфискованы* по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ.

На основаніи изложеннаго д. с. с. Лаврову и предъявлено было, по предложенію прокурора спб. судебной палаты, обвиненіе по 1036 ст. ул. о наказаніяхъ.

А. М. Лавровъ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что издалъ онъ эти воззванія «вовсе не въ цѣляхъ возбужденія одной части населенія къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ евреевъ, а лишь для того, чтобы напомнить о необходимости твердой самообороны въ случаѣ, если къ кому-либо явятся враги государственнаго строя, возбуждающіе населеніе къ неповиновенію властямъ или призывающіе къ разгрому и уничтоженію фабрикъ и заводовъ.

Защищали подсудимаго прис. пов. А. С. Шмаковъ и П. О. Булацель. Обвиненіе поддерживалъ тов. прок. Карповичъ.

Свид. Будковъ показываетъ, что Лавровъ принесъ самъ заказъ, разрѣшенный цензурой. Кромѣ того, на дополнительномъ листкѣ имѣлась фирма типографіи министерства внутреннихъ дѣлъ.

Послѣ допроса этого свидѣтеля, судъ, по просьбѣ г. Булацеля, пріобщаетъ къ дѣлу документъ, удостовѣряющій, что разрѣшеніе на печатаніе воззванія дано было г. Лаврову не только отдѣльнымъ цензоромъ, но и самимъ цензурнымъ комитетомъ.

Затѣмъ, тов. прокурора проситъ судъ огласить все воззваніе,—защита протестуетъ, но протестъ этотъ судъ оставляетъ безъ уваженія *и воззваніе оглашается цѣликомъ*.

Слѣдующій свидѣтель, управл. магазиномъ «Новаго Времени» г. Кормилицынъ удостовѣряетъ, что просить о допущеніи продажи въ этомъ магазинѣ воззванія приходилъ самъ г. Лавровъ.

Свид. Нолле (со стороны защиты), показываетъ, что Лавровъ самъ въ разговорѣ съ нимъ не называлъ себя составителемъ воззванія. На

вопросъ г. Шмакова объ отношеніи Лаврова къ еврейскимъ погромамъ, свидѣтель отвѣчаетъ, что Лавровъ былъ противъ нихъ, такъ какъ «еврейскіе погромы приносятъ евреямъ много пользы. Они сейчасъ же получаютъ огромныя деньги, а христіане попадаютъ въ тюрьму».

Свид. Мартемьяновъ показываетъ, что Лавровъ гектографированную рукопись получилъ отъ неизвѣстнаго въ письмѣ. Въ рукописи было сказано, что нужно выгнать съ президентскаго кресла жидовствующаго гр. Витте, но цензоръ фамилію вычеркнулъ. Г-нъ Лавровъ считалъ Витте врагомъ Россіи и покровителемъ евреевъ.

Свид. Шульбахъ показываетъ, что Лавровъ издалъ книжку „Дружескіе совѣты евреямъ". Печатный листокъ, о которомъ говорится въ обвинительномъ актѣ, взятъ именно, изъ этой книжки. Свидѣтель говоритъ, что Лавровъ полагалъ, что «еврейскіе погромы несчастье только для русскихъ.

Свид. Поповъ показываетъ, что воззваніе призываетъ терзать не евреевъ, а христопродавцевъ, которые, какъ, напр., гр. Витте, агитируютъ за революцію. Лавровъ со всѣхъ концовъ Россіи получалъ тысячи писемъ съ мольбами спасти русскій народъ отъ этихъ христопродавцевъ.

Г-нъ Шмаковъ. Говорилъ ли Лавровъ, что вся пресса въ рукахъ евреевъ?

Свид. Поповъ. Да это такъ и есть!

Г-нъ Шмаковъ. Говорилъ ли Лавровъ, что революцію вызываетъ печать?

Свид. Поповъ. Это всѣ и безъ него знаютъ.

Затѣмъ, г. Булацель проситъ пріобщить къ дѣлу № газ. „Вечернее Эхо" въ доказательство, что печать безнаказанно призываетъ къ революціи и газ. «Русское Знамя« со статьей самаго г. Булацеля: «Юстиція и придворныя сферы». И въ томъ и въ другомъ судъ защитнику отказываетъ.

Г-нъ Булацель долго оспариваетъ это постановленіе суда и добивается того, что судъ вторично разсматриваетъ ходатайство защитника, но отказываетъ ему послѣ и этого.

Свид. Шпаковскій повторяетъ то же, что говорили предшествовавшіе свидѣтели, но добавляетъ, что, по мнѣнію Лаврова, «все несчастье свалилось на него потому, что онъ затронулъ всесильнаго временщика».

Затѣмъ прис. пов. Шмаковъ возбуждаетъ ходатайство о пріобщеніи къ дѣлу № 2 «Русскаго Дѣла», № «Зари» отъ 30 марта сего года и телеграммы союза русскаго народа къ императору Вильгельму и отвѣта на нее. Въ „Зарѣ" г-нъ Лавровъ объясняетъ, почему онъ напечаталъ воззваніе. Въ „Русскомъ-же Дѣлѣ" помѣщена статья, непосредственно вызвавшая изданіе воззванія. Въ статьѣ этой, никѣмъ не опровергнутой, разсказывается какъ гр. Витте и г. Гурьевъ обворовываютъ Россію, причемъ первый „пишетъ обвинительный актъ противъ Государя и прокладываетъ себѣ дорогу къ президентскому креслу въ Россійской республикѣ". Предсѣдатель останавливаетъ защиту. По словамъ Лаврова, это такъ возмутило его что, онъ и выпустилъ свое воззваніе. Телеграмма къ императору Вильгельму также указываетъ на неблаговид-

ныя дѣйствія Витте, могущія возмутить каждаго истинно русскаго человѣка.

Г-нъ тов. прокурора даетъ подробно мотивированное заключеніе, въ которомъ полагаетъ оставить ходатайство защиты о пріобщеніи документовъ безъ послѣдствій, такъ какъ все это къ дѣлу никакого отношенія имѣть не можетъ. Судъ постановляетъ, пріобщивъ къ дѣлу № „Зари", во всемъ остальномъ защитѣ отказать.

Затѣмъ, г. Шмаковъ проситъ пріобщить къ дѣлу два послѣднихъ номера «Новаго Времени» въ одномъ изъ которыхъ есть сравнительный подсчетъ всѣхъ убійствъ и насилій до государственной думы и во время ея засѣданій, а въ другомъ—статья «Евреи-владыки міра».

Судъ отказываетъ и въ этомъ.

Судебное слѣдствіе объявляется законченнымъ и судъ приступаетъ къ преніямъ.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго П. Ф. Булацеля.

Гг. судьи. Умѣренная, сдержанная рѣчь товарища прокурора, тѣмъ не менѣе не можетъ не произвести тяжелаго впечатлѣнія на безпристрастныхъ юристовъ. Говоря по существу и поддерживая обвиненіе противъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. М. Лаврова за преступленіе, сопряженное съ нарушеніемъ законовъ о печати, представитель прокуратуры, ни единымъ даже намекомъ не далъ понять какая же именно статья закона о печати даетъ право суду преслѣдовать Лаврова, за учиненіе воззванія, заключающаго въ себѣ признаки преступленія предусмотрѣннаго 1036 ст. улож. о наказаніяхъ несмотря на то, что прежде чѣмъ учинить въ печати это воззваніе, Лавровъ испросилъ согласіе и одобреніе своей рукописи у цензурнаго комитета. Человѣкъ никогда не состоявшій ни издателемъ, ни редакторомъ газеты, или иного повременнаго изданія представилъ гектографированное воззваніе съ просьбою его отпечатать. Въ какое это было время. Въ то время, когда по всей Россіи подъ флагомъ манифеста 17-го октября, неслась разнузданная торжествующая пляска революціоннаго насилія... Когда большинство издателей-редакторовъ, типографовъ и книгопродавцевъ, вообразило, что цензуры никакой больше не существуетъ и что каждый можетъ писать и распространять безнаказанно самыя безнравственныя проповѣди и дикіе призывы къ насилію и ниспроверженію законной Царской власти; это было тогда, когда по показанію свидѣтеля Кормилицына „между книжными торговцами состоялось соглашеніе продавать исключительно книги и брошюры, вышедшія безъ разрѣшенія цензуры". И вотъ въ это сумасшедшее время дѣйствительный статскій совѣтникъ Лавровъ представляетъ въ цензуру воззваніе и спрашиваетъ цензуру можно-ли печатать это сочиненіе.

Весь цензурный комитетъ въ полномъ составѣ единогласно разрѣшаетъ печатаніе этого воззванія, вычеркнувъ лишь фамилію графа Витте въ текстѣ. И вслѣдъ за этимъ Лаврова привлекаютъ къ судебной отвѣтственности, а Товарищъ Прокурора вмѣсто того, чтобы ознакомиться съ прямымъ смысломъ соотвѣтствующихъ статей закона о пе-

чати, въ силу которыхъ А. М. Лавровъ долженъ быть освобожденъ отъ всякой отвѣтственности за нахожденіе въ его воззваніи признаковъ преступленія предусмотрѣннаго 1036 ст. уложенія, приводитъ въ своей обвинительной рѣчи какіе-то примѣры изъ общей части уголовнаго права учебника Таганцева «кто зажжетъ спичку вблизи порохового погреба, тотъ наказуемъ независимо отъ того имѣлъ-ли онъ какой либо умыселъ нарушить правила предосторожности».

Можно ли придумать болѣе неудачное сравненіе! Причемъ тутъ пороховой погребъ и общая часть Таганцева, когда г. Лавровъ обвиняется въ спеціальномъ нарушеніи законовъ о печати. Вопросъ о виновности А. М. Лаврова долженъ быть рѣшенъ въ зависимости отъ того, слагаетъ ли разрѣшеніе цензурнаго комитета съ г. Лаврова отвѣтственность за содержаніе его воззванія. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ надо обратиться къ разсмотрѣнію соотвѣтствующихъ законовъ. Первою статьею извѣстнаго манифеста 17 октября 1905 года повелѣно: предварительную цензуру выходящихъ въ городахъ повременныхъ изданій отмѣнить. Но воззваніе Лаврова не есть повременное изданіе, а потому отъ дѣйствія предварительной цензуры не освобождено. Значитъ, представивъ въ цензуру свое воззваніе „причины всѣхъ несчастій въ Россіи, мѣры пресѣченія зла отъ евреевъ", дѣйствительный статскій совѣтникъ Лавровъ исполнялъ лишь требованіе закона, а уголовный кассаціонный департаментъ правительствующаго сената, неоднократно, напримѣръ по дѣлу Александровой въ 1871 году и по дѣлу Терлецкаго за № 23 въ 1882 году разъяснилъ: „что представленіе сочиненія въ цензурный комитетъ составляетъ исполненіе требованія закона, а исполненіе закона, конечно, не можетъ быть признаваемо за начало какого либо преступнаго дѣянія". Статья 151 устава цензурнаго говоритъ: „что если въ задержанномъ сочиненіи или повременномъ изданіи усматривается преступленіе, то независимо отъ задержанія подобныхъ изданій можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе виновныхъ общеустановленнымъ въ законѣ порядкомъ".

Однако прокуроръ совсѣмъ забылъ статью 153 уст. о цензурѣ и печати изд. 1890 года. Статья эта говоритъ: „что сочиненіе, которое по собственному желанію издателя было предоставлено на разсмотрѣніе предварительной цензуры и ею одобрено не можетъ быть задержано по ст. 149 и 152 уст. о цензурѣ".

Значитъ даже, если по просьбѣ графа Витте Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ, что воззваніе Лаврова особо вредно, то и тогда Министръ Внутреннихъ Дѣлъ безъ судебнаго опредѣленія не имѣетъ права дѣлать распоряженіе о задержаніи брошюры разрѣшенной цензурнымъ комитетомъ.

Что же касается судебной отвѣтственности автора-издателя за статьи, разрѣшенныя цензурою, то отвѣтственность эта ограничена, а именно, 1) какъ видно изъ 61 ст. устава о цензурѣ, авторы и издатели сочиненія разрѣшеннаго цензурою могутъ быть привлечены независимо отъ отвѣтственности цензора лишь въ исключительныхъ случаяхъ, точно перечисленныхъ въ законѣ, а именно, если въ разрѣшенномъ цензурою сочиненіи окажутся признаки преступленій, предусмотрѣнныхъ въ статьяхъ уложенія, наказывающихъ за преступленія противъ верховной власти, православной вѣры и бранныя выраженія про-

тивъ высшихъ правительственныхъ лицъ и за признаки клеветы и диффамаціи. Всѣ эти статьи уложенія перечислены въ статьѣ 61 уст. о цензурѣ и среди этихъ статей вовсе не упоминается ст. 1036 уложенія, а потому по этой статьѣ нельзя преслѣдовать издателя, или автора, который, издавая свое воззваніе, хотя бы и направленное противъ евреевъ, получилъ разрѣшеніе предварительно отъ цензурнаго комитета. Такимъ образомъ съ формальной стороны обвиненіе Лаврова лишено всякой юридической почвы. По существу же оно тоже неосновательно. Если бы А. М. Лавровъ призывалъ въ своемъ воззваніи къ насилію и избіенію, какой либо мирной части населенія, то повѣрьте гг. судьи, что среди защитниковъ Лаврова, вы бы меня не видали, независимо совершенно отъ того, къ какой національности принадлежала бы та часть населенія, противъ которой металъ бы свои громы г. Лавровъ. Законы справедливости и милосердія должны быть одинаковы для всѣхъ, не зная ни племенной, ни религіозной пристрастности. Но именно въ согласіи съ этой истинной я рѣшилъ поднять свой голосъ въ защиту русскаго человѣка дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лаврова. Гдѣ въ его воззваніи виденъ призывъ къ насильственному вторженію въ чужое жилище, въ чужое святое святыхъ, не допускаемый ни въ одномъ благоустроенномъ обществѣ? Читая внимательно воззваніе Лаврова къ русскому народу, нельзя упускать изъ виду ту часть воззванія, въ которой говорится: „какъ только эти христопродавцы пріѣдутъ къ вамъ истерзайте вы ихъ ихъ и избейте, чтобы не было у нихъ больше охоты приходить къ вамъ". Нѣсколькими строками выше говорится, что братья во Христѣ не должны вѣрить обѣщаніямъ евреевъ и ихъ наемныхъ продажниковъ; далѣе говорится, что наемники помогаютъ евреямъ превратить Россію въ развалину и уже въ заключеніи совѣтуется какъ только эти христопродавцы придутъ — избить и прогонять ихъ прочь. . . . . .

Такимъ образомъ, по существу, призывъ избивать и прогонять направленъ не столько противъ евреевъ, сколько противъ воинствующихъ наемниковъ, нанятыхъ и подкупленныхъ евреями для разоренія русскаго царства. Самый призывъ сдѣланъ въ условной формѣ: если христопродавцы будутъ сидѣть смирно и не будутъ соваться со своими разрушительными революціонными проповѣдями въ чужіе монастыри, никто изъ русскихъ ихъ не тронетъ. Избѣжать погромовъ болѣе, чѣмъ легко: стоитъ только христопродавцамъ не приходить къ читателямъ Лаврова и совѣтъ Лаврова истязать и прогонять *приходящихъ* станетъ невыполнимъ. Нельзя утверждать, что Лавровъ возбуждаетъ *одну часть* населенія *противъ другой мирной части* населенія. Онъ въ своемъ воззваніи говоритъ о евреяхъ, объ армянахъ и англичанахъ. Онъ утверждаетъ, *что Англія и Германія вмѣстѣ съ евреями всего міра стремятся раздѣлить русское царство и поработить русскій народъ.* Развѣ это не правда? Развѣ, не далѣе какъ вчера, не было помѣщено во всѣхъ газетахъ извѣстіе изъ Лондона, что Англія уже диктуетъ русскому правительству свои законы? Развѣ за послѣднія 13 лѣтъ Россію не низвели на степень третьестепенной державы? Вѣдь теперь Англія и международные банкиры распоряжаются внутренними судьбами Россіи и приказываютъ русскому двору суровѣе, чѣмъ приказываютъ турецкому султану. Итакъ

воззваніе Лаврова возстановляетъ русскихъ людей противъ враговъ родины, но не противъ какой-либо части мирнаго населенія. Все свое негодованіе, всю горечь оскорбленнаго русскаго сердца Лавровъ направляетъ *противъ тѣхъ христопродавцевъ русскихъ сановниковъ, которые въ тысячу разъ виновнѣе, чѣмъ жалкіе евреи*, вѣчно притѣсняемые, вѣчно урѣзанные въ правахъ и вѣчно стремящіеся преодолѣть всѣ препятствія и захватить весь міръ. Евреи воодушевлены тысячелѣтней міровой задачей; они одухотворены жаждою торжества надъ всѣми народами земли. Они стремятся своему еврейскому народу доставить господство надъ всѣмъ свѣтомъ. Это ихъ національная, трудная, страшная огромная работа. А рядомъ съ ними, какъ ничтожны, какъ жалки тѣ русскіе сановники и министры, которые продаютъ свой родной русскій народъ и служатъ евреямъ. Если кто заслужилъ названія «христопродавцевъ», то это именно тѣ русскіе, которые изъ-за выгодъ денежныхъ, изъ-за похвалъ еврейскихъ газетъ, или изъ трусости передъ еврейскими бундистами, продаютъ Россію.

Развѣ каждому безпристрастному человѣку не видно, почему поднято дѣло противъ Лаврова? Развѣ гг. судьи, вы, прочитавъ воззваніе, не замѣтили гдѣ гвоздь всего обвиненія? Вѣдь не за то же привлекли Лаврова къ суду, что онъ совѣтовалъ русскому народу прогонять мятежныхъ агитаторовъ революціонеровъ! Вѣдь не упомяни Лавровъ въ своемъ воззваніи «о тогдашнемъ президентѣ», вѣроятно никакого бы дѣла о Лавровѣ не было бы. Ст. 1036 уложенія, говорящая о возбужденіи одной части населенія противъ другой, была издана въ то время, когда власть верховная и правительственная вполнѣ обезпечивая мирному населенію возможность спокойно жить, работать и молиться Богу. А теперь на глазахъ всего мирнаго русскаго населенія еврейскіе бундисты рвутъ русскіе національные флаги, выкалываютъ глаза въ царскихъ портретахъ, убиваютъ вѣрныхъ царскихъ слугъ и призываютъ къ бунту и мятежу сѣрый, сбитый съ толку, обманутый народъ...

И въ такое то время министры требуютъ, чтобы русскіе люди не смѣли писать обличительныхъ воззваній противъ крамольниковъ!

Выраженіе Лаврова «истерзайте и избейте христопродавцевъ», не совсѣмъ удачно, но это далеко не призывъ къ убійству. Отъ такихъ призывовъ къ насилію надо воздерживаться въ печати. Но вѣдь если судьи теперь оправдываютъ революціонеровъ, призывающихъ къ избіенію и ниспроверженію всѣхъ высшихъ властей, выпускаютъ на свободу выдѣлывателей бомбъ и затрудняются судить выборгскихъ мятежниковъ, то какъ же можно требовать наказанія человѣку, который только превысилъ въ печати законные предѣлы самообороны?! Развѣ редакторъ «Вечерняго Эхо», призывающій къ открытой борьбѣ съ правительствомъ и печатно увѣрявшій, что Правительство Государя Императора пьетъ кровь и насилуетъ нашихъ женъ и дочерей, менѣе виновенъ, чѣмъ Лавровъ...

Предсѣдатель, перебивая:

Я прошу Васъ не упоминать Имя Государя.

Защитникъ Булацель продолжаетъ:

— Однако, редактора «Эхо» Казанская Судебная Палата оправдала и Министерство Юстиціи въ воззваніи «Вечерняго Эхо» не

усмотрѣло возбужденія *одной части* населенія противъ *другой*. Видимо, у насъ не столько возбраняется теперь нападать на существующую Верховную Власть и ея законныхъ представителей, сколько обличать тѣхъ людей, которые стремятся сокрушить Русскую Имперію и прокладываютъ себѣ всѣми способами путь къ президентству въ будущей Россійской республикѣ.

Предсѣдатель перебиваетъ защитника:

— Прошу о республикѣ не говорить, у насъ ея нѣтъ.

Булацель:—*И дастъ Богъ, никогда ея не будетъ*! Милліоны людей, отдадутъ свою жизнь за торжество идеи единой великой нераздѣльной Русской Имперіи.

Пусть это знаютъ и помнятъ тѣ, которые готовы на каждомъ шагу осуждать «истинно-русскихъ людей».

Гдѣ нѣтъ преступленія, тамъ не можетъ,—не должно быть и осужденія, а потому прошу оправдать дѣств. ст. сов. Лаврова...

——

Приговоръ по дѣлу д. с. с. Лаврова вынесенъ былъ окружнымъ судомъ въ 10 ч. веч. послѣ почти четырехчасового совѣщанія. Подсудимый признанъ виновнымъ въ составленіи воззванія, могущаго вызвать въ низшихъ классахъ враждебное къ евреямъ отношеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе смягчающія вину обстоятельства, какъ-то: разрѣшеніе этого воззванія цензурой, форму его изложенія и т. д., судъ нашелъ возможнымъ ограничиться низшей мѣрой наказанія и приговорилъ Лаврова къ штрафу въ 100 рублей, съ замѣной такового въ случаѣ несостоятельности арестомъ на 10 дней.

Дѣйств. ст. сов. Лавровымъ подана на этотъ приговоръ слѣдующая апелляціонная жалоба:

Копія.

Въ С.-Петербургскую Судебную Палату.

Проситъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Максимовичъ Лавровъ, живущій по Знаменской улицѣ, въ домѣ № 12.

Апелляціонный отзывъ.

Приговоромъ С.-Петербургскаго окружнаго суда отъ 13 сентября 1906 года, объявленнымъ въ окончательной формѣ 27 сентября 1906 г., я присужденъ къ штрафу въ сто рублей по 1036 ст. устава о наказаніяхъ.

Этимъ приговоромъ я остался недоволенъ, находя его неправильнымъ по слѣдующимъ причинамъ:

Во-первыхъ, мое воззваніе, какъ установлено свидѣтелями, вовсе не имѣетъ цѣлью содѣйствовать еврейскому погрому, а между тѣмъ ст. 1036 улож., какъ видно изъ мотивовъ государственнаго совѣта

вызвана желаніемъ предотвратить еврейскіе погромы. Во-вторыхъ, судъ умышленно обошелъ молчаніемъ тѣ исключительныя условія, въ какихъ въ настоящее время находится несчастная наша родина, благодаря злодѣяніямъ революціонныхъ агитаторовъ, среди которыхъ очень много евреевъ. Судъ умолчалъ о томъ, что я призывалъ къ самозащитѣ, къ оборонѣ, а не къ нападенію на революціонеровъ. Въ-третьихъ, хотя окружный судъ, ссылаясь на свидѣтельское показаніе Кормилицына, утверждаетъ, что воззваніе мое было напечатано въ то время, когда „*примѣненіе* предварительной цензуры къ изданіямъ, какъ повременнымъ, такъ и неповременнымъ, перестало имѣть мѣсто", но каждому не сбитому съ толку освободительнымъ движеніемъ русскому человѣку ясно, что преступно-демонстративное соглашеніе книгоиздателей, о которомъ разсказывалъ свидѣтель Кормилицынъ, удостовѣрившій, что Петербургскіе книгоиздатели рѣшили торговать только такими изданіями, которыя не разрѣшены цензурою—не можетъ служить основаніемъ къ признанію, что „примѣненіе цензуры перестало имѣть мѣсто". Вѣдь изъ того, что нѣсколько Петербургскихъ адвокатовъ въ сопровожденіи толпы хулигановъ позволили себѣ самовольно насильственно прекратить въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ судебное засѣданіе нельзя выводить заключеніе, что законъ о поддержаніи благочинія въ судѣ отмѣненъ, и что обязанность предсѣдателей окружныхъ судовъ охранять порядокъ въ судебныхъ засѣданіяхъ перестала по закону „имѣть мѣсто" въ С.-Петербургѣ. Вѣдь злопамѣренное, хотя бы и очень упорное нарушеніе закона не доказываетъ, что законъ отмѣненъ. Ссылка окружнаго суда на законъ 26 апрѣля 1906 года не имѣетъ никакого значенія, ибо, во-первыхъ, законъ этотъ вышелъ уже послѣ изданія моего воззванія, а, во-вторыхъ, потому, что изъ пункта 2 ст. IV временныхъ правилъ для неповременной печати Высочайше утвержденныхъ 26 апрѣля 1906 года видно, что толкованіе С.-Петербургскаго окружнаго суда о томъ, что въ настоящее время предварительная цензура для неповременныхъ изданій совсѣмъ отмѣнена—является совершенно произвольнымъ и ни на чемъ не основаннымъ, ибо даже изъ ст. IV временныхъ правилъ для неповременной печати (см. собр. узак. отъ 3 мая 1906 года за № 107) видно, что неповременныя изданія до выпуска изъ типографіи должны быть представляемы на разсмотрѣніе комитету по дѣламъ печати, отъ котораго зависитъ разрѣшить или задержать изданіе. Нигдѣ, ни въ манифестѣ отъ 17 октября, ни въ Высочайшемъ Указѣ отъ 24 ноября 1905 года не говорится, что ст. 7-я уст. о цензурѣ, изданнаго въ 1890 году отмѣнена, а поэтому судъ не могъ обходить молчаніемъ эту статью, которая прямо устанавливаетъ, что не освобожденныя отъ предварительной цензуры неповременныя изданія могутъ быть подвергаемы судебному преслѣдованію, только въ случаяхъ, указанныхъ въ статьѣ 61-й уст. о цензурѣ. Изъ перваго пункта Манифеста 17-го октября 1906 года видно, что отмѣнена предварительная цензура лишь для повременныхъ изданій, а о неповременныхъ не говорится ни слова; значитъ для нихъ въ то время существовала предварительная цензура. А потому разъ весь цензурный комитетъ единогласно разрѣшилъ мнѣ выпустить въ свѣтъ мое воззваніе, то всякая отвѣтственность съ меня должна быть снята, за исключеніемъ лишь тѣхъ преступленій, о которыхъ въ самомъ законѣ въ статьѣ 61-й уст.

о цензурѣ сказано, что независимо отъ отвѣтственности цензора, разрѣшившаго изданіе, авторъ-издатель подвергается наказаніямъ опредѣленнымъ въ статьяхъ 181, 189, 245, 248, 251, 252, 274, 279, 281, 1039, 1535 и 1539 улож. о наказ. Такимъ образомъ, согласно 7-й ст. уст. о ценз. за разрѣшенное цензурою неповременное изданіе авторъ можетъ подвергаться наказанію только тогда, когда въ изданіи этомъ окажутся признаки преступленій, предусмотрѣнныхъ вышеперечисленными въ 61-й статьѣ цензурнаго устава статьями уложенія; а такъ какъ статья 1036 уложенія не упомянута въ 61-й ст. цензурнаго устава, то значитъ преслѣдовать меня судомъ по 1036 ст. уложенія за изданіе, разрѣшенное цензурою никакъ нельзя. Все дѣло возбуждено противъ меня неправильно съ явнымъ нарушеніемъ 7 и 61 ст. уст. о цензурѣ и 1 п. Манифеста 17-го октября 1906 года и 1 ст. уст. угол. суд. а потому прошу:

1) Вызвать и допросить всѣхъ вызывавшихся въ судъ свидѣтелей.

2) Отмѣнить приговоръ и меня признать по суду оправданнымъ.

По данному въ палату заявленію А. М. Лавровъ отказался отъ вызова всѣхъ свидѣтелей, а просилъ пригласить лишь д. с. с. Попова и Кормилицына.

Защитникомъ А. М. Лаврова является присяжный повѣренный А. С. Шмаковъ. Судебная палата 14 декабря 1906 г. въ открытомъ судебномъ засѣданіи опредѣляетъ: въ измѣненіе приговора С.-Петербургскаго окружнаго суда отъ 13 сентября 1906 г. о д. ст. сов. А. М. Лавровѣ, подвергнуть его, Лаврова, денежному взысканію въ суммѣ 25 р.

На этотъ приговоръ судебной палаты А. М. Лавровъ подалъ кассаціонную жалобу въ сенатъ, поддерживалъ каковую въ уг. касс. деп. сената прис. пов. П. Ѳ. Булацель.

Сенатъ отмѣнилъ приговоръ и передалъ опять дѣло въ палату для новаго разсмотрѣнія.

Вслѣдствіе указа сената дѣло слушалось вторично въ Петербургской судебной палатѣ 28 января 1908 г. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя второго уголовнаго департамента Руадзе. Докладывалъ дѣло членъ палаты Архангельскій. Обвиненіе поддерживалъ товарищъ прокурора Горемыкинъ. Защищалъ д. ст. сов. Лаврова, и на этотъ разъ опять присяжный повѣренный П. Ѳ. Булацель. Выслушавъ рѣчь защитника и объясненія самого подсудимаго А. М. Лаврова, судебная палата, не выходя даже изъ залы засѣданія, тутъ же вынесла резолюцію:

Отмѣнить приговоръ окружнаго суда и д. ст. сов. А. М. Лаврова, на основаніи 1 п. 771 ст. уст. гр. суд., считать по суду оправданнымъ.

Судебный процессъ М. Паозерскаго и редактора Петербургскаго Листка дворянина Скроботова.

(Клевета на П. Ѳ. Булацеля).

8-го февраля С.-Петербургскій Окружный судъ, по IX уголовному отдѣленію, въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдательствующій товарищъ предсѣдателя дѣйствительный статскій совѣтникъ І. І. Ильинъ, члены суда—дѣйствительный статскій совѣтникъ Руцкій и дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. В. Коссовичъ-Динаровскій, слушалъ дѣло по обвиненію бывшаго священника М. Паозерскаго, крестьянина Щичилкина и редактора «Петербургскаго Листка» дворянина г. Скроботова въ оклеветаніи въ печати присяжнаго повѣреннаго, потомственнаго дворянина Павла Ѳеодоровича Булацеля, т. е. по 2 ч. 1535 ст. улож. о нак. Обвиненіе противъ всѣхъ обвиняемыхъ присяжный повѣренный Булацель поддерживалъ лично. Никто изъ обвиняемыхъ на судъ не явился; защиту же ихъ интересовъ принялъ на себя присяжный повѣренный Зейлигеръ.

9-го іюля 1907 года въ «Петербургскомъ Листкѣ» появилась статья «Патріоты за деньги», въ которой авторы ея, крестьянинъ Щичилкинъ и священникъ Паозерскій, скрывшись подъ псевдонимомъ «М. Ѳедоровъ», распространяли завѣдомо ложныя свѣдѣнія о главномъ совѣтѣ Союза Русскаго Народа и о членѣ совѣта П. Ѳ. Булацелѣ, исполнявшемъ обязанности редактора Русскаго Знамени. Въ этой статьѣ между прочимъ говорилось слѣдующее: да, не легко живется союзной мелкотѣ. А вотъ главари союза—разные тамъ члены совѣта и пр.—тѣ, какъ сыръ въ маслѣ катаются. Все это—тоже бывшіе нищіе, а теперь состоятъ при кассѣ союза и поназначали себѣ сумасшедшіе оклады изъ членскихъ полтинниковъ, копѣекъ Минина и другихъ пожертвованій. Булацель, наприм., редакторъ Русскаго Знамени, получаетъ за свои „труды“ 300 рублей въ мѣсяцъ... За триста рублей въ мѣсяцъ всякій будетъ патріотомъ... но попробуйте имъ уничтожить жалованье и разныя награды, и на другой день они будутъ ярыми противниками союза, хуже „красныхъ“.

Вызванные въ качествѣ свидѣтелей по настоящему дѣлу прокуроръ С.-Петербургскаго Окружнаго суда г. Трегубовъ, членъ Г. Думы В. М. Пуришкевичъ, бывшій секретарь Главнаго Совѣта „Союза Русскаго Народа“ М. И. Зеленскій и казначей того же совѣта—И. П. Барановъ установили:

1) свидѣтель прокуроръ Трегубовъ, что онъ, Трегубовъ, воспитывался и окончилъ курсъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія вмѣстѣ съ г. Булацелемъ, отца котораго и семью зналъ, какъ людей богатыхъ, въ имѣніи у которыхъ онъ, Трегубовъ, гостилъ въ Екатеринославской

губерніи, гдѣ отецъ П. Ѳ. Булацель былъ предводителемъ дворянства; и что П. Ѳ. Булацель воспитывался въ училищѣ Правовѣдѣнія на свой счетъ, а не на казенный;

2) остальные свидѣтели установили, что П. Ѳ. Булацель, въ бытность свою редакторомъ „Русскаго Знамени" никакого касательства ни къ союзной кассѣ, ни къ „копѣйки Минина" не имѣлъ, о чемъ онъ неоднократно въ 1906 году даже печаталъ въ „Русскомъ Знамени" прося деньги направлять не къ нему, Булацелю, а на имя союза. Г-нъ Булацель, при самомъ вступленіи своемъ въ союзъ, извѣстенъ былъ, какъ человѣкъ состоятельный, и за всѣ свои труды не только въ качествѣ редактора, но и корректора и перворазряднаго сотрудника—онъ первое время, удѣляя газетѣ по 8 часовъ въ день и посѣщая типографію даже по ночамъ, получалъ лишь 100 рублей въ мѣсяцъ, затѣмъ одно время по 200 руб., а за послѣдніе 3 мѣсяца до появленія клеветнической статьи г. Паозерскаго и вовсе ничего не получалъ, сотрудничая безплатно.

Г-нъ Булацель всегда былъ извѣстенъ въ союзѣ, какъ человѣкъ глубоко идейный, убѣжденный русскій націоналистъ, положившій всѣ силы свои на борьбу съ конституціоналистами, стремящимися поработить русскій народъ международному капиталу. Всякое лицемѣріе и бюрократическія злоупотребленія одинаково, какъ и революціонныя насилія вызывали со стороны г. Булацеля смѣлыя обличительныя статьи. Изъ доказательствъ (аттестатъ о службѣ отца П. Ѳ. Булацеля и „семейная хроника" писателя Г. П. Данилевскаго), представленныхъ къ дѣлу видно: что дѣдъ г. Булацеля былъ полковникомъ одного изъ лучшихъ гвардейскихъ полковъ—кавалергардскаго, а отецъ его предводитель дворянства. Семья Булацелей владѣла въ Екатеринославской и Черниговской губерніяхъ—огромнымъ состояніемъ: ей принадлежало около 30 тысячъ десятинъ земли.

Писатель Г. П. Данилевскій, перечисляя свою богатую и знатную родню Трубецкихъ, Милорадовичей, Апраксиныхъ, Булацелей прямо добавляетъ къ фамиліи Булацеля эпитетъ „богачъ".

Въ своей обвинительной рѣчи присяжный повѣренный П. Ѳ. Булацель сказалъ приблизительно слѣдующее:

Господа судьи!

Клевета въ печати стала у насъ такимъ же повседневнымъ явленіемъ, какъ въ послѣднее время заурядпымъ явленіемъ представляется и убійство изъ-за угла, на такъ называемой „партійной почвѣ". Безъ основательной провѣрки полученныхъ свѣдѣній авторы статей и замѣтокъ разглашаютъ эти свѣдѣнія, какъ будто бы достовѣрныя, позоря честь и доброе имя невинныхъ гражданъ. Русскому обществу пришлось на практикѣ извѣдать, какъ непростительно легкомысленно относится къ достоинству и чести русскихъ гражданъ та печать, которая присвоила себѣ имя „передовой". Ни въ одной цивилизованной странѣ нѣтъ ничего подобнаго. Эта печать лжетъ, клевещетъ, бранится, травитъ и преслѣдуетъ всѣхъ, кто не гладитъ ее по шерсти. Зло усугубляется тѣмъ, что опровергнуть клевету нѣтъ фактической возможности: ибо нельзя же въ самомъ дѣлѣ заставить всѣхъ прочитавшихъ клеветническую статью—прочитать и опроверженіе, и повѣрить, именно, опроверженію, а не клеветѣ.

Кромѣ того, гг. редакторы газетъ весьма неохотно печатаютъ опроверженія.

Указавъ далѣе на ложность статьи г. Паозерскаго, доказавъ, что гг. Паозерскій, Щичилкинъ и Скроботовъ не имѣли не только основательныхъ данныхъ вѣрить въ достовѣрность оглашенныхъ ими въ печати ложныхъ свѣдѣній, позорящихъ его, присяжный повѣренный П. Ѳ. Булацель, говоря объ оскорбительности и злостности разглашеннаго, сказалъ, между прочимъ:

«Не въ томъ разумѣется, гг. судьи, что я названъ бывшимъ нищимъ, заключается оскорбительность статьи «бывшаго священника Паозерскаго»: бѣдность—не порокъ—истина, быть можетъ мало извѣстная г. Паозерскому: въ такомъ упрекѣ можно усмотрѣть самое большее грубость, безсердечіе къ своему ближнему, въ особенности, со стороны служителя алтаря, какимъ еще былъ, кажется, г. Паозерскій въ то время, когда писалъ свою клевету. Нѣтъ, не въ этомъ осорбительность статьи «Патріоты за деньги», а въ томъ, что мнѣ, русскому націоналисту приписали въ печати такой видъ политическаго двоедушія, который одинаково обиденъ для каждаго честнаго человѣка, къ какому бы лагерю, къ какой-бы политической партіи онъ не принадлежалъ. Каждый патріотъ—будь онъ русскій, полякъ, нѣмецъ, или еврей, любитъ свою націю, потому что принадлежитъ къ ней по рожденію, а г. Паозерскій утверждаетъ, что «за триста рублей всякій будетъ патріотомъ». Плохую услугу оказалъ г. Паозерскій своимъ единомышленникамъ, если считаетъ ихъ способными изъ враговъ Союза Русскаго Народа перейти въ Союзъ за триста рублей"... П. Ѳ. Булацель, адвокатъ, который до вступленія въ Союзъ Русскаго Народа, когда послѣдняго еще и не существовало, имѣлъ уже лучшую практику въ Прибалтійскомъ краѣ, жилъ широко, держалъ лошадей—этотъ самый г. Булацель поступилъ въ Союзъ, съ самаго начала попавшій подъ опалу; Булацеля травили не только со стороны лѣвой печати, но и со стороны бездарныхъ радикальныхъ адвокатовъ; Булацель подвергалъ въ 1906 году свою жизнь опасности, какъ и прочіе видные дѣятели Союза,—и ради чего же, господа судьи? Ради „сумасшедшаго оклада въ 100 рублей" въ мѣсяцъ за тяжелый трудъ и редактора, и корректора, и сотрудника.

Такъ гдѣ-же корысть, гдѣ „патріотизмъ за деньги", гдѣ „сумасшедшіе оклады", о которыхъ говорится въ статьѣ г. Паозерскаго?

Защитникъ обвиняемыхъ г. Зейлигеръ не могъ представить ни одного существеннаго возраженія, ограничиваясь лишь общими фразами и говоря, что судъ „въ такихъ дѣлахъ обыкновенно оправдываетъ".

Судъ, однако, не согласился съ этимъ мнѣніемъ г. защитника и призналъ клевету установленною, а клеветниковъ Паозерскаго, Щичилкина и Скроботова приговорилъ къ заключенію въ тюрьмѣ: Паозерскаго—на три мѣсяца, а Щичилкина и Скроботова на 2½ мѣсяца каждаго.

Этотъ приговоръ произвелъ на редакцію „Петербургскаго Листка" такое ошеломляющее впечатлѣніе, что она на слѣдующій день, напечатавъ отчетъ о дѣлѣ, разразилась смѣшною инсинуаціею по адресу предсѣдательствовавшаго въ Окружномъ Судѣ г. Ильина, увѣряя „что

онъ все время при объясненіяхъ г. Булацеля и выставленныхъ имъ свидѣтелей утвердительно покачивалъ головой".

Невѣжество судебнаго репортера „Петербургскаго Листка" дошло до того, что онъ увѣряетъ, будто законъ предписываетъ г. Ильину отвести себя по дѣлу, въ которомъ такъ близко замѣшанъ „Союзъ Русскаго Народа" который при послѣднихъ выборахъ выставлялъ г. Ильина выборщикомъ въ Государственную Думу. Можно-ли договориться до такой нелѣпости? Гдѣ же тотъ законъ, который даетъ напримѣръ членамъ Союза Русскаго Народа право отводить тѣхъ судей, которые голосовали за кадюковъ и числились въ спискахъ конституціонно-демократической партіи во время первыхъ выборовъ? А вѣдь въ такомъ случаѣ многихъ судей и присяжныхъ засѣдателей могъ бы отвести господинъ Булацель по тѣмъ дѣламъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ дѣлѣ о Симферопольскомъ погромѣ, дѣлѣ Хвостовыхъ, Яковлева и др. потерпѣвшими явились краснотряпичники.

В. В—скій.

Передовыя статьи въ газетѣ «Свѣтъ» и въ «Юридической газетѣ».

«Свѣтъ» 22 Января 1901 г. № 21.

Къ вопросу о центрѣ и окраинахъ.

Возникшій въ послѣднее время споръ по поводу отдѣленія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ затрагиваетъ не одни только мѣстные интересы, но и общій жгучій современный вопросъ о центрѣ и окраинахъ. Балтійско-нѣмецкая партія горячо высказывается за учрежденіе отдѣленій совѣта, увѣряя однако при этомъ, будто значеніе этихъ отдѣленій «фактически сведется къ нулю». Едва ли однако практичные люди могутъ стремиться къ осуществленію проектовъ, значеніе которыхъ сводится къ нулю; а такъ какъ въ средѣ нѣмецкой интеллигенціи, несомнѣнно, есть умные, а главное очень практичные люди, то, значитъ, учрежденіе этихъ отдѣленій далеко не сводится только къ нулю. Нѣтъ, въ этомъ вопросѣ нѣмецко-балтійская партія прибѣгла къ своей обычной системѣ: домогаясь полученія какого-либо права, оно всегда старалась увѣрить, будто это право само по себѣ настолько ничтожно, что и пользоваться имъ никогда не прійдется и что оно собственно даже не право, а скорѣе обязанность. А какъ только право было признано, его тотчасъ превращали въ грозное орудіе противъ тѣхъ, которые по своей недальновидности допустили его признаніе. И сколько привилегій, сколько преимуществъ, явно несправедливыхъ и даже опасныхъ, пахватали господа балтійскіе нѣмцы подъ видомъ «нулей», которыми они до сихъ поръ еще пытаются морочить общественное мнѣніе Россіи. Ознакомившись съ статьею 50 проекта учрежденія объ адвокатурѣ (ст. 445 новой редакціи учрежд. суд. уст.), легко убѣдиться въ томъ, что «фактически значеніе отдѣленій совѣта будетъ огромное». Не трудно, однако, предвидѣть, по какому пути пойдутъ отдѣленія совѣта, руководимыя нѣмецкою партіей. Безпристрастнаго отношенія учрежденій съ преобладающимъ нѣмецкимъ составомъ къ интересамъ другимъ частей населенія еще до сихъ поръ нигдѣ не видно. Ландтаги, городскія думы, конвенты и проч. идутъ на буксирѣ у нѣмецкой партіи. Эта партія считаетъ съ процессуальной точки зрѣнія разумнымъ предоставить тяжущимся, «недостаточно владѣющимъ русскимъ языкомъ», право подавать прошенія на нѣмецкомъ языкѣ въ русскіе суды, а для того, чтобы тяжущіеся не могли бы и въ будущемъ «достаточно хорошо владѣть русскимъ языкомъ», она считаетъ не менѣе разумнымъ всячески затруднять распространеніе русскаго языка въ школахъ и въ общественной жизни. Такова безпристрастная и послѣдовательная политика нѣмцевъ! Конечно, національность играетъ лишь условную роль знамени, потому что у громаднаго большинства

лицъ, считающихъ себя нѣмцами, въ дѣйствительности не течетъ въ жилахъ ни одной капли «германской крови». Все это наши доморощенные нѣмцы, которыхъ создала политика насильственнаго онѣмеченія Прибалтійскаго края въ теченіе двухъ почти столѣтій. Поэтому нужно считаться не съ весьма сомнительнымъ нѣмецкимъ происхожденіемъ балтійской интеллигенціи, а съ тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что эта интеллигенція до сихъ поръ еще полагаетъ не только всѣ свои матеріальныя выгоды, но даже какую-то таинственную заслугу въ томъ, чтобы сохранить свою нѣмецкую окраску, пріобрѣтенную исключительно вслѣдствіе незнакомства русскихъ государственныхъ людей съ этнографіею Прибалтійскаго края. Даже Петръ Великій полагалъ, что «Ревель и княжество Эстляндія все въ нѣмецкихъ жителяхъ состоятъ и того ради справедливо есть, чтобы нѣмецкая канцелярія сохранена была». Но теперь вѣдь ни для кого не тайна, что Эстляндія и Лифляндія вовсе изъ нѣмецкихъ жителей не состояли, а напротивъ того, свыше двухмилліонное пародонаселеніе эстонской, латышской и русской народности было отдано по недоразумѣнію во власть нѣсколькимъ тысячамъ нѣмецкихъ семействъ. Эти нѣмецкія семейства могли остаться хозяевами Прибалтійскаго края только благодаря русской податливости. Въ то время даже, когда повсюду въ Россіи крестьяне были освобождены отъ произвола помѣщиковъ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ обезземеленный крестьянинъ остался въ полной зависимости отъ нѣмецкихъ бароновъ. Съ крестьянина они требуютъ арендную плату въ размѣрѣ, превышающемъ то, что онъ можетъ платить. Они обязываютъ его работать больше, чѣмъ его обязывало крѣпостное право. Они запрещаютъ крестьянину охотиться на его собственной землѣ. Они преслѣдуютъ его судомъ, если онъ ловитъ рыбу въ морѣ на берегу своего участка. Они запрещаютъ ему продавать сѣно, солому и съѣстные припасы. Они заставляютъ его нести всѣ дорожныя и почтовыя повинности, а сами пользуются всѣми плодами крестьянскаго труда. Они отнимаютъ у волостей школьную землю подъ предлогомъ, что земля эта не принадлежитъ крестьянамъ, а была имъ предоставлена только во временное пользованіе до тѣхъ поръ, пока сельскія школы находились подъ наблюденіемъ самихъ помѣщиковъ. Они жалуются въ судъ на тѣхъ крестьянъ, которые не сворачиваютъ быстро съ дороги, завидя экипажъ барона, усматривая въ этомъ преступное загроможденіе пути. Они охотно придерживаются буквы закона, потому что мѣстные законы созданы при непосредственномъ участіи ихъ прозелитовъ, а поэтому нечего удивляться, что имъ удалось возвести свои несправедливыя преимущества на степень системы, якобы одобренной русскимъ правительствомъ. Туземцы не хотѣли быть нѣмцами, но привилегированное меньшинство нѣмечило ихъ насильно. Правительство выдавало деньги изъ русской казны на общее образованіе, а городскія балтійскія училища превращались привилегированнымъ меньшинствомъ въ разсадникъ чужой нѣмецкой культуры. Лютеранки охотно выходили замужъ за русскихъ, но пасторы, не только отказываются благословлять смѣшанные браки, но всячески даже стараются подѣйствовать на воображеніе молодыхъ дѣвушекъ, увѣряя ихъ, что онѣ совершаютъ величайшій грѣхъ, выходя замужъ за русскаго. Психическое принужденіе, воздѣйствіе на суевѣрную жен-

скую душу, жестокая нетерпимость по отношенію къ православной религіи, — вотъ средства, которыми нѣмецкая партія пользуется на каждомъ шагу, чтобы воспрепятствовать начавшемуся въ прошлое царствованіе обрусѣнію края. И послѣ всего этого вожди нѣмецкой партіи имѣютъ еще неосторожность укорять русскихъ въ нетерпимости и толковать о свободѣ совѣсти и убѣжденій! Всюду, гдѣ предстоитъ разрѣшеніе какого-либо законодательнаго или административнаго вопроса, имѣющаго особенное значеніе для Прибалтійскаго края, начинала сь невидимая, но упорная интрига, бороться съ которою бывало подчасъ не подъ силу даже настоящимъ государственнымъ людямъ. Въ Петербургъ тянулись депутаціи пріѣзжали предводители дворянства, сыпались докладныя записки, письма къ высокопоставленнымъ лицамъ съ просьбами и доказательствами и—что всего замѣчательнѣе—докладчиками въ комиссіяхъ и департаментахъ, занятыхъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, въ силу какого-то неотразимаго случая, каждый разъ оказываются люди, связанные тѣсными узами родства съ Прибалтійскимъ краемъ. Освобожденіе отъ нѣмецкаго вліянія началось въ прошлое царствованіе, которое именно тѣмъ и близко сердцу каждаго русскаго, что оно было временемъ національнаго пробужденія Россіи. Не дожидаясь, пока общественное мнѣніе всей земли русской преисполнилось негодованіемъ противъ обидныхъ для чести русской порядковъ, правительство за послѣднія семнадцать лѣтъ сдѣлало уже очень много для уравненія балтійской окраины съ центромъ, но до полнаго равенства еще далеко, и до сихъ поръ прибалтійскіе землевладѣльцы, фамиліи коихъ занесены въ мѣстные матрикулы, пользуются такими преимуществами и прерогативами, которыя не снятся даже русскимъ. Несмотря на очевидную необходимость распространенія на Прибалтійскій край дѣйствій государственнаго крестьянскаго банка, вопросъ этотъ затормозился отчасти изъ боязни, что балтійскія дворянскія кредитныя учрежденія не въ состояніи будутъ выдержать конкурренцію съ крестьянскимъ банкомъ, а отчасти изъ-за того, что балтійское рыцарство не считаетъ для себя выгоднымъ облегчать крестьянамъ возможность пріобрѣтать земельную собственность. Арендаторъ-крестьянинъ, котораго во всякое время можно прижать и выселить изъ арендnаго участка, конечно, для балтійскихъ помѣщиковъ гораздо удобнѣе, чѣмъ крестьянинъ-собственникъ. Они до сихъ поръ не хотятъ признать, что устарѣлыя привилегіи кучки землевладѣльцевъ, считающихъ себя представителями въ Россіи «нѣмецкой культуры», совершенно не соотвѣтствуютъ потребностямъ современнаго бытоваго строя. Какъ только является какая-либо возможность устранить русскихъ людей отъ общественныхъ должностей, нѣмецкая партія систематически ею пользуется и всегда поддерживаетъ только тѣхъ лицъ, которыя чѣмъ-либо проявили свое тяготѣніе къ нѣмецкой культурѣ. Итакъ, не на основаніи единичныхъ примѣровъ, а вслѣдствіе долголѣтняго наблюденія надъ стремленіями и нравами въ балтійскихъ губерніяхъ, приходится признать, что образованіе особыхъ прибалтійскихъ отдѣленій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть допущено до тѣхъ поръ, пока тяготѣніе къ нѣмецкой культурѣ будетъ искусственно поддерживаться мѣстными интеллигентами. Каждое разоблаченіе, каждую газетную статью, срывающую маску лицемѣрія съ

балтійскихъ сепаратистовъ, они называютъ памфлетомъ и увѣряютъ, будто эти статьи разжигаютъ рознь между жителями окраинъ и кореннымъ русскимъ населеніемъ. Постоянно толкуя о свободѣ убѣжденій, они не хотятъ, чтобы ею пользовались ихъ оппоненты и хлопочатъ о томъ чтобы русскому человѣку запретили писать въ защиту русскихъ идеаловъ, попираемыхъ на каждомъ шагу кучкою привилегированныхъ нѣмцевъ. Но нельзя отрицать, что балтійскіе дворяне, поселившіеся или хотя пожившіе долгое время въ коренныхъ губерніяхъ становятся самыми убѣжденными защитниками русскаго народа и усваиваютъ себѣ изъ русской жизни однѣ лишь ея хорошія стороны, сохраняя при этомъ лучшія качества нѣмецкаго воспитанія твердость, мужество, аккуратность и любовь къ родинѣ.

«Свѣтъ», 1901 г. № 130.

Желѣзнодорожные вагоны—проводники заразы.

Каждую весну и осень вереницы желѣзнодорожныхъ поѣздовъ уносятъ со всѣхъ концовъ Россіи тысячи больныхъ, стремящихся на Кавказъ и въ Крымъ, чтобы тамъ, на берегу Чернаго моря, среди благодатной южной природы набраться свѣжихъ силъ, облегчить страданія больной груди и отдалить страшный призракъ ранней смерти. Сколько несбыточныхъ грезъ, сколько напрасныхъ надеждъ, сколько тяжелыхъ мученій и скорбей уносятъ съ собою эти поѣзда, мчащіеся безъ оглядки какъ безвольные, какъ туманные движимые бездушной силою пара по стальнымъ путямъ. Поэты давно обратили свое вниманіе на трогательную картину, которую представляютъ эти поѣзда, переполненные страждущими и больными путниками, но пора было-бы обратить серьезное вниманіе на страшную опасность, угрожающую тѣмъ здоровымъ людямъ, которые попадаютъ въ эти поѣзда. Душные, грязные вагоны, бархатная и суконная обивка, впитывающая въ себя пыль и бактеріи, представляютъ настоящій разсадникъ чахотки. Множество здоровыхъ людей рискуютъ ежедневно заразиться этою ужасною болѣзнью, а между тѣмъ это зло можно было бы значительно уменьшить, если бы вмѣсто бархатныхъ и суконныхъ диванovъ завели бы на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ металлическія сѣтки съ кожаными подушками и съ парусиновыми чехлами. Необходимо строго слѣдить за тѣмъ, чтобы чехлы эти были вымыты и мѣнялись каждый разъ, когда поѣздъ приходитъ на конечную станцію отправленія. Необходимо также поливать полъ вагоновъ растворомъ борной кислоты и сулемы и совершенно воспретить употребленіе карболовой кислоты, невыносимый запахъ отъ которой, смѣшиваясь съ душнымъ спертымъ воздухомъ вагона, заставляетъ пассажировъ приходить прямо въ отчаяніе. А главное необходимо теперь же обратить вниманіе на крайне вредный для здоровья пассажировъ способъ чистки вагоновъ, заведенный въ послѣднее время почти на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ. Въ поѣздѣ, наполненномъ пассажирами, появляется черезъ нѣсколько часовъ спеціально назначенная для подметанія вагоновъ женщина и несмотря на протесты мужчинъ, на

крики и чуть ли не слезы дамъ, начинается усердное взметаніе цѣлыхъ столбовъ пыли сухимъ вѣникомъ. Пассажиры задыхаются, бранятся, жалуются, дѣлаютъ попытки выпроводить блюстительницу чистоты; но черезъ нѣсколько минутъ она вновь появляется уже въ сопровожденіи кондуктора, который заявляетъ раздраженнымъ пассажирамъ «что начальство приказываетъ подметать вагоны!» Приходится смириться и глотать всевозможныя бациллы. Такой порядокъ еще вреднѣе, когда подметаніе производится ночью во время сна пассажировъ. Народное здоровье, элементарныя понятія гигіены попираются самымъ возмутительнымъ образомъ этими бѣдными подметальщицами, старающимися какъ можно усерднѣе мести и пылить, чтобы не даромъ получать жалованіе за свое ремесло. Винить ихъ за это нельзя, онѣ не вѣдаютъ, какое зло причиняютъ здоровымъ пассажирамъ; но начальство, которое завело этотъ несчастный порядокъ подметанія вагоновъ, когда тамъ находятся пассажиры, должно же наконецъ понять, что такой способъ наблюденія за чистотою вагоновъ только способствуетъ распространенію чахотки. Когда дѣло идетъ объ этомъ страшномъ бичѣ человѣчества нельзя пренебрегать требованіями гигіены. Для избѣжанія туберкулезныхъ зараженій необходимо строго воспретить чистку вагоновъ, пока тамъ находятся еще пассажиры. Подметаніе метелками и вѣниками вообще не должно быть допускаемо, а уборку половъ въ вагонахъ надо производить мокрыми тряпками. Чистку, дезинфекцію и провѣтриваніе вагоновъ слѣдуетъ вмѣнить въ обязанность желѣзнодорожному начальству каждый разъ, когда поѣздъ дойдетъ до конечной станціи и всѣ пассажиры изъ вагоновъ выйдутъ. За строгое соблюденіе этихъ мѣръ предосторожности человѣчество скажетъ великое спасибо нашему министерству путей сообщенія.

«Свѣтъ» 8 Мая 1901 г. № 120.

Въ послѣднее время повсюду ростетъ и крѣпнетъ неудовольствіе акціонеровъ самыхъ разнообразныхъ обществъ. Къ чему оно приведетъ и чѣмъ разрѣшится, пока еще—трудно сказать. Но какъ бы то ни было, всѣми чувствуется, что необходимо во что бы-то ни стало положить конецъ тѣмъ временамъ, когда заправилы различныхъ акціонерныхъ компаній безконтрольно распоряжались чужими деньгами. Куда ни взглянуть,—промышленныя предпріятія, не оправдавшія довѣрія публики. Акціи, стоившія два, три года тому назадъ сотни рублей-теперь не годятся даже на обклейку переднихъ. Для поправленія дѣлъ учреждаются администраціи, но, увы, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе исчезаетъ всякая надежда на улучшеніе общаго—экономическаго положенія ввѣренныхъ попеченію этихъ администрацій промышленныхъ предпріятій. Да и возможно ли какое-либо улучшеніе дѣлъ акціонерныхъ обществъ, имѣвшихъ «несчастіе» попасть подъ администрацію? Вѣдь къ прежней задолженности прибавляются еще новые и притомъ чрезвычайно большіе расходы на содержаніе администраторовъ; доходы не увеличиваются, администрація непроизводительно поглощаетъ огромныя суммы, долги не погашаются, проценты на нихъ наростаютъ, акціонеры и кредиторы приходятъ въ отчаяніе, а администраторы раскланиваются,

торжественно заявляя на общихъ собраніяхъ, что вскорѣ надѣются поправить дѣла и въ ожиданіи этого счастливаго часа, которому никогда не суждено наступить, назначаютъ себѣ сами большія денежныя награды, и другъ друга благодарятъ за какія-то никому невѣдомыя заслуги. Изъ всѣхъ хитроумныхъ изобрѣтеній современной юриспруденціи самое неудачное изобрѣтеніе—это учрежденіе администраціи. По теоріи администрація должна помочь пошатнувшимся дѣламъ торговаго предпріятія стать снова твердо на ноги, она въ силу 490 ст. уст. суд. торг. вступаетъ во всѣ права полнаго хозяина предпріятія, но на практикѣ учрежденіе администраціи надъ акціонернымъ обществомъ почти всегда можно сравнить съ погребеніемъ заживо безнадежно больного.

Случаи, когда какая-либо администрація вдохнула бы жизнь и здоровье предпріятію, настолько рѣдки, что едва ли кто-либо о нихъ даже слыхалъ. Зато на глазахъ всѣхъ и каждаго много акціонерныхъ обществъ уже погибло окончательно, благодаря именно учрежденнымъ надъ ними администраціямъ. Чтобы добиться прекращенія администраціи, необходимо по закону (495 ст. уст. суд. торг.) согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ кредиторовъ. А этого-то согласія никакъ нельзя получить, потому что крупные кредиторы, имѣющіе своихъ представителей въ самой администраціи, прямо заинтересованы въ томъ, чтобы администрація не прекращалась, такъ какъ благодаря ей имъ удается подъ видомъ жалованья, наградныхъ, разныхъ поставокъ и подрядовъ, выжимать въ свою исключительную пользу изъ имущества акціонернаго общества большія суммы, которыя въ случаѣ ликвидаціи пришлось бы распредѣлять поровну между всѣми кредиторами. Такимъ образомъ, обиженными, обойденными, обворованными на законномъ основаніи оказываются мелкіе кредиторы, все состояніе которыхъ иногда заключается въ этихъ сотняхъ и тысячахъ рублей, которыя присваиваютъ себѣ администраторы.

Увы, на администрацію смотрятъ, какъ на частное дѣло, не подлежащее контролю и ревизіи судебныхъ учрежденій, потому что въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта отъ 6-го февраля 1873 года администрація признана «частною сдѣлкою между заимодавцами и должникомъ», а благодаря этому происходятъ прямо вопіющія дѣла.

Какъ ни грустно, но надо признать, что въ этихъ дѣлахъ не послѣднюю роль играютъ юристы. Равнодушное отношеніе прокуратуры и совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ къ этому важному вопросу невольно вызываетъ на сравненіе съ горячностью, которая проявляется этими учрежденіями въ другихъ случаяхъ. Когда какой-нибудь молодой адвокатъ посвящаетъ свои знанія, энергію, время и деньги на веденіе увѣчныхъ дѣлъ со стороны рабочихъ и съ большимъ трудомъ, проведя на свои средства эти дѣла иногда черезъ всѣ судебныя инстанціи, успѣваетъ изъ десяти разъ, только три или четыре раза, наконецъ, отвоевать у фабрикантовъ и заводчиковъ и ихъ знаменитыхъ повѣренныхъ вознагражденіе рабочимъ за оторванныя руки, переломанныя ноги и пробитыя головы тогда такому молодому юристу говорятъ: «не смѣй получать больше десяти процентовъ съ присужденной въ пользу твоихъ кліентовъ суммъ, потому что, взявъ больше, ты поступишь безнравственно».

И вотъ, въ силу этой морали адвокатъ, защищавшій интересы рабочаго и выигравшій искъ въ одну тысячу рублей, долженъ получить только сто рублей за свои труды, хотя по этому дѣлу ему, быть можетъ, пришлось нѣсколько разъ ѣздить на свой счетъ за сотни верстъ изъ провинціи въ Москву и Петербургъ, участвовать въ цѣломъ рядѣ судебныхъ осмотровъ и освидѣтельствованій и наконецъ, даже уже по полученіи исполнительнаго листа, еженедѣльно бѣгать въ контору или въ правленіе администраціи за полученіемъ присужденной суммы. Хорошо, если у такого адвоката найдутся въ администраціи знакомые вліятельные люди, тогда онъ все-таки еще можетъ не терять надежду, что когда-нибудь удовлетворятъ присужденную судомъ претензію его довѣрителей. Но если администраторы не захотятъ платить—ничего подѣлать съ ними нельзя. Общій исполнительный порядокъ не имѣетъ примѣненія во «все время существованія администраціи» и хотя положеніе это въ законѣ прямо не высказано, но соблюдается настолько строго, что ни одинъ судебный приставъ не рѣшится приступить къ описи имущества, находящагося подъ администраціею. Рабочій, которому присуждена окончательнымъ рѣшеніемъ судебныхъ мѣстъ какая-нибудь одна или двѣ тысячи рублей, зачисляется въ число кредиторовъ акціонернаго общества и господа администраторы не безъ оттѣнка глумленія объявляютъ его защитнику, что хотя судъ и присудилъ съ общества вознагражденіе въ пользу рабочаго, но администрація не находитъ возможнымъ удовлетворить эту претензію по исполнительному листу ранѣе, какъ лѣтъ черезъ пять...

«У насъ нѣтъ теперь свободныхъ денегъ, да и кромѣ того, ваши рѣчи въ судѣ намъ не понравились, а поэтому мы теперь попросимъ васъ подождать, пока мы найдемъ удобнымъ удовлетворить вашихъ довѣрителей. Но тѣ же самые администраторы находятъ однако свободныя деньги въ кассѣ общества для того, чтобы аккуратно уплачивать себѣ ежегодное жалованіе въ нѣсколько тысячъ рублей. И обо всемъ этомъ знаютъ и прокуроры и совѣты присяжныхъ повѣренныхъ и однако прокуроры молчатъ, потому что законъ не управомочиваетъ ихъ вмѣшиваться въ гражданскія дѣла, и потому что правительствующій сенатъ по 4-му департаменту 12 апрѣля 1894 года по д. Браувера призналъ, что правила о судебномъ взысканіи непримѣнимы къ администраціямъ, а совѣты присяжныхъ повѣренныхъ безмолвствуютъ потому, что уже давно среди юристовъ установилось мнѣніе, будто нѣтъ ничего предосудительнаго въ отстаиваніи хотя бы даже и за очень крупное вознагражденіе интересовъ заводчиковъ и фабрикантовъ,—даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они стараются отбить у бѣднаго рабочаго и его семьи уплату за утраченное здоровье и за погубленную жизнь.

«Свѣтъ» 29 іюня 1901 г. № 169.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 28 іюня.

Единеніе между родителями и дѣтьми фактически существуетъ, несомнѣнно, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти родились отъ законнаго брака, такъ и тогда, когда они прижиты внѣ брака. Юридически,

однако, отношенія отца къ дѣтямъ, рожденнымъ внѣ брака, устанавливаются только въ случаѣ узаконенія добрачныхъ дѣтей. Справедливость требуетъ, чтобы всѣ незаконнорожденныя дѣти были бы поставлены въ одинаковыя условія относительно возможности ихъ узаконенія тѣми лицами, отъ которыхъ они происходятъ. Въ дѣйствительности, однако оказывается, что и въ этомъ важномъ вопросѣ лица не всѣхъ христіанскихъ исповѣданій пользуются одинаковыми правами. Разъясненія правительствующаго сената по поводу примѣненія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ закона 12 марта 1891 года объ узаконеніи дѣтей не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что лица, исповѣдывающія лютеранскую религію, пользуются огромнымъ преимуществомъ въ отношеніи узаконенія дѣтей рожденныхъ до брака. По смыслу 173 статьи мѣстныхъ гражд. узаконеній прибалтійскихъ губерній внѣ-брачныя дѣти становятся законными въ силу одного событія совершившагося брака ихъ родителей безъ особаго судебнаго о томъ опредѣленія, такъ какъ послѣдующій бракъ родителей между собою сообщаетъ незаконнымъ дѣтямъ всѣ права законныхъ по наслѣдству и по званію отца. Правительствующій сенатъ, находя, что въ законѣ 12 марта 1891 г. не содержится указанія на то, что дѣйствіе его распространяется на прибалтійскія губерніи, пришелъ къ тому выводу, что новый законъ 1891 года объ узаконеніи дѣтей, изданный для губерній, гдѣ дѣйствуетъ X томъ свода законовъ Россійской имперіи, ни въ чемъ не измѣнилъ существующихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ узаконеній о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ. Согласно этому, правительствующій сенатъ призналъ, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ незаконныя дѣти считаются узаконенными силою одного факта совершенія впослѣдствіи брака между ихъ родителями и что для узаконенія ихъ вовсе не требуется судебнаго опредѣленія. Послѣдствія этого разъясненія сената чрезвычайно важны. А именно, во всѣхъ русскихъ судахъ узаконеніе дѣтей, происшедшихъ «отъ недѣйствительнаго брака», возможно только съ Высочайшаго соизволенія, по ходатайству суда. Между тѣмъ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ согласно 147 ст. ч. III св. м. уз. рожденные отъ недѣйствительнаго брака почитаются законными, если недѣйствительность брака оставалась неизвѣстною хотя бы одному изъ родителей. Итакъ, статья 147 мѣстныхъ гражд. законовъ прибалтійскихъ губерній даетъ такое преимущество жителямъ прибалтійскаго края, для полученія какого во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ Россійской имперіи необходимо особо каждый разъ испрашивать Высочайшее соизволеніе. Но мало того, дѣти, рожденныя даже отъ «прелюбодѣянія» считаются по прибалтійскому праву «законными», безъ особаго объ этомъ судебнаго опредѣленія, коль скоро впослѣдствіи ихъ родители соединятся законнымъ бракомъ; «тогда какъ во всей остальной Россіи дѣти, происшедшія отъ прелюбодѣянія, не могутъ быть «узаконяемы» (ст. 144′ X т. св. зак. Рос. Им.) Итакъ, для православныхъ родителей узаконеніе ребенка возможно лишь въ томъ случаѣ, если ни одинъ изъ супруговъ во время зачатія ребенка, не состоялъ въ нерасторгнутомъ бракѣ съ другимъ лицомъ. Для лютеранъ же прибалтійскихъ губерній въ этомъ отношеніи не существуетъ никакихъ запретовъ. Прибалтійскій баронъ, состоя въ законномъ бракѣ, можетъ завести прелюбодѣйную связь на сторонѣ, имѣя отъ этой связи нѣсколько

незаконныхъ дѣтей и всѣ они безъ всякаго судебнаго опредѣленія безъ особаго Высочайшаго соизволенія получатъ дворянское званіе, титулъ и всѣ права по наслѣдованію, какъ только, отцу ихъ удается вступить въ бракъ съ тою особою, отъ которой онъ прижилъ этихъ дѣтей, не взирая на то, что во время ихъ зачатія онъ былъ связанъ бракомъ съ другою женщиною. Конечно, дѣти рожденныя внѣ брака не виновны въ грѣхахъ своихъ родителей, но почему же «за прелюбодѣяніе» родителей не страдаютъ только дѣти лютеранъ, въ то время, какъ дѣти православныхъ обречены навсегда оставаться незаконными и всю свою жизнь нести кару за прелюбодѣяніе своихъ родителей, даже тогда, когда устранятся всѣ препятствія для превращенія прелюбодѣйной связи въ супружескій союзъ? И не взирая на такія огромныя преимущества лицъ, исповѣдывающихъ инославную христіанскую религію, находятся еще лицемѣры, утверждающіе, будто на нашихъ окраинахъ русскіе люди находятся въ привилегированномъ положеніи по сравненію съ инородцами.

«Свѣтъ» 15 Іюля 190 г. № 184.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 14 іюля.

Съ введеніемъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ казенной винной монополіи, прежнія рыцарскія корчмы фактически сохранили свою вредную дѣятельность, переименовавшись въ «пивныя лавки». Это обстоятельство доказываетъ что, отстаивая свои корчмы, балтійскіе помѣщики имѣли въ виду исключительно выгоды своего кармана, а вовсе не интересы проѣзжихъ, для которыхъ будто бы корчмы были необходимы, какъ постоялые дворы.

Если бы послѣднее увѣреніе было искренно, то конечно балтійскіе бароны послѣ введенія монополіи не спѣшили бы превращать свои старыя корчмы «въ пивныя лавки», а постарались бы приспособить ихъ для устройства чайныхъ домовъ и постоялыхъ дворовъ, гдѣ проѣзжіе могли бы найти ночлегъ, горячую пищу и безвредный дешевый чай. Опыты устройства такихъ домовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края уже увѣнчались успѣхомъ. Бароны Пкскюль, Мейндорфъ и нѣкоторые другіе, вмѣсто пивныхъ лавокъ открыли чайные дома и принимаютъ живое участіе въ дѣятельности попечительствъ о народной трезвости. Къ сожалѣнію, такіе радѣтели о народной пользѣ среди балтійскихъ помѣщиковъ встрѣчаются очень рѣдко. А въ Ревелѣ, какъ сообщила газета «Олевикъ», въ число членовъ уѣзднаго попечительства о народной трезвости попалъ помѣщикъ, на землѣ котораго существуютъ не только казенная винная лавка, но и кромѣ того двѣ корчмы, въ одной изъ которыхъ произошла серьезная драка между охмелѣвшими отъ пива крестьянами. Можно ли въ такое важное учрежденіе, какъ попечительство о народной трезвости, назначать опрометчиво такихъ членовъ, одно присутствіе которыхъ уже вызываетъ недовѣріе въ населеніи къ искренности стремленія новаго учрежденія заботиться о народной трезвости? На попечительства возлагаются большія надежды и дѣйствительно они могутъ принести

большую пользу, но для успѣшной ихъ дѣятельности необходимо, чтобы въ члены ихъ не допускались вовсе такія лица, которыя содержатъ на свое имя или сдаютъ въ аренду корчмы и пивныя лавки. Многіе привилегированные собственники пивоваренныхъ заводовъ съ цѣлью большаго сбыта своего пива испрашиваютъ возможно большее число разрѣшеній на содержаніе пивныхъ лавокъ, которыя потомъ передаютъ въ арендное пользованіе простымъ корчмарямъ подъ видомъ «приказчиковъ».

Само собою разумѣется, что эти приказчики не обладаютъ выдающимися нравственными качествами, такъ какъ помѣщики при выборѣ этихъ «приказчиковъ» руководствуются исключительно своею денежною выгодою: кто больше заплатитъ аренды и кто больше продастъ товара, больше споитъ простого народа, тотъ и выбирается въ приказчики. Если же приказчикъ провинится предъ уголовнымъ закономъ или допуститъ нарушеніе акцизныхъ правилъ, то онъ лично подвергается отвѣтственности, а корчма или пивная лавка закрывается, но черезъ нѣсколько дней вновь открывается, и въ ней только сидитъ уже другой приказчикъ. Самъ же дѣйствительный владѣлецъ пивной остается неуязвимъ и ничего не теряетъ отъ недобросовѣстности своихъ арендаторовъ; заручившись согласіемъ акцизнаго управленія на передачу арендатору-принципалу права содержать корчму, балтійскій помѣщикъ никогда не потеряетъ права открытія новой корчмы или пивной лавки, какъ лицо неотвѣтственное за свою же собственную корчму. Арендаторы одинъ за другимъ смѣняются, попадаютъ подъ судъ, а баронская корчма все попрежнему неизмѣнно работаетъ на пользу баронскаго кармана. Чтобы сдѣлать невозможнымъ привилегированнымъ владѣльцамъ балтійскихъ корчемъ избѣгать законной отвѣтственности за нарушеніе акцизныхъ правилъ, слѣдовало бы установить однажды и навсегда, что за каждое нарушеніе питейныхъ порядковъ наравнѣ съ приказчикомъ отвѣчаетъ и самъ дѣйствительный собственникъ корчмы. Кромѣ того, почему бы министерству финансовъ не установить, чтобы на каждой пивной лавкѣ и на каждой корчмѣ обязательно красовались фамилія дѣйствительнаго привилегированнаго владѣльца, а не тѣхъ лицъ, которымъ корчмы и пивныя лавки сданы въ аренду? Хотя хваленая балтійская культура хорошо знаетъ цѣну деньгамъ и доходамъ, получаемымъ помѣщиками съ пивныхъ лавокъ, но однако же едва ли она будетъ въ состояніи помириться съ такимъ наглядпымъ признаніемъ ея преимуществъ! Обязательныя вывѣски съ надписями: «корчма барона Х» и «пивная лавка барона У», невольно будутъ смущать, если не самихъ барономъ, то по крайней мѣрѣ болѣе чуткихъ и деликатныхъ баронессъ. Найдутся навѣрное даже такія особы, которыя прямо поставятъ своимъ женихамъ и мужьямъ условіе не имѣть этихъ противныхъ вывѣсокъ, и такимъ образомъ баронамъ прійдется отказаться отъ выгодной, но мало почтенной привилегіи, а количество пивныхъ лавокъ и корчемъ само собою очень сильно уменьшится ко благу всего прибалтійскаго крестьянскаго народонаселенія. Рекомендуемая мѣра сама по себѣ на столько проста, а выгоды отъ нея на столько очевидны, что было бы очень жалко, если бы ею не воспользовались тѣ, отъ кого зависитъ примѣненіе ея на практикѣ.

«Свѣтъ» 21 Іюля 1901 г. № 190.

Русское направленіе нѣкоторыхъ столичныхъ газетъ чрезвычайно не по вкусу нашимъ нѣмецкимъ цейтунгамъ. Особенно волнуется редакція «Петербургскаго Герольда», которая уже не пишетъ, а просто ругается.

«Rappelt's oder rappelt's nicht»? *) глубокомысленно спрашиваетъ германскій «Герольдъ» русской столицы. И въ отвѣтъ на заданный себѣ же вопросъ спѣшитъ большими буквами заявить своимъ читателямъ, что «въ редакціи «Свѣта» господствуетъ попросту низкая ложь?» Не довольствуясь этимъ неприличнымъ и мало убѣдительнымъ способомъ оспариванія мнѣній противоположнаго лагеря, «Герольдъ» увѣряетъ что національное направленіе «Свѣта» напоминаетъ «сбѣсившуюся отъ жары собаку, хватающую за икры перваго попавшагося прохожаго».

Нечего сказать, прелестный слогъ и изысканная тевтонская вѣжливость царятъ въ редакціи «Герольда»! Право, уличные мальчишки въ Берлинѣ могутъ позавидовать умѣнію «Петербургскаго «Герольда» ругаться. Вмѣсто возраженій по существу, «Герольдъ» придрался къ указанію «Свѣта», что нѣмецкія газеты съ пѣною у рта встрѣчаютъ вновь образовавшееся «Русское собраніе» и пробужденіе русскаго національнаго правосознанія. Не слишкомъ ли уже увлеклась милая петербургская германская газета, требуя, чтобы мы указали, куда дѣлась пѣна, которая была у нея во рту, когда она сообщала своимъ читателямъ о появленіи въ Петербургѣ «Русскаго собранія»?! По увѣренію «Герольда» «Свѣтъ» сперва клевещетъ, а за тѣмъ отмалчивается, не приводя фактовъ. Вотъ ужъ это прямо значитъ валить съ больной головы на здоровую! Пусть лучше нѣмецкія газеты не придираются къ отдѣльнымъ выраженіямъ, а прямо отвѣтятъ намъ хотя бы на слѣдующія наши указанія. Пусть онѣ фактами опровергнутъ наше утвержденіе, что такъ называемая нѣмецкая партія **) привлетаетъ свою нѣмецкую политику даже при обсужденіи вопросовъ о замощеніи мостовыхъ и украшеніи городовъ постройками и памятниками. Пусть онѣ опровергнутъ, что балтійская нѣмецкая партія пускала въ ходъ всевозможныя интриги и прибѣгала къ ложнымъ увѣреніямъ о подземныхъ ходахъ, о водныхъ бассейнахъ и проч., чтобы только православный соборъ не былъ построенъ въ Ревелѣ на Вышгородѣ?! Тѣ способы, которыми пользовались наши россійскіе нѣмцы, чтобы затормозить введеніе въ Прибалтійскомъ краѣ русскихъ судебныхъ учрежденій и постройку православныхъ храмовъ сдѣлались вѣдь теперь достояніемъ исторіи. Всякій можетъ ознакомиться съ пріемами нѣмецкой интеллигенціи изъ оффиціальныхъ отчетовъ о

---

*) Просимъ извиненія передъ нашими подписчиками за то, что приводимъ на германскомъ языкѣ подлинные перлы краснорѣчія «Петербургскаго Герольда».

**) Мы говоримъ «такъ называемая нѣмецкая», потому что въ дѣйствительности партія эта состоитъ изъ девяти процентовъ онѣмечившихся эстонцевъ и латышей.

постройкѣ Александро-Невскаго собора въ Ревелѣ. Изъ двадцати членовъ комитета по постройкѣ собора шестнадцать высказались за сооруженіе православнаго храма на Вышгородѣ, какъ наиболѣе подходящемъ мѣстѣ; но четверо членовъ противились постройкѣ собора на Вышгородѣ. Не будемъ пояснять, къ какому лагерю принадлежали эти четыре голоса. Достаточно вспомнить, что для рѣшенія вопроса о выборѣ мѣста для возведенія православнаго храма понадобилась чрезвычайная мѣра—командированіе въ Ревель товарища министра внутреннихъ дѣлъ сенатора Плеве, который несмотря на всѣ возраженія городского головы, барона Майделя, пришелъ къ заключенію, что мѣстностью, наиболѣе пригодною для сооруженія храма представляется Вышгородская площадь, такъ какъ храмъ, на ней воздвигнутый, будетъ занимать красивое господствующее надъ всей окружающей мѣстностью положеніе.

Пусть нѣмецкія газеты опровергнутъ, что нѣмецкая интеллигенція наравнѣ съ восхваленіемъ заслугъ средневѣковыхъ нѣмецкихъ дѣятелей не забываетъ заслуги русскихъ? Развѣ нѣмецкіе авторитеты не имѣютъ недобросовѣстность увѣрять, будто Лютеръ и всякіе Альбрехты и Альберты сдѣлали больше для благополучія и культуры Балтійскаго края, чѣмъ Петръ Великій? Развѣ честно закрывать глаза на несомнѣнный фактъ, что спокойствіе, миръ и культурное преуспѣяніе Балтійскаго края начались только съ того времени, когда онъ сталъ частью Россіи? Пусть онѣ опровергнутъ фактами указаніе на то, что мѣстныя нѣмецкія газеты и даже пасторы не рѣшались поднимать своего голоса противъ вреднаго вліянія корчемъ до тѣхъ поръ, пока корчмы эти находились въ исключительномъ обладаніи балтійскаго рыцарства; а теперь когда мѣстные бароны уже не такъ сильно заинтересованы, какъ прежде, въ спаиваніи простого народа, движеніе въ пользу трезвости стало расти, точно мѣстные интеллигентные люди Прибалтійскаго края получили отъ своихъ коноводовъ негласное разрѣшеніе свободно выражать несочувствіе къ пьянству. Мелочность, неискренность и односторонность нѣмецкой партіи сдѣлались въ послѣднее время, вслѣдствіе множества накопившихся фактовъ, притчею во языцѣхъ. Мы не хотимъ повторять того, что уже много разъ говорилось раньше, а ограничимся приведеніемъ примѣра, имѣющаго прямое отношеніе къ задачамъ русскаго собранія. Въ п. д. § 3 устава «Русскаго собранія» между прочимъ, говорится, что ему предоставляется основывать учрежденія, имѣющія цѣлью распространеніе русскаго зодчества и русской одежды. Вотъ этотъ пунктъ подвергся особенно тщательному разбору со стороны нашихъ маргариновыхъ нѣмцевъ. Мы можемъ представить номера нѣмецкихъ газетъ, въ которыхъ указывается на несвоевременность возвращенія къ старой русской одеждѣ. «Теперь уже другія потребности, другая культура и странно наряжаться въ неудобныя отжившія свой вѣкъ старорусскія одежды»! Вотъ какими «передовыми» стали вдругъ нѣмецкія газеты, когда заговорили о распространеніи русской національной одежды. Ну, а когда рѣчь шла о разрѣшеніи рижскимъ и юрьевскимъ студентамъ украшать свои головы средневѣковою разноцвѣтною шапочкою, тогда нѣмецкія газеты пѣли совсѣмъ иную пѣснь. Тогда онѣ не находили вовсе смѣшнымъ, что интеллигентные люди серьезно занимаются

вопросомъ о головныхъ колпачкахъ. А между тѣмъ всякій безпристрастный человѣкъ долженъ сознаться, что разноцвѣтныя студенческія шапочки неудобны, некрасивы и непрактичны. И тѣмъ не менѣе нѣмецкая печать распиналась за ношеніе студентами этихъ клоунскихъ украшеній. Пусть «Герольдъ» и другія цейтунги вмѣсто ругани постараются научно и литературно объяснить это психическое противорѣчіе! Да кстати, пусть уже не дѣлаютъ только выдержекъ, а цѣликомъ перепечатаютъ на своихъ страницахъ всѣ наши указанія и утвержденія. Среди балтійскихъ нѣмцевъ есть,конечно, такіе, которые сами съумѣютъ разобрать, гдѣ правда и гдѣ кривда. Да только горе въ томъ, что наши нѣмецкія газеты перепечатываютъ изъ русскихъ только то, что находятъ для себя удобнымъ и благодаря этому искажаютъ и передергиваютъ всѣ мнѣнія и факты, обличающіе дурныя стороны старо-нѣмецкой культуры.

«Свѣтъ» 6 Августа 1901 г. № 206.

Рыцари корчмы.

Наше указаніе (№ 184 «Свѣта») на желательность, чтобы на каждой корчмѣ и пивной лавкѣ обязательно красовалась фамилія привилегированнаго ея владѣльца, понятно, не нравится нѣмецкимъ газетамъ. „Рижскій Рундшау“ и „Ревельская Цейтунгъ“ находятъ наше пожеланіе чрезвычайно „легкомысленной остротой“, потому что корчемно-трактирное право составляетъ привилегію вовсе не отдѣльныхъ личностей (бароновъ), а отдѣльныхъ имѣній. „Рыцарское имѣніе можетъ быть куплено крестьяниномъ и значитъ вовсе не всегда случайный владѣлецъ корчмы долженъ быть баропомъ“, восклицаетъ „Ревельская Цейтунгъ“, а этого-то конечно, „Свѣтъ“ и не подозрѣваетъ“. Выпаливъ эту громкую фразу въ защиту баронскаго самолюбія, нѣмецкая газета считаетъ, что ея долгъ передъ своими читателями, завѣщанный ей преданіями старины, исполненъ блистательно. А между тѣмъ она скрываетъ отъ своихъ читателей, что русскія газеты „Свѣтъ“, „Новое Время“ и „Россія“ въ цѣломъ рядѣ статей именно доказывали, что „бароны“ не „должны быть корчмарями“, и что если до сихъ поръ изъ каждыхъ ста владѣльцевъ корчемъ и пивныхъ лавокъ девяносто семь числятся въ матрикулахъ мѣстнаго рыцарства, то этому факту никоимъ образомъ не слѣдуетъ радоваться. „Свѣтъ» всегда указывалъ на несуразное средне-вѣковое дѣленіе на всевозможныя касты и партіи, сохранившіяся еще до сихъ поръ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Не только люди, но и земля подраздѣлена балтійскими юристами на привилегированную и непривилегированную. Пресловутая 883 статья свода мѣстныхъ узаконеній губ. приб., заключающая въ себѣ перечисленіе преимуществъ, связанныхъ съ владѣніемъ рыцарскими имѣніями, въ свое время подвергалась справедливому осужденію со стороны всѣхъ русскихъ газетъ, когда въ общество впервые проникло извѣстіе, что статья эта не только препятствуетъ министерству финансовъ нанимать у крестьянъ помѣщенія для казенныхъ винныхъ лавокъ, но и кромѣ того даетъ будто бы балтійскимъ рыцарямъ

право получить изъ государственной казны нѣсколько милліоновъ рублей за то, что съ введеніемъ казенной монополіи право торговать водкой не будетъ больше составлять исключительнаго преимущества рыцарскихъ вотчинъ. Послѣ разныхъ пререканій въ концѣ концовъ казенная монополія была всетаки введена въ Прибалтійскихъ губерніяхъ „на общемъ основаніи". Защитники народной трезвости вздохнули свободнѣе, но увы, вскорѣ наравнѣ съ казенными винными лавками начали опять открываться на дворянской почвѣ прежніе вертепы, переименованные лишь въ „пивныя лавки". Число ихъ быстро увеличивалось и въ настоящее время достигло въ уѣздахъ огромныхъ размѣровъ. Почти въ каждомъ рыцарскомъ имѣніи вмѣсто прежней корчмы уже имѣется пивная лавка. Арендная плата за пивныя лавки большею частью выше, чѣмъ за прежнія корчмы. Такимъ образомъ съ введеніемъ монополіи балтійскіе помѣщики фактически не только не потерпѣли никакихъ убытковъ, но еще даже, наоборотъ, во многихъ случаяхъ, перемѣнивъ вывѣску „корчма" на „пивная лавка", стали пуще прежняго извлекать доходъ изъ своихъ старыхъ каменныхъ корчемъ. А впереди перспектива милліоннаго вознагражденія за упраздненныя корчмы. Въ Россіи неурожай, мало хлѣба, не хватаетъ средствъ даже на помощь для обсѣмененія полей, а балтійскимъ рыцарямъ бабушка ворожитъ и доходы съ корчемъ сохранила и вознагражденіе сулитъ. Почему балтійскіе рыцари пользуются такими преимуществами—одному Господу Богу вѣдомо! Вѣдь ужь несомнѣнно какіенибудь тульскіе, курскіе, московскіе помѣщики „любятъ" родную Россію *не* менѣе, чѣмъ балтійскіе рыцари, а между тѣмъ...

«Свѣтъ» 12 Ноября 1901 г. № 300.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 11 ноября.

Нѣмецкія газеты въ Петербургѣ выражаются тѣмъ самымъ условнымъ языкомъ, какимъ наши сепаратисты изощряются говорить подъ цензурою, но несмотря на условность, языкъ этотъ очень прозраченъ. Ловкіе издатели, именующіе себя «русскими нѣмцами», хорошо понимаютъ, какъ выгодно оставаться въ полумракѣ и не говорить иначе, какъ обиняками. Чтобы заставить замолчать своихъ противниковъ, они прибѣгаютъ къ очень простому, но далеко не похвальному способу: они стараются выставить правдивыхъ изобличителей чѣмъ-то вродѣ доносчиковъ, а сами прикидываются жертвою клеветы русскихъ фанатиковъ. И какого бы вопроса ни коснулись нѣмецкіе литераторы они непремѣнно сведутъ на таинственные призывы своихъ читателей оставаться «мѣстными патріотами», а если какая-нибудь русская газета замѣтитъ, что подъ маскою «мѣстнаго патріотизма» кроется простое шарлатанство, вся нѣмецкая печать обрушивается на своего русскаго собрата. Сбиваемые съ толку нѣмецкими газетами, эстонскіе и латышскіе нѣмцы себя сами обольщаютъ и обманываютъ увѣреніями, будто они настоящіе нѣмцы и будто вся цѣль ихъ существованія въ Россіи заключается въ охраненіи и восхваленіи «нѣмецкой культуры».

Рабское стремленіе подражать всему, что похоже на нѣмца, привело къ тому, что въ настоящее время не только города Прибалтійскаго края, но и столицы Россіи, Москва и Петербургъ, кишатъ нѣмцами и украшаются памятниками въ честь враговъ Россіи. Взгляните на Невскій проспектъ и Большую Морскую, прочитайте вывѣски съ иностранными именами, загляните въ большіе магазины всевозможныхъ Трейвановъ, Трейблатовъ, Александръ, Мальмовъ, Вейсовъ, Мельковъ, Мильковъ, Карльсеповъ и т. д.; зайдите къ Лейнеру, загляните въ Зоологическій садъ и вы повѣрите, что Германія переселилась къ намъ въ Россію. Всюду слышится нѣмецкая рѣчь, вездѣ запахъ пива и сигаръ, а рыжія и бѣлокурыя самодовольныя лица приказчиковъ, купцовъ, аптекарей и фабрикантовъ еще болѣе, чѣмъ нѣмецкая рѣчь, дополняютъ иллюзію, такъ что вы начинаете вѣрить, что попали въ кругъ настоящихъ германцевъ. Однако, это заблужденіе. Нѣмецкій языкъ, любовь къ пиву и запахъ сигаръ, все это только внѣшніе признаки, посредствомъ которыхъ наши эстонскіе и латышскіе ремесленники и купцы стремятся походить, какъ двѣ капли воды, на настоящихъ нѣмцевъ. Внѣшнія большею частью отрицательныя стороны германской культуры усваиваются особенно легко дѣтьми и внуками эстонскихъ мужиковъ, переселившимися изъ деревни въ большіе города. Но кромѣ отрицательныхъ сторонъ, у нихъ есть также и положительныя качества. Долголѣтнее тяжкое рабство пріучило латышей и эстонцевъ къ скрытности и закалило ихъ характеръ. Упорные и трудолюбивые, они очень ловко воспользовались смѣшнымъ пристрастіемъ высшаго русскаго общества въ царствованіи императора Александра II ко всему не русскому.

Нанявъ для своихъ магазиновъ роскошныя помѣщенія на лучшихъ улицахъ столицы, эстонскіе и латышскіе ремесленники направили всѣ свои усилія къ тому, чтобы придать своимъ магазинамъ иностранный видъ. Исковеркавъ на нѣмецкій ладъ чухонскія фамиліи и эстонскія лица, они начали бойко торговать заморскими товарами, и чѣмъ дороже запрашивали за нихъ, тѣмъ выгоднѣе становилась торговля. На русское общество того времени словно нашло какое-то ослѣпленіе. А нѣмецкое наводненіе все прибывало и прибывало. Можно было подумать, что всѣ германскіе сапожники, булочники и аптекаря вдругъ сразу покинули свою родину и переселились къ намъ на Невскій проспектъ, Морскую, Казанскую и другія главныя улицы Петербурга. Но въ дѣйствительности почти все это доморощенные нѣмцы, которые только, стыдясь своего эстонскаго происхожденія, а также потому что ясно видятъ, какъ выгодно въ Россіи быть нѣмцемъ, стараются во всемъ подражать нѣмцамъ. Все увеличивающаяся колонія «поддѣльныхъ нѣмцевъ» сливается съ настоящими нѣмцами, чему отчасти способствуютъ браки нашихъ онѣмечившихся эстонцевъ съ дочерьми заграничныхъ германскихъ фабрикантовъ, а еще болѣе чтеніе издающихся въ Россіи нѣмецкихъ газетъ, поставившихъ себѣ задачею поддерживать въ средѣ русскихъ лютеранъ любовь не только къ нѣмецкому языку, но и ко всему, что пахнетъ Германіею.

Къ несчастію для Россіи слишкомъ долго продолжался въ ея исторіи періодъ, когда высказывать открыто свою пристрастную любовь ко всему нѣмецкому было не только безопасно, но и прямо даже

выгодно. За такое поведеніе гладили по головкѣ и награждали. Это было какое-то заблужденіе, за которое Россія дорого заплатила и дай Богъ, чтобы это заблужденіе ни теперь, и никогда болѣе не повторялось.

«Свѣтъ» 7 Ноября 1901 г. № 305.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 16 ноября.

Постепенно, сперва изподтишка подготовлялось духовное и государственное обособленіе Финляндіи, а въ послѣднее время уже явно на глазахъ всей Россіи проявились тамъ такія стремленія, которыя не могутъ быть терпимы безъ ущерба для достоинства и чести русскаго государства. А какъ относилось общество и правительство къ этимъ явленіямъ? Замѣтна была какая-то нерѣшительность и за исключеніемъ только немногихъ газетъ наша печать старательно умаляетъ значеніе финляндскихъ козней, не признавая за ними серьезнаго и опаснаго характера. Мало того, иные писатели даже пытаются высмѣивать тѣхъ, кто настаиваетъ на необходимости принимать рѣшительныя мѣры къ охраненію достоинства и единства русской власти на нашихъ окраинахъ. Людей, раздѣляющихъ эти взгляды, стараются смутить кличкою «охранители» и восклицаютъ: «какое странное государство, которое нуждается въ какихъ-то охранителяхъ». Не правда ли, какъ благородно и какъ остроумно издѣваться въ серьезныхъ русскихъ политическихъ газетахъ надъ опасностью, угрожающей Россіи со стороны вожаковъ инородцевъ, ненавидящихъ русскій народъ и русскіе порядки.

Или этой опасности вовсе не существуетъ, и она только мерещится людямъ съ слишкомъ чуткой русской душой? Можетъ быть, и взаправду, мы слишкомъ горячи, слишкомъ горды, негодуя на нескрываемую уже болѣе безпричинную ненависть къ намъ нашихъ международниковъ. Но вѣдь эта ненависть не можетъ считаться безвредною и безопасною только потому, что она ничѣмъ не вызвана. Безпочвенность и безпричинность злобы никогда не сообщаютъ злобѣ свойства добродѣтели. Россія вспоила и вскормила инородцевъ своими матеріальными средствами, заботилась объ ихъ процвѣтаніи, оберегала ихъ своими войсками, и что же? За благодѣянія отплачиваютъ ли всѣ инородцы признательностью? Цѣлый рядъ возмутительныхъ финляндскихъ демонстрацій, уличные скандалы, вывѣшиваніе траурныхъ флаговъ, сочиненіе и распѣваніе пѣсенъ, обидныхъ для русскаго народа, дерзкія требованія, чтобы правительство оставило навсегда неприкосновенными средневѣковыя преимущества шведскаго дворянства—да неужели все это такіе пустяки, на которые не стоитъ даже обращать вниманія? Трудно рѣшить, чѣмъ же руководствуются тѣ государственные люди и писатели, которые съ легкимъ сердцемъ готовы, не сознавая свой политической близорукости, отдать народные русскіе интересы въ жертву притязаніямъ финляндцевъ, евреевъ, армянъ, поляковъ, и различныхъ окраинскихъ корпорацій, имѣющихъ единственною цѣлью

тонкій обманъ. Ясно только, что они лишены умѣнія понять историческій смыслъ русскаго государства. Тотъ, кто увѣряетъ, что не Россія облагодѣтельствовала своихъ инородцевъ, а наоборотъ, что нѣмцы и шведы осчастливили Россію, плохо изучалъ русскую исторію или же грѣшитъ противъ своей совѣсти...

Россія никогда не угнетала и не будетъ угнетать чужихъ народностей, но каждый русскій обязанъ по мѣрѣ силъ своихъ содѣйствовать тому, чтобы инородцы получали правильное представленіе о прошлыхъ и настоящихъ задачахъ Русскаго государства. Если наши инородцы будутъ всегда черпать свои свѣдѣнія о русскомъ народѣ и государствѣ изъ не русскихъ газетъ, то въ концѣ концовъ отъ этого сами они же и пострадаютъ, такъ какъ свѣдѣнія ихъ окажутся превратными.

Слишкомъ уже долго хозяйничали въ Россіи иностранцы, прививая намъ германскую культуру; теперь они могутъ уже сами многому у насъ поучиться и Россія должна неуклонно идти по пути всемірнаго прогресса, насаждаемаго русскими людьми.

«Свѣтъ» 27 ноября 1901 г.

Вслѣдствіе неурожая, постигшаго въ нынѣшнемъ году нѣкоторыя губерніи Европейской Россіи, мѣстныя базарныя цѣны на пшеницу и рожь въ южныхъ губерніяхъ гораздо выше, чѣмъ цѣна, могущая быть уплаченною за хлѣбъ для вывоза его изъ Ревеля, Либавы, Риги и Петербурга. Но это явленіе исключительное, тогда какъ обычная цѣна хлѣба въ Россіи зависитъ почти всецѣло отъ заграничнаго спроса на русскій хлѣбъ. А такъ какъ большая часть нашего хлѣба направляется къ берегамъ Балтійскаго моря, то понятно, какое важное значеніе для русскихъ землевладѣльцевъ имѣетъ упорядоченіе вывозной хлѣбной торговли въ приморскихъ городахъ балтійскихъ губерній. Если съ каждаго вагона хлѣба, отправленнаго въ балтійскіе порты, экспортныя конторы неправильно удержатъ хотя бы только по десяти или двадцати рублей, то общая цифра ихъ барыша уже выразится въ милліонахъ рублей, отнятыхъ отъ земледѣльцевъ. Хотя въ Либавѣ, Ригѣ и Ревелѣ существуютъ утвержденныя биржевыми комитетами правила о покупкѣ и о продажѣ хлѣба въ зернѣ, но фактическаго надзора за правильностью расчетовъ по хлѣбной торговлѣ вовсе нѣтъ. Правда, условія договора между покупателемъ и продавцемъ опредѣляются въ маклерскихъ запискахъ, но, къ сожалѣнію, отправители русскаго хлѣба, живущіе за тысячи верстъ отъ балтійскихъ портовыхъ городовъ, лишены возможности сами провѣрять правильность какъ пріемки, такъ и мѣры, вѣса и внѣшняго вида, въ которомъ хлѣбъ ихъ доставленъ по желѣзной дорогѣ въ портъ для нагрузки на корабли. Волей-неволей приходится во всемъ положиться на комиссіонеровъ и слѣпо довѣрить огражденіе своихъ интересовъ балтійскимъ маклерамъ. А кому же неизвѣстно, что интересы этихъ комиссіонеровъ, ихъ личныя торговыя связи и нерѣдко совершенная матеріальная зависимость отъ крупныхъ мѣстныхъ экспортныхъ торговыхъ конторъ ставятъ ихъ въ такое положеніе къ экспортерамъ,

которое далеко не обезпечиваетъ производителей русскаго хлѣба отъ различныхъ злоупотребленій и недочетовъ. Такое положеніе очень тяжело отражается на карманахъ русскихъ землевладѣльцевъ. Расходы по выгрузкѣ въ порту хлѣба изъ вагоновъ, всегда падаютъ на продавцевъ. При этомъ большею частью желѣзнодорожные вагоны съ хлѣбомъ подкатываются прямо въ амбары крупныхъ балтійскихъ экспортныхъ фирмъ. И здѣсь почти всегда повторяется одна и та же очень печальная для продавцевъ исторія: по вскрытіи желѣзнодорожныхъ пломбъ оказывается, что доставленный хлѣбъ не соотвѣтствуетъ будто бы обозначенному въ маклерской запискѣ качеству. А такое несоотвѣтствіе даетъ, на основаніи биржевыхъ правилъ, экспортной конторѣ право на добавочное вознагражденіе или даже на отказъ отъ принятія хлѣба, въ случаѣ, если разница въ качествѣ очень значительна. Отъ хлѣба конторы не отказываются, но за то всегда дѣлаютъ въ свою пользу скидку. Провѣрить дѣйствительно ли и почему оказалась такая разница въ качествѣ, отправителю хлѣба очень трудно и, находясь далеко отъ портовыхъ городовъ, землевладѣлецъ оказывается совсѣмъ беззащитнымъ. По биржевымъ правиламъ, въ случаѣ спора каждая сторона избираетъ своего третейскаго судью, а эти два судьи уже избираютъ по взаимному согласію предсѣдателя третейскаго суда; но такъ какъ продавецъ находится за тридевять земель, то осуществить на дѣлѣ это право избранія третейскаго судьи для него совсѣмъ невозможно. Такимъ образомъ, третейскіе судьи, въ этихъ случаяхъ, назначаются почти всегда только по указанію экспортной конторы и биржевого маклера, а бѣдный отправитель хлѣба—пензенскій, тамбовскій или саратовскій помѣщикъ—черезъ нѣкоторое время узнаетъ, что хлѣбъ его, хотя и принятъ экспортною конторою и отправленъ за границу, но по счету конторы и въ виду заключенія экспертовъ, выбранныхъ третейскимъ судомъ, ему, за его хлѣбъ, причитается получить меньше, чѣмъ онъ расчитывалъ, такъ какъ на каждомъ вагонѣ сдѣлана скидка въ нѣсколько рублей. Остается одно изъ двухъ, или подчиниться присланному расчету, или ѣхать въ Ревель и Либаву для того, чтобы тамъ начать судебное дѣло изъ-за какихъ нибудь трехсотъ рублей противъ богатой фирмы. Скрѣпя сердце, помѣщикъ, махнувъ рукой на это странное приключеніе, рѣшаетъ, что ѣхать за тысячи верстъ, чтобы судиться изъ-за трехсотъ рублей, слишкомъ трудно и рисковано, да къ тому же и все дѣло обставлено со стороны экспортной фирмы и ея комиссіонеровъ такъ гладко, что выиграть его помѣщику въ судѣ почти нѣтъ никакой возможности. А между тѣмъ чувствуется, что хотя съ формальной стороны эта хлѣбная торговля ведется вполнѣ правильно, однако, въ ней таится что-то неладное, приносящее огромные барыши нашимъ балтійскимъ экспортерамъ въ ущербъ русскаго земледѣлія. Вопросъ объ этой несомнѣнной «неладности» требуетъ внимательнѣйшаго изслѣдованія.

«Свѣтъ», 1-го іюля 1902 г. № 170.

С.-Петербургъ, 31 мая).*

Если бы пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Прибалтійскомъ краѣ, вмѣстѣ съ введеніемъ русскаго преподаванія въ сельскихъ и народныхъ школахъ, озаботились бы распространеніемъ на русскомъ языкѣ дешевыхъ и доступныхъ для эстонцевъ и латышей газетъ и журналовъ, вмѣсто того, чтобы покровительствовать появленію особой эстонско-латышской литературы, то теперь бы все молодое грамотное народонаселеніе уже было бы воспитано въ духѣ патріотизма и любви къ Россіи, потому что тяготѣніе эстонскаго и латышскаго народа къ русской культурѣ было неоспоримо. Къ сожалѣнію русская администрація сдѣлала большую ошибку, поощряя и способствуя развитію въ прибалтійскихъ губерніяхъ мѣстной эстоно-латышской журналистики, успѣвшей посѣять среди латышей и эстонцевъ сѣмена сомнѣнія въ цѣлесообразности и справедливости обрусѣнія прибалтійскихъ губерній.

Нельзя закрывать глаза на то, что было и что есть. Вѣдь двадцать лѣтъ тому назадъ почти все сельское населеніе прибалтійскихъ губерній тянулось къ Россіи, жаждало русскаго языка, русскихъ судовъ, русской школы и русскихъ книгъ. Но, къ сожалѣнію, этимъ естественнымъ и вполнѣ понятнымъ тяготѣніемъ къ Россіи со стороны угнетеннаго нѣмецкою культурою народа своевременно не воспользовались; а теперь для обрусѣнія Прибалтійскаго края является новая помѣха въ лицѣ эстонской и латышской печати, которая стремится отдалить эстонцевъ и латышей отъ русскаго языка и православія. Эстонскія и латышскія газеты возникли исключительно благодаря поощренію и поддержкѣ со стороны русскихъ государственныхъ дѣятелей, желавшихъ при помощи этихъ газетъ, бороться съ вліяніемъ нѣмецкой печати. Расчетъ оказался невѣренъ, ибо, выдвинувъ противъ нѣмецкой культуры національную эстоно-латышскую печать, не сообразили, что она можетъ сдѣлаться въ ближайшемъ будущемъ обоюдоострымъ оружіемъ.

Среди многочисленной почти поголовно враждебной намъ эстоно-латышской прессы есть, конечно, и теперь нѣкоторыя исключенія, можно назвать изданія, которыя до сихъ поръ еще стоятъ честно за русское дѣло въ Прибалтійскомъ краѣ. Но эти изданія, не встрѣчая поддержки со стороны заправилъ молодой эстонской и латышской культуры, обречены на вымираніе; ихъ травятъ эстонскія, нѣмецкія и латышскія газеты, находящіяся въ рукахъ сепаратистовъ, а помощи имъ ждать неоткуда, потому что за предѣлами прибалтійскихъ губерній никто не читаетъ и не интересуется направленіемъ балтійскихъ газетъ.

Чѣмъ моложе, чѣмъ неразвитѣе народъ, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ надо заботиться о томъ, чтобы онъ читалъ только то, что для него можетъ принести пользу, а не вредъ. Между тѣмъ, именно въ Прибалтій-

---

*) Эта статья не могла быть нами напечатана, несмотря на свою важность, своевременно, такъ какъ весь май мѣсяцъ былъ занятъ такими событіями, какъ пріѣздъ президента французской республики, миръ англичанъ съ боэрами, пріѣздъ князя болгарскаго, т. е. событіями, рѣчь о которыхъ нельзя было откладывать.

скомъ краѣ народу, только на дняхъ еще освобожденному отъ нѣмецкаго ига, народу, который еще двадцать лѣтъ тому назадъ цѣловалъ и гладилъ ноги перваго встрѣчнаго барина, — этому народу подсовываютъ книжки и газеты, призывающія его гордиться своимъ національнымъ характеромъ, убѣждающія не поддаваться обрусѣнію и увѣряющія, будто у латышей и эстонцевъ существуютъ историческіе великіе писатели и самостоятельныя культурныя задачи. Конечно, претензіи создать эстонскаго Гомера и латышскаго Геродота сами по себѣ не менѣе смѣшны, какъ и басни о томъ, что Синеусъ и Труворъ были будто бы эстонцами или латышами, но не слѣдуетъ забывать, что за изобрѣтателями эстонскихъ и латышскихъ знаменитостей слѣпо шествуетъ молодое поколѣніе народонаселенія въ нѣсколько милліоновъ.

Руководители эстонскихъ газетъ мечтаютъ о созданіи обособленной эстонской культуры и поэтому враждебно относятся не только къ нѣмецкой, но и къ русской культурѣ. Эта проповѣдь обособленія можетъ причинить большія затрудненія русской власти да и самому эстонскому народу не принесетъ въ будущемъ ничего, кромѣ горькаго разочарованія и непріятностей. *).

При весьма низкой степени образованія массы эстонскаго и латышскаго народа, мѣстныя газеты, разсуждающія о сельскомъ хозяйствѣ, скотоводствѣ и домашнихъ нуждахъ народонаселенія, были бы гораздо полезнѣе для народа, чѣмъ многочисленныя политическія газеты, разсуждающія объ англо-боэрской войнѣ, о происхожденіи варяговъ, объ угнетеніи польской національности германцами, о сопротивленіи финляндскихъ дѣятелей распоряженіямъ русскаго правительства и т. п.

Не слѣдуетъ скрывать отъ себя истиннаго значенія этихъ газетъ и потому разъ навсегда отказаться отъ заблужденій, будто распространеніе эстонскихъ и латышскихъ газетъ желательно и полезно въ цѣляхъ освобожденія прибалтійскаго края отъ нѣмецкаго вліянія.

Необходимо установить болѣе строгій контроль за тѣмъ, что пишутъ въ эстонскихъ, латышскихъ и нѣмецкихъ газетахъ. Не позволять ни въ какомъ случаѣ печатать въ балтійскихъ газетахъ статьи и разсужденія, клонящіяся къ отчужденію мѣстнаго народонаселенія отъ Россіи.

Это наше убѣжденіе нисколько не поколеблено, помѣщеннымъ въ № 106-мъ «Свѣта» опроверженіемъ редактора-издателя эстонской газеты «Постимесъ». Мы очень рады за него, что онъ на столбцахъ «Свѣта» печатно отрекся отъ солидарности съ тѣми господами, которые проповѣдуютъ какой-то мѣстный эстонскій патріотизмъ и тормозятъ полное сліяніе эстонскаго народа съ русскою народностью. Мы глубоко убѣждены, что и для латышей и для эстонцевъ гораздо выгоднѣе какъ можно скорѣе обрусѣть, а поэтому такія разсужденія, какія были помѣщены въ №№ 69 и 77 газеты «Постимесъ», намъ лично представлялись и всегда будутъ представляться крайне нежелательными въ интересахъ мирнаго развитія и процвѣтанія эстонскихъ и латышскихъ крестьянъ. Вредность проповѣди сепаратизма, нисколько не умаляется

*) *Примѣчаніе автора*: Всѣ эти мои предсказанія сбылись къ сожалѣнію быстрѣе чѣмъ я даже предполагалъ: въ 1905 и 1906 г. Эстонцы и Латыши, примкнувъ къ врагамъ Россіи, вынесли на своихъ спинахъ всю тяжесть «освободительнаго движенія» и карательныхъ отрядовъ...

тѣмъ обстоятельствомъ, что такія проповѣди помѣщаются подъ рубрикой: «Изъ другихъ газетъ». Этою рубрикою особенно часто злоупотребляютъ инородческія газеты, подъ видомъ выдержекъ изъ другихъ газетъ, приводящія такія разсужденія, которыя не были бы терпимы ни въ одномъ изъ русскихъ печатныхъ органовъ. Въ своемъ возраженіи издатель «Постимеса» не отрицаетъ, что выдержки, помѣщенныя въ №№ 100 и 102 газеты «Свѣтъ» дѣйствительно составляютъ воспроизведеніе тѣхъ разсужденій, которыя были напечатаны въ «Постимесъ», но защищается только тѣмъ, что онѣ были помѣщены подъ рубрикой «Изъ другихъ газетъ»; «и вслѣдствіе этого отвѣтственность за нихъ не падетъ на газету «Постимесъ». Въ этомъ способѣ оправдываться сказывается вполнѣ характеръ полемики балтійскихъ инородческихъ газетъ: до тѣхъ поръ, пока въ Петербургѣ не обратятъ вниманія на сущность ихъ проповѣди, онѣ настойчивы и горячи, но стоитъ только кому-нибудь заговорить о ихъ направленіи и тотчасъ начинается киваніе Клима на Петра: «Это не мы, а другія, а мы только подъ рубрикой «Изъ другихъ газетъ» печатаемъ, а сами сознаемъ, что Россія должна быть роднымъ отечествомъ для эстонцевъ и латышей».

Хорошо было бы, если инородческія газеты всегда внушали бы эстонцамъ и латышамъ, что они должны любить Россію и считать себя русскими. На нашъ взглядъ покровительство размноженію латышскихъ и эстонскихъ газетъ могло бы быть оправдано только въ томъ случаѣ, если бы газеты эти высоко держали знамя русскихъ интересовъ и русской національности, но создавать въ балтійскихъ губерніяхъ при помощи эстонскихъ и латышскихъ газетъ новую Финляндію по меньшей мѣрѣ неблагоразумно.

А что большинство эстонскихъ, латышскихъ и нѣмецкихъ газетъ развиваютъ въ народныхъ массахъ стремленія, идущія въ разладъ съ объединительными цѣлями русской государственной политики на окраинахъ—это вынуждены признать всѣ безпристрастные органы русской печати. Систематическая травля русскаго націонализма и постоянное поощреніе всякихъ инородческихъ національныхъ стремленій, враждебныхъ всему русскому, представлялась намъ всегда ничѣмъ инымъ, какъ предательствомъ. Такъ смотримъ мы на дѣло съ русской точки зрѣнія и съ этой точки зрѣнія, конечно, насъ не совратятъ никакія возраженія «Постимеса» и «Прибалтійскаго Края».

Свѣтъ 14-го іюля 1902 г. № 183.

Финляндія въ Ревелѣ.

— Здравствуйте! и вы тоже здѣсь; вотъ и отлично, послушаемъ дѣло о финляндской благовоспитанности.— Съ этими словами встрѣтилъ меня въ камерѣ мирового судьи пятаго участка въ г. Ревелѣ мой знакомый чиновникъ эстляндскаго акцизнаго управленія „Видите ли сегодня здѣсь вся ревельско-германская колонія собралась; понимаете- ли, не тѣ ярые нѣмцы, которые рождаются въ Россіи отъ эстонскихъ башмачниковъ и

булочниковъ, а настоящіе заграничные пруссаки. Здѣсь сегодня можно увидѣть и нѣсколькихъ агентовъ берлинской тайной полиціи, пріѣхавшихъ заблаговременно въ Ревель по случаю ожидаемаго прибытія Вильгельма II. Мнѣ участковый приставъ говорилъ, что ихъ понаѣхало уже человѣкъ съ пятьдесятъ".

— Да вѣдь, кажется, императоръ Вильгельмъ даже не сойдетъ на балтійскій берегъ?

— Ну такъ что же, нѣмецкіе агенты не пропустятъ удобнаго случая, чтобы погулять по Ревелю, гдѣ они чувствуютъ себя точно у себя на родинѣ. Вотъ прислушайтесь къ говору, все нѣмецкая рѣчь, а русскихъ здѣсь и десяти человѣкъ въ камерѣ не наберется».

Дѣйствительно, въ биткомъ набитой публикою комнатѣ стоялъ гулъ отъ нѣмецкаго говора и шепота. Но вотъ дверь растворилась, всѣ привстали и вошедшій мировой судья занялъ мѣсто.

Спокойно и громко судья доложилъ дѣло, заключавшееся по полицейскому протоколу въ слѣдующемъ:

Во время концерта Шнефохта въ Ревельскомъ Салонѣ, въ іюнѣ, часть публики начала неистово аплодировать исполненію біернеборгскаго марша, а другая часть публики отнеслась къ исполненію этого марша неодобрительно и стала шикать. Вслѣдствіе этого полиція для прекращенія шума и безпорядка запретила Шнефохту повторять біернеборгскій маршъ. Однако Шнефохтъ не исполнилъ распоряженія полиціи и, собравъ расходившихся уже музыкантовъ, вновь повторилъ злополучный маршъ, причемъ обратившись къ публикѣ на нѣмецкомъ языкѣ, сказалъ, что хотя полиція ему и запрещаетъ играть этотъ маршъ, но онъ будетъ все-таки его играть.

Зрители, считающіе себя нѣмцами, пришли отъ этого заявленія Шнефохта въ такой восторгъ, что стали потрясать зонтиками, палками и стульями, а Шнефохтъ ободряемый сочувствіемъ расходившихся германцевъ, рѣшилъ, что насталъ удобный мигъ порисоваться своимъ пренебреженіемъ къ русской полиціи и, подойдя къ полицейскому приставу, сказалъ ему: „Я, какъ финнъ, не привыкъ слушать русскихъ приказаній и таковыхъ не исполняю". Окружавшіе Шнефохта нѣмецкія дѣвицы пришли въ еще большій восторгъ, крича „браво", а русскіе моряки встали съ своихъ мѣстъ и одинъ изъ болѣе горячихъ молодыхъ мичмановъ громко заявилъ, что если полиція немедленно не прекратитъ возмутительное поведеніе молодыхъ германокъ, то онъ укротитъ ихъ своимъ кортикомъ. Храбрыя нѣмки послѣ этого съ визгомъ бросились въ сторону.

Полиція привлекла двухъ дѣвицъ Нагель и Шнефохта къ отвѣтственности за нарушеніе тишины и спокойствія.

Къ разбору этого дѣла у мирового судьи главный свидѣтель капитанъ Былимъ-Колосовскій, на котораго полиція ссылалась въ подтвержденіе того, что привлеченныя къ отвѣтственности дочери германскаго подданнаго Нагеля шумѣли, кричали и мѣшали составлять протоколъ, не явился, такъ какъ по сообщенію командира порта, онъ какъ разъ въ это время „находится въ командировкѣ въ морѣ".

Другіе свидѣтели со стороны обвиненія Криницкій, Студенкинъ и инженеръ Силичъ, тоже оказались выбывшими по дѣламъ службы изъ Ревеля. А инженеръ Фрезе (служащій въ Ревелѣ) совсѣмъ не разысканъ.

Такимъ образомъ, никто изъ свидѣтелей обвиненія, кромѣ полицейскихъ, не явился, зато командиръ броненосца „Кремль“ не получавшій никакой командировки и даже не присутствовавшій на скандальномъ концертѣ финскихъ музыкантовъ, счелъ нужнымъ написать мировому судьѣ письмо въ защиту дѣвицъ Нагель и сверхъ того самъ откомандировалъ себя въ камеру мирового судьи 5 учас. въ качествѣ свидѣтеля добровольца... со стороны обвиняемыхъ дочерей германскаго подданнаго Нагеля.

На судѣ командиръ сказалъ: „что дочерей г. Нагеля давно знаетъ за серьезныя и благовоспитанныя барышни и хотя на концертѣ не присутствовалъ, но не считаетъ возможнымъ допустить, чтобы дѣвицы Нагель кричали“.

Въ томъ же родѣ показали и всѣ остальные многочисленные свидѣтели изъ нѣмецкаго лагеря, увѣрявшіе, что дѣвицы Нагель принадлежатъ къ лучшему и высшему нѣмецкому обществу въ Ревелѣ и что вся эта исторія не что иное, какъ плодъ недоразумѣнія.

По увѣреніямъ этихъ свидѣтелей и дѣвицы Нагель и Шнейфотъ вели себя безукоризненно, а виноваты во всемъ только русскіе морскіе офицеры, которые вдругъ ни съ того ни съсего не захотѣли слушать безобиднаго бiернеборгскаго марша и начали себя неприлично вести.

Мировому судьѣ приходилось постоянно напоминать свидѣтелямъ, что они приведены защитою по дѣлу дѣвицъ Нагель, а вовсе не для того, чтобы чернить русскихъ моряковъ, наконецъ, по выслушаніи всѣхъ свидѣтелей слово было представлено защитникамъ дѣвицъ Нагель и Шнефохта—присяжнымъ повѣреннымъ Палессу и Дубжинскому.

Первый пробурчалъ нѣсколько отрывистыхъ неясныхъ словъ, изъ которыхъ можно было лишь понять, что онъ очень гордится тѣмъ, что ему выпала честь защищать дочерей германскаго подданнаго Нагеля, у которыхъ такой достовѣрный свидѣтель какъ командиръ «Кремля» баронъ Фитингофъ*).

Второй же защитникъ распространился о происхожденіи бiернеборгскаго марша, увѣряя, что съ этимъ маршемъ вовсе не связаны воспоминанія о шведскихъ побѣдахъ надъ русскими войсками и въ заключеніе съ торжествомъ заявилъ, что Шнефохтъ самъ лично ѣздилъ въ Петербургъ, являлся для объясненій къ министру и получилъ разрѣшеніе исполнить этотъ маршъ.

Приговоромъ мирового судьи дѣвицы Нагель оправданы, а Шнефохтъ приговоренъ къ аресту на 4 дня.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я моего сосѣда,—кто такой господинъ Нагель?

— Онъ служитъ контористомъ на сакскомъ пивоваренномъ заводѣ.

— И только то?—съ удивленіемъ возразилъ я моему собесѣднику—а я то думалъ, судя по словамъ защитника дѣвицъ Нагель, что отецъ ихъ дѣйствительно чуть ли не камергеръ берлинскаго двора и вдругъ оказывается, что онъ просто пивоваръ. Вотъ такъ высшее общество.

---

*) Примѣчаніе: Справедливость требуетъ воздать должное храбрости и благородству барона Фитингофа: онъ хотя плохо говорилъ по русски, но оказался храбрѣе, чѣмъ нѣкоторые *русскіе* адмиралы. Въ битвѣ съ японцами адмиралъ Фитингофъ не сдалъ своего корабля, но погибъ славною смертью героя.

— Да замѣтилъ акцизный чиновникъ—здѣшніе нѣмецкіе мѣщане удивительно какъ легко причисляютъ къ высшему обществу всякаго, кто пріѣдетъ сюда изъ Германіи.

— А какое вы вынесли впечатлѣніе изъ этого финскаго скандала въ Ревелѣ?—спросилъ чиновника мой сосѣдъ справа.

— А то, что я замѣтилъ уже и прежде что Финляндія уже перекинулась черезъ Финскій заливъ.

— По моему—возразилъ чиновникъ—большинство изъ нѣмецкой публики, восторгавшейся біернеборгскимъ маршемъ, вовсе не имѣли понятія о томъ, что это за маршъ. Я разговаривалъ съ однимъ ревельскимъ докторомъ изъ мѣстныхъ балтійскихъ дворянъ и онъ очень удивился, когда я ему объяснилъ, что біернеборгскій маршъ существуетъ въ Швеціи со временъ Бернадота и что съ этимъ маршемъ шведы связываютъ воспоминаніе объ одержанной ими надъ русскими побѣдѣ. Нѣтъ, конечно ничего удивительнаго въ томъ, что шведы дорожатъ воспоминаніемъ о своей побѣдѣ и имъ трудно ее забыть, такъ какъ въ девятнатцатомъ столѣтіи это была ихъ единственная побѣда надъ русскими, расколотившими шведовъ въ пухъ и прахъ послѣ этого самаго марша, но согласитесь сами, что финляндцамъ, пріѣзжающимъ къ намъ въ балтійскія губерніи, не совсѣмъ пристойно исполнять эмотъ маршъ.

— А русскіе офицеры были по моему вполнѣ правы, возмутившись тѣмъ, что въ русскомъ городѣ публика кричитъ «браво» музыкантамъ, прославляющимъ шведскую побѣду надъ русскимъ оружіемъ.

— Да, но къ сожалѣнію у насъ въ Россіи очень часто гораздо выгоднѣе и безопаснѣе распѣвать германскій и шведскій гимны, чѣмъ возмущаться тѣмъ, что русскіе подданные играютъ въ руку заграничнымъ врагамъ Россіи.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— А очень просто то, что офицерамъ-морякамъ, шикавшимъ во время исполненія біернеборгскаго марша (какъ усиленно распространяютъ о томъ слухъ ревельскіе нѣмцы) досталось отъ начальства.

— Ну, этому я не вѣрю. Вѣдь нашими военными судами командуютъ русскіе офицеры и, знаете, нѣмецкіе коноводы имѣютъ обыкновеніе свои личныя пожеланія выдавать за факты и событія, будто бы въ дѣйствительности совершающіеся. Такъ, напримѣръ, теперь они на всѣ лады распускаютъ слухи въ городахъ балтійскихъ губерній, будто германская политика включила въ свою сферу нашъ балтійскій край. Ну, да славу Богу, исторія Россіи все-таки не вполнѣ зависитъ отъ нашихъ инородцевъ и въ рѣшительный часъ всѣ русскіе съумѣютъ постоять за славу и честь родной Россіи и проявить ту Сарматскую храбрость, о которой съ такимъ неудовольствіемъ недавно упоминалось въ маріенбургской рѣчи. *Балтійскій Сарматъ.*

«Свѣтъ» 18-го іюля 1902 г. № 187.

Въ ожиданіи германской эскадры.

Вопросъ о школьномъ преподаваніи въ германскомъ духѣ такъ сильно волнуетъ балтовъ, что даже предстоящему посѣщенію Россіи

Германскимъ Императоромъ они удѣляютъ меньше вниманія въ разговорахъ и въ газетахъ, чѣмъ школьной реформѣ.

Нѣкоторая часть балтійской интеллигенціи, считающая себя нѣмецкою, тѣмъ не менѣе высказываетъ желаніе, чтобы Германскій Императоръ сошелъ на берегъ въ Ревелѣ. Но въ общемъ балтійско-нѣмецкія газеты, не скрывая своей симпатіи ко всему германскому, держаться выжидательнаго положенія и еще не слишкомъ явно выражаютъ свой восторгъ по поводу скораго прибытія германской эскадры къ балтійскому берегу.

Эстонскія газеты сообщаютъ, что ревельскія городскія пѣвческія общества „лидертафель" и „менергезангъ" собираются въ полномъ составѣ встрѣтить эскадру.

Для нѣмецкихъ нашихъ гостей получится очень назидательная картина. Ихъ встрѣтитъ не маленькая колонія, а цѣлая тысячная толпа русскихъ подданныхъ, съ германскими пѣснями и нѣмецкою рѣчью съ горящими факелами, съ радостными привѣтствіями. Есть отъ чего возгорѣться германскому патріотизму. Получится полная иллюзія.

„Да что мы—въ Россіи или въ Германіи" спросятъ себя нѣкоторые изъ болѣе горячихъ германскихъ патріотовъ и Балтійскій край послѣ такой встрѣчи будетъ казаться имъ обѣтованнымъ нѣмецкимъ краемъ а эта торжественная встрѣча невольно преисполнитъ германскія сердца радостной надеждой.

Нѣмцы, несомнѣнно, очень осторожный и благоразумный народъ, но при внѣшнемъ подзадориваніи и въ особенности въ минуты подъема національнаго духа они слишкомъ легко переходятъ за предѣлы умѣреннаго восторга. Въ магазинѣ ревельскаго мѣщанина Ризенкампфа выставленъ портретъ Вильгельма II съ надписью „Deutschland über alles" Такая надпись въ русскомъ городѣ безтактна, ибо для русскихъ подданныхъ должна быть Россія über alles, а никакъ не Германія. Кое гдѣ въ окнахъ музыкальныхъ магазиновъ уже можно видѣть марши на нѣмецкомъ языкѣ, посвященные прибытію германскихъ броненосцевъ къ восточному балтійскому побережью съ надписью willkommen (добро пожаловать)

Эти музыкальныя произведенія, изданныя и отпечатаныя въ Берлинѣ, невольно заставляютъ вспомнить старый и однажды уже окончательно рѣшенный вопросъ, что балтійское побережье съ точки зрѣнія русской не только не слѣдуетъ, но и даже прямо безразсудно именовать «остзейскимъ» то есть восточно-морскимъ побережьемъ.

Дѣйствительно по отношенію къ Германіи Балтійское море представляется восточнымъ моремъ, но по отношенію Россіи и Петербурга оно лежитъ къ западу, поэтому называть балтійскій край „остзейскимъ" въ Россіи совсѣмъ не годится такъ же точно, какъ не годится распѣвать въ Россіи шведскій маршъ въ честь давнишней и къ тому же очень сомнительной побѣды, одержанной когда то шведами надъ русскими. Но въ Эстляндской губерніи не всѣ русскіе подданные обладаютъ чуткостью. Каждый культурный человѣкъ долженъ бы былъ кажется, понимать, что пріѣхавъ въ качествѣ гостя въ русскую губернію не подобаетъ оскорблять русскую національную гордость распѣваніемъ и разыгрываніемъ музыкальныхъ произведеній, прославляющихъ побѣду чужестранцевъ надъ русскимъ войскомъ.

Безтактно, невѣжливо и неумно было со стороны финскаго оркестра Шнефохта устраивать въ Ревелѣ антирусскую демонстрацію. Четырехдневный арестъ къ которому приговоренъ Шнефохтъ ревельскимъ мировымъ судьею за неисполненіе приказанія русскихъ полицейскихъ властей, запретившихъ повтореніе біернеборгскаго марша,—конечно, наказаніе небольшое, но оно всетаки можетъ послужить предостереженіемъ для упрямыхъ финляндскихъ политикановъ.

Разжигая къ себѣ нерасположеніе русскихъ и оскорбляя Россію наши инородцы могутъ въ концѣ-концовъ состряпать для себя самихъ очень не вкусную кашу, расхлебывать которую имъ будетъ не легко. Русскіе очень долготерпѣливы, но и ихъ мѣра терпѣнія можетъ переполниться. Странно, какъ этого не понимаютъ финляндскіе и балтійскіе сепаратисты?

Вѣдь, если милліоны коренного русскаго населенія начнутъ по всей Россіи такъ бойкотировать нѣмецкій языкъ и финскую національность какъ балтійскіе помѣщики и финляндцы бойкотируютъ русскій языкъ на берегахъ Балтійскаго и Финскаго залива, то, право, нашимъ балтамъ и чухнамъ придется плохо.

А вѣдь они будутъ въ этомъ сами виноваты. Финляндцы, ослѣпленные игрою въ политическую интригу этого, повидимому, не понимаютъ но балтійское дворянство, дорожащее своими связями съ Петербургомъ, и гордящееся заслугами своихъ предковъ предъ русскимъ Престоломъ не должно забывать, что для честнаго и успѣшнаго выполненія вѣрноподданнической присяги необходимо любить Россію *больше*, чѣмъ Германію.

Вліятельные представители балтійскаго дворянства должны удерживать легкомысленныхъ отъ такихъ выходокъ которыя, при всей нашей русской снисходительности, всетаки, нельзя истолковать въ смыслѣ благопріятномъ для всего балтійскаго дворянства. Существующіе законы и установленныя правительствомъ дѣленія на губерніи и уѣзды обязательны для балтійскихъ дворянъ и для всѣхъ остальныхъ русскихъ подданныхъ; между тѣмъ въ послѣднее время эстляндская дворянская канцелярія позволила себѣ въ оффиціальныхъ бумагахъ и представленіяхъ эстляндскому губернскому правленію упоминать о какихъ-то Гарріенскихъ, Викскихъ уѣздахъ, тогда какъ такихъ уѣздовъ не существуетъ. Для чего же эстляндскому дворянству понадобилось послѣ цѣлыхъ десятковъ лѣтъ вдругъ опять воскрешать въ оффиціальныхъ бумагахъ средневѣковыя архивныя названія, которыя всѣми оставлены и давнымъ давно уже замѣнены по Высочайшему повелѣнію, другими именами?

Такъ шалить могутъ только мальчуганы, случайно попавшіе въ Россію, но практичнымъ балтійскимъ сельскимъ хозяевамъ такія шалости совсѣмъ не къ лицу, въ особенности въ такое время, когда въ Петербургѣ ихъ представители стараются увѣрить, что балтійскій край настолько уже обрусѣлъ, что можно безъ всякаго опасенія опять ввести школьное преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ и встрѣчать германскую эскадру пѣніемъ „Вахтъ амъ Рейнъ“ и «Германія выше всего».

Балтійскій Сарматъ.

«Свѣтъ» 31-го Августа 1902 г. № 229.

Финляндія въ Ревелѣ.

2-ая часть *).

— А вѣдь мое предсказаніе, что капельмейстера финляндскаго оркестра Шнефохта въ ревельско-гапсальскомъ мировомъ съѣздѣ оправдаютъ, отчасти сбылось...

— Какъ такъ отчасти?

— Потому что мировой съѣздъ приговорилъ его къ десятирублевому штрафу за неподчиненіе распоряженіямъ полиціи, а отъ ареста освободилъ, признавъ, что Шнефохтъ никакого нарушенія тишины въ общественномъ мѣстѣ и никакихъ оскорбленій полиціи не нанесъ.

— Позвольте, вѣдь мы съ вами присутствовали при разборѣ этого дѣла у мирового судьи и сами слышали, какъ свидѣтель—приставъ Яницъ—удостовѣрилъ, что Шнефохтъ не только произвелъ безпорядокъ во время концерта, но и прямо сказалъ полицейскому приставу, что какъ финнъ, не привыкъ подчиняться русскимъ приказаніямъ. Какимъ же образомъ мировой съѣздъ могъ оставить безъ должнаго наказанія такое поведеніе зазнавшагося капельмейстера?

— Эхъ, голубчикъ! плохо вы, значитъ, знакомы съ психологіею покрывателей русскихъ инородцевъ. Вѣдь и не такія еще сходятъ безнаказанно оскорбленія, когда дѣло касается чести и достоинства русскаго имени! Да зачѣмъ ходить далеко за примѣромъ: въ мировомъ съѣздѣ защитникъ Шнефохта сказалъ: «Поступокъ Шнефохта можетъ быть нетактиченъ, неприличенъ, но не преступенъ и подъ вліяніемъ того экстаза и того успѣха (!!) который имѣлъ Шнефохтъ, навѣрное на его мѣстѣ и я, и каждый изъ васъ, господа судьи, поступили бы точно такъ же, какъ и Шнефохтъ, т. е. повторилъ бы этотъ маршъ, несмотря на запрещеніе полиціи»!

— Неужели защитникамъ позволяется дѣлать предположенія, что и «господа судьи способны нарушать правила приличія, какъ какой-нибудь финскій капельмейстеръ?» Вашъ вопросъ заставляетъ меня вторично замѣтить, что вы плохо знакомы съ психологіею русскихъ космополитовъ. Вѣдь если подсудимый-инородецъ, ему принято давать возможность не только защищаться, но и попутно дѣлать предположенія, что у русскихъ людей не должно существовать національнаго самолюбія.

---

*) См. № 183 «Свѣта», въ которомъ былъ напечатанъ отчетъ о дѣлѣ Шнефохта. Дѣло это заключалось въ томъ, что во время концерта часть нѣмецкой публики въ Ревелѣ неистово аплодировала исполненію біернеборгскаго марша, а моряки и русскіе потребовали, чтобы исполненіе біернеборгскаго марша было прекращено. Полиція, чтобы положить конецъ шуму, запретила Шнефохту повторять маршъ. Но Шнефохтъ, обратившись къ публикѣ, сказалъ по-нѣмецки, что онъ, какъ финнъ, не привыкъ исполнять приказаній и хотя ему запрещаютъ играть біернеборгскій маршъ, но онъ все-таки его будетъ играть. Какъ извѣстно, біернеборгскій маршъ прославляетъ сомнительную побѣду шведовъ надъ русскимъ войскомъ. Привлеченный ревельскою полиціею къ отвѣтственности за нарушеніе тишины и за неисполненіе требованія властей, Шнефохтъ былъ приговоренъ мировымъ судьею къ 4-хъ дневному аресту.

Русскіе космополиты больше всего боятся, чтобы кто нибудь не сказалъ про нихъ, что они пристрастны въ отстаиваніи русскихъ интересовъ. И вотъ вслѣдствіе такой постыдной боязни они скорѣе готовы извинить десять явно виноватыхъ инородцевъ, чѣмъ заступиться за поруганную честь одного невиннаго русскаго.

— Все это, можетъ быть, вы и не преувеличиваете, но вѣдь судьи должны рѣшать дѣла только на основаніи данныхъ, представленныхъ на судѣ и значитъ въ данномъ случаѣ на съѣздѣ обстоятельства значительно измѣнились. Вѣроятно, былъ вызванъ цѣлый рядъ новыхъ свидѣтелей; должно быть, свидѣтели, указанные обвинительною властью, тоже смягчали свои первоначальныя показанія?

— О, нѣтъ, дѣло обстоитъ гораздо проще, свидѣтелей обвиненія въ съѣздѣ совсѣмъ не вызвали, а защитнику предоставили самому замѣнять всѣхъ свидѣтелей. И онъ этимъ воспользовался для того, чтобы говорить о понесенныхъ будто бы Шнефохтомъ денежныхъ убыткахъ, душевныхъ волненіяхъ и нравственныхъ терзаніяхъ. Онъ говорилъ о томъ, что нельзя наказывать человѣка судомъ, когда поведеніе его уже было предметомъ административнаго разслѣдованія, и мировой съѣздъ, вѣроятно, нашелъ, что объясненія защитника о нравственныхъ достоинствахъ финскаго музыканта могутъ замѣнить всякія другія судебныя доказательства; по крайней мѣрѣ, несмотря на требованіе товарища прокурора, настаивавшаго на отложеніи дѣла и вызовѣ всѣхъ тѣхъ свидѣтелей, которые были указаны обвиненіемъ въ первой инстанціи, съѣздъ все-таки заслушалъ дѣло по существу. И замѣтьте, вѣдь изъ шести свидѣтелей со стороны обвиненія, вызывавшихся мировымъ судьею, пятеро не явились къ разбору дѣла въ первой инстанціи,—значитъ даже съ форменной стороны право товарища прокурора настаивать на ихъ вызовѣ и допросѣ во второй инстанціи не подлежало никакому сомнѣнію и тѣмъ не менѣе дѣло не отложили и съ заключеніемъ прокурора не согласились.

— Да, на грустныя размышленія навелъ меня вашъ разсказъ. Знаете, какая мнѣ пришла мысль въ голову? Какъ бы поступилъ германскій судъ съ Шнефохтомъ, если бы онъ продѣлалъ такую штуку въ Германіи?—Держу пари на что угодно, что ему бы со всѣмъ его оркестромъ, во-первыхъ, велѣли бы убраться изъ предѣловъ германской имперіи; да кромѣ того за дерзкое неповиновеніе полицейскимъ властямъ присудили бы еще къ аресту на цѣлый мѣсяцъ. Да, нѣмцы въ этомъ отношеніи народъ совсѣмъ не сентиментальный; они даже польскую національную музыку запретили въ Познани во время пребыванія тамъ Германскаго Императора.

— А вотъ, пойдите же, несмотря на всѣ притѣсненія, которымъ дѣйствительно въ Германіи подвергается польская національность, наши русскіе поляки никакъ не хотятъ признать, что настало время примиренія двухъ родственныхъ славянскихъ народностей.

— Такова видно ужъ судьба Россіи; и сильна, и могуча русская держава и милліоны русскихъ людей готовы жертвовать своею жизнью за честь и славу дорогого отечества, а все-таки на каждомъ шагу приходится русскимъ людямъ нести незаслуженные обиды и уколы!

— Ну, вы опять, кажется, увлеклись вашей любимой темой о предпочтеніи, оказываемомъ инородцамъ передъ русскими.

— Поневолѣ увлечешься этой темой, когда на каждомъ шагу видишь, что инородцы всякіе шведы, англичане и евреи у насъ въ Россіи въ нынѣшнее царствованіе, опять какъ при Александрѣ I, не только пролѣзаютъ на высокія ступени служебной лѣстницы, но еще и кромѣ того свое случайное возвышеніе стремятся возвести въ неизмѣнное правило, подъ тѣмъ предлогомъ, будто ихъ заслуги даютъ имъ законное преимущество предъ русскими!

— Кажется, теперь вамъ и тѣмъ, которые раздѣляютъ ваши взгляды горевать нечего, потому что русское правосознаніе, хотя медленно, но все же неукоснительно идетъ въ гору. Прочитайте рѣчь П. С. Аксакова, напечатанную въ августовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за нынѣшній годъ. Уже одно то, что эту смѣлую, правдивую рѣчь черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ ея произнесенія нашли возможнымъ напечатать цѣликомъ, не служитъ ли лучшимъ доказательствомъ того, что теперь для свободнаго полета могучаго русскаго орла не встрѣчается уже тѣхъ гнетущихъ препятствій, которыя двадцать пять лѣтъ тому назадъ повергали въ отчаяніе и уныніе русскихъ людей, безгранично преданныхъ престолу и отечеству. Я глубоко вѣрю въ слова Аксакова: «Несокрушимъ и непобѣдимъ Русскій Царь, если только Онъ съ ясностью историческаго сознанія, съ твердою вѣрою въ предназначеніе своего народа, отложивъ въ сторону попеченіе объ интересахъ западно-европейскихъ державъ, окруживъ себя русскими людьми, воздѣнетъ, по выраженію нашихъ древнихъ грамотъ: «Высоко, грозно и честно» въ своей длани знамя Россіи».

«Свѣтъ» 10-го Сентября 1902 г. № 238.

Открытіе и освященіе памятника русскимъ морякамъ, погибшимъ на броненосцѣ „Русалка“.

(Отъ спеціальнаго корреспондента «Свѣта»).

Снова городъ Ревель привлекаетъ всеобщее вниманіе. Знаменательно торжество, происходившее въ Ревелѣ 7-го сентября 1902 года. Освященъ памятникъ морякамъ погибшимъ на броненосцѣ «Русалка» 7 сентября 1893 года. Памятникъ стоитъ на морскомъ берегу, къ которому въ послѣдній разъ, ровно девять лѣтъ тому назадъ, обращены были взоры безвременно погибшихъ моряковъ.

Грустныя и одновременно свѣтлыя минуты переживали участники торжества освященія и открытія этого прекраснаго памятника, сооруженнаго на доброхотныя пожертвованія, собранныя по подпискѣ, производившейся съ Высочайшаго соизволенія повсемѣстно въ Русской Имперіи.

Грустныя потому, что призракъ страшной кончины командира «Русалки», капитана 2-го ранга Іенишa, 11 офицеровъ и 165 человѣкъ команды до сихъ поръ леденитъ умъ русскихъ людей, не могущихъ помириться съ мыслью, что морскія волны навсегда скрыли слѣды и причины этого ужаснаго крушенія. Тайна глубокая, непроницаемая окутываетъ послѣднія страданія русскихъ моряковъ. Старый,

много послужившій, корабль «Русалка» и весь его экипажъ пропали безъ вѣсти. Тяжекъ укоръ, неизгладимо пятно на совѣсти тѣхъ, которые были виновниками безвременной кончины русскихъ моряковъ...

«Россія не забываетъ своихъ героевъ-мучениковъ», — гласитъ надпись на памятникѣ «Русалкѣ», и лучшей надписи, болѣе точно изображающей тѣ чувства, которыя одухотворяютъ всѣхъ русскихъ людей, присутствовавшихъ на сегодняшнемъ торжествѣ, придумать невозможно. Да, россіяне не забываютъ своихъ героевъ! Въ благодарной памяти потомства имена героевъ будутъ жить вѣчно. Мы не желаемъ зла нашимъ врагамъ, но, тѣмъ не менѣе, мы страшны имъ именно тѣмъ, что даже изъ тяжелыхъ испытаній и ударовъ судьбы мы умѣемъ почерпать все новыя и новыя силы для служенія Отечеству и Престолу. Смерть не страшна россіянамъ. Каждый русскій морякъ, отъ самаго стараго адмирала до самаго молодого солдата, вездѣ и на морѣ, и на сушѣ все тотъ же непобѣдимый, неизмѣнный герой*). Русскаго моряка, какъ и русскаго солдата, ничто не заставитъ свернуть съ пути, по которому ему велятъ идти долгъ и присяга.

Свѣтелъ сегодняшній праздникъ, потому что, справляя тризну по умершимъ и прославляя ихъ имена, мы этимъ самымъ окрыляемъ и вдохновляемъ живыхъ на подвиги и труды во славу Россіи. Дорогія тѣни русскихъ героевъ незримо витаютъ среди насъ. Свѣтло, отрадно становится на душѣ при мысли, что эти милыя тѣни теперь видятъ, что служба Царю и Руси не забывается и не забудется во вѣки вѣковъ... Великимъ утѣшеніемъ для всѣхъ любящихъ Россію является увѣренность въ томъ, что Россія умѣетъ чтить память своихъ героевъ.

Ровно три года тому назадъ, 7 сентября 1899 года, послѣ панихиды, между присутствовавшими впервые возникла мысль о сооруженіи памятника морякамъ, погибшимъ на «Русалкѣ». Мысль эту прежде всѣхъ высказалъ тогдашній командиръ Двинскаго полка, полковникъ Вестманъ, а командиръ ревельскаго порта, контръ-адмиралъ П. Н. Вульфъ, горячо принялся за осуществленіе этой мысли. По его представленію управляющій морскимъ министерствомъ исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на открытіе повсемѣстной въ Имперіи на этотъ предметъ подписки.

Въ 1901 году контръ-адмираломъ П. Н. Вульфомъ была выработана идея памятника. П. Н. Вульфъ остановился на проектѣ ревельскаго художника-скульптора Адамсона, представившаго модель памятника, одобреннаго всѣми членами комитета.

11-го іюля 1901 года въ Петергофѣ П. Н. Вульфъ имѣлъ счастье представить проектъ памятника Государю Императору и Его Величество соизволилъ одобрить какъ проектъ памятника, такъ и мѣсто его постановки на морскомъ берегу въ Екатерингальскомъ паркѣ. Строителемъ памятника былъ приглашенъ молодой ревельскій архитекторъ П. Н. Тамъ.

23 іюля 1902 г. Государь Императоръ удостоилъ памятникъ Своимъ посѣщеніемъ. Въ законченномъ видѣ памятникъ состоитъ изъ

*) Примѣчаніе автора: «Увы въ этомъ отношеніи я ошибся, ибо не могъ предполагать тогда, что толстый самодовольный адмиралъ Небогатовъ такъ позорно опровергнетъ мою вѣру въ доблесть и храбрость *всѣхъ* русскихъ моряковъ.

цокольной части высотою въ 2 сажени, а среди массы камней возвышается четырехсаженный монолитъ изъ краснаго гранита и на вершинѣ его помѣщается чудной работы литой ангелъ съ крестомъ въ рукѣ.

Кругомъ монолита золоченыя надписи съ передней — «7-го сентября 1893 года на броненосцѣ „Русалка“ находились: командиръ кап. 2 р. Викторъ Іенишъ; старшій офицеръ кап. 2 р. Николай Протопоповъ; лейтенанты: Валеріанъ Стравинскій, Порфирій Ершовъ и Григорій Бурхановскій, мичмана: Гергардъ Майеръ и Владиміръ Долговъ; к. м. а шт.-кап. Владиславъ Алькимовичъ и пор. Михаилъ Буровъ; к. ф. ш. шт.-кап. Петръ Кириловъ: пом. ст. инж. мех. Левъ Янъ; младш. врачъ кол. ас. Викторъ Сверчковъ. Нижнихъ чиновъ: боцм. 1, боцман. мл. 1, квзр. 2, подшх. 1, батлр. арт. сод. 1, маш. сод. 1 пис. 1, фельд. 1, матросовъ и машинной команды 146; всего офицеровъ 12, нижнихъ чиновъ 165 человѣкъ».

Съ правой стороны надпись: «Сооруженъ *въ благополучное* царствованіе Государя Императора Николая II въ 1902 году на средства, собранныя съ Высочайшаго соизволенія повсемѣстной въ имперіи подпиской. Съ лѣвой надпись «Россіяне не забываютъ своихъ героевъ мучениковъ».

Ровно въ 12 час. 30 мин. дня 7 сентября 1902 г. была сдернута завѣса, закрывавшая памятникъ. Войска, разставленныя вокругъ памятника взяли на караулъ и съ судовъ, стоящихъ на ревельскомъ рейдѣ раздался салютъ изъ пушекъ. Послѣ этого началось освященіе памятника.

По окончаніи освященія отслуженъ былъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, царствующему дому, и многолѣтія русскому воинству и флоту и вѣчной памяти погибшимъ морякамъ.

Въ три часа дня состоялся въ морскомъ собраніи завтракъ на стопятьдесятъ приглашенныхъ особъ. Какъ на торжествѣ освященія памятника, такъ и на завтракѣ присутствовали управляющій морскимъ министерствомъ адмиралъ Тыртовъ и вице-адмиралъ Авелапъ, а также эстляндскій губернаторъ камергеръ А. В. Бельгардъ и должностныя лица эстляндской губерніи.

За завтракомъ адмиралъ Тыртовъ провозгласилъ тостъ за здоровья Государя Императора, а губернаторъ Бельгардъ за здоровье Государя Наслѣдника, командиръ ревельскаго порта адм. Вульфъ провозгласилъ тостъ за здоровье августѣйшаго генералъ-адмирала. Товарищъ предсѣдателя ревельскаго окружнаго суда К. Г. Высоцкій произнесъ прочувствованную рѣчь въ память погибшихъ моряковъ, а неутомимый и радушный хозяинъ ревельскаго морского собранія, кон.-адм. П. П. Вульфъ провозгласилъ еще цѣлый рядъ задушевныхъ здравицъ за адмирала Тыртова, за генерала Вестмана, за архитектора Адамсона, за ревельскаго почетнаго гражданина Х. Х. Ротермана и за всѣхъ участниковъ въ возведеніи памятника погибшимъ на Русалкѣ морякамъ, и за всѣхъ гостей, почтившихъ открытіе памятника своимъ посѣщеніемъ.

Во время завтрака игралъ военный оркестръ. Подъ конецъ завтрака кон.-адмиралъ Вульфъ прочелъ телеграмму, которую адмиралъ Тыртовъ послалъ Государю Императору. Громкое долго несмолкавшее «ура» раздалось въ отвѣтъ на это чтеніе.

По общему желанію музыканты заиграли гимнъ и всѣ присутствовавшіе подхватили его торжественные звуки.

Около шести часовъ, распрощавшись съ гостепріимнымъ хозяиномъ, гости начали разъѣзжаться...

«Свѣтъ» 7-го Ноября 1902 г. № 295.

Не напрасные страхи.

«Новое Время» соглашаясь съ основнымъ нашимъ положеніемъ, что государственное первенство должно непремѣнно во всей Россіи оставаться за русскимъ языкомъ, находитъ однако вполнѣ умѣстнымъ допустить пренія на польскомъ языкѣ въ городскихъ и земскихъ собраніяхъ привислинскаго края. Не будемъ спорить съ «Новымъ Временемъ» о значеніи общегосударственнаго языка, потому что въ этомъ отношеніи мы вовсе не расходимся съ этою русскою газетой, а постараемся лишь выяснить, дѣйствительно ли письменное дѣлопроизводство и устныя пренія двѣ такія разныя вещи, какими онѣ кажутся автору статьи «Напрасные страхи», который полагаетъ, что введеніе письменнаго дѣлопроизводства на польскомъ языкѣ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ ознаменуетъ собою паденіе русской государственности, а введеніе устныхъ преній на польскомъ языкѣ въ тѣхъ же учрежденіяхъ явится лишь доказательствомъ, что русскій языкъ окрѣпъ въ привислинскомъ краѣ и что приблизилась та великая минута, когда русскій языкъ будетъ для поляка «отеческимъ языкомъ»? Да, минута, когда два родственные славянскіе народа русскіе и поляки, сольются въ одномъ русскомъ морѣ, будетъ дѣйствительно великою историческою... И едва-ли кто-либо изъ славянъ можетъ сомнѣваться въ томъ, что газета «Свѣтъ» съ восторгомъ одна изъ первыхъ будетъ привѣтствовать примиреніе славянскихъ племенъ. Но примиреніе это должно быть искреннее и полное и совершиться оно можетъ лишь при томъ условіи что въ правительственной политикѣ по отношенію привислинскаго края не будетъ тѣхъ рѣзкихъ отступленій, которыя наступятъ съ допущеніемъ преній на польскомъ языкѣ о городскихъ и деревенскихъ дѣлахъ. «Всѣ сношенія польскихъ учрежденій съ мѣстными и общими государственными учрежденіями будутъ конечно вестись на языкѣ русскомъ». «Дѣлопроизводство же и пренія—двѣ разныя вещи кажется».

Именно—это только «кажется» «Новому Времени» и пусть оно по-русской поговоркѣ сперва «перекрестится», прежде чѣмъ проповѣдывать отступленіе Россіи отъ Польши. О чемъ же будутъ вестись пренія въ общественныхъ городскихъ и земскихъ собраніяхъ привислинскаго края? Конечно прежде всего и больше всего о дѣлахъ. Значитъ, пренія это тоже дѣлопроизводство, только устное, живое дѣлопроизводство.

Теперь вникните, въ какое противорѣчіе впадаютъ защитники допущенія преній на польскомъ языкѣ. Они сами признаютъ, что письменное дѣлопроизводство въ сношеніяхъ польскихъ учрежденій съ другими государственными учрежденіями въ Россіи нельзя вести на польскомъ языкѣ, такъ какъ это было бы умаленіемъ значенія государственнаго языка и ознаменовало бы паденіе русской государственности! (Еще бы

только этого и не доставало, чтобы какая-нибудь лодзинская городская дума или будущее ковенское земское собраніе отправляли бы рапорты правительствующему сенату на польскомъ языкѣ). Но дѣлопроизводство устное, т. е. пренія представляющія обмѣнъ взглядовъ, мнѣній, живыя рѣчи очень часто гораздо болѣе дѣйствующія на сердца и убѣжденія слушателей, чѣмъ вымученныя печатныя произведенія—это дѣлопроизводство, которое наиболѣе можетъ способствовать укрѣпленію значенія русскаго языка въ краѣ—это дѣлопроизводство хотятъ вести не на русскомъ, а на польскомъ языкѣ! Не ясно ли, въ чемъ заключается суть всего вопроса о преніяхъ? Кого же вводятъ въ заблужденіе? Неужели въ петербургскихъ дѣловыхъ и сановныхъ кабинетахъ не поймутъ, что съ введеніемъ преній на русскомъ языкѣ въ польскихъ и балтійскихъ земскихъ собраніяхъ явится у нашихъ инородцевъ одинъ изъ самыхъ важныхъ побудительныхъ поводовъ изучать и усваивать русскій языкъ? Вѣдь, если пренія будутъ вестись на русскомъ языкѣ, то для того, чтобы пользоваться правомъ голоса, чтобы понимать рѣчи, произносимыя въ собраніяхъ и главное, чтобы самому имѣть возможность говорить, расчитывая на успѣхъ, необходимо будетъ изучить русскій языкъ и хорошо имъ владѣть. А изучить русскій языкъ—значитъ понять и полюбить этотъ правдивый свободный и могучій языкъ, которымъ пользовались для своихъ безсмертныхъ произведеній Пушкинъ, Тургеневъ, Гоголь, Гончаровъ, Аксаковъ и другіе выдающіеся русскіе писатели.

Не сокращать поле для примѣненія русскаго языка, а напротивъ того, расширять его—вотъ обязанность всѣхъ русскихъ, для которыхъ дороги успѣхи и процвѣтаніе родины! Нельзя забывать, что самые выдающіеся ораторы, Демосѳены и Цицероны, не родились краснорѣчивыми, а сдѣлались таковыми только послѣ упорнаго труда надъ выработкою своей рѣчи и пріемовъ говорить публично. Да наконецъ самъ поборникъ польскихъ домогательствъ, Спасовичъ, считающійся по справедливости однимъ изъ извѣстнѣйшихъ ораторовъ въ Россіи, достигъ ли бы такой всероссійской славы, если бы въ дѣтствѣ и юности не изучалъ русскій языкъ и русскую словесность и если бы въ тѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ началась, окрѣпла и расцвѣла профессорская и адвокатская дѣятельность Спасовича устныя пренія велись бы на польскомъ языкѣ? И развѣ, несмотря даже на разность политическихъ воззрѣній, мы, русскіе, не чувствуемъ, что Спасовичъ въ правѣ занять видное мѣсто въ русской литературѣ? Зачѣмъ же поляки хотятъ изъ-за узкихъ партійныхъ побужденій закрыть сами себѣ доступъ въ храмы русской мысли, русской словесности и русскаго краснорѣчія?

«Свѣтъ» 20-го Мая 1903 г. № 130.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 19 мая.

Русскіе люди не могутъ оставаться равнодушными къ тому, что происходитъ на балтійской окраинѣ. Нельзя долѣе терпѣть борьбу, которую «нѣмецкая партія» ведетъ противъ русской школы и противъ заботъ русскаго правительства о просвѣщеніи эстонскихъ крестьянъ.

Достоинство и спокойствіе Россіи требуютъ всесторонняго выясненія «какъ, откуда и на какія денежныя средства» создана и направлена гнусная интрига противъ русскихъ школъ въ Балтійскихъ губерніяхъ. Сомнѣваться въ пользѣ обученія эстонскихъ и латышскихъ крестьянъ русскому языку и русской грамотѣ не можетъ никто, у кого въ головѣ сохранилась хотя капля здраваго смысла! А если тѣмъ не менѣе противъ открытія правительствомъ школъ въ самыхъ даже глухихъ и бѣдныхъ волостяхъ Эстляндской губерніи высказываются теперь одинъ за другимъ сходы выборныхъ крестьянъ, тогда какъ еще недавно тѣ же самые крестьяне почти поголовно просили объ открытіи министерскихъ училищъ, значитъ, чья-нибудь, ловкая рука въ настоящее время создала и направила эту недостойную предательскую интригу. Нельзя о ней молчать, нельзя умалять ея значенія, потому что событія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подтверждаютъ зарубежное ея происхожденіе. Пока нѣмецкое знамя поддерживалось въ балтійскихъ губерніяхъ только мѣстными баронами, до тѣхъ-поръ Россія могла спокойно и терпѣливо ожидать наступленія счастливаго дня, когда нѣмецкое феодальное рыцарство, наконецъ, сравняется въ своихъ правахъ съ остальнымъ русскимъ дворянствомъ.

Но теперь, когда въ Германіи существуютъ оффиціальныя общества и банкъ, которые ставятъ себѣ цѣлью «оказывать матеріальную поддержку распространенію германизма за предѣлами Германіи» дальнѣйшее равнодушіе представляется преступленіемъ.

Теперь, когда несмотря не введеніе судебныхъ учрежденій, германскіе вкусы неожиданно нашли себѣ приверженцевъ въ Эстляндской губерніи даже среди представителей чиновничьяго общества и когда нѣмецкій языкъ, ни съ того, ни съ сего, явился вдругъ языкомъ чуть ли не оффиціальныхъ рѣчей, когда молодые нѣмецкіе юристы, вмѣсто изученія русскихъ законовъ и русскаго языка отличаются совершеннымъ невѣжествомъ и произносятъ въ судахъ самыя безграмотныя рѣчи, когда дознаніе о помѣщикѣ баронѣ, стрѣлявшемъ въ эстонскаго крестьянина ни съ того, ни съ сего прекращается безъ предварительнаго слѣдствія, когда бароны возбуждаютъ обвиненіе въ «диффамаціи» противъ тѣхъ столичныхъ русскихъ газетъ, которыя не безъ основанія полагаютъ, что если законъ не запрещаетъ печатать судебные отчеты о русскихъ дворянахъ, судившихся за самоуправство, то нельзя запрещать писать и о подвигахъ нѣмецкаго барона судившагося за то, что собственноручно вытолкалъ изъ хлѣва свою коровницу, хотя бы этотъ баронъ и былъ раньше предводителемъ дворянства, когда явно обнаруживается усиліе при помощи воспитанія создать германцевъ изъ подростающихъ поколѣній эстонцевъ и латышей—тогда больше молчать нельзя. Подобно тому, какъ когда-то въ Петербургѣ на французскомъ заводѣ изъ сала и маргарина приготовляли «настоящее» масло, такъ теперь нѣмцы изъ эстонцевъ и латышей изготовляютъ «настоящихъ германцевъ».

Пусть всѣ знаютъ, что творится въ балтійскихъ губерніяхъ. Необходимо скорѣе замѣнить ставленниковъ нѣмецкой партіи русскими людьми. Иначе будетъ трудно поправить наростающее зло. Пусть нѣмцы всячески изощряются въ изобрѣтеніи способовъ ослабить русское вліяніе, пусть они прибѣгаютъ къ самымъ некрасивымъ средствамъ для одолѣ-

нія своихъ противниковъ! Не въ обычаѣ русскихъ людей бороться тѣмъ же неблаговиднымъ оружіемъ, къ которому прибѣгаютъ нѣмцы. Но святое дѣло служенія родной Россіи могучей и неодолимой, не оскудѣетъ въ поборникахъ! И съ каждымъ днемъ увеличивается количество русскихъ людей, сознающихъ необходимость сплотиться противъ надвигающагося на славянство германскаго нашествія.

Способствовать этому сознанію святая обязанность каждаго русскаго. Нельзя, беззавѣтно любя Россію, отдавать себя въ услуженіе къ нѣмцамъ, армянамъ чухнамъ, и евреямъ.

Нѣмецкая буфонада, разыгрывающаяся въ настоящее время въ Эстляндской губерніи, при всей своей комичности, очень прискорбна и ее надо во что бы то ни стало скорѣе прекратить.

Министерство народнаго просвѣщенія съ цѣлью обрусенія Прибалтійскаго края и для того, чтобы поднять умственный кругозоръ угнетенныхъ нѣмцами эстонскихъ и латышскихъ крестьянъ, предприняло нѣсколько лѣтъ тому назадъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ распространенію русскаго языка и между прочимъ до прошлаго года неуклонно стремилось открывать въ балтійскихъ губерніяхъ двухклассныя сельскія училища по особо выработанной программѣ. Но пасторы и балтійскіе помѣщики не сочувствуютъ обрусѣнію края и поэтому въ народѣ стали распространяться самые нелѣпые слухи о томъ, что министерскія школы поведутъ за собою увеличеніе налоговъ, гоненіе на крестьянъ и т. п. Подъ вліяніемъ этихъ толковъ многія волости заявили, что онѣ отказываются отъ школъ.

А интрига все ростетъ. Дошло уже до того, что подстрекательство противъ русскихъ школъ сдѣлалось предметомъ, даже судебнаго разбирательства. Въ февралѣ настоящаго года мировой судья 1-го участка ревельско-гапсальскаго округа приговорилъ къ двадцати рублевому взысканію владѣльца имѣнія Гогенгеймъ, пѣкого Бадера, за распространеніе невѣрныхъ свѣдѣній, возбуждающихъ простой народъ противъ открываемыхъ правительствомъ школъ. Мировой съѣздъ приговоромъ отъ 21 апрѣля 1903 года, установивъ, во 1-хъ, что Рихардъ Бадеръ, черезъ ложныя увѣренія, уговаривалъ толпу крестьянъ Орисарской волости, собравшуюся при волостномъ правленіи, не открывать въ своей волости министерской школы, запугивая ихъ возрастаніемъ налоговъ и утратою эстонскаго языка, во 2-хъ, что въ дѣяніи Бадера заключается не простое распространеніе ложныхъ слуховъ, возбуждающихъ безпокойство у массъ, а имѣется опредѣленная цѣль возбудить крестьянъ Орисарской волости къ противодѣйствію мѣрамъ правительства, направленнымъ къ распространенію въ Балтійскомъ краѣ правительственныхъ школъ и русской грамотности, нашелъ, что проступокъ Бадера предусмотрѣнъ 274 ст. улож. о наказ. потому опредѣлилъ: «передать дѣло по подсудности по признакамъ преступленія предусмотрѣннаго 274 ст. ул. о наказ. судебному слѣдователю ревельскаго окружнаго суда. Этотъ приговоръ очень встревожилъ нѣмецкихъ интригановъ и они, конечно, постараются сдѣлать всевозможное къ тому, чтобы умалить значеніе всплывшихъ на Божій свѣтъ фактовъ и чтобы предварительное слѣдствіе о господинѣ Бадерѣ было направлено по 277 ст. уст. уг. суд. т. е. на прекращеніе. Самъ Бадеръ, какъ и всѣ подобные ему „нѣмецкіе“ герои, оказался неособенно храбраго десятка. Въ

оправданіе свое, какъ значится въ приговорѣ мирового судьи, обвиняемый Бадеръ объяснилъ, что приписываемыя ему слова противъ министерства народнаго просвѣщенія „говорили сами крестьяне, а не онъ". Такимъ образомъ, по объясненію Бадера онъ только слушалъ, что говорили на сходѣ крестьяне, а самъ молчалъ и потому передъ судебною властью чистъ, какъ кристаллъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ, не будучи крестьяниномъ, пришелъ на сходку крестьянъ? Неужели только изъ любопытства, чтобы молча послушать ихъ разсужденія и поучиться уму разуму у простыхъ эстонскихъ мужичковъ.

Кто знакомъ съ презрительнымъ отношеніемъ балтійскихъ нѣмцевъ къ эстонскимъ мужикамъ, тому ясно, что противникъ министерскихъ школъ не на шутку испугался возбужденнаго противъ него дѣла, иначе онъ никогда бы не унизился до сознанія въ томъ, что посѣщалъ собранія крестьянъ только для того, чтобы молча слушать ихъ сужденія.

Урядникъ Гапсальскаго уѣзда Іоганнъ Элеръ, который по долгу присяги составилъ протоколъ о поступкѣ Бадера, вѣроятно, не избѣгнетъ гоненія нѣмцевъ. И его надо будетъ отъ ихъ злобы защитить законными средствами. Только разслѣдованіе лицомъ, облеченнымъ большими полномочіями, можетъ выяснить, въ чьихъ интересахъ и за чей страхъ работаютъ нѣмецкіе господа, въ родѣ Бадера, пріѣзжающіе на крестьянскіе сходы «послушать, какъ крестьяне про себя толкуютъ». Со времени знаменитой ревизіи сенатора Манасеина накопилось опять въ балтійскихъ губерніяхъ много жгучихъ вопросовъ первостепенной государственной важности. Только послѣ безпристрастнаго, но строгаго всесторонняго изслѣдованія прекратятся такія странныя явленія, какъ исторія съ Орисарскимъ двухклассныхъ училищемъ, открытымъ сперва по единодушной просьбѣ всего схода выборныхъ крестьянъ Орисарской волости, а вскорѣ, несмотря на значительныя пособія, полученныя отъ правительства, закрытаго по постановленію схода выборныхъ той же волости, послѣ того какъ на этомъ послѣднемъ сходѣ «съ цѣлью послушать» побывалъ помѣщикъ Бадеръ.

—

«Свѣтъ» 23 іюня 1903 г. № 162.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 20 іюня.

Кто бы и гдѣ бы ни написалъ о россійскихъ нѣмцахъ не въ томъ духѣ, какъ это желательно заграничнымъ нѣмцамъ, тотчасъ „Петербургская Цейтунгъ" вступается за интересы германцевъ.

А странно! Вѣдь газета эта хотя и печатается „нѣмецкими буквами" однако, вѣдь на бумагѣ съ двуглавымъ русскимъ государственнымъ гербомъ, а слѣдовательно, печатается для подданныхъ русской, а не германской имперіи!

Эта „Цейтунгъ" получаетъ денежную поддержку отъ русской казны въ видѣ обязательныхъ судебныхъ объявленій по наслѣдственнымъ дѣламъ, производящимся въ балтійскихъ губерніяхъ, и кон-

курснымъ дѣламъ, производящимся по всей Россіи. И что же, несмотря на благодѣянія, которыми она осыпана въ Россіи, газета эта, по странной иронiи судьбы, почему-то считаетъ своею непремѣнною обязанностью всюду чернить русскихъ патріотовъ и всегда отстаивать германскія выгоды.

Чѣмъ сіе объяснить?!

Явленіе это очень характерно именно съ той національной точки зрѣнія, которую будто бы отрицаетъ «Peterburger Zeitung», негодуя на русскихъ патріотовъ за то, что они разоблачаютъ нѣмецкія интриги. Если прослѣдить направленіе «Петербургской Цейтунгъ» за послѣднія двадцать пять лѣтъ, то можно замѣтить, что злоба, клевета и тупыя насмѣшки съ избыткомъ расточаются этою газетою по адресу всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, сердца которыхъ бьются любовью къ Россіи, а не къ Германіи. Ни одинъ изъ русскихъ писателей, касавшихся нѣмецкаго вопроса съ русской точки зрѣнія, не избѣгъ бѣшеныхъ нападковъ на страницахъ „Петербургской Цейтунгъ". Каткову, Аксакову, Велицыну, Апраксину, Голенищеву-Кутузову, Трубникову, Величко, Комарову, Булацелю, князю Голицыну, Меньшикову, всѣмъ этимъ русскимъ людямъ, писавшимъ о балтійскомъ поморьѣ, о нѣмецкой дипломатіи, пангерманизмѣ, о нѣмецкихъ колоніяхъ на югѣ Россіи, о бироновщинѣ, о германскихъ информаторахъ и т. д., всѣмъ имъ, каждому въ свое время, „Цейтунгъ" удѣлила на своихъ столбцахъ изрядное количество шпилекъ, брани и даже угрозъ. Въ послѣднее же время „Петербургская Цейтунгъ" особенно всполошились изъ-за статей г. Булацеля и г. Величко. На перваго она негодуетъ за его балтійскія разоблаченія о томъ, какъ въ балтійскихъ губерніяхъ искусственно изготовляютъ изъ эстонскихъ и латышскихъ крестьянъ настоящихъ маргариновыхъ германцевъ, которые, несмотря на свою маргариновую подкладку, могутъ со временемъ быть очень полезны для Германіи въ случаѣ какихъ-либо осложненій, а на второго она злобствуетъ за то, что онъ, въ своихъ „русскихъ рѣчахъ", ратуетъ объ увеличеніи русскаго національнаго сознанія въ Россіи.

Это очень не нравится „Цейтунгу" и его нѣмецкимъ" сотрудникамъ. Они бы хотѣли, чтобы національное русское сознаніе въ Россіи съ каждымъ днемъ становилось слабѣе и чтобы верхи русскаго общества прониклись бы такимъ же преклоненіемъ предъ „нѣметчиною", какъ во времена бироновщины. Слава Богу, однако рѣка не течетъ никогда назадъ. И дастъ Богъ газетѣ, издающейся въ Россіи, получающей казенную поддержку и украшенной русскимъ двуглавымъ орломъ въ концѣ-концовъ разъяснятъ, что глумиться надъ русскимъ патріотизмомъ ей совсѣмъ неприлично, хотя бы это глумленіе и было прикрыто съ обычною нѣмецкою хитростью, двумысленными похвалами по адресу тѣхъ, кого уже нѣтъ, и кто слѣдовательно нѣмцамъ болѣе не страшенъ. „Политическая мораль старыхъ славянофиловъ очень низко опустилась, доказательствомъ чему служатъ „русскія рѣчи Величко", такъ развязно петербургская лейбъ-германская газета поучаетъ уму разуму своихъ довѣрчивыхъ нѣмецкихъ читателей, которые и впрямь начинаютъ втихомолку про себя поговаривать, что Русское Собраніе не что иное какъ славянофилы, превратившіеся въ ненавистниковъ другихъ національностей. Теперь славянофилы уже не опасны и потому ихъ нѣмецкая газета готова даже помянуть добрымъ словомъ, хотя та же самая

газета двадцать пять лѣтъ тому назадъ метала громы и молніи противъ славянофильства и доказывала, что славянофильство—гибель Россіи. А когда съ воцареніемъ императора Александра III стали появляться въ русскихъ газетахъ нападки на нашу дипломатію за ея промахи на берлинскомъ конгрессѣ, тогда у русской дипломатіи оказался только одинъ защитникъ и этимъ защитникомъ, какъ не трудно отгадать, была «Петербургеръ Цейтунгъ», находившая, что въ Россіи самые умные люди дипломаты, ибо только они понимаютъ слабость Россіи и сознаютъ, что безъ нѣмцевъ Россія погибнетъ. Такимъ образомъ, даже недостатки и промахи нашихъ русскихъ дипломатовъ балтійскаго происхожденія, петербургская нѣмецкая газета ставила имъ въ заслугу. А кому были выгодны эти промахи?—Нѣмцамъ!

Рѣчи Скобелева, произнесенныя въ Петербургѣ и въ Парижѣ, произвели небывалую сенсацію, «Врагъ русскихъ и славянъ—нѣмецъ», сказалъ генералъ Скобелевъ. «Въ Россіи же нѣмецъ — пролазъ и интриганъ; изъ-за чего же намъ поднимать бурю за границею, когда врагъ у насъ дома и когда борьба съ нимъ можетъ быть только «домашняя». Борьба съ нѣмцемъ неизбѣжна, ходя быть можетъ еще не такъ близка; но прежде чѣмъ наступитъ ужасный день вооруженнаго столкновенія славянства съ германизмомъ, надо во что бы то ни стало ослабить нѣмецкое хозяйничанье въ балтійскомъ краѣ среди, нѣмецкихъ колонистовъ на югѣ Россіи и въ Петербургѣ. Россія ни на окраинахъ, ни въ центрѣ не должна быть игрушкою нѣмецкой политики и жертвой германскихъ интригъ. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на издающіяся въ Россіи нѣмецкія газеты, служащія на побѣгушкахъ у германскихъ патріотовъ.

Правильно руководимыя газеты эти, несмотря на свое обиліе (въ 1902 году въ Петербургѣ издавалось десять, а въ балтійскихъ губерніяхъ тридцать четыре нѣмецкихъ газеты), не могутъ быть опасны для Россіи, но въ рукахъ людей, проникнутыхъ стремленіемъ угодить германскому общественному мнѣнію, газеты эти для Россіи вредны.

Теперь же, когда высоко авторитетное слово святѣйшаго синода подтвердило, что большая часть протестантскихъ дѣятелей проникнуты «исключительностью, фанатизмомъ, вѣковыми предразсудками и общею узкостью кругозора нѣмецкой богословской школы», особенно своевременно будетъ вспомнить, что многіе изъ нѣмецкихъ газетъ и журналовъ издаются безъ предварительной цензуры. При этомъ одинъ изъ этихъ безцензурныхъ журналовъ издается пасторомъ Бертольдомъ (St.-Peterburgisches Evangelisches Sontagsblat» другой мекленбургъ-шверинскимъ подданнымъ Іоганомъ Биль «Protocolle des S.-Peterburgischen Politechnischen Vereins» и третій журналъ провизоромъ г. Клинге. Особенно интересно сопоставить это обиліе нѣмецкихъ безцензурныхъ газетъ съ тѣмъ фактомъ, что въ Петербургѣ только двѣ польскія газеты и притомъ обѣ онѣ подцензурныя. Даже съ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, виртембергскій подданный Христіанъ Кихереръ, издаетъ безцензурную большую ежедневную политическую газету на нѣмецкомъ языкѣ «Moskauer Deutsche Zeitung».

Но не только самъ по себѣ фактъ обилія нѣмецкихъ газетъ и журналовъ, наводнившихъ Россію, вызываетъ тяжелое чувство безпокойства за будущность русской литературы, вызываетъ его и то неестественное

привилегированное положеніе, которое нѣмецкіе писатели почему-то получили въ Россіи.

Въ то время, какъ князю Д. П. Голицыну приходится съ большимъ трудомъ добиваться разрѣшенія выпуска на сцену патріотической русской сказки «Кащей», въ то время, когда даже «Епархіальныя Вѣдомости» повсюду въ Россіи являются подцензурными изданіями, въ это самое время лютеранскіе пасторы, мекленбуръ-шверинскіе и виртембергскіе подданные, издаютъ въ столицахъ Россіи нѣмецкія изданія безъ предварительной цензуры!

Надо надѣяться, что послѣ торжественнаго посланія святѣйшаго сунода, нѣмецкій языкъ и германское подданство перестанутъ, наконецъ, считаться болѣе сильнымъ оплотомъ русской государственности, чѣмъ «Епархіальныя Вѣдомости».

Не обидно ли русскому самосознанію, что православному духовенству нельзя отпечатать ни одного листа безъ разрѣшенія цензуры, а нѣмецкому пастору и виртембергскому подданному можно ежедневно въ Москвѣ и Петербуртѣ безъ всякой цензуры писать о чемъ вздумаетъ ихъ иностранное перо. Отсутствіе за нѣмецкими газетами надлежащаго контроля ведетъ къ тому, что газеты эти позволяютъ себѣ дѣлать передержки не только изъ сочиненій и словъ своихъ русскихъ противниковъ, но и даже нерѣдко искажаютъ смыслъ оффиціальныхъ правительственныхъ сообщеній. Такъ, напримѣръ перепечатывая посланіе святѣйшаго сунода, балтійскія нѣмецкія газеты выпустили въ немъ все то, что служитъ обличеніемъ фанатизма, узости и предубѣжденности лютеранства и благодаря искусственному переводу придали совсѣмъ иное значеніе посланію. А вѣдь нѣмецкіе балты ничего, кромѣ своихъ мѣстныхъ газетъ, не читаютъ и значитъ истина отъ нихъ останется сокрытою тѣми газетными заправилами, которые стараются искусственно прививать балтійцамъ «духъ германизма».

На сей разъ, впрочемъ, можно помочь горю очень просто, обязавъ редакціи всякихъ ревельскихъ, либавскихъ и рижскихъ цейтунговъ на основаніи 5 и 138 статей уст. цензурнаго напечатать дополнительно то мѣсто изъ посланія святѣйшаго сунода, которое начинается словами: «Религіозная исключительность и даже фанатизмъ» и кончается словами: «Это налагаетъ на нашихъ учителей непремѣнный долгъ раскрывать передъ сознаніемъ запада истинное величіе и подлинно христіанскую чистоту православія».

«Юридическая газета», 27 Іюля 1896 г. № 48.

Письмо въ редакцію.

Въ № 164 «Биржевыхъ Вѣдомостей», въ статьѣ «Дневникъ», г. Гамма совершенно основательно возстаетъ противъ такихъ лицъ, «которыя предпочитаютъ пулю печатному опроверженію». Вполнѣ раздѣляя по этому поводу высказанные имъ взгляды, хочу однако обратить безпристрастно вниманіе на тѣ затрудненія, съ которыми приходится сталкиваться лицамъ, желающимъ помѣстить въ печати опроверженіе. Въ уставѣ цензурномъ существуетъ 139 ст., въ силу коей «повременное изданіе не можетъ отказать» въ принятіи возраженій и поправокъ, сообщенныхъ ему частнымъ лицомъ, о которомъ въ этомъ повременномъ изданіи появилось какое либо извѣстіе». Къ сожалѣнію однако всѣмъ хорошо извѣстно, что печатное слово для частныхъ лицъ, желающихъ помѣстить опроверженіе, почти недоступно и что только по знакомству и благодаря связямъ съ литературнымъ міромъ можно расчитывать на соблюденіе 139 статьи устава цензурнаго, въ противномъ-же случаѣ многія редакціи просто оставляютъ сообщеніе частныхъ лицъ безъ всякихъ послѣдствій, не думая даже помѣщать въ своихъ газетахъ присланныя опроверженія. Если такое отношеніе къ частнымъ лицамъ оказывается довольно распространеннымъ явленіемъ въ столицахъ, то легко себѣ представить, до чего доходитъ произволъ редакторовъ провинціальныхъ газетъ на окраинахъ нашего обширнаго отечества. Провинціальная газета часто служитъ не столько выразительницею мѣстныхъ нуждъ и интересовъ, сколько орудіемъ для сведенія мелкихъ личныхъ счетовъ. Понадобилось, напримѣръ, продернуть кого либо и газета мѣстныхъ нуждъ и интересовъ предлагаетъ ему любезно свои услуги, а когда затронутое статьею лицо присылаетъ опроверженіе, редакція отказывается помѣстить это опроверженіе. И если невѣрныя свѣдѣнія, сообщенныя въ газетѣ, не содержатъ въ себѣ прямой ругани или клеветы, или диффамаціи, т. е. если онѣ не подходятъ прямо подъ уголовно-наказуемое дѣяніе, то частному лицу, о которомъ сообщены эти невѣрныя свѣдѣнія не остается никакого законнаго исхода ихъ опровергнуть. Въ одномъ изъ нумеровъ Ревельскихъ Извѣстій была задѣта ревельская присяжная адвокатура по поводу того, что на первое общее собраніе «общества колоній малолѣтнихъ преступниковъ» явился изъ 16-ти присяжныхъ повѣренныхъ только одинъ. При этомъ въ статьѣ Ревельскихъ Извѣстій дважды было неправильно упомянуто о томъ, что здѣшніе присяжные повѣренные «состоятъ при ревельскомъ окружномъ судѣ». Когда же я, какъ

одинъ изъ 16-ти ревельскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, сдѣлалъ указаніе на эту ошибку, то «Ревельскія Извѣстія» помѣстили замѣтку, въ которой задѣли уже лично меня, исказивъ смыслъ моего письма; поэтому я потребовалъ чрезъ нотаріуса, чтобы, на основаніи 139 ст. уст. цензурнаго, Ревельскія Извѣстія помѣстили мое возраженіе, въ которомъ я изложилъ, что дальновидное предположеніе редакціи, «что я повидимому обидѣлся на выраженіе «состоящіе», является на самомъ дѣлѣ ни на чемъ неосновательнымъ и вдобавокъ и неправильнымъ по существу, ибо если бы редакція справилась съ буквальнымъ текстомъ моего письма, то легко бы усмотрѣли, что я возставалъ не противъ слова «состоящіе», а противъ невѣрнаго утвержденія газеты, будто ревельскіе присяжные повѣренные состоятъ при ревельскомъ окружномъ судѣ, тогда какъ въ дѣйствительности они состоятъ при с.-петербургской судебной палатѣ. Такимъ образомъ ясно, сколь не правы были Ревельскія Извѣстія, упрекая меня въ томъ, что я не справился съ закономъ, когда утверждалъ, что здѣшніе присяжные повѣренные не состоятъ при ревельскомъ окружномъ судѣ. Кромѣ того, редакція Ревельскихъ Извѣстій, находя необходимымъ исправить воображаемую юридическую ошибку въ моемъ письмѣ, въ дѣйствительности однако только вводятъ своихъ читателей въ заблужденіе, ошибочно утверждая, что «помощники присяжныхъ повѣренныхъ въ округѣ с.-петербургской судебной палаты, такъ же какъ и присяжные повѣренные, зависятъ не отъ окружнаго суда, а исключительно отъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ». Это однако совершенно невѣрно, ибо ревельскіе присяжные повѣренные дѣйствительно ни въ какой зависимости отъ окружнаго суда не состоятъ, но помощники присяжныхъ повѣренныхъ, кромѣ зависимости отъ совѣта, находятся еще также и подъ непосредственнымъ контролемъ окружнаго суда въ качествѣ частныхъ повѣренныхъ, получающихъ отъ суда свидѣтельства на право веденія чужихъ дѣлъ. Изъ этого ясно, что зависимость отъ окружнаго суда здѣшнихъ присяжныхъ и ихъ помощниковъ вовсе не одинакова, такъ какъ присяжные (бывшіе консуленты) вполнѣ самостоятельны, а помощники находятся въ значительной зависимости отъ окружнаго суда. Самостоятельность присяжныхъ повѣренныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ и независимость ихъ отъ мѣстныхъ судовъ составляетъ особенно привлекательную черту въ положеніи сословія адвокатовъ, которое въ Прибалтійскомъ краѣ всегда и прежде при старомъ судебномъ устройствѣ пользовалось высокимъ довѣріемъ и почетомъ мѣстнаго общества, а поэтому и всякія нападки въ газетахъ на это сословіе не встрѣтятъ никогда въ Ревелѣ сочувствія». Несмотря на очевидность моего права требовать помѣщенія въ газетѣ вышеприведеннаго возраженія, редакція Ревельскихъ Извѣстій отказалась напечатать это мое возраженіе и такимъ образомъ оказывается, что опровергнуть невѣрныя свѣдѣнія путемъ печатнаго же слова вовсе не такъ легко, какъ это утверждаютъ столичныя газеты.

Павелъ Булацель.

«Юридическая газета», 12 Мая 1900 г. № 38.

Практика по увѣчнымъ дѣламъ.

Въ № 123 «Петербургской газеты» въ замѣткѣ «адвокаты и женщины» приводится сдѣланное будто-бы мною 5 Мая сего года въ ученой комиссіи «Собранія экономистовъ» сравненіе адвокатовъ съ женщинами и выражено сожалѣніе, что среди присутствующихъ не нашлось адвоката, который возразилъ-бы лектору противъ его филиппикъ.

На самомъ дѣлѣ объ адвокатахъ и ихъ принципахъ въ моемъ докладѣ не было вовсе рѣчи, а поэтому и вполнѣ понятно, что присутствовавшимъ на докладѣ адвокатамъ не пришлось возражать противъ нападокъ, которыхъ никто на наше сословіе не дѣлалъ.

Я приведу дословно то мѣсто моего доклада, которое подало рецензенту «Петербургской газеты» поводъ утверждать, будто я разсказалъ побасенку о современныхъ адвокатахъ и ихъ принципахъ и предоставляю самимъ читателямъ судить, была ли рѣчь объ адвокатахъ или о тѣхъ лицахъ, съ мнѣніями которыхъ адвокатамъ только приходится сталкиваться. Вотъ что я говорилъ:

«Провинціальные окружные суды до сихъ поръ еще требуютъ отъ потерпѣвшихъ рабочихъ представленія доказательствъ не только того, что администрація завода не соблюла возможныхъ мѣръ предосторожности, но и что конструкція машины, на которой искалѣчило рабочаго, была неудовлетворительна съ точки зрѣнія технической. Такое требованіе, предъявляемое къ простому рабочему, представляется несправедливымъ. Всячески затрудняя рабочимъ возможность добиться вознагражденія съ работодателей за оторванныя руки и ноги, за выбитые глаза и потерянное здоровье, провинціальные цивилисты оправдываются фразой, что гражданскій судъ не богадѣльня. Старѣющая женщина предпочитаетъ получать комплименты не за умъ или доброту, но за красоту, хотя бы сомнительную; для нѣкоторыхъ же цивилистовъ нашихъ провинціальныхъ судовъ роль обожаемой женской красоты играютъ строгій формализмъ и внѣшнія формы судопроизводства».

Далѣе въ моемъ докладѣ я привелъ примѣры изъ практики провинціальныхъ судовъ по увѣчнымъ дѣламъ. По одному дѣлу судъ требовалъ отъ истца представленія доказательства того, что по состоянію современной техники предохранительные аппараты, устройство которыхъ на данной машинѣ представлялось вполнѣ возможнымъ, примѣняются «постоянно или обычно на другихъ заводахъ, подобныхъ заводу отвѣтчика».

Такое требованіе представляется несправедливымъ, ибо въ такомъ случаѣ до предъявленія иска о вознагражденіи за увѣчье потерпѣвшему рабочему пришлось-бы еще предварительно совершать научно-образовательное путешествіе по Россіи съ цѣлью ознакомленія съ техническимъ устройствомъ другихъ заводовъ, подобныхъ тому, на которомъ его искалѣчило.

Въ другомъ случаѣ окружный судъ отказалъ въ искѣ вдовѣ, оставшейся съ семью маленькими дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ жизни послѣ смерти ея мужа, убитаго во время работы на круглой механической пилѣ.

По дѣлу было установлено что пила была старая, безъ нѣсколькихъ зубьевъ и притомъ безъ всякихъ предохранительныхъ чехловъ, хотя въ той губерніи, гдѣ это случилось, существуетъ постановленіе фабричнаго присутствія, что всѣ круглыя пилы на заводахъ и фабрикахъ должны быть обязательно снабжены предохранительнымъ чехломъ и расщемляющимъ клиномъ. Но это обязательное постановленіе было издано для фабрикантовъ и заводчиковъ, а отвѣтчикъ оказался помѣщикомъ. И бѣдная вдова проиграла свое дѣло, потому что, во-первыхъ, никто не принуждалъ ея мужа работать на негодной механической пилѣ, а во-вторыхъ, хозяинъ этой пилы помѣщикъ, для улучшенія своего хозяйства, завелъ негодную пилу, а поэтому для него не обязательны тѣ предписаніе, которыя изданы фабричнымъ присутствіемъ спеціально для заводчиковъ и фабрикантовъ. И вотъ для неюриста получается непостижимая загадка: почему купецъ-фабрикантъ подвергается отвѣтственности за употребленіе круглой пилы, *не* снабженной предохранительнымъ чехломъ и расщемляющимъ клиномъ, а помѣщикъ въ той же самой губерніи можетъ безпрепятственно заводить у себя въ имѣніи допотопныя круглыя пилы безъ чехла и безъ клина и на нихъ безнаказанно калѣчить рабочихъ?

Для юристовъ же вопросъ съ формальной стороны разрѣшается очень просто: фабричныя присутствія вѣдаютъ только фабрики и заводы, а не сельсхо-хозяйственную промышленность, а поэтому для помѣщиковъ не обязательны постановленія фабричныхъ присутствій! Просто и ясно, но едва ли такъ и должно быть. Сопоставляя практику гражданскихъ отдѣленій провинціальныхъ окружныхъ судовъ съ разъясненіями Правительствующаго Сената по увѣчнымъ дѣламъ, я пришелъ въ окончательномъ выводѣ къ тому, что Сенатъ въ громадномъ большинствѣ своихъ рѣшеній склоняется въ пользу рабочихъ, а въ случаяхъ крайняго сомнѣнія Сенатъ высказывалъ даже неоднократно, что тотъ, кто получаетъ барыши долженъ отвѣчать и за рискъ.

Неудивительно поэтому, что въ правосознаніи простого народа Правительствующій Сенатъ является надежнымъ прибѣжищемъ для всѣхъ увѣчныхъ. Но къ сожалѣнію благодаря необходимости внести кассаціонный залогъ громадное большинство увѣчныхъ дѣлъ, по которымъ возбуждаются очень интересные вопросы, не можетъ дойти до Сената, потому что несчастному рабочему очень трудно найти такого повѣреннаго, который рѣшился-бы рисковать внесеніемъ ста рублей кассаціоннаго залога изъ своихъ средствъ. А между тѣмъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній требовать внесенія ста рублей залога отъ увѣчнаго рабочаго, за которымъ судомъ признано право бѣдности на веденіе дѣла. Съ одной стороны человѣка считаютъ на столько бѣднымъ, что оффиціально признаютъ, что онъ не въ состояніи внести даже пошлины и марки въ размѣрѣ какихъ нибудь 20 или 30 рублей и эти расходы принимаютъ на счетъ казны, а съ другой стороны отъ того-же самаго бѣднаго рабочаго требуютъ представленія ста рублей кассаціоннаго залога, если онъ желаетъ воспользоваться судебною

защитою высшаго органа правосудія. А такъ какъ полная судебная защита должна быть доступна бѣднымъ наравнѣ съ богатыми, то было бы очень желательно, чтобы ст. 800 уст. гр. суд. была измѣнена въ томъ смыслѣ, что по всѣмъ дѣламъ о вознагражденіи за смерть и увѣчья, тяжущіеся за которыми признано право бѣдности, освобождались бы вовсе отъ внесенія кассаціоннаго залога, а для прочихъ потерпѣвшихъ рабочихъ размѣръ кассаціоннаго залога по увѣчнымъ дѣламъ былъ-бы уменьшенъ до 25 рублей.

«Юридическая газета» 27 Августа 1900 г. № 57.

Упраздненіе русскаго языка въ Прибалтійскихъ судахъ.

Затрудненія, встрѣчаемыя судьями въ Прибалтійскихъ губерніяхъ вслѣдствіе незнакомства мѣстнаго латышскаго и эстонскаго населенія съ русскимъ языкомъ, а также вслѣдствіе того, что лица, занимающія должности переводчиковъ у мировыхъ судей по вольному найму, обнаруживаютъ несоотвѣтствіе свое возложеннымъ на нихъ обязанностямъ, обратили на себя вниманіе Государственнаго Совѣта, который Высочайше утвержденнымъ 8-го Мая 1900 года мнѣніемъ положилъ: поручить Министру Юстиціи подвергнуть разработкѣ вопросъ объ учрежденіи при мировыхъ судебныхъ установленіяхъ Прибалтійскихъ губерній штатныхъ должностей переводчиковъ.

Получивъ о вышеизложенномъ отъ г. старшаго предсѣдателя С.-Петербургской судебной палаты сообщеніе для собранія подробныхъ свѣдѣній по вопросу о переводчикахъ, предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ обратились къ мѣстнымъ почетнымъ мировымъ судьямъ и присяжнымъ повѣреннымъ съ предложеніемъ высказать свои соображенія по означенному вопросу. На этотъ вопросъ поступилъ за подписью шестнадцати присяжныхъ повѣренныхъ въ Ревельско-Гапсальскій мировой съѣздъ отвѣтъ, заключающій въ себѣ проектъ «реформы судоговоренія въ мѣстныхъ мировыхъ учрежденіяхъ». Это произведеніе, продуманное и прочувствованное шестнадцатью мѣстными юристами, является наглядным примѣромъ того что даже въ вопросахъ чисто практическаго свойства балтійскіе интеллигенты не въ состояніи отрѣшиться отъ желанія играть въ политику. Не имѣя однако настолько гражданскаго мужества, чтобы прямо выразить свое затаенное пожеланіе «затормозить дальнѣйшее распространеніе въ Прибалтійскомъ краѣ русскаго языка и общерусскихъ законовъ», составители проекта прибѣгли къ окольнымъ путямъ для достиженія своего «pium desiderium» и съ этою цѣлью вмѣсто отвѣта на предложенный имъ вопросъ о томъ, „какими мѣрами достигнуть улучшенія состава переводчиковъ при мировыхъ судебныхъ установленіяхъ“, вдаются въ разсужденія о предметѣ, выходящемъ совершенно изъ сферы ихъ практическихъ и научныхъ познаній, а именно толкуютъ объ общей реформѣ судоговоренія въ Прибалтій-

скомъ краѣ и предлагаютъ такія нововведенія, принятіе которыхъ ознаменовало бы собою полный возвратъ къ дореформенному времени.

«Лозунгомъ предстоящей реформы», читаемъ мы въ докладѣ ревельскихъ адвокатовъ, „должны быть выставлены знакомство судей съ мѣстными языками и допущеніе непосредственныхъ объясненій сторонъ и свидѣтелей на этихъ языкахъ съ мировыми судьями“, т. е. иными словами—Балтійскіе адвокаты желаютъ, чтобы все судоговореніе въ мировыхъ учрежденіяхъ велось не на русскомъ языкѣ. Мало этого, въ концѣ своего сочиненія они выражаютъ настоятельное желаніе, чтобы «лицамъ недостаточно знакомымъ съ русскимъ языкомъ, разрѣшено было также подавать мировымъ судьямъ и въ мировые съѣзды бумаги на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ съ тѣмъ, чтобы штатные переводчики переводили эти бумаги на русскій языкъ».

Итакъ, не только „судоговореніе“, но и все письменное производство будетъ вестись на иностранныхъ языкахъ! Эту реформу, т. е. возвращеніе вспять къ господству въ судахъ инородческаго нарѣчія, мѣстные адвокаты желаютъ будто-бы исключительно въ интересахъ бѣднаго населенія, не имѣющаго возможности въ достаточной мѣрѣ освоиться съ русскимъ языкомъ. Однако не трудно убѣдиться въ томъ, что въ случаѣ допущенія желаемой ими реформы употребленіе нѣмецкаго языка въ судебныхъ учрежденіяхъ Прибалтійскаго края не ограничится исключительно бѣднымъ необразованнымъ классомъ народонаселенія, а тотчасъ же распространится также и на всѣхъ такъ называемыхъ образованныхъ людей изъ мѣстнаго бюргерскаго (т. е. мѣщанскаго и купеческаго) класса и даже на дворянство.

Большинство мѣстныхъ помѣщиковъ, несмотря на свои петербургскія связи и родство съ русскими аристократическими фамиліями, всетаки очень плохо владѣетъ русскихъ языкомъ, а что касается такъ называемыхъ литератовъ и городскихъ патриціевъ (т. е. мѣщанъ, имѣющихъ экспортныя конторы и консульскіе мундиры), то большинство ихъ говоритъ по русски такъ худо, что едва-ли самый снисходительный филологъ въ состояніи признать, что они «достаточно, знакомы съ русскимъ языкомъ». Всѣ эти лица тотчасъ-же воспользуются разрѣшеніемъ объясняться въ судахъ на нѣмецкомъ языкѣ вмѣсто того, чтобы приложить стараніе къ изученію русскаго языка и такимъ образомъ русскій языкъ вскорѣ будетъ совершенно вытѣсненъ изъ судопроизводства въ мировыхъ учрежденіяхъ. Такая реформа судоговоренія будетъ конечно выгодна только для тѣхъ юристовъ, въ русскихъ рѣчахъ которыхъ встрѣчались фразы въ родѣ того, что „банкъ думала“ и „контора Рязанско-Уральской желѣзной дороги хотѣлъ покупать ржи и пшеницы“, но для общественнаго прогресса замѣна государственнаго языка нѣмецкимъ языкомъ можетъ принести только вредъ.

Въ интересахъ же общегосударственныхъ, и для пользы самого мѣстнаго населенія необходимо какъ можно настоятельнѣе распространять въ Прибалтійскихъ губерніяхъ знаніе русскаго языка. Чѣмъ скорѣе туземцы Прибалтійскаго края взамѣнъ нѣмецкаго языка начнутъ пользоваться русскимъ языкомъ, тѣмъ это будетъ выгоднѣе для нихъ самихъ, потому что для покрытія расходовъ на содержаніе штатныхъ переводчиковъ при мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ несомнѣнно

придется включить въ бюджеты Прибалтійскихъ городовъ и дворянскихъ собраній значительныя суммы.

Казна не можетъ и не должна давать деньги на содержаніе дорогостоющей арміи переводчиковъ, потому что было-бы вопіющей несправедливостью облагать населеніе коренныхъ русскихъ губерній поборами для содержанія переводчиковъ въ Прибалтійскихъ судахъ. Центръ, несущій расходы за то, что окраины не хотятъ или не умѣютъ выучиться русскому государственному языку—явленіе настолько не суразное, что только слѣпцы могутъ мечтать объ обремененіи всей Россіи въ угоду нѣмецкой партіи Прибалтійскихъ губерній. Пора населенію Прибалтійскихъ губерній проникнуться сознаніемъ, что основательное знаніе государственнаго языка не только облегчитъ ему веденіе судебныхъ дѣлъ у себя на родинѣ, но и кромѣ того дастъ ему возможность всегда найти службу и занятія въ другихъ русскихъ губерніяхъ. Образованные латыши и эстонцы не только въ правѣ ожидать радушный пріемъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества, но и надѣяться на открытіе передъ ними обширнаго поля дѣятельности, подъ условіемъ конечно, что они примкнутъ къ господствующей народности и перестанутъ пополнять собою ряды нашихъ доморощенныхъ нѣмцевъ. Къ сожалѣнію, однако, въ настоящее время замѣчается какъ разъ обратное явленіе, и каждый мало-мальски образованный или разбогатѣвшій эстонецъ, или латышъ, стремится непремѣнно „сдѣлаться нѣмцемъ“. Всевозможные Куки, Пуки, Серки, Кирши, Габсеры, поселяясь въ городахъ, подлаживаются подъ вкусы нѣмецкой партіи и, стыдясь своего происхожденія, мѣняютъ даже свои природныя фамиліи на нѣмецкія и, такимъ образомъ, появляются въ русскихъ Прибалтійскихъ губерніяхъ все новыя и новыя нѣмецкія семейства въ родѣ Габермановъ, Киршбергов, Флорельсоновъ, Грюнгаузеновъ и т. п., никогда не имѣвшія ни одной капли нѣмецкой крови. При низкомъ сравнительно уровнѣ развитія большинства населенія очень нетрудно поддерживать до сихъ поръ такое искусственное тяготѣніе къ устарѣвшей нѣмецкой культурѣ. Однако усилія какъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, такъ точно и Юстиціи должны быть направлены къ тому, чтобы не умалять, а напротивъ всячески подчеркивать выдающееся значеніе въ краѣ русскаго языка и русскихъ фамилій. Рекомендуемая же ревельскими присяжными повѣренными реформа судоговоренія клонится какъ разъ къ обратному результату, а поэтому ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть одобренъ проектъ ревельскихъ адвокатовъ «о допущеніи непосредственныхъ объясненій тяжущихся сторонъ съ судьями на мѣстныхъ языкахъ». Также точно разрѣшеніе подавать въ судебныя учрежденія прошенія и жалобы, писанныя на мѣстныхъ языкахъ, было-бы равносильно полному изгнанію русскаго языка изъ письменнаго производства въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ Прибалтійскаго края, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что наши доморощенные нѣмцы не упустятъ случая блеснуть своими познаніями въ нѣмецкомъ языкѣ и завалятъ суды бумагами на языкѣ, который русскому судьѣ не напоминаетъ ничего родного. Положеніе судьи на окраинахъ нашего обширнаго отечества и безъ того нелегкое и нѣтъ никакихъ разумныхъ причинъ еще болѣе отягчать его, заставляя русскихъ судей принимать прошенія и бумаги, написанныя на чужестранномъ языкѣ.

Но если эта часть проекта заслуживаетъ порицанія, то другая его часть вызываетъ уже прямо справедливое негодованіе каждаго безпристрастнаго судьи. Высказываютъ пожеланіе, чтобы мировымъ судьямъ было разрѣшено присоединять полагающееся переводчику жалованіе въ размѣрѣ 1200 рублей къ своему собственному содержанію подъ условіемъ, что взамѣнъ этого вознагражденія судья обязывается допрашивать участвующихъ въ дѣлѣ лицъ „на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ"! Итакъ, тѣ судьи, которые согласились-бы замѣнить въ своемъ судопроизводствѣ русскій языкъ нѣмецкимъ, получатъ награду въ тысячу двѣсти рублей въ годъ! Это ли не хитро придумано?

Привилегированное положеніе среди судей въ Прибалтійскомъ краѣ займутъ не тѣ, которые съ полнымъ рвеніемъ къ справедливости будутъ по прежнему поддерживать достоинство русскаго суда среди инородческаго населенія, а тѣ, которые за тысячу двѣсти рублей отрекутся отъ своей національности и въ угоду горсти Прибалтійскихъ мѣщанъ и дворянъ промѣняютъ свободный и правдивый русскій языкъ на чужія нарѣчія.

Къ счастью однако среди русскихъ судей никогда не найдется такихъ, которые одобрили бы это унизительное для достоинства русскаго суда предложеніе. Чѣмъ соблазнять судей перспективою денежныхъ наградъ за то, что они выучатся мѣстнымъ языкамъ, не лучше ли самимъ составителямъ этого проекта серьезно приняться за изученіе русскаго языка?

Если-бы Прибалтійскіе юристы вмѣсто того, чтобы рекомендовать судьямъ „взять на себя трудъ полнаго усвоенія мѣстныхъ языковъ". сами «взяли бы на себя трудъ полнаго усвоенія русскаго языка», то не только собственное матеріальное благосостояніе ихъ отъ этого нисколько не пострадало бы, но и самолюбіе ихъ было бы избавлено отъ тѣхъ вполнѣ заслуженныхъ уколовъ, которые они неминуемо должны были-бы испытывать каждый разъ въ судебной палатѣ и въ Сенатѣ при произнесеніи своихъ рѣчей на русскомъ языкѣ, если бы судьи изъ деликатности, врожденной русскому человѣку, не относились-бы снисходительно къ ихъ косноязычному и безграмотному лепету. Вмѣсто дѣйствительныхъ лекарствъ, вмѣсто введенія всеобщаго обязательнаго обученія русскаго языка, вмѣсто улучшенія состава переводчиковъ и ограниченія иностранныхъ нарѣчій рекомендуютъ ради узко партійныхъ цѣлей расширить какъ употребленіе мѣстныхъ языковъ, такъ и вліяніе мѣстныхъ элементовъ на отправленіе правосудія. Для этого стараются добиться назначенія какъ можно большаго числа почетныхъ мировыхъ судей изъ среды мѣстныхъ помѣщиковъ и изъ нихъ же предполагаютъ образовывать комиссіи для экзаменованія переводчиковъ. При этомъ однако, забываютъ, что для того, чтобы съ успѣхомъ экзаменовать другихъ въ познаніяхъ по языкамъ, надо прежде всего въ совершенствѣ владѣть государственнымъ языкомъ. А тотъ, кто освоился съ Прибалтійскимъ краемъ и постигъ истинное значеніе балтійской культуры, не можетъ не видѣть, что вся она основана на самовосхваленіи и самомнѣніи, доходящихъ положительно до невѣроятныхъ предѣловъ. Весь остальной міръ для балтовъ существуетъ только постольку, поскольку онъ можетъ быть выгоденъ или опасенъ для ихъ муравейника. Дальше своего порога и своихъ мѣстныхъ обычаевъ они ничего не видятъ; не

справляются ни съ общимъ ходомъ русской исторіи, ни съ потребностями времени. Отсутствіе широты мысли—отличительная черта балтійской культуры. Она не знаетъ никакихъ иныхъ знаменитостей, кромѣ своихъ маленькихъ доморощенныхъ знаменитостей; она восторгается только тѣми художниками, писателями и артистами, которые родились на Прибалтійской почвѣ. При такой односторонности и пристрастности нѣмецко-балтійская интеллигенція подвержена болѣе, чѣмъ какая бы то ни было другая интеллигенція въ мірѣ возможности, часто впадать въ ошибки и преувеличенія. А поэтому судьи—русскіе, назначенные отъ правительства, оказываются болѣе вѣрною гарантіею безпристрастія и правосудія въ Прибалтійскомъ краѣ, чѣмъ нѣмецкіе интеллигенты, несмотря даже на то, что у первыхъ не достаетъ знанія мѣстныхъ языковъ!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ каждый проситель, являясь въ новыя судебныя присутственныя мѣста, старался припомнить всѣ свои познанія въ русскомъ языкѣ, опасаясь, что обращеніе на нѣмецкомъ языкѣ можетъ вредно отозваться на судьбѣ его ходатайствъ. Но съ теченіемъ времени, убѣдившись въ безграничномъ безпристрастіи русскихъ судовъ, нѣмецкая партія сообразила, что при помощи „новыхъ судовъ“ можно легко отстаивать „старые нормы и обычаи“, поскольку они не отмѣнены прямыми указаніями въ законѣ. И вотъ начался цѣлый рядъ вздорныхъ судебныхъ процессовъ „о корпоративныхъ шапочкахъ“, «о статуѣ бога Рейна», «о необязательности для балтійскихъ домовладѣльцевъ украшать флагами свои дома въ дни русскихъ торжественныхъ праздниковъ» и т. п. Подкладка „балтійскихъ шапочекъ“ сквозитъ изъ подъ прикрывающихъ ихъ чехловъ, подобно тому какъ въ проектѣ «реформы судоговоренія», несмотря на громкія фразы о пользѣ безграмотныхъ классовъ, проглядываетъ стремленіе такъ называемаго образованнаго класса замѣнить русскій языкъ нѣмецкимъ.

Надо надѣяться, что на этотъ разъ чехлы на шапочкахъ никого не будутъ въ состояніи ввести въ заблужденіе и проектъ реформы „судоговоренія на мѣстныхъ языкахъ“ подвергнется участи, которую онъ заслуживаетъ. Фанатизмъ можетъ устоять противъ всякой очевидности и принужденій, но балтійскіе нѣмцы далеко не фанатики. Они готовы отыскивать всякія извиненія для тѣхъ недостатковъ и пороковъ, которые имъ лично полезны или пріятны, и наоборотъ безпощадно нападаютъ, на всѣхъ, кто перечитъ и досаждаетъ ихъ вожделѣніямъ. Но за то они-же очень чувствительны къ проявленію сильной власти и никогда не рискнутъ сопротивляться тамъ, гдѣ ихъ «могутъ принудить» къ повиновенію. Отлично освѣдомленные о всемъ, что говорится и предполагается въ Петербургѣ, главари балтійской партіи ловко умѣютъ пользоваться слабостями и уступками со стороны русскихъ чиновниковъ, и отъ времени до времени дѣлаютъ отчаянныя попытки, чтобы остановить движеніе прогресса и вернуться къ дореформеннымъ порядкамъ. Отличительная черта ихъ опозиціи это неспособность приносить матеріальныя жертвы въ пользу отвлеченной идеи. Всѣ ихъ вожделѣнія направлены на блага міра сего. Богатство, первенство, титулы, патронатъ надъ низшими классами съ безчисленными іерархическими подраздѣленіями въ родѣ индійскихъ кастъ-вотъ цѣль ихъ стремленій. Если принять во вниманіе эти есте-

ственные недостатки балтійцевъ, то придется признать, что тѣ русскіе дѣятели, которые стоятъ за уступки балтійскому самомнѣнію, заслуживаютъ большаго порицанія за вредъ, причиняемый ихъ дряблостью, чѣмъ даже сами балтійцы, отстаивающіе свои отжившія привилегіи и вкоренившіяся злоупотребленія.

Лозунгомъ предстоящей реформы поэтому должно быть установленіе предѣльнаго срока не болѣе десятилѣтняго, по истеченіи котораго все населенія Балтійскихъ губерній обязано вполнѣ усвоить русскій языкъ.

До наступленія этого преклюзивнаго времени необходимо учредить при каждомъ мировомъ судьѣ особаго штатнаго переводчика съ жалованіемъ не менѣе тысячи рублей въ годъ. Содержаніе переводчиковъ должно быть покрываемо особымъ добавочнымъ сборомъ, накладываемымъ на городскія и дворянскія имущества въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и ни въ какомъ случаѣ не должно ложиться бременемъ на остальное народонаселеніе Россіи, нисколько неповинное въ томъ что жители Прибалтійскаго края слишкомъ лѣниво усваиваютъ государственный языкъ. Назначать переводчиковъ надо непремѣнно изъ лицъ, окончившихъ городское училище или учительскую семинарію. Окончившія же мѣстныя гимназіи въ переводчики не годятся, такъ какъ почти безъ исключенія всѣ такія лица въ Прибалтійскомъ краѣ страдаютъ маніей «быстро онѣмечиваться» и при этомъ, изучая нѣмецкій языкъ, нисколько не совершенствуются въ своихъ познаніяхъ по русскому языку, который у всѣхъ у нихъ отчаянно хромаетъ.

Самый подходящій возрастъ для переводчиковъ отъ 17 до 25 лѣтъ; лица же старшія уже не въ состояніи отправлять съ такимъ успѣхомъ обязанности переводчиковъ, такъ какъ для этого прежде всего требуются крѣпкіе нервы, терпѣніе и юношеское здоровье. Переводчики должны быть не пьющіе. А въ случаѣ, если будетъ замѣчено противное, то провинившійся переводчикъ долженъ быть немедленно увольняемъ со службы. Назначенію переводчиковъ на вакантную должность долженъ предшествовать экзаменъ ихъ въ особой комиссіи, состоящей изъ предсѣдателя мирового съѣзда, того участковаго мирового судьи, къ которому въ участокъ желаетъ опредѣлиться экзаменуемый, прокурора окружнаго суда, одного почетнаго мирового судьи и одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ, назначаемыхъ по очереди. Такая смѣшанная комиссія дастъ возможность основательнѣе и всестороннѣе ознакомиться со способностями будущаго переводчика, чѣмъ экзаменъ, учиняемый предсѣдателемъ съѣзда совмѣстно только съ почетными судьями.

Непосредственное объясненіе судьи со сторонами и со свидѣтелями „на мѣстныхъ языкахъ“ ни въ какомъ случаѣ не должно быть терпимо, такъ какъ употребленіе иного языка, кромѣ русскаго, въ судопроизводствѣ исказило бы совершенно значеніе судебныхъ уставовъ Императора Александра II.

Предлагать же судьямъ принять на себя трудъ усвоенія мѣстныхъ языковъ взамѣнъ денежнаго вознагражденія, полагающагося переводчикамъ,—прямо неприлично! Чѣмъ соблазнять судей перспективой денежныхъ наградъ за то, что они изучатъ мѣстные языки,—не лучше ли самимъ составителямъ проекта «взять на себя трудъ полнаго усвоенія

русскаго языка», такъ какъ многіе изъ нихъ далеко не въ достаточной мѣрѣ знакомы съ послѣднимъ *).

«Юридическая газета» 9-го ноября 1900 г. № 78.

Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ и его отдѣленія.

До сихъ поръ разнородные по духу, по воспитанію и по своимъ національнымъ стремленіямъ присяжные повѣренные округа петербургской судебной палаты объединялись однимъ общимъ для всѣхъ нихъ совѣтомъ. Въ этотъ совѣтъ избирались самые достойные представители столичной адвокатуры. Ихъ выдающіяся дарованія, долголѣтняя опытность, самостоятельность убѣжденій, а главное полная незаинтересованность въ спорахъ провинціальныхъ адвокатовъ, служили надежнымъ залогомъ вполнѣ объективнаго разрѣшенія столкновеній, которыя всегда гораздо сильнѣе даютъ себя чувствовать въ маленькихъ провинціальныхъ обществахъ, чѣмъ въ большихъ центрахъ. Но по статьѣ 19-го проекта объ адвокатурѣ с.-петербургскій совѣтъ отнынѣ будетъ рѣшать только свои домашнія дѣла, возникающія среди присяжныхъ повѣренныхъ, живущихъ въ столицѣ. А вдали отъ Петербурга въ каждомъ городкѣ, гдѣ только окажется не менѣе десяти присяжныхъ повѣренныхъ, возникнутъ особые маленькіе совѣты. Каждый такой совѣтъ станетъ вырабатывать свои собственныя правила адвокатской этики и неизбѣжно внесетъ въ частную жизнь провинціальныхъ адвокатовъ зловредныя интриги изъ за первенства. Нигдѣ пристрастность не достигаетъ такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ тамъ, гдѣ изъ очень маленькаго кружка лицъ приходится сдѣлать рѣшительный выборъ. Появленіе отдѣльныхъ совѣтовъ въ незначительныхъ русскихъ городахъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ способствовать единенію присяжной адвокатуры въ одну семью съ общими традиціями, съ прочными нравственными устоями. Въ отношеніи же Прибалтійскаго края примѣненіе статьи девятнадцатой проекта объ адвокатурѣ создаетъ такія прискорбныя послѣдствія, о которыхъ люди, непосвященные во всѣ подробности прибалтійскихъ правовъ не могутъ составить себѣ даже приблизительно вѣрнаго понятія. Отличительная черта прибалтійскихъ «нѣмецкихъ корпорацій» это полное

---

*) *Примѣчаніе:* Статья эта вызвала цѣлую бурю въ прибалтійскомъ краѣ. Вся нѣмецкая и даже часть эстонской печати обрушилась на автора этой статьи, а мѣстные присяжные повѣренные возбудили противъ П. О. Булацеля въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ дѣло объ оскорбленіи сословія прибалтійскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и требовали, что бы совѣтъ исключилъ за эту статью прис. повѣреннаго П. О. Булацеля изъ сословія адвокатовъ. Много огорченій и непріятностей причинила эта статья ея автору, но въ концѣ-концовъ онъ всетаки вышелъ побѣдителемъ изъ этого столкновенія съ нѣмецкими юристами; покинувъ Ревель прис. пов. П. О. Булацель въ 1901 году переѣхалъ въ Петербургъ и ему не пришлось раскаиваться въ томъ, что онъ промѣнялъ Ревель на столицу Россіи...

неумѣніе въ одинаковой мѣрѣ безпристрастно относиться къ своимъ и къ чужимъ, т. е. къ людямъ не принадлежащимъ къ ихъ кружку. Тамъ, гдѣ интересы этихъ двухъ лагерей сталкиваются, громадное большинство «нѣмецкихъ» интеллигентныхъ людей не можетъ сдѣлать свободнаго выбора. Ихъ дѣйствія, воля, умъ и даже убѣжденія порабощены гнетомъ корпораціи, къ которой они принадлежатъ. Освободиться отъ этого гнета нѣтъ возможности, потому что свободнаго выхода изъ корпорацій не существуетъ, а слѣдовательно остается одно изъ двухъ: или служить слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ заправилъ корпораціи, или подвергнуться позорному изгнанію.

Съ образованіемъ отдѣленій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ въ Ригѣ, Ревелѣ, Юрьевѣ, Либавѣ и Митавѣ не замедлятъ къ существующимъ уже корпораціямъ дворянъ, студентовъ и т. д. прибавиться еще корпораціи адвокатовъ. Правда и въ настоящее время нѣмецкіе адвокаты въ Ревелѣ и Ригѣ составляютъ въ дѣйствительности отдѣльные сплоченные кружки. Но такъ какъ оффиціальнаго значенія ихъ собранія никакого не имѣютъ, то и всѣ ихъ постановленія и пожеланія до сихъ поръ не играли никакой роли при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ, возникшихъ въ жизни адвокатскаго сословія. Со времени введенія въ Прибалтійскомъ краѣ судебной реформы с.-петербургскій совѣтъ былъ постоянно наводняемъ не только жалобами тяжущихся на дѣйствія и упущенія мѣстныхъ балтійскихъ адвокатовъ но и нерѣдко вынужденъ былъ разбирать столкновенія, происходящія между самими присяжными повѣренными. При этомъ нельзя не отмѣтить, что большинство подобныхъ столкновеній возникло совсѣмъ не изъ конкуренціи, которая вообще въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, съумѣвшихъ выхлопотать себѣ въ этомъ отношеніи гарантію въ видѣ недопущенія въ мѣстную адвокатуру евреевъ, не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ остальныхъ губерніяхъ, гдѣ въ присяжную адвокатуру имѣютъ доступъ лица всевозможныхъ національностей. Прибалтійская городская интеллигенція, раболѣпствуя предъ балтійскимъ рыцарствомъ, въ тоже самое время враждебно относится къ тѣмъ дѣятелямъ, которые, происходя изъ знатныхъ русскихъ дворянскихъ родовъ, считаютъ совершенно лишнимъ подлаживаться подъ отсталые мѣщанско-нѣмецкіе вкусы. Эта непослѣдовательность балтійской городской интеллигенціи слишкомъ самостоятельной въ отношеніи русскихъ чиновниковъ и слишкомъ зависимой отъ мѣстнаго дворянства, очень рѣзко проявляется даже въ отношеніяхъ городскихъ думъ къ администраціи и городскимъ обывателямъ. Русскихъ общественныхъ дѣятелей въ Прибалтійскомъ краѣ еще мало, а по какому пути пойдутъ мѣстные совѣты подъ руководствомъ нѣмецкихъ адвокатовъ не трудно предвидѣть! Нѣмцы приплетаютъ политику даже при обсужденіи вопросовъ о замощеніи мостовыхъ. Поэтому въ интересахъ общегосударственныхъ и для пользы всего населенія слѣдуетъ добавить статью девятнадцатую проекта объ адвокатурѣ примѣчаніемъ, что въ губерніяхъ Прибалтійскихъ образованіе отдѣленій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ ни въ какомъ случаѣ не допускается. Такое ограниченіе, необходимо въ особенности въ виду послѣднихъ событій наглядно доказавшихъ, что можно ожидать отъ приверженцевъ нѣмецкаго языка въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Вѣдь не задумались же шестнадцать балтійскихъ присяжныхъ повѣренныхъ подписать проектъ реформы судоговоренія, въ которомъ высказывается настоятельное пожеланіе, чтобы было разрѣшено тяжущимся подавать мировымъ судьямъ и въ мировые съѣзды прошенія и бумаги не на русскомъ, а на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ. Вѣдь рѣшились же тѣ-же присяжные повѣренные рекомендовать назначеніе денежной награды тѣмъ русскимъ судьямъ, которые вполнѣ ознакомятся «съ мѣстными нарѣчіями» и будутъ объясняться съ тяжущимися и со свидѣтелями непосредственно на мѣстномъ языкѣ, т. е. попросту замѣнятъ въ судопроизводствѣ русскій языкъ нѣмецкимъ. Вѣдь были же въ практикѣ прибалтійскихъ судовъ такіе случаи, какъ выдача однимъ баронемъ судебной довѣренности «подметальщицѣ своего дома». Вѣдь не для кого не было тайною, что тѣ юридическія познанія, съ которыми эстонская баба явилась въ судъ для защиты барона не были непосредственно усвоены ею въ деревенской глуши. Жалкій попугай въ юбкѣ—старательно подготовлялся къ своей миссіи однимъ изъ мѣстныхъ юристовъ, который нѣсколько часовъ, а быть можетъ даже нѣсколько дней, трудился надъ нелегкою задачею заставить безтолковую бабу заучить наизустъ изготовленную имъ защитительную рѣчь. Этотъ случай, свидѣтельствующій о крайней мелочности балтійскихъ нѣмцевъ, походилъ бы на смѣшной анекдотъ, еслибы къ сожалѣнію подъ смѣшнымъ его покровомъ не таилось бы очень прискорбное неуваженіе къ суду. Мелочность нѣмецкой партіи не слѣдуетъ упускать изъ виду; также точно нельзя забывать объ односторонности и пристрастности той части балтійской интеллигенціи, которая всѣ свои матеріальныя выгоды и даже нравственныя заслуги до сихъ поръ еще полагаетъ лишь въ томъ, чтобы сохранить свою нѣмецкую окраску. Пока это тяготѣніе къ нѣмецкой культурѣ еще искусственно разжигается и поддерживается мѣстными интеллигентами, до тѣхъ поръ образованіе особыхъ прибалтійскихъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущено; тѣмъ болѣе, что и никакихъ серьезныхъ соображеній практическаго свойства въ пользу проекта учрежденія маленькихъ адвокатскихъ совѣтовъ привести невозможно. Вѣдь единственное неудобство, на которое обыкновенно указываютъ сторонники учрежденія отдѣленій совѣта, это отдаленность нашихъ провинціальныхъ городовъ отъ центровъ, гдѣ помѣщаются судебныя палаты. Но по отношенію къ Прибалтійскому краю и это соображеніе отпадаетъ, такъ какъ самые отдаленные города этого края отстоятъ отъ С.-Петербурга всего въ разстояніи двадцати или пятнадцати часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. Каждый присяжный повѣренный предпочтетъ лучше проѣхать лишнія триста верстъ въ С.-Петербургъ, чѣмъ подвергаться риску быть у себя въ Ригѣ или Ревелѣ причисленнымъ къ разряду такихъ лицъ, по отношенію къ которымъ мѣстный совѣтъ не съумѣетъ быть безпристрастнымъ. Тѣ опасенія, которыя тридцать лѣтъ тому назадъ заставили правительство отказаться отъ намѣренія учредить въ г. Ригѣ особую судебную палату для Прибалтійскихъ губерній, не только оправдались, но даже превзошли всѣ ожиданія самыхъ предубѣжденныхъ противниковъ балтійской обособленности. Въ послѣдніе два, три года надежды нѣмецко-балтійской партіи опять вдругъ окрылились. На

чемъ онѣ основаны покажетъ будущее, но для того, чтобы онѣ изъ области мечтаній не превратились бы въ дѣйствительность необходимо избѣгать какихъ бы то не было колебаній и уступокъ, а никакъ не разгонять горсточку русскихъ людей, для которыхъ образованіе рижскаго совѣта явится настоящимъ несчастіемъ.

«Юридическая газета» 29-го Апрѣля 1901 г. № 31.

Фабриканты и ихъ сосѣди.

Не для кого не тайна, что фабрики и заводы очень часто представляютъ прямую опасность для жизни и здоровья людей, вынужденныхъ жить по сосѣдству съ ними. И, несмотря на это, въ любомъ промышленномъ центрѣ тысячи людей ютятся вблизи фабрикъ и заводовъ, наполняющихъ зловоньями, дымомъ и копотью окрестный воздухъ, портящихъ проточную воду, заражающихъ источники для питья, докучающихъ сосѣдямъ гуломъ, шумомъ и свистомъ. Большинство такихъ ранниковъ промышленности сами избрали себѣ столь неудобное мѣстожительство подъ гнетомъ нужды, заставляющей рабочій людъ ютиться и въ сырыхъ подвалахъ, и душныхъ чердакахъ. Но кромѣ бѣднаго рабочаго класса нерѣдко приходится страдать отъ сосѣдства заводовъ также и людямъ зажиточнымъ, благодаря тому, что въ нашемъ законодательствѣ почти совсѣмъ не разработанъ вопросъ о правѣ сосѣдей протестовать противъ устройства опасныхъ и стѣснительныхъ заведеній. Какъ бы сильно не было заинтересовано государственное хозяйство въ поощреніи заводской и фабричной промышленности, тѣмъ не менѣе общее благо человѣчества требуетъ, чтобы жизнь большинства людей не подвергалась бы опасностямъ и безпокойствамъ, чтобы частныя лица не терпѣли слишкомъ много отъ вреднаго сосѣдства фабрикъ и заводовъ. Разбиравшееся 23 Марта 1991 г. въ екатеринославскомъ окружномъ судѣ дѣло по иску предъявленному мною отъ имени помѣщицы Славяносербскаго уѣзда, генеральши Фромандіеръ къ Франко-русскому обществу химическихъ продуктовъ о закрытіи Штеровскаго динамитнаго завода представляетъ въ этомъ отношеніи весьма много поучительнаго. Госпожа Фромандіеръ продала Франко-русскому обществу небольшой участокъ земли своего имѣнія въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи. На этомъ участкѣ Франко-русское общество выстроило химическій заводъ для выдѣлки динамита, но такъ какъ въ силу Высочайше утвержденныхъ правилъ о частныхъ пороховыхъ заводахъ, распубликованныхъ въ № 59 Собраній узаконеній и распоряженій правительства за 1879 г. пороховые и динамитные заводы не должны находиться ближе полуторы версты отъ городской черты или отъ какихъ либо селеній и вообще строеній, то Франко-русское общество заключило съ г-жей Фромандіеръ на три года арендный договоръ, по которому г-жа Фромандіеръ обязалась подъ страхомъ неустойки въ 10,000 руб. не возводить на своей землѣ никакихъ строеній въ разстояніи ближе 750 саженей во всѣ стороны отъ динамитнаго завода. За такое ограниченіе ея

владѣльческихъ правъ Франко-русское общество обязалось платить ей въ теченіе трехъ лѣтъ ежегодную аренду по 1500 руб., съ тѣмъ что по истеченіи трехъ лѣтъ этотъ договоръ будетъ возобновленъ на 33 г., а сторона, которая откажется отъ возобновленія договора, обязана уплатить другой сторонѣ неустойку въ пятьдесятъ тысячъ рублей. По истеченіи трехъ лѣтъ г-жа Фромандіеръ не пожелала возобновить арендаго договора. И причины, побудившія ея къ такому отказу нельзя не признать съ житейской точки зрѣнія вполнѣ основательными. Во первыхъ въ имѣніи ея лучшіе пласты полуантрацита расположены очень близко отъ динамитнаго завода и для разработки и добыванія угля понадобилось возвести строенія и шахты на разстояніи ближе 750 саженей отъ динамитнаго завода; во вторыхъ, сосѣдство динамитнаго завода оказалось чрезвычайно стѣснительнымъ для помѣщичьей усадьбы, расположенной всего въ двухъ верстахъ отъ этого завода. Не говоря уже о постоянной угрозѣ взрывомъ динамита, заводъ до такой степени заражаетъ зловоньями воздухъ, что въ лѣтніе теплые южные вечера невозможно выходить на балконъ или въ садъ и приходится сидѣть въ душныхъ комнатахъ, такъ какъ невыносимый запахъ сѣрнистаго водорода и другихъ ѣдкихъ кислотъ немедленно врывается въ комнаты, какъ только открыть двери или окна. Не возобновивъ договора по истеченіи трехъ лѣтъ, помѣщица обратилась къ губернской администраціи съ просьбою прекратить работы на динамитномъ заводѣ, но въ отвѣтъ на это получила извѣщеніе, что динамитный заводъ выстроенъ съ надлежащаго разрѣшенія властей и потому можетъ быть закрытъ только по постановленію судебныхъ мѣстъ, куда ей надлежитъ обратиться съ своими требованіями о прекращеніи на онъмъ работъ. Такимъ образомъ возникъ чрезвычайно интересный процессъ. Изъ буквальнаго текста статьи 6-ой (Собраніе узаконеній и расп. 1879 г. № 49) видно, что соблюденіе разстоянія въ 750 саженей отъ строеній есть непремѣнное условіе для существованія пороховыхъ и динамитныхъ заводовъ и арендный контрактъ, обезпечивающій сохраненіе этого разстоянія, есть conditio sine qua non. Но какъ поступить въ томъ случаѣ, когда сосѣдній съ заводомъ владѣлецъ не пожелаетъ стѣснять права на свою недвижимую собственность и захочетъ возводить на ней дома, строенія, рудники, шахты и проч. въ разстояніи ближе 750 саженей отъ динамитнаго завода? Ясно, что кто либо долженъ поступиться своими правами, такъ какъ одновременное существованіе динамитнаго завода по сосѣдству съ другими постройками недопустимо. Итакъ, или заводъ долженъ прекратить свое существованіе или сосѣдямъ должно быть воспрещено возводить зданія. Но вѣдь по общему правилу собственникъ недвижимости въ предѣлахъ своего имѣнія, можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, не принимая во вниманіе интересы сосѣдей. Отъ его воли зависитъ превращать свои поля въ каменоломни, устраивать на своей землѣ шахты, колодцы, возводить дома, конюшни, хлѣвы и прочія строенія. И вдругъ собственнику имѣнія говорятъ: «по сосѣдству отъ васъ устроенъ динамитный или пороховой заводъ, а поэтому на протяженіи полуторы версты во всѣ стороны отъ этого завода вы стѣснены въ вашемъ правѣ распоряжаться вашею собственною землею».

Пока существуетъ заводъ, до тѣхъ поръ право собственности сосѣдей представляется въ значительной степени ограниченнымъ, а между

тѣмъ сосѣди несомнѣнно въ правѣ не только отыскивать убытки за причиненное ихъ недвижимому имуществу стѣсненіе, но и прежде всего домогаться, чтобы это стѣсненіе на будущее время прекратилось.

Прямымъ послѣдствіемъ такого вывода является искъ о закрытіи опаснаго и стѣснительнаго завода. Такъ и поступила госпожа Фромандіеръ а я, какъ ея повѣренный, предъявилъ сперва въ С.-Петербургскомъ, а затѣмъ вслѣдствіе заявленнаго отвода о неподсудности этого дѣла с.-петербургскому суду—въ екатеринославскомъ окружномъ судѣ искъ о закрытіи динамитнаго завода Франко-русскаго общества.

Послѣднее отвѣчало на этотъ искъ предъявленіемъ встрѣчнаго иска къ госпожѣ Фромандіеръ въ семьсотъ пятьдесятъ тысячъ (750,000) руб. за убытки, которые могутъ произойти для общества отъ закрытія завода. Однако самое право на предъявленіе такого встрѣчнаго иска представлялось весьма сомнительнымъ. Вѣдь, если требованіе закрытія завода основывается не на капризѣ и произволѣ сосѣдей, а на ихъ законномъ правѣ ограждать свою жизнь, здоровье и имущественные интересы отъ чрезвычайнаго вреда, которымъ угрожаетъ имъ сосѣдній заводъ, то само собою разумѣется, что судъ, признавая требованіе ихъ о закрытіи завода подлежащимъ удовлетворенію, не можетъ уже присуждать сосѣдей къ уплатѣ убытковъ, причиняемыхъ закрытіемъ завода. Такой взглядъ вполнѣ подтверждается изслѣдованіями въ области римскаго права. Такъ, задолго до появленія преторскихъ эдиктовъ, римское право уже знало особый способъ защиты правъ сосѣдей посредствомъ простыхъ цивильныхъ исковъ. Примѣры такихъ исковъ приведены въ дигестахъ и изъ нихъ видно, что въ то отдаленное время когда человѣчество еще не знало паровыхъ машинъ и не умѣло пользоваться электрическою силою, когда еще не существовало пороховыхъ, динамитныхъ и нефтяныхъ заводовъ, когда люди еще въ городахъ и деревняхъ не задыхались отъ дыма и копоти, выдѣляемыхъ огромными фабриками, предусмотрительные римляне хорошо уже однако понимали, что никакой собственникъ земли, пользуясь своею землею, не въ правѣ угрожать жизни и здоровью сосѣдей. Эту истину, попираемую нынѣ на каждомъ шагу современными чудовищами, носящими названіе фабрикъ и заводовъ, римскіе юристы изложили въ видѣ примѣра въ L. 8 § 7 Digest VIII, 5 „если кто либо на своей землѣ устроитъ баню и проведетъ трубы къ границѣ сосѣдняго имѣнія и станетъ паромъ стѣснять сосѣдей, то противъ него можно вчинить искъ объ уничтоженіи бани“.

Чтобы сказали въ своемъ „corpus juris civilis“ римскіе юристы, если-бы на ихъ глазахъ вмѣсто маленькой бани, ошпарившей сосѣда, стали бы какъ грибы выростать всевозможные акціонерные заводы, благодаря которымъ цѣлые деревни и города подвергаются опасности сгорѣть до тла, или взлетѣть на воздухъ. Ужасающія катастрофы, имѣвшія мѣсто въ послѣднее время, должны бы были убѣдить и современныхъ европейскихъ юристовъ, въ необходимости создать болѣе строгую систему сосѣдскихъ правъ, въ силу которыхъ каждый владѣлецъ недвижимой собственности въ городѣ или въ деревнѣ могъ-бы судебнымъ искомъ домогаться огражденія своихъ насущныхъ интересовъ отъ гибельнаго сосѣдства заводовъ и фабрикъ. Цѣль и содер-

жаніе такихъ исковъ сводится не къ разрушенію фабричныхъ зданій, а къ требованію прекратить нанесеніе вреда собственнику сосѣдней недвижимости. Гражданскій процессъ вовсе не исчерпывается только вознагражденіемъ за причиненный уже вредъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть именно направленъ на то, чтобы прекратить дальнѣйшее нанесеніе вреда. А эта послѣдняя цѣль можетъ быть достигнута только предъявленіемъ въ гражданскомъ судѣ иска о закрытіи завода, дѣятельность котораго слишкомъ существенно нарушаетъ право собственности сосѣдняго владѣльца. Что такіе иски вполнѣ соотвѣтствуютъ общему духу нашего гражданскаго права, это видно изъ того, что въ уложеніи 1649 года Царя Алексѣя Михайловича, въ интересахъ предупрежденія пожаровъ, запрещалось пристраивать печи или поварню къ стѣнѣ сосѣда и въ случаѣ нарушенія этого правила и подачи сосѣдомъ иска полагалось (статья 278, глава X-ая) «ту печь и поварню отъ стѣны сосѣда отломать, чтобы сосѣду отъ той печи и поварни никакого дурна не учинилось бы».

Положеніе, высказанное въ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, перешло и въ наше дѣйствующее гражданское право, а именно въ ст. 445 ч. I т. X св. зак. Росс. Имп. говорится, что хозяинъ дома можетъ требовать, чтобы сосѣдъ не пристраивалъ поварни и печи къ стѣнѣ его дома, не дѣлалъ бы ската кровли своей на его дворъ и не устраивалъ бы оконъ и дверей въ пограничномъ брандмауерѣ.

Прямымъ послѣдствіемъ правилъ, выраженныхъ въ статьѣ 445 ч. I т. X св. зак., въ случаѣ нарушенія ихъ является право сосѣда не только требовать вознагражденіе за убытки, но и такъ же домогаться судебнымъ порядкомъ уничтоженія поварни и печи, закрытія оконъ и дверей, измѣненія ската крыши... Еще опредѣленнѣе выражено право сосѣдей протестовать противъ несоблюденія строительныхъ мѣръ предосторожности въ положеніи о крестьянахъ. Крестьянамъ воспрещается безъ согласія владѣльцевъ имѣнія возводить новыя жатьбы ближе 50 саженей, а овины, кузницы и другія огнемъ дѣйствующія заведенія, ближе 100 саженей отъ помѣщичьихъ строеній. Въ случаѣ неисполненія этого предписанія помѣщикъ можетъ требовать судомъ перенесенія крестьянской усадьбы на болѣе отдаленное мѣсто. Итакъ, изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, что нашему дѣйствующему законодательству вовсе не чуждо стремленіе охранять имущество сосѣда отъ возможнаго поврежденія огнемъ. Но только теперь, конечно, уже не достаточны мѣры, обезпечивающія собственника отъ слишкомъ близкаго сосѣдства какой-нибудь поварни или кузницы. Опасность пострадать отъ сосѣдней печи, пристроенной къ моему дому, конечно, въ тысячу разъ для меня менѣе ощутительна, чѣмъ опасность взлетѣть на воздухъ, вслѣдствіе взрыва динамитнаго или пироксилиноваго завода, выстроеннаго въ двухъ верстахъ отъ моего имѣнія. А между тѣмъ законъ, давая мнѣ право протестовать противъ устройства печи около моей стѣны, не дастъ мнѣ права протестовать противъ устройства динамитнаго завода, если таковой возводится въ разстояніи немного далѣе 750 саженей отъ границы моихъ недвижимостей. Ужасающій взрывъ въ Январѣ 1900 года динамитнаго завода Бишу въ Авильянѣ въ Италіи, когда разрушительная сила динамита выразилась въ уничтоженіи почти на десять верстъ въ окружности

всѣхъ смежныхъ съ заводомъ Бишу деревень, долженъ послужить строгимъ предостереженіемъ противъ сокращенія разстоянія въ 750 саженей, опредѣленнаго въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ 1879 г. о пороховыхъ заводахъ. Задача фабричнаго законодательства должна заключаться въ предотвращеніи, а никакъ въ способствованіи повторенію такихъ чудовищныхъ катастрофъ, какія произошли въ самое послѣднее время на нефтяныхъ кавказскихъ заводахъ въ Баку, на германскихъ химическихъ фабрикахъ въ Гризгеймѣ и на итальянскихъ динамитныхъ заводахъ Бишу въ Авельянѣ. Тысячи изувѣченныхъ и погибшихъ въ пламени людей, десятки тысячъ, потерявшихъ все свое имущество, стоны и проклятія по адресу промышленныхъ заведеній и безсердечныхъ слѣпыхъ машинъ, ежегодно убивающихъ въ Европѣ больше народу, чѣмъ самыя убійственныя войны, все это громко взываетъ къ человѣческой справедливости и ясно указываетъ на необходимость предоставить частнымъ лицамъ болѣе широкія права для борьбы съ злоупотребленіями фабрикантовъ и заводчиковъ. Необходимо распространить на всю Россію благодѣтельныя правила, заключающіяся въ 994 и 987 ст. ч. III св. м. уз. губерній Прибалтійскихъ. Среди множества отжившихъ нормъ и безполезныхъ ограниченій частной дѣятельности въ гражданскомъ правѣ Прибалтійскихъ губерній статьи 994 и 987 являются свѣтлыми точками, на которыхъ съ отрадою могутъ остановить свое вниманіе всѣ тѣ, для кого жизнь и здоровье городского населенія представляютъ больше цѣнности, чѣмъ матеріальные успѣхи заводской и фабричной промышленности.

По статьѣ 994 всякое промышленное заведеніе, докучающее сосѣдямъ шумомъ, непомѣрнымъ отдѣленіемъ дыма, или угрожающее опасностью отъ огня, можетъ быть въ городахъ: Ревелѣ, Гапсалѣ и Везенбергѣ устроено не иначе, какъ съ согласія сосѣдей. А въ 987 статьѣ прямо сказано, что рѣшеніе вопроса о томъ, дѣйствительно-ли существуетъ опасность и стѣсненіе представляется усмотрѣнію суда. Такимъ образомъ сосѣди не только могутъ протестовать противъ устройства новыхъ заводовъ и фабрикъ, но даже въ правѣ обратиться въ гражданскій судъ съ просьбою разрѣшить вопросъ о томъ, существуетъ-ли опасность и стѣсненіе отъ уже дѣйствующихъ заведеній и,—въ случаѣ положительнаго разрѣшенія этого вопроса требовать закрытія фабрики и завода. Интересы всего человѣчества требуютъ самой широкой судебной защиты частныхъ лицъ отъ опасностей, которыми со всѣхъ сторонъ ихъ окружаетъ современная обрабатывающая промышленность. Съ этой точки зрѣнія можно привѣтствовать рѣшеніе екатеринославскаго окружнаго суда, постановившаго 23 Марта 1901 года закрыть динамитный заводъ Франко-русскаго общества и отказать Франко-русскому обществу въ его встрѣчномъ искѣ о 750.000 руб. убытковъ.

Павелъ Булацель.

«Юридическая газета» 24-го Іюня 1901 г. № 46.

Духовныя завѣщанія самоубійцъ.

Грустное впечатлѣніе производитъ уголовная кара, обрушивающаяся всею своею тяжестью не на виновнаго, а на ни въ чемъ неповинныхъ людей. Умеръ богачъ, всю жизнь свою копившій деньги, и никому не приносившій пользы. Одинокій, никѣмъ не любимый, онъ жилъ однако подъ вѣрною охраною государства, такъ какъ скупость и черствый эгоизмъ не преслѣдуются и не караются никакими человѣческими законами. И вотъ, наскучивъ жизнью, пресытившись созерцаніемъ своего богатства, онъ рѣшилъ посягнуть на собственное свое благо—на свою жизнь, а передъ смертью захотѣлъ искупить свои грѣхи и съ широкимъ запоздалымъ великодушіемъ распредѣлилъ по духовному завѣщанію все свое огромное состояніе на добрыя и полезныя цѣли. А когда онъ умеръ, начался споръ; явились дальніе родственники, которыхъ при жизни онъ вовсе не зналъ и потребовали, чтобы къ самоубійцѣ было примѣнено «наказаніе», предусмотрѣнное статьею 1472 уложенія о наказаніяхъ, т. е., чтобы духовное завѣщаніе его было признано недѣйствительнымъ. Кого въ этомъ случаѣ наказываетъ законъ? Конечно не самого самоубійцу, душа котораго уже освободились отъ земныхъ оковъ. Бездушное тѣло не чувствуетъ и не вѣдаетъ, что творится съ духовнымъ завѣщаніемъ, а душу можетъ судить только Небесный Судья! За то множество живыхъ бѣдныхъ людей, которымъ въ завѣщаніи были сдѣланы отказы, страдаютъ изъ за лишенія духовнаго завѣщанія самоубійцы законной силы. Школы, университеты, благотворительныя заведенія, богадѣльни лишаются завѣщанныхъ имъ суммъ во имя наказанія самоубійцы. Человѣкъ, никогда ничего добраго не дѣлавшій, лишается въ силу закона возможности сдѣлать добро даже передъ смертью. Такое печальное послѣдствіе самовольнаго прекращенія собственной жизни, по мнѣнію общаго собранія Правительствующаго Сената 1877 г. за № 19, должно почитаться только «гражданскимъ послѣдствіемъ самоубійства», такъ какъ за силою 16 статьи устава уголовнаго судопроизводства *не* можетъ быть и рѣчи о преслѣдованіи лица умершаго. Но какъ-же согласовать этотъ взглядъ Сената на ненаказуемость самоубійства съ статьею 1472 уложенія и съ статьею 710 устава врачебнаго тома, XIII св. зак. Россійской Имперіи, по коей полагается «тѣло самоубійцъ отдавать палачу для безчестнаго погребенія»? Да и наконецъ, что-же это «за гражданскія послѣдствія преступленія», отъ которыхъ страдаетъ не самъ преступникъ-самоубійца, а другіе ни въ чемъ неповинные граждане!

Лишеніе силы духовнаго завѣщанія самоубійцы могло бы еще быть оправдано предположеніемъ, которое высказано профессоромъ Гвоздевымъ, что самоубійца *всегда* человѣкъ ненормальный и, слѣдовательно, что онъ составлялъ свое предсмертное распоряженіе не въ здравомъ умѣ и не въ твердой памяти; но это предположеніе не выдерживаетъ

критики уже потому, что самъ уголовный законъ устанавливаетъ въ статьѣ 1472 уложенія о наказ., что самоубійство наказуемо только въ томъ случаѣ, если оно совершено не въ припадкѣ безумія, сумасшествія, безпамятства и т. п. И вотъ получается заколдованный кругъ: если самоубійца былъ здоровый человѣкъ, то законъ считаетъ его самоубійство — преступленіемъ и недѣйствительность завѣщанія является въ силу 1472 ст. гражданскимъ послѣдствіемъ этого преступленія; если-же самоубійца былъ больной, ненормальный человѣкъ, тогда онъ не считается престунникомъ, но зато завѣщаніе должно быть лишено силы, какъ составленное лицомъ невмѣняемымъ. Такимъ образомъ завѣщательное распоряженіе лицъ, окончившихъ жизнь самоубійствомъ, окажется всегда недѣйствительнымъ. Изъ этого запутаннаго положенія профессоръ Пахманъ въ своемъ гражданскомъ правѣ находитъ очень остроумный выходъ. Онъ указываетъ на то, что сознательная воля необходима только въ моментъ составленія завѣщанія. Поэтому если лицо, составившее въ здравомъ умѣ завѣщаніе, затѣмъ лишитъ себя жизни, то заинтересованныя лица могутъ доказывать, что самоубійство совершено въ припадкѣ сумасшествія и поэтому не наказуемо, а завѣщаніе составлено еще въ здравомъ состояніи и поэтому должно остаться въ силѣ. Этотъ взглядъ былъ приведенъ Сенатомъ въ рѣшеніи 1894 года по громкому дѣлу о духовномъ завѣщаніи Ахматова. Но сложность и запутанность вопроса о духовныхъ завѣщаніяхъ самоубійцъ всетаки не устранится до тѣхъ поръ, пока изъ текста нашихъ законовъ не исчезнутъ карательныя мѣры противъ самоубійцъ. Составители уложенія думали этими мѣрами предупредить самоубійства. Они полагали, что мысль о недѣйствительности духовнаго завѣщанія можетъ остановить руку самоубійцы, готовую уже нанести смертельный ударъ, такъ какъ право наградить послѣ своей смерти людей оказавшихъ намъ услуги, обезпечить участь любимыхъ, близкихъ существъ, составляетъ одно изъ тѣхъ преимуществъ, которыми особенно дорожитъ человѣкъ передъ смертью. Но увы, во-первыхъ, оказывается, что многіе даже дѣловые люди никогда не слыхали, что духовныя завѣщанія самоубійцъ недѣйствительны и что за самоубійство полагается наказаніе тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя страховыя общества, напримѣръ «Нью-Іоркъ», по уставу своему обязуются уплачивать страховую премію даже въ случаѣ самоубійства; а во-вторыхъ, высшее и самое дорогое благо на землѣ всетаки, что бы тамъ ни говорили,— жизнь, а поэтому, если самоубійца побѣждаетъ въ себѣ естественное влеченіе къ самосохраненію, то едва-ли мысль объ имущественныхъ интересахъ можетъ остановить его рѣшимость самовольно кончить земное существованіе.

«Юридическая газета» 8-го Іюля 1901 г. № 48.

Къ вопросу о сосѣдяхъ.

Участившіеся иски частныхъ лицъ о закрытіи вредныхъ и опасныхъ фабрикъ и заводовъ обратили на себя общее вниманіе и благодаря

этому въ послѣднее время пробудился живой интересъ къ тѣмъ спеціальнымъ узаконеніямъ, которыя ограждаютъ сосѣдей отъ всякаго рода стѣснительныхъ заведеній. Въ ряду этихъ спеціальныхъ законовъ первое мѣсто занимаетъ третій томъ свода мѣст. узак. губ. прибалтійскихъ. Статья 994 этого тома гласитъ «для городовъ Ревеля, Гапсаля и Везенберга существуютъ еще слѣдующія особыя запрещенія: 1) устраивать безъ согласія сосѣдей новые ходы, жилья или жилые подвалы, окна, двери или навѣсы, дымовыя трубы и очаги тамъ, гдѣ ихъ прежде не было; 2) учреждать безъ дозволенія начальства и сосѣдей пекарни и торговыя бани; 3) устраивать безъ согласія сосѣдей опасныя и могущія ихъ стѣснять заведенія, къ разряду которыхъ причисляются: пивоварни, винокурни, кузницы, бойни, кожевенные, мыльные и салотопенные заводы, заведенія для мочки рыбы, гончарни, чугуно-литейные заводы, золотоплющильни, мѣдноковательные заводы, бочарни и наконецъ шинки. Къ сосѣдямъ, могущимъ протестовать противъ учрежденія подобныхъ заведеній, причисляются владѣльцы не только домовъ, прилегающихъ съ обѣихъ сторонъ той же улицы, но и находящихся на противоположной сторонѣ. Въ случаѣ неосновательности возраженій, предъявленныхъ этими сосѣдями, согласіе ихъ замѣняется опредѣленіемъ суда». А статья 987 ч. III св. м. уз. говоритъ, «что никто не въ правѣ къ стѣсненію публики или хотя бы только ближайшихъ сосѣдей устраивать на своей землѣ такіе несуществовавшіе на ней прежде заводы и фабрики, которые могутъ или грозить опасностью отъ огня, или докучать и вредить шумомъ, дурными испареніями, непомѣрнымъ отдѣленіемъ дыма и т. п. Предоставленное же прежде кому-либо право на такой промыселъ прекращается, если онымъ въ теченіе 10 лѣтъ не воспользовались. Рѣшеніе вопроса о томъ, дѣйствительно ли существуетъ въ данномъ случаѣ опасность и стѣсненіе, предоставляется усмотрѣнію суда».

Большинство юристовъ придерживается того взгляда, что въ силу этихъ статей сосѣди могутъ протестовать лишь противъ возведенія стѣснительныхъ заведеній, т. е. до тѣхъ поръ, пока заводы и фабрики еще не окончены и не пущены въ ходъ. Мнѣніе это однако едва ли основательно, потому что въ самомъ текстѣ статьи 987 упоминается «о существующемъ уже стѣсненіи»; тогда какъ, если бы законъ имѣлъ въ виду только такія заведенія, которыя еще не оборудованы и не пущены въ ходъ, то законодатель вмѣсто выраженія «существуетъ стѣсненіе» примѣнилъ бы выраженіе «будетъ существовать стѣсненіе». Затѣмъ возникаетъ еще интересный вопросъ, имѣютъ ли сосѣди право домогаться разрушенія постройки, возведенной противъ ихъ воли. По римскому праву несомнѣнно сосѣдъ имѣлъ это право, а именно онъ могъ обратиться съ жалобою къ претору и послѣдній налагалъ запретъ, т. е. «nuntiatio» на возводимую постройку. Если же, не взирая на запретъ, возведеніе постройки продолжалось, то сосѣдъ пріобрѣталъ право требовать уничтоженія всего, что построено уже послѣ «nuntiatio». Этотъ случай предусматривается въ дигестахъ XXXIX L 8 § 6. Но мѣстное гражданское право прибалтійскихъ губерній имѣетъ своимъ источникомъ кромѣ Римскаго права также Любекское городское право, которое

несомнѣнно предоставляло сосѣдямъ не только право протеста противъ возводимыхъ зданій, но и право домогаться совершеннаго разрушенія уже выстроенныхъ зданій. Въ видѣ источника подъ 994 ст. и 987 ст. ч. III св. м. уз. приведены §§ 11, 12 и 13 раздѣла XII Любекскаго права. Въ § 11 прямо говорится, что воспрещается безъ согласія сосѣдей не только устройство перечисленныхъ выше заведеній, но и самое производство («nict gerichtet noch geübet werden»). Изъ § 11 видно, что по Любекскому праву для устройства фабрики недостаточно получить разрѣшеніе на постройку зданія, а надо еще заручиться согласіемъ сосѣдей на самое производство. Это разрѣшеніе утрачивается, если имъ не воспользовались въ теченіе земской давности. Поэтому, если фабричныя зданія простояли десять лѣтъ безъ употребленія, то для открытія въ нихъ вновь какого-либо фабричнаго производства необходимо опять испросить согласія сосѣдей. Большая часть параграфовъ Любекскаго городского права изъ раздѣла «titulus duodecimus de aedificiis privatorum» почти цѣликомъ вошла въ текстъ 994 и 987 статей части II-ой свода мѣстн. узак. губ. приб., а другіе параграфы помѣщены почему-то въ главѣ пятой «о сервитутахъ», а именно подъ ст. 1267 ч. III св. м. уз. мы находимъ примѣчаніе, заимствованное цѣликомъ изъ § 7 «titulus» XII Любекскаго права, то есть изъ того самаго титула, который указанъ подъ статьями 987 и 994 ч. III св. м. уз., какъ ихъ источникъ. Это примѣчаніе гласитъ, что въ городахъ Эстляндіи, тотъ, кому постройкою сосѣда будетъ причиненъ ущербъ можетъ требовать снесенія зданія или приведенія его въ прежнее состояніе. Примѣчаніе это должно быть отнесено «къ ограниченіямъ въ правѣ пользованія собственностью», а поэтому ясно, что составители третьяго тома мѣстныхъ узаконеній губ. приб. совершили случайную кодификаціонную ошибку, помѣстивъ это примѣчаніе подъ статьею 1267, тогда какъ его слѣдовало помѣстить подъ 987-ой статьею, куда оно относится и по своему смыслу и по своему источнику. Конечно источникъ этого примѣчанія (§ 7 titulus XII Любекскаго права) не можетъ измѣнить свою юридическую природу, только отъ того, что помѣщенъ въ ненадлежащемъ мѣстѣ. Въ случаѣ неясности какихъ-либо статей III тома, необходимо для уразумѣнія ихъ пользоваться соотвѣтствующими источниками, т. е., чтобы правильно понимать смыслъ примѣчанія 1267-ой статьи, надо имѣть въ виду его источникъ, т. е. § 7 tit. XII Любекскаго права. Въ текстѣ § 7 tit XII Люб. гор. права говорится: «Wer bauen will, der soll solch sein Gebäude anstellen das es seinem Nachbar nich zu nahe und Schaden baue. Wird darüber geklagt und alsbefunden so muss er dasselbige niederbrechen und in vorigen Stand bringen», т. если новая постройка причиняетъ вредъ сосѣду, то послѣдній въ правѣ требовать ея снесенія и приведенія въ прежнее состояніе. Итакъ, для того, чтобы сосѣди могли требовать снесенія фабрики или прекращенія на ней производства, по смыслу § 7 tit. XII Люб. гор. права, достаточно доказать, что заводъ или фабрика построены слишкомъ близко отъ сосѣднихъ жилыхъ зданій и причиняютъ имъ вредъ. Отсюда ясно, что протестъ сосѣдей противъ новыхъ зданій по Любекскому городскому праву и по прибалтійскому праву не

ограничивается временемъ, когда зданія эти возводятся, но наоборотъ допускается въ теченіе общаго земскаго срока давности съ того времени, когда новое зданіе проявило свою опасную и вредную природу, т. е. иными словами: съ того момента, когда въ немъ начали фабричное или заводское производство, представляющее стѣсненіе и опасность для сосѣдей.

При настоящемъ быстромъ ростѣ фабричной промышленности это право сосѣдей представляется весьма важнымъ и вполнѣ цѣлесообразнымъ, а поэтому остается только пожелать, чтобы новое «всероссійское» гражданское уложеніе усвоило тотъ же принципъ «охраны сосѣдей», котораго строго и послѣдовательно придерживается мѣстное гражданское право русскихъ прибалтійскихъ губерній.

«Юридическая газета» 9-го Сентября 1901 г. № 61.

Желательность уравненія женщинъ въ правахъ наслѣдства съ мужчинами.

Стремленіе къ расширенію правъ женщинъ направлено главнымъ образомъ на представленіе имъ права получать высшее образованіе и права поступать на общественную и государственную службу. Что-же касается имущественныхъ правъ женщины то о нихъ почти совсѣмъ не слышится разсужденій. Объясняется это тѣмъ, что въ отношеніи владѣнія и распоряженія своимъ имуществомъ женщины, какъ замужнія, такъ и дѣвушки по русскимъ законамъ пользуются полною самостоятельностью. Тѣмъ не менѣе, по X тому свода законовъ, женщины въ отношеніи правъ на наслѣдство находятся въ очень невыгодныхъ условіяхъ. А между тѣмъ именно на это, совсѣмъ несправедливое обдѣленіе женщины, всего рѣже раздаются жалобы въ нашей литературѣ. Если сравнить имущественное положеніе женщины въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, и тѣхъ губерніяхъ гдѣ дѣйствуетъ 1 ч. X тома св. законовъ, то окажется, что юридическія права женщины въ Прибалтійскихъ губерніяхъ вообще узки, но за то въ отношеніи наслѣдства гораздо шире, чѣмъ въ центральной Россіи. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ мужъ по силѣ брака дѣлается естественнымъ опекуномъ жены (совѣтникомъ) вслѣдствіе такого своего положенія онъ получаетъ право отъ имени жены защищать гражданскія права жены на судѣ и преслѣдовать судебнымъ порядкомъ всѣ совершенные противъ нея поступки и преступленія.

Въ разныхъ мѣстахъ третьяго тома свода гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ встрѣчаются стѣсненія женщины въ правой сферѣ, напримѣръ ей запрещено въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ являться въ извѣстныхъ случаяхъ въ роли свидѣтельницы (ст. 2096, 2098 ч. III св. м. уз.). Но рядомъ съ такимъ строгимъ отношеніемъ къ женщинѣ гражданское право Прибалтійскихъ губерній проводитъ, какъ общее правило, что *женщина наслѣдуетъ наравнѣ съ мужчиной*. По X тому св. зак. Рос. Имп. сестры наслѣдуютъ изъ недвижи-

маго наслѣдственнаго имѣнія родителей только 14-ю часть, а изъ движимаго восьмую часть, въ случаѣ, если налицо имѣются братья; а въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ и ихъ потомкахъ не имѣютъ вообще права на наслѣдство. Совсѣмъ иное положеніе женщинъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Здѣсь сестры, братья и вообще боковые родственники наслѣдуютъ «безъ различія пола». Что же касается до положенія вдовы въ отношеніи права на наслѣдство и права пользованія имуществомъ, оставшимся послѣ мужа, то оно весьма сильно разнится отъ тѣхъ-же правъ по X тому. По Эстляндскому земскому праву въ теченіе срочнаго года со дня смерти мужа наслѣдство его (если только оно уже прежде не подпадало конкурсу) *остается въ полномъ владѣніи вдовы* и до истеченія этого срока она не можетъ быть принуждаема ни къ уплатѣ мужниныхъ долговъ, ни къ веденію тяжебныхъ дѣлъ по наслѣдству. Въ случаѣ ея смерти то же самое право переходитъ къ ея наслѣдникамъ (1769).

По Лифляндскому земскому праву, вдова пользуется такими же преимуществами съ тѣмъ лишь различіемъ, что срочный годъ замѣняется срочнымъ мѣсяцемъ (ст. 1768). Большое вліяніе на права вдовы имѣетъ то обстоятельство, есть-ли у нея дѣти или нѣтъ. Такъ по Курляндскому городскому и земскому праву вдова, оставшаяся съ кровными или сводными дѣтьми, пользуется въ теченіе года всѣми доходами съ наслѣдства умершаго мужа, разумѣя подъ симъ годовой доходъ съ имѣній и годовые же проценты съ капиталовъ (ст. 1770). Если по минованіи вдовьяго года дѣти еще не достигли совершеннолѣтія, то *наслѣдство послѣ мужа остается въ управленіи и пользованіи вдовы, безъ обязанности давать въ томъ отчетъ* до вступленія въ новый бракъ (1772). Приступить къ раздѣлу вдова можетъ во всякое время по своему желанію, но обязана къ этому только въ строго опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, а именно въ случаѣ вступленія въ новый бракъ и въ случаѣ, если дѣти, достигнувъ совершеннаго возраста, по минованіи вдовьяго года будутъ требовать раздѣла (1775). Бездѣтная же вдова, по Курляндскому городскому и земскому правамъ, въ теченіе года по смерти мужа владѣетъ всѣмъ наслѣдствомъ, не обязываясь приступить къ раздѣлу, но изъ доходовъ наслѣдства обязана уплачивать проценты по долгамъ и лежащія на наслѣдствѣ общественныя повинности (1783). По минованіи же вдовьяго года бездѣтная вдова прежде всего получаетъ все то, что ею было внесено при бракѣ и что ей обѣщано по договору или завѣщанію, а затѣмъ *получаетъ въ собственность половину всего остальнаго наслѣдства, оставшагося послѣ мужа за вычетомъ его долговъ.* Другая же половина переходитъ къ ближайшимъ наслѣдникамъ мужа (1784).

По Пильтенскому земскому праву вдова, оставшаяся съ дѣтьми, владѣетъ и пользуется всѣмъ мужниимъ наслѣдствомъ вмѣстѣ съ дѣтьми, пока они не достигнутъ совершеннолѣтія, или пока она не вступитъ въ новый бракъ, или не пожелаетъ сама раздѣлиться съ дѣтьми. До истеченія вдовьяго года никто не властенъ принуждать вдову къ раздѣлу; при раздѣлѣ же вдова получаетъ изъ вотчинъ долю, равную дѣтской, но только въ пожизненное владѣніе и сверхъ

того удерживаетъ половину движимости и всѣ свои драгоцѣнности (1795).

Бездѣтная же вдова по Пильтенскому земскому праву въ продолженіи вдовьяго года пользуется доходами съ оставшагося имущества на одинаковомъ основаніи съ небездѣтною вдовою (1796) а по истеченіи вдовьяго года *получаетъ половину движимости* и всѣ свои драгоцѣнности.

По Эстляндскому городскому праву *бездѣтная* вдова прежде всего получаетъ обратно свое вѣно и свое отдѣльное имущество, а затѣмъ остальное *дѣлится между нею и кровными родственниками мужа пополамъ* (1838).

Если же у вдовы есть дѣти, то къ раздѣлу съ ними ее можно принудить только въ случаяхъ закономъ опредѣленныхъ (1857). Дѣти же, даже достигшія совершеннолѣтія, не могутъ распоряжаться своими имущественными долями, пока не будутъ по своему востребованію отдѣлены. А такое востребованіе, какъ выше было указано допускается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (1851). Что касается до правъ на наслѣдство дочерей, то *по Лифляндскому земскому праву, сестры получаютъ половину съ братьями* за исключеніемъ вотчинъ, изъ коихъ братья получаютъ двойную противъ дочерей долю (1897). По Эстляндскому земскому праву, при наслѣдованіи послѣ дворянина сыновья его получаютъ изъ вотчинъ двойную долю, *а прочее наслѣдство, гдѣ-бы оно ни находилось, братья и сестры дѣлятъ поровну*. При наслѣдованіи же вотчинъ, оставшихся послѣ матери, сыновья не пользуются никакимъ передъ дочерьми преимуществомъ (1919). Сыновья же, получившіе изъ отцовскихъ вотчинъ двойную долю, должны при вступленіи сестеръ въ бракъ, устраивать имъ свадьбу и дать имъ въ приданное платья и уборы.

По Курляндскому земскому праву сыновья пользуются тѣмъ преимуществомъ передъ дочерьми, что послѣ отца получаютъ тройную долю, послѣ же матери все наслѣдство дѣлится поровну между сыновьями и дочерьми (1928). Только въ Пильтенскомъ округѣ къ наслѣдованію послѣ дворянина допускаются одни сыновья съ исключеніемъ дочерей, послѣднія-же имѣютъ право на соотвѣтствующее ихъ званію содержаніе, которое опредѣляется особеннымъ согласіемъ, а за отсутствіемъ согласія наслѣдство дѣлится по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 1928. По Лифляндскому и Эстляндскому *городскимъ правамъ нисходящіе родственники наслѣдуютъ поголовно безъ различія пола*. Такимъ образомъ имущественное положеніе женщины по мѣстному праву Прибалтійскихъ губерній несравненно выгоднѣе, чѣмъ положеніе женщины по X тому св. зак. Особенно большими льготами пользуются въ Прибалтійскомъ краѣ вдовы. Въ этомъ отношеніи нельзя даже не усмотрѣть нѣкоторое противорѣчіе. Мѣстное право смотритъ на женщинъ, какъ на лицъ не способныхъ самостоятельно искать на судѣ и заключать юридическія дѣйствія безъ согласія мужа. По ст. 11, 13, 53—57 и 103 III ч. св. мѣстн. узакон. замужняя женщина не въ правѣ распоряжаться безъ согласія мужа своимъ имуществомъ. Это положеніе порождаетъ на практикѣ большія неудобства: лицо, дающее въ долгъ замужней женщинѣ, должно сперва разузнать, есть-ли у этой женщины собственное „от-

дѣльное имущество“ (bona receptitia) (27 ст.) въ противномъ случаѣ оно рискуетъ ничего не получить, такъ какъ мужъ не можетъ быть принуждаемъ къ уплатѣ долговъ жены не только изъ своего имущества, но даже изъ женина имущества, находящагося въ его управленіи, что впрочемъ не лишаетъ кредиторовъ права обращать свои требованія на отдѣльное имущество жены (55 ст.). Эти постановленія мѣстнаго права имѣютъ послѣдствіемъ, что въ судѣ противъ всякаго иска, предъявленнаго замужнею женщиною и къ замужней женщинѣ, можетъ быть заявленъ отводъ о неспособности искать и отвѣчать въ судѣ. Очевидно законодатель, ограничивая женщинъ въ правѣ распоряжаться своимъ имуществомъ, имѣлъ въ виду ихъ-же пользу, желая оградить отъ невыгодныхъ послѣдствій тѣхъ юридическихъ сдѣлокъ, въ которыя женщины могли-бы благодаря своему легкомыслію и неопытности быть вовлечены безъ вѣдома мужа. Между тѣмъ эти постановленія, если только придерживаться буквальнаго смысла закона, привели-бы къ очень невыгоднымъ послѣдствіямъ, а именно: пришлось бы признать замужнихъ женщинъ неспособными отвѣчать на судѣ даже и тогда, когда онѣ отстаиваютъ свои права. Замужнія женщины вообще обставлены лучше, чѣмъ мужчины: въ самомъ дѣлѣ всякій договоръ, заключенный женою безъ согласія мужа, мужъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ можетъ признать, если этотъ договоръ для жены выгоденъ, а всего, что клонится къ ея не выгодѣ, онъ не обязанъ признавать. Такимъ образомъ положеніе женщины въ отношеніи долговыхъ обязательствъ является привилегированнымъ, а суровое правило, что замужняя женщина не можетъ искать и отвѣчать на судѣ смягчается постановленіемъ 31 ст. ч. III св. мѣстн. узак., въ силу коей жена можетъ принимать на себя заступничество мужа по общимъ правиламъ „negotiorum gestio“ въ случаѣ его болѣзни, отсутствія, „а также какой либо другой причины“. Послѣдняя оговорка даетъ возможность столь распространительному толкованію, что ограниченія женщинъ въ смыслѣ хожденія по судамъ de facto въ Прибалтійскихъ губерніяхъ не существуетъ. Въ практикѣ Ревельскаго окружнаго суда вскорѣ послѣ введенія судебной реформы были случаи предъявленія отводовъ къ совершеннолѣтнимъ дѣвушкамъ, вчинившимъ безъ согласія родителей иски объ алиментахъ. Однако судъ признавалъ такіе отводы не заслуживающими уваженія и съ такимъ взглядомъ нельзя не согласиться въ виду того, что по силѣ 467 ст. III ч. св. мѣстн. узак. опека прекращается съ достиженіемъ совершеннолѣтія. Первые четыре пункта ст. 467-ой относятся какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ, слѣдовательно ст. 467 устанавливаетъ, какъ общее правило, что совершеннолѣтіе освобождаетъ отъ опеки и нѣтъ никакого основанія считать, что надъ дѣвушкой, достигшей совершеннолѣтія, опека продолжается до самаго замужества. Ссылка на 223 ст. III ч. св. мѣстн. узак. также не оправдываетъ основательности означенныхъ отводовъ, ибо эта статья говоритъ объ отдѣленіи хозяйства для дочери и не допускаетъ такого отдѣленія безъ согласія родителей, но изъ смысла этой статьи никоимъ образомъ нельзя вывести заключеніе, что совершеннолѣтняя дѣвушка лишена права искать въ судѣ; тѣмъ болѣе, что совершеннолѣтнія незамужнія женщины имѣютъ

въ отношеніи управленія имуществомъ одинаковыя права съ мужчинами. При этомъ ст. 512 ч. III св. мѣстн. узак отнюдь не обязываетъ дѣвушку имѣть ассистента, а лишь разрѣшаетъ ей избрать себѣ совѣтника и этотъ выборъ не сопряженъ ни съ какими формальностями (513 ст.). Такимъ образомъ нельзя не придти къ заключенію, что положеніе замужней женщины въ Балтійскихъ губерніяхъ въ отношеніи отвѣтственности по долговымъ обязательствамъ выгоднѣе, чѣмъ положеніе мужчины; но за то тамъ замужняя женщина стѣснена въ отношеніи управленія общимъ имуществомъ попечительствомъ мужа, такъ же точно, какъ не имѣетъ права безъ согласія мужа искать и отвѣчать въ судѣ; впрочемъ прямо выраженное согласіе мужа на управленіе имуществомъ и нахожденіе по дѣламъ является въ сущности фиктивнымъ ограниченіемъ, ибо не требуется въ тѣхъ случаяхъ, когда жена дѣйствуетъ по общимъ правиламъ negotiorum gestio. Что же касается дѣвушекъ, то совершеннолѣтнія пользуются полной самостоятельностью въ управленіи своимъ имуществомъ. Во всѣхъ этихъ постановленіяхъ нельзя не усмотрѣть весьма существенное противорѣчіе, а именно: на дѣвушку и на вдову Балтійское законодательство смотритъ, какъ на вполнѣ правоспобныхъ субъектовъ, а замужняя женщина оказывается *не* правоспособною въ тѣхъ случаяхъ когда мужъ несогласенъ утвердить заключенныя ею сдѣлки. Особенно странно, что женщина, которая при жизни мужа не можетъ распоряжаться даже *своимъ* имуществомъ, послѣ смерти мужа тотчасъ пріобрѣтаетъ право до совершеннолѣтія дѣтей или до раздѣла съ наслѣдниками управлять и пользоваться безконтрольно всѣмъ имуществомъ покойнаго мужа, не давая въ томъ никому никакого отчета. Трудно объяснить, чѣмъ руководствуется мѣстное гражданское право, присвоивая такое эманципаціонное значеніе тому моменту, когда замужняя женщина дѣлается вдовою. Потерявъ своего мужа, жена едва-ли тотчасъ-же становиться умнѣе и опытнѣе, чѣмъ при жизни его, а между тѣмъ законъ за вдовою признаетъ право пользоваться и безотчетно управлять общимъ имуществомъ, тогда какъ замужнимъ женщинамъ это право не предоставлено. Несмотря на эти недостатки мѣстныя Балтійскія гражданскія узаконенія въ отношеніи наслѣдованія все же справедливѣе, чѣмъ 1-ая ч. X тома св. зак.; поэтому было-бы желательно, чтобы новое Всероссійское гражданское уложеніе усвоило себѣ принципъ уравненія женщинъ въ правахъ наслѣдства съ мужчинами.

Правило X тома, что въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ вовсе *не* наслѣдуютъ представляется въ высшей степени не соотвѣтствующимъ потребностямъ современнаго общества, гдѣ женщина часто нуждается гораздо больше въ матеріальномъ обезпеченіи, чѣмъ мужчина.

«Юридическая газета» 21-го октября 1901 г. № 73.

Свобода слова.

Чтобы судить о томъ, до какихъ предѣловъ можетъ дойти какая нибудь нація надо брать въ расчетъ крайнія мнѣнія, а не умѣренныя, потому что въ рѣшительныя минуты общественное мнѣніе почти всегда поддается усиліямъ крайнихъ людей. Эта печальная истина, доказанная многократными историческими примѣрами, особенно наглядно подтверждается современнымъ настроеніемъ англійскаго народа слѣпо подчинившагося желаніямъ и взглядамъ такихъ крайнихъ людей какъ Чемберленъ, Китчнеръ, Родсъ и К° ... И вотъ въ то время, когда печать всего свѣта преисполнена негодованія противъ Англіи, когда всѣ газеты наперерывъ стараются изобличить лицемѣріе и грубость англійскаго правленія нельзя не обратить вниманія на появившуюся въ только что вышедшемъ за Октябрь журналѣ Министерства Юстиціи статью П. П. Шиловскаго объ «англійскомъ законодательствѣ о печати». Въ юридическомъ обществѣ имя Шиловскаго извѣстно, какъ убѣжденнаго поклонника англійскаго судоустройства. Въ своихъ судебныхъ очеркахъ онъ восторгался англійскимъ судьею, отсутствіемъ проволочекъ и стѣснительныхъ обрядовыхъ письменныхъ производствъ въ англійскихъ судахъ. Теперь въ своей интересной статьѣ объ англійскомъ законодательствѣ о печати П. П. Шиловскій явно стремится доказать, что при существующей въ Англіи системѣ преслѣдованія нарушеній законовъ о печати, личная неприкосновенность чести и добраго имени каждаго гражданина охраняется съ большею силою, чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы. Множество примѣровъ, приводимыхъ имъ изъ англійской судебной практики, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣйствительно клевета и разглашеніе позорныхъ слуховъ о частныхъ и должностныхъ лицахъ наказываются въ Англіи настолько строго, что у людей, склонныхъ къ клеветничеству и нанесенію оскорбленій, пропадаетъ всякая охота проявлять эти свои наклонности.

Въ Англіи не существуетъ предварительной цензуры и поэтому англійскій народъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ пользуется «полною свободой слова». Этотъ взглядъ повидимому, раздѣляетъ также г. Шиловскій, но между тѣмъ всѣ свѣдѣнія объ англійской печати, англійскомъ законодательствѣ и судебной практикѣ, которыя можно почерпнуть изъ его послѣдней статьи должны привести совсѣмъ къ обратному заключенію.

Въ Англіи свобода слова существуетъ только въ теоріи, но въ дѣйствительности у насъ въ Россіи даже при существованіи предварительной цензуры и множествѣ стѣснительныхъ министерскихъ циркуляровъ и предостереженій свобода печатнаго слова никакъ не болѣе стѣснена, чѣмъ въ Англіи.

Не только за содержаніе, но даже за одни заглавія статей редакторы газетъ и журналовъ уже подвергаются въ Англіи тяжкому

наказанію, если эти заглавія представляются для кого либо обидными. Въ Русскихъ газетахъ часто можно встрѣтить сенсаціонные заголовки въ родѣ «странный блюститель порядка», «удивительный земскій начальникъ» и т. п. За такіе заголовки въ Англіи и писатель и редакторъ поплатились-бы очень серезьнымъ штрафомъ. Обобщеніе какого нибудь частнаго случая, огульное порицаніе какого либо учрежденія на основаніи единичныхъ проступковъ, служащихъ въ немъ лицъ, считается въ Англіи предосудительнымъ преувеличеніемъ и влечетъ за собою по жалобѣ обиженнаго большой денежный штрафъ.

До рѣшенія суда газеты не имѣютъ права высказывать свое мнѣніе о винѣ или невиновности подсудимаго, также точно входить въ критику свидѣтельскихъ показаній могутъ только въ судѣ заинтересованныя лица, но въ печати обсужденіе достовѣрности свидѣтельскихъ показаній ни въ какомъ случаѣ не допускается. Нарушеніе этихъ запретовъ влечетъ за собою строгую кару. Предметы, имѣющіе общественный интересъ, дѣятельность должностныхъ лицъ и правительственныя распоряженія подлежатъ по теоріи свободному обсужденію въ печати. Но въ дѣйствительности англійскіе суды требуютъ отъ писателей и критиковъ такой сдержанности, такого уваженія къ существующимъ порядкамъ и такой абсолютной точности приводимыхъ фактовъ, что почти ни одинъ критикъ не рѣшится обсуждать мѣропріятія правительства въ сколько нибудь рѣзкой формѣ. Точность сообщаемыхъ фактовъ должна быть провѣрена съ математическою вѣрностью, иначе сообщившее эти факты лицо подвергается по жалобѣ потерпѣвшаго наказанію, какъ за клевету. Разительные примѣры пресловутой англійской свободы слова можно найти въ статьѣ П. П. Шиловскаго. Адвокатъ Виллисъ грубо вытолкалъ изъ своего бюро одного изъ своихъ кліентовъ Джансона. Объ этомъ происшествіи одна изъ газетъ сообщила въ статьѣ озаглавленной: „вотъ какъ адвокатъ Виллисъ обращается со своими кліентами“. За это заглавіе противъ газеты было возбуждено обвиненіе за „libel“. На судѣ обвиняемый редакторъ доказалъ, что фактъ грубаго обращенія съ Джансономъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, но судъ все-же приговорилъ обвиняемаго къ штрафу, „такъ какъ доказано, что Виллисъ грубо прогналъ одного только Джансона, а это вовсе еще не значитъ, что онъ грубо обращается со всѣми своими кліентами“. Въ прошлогоднемъ процессѣ Артура Чемберлена противъ газетъ „Morning Leader“ и „Star“ еще яснѣе проявилось стремленіе англійскихъ судей наложить цѣпи на свободу печатнаго слова: Артуръ Чемберленъ директоръ Бирмингамскаго оружейнаго завода изобличался въ разныхъ неблаговидныхъ поступкахъ по поставкѣ оружія англійской казнѣ; были даже приведены доказательства, что при полученіи заказовъ онъ иногда пользовался вліяніемъ и протекціею своего брата министра Чемберлена, но несмотря на все это присяжные не признали въ этихъ газетныхъ статьяхъ „безпристрастнаго“ обсужденія предметовъ внутренней политики и присудили съ редакціи газетъ въ пользу Чемберлена 2.000 руб., а судья добавилъ еще въ видѣ наказанія двѣ тысячи рублей за веденіе дѣла. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего уди-

вительнаго, что у враговъ Чемберлена пропала всякая охота обличать его путемъ печатнаго слова.

Теперь сравнимъ эти примѣры изъ англійской жизни съ нашей русскою жизнью; вспомнимъ рѣзкія газетныя нападки на бывшаго Липецкаго предводителя дворянства Кожина, вспомнимъ его возраженія Новикову, затѣмъ припомнимъ рядъ статей Скальковскаго, въ которыхъ подъ видомъ личныхъ, подъ часъ очень интересныхъ и остроумныхъ воспоминаній, зачастую чернится память общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, недавно лишь сошедшихъ въ могилу, наконецъ вспомнимъ наши судебные процессы о диффамаціи Помощника Семирѣченскаго военнаго губернатора Аристова, объ оклеветаніи Нотовичемъ заправилъ Тульскаго банка,—и тогда по совѣсти вынуждены будемъ признать, что наши законы и Сенатская практика допускаютъ значительно большій просторъ для гласнаго обсужденія злоупотребленій и проступковъ должностныхъ и общественныхъ лицъ, чѣмъ англійскіе суды. Статья 1039 уложенія о наказаніяхъ допускаетъ ненаказуемость обидчика въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ по мѣткому выраженію А. Ѳ. Кони „подъ поверхностнымъ обликомъ оскорбителя скрывается борецъ за правду, иногда быть можетъ только слишкомъ запальчивый“. На сколько у насъ образованные люди дорожатъ правомъ оповѣщать въ печати правдивыя позорящія обстоятельства, касающіяся служебной и общественной дѣятельности, видно изъ того, что въ округѣ одной изъ южно-русскихъ судебныхъ палатъ всѣ присяжные повѣренные пришли къ соглашенію не возбуждать и не поддерживать обвиненій по статьѣ 1039 ст. улож. о наказ., находя, что примѣненіе этой статьи лишаетъ обвиняемаго возможности доказать правдивость своихъ обличеній, такъ какъ статья эта разрѣшаетъ обвиняемому для своей защиты пользоваться только письменными доказательствами, а между тѣмъ позорные поступки должностныхъ лицъ часто совершаются при такихъ условіяхъ, что письменныхъ доказательствъ вовсе не существуетъ. Практика Правительствующаго Сената также стремится защитить правдивыхъ обличителей даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ своемъ стремленіи къ искорененію общественныхъ злоупотребленій они нѣсколько увлеклись. Добросовѣстное преувеличеніе и даже обобщеніе единичныхъ фактовъ дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто, не почитается за клевету и русскіе суды очень часто оправдываютъ обвиняемыхъ въ диффамаціи, если они представятъ номеръ другой газеты, изъ которой заимствовано сообщеніе, или докажутъ, что слухи объ опубликованномъ обстоятельствѣ „не были лишены основаній“.

«Юридическая газета», 25-го Октября 1901 г. № 74.

Свобода слова.

Совсѣмъ въ иныя условія, какъ видно изъ статьи Шиловскаго поставленъ въ Англіи обвиняемый въ клеветѣ. Тамъ онъ не можетъ

оправдываться тѣмъ, что «слухъ, сообщенный имъ, не былъ лишенъ основанія», тамъ онъ не можетъ ссылаться на то, что позорящее сообщеніе заимствовано изъ другой газеты; каждый слухъ долженъ быть раньше лично тщательно провѣренъ и оповѣстившій позорящее обстоятельство только тогда можетъ расчитывать на безнаказанность, если передалъ дѣйствительно имѣвшій мѣсто фактъ и при томъ съ математическою точностью. Въ одной газетной статьѣ писатель упомянулъ о томъ, что на Лондонской биржѣ ходилъ слухъ о банкротствѣ одной фирмы. Писатель признанъ виновнымъ въ диффамаціи, хотя всему Лондону было извѣстно, что на биржѣ дѣйствительно упорно держался этотъ слухъ, оказавшійся только впослѣдствіи неосновательнымъ. Частная семейная жизнь гражданина, разъ она не затрагиваетъ непосредственно общественный интересъ, ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ обсужденію въ печати. Но кромѣ этой частной области въ которую англійская печать не смѣетъ проникать, существуетъ цѣлый рядъ еще другихъ запретовъ, о которыхъ у насъ не имѣютъ даже представленія. У насъ врачи по секретнымъ болѣзнямъ подробно въ ежедневныхъ газетахъ чуть ли не на самомъ видномъ мѣстѣ сообщаютъ о своемъ искусствѣ и перечисляютъ всѣ виды худыхъ болѣзней, надъ леченіемъ которыхъ они готовы потрудитеся за соотвѣтствующее конечно вознагражденіе. Въ Петербургѣ открыто печатаются объявленія о выходѣ въ свѣтъ сочиненій въ родѣ: «женское тѣло съ картинами съ натуры», «женская половая сфера» и «онанизмъ у всѣхъ возрастовъ». Въ свободной же Англіи за такія объявленія угрожаетъ строгое наказаніе, какъ за оскорбленіе общественнаго стыда. Публикаціи въ газетахъ о леченіи половыхъ болѣзней въ Англіи въ силу акта 52-53 —1889 года не допускается. А законъ Георга IV въ началѣ нынѣшняго столѣтія устанавливалъ: «кто дерзнетъ вывѣшивать публично неприличнаго содержанія картины или объявленія, тотъ да будетъ признанъ бродягой». Въ настоящее-же время законъ Георга IV, какъ утверждаетъ г. Шиловскій, смягченъ актомъ 1889 года, по коему за такую провинность угрожаетъ денежный штрафъ въ 20 фунтовъ и тюремное заключеніе не свыше мѣсяца. Статутъ Георга III устанавливаетъ весьма серьезныя ограниченія для обсужденія политическихъ вопросовъ: „всякія слова и письменныя произведенія, имѣющія цѣлью возбудить у гражданъ ненависть или непочтеніе къ законамъ, къ управленію или къ суду, или парламенту почитается за возмущеніе". Не поздоровилось-бы нашимъ любезнымъ финнамъ и шведоманамъ, если-бы въ Россіи сверхъ административнаго воздѣйствія, т. е. предостереженій и прекращенія газетныхъ изданій, начали-бы примѣнять къ редакторамъ и писателямъ наказанія, полагающіяся въ „Англіи за всякую статью, заключающую въ себѣ грубое и дерзкое порицаніе правительственныхъ и законодательныхъ распоряженій". Особенно интересно что въ Англіи Высшій Судъ и Парламентъ имѣютъ право за оскорбленіе наказывать виновнаго своею собственною властью безъ всякаго формальнаго суда. Вѣдь это уже верхъ проявленія нетерпимости къ свободѣ слова „Если Палата признаетъ себя оскорбленною словесно или письменно, то немедленно дѣлаетъ распоряженіе о наказаніи виновнаго". При этомъ Палата Лордовъ и Высшій Судъ имѣютъ право назначить арестъ совершенно неограниченный какимъ либо временемъ, а Палата Общинъ можетъ

арестовать только на время своей сессіи. Удивительно ли, что при такихъ драконовскихъ законахъ о пресловутой свободѣ слова въ Англіи никто никогда не рѣшается бороться съ авторитетомъ Палаты Лордовъ? Право каждаго англійскаго гражданина обсуждать въ свободномъ и честномъ духѣ государственныя нужды въ сущности пустой звукъ, потому что Палата Лордовъ всегда можетъ счесть себя оскорбленною, когда кто либо затронетъ устарѣвшія привилегіи высшаго сословія лордовъ. Благодаря этому Англія самая консервативная страна въ Европѣ и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что даже вождь Либеральной партіи знаменитый Маколей, возставая противъ всеобщей подачи голосовъ, высказывалъ взгляды большинства англійскихъ государственныхъ людей, увѣряя, что самая худшая тиранія—это тиранія нищихъ и невѣждъ. Лорды правы, полагая, что бѣдная и невѣжественная часть населенія не должна имѣть участія въ высшей власти въ государствѣ, но они глубоко ошибаются, когда полагаютъ, что бѣдная и невѣжественная часть народонаселенія не должна даже въ судѣ пользоваться равноправностью съ ними. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ Россіи, гдѣ существуетъ равный для всѣхъ судъ. Англійское судоустройство нарушаетъ въ лицѣ Палатъ и Высшаго Суда основное начало правосудія, по которому никто не можетъ одновременно быть тяжущимся и судьею по своему собственному дѣлу. Увѣренность въ безпристрастіи судей возможна лишь въ томъ случаѣ, если судьи не заинтересованы въ дѣлѣ, которое они призваны разбирать. А въ Англіи оскорбленныя Палаты не только рѣшаютъ вопросъ о виновности своего оскорбителя но и назначаютъ ему по своему личному произволу размѣръ наказанія. Въ сравненіи съ этимъ крупнымъ недостаткомъ англійскаго судопроизводства пробѣлы нашего законодательства о печати представляются вовсе не столь серьезными, какими обыкновенно принято ихъ считать. Въ сборникѣ Сенатскихъ рѣшеній по Уголовному Кассаціонному Департаменту Сената за 1899 годъ подъ № 4 помѣщено рѣшеніе Сената по дѣлу редактора „Русское Слово“ объ оклеветаніи исправника Прахова. На это рѣшеніе господинъ Шиловскій указываетъ, какъ на доказательство неустойчивости и неопредѣленности вопроса объ отвѣтственности публициста. Изъ текста этого рѣшенія видно, что прежде, чѣмъ дѣло дошло до Сената Судебный Слѣдователь, а затѣмъ Окружный Судъ Судебная Палата и прокурорскій надзоръ, не рѣшая дѣла по существу, въ теченіе почти цѣлыхъ двухъ лѣтъ пререкались между собою только по вопросу, что такое приписаніе должностному лицу полученія «взятки»: клевета ли это, преслѣдуемая по 1535 ст. улож. или обида преслѣдуемая по 1039 ст. улож. о наказ. Наконецъ Сенатъ разъяснилъ, что къ редакторамъ „Русскаго Слова“ Збруеву и Александрову должно быть предъявлено обвиненіе не въ клеветѣ, а въ опозореніи по 1039 ст. улож. о наказ. Кромѣ судебнаго преслѣдованія за обиду и клевету у насъ иногда прибѣгаютъ къ воздѣйствію на редакціи черезъ цензурный комитетъ. Но такъ какъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ обвиняемый редакторъ находится въ полной зависимости отъ безапелляціоннаго рѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати, то нельзя сочувствовать этому способу огражденія чести и достоинства обиженныхъ. Въ Англіи отъ каждаго писателя или оратора безусловно требуется сдержанность въ выраженіяхъ. Грубая форма рѣчи, обидныя

сравненія, оскорбительныя выраженія и преувеличенія всегда влекутъ за собою наказаніе и ни въ какомъ случаѣ не допускются въ англійскихъ судахъ. Если бы въ Англіи присяжный повѣренный позволилъ бы себѣ, защищая своего кліента, недобросовѣстно передергивать общепризнанныя понятія о чести, то его самого постигла бы неизбѣжно тяжкая кара. А у насъ, во имя литературной свободы, часто посягаютъ на чувство чести и извращаютъ основныя правила нравственности. Недавно, напримѣръ, въ Ревельско-Гапсальскомъ Мировомъ Съѣздѣ одинъ присяжный повѣренный увѣрялъ, будто выраженіе: Вы самымъ неблаговиднымъ образомъ водили меня за носъ, не можетъ считаться обиднымъ для присяжнаго повѣреннаго, такъ какъ выраженіе «водить за носъ» часто встрѣчается въ литературѣ. Печальны будутъ послѣдствія, если судебные ораторы безнаказанно начнутъ расточать въ судѣ по адресу своихъ товарищей тѣ «литературныя выраженія», которыми обмѣниваются «босяки» въ произведеніяхъ современныхъ литературныхъ знаменитостей къ родѣ Максима Горькаго. Къ счастью въ Россіи еще есть много судебныхъ дѣятелей, святочтущихъ завѣты того времени, когда по выраженію покойнаго Н. Я. Александрова «чистоплотность преній считалась лучшимъ украшеніемъ суда».

„Юридическая Газета" 18-го ноября 1901 г. № 81.

Морскіе спасатели и судопроизводство по дѣламъ о крушеніяхъ.

Наше законодательство о морской торговлѣ въ постановленіяхъ объ аваріи и крушеніяхъ главнымъ образомъ заботится о томъ, чтобы спасатели не остались безъ вознагражденія за свой трудъ, а интересы самихъ потерпѣвшихъ отъ крушенія почти вовсе не принимаются при этомъ въ расчетъ. Извѣстно, что въ тѣхъ нашихъ приморскихъ городахъ, гдѣ нѣтъ коммерческаго суда, окружнымъ судамъ приходится разсматривать требованія капитановъ и спасательныхъ обществъ о вознагражденіи за спасеніе кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе.

При этомъ почти на каждомъ шагу возникаетъ множество принципіальныхъ правовыхъ вопросовъ, а до Правительствующаго Сената ни одинъ изъ нихъ къ сожалѣнію никогда не доходитъ, такъ какъ всѣ такія дѣла отвѣтчики волей неволей должны оканчивать миромъ въ первой же инстанціи или даже до суда. Неопредѣленностью судебной практики по аварійнымъ дѣламъ очень ловко пользуются мнимые спасатели отъ крушенія. Все ихъ усиліе направляется только къ тому, чтобы добиться во что бы-то ни стало путемъ наложенія ареста на судно и грузъ обезпеченія своей претензіи, предъявляемой въ чрезвычайно преувеличенномъ размѣрѣ. Разъ арестъ на судно или на грузъ наложенъ спасатели могутъ быть увѣрены, что отвѣтчикъ во всякомъ случаѣ *вынужденъ* будетъ вступить съ ними въ переговоры и согласиться на уплату имъ огромной контрибуціи, такъ какъ ждать

судебнаго рѣшенія отвѣтчику немыслимо, ибо пока состоится рѣшеніе второй инстанціи пройдетъ не менѣе года, а то и двухъ лѣтъ, а въ морской торговлѣ судовладѣльцы могутъ утерять вслѣдствіе задержки своего судна, не только фрахтовыя деньги, но и совсѣмъ на долгое время лишиться нанимателей, и каждый день простоя большого океанскаго парохода приноситъ его хозяевамъ убытокъ отъ 25 до 45 фунт. стерлинговъ, т. е. около 350 руб. въ день. Статья 500 уст. торговаго опредѣляетъ общій размѣръ вознагражденія всѣхъ участвовавшихъ въ спасеніи и сбереженіи въ зависимости отъ разстоянія, въ которомъ произошло крушеніе; а именно, если судно, крушилось далѣе одной версты отъ берега, то вознагражденіе полагается въ размѣрѣ одной четверти стоимости всего спасеннаго, а если ближе одной версты, то въ размѣрѣ одной шестой. Это вознагражденіе должно быть распредѣлено, согласно 501 ст. уст. торговаго, между всѣми участниками такимъ образомъ, что двѣ доли всего вознагражденія выдаются тѣмъ, кто участвовалъ въ спасеніи изъ воды, одна доля выдается оберегавшимъ спасенное и одну долю получаетъ тотъ, кто распоряжался при спасеніи и сбереженіи корабля и груза. Само собою разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, когда, корабль потерпѣлъ полное крушеніе, т. е. разбился или затонулъ и когда онъ оставленъ экипажемъ, а самый спасенный изъ воды грузъ поступилъ въ вѣдѣніе таможни, тогда не можетъ возникнуть никакихъ сомнѣній въ правѣ спасателей на полученіе выше указанныхъ законныхъ долей. Губернское правленіе обязано тогда сдѣлать распоряженіе о продажѣ съ публичныхъ торговъ спасеннаго груза и корабля и четвертая часть вырученной отъ этой продажи денежной суммы выдается всѣмъ участвовавшимъ въ спасеніи, если между ними нѣтъ спора о распредѣленіи ея между собою; если же есть споръ, то деньги впосятся въ депозитъ мѣстнаго окружнаго суда, а лицамъ, принимавшимъ участіе въ спасеніи, предоставляется разобраться между собою въ судѣ. Совсѣмъ иныя юридическія отношенія возникаютъ почти каждый разъ, когда корабль не погибъ, а только находился въ опасномъ положеніи, изъ котораго его вывело другое судно. По русскому морскому праву, какъ видно изъ ст. 478 уст. торг. т. XI св. зак. крушеніе признается такое гибельное состояніе корабля, изъ котораго самъ корабль никакимъ образомъ выйти не могъ. При этомъ законъ нашъ, говоря о крушеніи, къ сожалѣнію, перечисляетъ такія поврежденія корабля, которыя въ сущности вовсе не составляютъ еще сами по себѣ крушенія. А такъ какъ получить причитающееся по русскому закону за „спасеніе при кораблекрушеніи огромное вознагражденіе въ видѣ одной четверти стоимости корабля и его груза очень заманчиво каждому капитану, случайно оказавшему какую-либо помощь другому кораблю, находившемуся въ опасномъ положеніи, то почти всякая незначительная услуга, въ родѣ простой буксировки или разгрузки потерпѣвшаго аварію корабля, влечетъ за собою предъявленіе требованія о вознагражденіи какъ будто „за спасеніе отъ кораблекрушенія“. На сколько преувеличены эти требованія можно судить уже потому, какъ быстро они уменьшаются въ тѣхъ случаяхъ, когда страховыя общества и грузополучатели выказываютъ рѣшимость, не пугаясь угрозы «наложенія ареста на корабль», выжидать судебнаго рѣшенія окружнаго

суда. Споръ въ этихъ случаяхъ сводится къ разрѣшенію вопроса «о томъ, была-ли наличность крушенія?

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказывается, что о „крушеніи“ не можетъ быть и рѣчи. Все вознагражденіе, какое судъ по справедливости могъ-бы присудить за труды мнимому спасателю, не превышаетъ нѣсколькихъ сотенъ рублей за буксировку, а между тѣмъ требованія предъявляются на десятки и даже сотни тысячъ рублей.

Собственно говоря, обезпеченіе можетъ быть допускаемо только по такимъ искамъ, которые по соображеніи представленныхъ къ дѣлу доказательствъ представляются Суду „достовѣрными“ (ст. 591 и 594 уст. гр. суд.).

Но по аварійнымъ дѣламъ ни одинъ окружный судъ никогда не рѣшается отказать въ просьбѣ объ обезпеченіи иска даже при сомнительности и явной преувеличенности требованія, потому что у истцовъ всегда есть очень вѣскій доводъ въ пользу необходимости обезпеченія такого рода исковъ: «спасенный корабль, принадлежащій иностранному обществу, на дняхъ покидаетъ русскія воды и такимъ образомъ истецъ лишится возможности получить удовлетвореніе, если немедленно не будетъ наложенъ арестъ на судно и его грузъ». Этотъ доводъ всегда производитъ желаемое дѣйствіе, арестъ накладывается на корабль, а грузовладѣльцы вслѣдствіе этого вынуждаются уплатить спасателямъ «добровольно» во избѣжаніе убытковъ, связанныхъ съ арестомъ, такую сумму, какую никакой судъ съ нихъ присудить не можетъ. Иногда спасатели прибѣгаютъ къ еще *болѣе* простому способу принужденія отвѣтчиковъ къ уплатѣ, а именно: представители парохода, оказавшаго какую-либо помощь въ морѣ другому кораблю, заявляютъ, по прибытіи суда въ гавань, губернскому правленію о томъ, что капитанъ ихъ судна спасъ такой-то корабль при кораблекрушеніи и требуетъ награду за спасеніе по русскому закону. Въ доказательство своего заявленія просители представляютъ морской протестъ, составленный со словъ капитана и штурмана, т. е. лицъ прямо заинтересованныхъ въ полученіи огромнаго вознагражденія за спасеніе отъ мнимаго крушенія. Губернское правленіе, которому подвѣдомственны лишь дѣла о кораблекрушеніяхъ, а не гражданскіе споры о вознагражденіи за оказаніе простой помощи, дѣлаетъ тотчасъ распоряженіе о задержаніи судна и о составленіи описи въ виду поступившаго заявленія о спасеніи его при кораблекрушеніи.

Напрасно владѣльцы груза и страховщики протестуютъ противъ такого задержанія, увѣряя, что въ данномъ случаѣ вовсе не было крушенія, а лишь простое оказаніе помощи, вознагражденіе за которую должно быть опредѣлено или согласно добровольному соглашенію сторонъ, или по справедливому усмотрѣнію суда. Губернскія правленія, предоставляя сторонамъ обращаться въ судъ всетаки предписываютъ полиціи и таможнѣ продолжать опись и не выпускать корабль изъ гавани.

А вѣдь это только и нужно мнимымъ спасателямъ! чтобы не быть голословнымъ приведу нѣсколько примѣровъ *изъ моей* практики. Въ Октябрѣ 1896 года пароходъ «Петръ Бергъ», принадлежащій Датско-Россійскому пароходному обществу, правленіе коего помѣщается въ Копенгагенѣ, встрѣтилъ въ Финскомъ заливѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ревеля англійскій пароходъ «Денію», подававшій сигналы о помощи.

Приблизясь къ «Деніи» капитанъ парохода «Петръ Бергъ» узналъ, что у «Деніи» сломался винтовой валъ руля и по просьбѣ капитана «Деніи» согласился отвезти это судно на буксирѣ въ Ревельскую гавань. Буксировка продолжалась всего около восьми часовъ и вотъ за эту восьмичасовую работу Датское пароходное общество по прибытіи въ Ревельскій портъ парохода «Деніи» на буксирѣ у парохода «Петръ Бергъ» заявило губернскому правленію о желаніи получить вознагражденіе какъ за спасеніе при кораблекрушеніи, т. е. пожелало получить одну четвертую часть стоимости всего парохода «Деніи» и его груза. Губернское правленіе тотчасъ-же распорядилось не выпускать пароходъ «Денію» изъ Ревельской гавани и поручило таможнѣ составить опись и оцѣнку парохода и груза для опредѣленія суммы, составляющей одну четверть ихъ стоимости. Ни просьбы, ни протесты, ни телеграммы представителей Англійскаго Ллойда, ни письменныя прошенія, поданныя мною по довѣренности капитана парохода «Денія», не привели къ освобожденію парохода „Денія“ и его груза отъ ареста. Страховщики, понуждаемые грузополучателями и судовладѣльцами, уже, почти, готовы были уплатить Датскому пароходному обществу чрезмѣрную его претензію, такъ какъ грузополучатели требовали товаръ, а губернское правленіе не выпускало корабль изъ гавани. Къ счастью мы представили Эстляндскому губернскому правленію нотаріальную подписку извѣстнаго милліонера барона Кнопа, въ которой значилось, что торговый домъ „Л. Кнопъ“ принимаетъ на себя неограниченную отвѣтственность за пароходъ „Денію“ въ той суммѣ, въ какой будетъ признана подлежащею удовлетворенію претензія Датскаго пароходнаго общества. Послѣ этого пароходъ „Денія“ былъ выпущенъ изъ Ревельской гавани, а Датское пароходное общество черезъ присяжнаго повѣреннаго Ю. Е. Кроля предъявило въ Ревельскомъ окружномъ судѣ искъ къ капитану парохода „Деніи“ въ суммѣ семидесяти тысячъ рублей. Съ этого только момента отвѣтчикъ почувствовалъ, что онъ не находится въ полной зависимости отъ произвола спасателей. Послѣ первыхъ-же возраженій противъ иска, представленныхъ мною въ окружномъ судѣ, требованія „спасателей“ сдѣлались гораздо умѣреннѣе и по прошествіи нѣсколькихъ недѣль Датское пароходное общество уже изъявило согласіе удовольствоваться полученіемъ полторы тысячи фунтовъ стерлинговъ, т. е. *около пятнадцати тысячъ рублей*, вмѣсто семидесяти тысячъ рублей. А вѣдь если-бы пароходъ «Денія» не былъ своевременно освобожденъ отъ ареста, то спасатели вынудили-бы въ концѣ концовъ уплатить имъ семьдесятъ тысячъ рублей.

Второй подобный-же случай имѣлъ мѣсто въ 1898 году. Англійскій пароходъ „Елизабетъ“ сѣлъ въ девяти верстахъ отъ Ревеля на мель, сняться съ которой ему удалось только послѣ того, какъ часть груза была выброшена въ море, а часть перегружена на пароходъ «Фрея», принадлежащій Россійско-Балтійскому Спасательному акціонерному обществу, и вотъ, несмотря на то, что пароходъ „Елизабетъ“, какъ оказалось изъ донесенія Ревельской таможни за № 8001, „самостоятельно вошелъ въ Ревельскую гавань“, Балтійское Спасательное общество подало Эстляндскому губернскому правленію прошеніе, въ которомъ объясняло, что пароходъ «Фрея» спасъ пароходъ „Елизабетъ“ отъ крушенія, снявъ его съ мели и пробуксировавъ въ Ревельскую гавань,

а въ виду того, что означенный пароходъ можетъ покинуть Ревельскую гавань раньше полученія Россійско-Балтійскимъ обществомъ установленнаго закономъ вознагражденія за спасеніе при кораблекрушеніи, просило сдѣлать распоряженіе, чтобы пароходъ „Елизабетъ“ съ грузомъ не былъ выпущенъ изъ гавани раньше удовлетворенія общества установленною наградой за спасеніе. Губернское правленіе тотчасъ исполнило эту просьбу, въ виду того, что, согласно 521 ст. уст. торговаго ч. 2 XI тома св. зак., «спасенные товары и корабли выдаются хозяевамъ не иначе, какъ съ разрѣшенія губернскаго правленія по предъявленіи удостовѣренія объ удостовѣреніи всѣхъ спасавшихъ и сберегавшихъ». И вотъ пароходъ «Елизабетъ» оказался въ такомъ же плѣну, какъ и пароходъ «Денія». Самый большой недостатокъ этой системы заарестованія пароходовъ черезъ губернскія правленія заключается въ томъ, что, въ отличіе отъ судебнаго ареста, губернское правленіе не опредѣляетъ въ какой суммѣ обезпечивается претензія спасателей, а просто поручаетъ таможнѣ задержать корабль и весь грузъ. Такимъ образомъ владѣльцы груза и страховыя общества лишены даже возможности замѣнить арестъ взносомъ денежнаго залога, тогда какъ въ судѣ, согласно 593 ст. уст. гр. суд., «обезпеченіе допускается только по искамъ, опредѣленнымъ извѣстною суммою» и, слѣдовательно, отъ ареста, наложеннаго по судебному опредѣленію, всегда возможно, согласно 615 ст. гр. суд., освободиться, внеся въ депозитъ суда опредѣленную денежную сумму. Съ пароходомъ «Елизабетъ» повторилась почти такая-же исторія, какъ и съ пароходомъ «Денія».

Губернское правленіе ни за что не соглашалось освободить пароходъ «Елизабетъ» до тѣхъ поръ, пока не была произведена оцѣнка парохода, выяснившая, что весь пароходъ представляетъ цѣнность въ 30 тысячъ рублей. Тогда, какъ повѣренный Англійскаго Ллойда, я внесъ въ казначейство 7750 руб., т. е. одну четверть всей стоимости парохода, и заявилъ, что на основаніи § 16 трактата о торговлѣ и мореплаваніи отъ 31 Декабря 1858 года между Великобританіей и Россіею, по которому англійскіе торговые корабли должны быть немедленно выдаваемы хозяевамъ по представленіи ими тѣхъ пошлинъ и платежей, которые при тѣхъ же условіяхъ причитались-бы съ русскаго судна, я требую, чтобы Эстляндскій губернаторъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе объ освобожденіи парохода отъ ареста.

Высшая сумма, какую вообще спасатели имѣли-бы право получить за свои труды въ томъ даже случаѣ, если-бы было доказано, что пароходъ „Елизабетъ“ потерпѣлъ крушеніе и что они спасли его отъ неминуемой гибели, не могла по закону превышать 25 проц. стоимости спасеннаго; а между тѣмъ заарестованіе парохода вынудило хозяевъ парохода удовлетворить чрезмѣрную претензію спасательнаго общества, хотя на самомъ дѣлѣ пароходъ „Елизабетъ“ никакого крушенія не потерпѣлъ.

Насколько въ интересахъ выясненія правды желательно, чтобы дѣла о крушеніяхъ были совсѣмъ изъяты изъ вѣдѣнія губернскихъ правленій, видно изъ того, что мнимые спасатели чрезвычайно боятся судебнаго разбирательства и быстро начинаютъ уменьшать свои требованія каждый разъ, когда видятъ, что ихъ претензія на полученіе

награды за спасеніе, якобы отъ кораблекрушенія, будетъ оспариваться страховымъ обществомъ судебнымъ порядкомъ.

Въ нынѣшнемъ году капитанъ парохода «Генералъ Скобелевъ» предъявилъ къ капитану парохода «Гарпингеръ» въ Ревельскомъ окружномъ судѣ искъ въ суммѣ 43,585 руб. о вознагражденіи за спасеніе груза и парохода отъ кораблекрушенія.

Отвѣтчикъ впрочемъ не особенно огорчился этимъ искомъ, такъ какъ грузъ парохода «Гарпингеръ» былъ застрахованъ въ обществѣ «Надежда». Но, когда спасателямъ стало извѣстно, что общество «Надежда» намѣрено поручить защиту своихъ интересовъ своему повѣренному, а не тому, который будетъ выступать со стороны капитана спаснаго парохода, то требованіе спасателей сейчасъ-же уменьшилось, а когда въ первомъ судебномъ засѣданіи по довѣренности страховой компаніи «Надежда» были мною представлены разные документы, доказывающіе, что никакого крушенія пароходъ «Гарпингеръ» вообще не потерпѣлъ, и что требованія капитана парохода «Скобелевъ» черезмѣрно преувеличены, то спасатели поспѣшили окончить дѣло миромъ, предложивъ компаніи „Надежда“ уплатить только 3500 рублей вмѣсто 40 тысячъ рублей, которые причитались-бы съ „Надежды“ въ томъ случаѣ, если бы капитанъ парохода „Скобелевъ“ имѣлъ дѣйствительно право на вознагражденіе за спасеніе при кораблекрушеніи.

Но всѣ эти примѣры блѣднѣютъ предъ процессомъ по иску капитана парохода „Нидеросъ“ въ суммѣ 65,000 руб. къ капитану парохода „Ганзенъ“, разсматривавшемуся въ Ревельскомъ окружномъ судѣ 27-го Сентября 1901 года. Оба эти парохода принадлежатъ одному и тому же „Копенгагенскому соединенному пароходному обществу“, у котораго на службѣ состоятъ истецъ и отвѣтчикъ. При исковомъ прошеніи истецъ представилъ письменный договоръ, заключенный между тремя капитанами пароходовъ «Нидеросъ», «Ганзенъ» и «Георгіосъ», по которому капитанъ парохода «Ганзенъ» обязался уплатить капитанамъ «Георгіоса» и «Нидеросъ» награду по русскому закону «за спасеніе своего судна». Поэтому увѣряя, что «Георгіосъ» и «Нидеросъ» спасли пароходъ «Ганзенъ» отъ неминуемой гибели, истецъ требовалъ вознагражденіе за спасеніе при кораблекрушеніи сперва до суда въ размѣрѣ ста тысячъ рублей, т. е. въ размѣрѣ одной четвертой части стоимости корабля «Ганзенъ» и его груза, оцѣниваемыхъ въ суммѣ 400,000 руб., а впослѣдствіи предъявилъ искъ уже только въ размѣрѣ одной шестой доли съ этой оцѣнки. Отвѣтчикъ, признавая письменный договоръ и факты, изложенные въ исковомъ прошеніи, находилъ, что судъ обязанъ присудить въ пользу истца вознагражденіе за помощь, оказанную пароходу «Ганзенъ». По тутъ въ дѣло вступило общество «Русскій Ллойдъ», ставъ на сторону отвѣтчика для того, чтобы помочь ему выиграть дѣло, отъ проигрыша котораго отвѣтчикъ рѣшительно ничего не теряетъ. Затѣмъ изъ доказательствъ, представленныхъ нами со стороны Русскаго Ллойда, выяснилось, что фактическія обстоятельства, изложенныя въ исковомъ прошеніи, вовсе не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и что даже самый письменный договоръ о вознагражденіи за спасеніе, представленный при исковомъ прошеніи, былъ написанъ вовсе не на борту парохода «Ганзенъ» и вовсе не въ тотъ день, какимъ помѣченъ, а сфабрикованъ уже значительно позднѣе. Допрошенный

въ качествѣ свидѣтеля Вице-Адмиралъ Макаровъ удостовѣрилъ подъ присягою, что всѣ три парохода Копенгагенскаго соединеннаго пароходнаго общества „Ганзенъ“, „Нидеросъ“ и „Георгіосъ“ были затерты льдомъ у маяка Суропа и находились въ совершенно безпомощномъ состояніи до прибытія ледокола „Ермака“, который освободилъ изъ льда всѣ три названные парохода и предложилъ пароходу „Ганзенъ“, потерявшему винтъ, свои услуги, чтобы *безвозмездно* пробуксировать его до Ревельской гавани. Однако капитанъ парохода „Ганзенъ“ отказался отъ услуги адмирала Макарова, отвѣтивъ, что онъ больше въ помощи не нуждается, такъ какъ идущій то-же въ Ревель пароходъ ихъ-же компаніи „Нидеросъ“ будетъ буксировать „Ганзенъ“. А послѣ того, какъ всѣ эти три судна благополучно прибыли въ Ревель, Копенгагенское пароходное общество заявило страховому обществу и грузополучателямъ, что капитанъ „Нидероса“ требуетъ награду въ сто тысячъ рублей за спасеніе груза и парохода „Ганзенъ“ и такую же награду за спасеніе парохода „Георгіосъ“. Возмущенный такимъ требованіемъ представитель „Англійскаго Ллойда“ отвѣтилъ отказомъ и заявилъ, что ему хорошо извѣстны обстоятельства, при какихъ всѣ три парохода были освобождены отъ опасности ледоколомъ „Ермакомъ“. Послѣ такого отказа Копенгагенское общество сдѣлало еще попытку уговорить страхователей окончить дѣло миромъ на шестидесяти шести тысячахъ руб. и когда и это предложеніе было отвергнуто, что капитанъ парохода „Нидеросъ“ предъявилъ искъ къ капитану парохода „Ганзенъ“ въ Ревельскомъ окружномъ судѣ и только тогда впервые выплылъ на свѣтъ письменный договоръ, о которомъ до того не было вовсе и рѣчи. На судѣ выяснилось, что искъ направленъ явно ко вреду третьихъ лицъ и что о наградѣ капитана „Нидеросъ“ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ не онъ спасалъ, а напротивъ того самъ былъ спасенъ вмѣстѣ съ своими сотоварищами по несчастью великодушнымъ „Ермакомъ“. Ревельскій окружный судъ на основаніи доводовъ и доказательствъ, представленныхъ мною какъ повѣреннымъ страховаго общества Ллойда, отказалъ въ искѣ, хотя отвѣтчикъ увѣрялъ, что истцу полагается награда.

Всего важнѣе въ этомъ дѣлѣ, что окружному суду удалось выяснить истну, несмотря на черезвычайно тонко задуманный планъ Копенгагенскаго пароходнаго общества. А вѣдь если бы претензія Копенгагенскаго общества къ своему-же собственному пароходу „Ганзенъ“ была-бы заявлена не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ черезъ губернское правленіе, то грузополучателямъ и Русскому Ллойду пришлось бы, подъ вліяніемъ опасенія огромныхъ убытковъ отъ ареста груза, заплатить шестьдесятъ шесть тысячъ рублей за мнимое спасеніе парохода „Ганзенъ“ пароходомъ „Нидеросъ“, тогда какъ въ дѣйствительности оба эти парохода были спасены адмираломъ Макаровымъ, не потребовавшимъ съ спасенныхъ Датчанъ ни одной копѣйки за свои труды.

Впрочемъ далеко невсегда подобныя претензіи мнимыхъ спасателей остаются безъ удовлетворенія. Наоборотъ большею частью спасенные пароходы уплачиваютъ огромныя контрибуціи только потому, что у насъ не существуетъ особаго ускореннаго и упрощеннаго для аварійныхъ дѣлъ производства. Учрежденіе особаго скораго судебнаго

производства для разрѣшенія аварійныхъ дѣлъ представляется чрезвычайно желательнымъ въ интересахъ русской морской торговли.

Павелъ Булацель.

«Юридическая газета» 21-го Марта, 1902 г. № 22.

Привилегіи прибалтійскаго дворянства въ силу закона и обычая.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ отчужденности прибалтійскаго дворянства несомнѣнно кроется въ полной невозможности для русскихъ людей пріобрѣтать въ прибалтійскихъ губерніяхъ дворянскія вотчины. Какъ можетъ русскій дворянинъ рисковать покупкою имѣній въ балтійскомъ краѣ, когда съ переѣздомъ въ «остзейскія губерніи», онъ утрачиваетъ исконныя права. Въ должность предводителя дворянства, въ ландраты, въ секретари опеки, въ дворянскіе депутаты и проч. могутъ быть избраны только такія лица, для которыхъ явка на ландтаги «обязательна», то есть—иными словами—только тѣ дворяне, которые записаны въ мѣстные матрикулы. А такъ какъ, согласно ст. 12 ч. 2 св. м. узак., право рѣшать вопросъ о внесеніи или невнесеніи кого либо въ мѣстный метрикулъ, равно какъ и вопросъ объ исключеніи изъ дворянской корпораціи, принадлежитъ *всецѣло* каждому изъ четырехъ обществъ коренного дворянства прибалтійскихъ губерній, то понятно, что всѣ лица, самостоятельные взгляды которыхъ почему либо не нравятся заправиламъ нѣмецкаго дворянства, никогда не могутъ попасть въ матрикулы мѣстнаго рыцарства, хотя бы они и владѣли недвижимостями въ прибалтійскихъ губерніяхъ и имѣли несомнѣнное право на внесеніе своихъ родовъ въ родословныя книги коренного прибалтійскаго дворянства. Потомкамъ русскихъ князей Рюриковичей дворянство балтійское можетъ отказать въ записи ихъ въ свои матрикулы, безъ объясненія побудительныхъ къ отказу причинъ! Разница въ этомъ отношеніи между спеціально балтійскими матрикулами и обще-русскими дворянскими книгами очень большая: по закону 28 Мая 1900 года, собранію предводителей и дворянства предоставлено отказывать въ удовлетвореніи ходатайства дворянина, *не владѣющаго въ губерніи недвижимою собственностью*, о внесеніи его рода въ дворянскую родословную книгу, при чемъ такой отказъ не подлежитъ обжалованію. Но если дворянинъ, домогающійся внесенія въ дворянскую книгу, владѣетъ въ той губерніи имѣніемъ, то ему въ его ходатайствѣ, безъ законныхъ поводовъ, отказано быть не можетъ. Иначе говоря, цѣль закона 28 Мая 1900 года—оградить помѣстное дворянство отъ обязанности принимать въ свою среду безземельныхъ дворянъ, между тѣмъ, какъ цѣль закона, выраженнаго въ ст. 12 ч. 2 св. мѣст. узак., совершенно иная и состоитъ въ томъ, чтобы оградить *нѣмецкое* прибалтійское дворянство отъ притока русскихъ дворянскихъ родовъ.

Ненормальность такого положенія столь очевидна, что нѣтъ надоб-

ности подробнѣе разъяснять, насколько нежелательно, чтобы указанныя привилегіи были сохранены и на будущее время. Впрочемъ, прибалтійскіе рыцари сами хорошо понимаютъ огромное значеніе ст. 12 ч. 2 св мѣстн. узак. и поэтому балтійская нѣмецкая печать, всегда отстаивающая интересы бароновъ, силится утверждать, будто бы съ внесеніемъ въ матрикулы не связаны никакія выгоды, вслѣдствіе чего и нѣтъ основаній для преобразованія этого *частнаго* дѣла прибалтійскаго рыцарства.

Въ дѣйствительности—это вовсе не такъ: семейный характеръ матрикулъ тутъ ни при чемъ, ибо на первомъ планѣ стоитъ вопросъ первостепенной государственной важности, такъ какъ невнесенный въ матрикулы потомственный дворянинъ является неполноправнымъ, чѣмъ, очевидно, значеніе и матрикулованнаго дворянства искусственно поднимается.

Такимъ образомъ, напримѣръ, права и преимущества русскаго дворянина, пріобрѣтающаго имѣніе въ одной изъ балтійскихъ губерній, зависятъ всецѣло отъ усмотрѣнія мѣстнаго рыцарства и единственнымъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ является случай, предусмотрѣнный въ ст. 11-й т. 2 св. м. уз., по силѣ которой: «всякій», кто получаетъ, по Высочайшей милости, дворянскую вотчину въ прибалтійскихъ губерніяхъ, черезъ то самое поступаетъ въ число коренныхъ дворянъ края и родъ его немедленно вносится въ мѣстную матрикулу".

Рядомъ съ этимъ, однако, само прибалтійское дворянство широко пользовалось своимъ правомъ, по собственному усмотрѣнію, возводить угодныхъ ему лицъ въ рыцарское достоинство. Чтобы уяснить значеніе этого права, нужно обратиться къ ст. 19 ч. 2 мѣстн. узак., которая гласитъ: „когда одно изъ обществъ коренного дворянства прибалтійскихъ губерній, по *особенному уваженію къ заслугамъ и достоинствамъ какого-либо лица*, по единодушному желанію всего собранія пожелаетъ причислить его къ своему сословію, то опредѣленіе о принятіи сего лица допускается *безъ предварительнаго разсмотрѣнія доказательствъ его состоянія*, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его чину или званію, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ принадлежитъ къ россійскому потомственному дворянству".

Нетрудно понять, насколько важно право, предоставляемое балтійскому рыцарству приведенною 19 статьею: новый рыцарь появляется въ силу непосредственнаго и неподлежащаго провѣрки, усмотрѣнія самого прибалтійскаго дворянства и, послѣ внесенія въ матрикулы, онъ пользуется уже всѣми, безъ исключенія, правами, предоставленными коренному дворянству прибалтійскихъ губерній.

Обыкновенно балтійское рыцарство, заискивая у вліятельныхъ петербургскихъ вельможъ, пользовалось статьею 19 ч. 2-й для вписанія въ свое сословіе тѣхъ россійскихъ дворянскихъ фамилій, представители которыхъ были въ особой силѣ въ столицѣ.

Такимъ образомъ, въ числѣ балтійскихъ рыцарей значатся Орловы, Минихи, Зубовы, Панины, Долгорукіе, Голицыны, Сперанскіе, Балашевы, Бибиковы, Блудовы, Канкрины, Волконскіе, Куракины, Муравьевы, Воронцовы, Новосильцевы и др. Но, кромѣ Министровъ, иногда и мелкіе чиновники, служившіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ особенности имѣющіе нѣмецкія и шведскія фамиліи, удостоивались, за

свои заслуги предъ балтійскимъ дворянствомъ, внесенія въ мѣстные матрикулы. А такъ какъ взгляды на заслуги—съ точки зрѣнія русской и нѣмецкой — не совсѣмъ одинаковы, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что внесенія въ мѣстныя родословныя книги балтійскаго рыцарства удостаивались большею частью такіе чиновники, которые не только ничего для болѣе тѣснаго сближенія прибалтійскихъ губерній съ остальною Россіею не дѣлали, но даже, наоборотъ, содѣйствовали ихъ онѣмеченію.

Изъ дворянскихъ сословныхъ учрежденій, вѣдающихъ предметы, касающіеся благосостоянія всего народонаселенія прибалтійскихъ губерній, на первомъ планѣ стоятъ ландтаги, а затѣмъ всевозможные комитеты и конвенты, въ которыхъ руководящее и преобладающее значеніе имѣетъ дворянство.

Въ Лифляндской губерніи, какъ видно изъ ст. 61, 62, 63, 64 и 101 ч. II св. м. уз., ландтагъ состоитъ: во 1-хъ, изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ или имматрикулованныхъ дворянъ, во 2-хъ, изъ незаписанныхъ въ мѣстные матрикулы, владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ и дворянскихъ арендъ, въ 3-хъ, изъ двухъ депутатовъ отъ рижскаго общества. Для имматрикулованныхъ дворянъ, въ возрастѣ отъ 21 до 60 лѣтъ, владѣющихъ недвижимыми имѣніями въ Лифляндской губерніи, явка въ засѣданія ландтага обязательна, а для всѣхъ прочихъ перечисленныхъ лицъ, она необязательна.

Также точно въ Эстляндіи всѣ имматрикулованные, владѣющіе въ губерніи имѣніями, дворяне «*обязаны*» участвовать въ ландтагѣ, всѣ же неимматрикулованные владѣльцы дворянскихъ имѣній только «могутъ» въ немъ участвовать; мѣстные же коренные дворяне, утратившіе недвижимыя имѣнія, могутъ присутствовать на засѣданіяхъ ландтага, но безъ права голоса.

Въ Курляндской губерніи ландтагъ состоятъ изъ депутатовъ, избираемыхъ въ приходскихъ собраніяхъ, изъ всѣхъ лицъ, владѣющихъ дворянскими вотчинами, и изъ всѣхъ имматрикулованныхъ дворянъ, объявившихъ, что они имѣютъ годовой доходъ въ суммѣ не менѣе 4.200 р. *Однако, если въ депутаты отъ прихода будетъ избрано лицо, неимматрикулованное, то имматрикулованные дворяне избираютъ уже отъ себя, изъ своей среды, еще особаго депутата*, пользующагося голосомъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся исключительно интересовъ дворянства (ст. 301 ч. II св. м. уз. губ. приб.).

Исполнительными земскими органами въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ и на островѣ Эзелѣ являются ландратскія коллегіи. Ландраты избираются «*только изъ мѣстныхъ дворянъ*», состоятъ по должности въ IV классѣ и пользуются несмѣняемостью. Всѣхъ ландраговъ въ Лифляндіи—12, въ Эстляндіи—тоже 12 и на островѣ Эзелѣ—4.

Такимъ образомъ съ принадлежностью къ имматрикулованному дворянству связано существенное преимущество, а именно право быть избраннымъ въ ландраты. При этомъ не лишнимъ будетъ замѣтить, что, въ то время, какъ должность уѣздныхъ предводителей дворянства во всей Россіи считается должностью пятаго класса, ландраты почему то состоятъ въ четвертомъ.

Самыя засѣданія ландтаговъ и дворянскихъ комитетовъ происходятъ *при закрытыхъ дверяхъ*, такъ что входъ въ эти засѣданія посторон-

нимъ лицамъ и представителямъ печати не разрѣшается. Губернаторъ объявляетъ засѣданіе ландтага открытымъ, но затѣмъ и онъ оставляетъ залъ, а что потомъ говорится въ засѣданіи,—объ этомъ знаютъ только участники ландтага. Такимъ образомъ пренія, доклады, и разговоры въ ландтагахъ „*могутъ*“ происходить на нѣмецкомъ языкѣ и все что высказывается въ этихъ нѣмецкихъ собраніяхъ, составляетъ зачастую совершенную тайну для русскаго общества и русскаго правительства.

Возможно ли себѣ представить *русское* дворянское собраніе, которое дѣлало бы тайну изъ всего того, что говорится и обсуждается въ его засѣданіяхъ! И если даже допустить предположеніе, что на всѣхъ своихъ собраніяхъ балтійское рыцарство всегда сохраняетъ полную корректность и лояльность по отношенію къ русскому правительству, то и тогда нельзя отнестись съ похвалою къ стремленію окутывать глубокою тайною все то, что говорится и обсуждается въ собраніяхъ. Тотъ, кто прячется отъ русскаго правительства и гласности — не вправѣ требовать къ себѣ довѣрія русскаго общества!

Чтобы простому губернскому дворянскому собранію придать видъ сейма, объединяющаго quasi—нѣмецкое населеніе всѣхъ трехъ губерній и острова Эзеля, придуманъ обычай, въ силу котораго на каждый губернскій ландтагъ другія прибалтійскія губерніи посылаютъ своихъ депутатовъ. Между тѣмъ этотъ обычай не только не основанъ на законѣ, но даже противорѣчитъ общегосударственнымъ законамъ, такъ какъ, въ силу ст. 90-й тома IX св. зак. о сост. изд. 1899 г., «дворяне *каждой* губерніи образуютъ *отдѣльное дворянское общество*, которому, для совѣщанія по общественнымъ дѣламъ, разрѣшается составлять собранія». Поэтому въ такихъ собраніяхъ дворяне могутъ совѣщаться только по дѣламъ *своей* губерніи, а никакъ не устанавливать *общія правила для сосѣднихъ губерній*. Нѣмецкая же партія установила систему „наблюденія“ со стороны дворянства каждой прибалтійской губерніи за дворянскими собраніями въ другихъ губерніяхъ остзейскаго края, и этимъ путемъ она стремится не только къ объединенію нѣмцевъ, но и къ укрощенію тѣхъ болѣе благоразумныхъ среди нихъ элементовъ, которые не прочь высказаться за обрусѣніе, но молчатъ изъ боязни навлечь на себя гнѣвъ заправилъ! Интересно было бы видѣть физіономіи балтійскихъ рыцарей въ тотъ моментъ, когда дворянству изъ другихъ русскихъ губерній пришло бы въ голову прислать также и своихъ депутатовъ на ландтагъ въ Эстляндскую или Лифляндскую губернію.

Обыкновенно засѣданія ландтаговъ созываются черезъ каждые три года, по распоряженію Губернатора, а чрезвычайные ландтаги — въ особо важныхъ случаяхъ. Разрѣшеніе на созывъ чрезвычайнаго ландтага должно быть каждый разъ особо испрашиваемо у Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Каждый изъ ландратовъ, поочередно, управляетъ въ теченіе одного мѣсяца текущими дѣлами, причемъ очередному ландрату принадлежитъ въ губерніи надзоръ за земскими почтами, управленіемъ имѣніями, находящимися въ пользованіи дворянскихъ обществъ, и за составленіемъ раскладокъ всѣхъ губернскихъ денежныхъ повинностей. По дѣламъ, касающимся интересовъ дворянъ, ландратъ приглашается въ засѣданія

губернскаго правленія, а также приказа общественнаго призрѣнія, и занимаетъ тамъ *первое* мѣсто послѣ Губернатора.

Во всѣхъ ландтагахъ имматрикулованные дворяне имѣютъ подавляющій перевѣсъ надъ другими владѣльцами дворянскихъ вотчинъ, такъ какъ огромное большинство этихъ вотчинъ до сихъ поръ находится въ рукахъ имматрикулованнаго, мѣстнаго дворянства. А для того, чтобы помѣшать русскимъ дворянамъ и крестьянамъ покупать вотчины въ прибалтійскихъ губерніяхъ, существуютъ огромные дворянскіе капиталы для выкупа тѣхъ дворянскихъ имѣній, которыя попадаютъ въ чужія руки.

По ст. 1648 ч. III св. м. уз., право выкупа утрачивается по истеченіи срочнаго года, но срочный годъ по ст. 1648 имѣетъ не 365 дней, какъ во всемъ мірѣ, а считается *съ того дня, когда имѣющему право выкупа стало извѣстно объ отчужденіи*. При такомъ широкомъ правѣ выкупа, конечно, русскимъ людямъ нельзя рисковать покупкою дворянскихъ вотчинъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, ибо, даже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ покупки, можетъ появиться лицо, имѣющее право на выкупъ родового имѣнія.

«Юридическая газета» 26-го Января 1903 г. № 8.

Балтійскіе законники.

Участники комиссій, которые занимались когда-то кодификаціею гражданскихъ обычаевъ и законоположеній прибалтійскихъ губерній, къ сожалѣнію, часто забывали о томъ, что они работали въ Россійской Имперіи и для Россіи! Этимъ только и можно объяснить множество такихъ недочетовъ, которые нарушаютъ въ названныхъ губерніяхъ стройную систему русской государственности. Балтійское право слишкомъ ярко выражаетъ симпатіи остзейскихъ бароновъ, въ порядкѣ постепенности обнаруживающіеся въ томъ, что всюду подчеркивается и выдвигается на первый планъ все то, что дорого *нѣмецкому* дворянству, а затѣмъ уже принимаются въ расчетъ интересы *нѣмецкаго* бюргерства и, наконецъ, почти вовсе *не* принимаются во вниманіе интересы русскаго государства.

Въ то время, какъ лучшіе представители русской аристократіи всегда заботились о нуждахъ простого народа и старались улучшить его положеніе, среди балтійскихъ помѣщиковъ почти никогда не встрѣчаются такіе, которые заботились-бы о нуждахъ крестьянскаго сословія. Эстонецъ и латышъ у нихъ не называются иначе, какъ нѣсколько презрительнымъ словомъ «Керль» (примѣрно, по-русски, «мужланъ»), а между тѣмъ, сами прибалтійскіе дворяне, несмотря на то, что они, въ теченіе двухсотъ лѣтъ связаны узами родства, службы, подданства и присяги съ остальною Россіею и съ с.-петербургскимъ чиновнымъ міромъ, все-таки упорно продолжаютъ считать себя *«нѣмцами»*, хотя въ дѣйствительности большинство остезейскихъ дворянскихъ фамилій—

датскаго, шведскаго, русскаго и даже латышскаго, но отнюдь не нѣмецкаго происхожденія.

Засѣданія комиссій по сельско-хозяйственнымъ вопросомъ наглядно подтвердили, что прибалтійское дворянство еще совершенно неподготовлено къ общественному служенію. Слабое знаніе русскаго языка, равнодушіе къ интересамъ другихъ сословій, полное невѣжество въ области русской исторіи и литературы, все это крупные недостатки, мѣшающіе балтійскому дворянству подняться на ту духовную высоту, на которой оно могло-бы и должно было бы стоять. Къ вопросамъ общегосударственной важности или отвлеченной нравственности, къ распоряженіямъ правительства, не касающимся прибалтійскаго края, наши „русскіе-нѣмцы“ безучастны; но стоитъ только подняться вопросу объ уменьшеніи арендной платы на крестьянскіе участки въ остзейскихъ губерніяхъ или же объ упраздненіи прославленной „рыцарской корчмы“ или о повышеніи акциза на спиртъ—и все балтійское дворянство тотчасъ-же кипитъ благороднымъ воодушевленіемъ и, какъ хорошо сплоченная рать, единодушно рвется въ бой съ воображенными врагами. Нѣмецкая-же печать, съ трогательною преданностью нѣмецкому дѣлу, тотчасъ отдаетъ себя въ полное распоряженіе дворянства и загорается черпильный бой въ защиту дворянскихъ привилегій и доходовъ, съ такимъ жаромъ паѳосомъ, какъ будто-бы дѣло касается самыхъ святыхъ и неприкосновенныхъ правъ человѣчества. Это отрицательное отношеніе къ общей пользѣ, этотъ грубый эгоизмъ думающаго только о себѣ феодала отражается на всемъ, къ чему приложилъ свою руку балтійскій нѣмецъ. Стоитъ только открыть первую попавшуюся страницу свода мѣстныхъ, узаконеній и сразу-же найдется подтвержденіе этой неприглядной черты. Такъ, для примѣра, статьи 158 и 159 мѣстныхъ гражданскихъ законовъ устанавливаютъ, что „дѣвица, обольщенная положительнымъ обѣщаніемъ на ней жениться, имѣетъ право требовать совершенія брака и если, по признаніи просьбы ея основательною, постановлено будетъ совершить обрядъ бракосочетанія, а между тѣмъ женихъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не приступитъ къ таковому, то судъ въ случаѣ особой о томъ просьбы невѣсты долженъ объявить ее разведенною супругою обрученнаго съ нею“.

Можно-ли *не* сочувствовать такому закону? Онъ установленъ, съ цѣлью огражденія дѣвической чести отъ обманныхъ послагательствъ на нее мужчинъ, а стало-быть, и для балтійскаго дворянства не должно въ этомъ отношеніи дѣлаться исключеній. Однако, статья 161 особыхъ положеній Эстляндскаго земскаго права устанавливаетъ, что только въ томъ случаѣ, когда неженатый дворянинъ *обманомъ* или *хитростью* вовлекъ въ блудодѣяніе *дворянку*, то онъ обязанъ на ней жениться; слѣдующія-же 162 статья уже спѣшитъ оговорить, что, если обольщенная *не* принадлежитъ къ дворянскому званію, то обольстившій ее, неженатый дворянинъ „*не* имѣетъ обязанности на ней жениться“. Очевидно, кастовые интересы нѣмецкаго дворянства въ этомъ случаѣ взяли верхъ надъ идеею справедливости. Хотя-бы балтійскій дворянинъ пустился даже „на обманъ“ или „на хитрость“, съ цѣлью обольстить честную дѣ-

вушку другого званія, законъ тѣмъ не мѣнѣе оберегаетъ его отъ женитьбы на обольщенной, дабы сохранить чистоту дворянскаго рода обольстителя!

Такимъ образомъ, получается особая санкція: грѣши, обольщай, обманывай, только не грѣши надъ дѣвушкой дворянскаго сословія!

Между тѣмъ справедливость требовала-бы установленія обратныхъ правилъ, ибо законы справедливости не должны знать различій національности и званія и, если дворянское званіе не помѣшало дворянину обмануть дѣвушку другого сословія, то оно не должно препятствовать ему и въ томъ, чтобы загладить бракомъ совершенный грѣхъ.

Но нѣмецкіе юристы, стремившіеся къ обособленію прибалтійскаго края отъ остальной Россіи и къ узаконенію привилегированнаго положенія нѣмецкаго дворянства, смотрѣли на это дѣло иначе!

Далѣе, напримѣръ, статья 465 положенія о крестьянахъ Эстляндской губерніи, устанавливаетъ что, если рабочій до истеченія условленнаго срока, самовольно оставитъ службу, то онъ обязанъ заплатить хозяину окладъ *обѣщаннаго жалованья*. Значитъ, если крестьянинъ нанялся къ помѣщику на шесть лѣтъ и, прослуживъ у него одинъ мѣсяцъ, самовольно оставилъ службу, то онъ долженъ заплатить помѣщику весь окладъ обѣщаннаго жалованія за пять лѣтъ и 11 мѣсяцевъ! Но если, наоборотъ, помѣщикъ самовольно, безъ достаточныхъ основаній, до истеченія договореннаго, шестилѣтняго срока, откажетъ въ первый же мѣсяцъ слугѣ отъ договора найма, то онъ, въ силу ст. 473, обязанъ, уплатить только *полугодовое жалованіе*! Слѣдовательно, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, работникъ, за неисполненіе договора, отвѣчаетъ всѣмъ обѣщаннымъ окладомъ многолѣтняго жалованія; хозяинъ же, за неисполненіе того же договора, отвѣчаетъ лишь полугодовымъ жалованіемъ.

Гдѣ же тутъ равноправность сторонъ?

Или вотъ еще наглядный примѣръ, какъ крестьянство обездолено въ прибалтійскихъ губерніяхъ, по сравненію съ привилегированными лицами. Статья 4189 ч III св. м. уз. устанавливаетъ общее правило, что «обязавшійся къ послугамъ имѣетъ право односторонне отступить отъ договора, когда другая сторона будетъ, не смотря на неоднократныя напоминанія, медлить уплатою условленнаго вознагражденія».

Но изъ этого общаго правила дѣлается исключеніе для деревни. Эстляндскій крестьянинъ *не* имѣетъ права отступить отъ исполненія договора даже тогда, когда помѣщикъ ему вовсе не платитъ договореннаго жалованія. Входитъ тоже привилегія, но только не изъ числа пріятныхъ! Римскіе юристы называли такія привилегіи «противными» («odiosa»)! А что у крестьянъ Эстляндской губерніи до сихъ поръ еще существуютъ такія привелегіи, это видно изъ содержанія статей 464 и 473 положенія о крестьянахъ.

Впрочемъ, вмѣсто всякихъ комментарій къ этимъ статьямъ, приведемъ цѣликомъ рѣшеніе Ревельско-Гапсальскаго мирового съѣзда, отъ 22 Января 1901 года, по иску барона О. С. къ крестьянину О., объ обязаніи послѣдняго поступить въ услуженіе.

Мировой съѣздъ нашелъ, что, хотя О. и „заявилъ, что онъ

ушелъ со службы, потому что баронъ ему не выдавалъ условленнаго содержанія, но, такъ какъ, по смыслу статьи 468 полож. о кр. Эстл. губ., *неправильная (т. е. неисправная) уплата* жалованія не почитается законнымъ поводомъ для прекращенія договора, отъ воли-же нанимателя зависитъ требовать или возвращенія на службу нанявшагося или взыскивать съ него подлежащій окладъ жалованія, то съѣздъ опредѣляетъ: *Обязать крестьянина О. поступить на службу къ барону срокомъ на одиннадцать мѣсяцевъ, согласно договору найма отъ 26-го Января 1899 года.*

Интересно знать, какимъ образомъ судебный приставъ можетъ привести подобное рѣшеніе въ исполненіе. Какими средствами можно заставить одного человѣка поступить въ личное услуженіе къ другому человѣку въ государствѣ, не признающемъ личнаго закрѣпощенія!

Въ заключеніе настоящей замѣтки мы приведемъ примѣръ кодификаціоннаго недосмотра, подтверждающаго, что прибалтійскіе юристы какъ-то не кстати забывали, что они живутъ въ Россіи! По ст. 1170 полож. о крестьянахъ Эстляндской губерніи, для дѣйствительности духовнаго завѣщанія, составленнаго крестьяниномъ, требуется, чтобы оно подписано было завѣщателемъ и не менѣе, нежели тремя достовѣрными свидѣтелями. Въ видѣ исключенія, законъ, въ ст. 1170 полож. о кр. Эстл. губ., считаетъ достаточнымъ подпись двухъ свидѣтелей, въ томъ только случаѣ, когда духовное завѣщаніе написано въ судѣ, или должностнымъ лицомъ, имѣющимъ право на «общественную довѣренность, или мѣстнымъ пасторомъ». О правѣ-же православнаго священника составлять, при двухъ свидѣтеляхъ, духовное завѣщаніе ничего не говорится, а поэтому-если суды будутъ придерживаться буквальнаго смысла закона, то окажется что въ губерніяхъ прибалтійскихъ православное духовенство не обладаетъ тѣми гражданскими правами, которыя присвоены лютеранскимъ пасторамъ!.. Значеніе пасторскаго сана въ глазахъ, крестьянина искуственно возвышается, о санѣ-же священника *господствующей* церкви забывается въ текстѣ того же самаго закона. Такое запамятованіе не можетъ быть объяснено указаніемъ на время составленія сборника, потому что въ 1856 году, когда таковой издавался, въ Эстляндской губерніи насчитывалось уже нѣсколько десятковъ тысячъ православныхъ эстонскихъ крестьянъ. Но если-бы даже въ Эстляндской губерніи не было ни одной православной церкви, то и тогда законъ, говоря о правѣ пасторовъ составлять для крестьянъ привилегированныя духовныя завѣщанія, долженъ былъ, хотя бы изъ приличія и уваженія къ русской народной гордости, упомянуть о томъ, что это право принадлежитъ такъ-же и православнымъ священникамъ.

Къ сожалѣнію, отступленія отъ обще-русскихъ законовъ создаютъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ условія, противорѣчащія даже основнымъ законамъ Россійской Имперіи. Такъ, напримѣръ, остзейскіе губернскіе предводители дворянства *не утверждаются* Высочайшею властью, какъ губернскіе предводители дворянства во всей остальной Россіи, а прямо вступаютъ въ отправленіе своихъ обязанностей, въ силу, самого факта избранія ихъ дворянствомъ. Отъ этаго полу-

чается такое не нормальное положеніе, что въ то время, когда избранные въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, русскимъ дворянствомъ, губернскіе предводители могутъ оказаться почему-либо не удостоенными чести утвержденія, на окраинѣ Россіи, «нѣмецкое дворянство» обладаетъ правомъ безконтрольно выбирать въ предводители дворянства кого ему заблагоразсудится! И замѣчательнѣе всего, что такое исключительное положеніе прибалтійскаго дворянства не находитъ себѣ вовсе оправданій ни въ соображеніяхъ русской государственной пользы, ни въ русскомъ законодательствѣ, ибо въ полномъ собраніи законовъ Россійской Имперіи, подъ № 16424, имѣется Высочайшее повелѣніе Императрицы Екатерины Великой о томъ чтобы дворянство Лифляндской губерніи избирало предводителей на общемъ основаніи, какъ въ прочихъ русскихъ губерніяхъ!

Это «общее» основаніе не должно, казалось-бы, допускать, чтобы горсть балтійскихъ дворянъ, считающихъ нѣмецкій языкъ и германскія нравы своими родными, ставила свою избирательную волю въ уровень съ законами Имперіи. А вѣдь, къ удивленію, входитъ именно такъ, ибо губернскіе предводители во всѣхъ прочихъ русскихъ губерніяхъ нуждаются въ утвержденіи Высочайшей власти, а предводители прибалтійскихъ губерній нуждаются только въ утвержденіи своихъ дворянскихъ собраній. И каждый разъ, когда особенности балтійскаго строя всплываютъ наружу, увеличивается число русскихъ людей, которые съ тоскою спрашиваютъ себя „когда же, когда-же настанетъ, наконецъ, время, когда на нѣмцевъ въ Россіи перестанутъ смотрѣть какъ на украшеніе русской государственности?!“.

—

«Юридическая газета» 21-го Декабря 1903 г. № 90.

Устарѣвшая привилегія.

Въ губерніяхъ прибалтійскихъ ни одинъ помѣщикъ, а равно ни одинъ владѣлецъ крестьянскаго участка не можетъ получить ссуду подъ залогъ своего имѣнія изъ какого-нибудь русскаго кредитнаго учрежденія и даже государственный дворянскій и крестьянскій банки не распространяютъ свою дѣятельность на прибалтійскій край. Что такое положеніе противоестественно и что три мѣстные дворянскіе банки не удовлетворяютъ современнымъ потребностямъ русскихъ землевладѣльцевъ балтійскихъ губерній, подтверждается состоявшимся въ нынѣшнемъ году положеніемъ Комитета Министровъ, коимъ въ видѣ исключенія, адъютанту Его И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича полковнику Ушакову разрѣшено было заложить свое имѣніе «Медумъ» въ СПБургско-Тульскомъ земельномъ банкѣ. Такимъ образомъ, первый шагъ уже сдѣланъ, брешь въ привилегированной, балтійской кредитной системѣ пробита, но необходимо, чтобы въ эту брешь могли проходить не только люди, пользующіеся исключительною поддержкою, но вообще всѣ землевладѣльцы балтійскихъ губерній.

Съ точки зрѣнія юридической нынѣ уже не можетъ представляться

препятствій къ разрѣшенію русскимъ земельнымъ банкамъ выдавать ссуды подъ залогъ имѣній, расположенныхъ въ балтійскихъ губерніяхъ. Поэтому, хотя указомъ Правительствующаго Сената, отъ Сентября 1857 г., присутственнымъ мѣстамъ другихъ, не Остзейскихъ губерній запрещено было совершать крѣпостные акты на недвижимость, расположенную въ остзейскихъ губерніяхъ, но указъ этотъ, съ введеніемъ въ 1889 году въ названныхъ губерніяхъ судебныхъ уставовъ, утратилъ свое значеніе, такъ какъ всѣ вообще жалобы на окружные суды по дѣламъ о публичныхъ продажахъ и объ утвержденіи торговъ на недвижимое имущество, расположенное въ балтійскихъ губерніяхъ, приносятся въ С.-Петербургскую Судебную Палату и такимъ образомъ, судебное укрѣпленіе такихъ недвижимостей зачастую совершается не иначе, какъ при участіи присутственнаго мѣста, находящагося внѣ балтійскихъ губерній, а кромѣ того, послѣдовавшее недавно вслѣдствіе моей докладной записки разрѣшеніе Донскому земельному банку выдавать ссуды подъ залогъ земель въ балтійскихъ городахъ ни въ чемъ не нарушило юридическаго строя этихъ губерній и вызвало только необходимость сдѣлать нѣкоторыя незначительныя добавленія въ уставѣ Донскаго банка.

Въ Лифляндской губерніи существуетъ дворянское кредитное общество, принимающее въ залогъ также и крестьянскія земли. По уставу, этотъ банкъ можетъ просить о продажѣ съ публичныхъ торговъ заложенныхъ недвижимостей, если должникъ не уплатилъ процентовъ за три полугодовые срока. Но вотъ, при разсмотрѣніи въ Петербургской Судебной Палатѣ дѣла по иску Старо-Розенскаго волостного общества къ Лифляндскому кредитному обществу, обнаружились такіе факты: 27 Апрѣля 1895 года, при Юрьевъ-Верроскомъ мировомъ съѣздѣ, была, съ публичныхъ торговъ, продана земля, принадлежавшая Старо-Розенскому волостному обществу, за неплатежъ будто-бы Лифляндскому кредитному обществу срочныхъ процентовъ. Между тѣмъ изъ представленныхъ квитанцій общества оказалось, что за три недѣли до продажи, а именно 24 Марта 1895 года, Лифляндскому кредитному обществу были сполна уплочены всѣ недоимки, въ виду чего публичная продажа состоялась неправильно. Земля, принадлежавшая крестьянамъ и стоющая въ дѣйствительности около 25 тыс. рублей, была продана за 2.730 руб., за долгъ, который на самомъ дѣлѣ не существовалъ. Казалось-бы, что, при такихъ условіяхъ, исковое прошеніе крестьянъ о признаніи торговъ недѣйствительными и о возвращеніи имъ земли, незаконно проданной съ публичныхъ торговъ, подлежитъ удовлетворенію. Такъ, конечно, смотритъ на это дѣло каждый посторонній человѣкъ, такъ посмотрѣлъ на это дѣло и бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на усмотрѣніе котораго крестьяне Старо Розенской волости представили дѣло о публичной продажѣ волостной земли. Въ увѣдомленіи отъ 25 Января 1900 года за № 1120, земскаго отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ дословно сказано было: «съ уплатою кредитному обществу волостнымъ старшиною, 24 Марта 1895 г., срочныхъ платежей по Апрѣль 1894 года, устранилось основаніе къ публичной продажѣ усадьбы «Мико-Отъ-Саарна», обративъ-же въ публичную продажу эту усадьбу, безъ законнаго къ тому основанія, кредитное общество, согласно ст. 1442 ч. III Св. м. уз. губ. прив., обязано возвратить во-

лостному обществу всѣ причиненные убытки, а самая продажа должна быть признана недѣйствительною. Со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ дальнѣйшихъ распоряженій не требуется, потому что Старо-Розенское волостное общество *можетъ* достигнуть возстановленія нарушенныхъ Лифляндскимъ кредитнымъ обществомъ правъ посредствомъ предъявленія иска въ общихъ судебныхъ установленіяхъ».

И дѣйствительно, волостное общество вняло этому совѣту: оно обратилось въ судъ; однако послѣдній, связанный научными теоріями, буквою закона, оказался безсильнымъ возстановить право, хотя каждому очевидно, что это право отвѣтчиками нарушено.

Въ рѣшеніи своемъ Рижскій окружной судъ призналъ, что крестьянами доказано, что всѣ недоимки были ими уплочены до публичной продажи и что продажа была произведена безъ законнаго основанія, такъ какъ недоимокъ уже не существовало. Тѣмъ не менѣе, однако, въ искѣ крестьянамъ о признаніи продажи недѣйствительною и возвращеніи ихъ земли было отказано, на томъ основаніи, что крестьянское общество должно было до публичной продажи обратиться въ надлежащія учрежденія съ просьбою о пріостановленіи продажи.

Не-юристы думаютъ, что судъ долженъ не только предупреждать правонарушенія, но возстановлять нарушенныя права, юристы-же считаютъ, что коль скоро публичная продажа состоялась, то исправить причиненное ею зло уже невозможно, хотя-бы самая продажа была неправильна. Такое суровое правило юристы основываютъ на томъ, что статья 1442 с. III св. мѣстн. уз. губ. прибл. предусматриваетъ лишь случаи неправильной добровольной продажи, о принудительной-же судебной продажѣ въ ней не упоминается. Такимъ образомъ, выходитъ, что, если вы сами по ошибкѣ продадите ваше имущество съ торговъ, то можете получить его обратно, но если оно другими неправильно и незаконно продано будетъ принудительнымъ порядкомъ, то вы уже никогда не можете получить обратно свое имущество.

Публичная продажа, по судебнымъ уставамъ, имѣетъ вообще характеръ непоколебимости и лишь въ исключительныхъ случаяхъ, указанныхъ въ 1190 ст. Уст. Гражд. судопр., публичный торгъ можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ. При введеніи же судебныхъ Уставовъ въ губерніяхъ прибалтійскихъ, право просить о признаніи недѣйствительности торга еще болѣе съужено было указаніемъ статьи 1994 Уст. Гр. судопр. на то, что даже «признаніе недвижимости непринадлежащей должнику не служитъ поводомъ къ уничтоженію торга».

Послѣдствія, порождаемыя 1964-й статьею, не могутъ не возмущать общественной совѣсти: Положимъ, баронъ «Х» долженъ Лифляндскому дворянскому кредитному обществу, которое по ошибкѣ обратило взысканіе не на имѣніе барона «Х», а на имѣніе, принадлежащее русскому купцу Иванову. Каждому ясно, что Ивановъ, какъ совершенно посторонній человѣкъ, не обязанъ являться козломъ отпущенія за долги барона «Х». Однако, разъ торги уже состоялись, то, хотя бы вскорѣ послѣ этого выяснилось, что вмѣсто имѣнія барона „Х“, продано въ дѣйствительности съ торговъ имѣніе Иванова, — послѣдній имѣетъ только право сокрушаться о совершившемся событіи, но требовать обратно свое имущество ему возбраняется. Получается странное явленіе: почти одновременно слушаются два однородныя дѣла —

одно въ I Департаментѣ С-Петербургской судебной палаты, другое — въ III Департаментѣ той-же палаты. По первому дѣлу палата признаетъ, что за долгъ Тульскому банку неправильно, съ публичныхъ торговъ, продано недвижимое имущество, заложенное въ банкѣ, а поэтому торгъ подлежитъ отмѣнѣ. По второму дѣлу палата признаетъ, что за долгъ Лифляндскому дворянскому кредитному обществу неправильно продано, съ публичнаго торга, недвижимое имущество, заложенное въ Лифляндскомъ дворянскомъ кредитномъ обществѣ, а поэтому торгъ не подлежитъ отмѣнѣ. Какой-же выводъ можно сдѣлать изъ такой двойственности? выводъ этотъ простъ, но не утѣшителенъ: «Quod licet Jovi, non licet bovi". „Что позволено Юпитеру, то не дозволено быку". Юпитеромъ являются здѣсь балтійскія дворянскія кредитныя учрежденія, а быкомъ—всѣ прочіе русскіе и иные банки. А между тѣмъ на школьной скамьѣ, въ университетахъ и въ училищѣ правовѣдѣнія, насъ учили, что, предъ закономъ всѣ русскіе подданные равны. Но оказывается, что, въ силу особыхъ мѣстныхъ законовъ, многое, что считается недозволеннымъ и безнравственнымъ во всѣхъ губерніяхъ Россіи, является правомѣрнымъ и дозволеннымъ для привилегированнаго балтійскаго рыцарства.

Тотъ, кто не жилъ въ балтійскихъ губерніяхъ и не имѣлъ личной возможности сталкиваться съ хвалепою балтійской культурою, не можетъ даже приблизительно составить себѣ понятія о тѣхъ вопіющихъ неправдахъ, которыя тамъ творятся. Представьте себѣ, напр., такіе иски: графиня X или баронъ У жалуются въ судъ на то, что ихъ слуга, нанявшись къ нимъ, по устному договору, въ услуженіе на одинъ годъ или на три года, прослужилъ только одинъ мѣсяцъ или одну не дѣлю, а затѣмъ самовольно оставилъ службу. Въ виду этого, заявляется ходатайство обязать слугу отслужить условленное время, а чаще заявляется просьба взыскать съ ушедшаго слуги, въ пользу помѣщика, сполна, весь окладъ обѣщаннаго жалованья. И что же, — суды присуждаютъ такіе иски? Да, присуждаютъ, потому что статья 465 полож. о крест. Эстл. губ. устанавливаетъ, что, если рабочій, до окончанія срока, оставитъ службу, то онъ долженъ терпѣть не только полученное впередъ содержаніе, но и обязанъ заплатить хозяину окладъ обѣщаннаго жалованья, а такъ какъ подъ жалованіемъ, согласно статьѣ 432 полож. объ Эстл. крестьянахъ, подразумѣвается не только условленная денежная плата, но и «возмездіе естестественными продуктами», то со слуги, ушедшаго до окончанія срока услуженія, взыскивается въ пользу барона не только обѣщанный окладъ денежнаго жалованья, котораго слуга еще не получилъ, но даже и тѣ харчи, которые слуга съѣлъ-бы у помѣщика, если-бы оставался у него на службѣ до конца договора.

Точно также, согласно статьѣ 95 полож. о крестьянахъ Эстляндской губерніи, арендаторъ крестьянскаго участка «*не вправѣ*, подъ угрозою штрафомъ и даже *тѣлеснымъ наказаніемъ*, продавать сѣно, солому, навозъ и кормовыя травы безъ согласія помѣщика.

Статья эта проникла въ положеніе о крестьянахъ подъ личиною отеческой заботливости о сохраненіи крестьянскаго хозяйства, въ дѣйствительности-же она разоряетъ крестьянъ и обогащаетъ лишь помѣщиковъ. Послѣдніе пользуются *безпощадно* своимъ правомъ не да-

вать согласія на продажу травы, сѣна, соломы, кормовыхъ травъ, камней, навоза и проч. въ посторонніе руки, въ виду чего крестьянамъ больше ничего не остается, какъ поставлять эти предметы въ имѣніе самаго помѣщика, за ничтожную плату, потому что никому другому на сторону они продать эти продукты не смѣютъ.

Такимъ образомъ, нѣмецкіе балтійскіе рыцари могутъ всегда въ изобиліи пользоваться дешевымъ строительнымъ матеріаломъ и за безцѣнокъ получать кормъ для своего скота, и такая эксплоатація крестьянскаго труда не только не считается неприличною, но напротивъ того, многіе балтійскіе помѣщики еще гордятся своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Иные бароны даже не гнушаются предъявлять иски къ тѣмъ крестьянамъ-арендаторамъ, которые дерзаютъ одолжить сосѣднему крестьянину возъ сѣна или соломы!

Подобные иски балтійскихъ барововъ возбуждаютъ, конечно, удивленіе всѣхъ тѣхъ, кого господа балтійцы не успѣли завербовать въ свой лагерь!..

Нетрудно балтійскимъ помѣщикамъ хозяйничать въ своихъ имѣніяхъ, когда даже изъ договора найма слугъ они извлекаютъ доходъ. Представьте себѣ, что второй конюхъ прослужитъ у баронессы только одну недѣлю и тоже самовольно оставитъ свою службу, значитъ и къ нему баронесса можетъ предъявить искъ объ одиннадцатимѣсячномъ жалованьи и съ этого конюха судъ обязанъ присудить то, что баронесса требуетъ. А такъ какъ въ году 52 недѣли, то балтійскій помѣщикъ, мѣняя каждую недѣлю конюховъ, можетъ къ каждому, самовольно ушедшему конюху предъявить искъ, чѣмъ онъ достигнетъ солиднаго годового дохода. Прибавьте къ этому еще другихъ служащихъ и вы увидите, что законъ даетъ балтійскому помѣщику возможность несправедливо обогащаться за счетъ слугъ, которые не пожелаютъ оставаться у него въ услуженіи до конца договореннаго срока...

Мѣстное гражданское право балтійскихъ губерній давно пережило ту эпоху, отраженіемъ которой являются III томъ Св. Мѣст. Узак. и положеніе о крестьянахъ. Въ балтійскомъ гражданскомъ правѣ содержатся столько несправедливыхъ опредѣленій, такое множество смѣшныхъ подраздѣленій, столько противорѣчій и смѣшеній правовыхъ нормъ съ процессуальными правилами, что право, пора-бы не только заняться пересмотромъ этого неудачнаго винигрета изъ римскаго, любекскаго права и земскихъ обычаевъ шведскаго рыцарства, но и подумать о возможности распространенія на балтійскія губерніи новаго всероссійскаго гражданскаго уложенія.

Великолуцкій погромъ.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго П. Ѳ. Булацеля.

Въ Великолуцкомъ окружномъ судѣ.

Господа судьи! Господа сословные представители!

Болѣе чудовищно несправедливаго явленія какъ та трагедія, которая за эти дни судебнаго разбирательства развернулась предъ нами, представить себѣ невозможно. Вы, помните господа судьи, ту отвратительную прокламацію, которую подсудимые мнѣ передали здѣсь же въ залѣ суда для представленія суду. Многочисленные свидѣтели и всѣ обвиняемые утверждаютъ, что эти прокламаціи съ красною печатью Велико-Луцкой соціалъ-демократической партіи послужили главнымъ и почти единственнымъ поводомъ къ ненависти, которую мирные русскіе люди въ Великихъ Лукахъ стали питать къ тѣмъ господамъ, которые называютъ себя «освободителями» и соціалъ-демократами. Да и какъ было русскому народу не приходить въ ярость, когда всевозможные проходимцы, ничего общаго не имѣющіе ни съ русскимъ народомъ, ни съ православною вѣрою, вздумали открыто, дерзко, назойливо навязывать русскимъ людямъ жидовскія прокламаціи, въ которыхъ самыя неистовыя ругательства по адресу Царя и его вѣрныхъ подданныхъ, переплетаются съ проклятіями всему августѣйшему семейству. Могъ-ли русскій народъ равнодушно терпѣть, когда на его глазахъ поносили и проклинали весь царскій родъ и ругали Царя трусомъ, грабителемъ, разбойникомъ?

А эти желѣзнодорожные митинги, на которыхъ еврей-гимназистъ Везменскій, сынъ великолуцкаго купца-милліонера, вскакивалъ на столъ и кричалъ, «что вѣра въ Бога доказываетъ отсталость и что для процвѣтанія Россіи необходимо вмѣсто Царя выбрать президента», развѣ эти митинги не возмущали народъ? Вѣдь если нѣкоторые Великолуцкіе полунеучи, именующіе себя «интеллигентами» способны въ городской думѣ ходить подъ ручку съ купцомъ Везменскимъ и поощрять дикія выходки его сынка, судившагося за убійство пристава Благовѣщенскаго, и несмотря на предсмертный стонъ Благовѣщенскаго: «меня убилъ Везменскій всетаки оправданнаго выѣздною сессіею Петербургской судебной палаты, то нельзя требовать и отъ всего остальнаго населенія Великихъ Лукъ, чтобы оно тоже пресмыкалось предъ еврейскимъ милліонеромъ. . Но отъ презрѣнія до погрома еще далеко. Чтобы довести мирный терпѣливый русскій народъ до того состоянія, до какого

былъ онъ доведенъ въ Великихъ Лукахъ 19 октября 1905 года надо много усилій... Напрасно представитель еврейскихъ гражданскихъ истцовъ присяжный-но вѣренный Гиллярсонъ пытался всю вину въ учиненіи погрома свалить на полицію и на миѳическаго «молдаванскаго ренегата, редактировшаго Русское Знамя». Вѣдь Русское Знамя въ октябрѣ 1905 года еще вовсе не существовало, а малочисленная полиція въ Великихъ Лукахъ не только никого изъ крестьянъ не подстрекала къ погрому, но наоборотъ до такой степени растерялась при видѣ революціонной толпы, шествовавшей по улицѣ съ краснымъ флагомъ, что не мѣшала этой толпѣ орать «долой Самодержавіе» и пѣть революціонныя пѣсни.

Вы помните, конечно, господа судьи, что многіе свидѣтели говорили здѣсь на судѣ о негодованіи, охватившемъ новобранцевъ, когда они увидали что полиція не мѣшаетъ реалистамъ, техникамъ, евреямъ и прочимъ «интеллигентамъ» издѣваться надъ Царскимъ самодержавіемъ... Толпа крестьянъ и новобранцевъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ подступила къ исправнику, требуя чтобы онъ немедленно прекратилъ революціонную демонстрацію. При этомъ изъ толпы крестьянъ стали раздаваться угрозы по адресу не только евреевъ, но и полицейскихъ. «Что же это такое! Нешто полиція и чиновники имѣютъ право разрѣшать такое безобразіе? Да вы вѣрно за одно съ революціонерами и съ жидами, если разрѣшаете Батюшку-Царя ругать!» Вотъ какія рѣчи послышались изъ все увеличивавшейся толпы крестьянъ и купцовъ. Видя такое настроеніе толпы, исправникъ подошелъ къ знаменоносцу технику и сталъ уговаривать его, чтобы онъ отдалъ красный флагъ, но какъ только исправникъ протянулъ руку къ красной тряпкѣ, на которой бѣлыми буквами была нашита надпись «долой самодержавіе», боевая революціонная дружина, состоявшая по преимуществу изъ учениковъ желѣзнодорожнаго училища, открыла стрѣльбу изъ револьверовъ.

На выручку раненаго исправника бросился, стоявшій по близости, купецъ Антонъ Адамовичъ Хритановичъ. На него въ упоръ нацѣлили два револьвера. Блѣдный, съ печатью неизбѣжной смерти на челѣ, Хритановичъ все-таки вырываетъ красную тряпку у ея культурнаго поклонника и топчетъ ея ногами! Могутъ-ли почитатели красной культуры забыть и простить г. Хритановичу такое непочтительное отношеніе къ кумиру и символу освободительнаго движенія?! Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но, вѣроятно, храбрые стрѣлки стрѣляли уже зажмуривъ глаза, чтобы не видѣть страшнаго лица Хритановича, мужественно ворвавшагося въ ихъ толпу. Судьба, видимо, хранила Хритановича, онъ остался невредимъ, хотя въ него стрѣляли чуть-ли не въ упоръ... Одна пуля прострѣлила рукавъ пальто и только слегка оцарапала ему животъ... Такое чудесное спасеніе дало поводъ господину гражданскому истцу Гиллярсону съ неподражаемой развязностью на судѣ заявить, что «по всѣмъ вѣроятіямъ этотъ выстрѣлъ въ Хритановича былъ *провокація*». Ахъ, господа судьи, какъ часто теперь по дѣламъ о погромахъ освободительные юристы злоупотребляютъ въ судахъ словомъ «провокація»! Но если уже разрѣшается говорить о провокаціи, то скорѣе надо было бы спросить, не провокація-ли, что тѣ, кто должны были бы быть обвинителями и потерпѣвшими сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ,

а тѣ, которые стрѣляли въ исправника и въ Хритановича, являются свидѣтелями... Вмѣсто того, чтобы сидѣть въ тюрьмѣ, люди, организовавшіе революціонныя сборища, устраивавшіе нападенія на полицію и наводнявшіе города и деревни гнуснѣйшими прокламаціями, являются теперь въ качествѣ свидѣтелей со стороны прокуратуры въ судебное засѣданіе и съ плохо скрываемою усмѣшкою торжествующей мести топятъ въ судѣ своихъ политическихъ противниковъ, взводя на нихъ разныя лживыя обвиненія. Не легко было мнѣ, господа судьи, терпѣливо выслушивать тѣ некрасивыя, несправедливыя и къ тому же даже не остроумныя вовсе вылазки, которыя во время судебнаго слѣдствія позволялъ себѣ невозбранно дѣлать противъ меня повѣренный гражданскихъ истцовъ. Вы, конечно, не забыли, господа сословныя представители, что я раза три или четыре просилъ предсѣдателя остановить г. Гиллярсона и занести въ протоколъ тѣ безсмысленныя оскорбленія, которыя онъ расточалъ по адресу моей семьи и моей фамиліи, когда онъ позволялъ себѣ, безъ всякаго законнаго основанія, наперекоръ истинѣ, исторіи и здравому смыслу утверждать, что «Русское Знамя» издается хулиганами, а редактируетъ его „цыганъ-ренегатъ изъ молдаванскаго дворянства, называющій себя истинно-русскимъ, отъ котораго, какъ *отъ зачумленнаго* отворачиваются *всѣ* русскіе присяжные повѣренные въ Петербургѣ".

Съ невыразимымъ недоумѣніемъ выслушивалъ я этотъ своеобразный способъ поддерживать въ уголовномъ судѣ гражданскій искъ. Очевидно г. Гиллярсонъ открылъ новые пути для науки уголовнаго судопроизводства... Но будутъ-ли благодарны ему его сородичи, если новый способъ веденія защиты, изобрѣтенный г. Гиллярсономъ, найдетъ подражателей и если русскіе адвокаты на судѣ будутъ тоже дѣлать историко-филологическія изслѣдованія о происхожденіи фамилій господъ Гиллярсоновъ и К°?

Вѣдь если предсѣдатель Великолуцкаго окружнаго суда разрѣшилъ гражданскому истцу разсказывать ложь о «цыганствѣ» дворянской фамиліи защитника, то почему же защитнику не разрѣшить ссылаться напримѣръ на то, что мамаша какого-нибудь повѣреннаго, защищающаго интересы потерпѣвшихъ отъ погрома, торгуетъ старымъ платьемъ на толкучемъ рынкѣ... Вѣдь суть дѣла и неприличіе такихъ пріемовъ нисколько не мѣняются отъ того, что въ первомъ случаѣ инсинуаціи направлены по адресу русскаго потомственнаго дворянина Екатеринославской губерніи, а во второмъ случаѣ по адресу мѣщанина города Бердичева.

Было время, когда все непорядочное, все нечистоплотное устранялось изъ судебныхъ преній въ русскихъ судахъ, какъ непригодный для выясненія истины матерьялъ. Теперь иныя птицы, иныя пѣсни... Но выигрываетъ ли правосудіе отъ этихъ новыхъ птицъ, налетѣвшихъ изъ чужихъ, невѣдомыхъ странъ въ наши русскіе суды? Вѣдь вотъ въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Великолуцкомъ судѣ гражданскій истецъ по цѣлымъ часамъ допрашивалъ свидѣтелей. О чемъ только не говорилъ г. Гиллярсонъ, о чемъ только не разспрашивалъ свидѣтелей, какихъ только вопросовъ онъ имъ не предлагалъ?!

Дошло до того, что свидѣтелю, жандармскому унтеръ-офицеру *Николаеву* онъ преподалъ цѣлое наставленіе, какъ нужно и какъ можно

поворачивать шашку, вынимая ее изъ ноженъ. Свидѣтель долго, терпѣливо болѣе часа выслушивалъ всѣ эти вопросы и отвѣчалъ на нихъ, сохраняя хладнокровіе, но наконецъ и у него не стало терпѣнія дольше сносить этого глумленія надъ воинскою честью и, рѣзко оборвавъ господина Гилярсона, онъ ему замѣтилъ: «я не учу васъ какъ «тыкать карандашемъ, а вы ужъ пожалуйста не учите меня, какъ вла«дѣть шашкою, разъ вы сами, вѣроятно, ее никогда и въ рукѣ-то не «держали».

Такой отвѣтъ показался г. Гилярсону обиднымъ; но попросивъ занести его въ протоколъ, онъ продолжалъ допытывать у свидѣтеля, какая у него въ день погрома была шашка; достаточно-ли она была острая, чтобы причинить рѣжущую рану? Эти вопросы довели свидѣтеля до того, что онъ, обращаясь къ гражданскому истцу предложилъ ему испробовать остроту шашки, прибавивъ при этомъ: «хотя у васъ «господинъ повѣренный очень большая голова, но шашка моя такъ «отточена, что если бы я, примѣрно, ударилъ по вашей головѣ, то «она сразу тутъ бы раскололась пополамъ».

Услыхавъ этотъ отвѣтъ г. Гилярсонъ какъ ужаленный съ ужасомъ вскочилъ съ мѣста и просилъ окружный судъ защитить его «отъ «угрозъ свидѣтеля», забывъ очевидно, что свидѣтель вовсе не угрожалъ, а лишь отвѣчалъ на вопросъ, предложенный самимъ Гилярсономъ...

Въ такомъ-же родѣ забывчивостью отличался гражданскій истецъ и при допросѣ другихъ свидѣтелей. Съ недоумѣніемъ видѣлъ я какъ одинъ за другимъ отпускались изъ суда допрошенные уже свидѣтели, которымъ гражданскій истецъ не предложилъ ни одного вопроса по поводу обстоятельствъ, устанавливающихъ гражданскіе иски.

Я старался отгадать когда же наконецъ г. Гилярсонъ начнетъ устанавливать основаніе и размѣры своихъ гражданскихъ исковъ... Когда-же наконецъ хотя-бы для вѣжливости передъ свидѣтелями, вызванными въ подтвержденіе гражданскихъ исковъ, онъ предложитъ имъ хоть одинъ вопросъ, относящійся къ гражданскому иску?.. Но вотъ всѣ свидѣтели отпущены, а гражданскіе иски остались ничѣмъ не подкрѣпленными, ничѣмъ не установленными... Для чего же тогда понадобилась вся эта комедія предъявленія нѣсколькихъ десятковъ исковъ, чуть-ли не на шестьдесятъ тысячъ рублей? Вѣдь присутствіе гражданскихъ истцовъ на судѣ и помощь, оказываемая ими прокурору, можетъ быть оправдана лишь тѣмъ имущественнымъ интересомъ, который они имѣютъ въ установленіи, что убытки произошли отъ уголовнаго преступленія... Но когда самъ гражданскій истецъ въ своей рѣчи прямо заявляетъ, что онъ проситъ иски оставить безъ разсмотрѣнія, то не ясно-ли что онъ пришелъ въ судъ только для того, чтобы топить тѣхъ самыхъ несчастныхъ обвиняемыхъ, про которыхъ онъ въ первый день засѣданія сказалъ, что ему безконечно жаль этихъ несчастныхъ «темныхъ» людей... Впрочемъ жалость и ненависть къ обвиняемымъ помимутно какъ-то странно, порывисто и безпричинно чередовались въ рѣчи г. Гилярсона. То онъ хватался обѣими руками за свою голову и съ искаженнымъ отъ ужаса и недоумѣнія лицомъ восклицалъ: «что-же, что-же еще нужно господину прокурору, какія ему еще нужны улики для того, чтобы онъ не отказывался отъ обвиненія!» То онъ сбавлялъ

тонъ и умолялъ судей не быть слишкомъ строгими къ этимъ темнымъ людямъ, но тутъ-же черезъ пять минутъ опять начиналъ просить, «чтобы судъ не щадилъ этихъ черносотенцевъ, которые являются «позоромъ и пятномъ въ русской жизни». То наконецъ остановившись въ своей рѣчи, онъ безсильно опускалъ руки и голову, и охалъ и вздыхалъ такъ громко, что даже подсудимые, несмотря на трагизмъ своего положенія, не могли удержаться отъ смѣха .. Что касается меня, то не скрою отъ васъ господа судьи, что рѣчь моего противника г. Гиллярсона, окончательно укрѣпила мое убѣжденіе, что еврейскіе погромы вызываются исключительно неуравновѣшенностью и поразительною наглостью еврейскихъ ораторовъ. Въ Великихъ Лукахъ въ 1905 году евреи на базарѣ и на митингахъ повторяли ту-же хвастливую гнусность, которую они имѣли глупость произносить во многихъ городахъ на югѣ Россіи: «мы дали вамъ Бога мы дадимъ вамъ царя, мы «перевоспитаемъ вашихъ дѣтей»... Евреи не понимали, что такими словами они больше, чѣмъ даже бомбами раздражали русскихъ... Вѣдь только «интеллигенты тупицы», не помнящіе родства, да жалкіе измѣнники, подкупленные евреями, могутъ не чувствовать всей горечи и язвительности этихъ еврейскихъ бахвальствъ. Простой Русскій Народъ чутокъ по природѣ къ обидамъ, наносимымъ народной гордости и особенно огорчается, когда эти обиды наносятъ инородцы. Личную обиду скорѣе снесетъ простой крестьянинъ, чѣмъ интеллигентъ; но когда евреи бранятъ вѣру, Царя и завѣты предковъ, тогда русскій мужикъ этого еврею не прощаетъ; въ этомъ огромная разница между простымъ не испорченнымъ русскимъ народомъ и между лицемѣрнымъ чиновничествомъ, которое за свои личныя обиды всегда жестоко мститъ, а когда надо заступаться за честь Царя, предупредительно въ угоду революціонерамъ приказываетъ выносить изъ залы суда портреты Государя Императора, какъ это сдѣлалъ у Васъ въ Великихъ Лукахъ бывшій предсѣдатель окружнаго суда Бражниковъ...

Предсѣдатель (*перебивая*) «Я прошу васъ, господинъ защитникъ, «не касаться дѣйствій г на Бражникова, такъ какъ это никакого отно«шенія къ настоящему дѣлу не имѣетъ».

Булацель: Подсудимые обвиняются по 269 ст. уложенія за то, что вслѣдствіе «побужденій», проистекающихъ изъ племенной, религіозной и сословной вражды приняли участіе въ публичномъ скопищѣ, учинившемъ насилія надъ личностью и имуществомъ нѣкоторой части Велико-Луцкаго населенія.

Какая-же племенная или религіозная вражда могла быть у обвиняемыхъ къ городскому головѣ Бажанову, у котораго въ домѣ разбили всѣ окна? Какая религіозная или сословная вражда побуждала народъ бить окна въ квартирѣ присяжнаго повѣреннаго Смирнова и доктора статскаго совѣтника Рыбинскаго? Вѣдь Рыбинскій, Бажановъ, Смирновъ и Бражниковъ—православные русскіе интеллигенты и ихъ за евреевъ никто принять не могъ! За что-же негодовали на нихъ мирные граждане? Для выясненія причинъ погрома необходимо выяснить причины недовольства толпы дѣятельностью нѣкоторыхъ «прогрессивно настроенныхъ интеллигентовъ». Къ числу этихъ интеллигентовъ принадлежалъ и бывшій предсѣдатель Великолуцкаго окружнаго суда господинъ Бражниковъ, имени котораго честные мирные русскіе

монархисты не могли равнодушно слышать, до такой степени онъ раздражалъ всѣхъ своимъ заигрываніемъ съ великолуцкими революціонерами.

Такъ какъ-же послѣ этого можно говорить, что дѣйствія господина Бражникова не имѣютъ никакого отношенія къ настоящему дѣлу? Вѣдь Великолуцкій погромъ, или вѣрнѣе разгромъ революціонеровъ, былъ вызванъ справедливымъ негодованіемъ народныхъ массъ къ революціонной дѣятельности Великолуцкихъ освободителей.

Такъ какъ-же запрещать мнѣ говорить о позорныхъ подвигахъ тѣхъ чиновниковъ, которые привели на скамью подсудимыхъ крестьянъ и купцовъ, заступившихся за честь Царя и за то самое правительства,которое не съумѣло водворить порядокъ и обуздать революціонныя безчинства до вмѣшательства черныхъ сотенъ.

Вѣдь одинъ изъ обвиняемыхъ крестьянъ сказалъ здѣсь на судѣ, что если даже его приговорятъ къ каторжнымъ работамъ, то онъ все таки не откажется отъ своей присяги самодержавному Царю и опять будетъ *грамить* тѣхъ, кто дозволитъ себѣ въ его присутствіи кричать «долой Царя»... Вотъ какъ понимаютъ свои обязанности вѣрные присягѣ русскіе мужички! Никакая сила на свѣтѣ не въ состояніи сломить ихъ вѣрность и преданность Царскому Самодержавію...

Изъ всего что мы слышали на судѣ мы знаемъ, что причина событій 19 и 20 октября 1905 года вовсе не та, какая указана въ обвинительномъ актѣ. Подсудимые вовсе прежде не враждовали съ евреями и съ чиновниками. Почти всѣ евреи-свидѣтели единогласно отвергали какую-бы то ни было племенную и религіозную вражду Великолуцкихъ купцовъ и крестьянъ къ евреямъ... Значитъ причина погрома, выставленная въ обвинительномъ актѣ, не соотвѣтствуетъ истинѣ.-Били не однихъ евреевъ и не за то, что они евреи, а били и русскихъ, и евреевъ за то, что они революціонеры...

Первые напали на мирныхъ черносотенцевъ сами краснотряпичники, а когда черносотенцы, стоявшіе за Царя, побили тѣхъ, кто противъ Царя, тогда черносотенцевъ заключили подъ стражу и отдали подъ судъ, а красносотенцевъ выставили главными свидѣтелями. Но если среди Великолуцкихъ жителей не было вообще замѣтно раньше вражды къ евреямъ, то у нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ, напримѣръ, у купца Жукова и подобно не было этой слѣпой ненависти къ іудейскому племени. Жуковъ даже воспитаніе своего сына довѣрилъ еврею-студенту Берову, котораго взялъ къ себѣ въ домъ репетиторомъ. Вѣдь если бы Жуковъ питалъ вражду къ евреямъ, то не сталъ бы онъ за полгода до погрома брать къ себѣ въ день еврейскаго репетитора!

Между тѣмъ, всѣ подсудимые, въ томъ числѣ Жуковъ, Баркановъ и Шустровъ, спасавшій и укрывавшій нѣсколько евреевъ, обвиняется по 269 ст. улож. въ преступленіи основнымъ и неотемлимымъ признакомъ котораго является религіозная, племенная, сословная или экономическая вражда. Но разъ нѣтъ этихъ признаковъ вражды, то нѣтъ возможности примѣнять ст. 269[1] улож. къ дѣяніямъ подсудимыхъ.

Почему же обвинительный актъ составленъ съ примѣчаніемъ 269[1] ст. улож. вмѣсто того, чтобы все дѣло о разбитыхъ окнахъ и подбитыхъ физіономіяхъ, направить къ мировому судьѣ по 38 ст. устава для привлеченія виновныхъ въ учиненіи безпорядка и буйства на улицахъ?

Да очень просто, почему! Вѣдь черносотенцы нагнали и въ Великихъ-Лукахъ, какъ и въ остальной Россіи страхъ на революціонеровъ, а поэтому, чтобы ободрить нѣсколько присмирѣвшую жидосотенную интеллигенцію нашли нужнымъ защитить ея болѣе рѣшительными мѣрами. Если на русскихъ людей нападетъ на улицѣ компанія революціонеровъ и побьетъ ихъ, то революціонеровъ будутъ обвинять по 38 ст. уст. и присудятъ къ семидневному аресту, а если на той же улицѣ русскіе люди нападутъ на еврейскихъ революціонеровъ, то тогда русскихъ привлекаютъ по 269¹__ ст. улож. и засаживаютъ въ арестантскія отдѣленія. О, сколько зла причинила эта страшная 269¹__ ст. улож., благодаря существованію которой революціонеры имѣютъ возможность жестоко мстить *каждому*, кто не раздѣляетъ ихъ освободительскихъ воззрѣній. „Не согласенъ съ нами, не кланяешься красному кумиру и не записываешь у еврейскаго кагала — значитъ, ты, *погромщикъ*". Вотъ она логика господъ изъ лагеря гиллярсоновъ! Въ первый разъ, когда въ г. Веневѣ мнѣ пришлось выступать защитникомъ по такъ называемому еврейскому погрому, мнѣ удалось убѣдить Тульскій окружный судъ, что ст. 269¹__ улож. не примѣнима къ случаямъ, когда монархисты на улицѣ даютъ отпоръ революціонерамъ.

Въ другихъ судахъ предубѣжденіе къ черносотенцамъ было такъ велико, что судьи охотно давали себя увлечь рѣчами еврейскихъ гражданскихъ истцовъ, повсюду разсказывавшихъ одинъ и тотъ же историческій анекдотъ о быкахъ, приходящихъ въ ярость каждый разъ, когда на свѣтъ родится истина, съ тѣхъ поръ, какъ Архимедъ въ благодарность богамъ за открытіе великой теоремы принесъ огромную гекатомбу изъ быковъ...

Этотъ самый анекдотъ я слышу уже въ пятый разъ въ пятомъ окружномъ судѣ отъ пятаго гражданскаго истца. Такое повтореніе во всякомъ случаѣ скорѣе доказываетъ, что не столько правъ г. Гилярсонъ, когда онъ увѣрялъ васъ, что погромы устраиваются полиціею «по трафазету», сколько правъ я если замѣчу, что всѣ рѣчи еврейскихъ гражданскихъ истцовъ по погромнымъ дѣламъ „произносятся по трафазету". Новаго покрайней мѣрѣ отъ г. Гилярсона здѣсь въ Велико-Луцкомъ судѣ я ничего не услыхалъ. Тѣ-же заѣжженныя, устарѣвшія восхваленія „освободителей" тѣ же инсинуаціи по адресу Московскихъ Вѣдомостей, Русскаго Знамени и Свѣта тѣ-же шпильки по адресу полиціи, тѣ-же бездоказательныя, неестественныя обвиненія русскихъ людей зато, что они хотятъ у себя дома быть хозяевами и дѣйствительно свободными отъ гнета и опеки освободителей... Одна только новая мысль промелькнула въ рѣчи г. Гилярсона; онъ выразилъ опасеніе, „что рѣчь, которую, вы господа судьи, должны выслушать вслѣдъ за его рѣчью, произведетъ на васъ все таки сильное впечатлѣніе, ибо иногда дерзкая рѣчь ничтожнаго, но „слишкомъ дерзкаго" человѣка всѣтаки производитъ впечатлѣніе". Не знаю, господа судьи, на кого намекалъ мой противникъ, но въ утѣшеніе ему скажу, что нѣтъ ничего удивительнаго, если смѣлая правдивая черносотенная рѣчь слишкомъ „дерзкаго" человѣка убѣжденнаго въ правотѣ того положенія, какое онъ защищаетъ, произведетъ сильное впечатлѣніе даже на людей, инако мыслящихъ, чѣмъ защитникъ, но вотъ дѣйствительно было-бы странно если-бы краснсотенная рѣчь „слишкомъ глупаго человѣка" про-

извела-бы впечатлѣніе на судей только по той причинѣ, что этотъ глупый человѣкъ рядится въ мантію передового освободителя...

Нравятся-ли мои политическія воззрѣнія всѣмъ судьямъ, присутствующимъ въ залѣ суда, или иные быть можетъ негодуютъ на меня за слишкомъ сильную отповѣдь, которую я даю прогрессивнымъ поклонникамъ красной тряпки—мнѣ совершенно все равно. Я силенъ тѣмъ, что не могу молчать! Когда въ моемъ присутствіи нападаютъ на вѣрованія русскаго народа, когда защитниковъ Самодержавія называютъ „темными людьми“ и хулиганами, тогда я считаю своею обязанностью и своимъ долгомъ громко высказывать презрѣніе къ тѣмъ, кто крича о свободѣ убѣжденій, на самомъ дѣлѣ ругаютъ погромщикомъ каждаго, кто не примкнулъ къ освободительному движенію, имѣющему цѣлью, по мѣткому выраженіи А. С. Шмакова, дать евреямъ „свободу колоть сахаръ на чужихъ для нихъ русскихъ головахъ“. Да, такой свободы я не понимаю! Ни говорить, ни печатать правду про евреевъ ни оттолкнуть толкающаго насъ. еврея мы не имѣемъ права. Намъ угрожатъ тотчасъ статьи 1036 и 269¹ уложенія о наказаніяхъ. А вотъ господа Гиляр-соны и Гродецкіе и Коганы имѣютъ полное право издѣваться и глумиться надъ нами, натравливая на насъ своихъ еврейскихъ юношей—бундистовъ! Если бы эти бундисты не устрашили всю Россію, то можно было-бы хоть надѣятся на то что, когда нибудь Сенатъ наконецъ разъяснитъ, что 269′ ст. ул. не примѣнима въ тѣхъ случаяхъ, когда справедливый гнѣвъ русскаго народа вызывается не религіозною и племенною враждою, а предумышленными и тягчайшими оскорбленіями, наносимыми еврейскими интеллигентами національному русскому достоинству. Правда въ послѣднее время послѣдовало разъясненіе еще болѣе знаменательное, чѣмъ сенатское.

Съ высоты трона Высочайше Волею Самодержавнаго Царя, дарующаго полное помилованіе почти всѣмъ осужденнымъ за еврейскіе погромы, разъяснено, что люди, заступающіеся за честь родины и Царя не должны быть приравниваемы къ преступникамъ хотя-бы они и перешли предѣлы необходимой самообороны въ пылу оскорбленнаго національнаго чувства...

Но, увы, это разъясненіе очень не по душѣ нѣкоторымъ краснымъ юристамъ, которые охотнѣе вынесли-бы изъ суда Царскіе портреты, чѣмъ оправдательные приговоры черносотенцамъ...

И сколько страданій, сколько горькихъ слезъ и сдавленныхъ рыданій, сколько проклятій раздается изъ за тѣхъ притѣсненій и несправедливостей, которыя претерпѣли монархисты отъ освободительныхъ юристовъ.

Гдѣ почтенный Великолуцкій домовладѣлецъ Сергѣй Андреевичъ Долгановъ? Онъ не принималъ никакого участія въ погромѣ, но его посадилъ судебный слѣдователь въ тюрьму только потому, что на него были сердиты вожди великолуцкой революціонной партіи. Онъ просидѣлъ подъ стражею «только сутки». Судебный слѣдователь вѣдь только попугалъ его. Но этотъ юридическій опытъ стоилъ жизни несчастному Долганову. Съ горя и досады онъ заболѣлъ нервнымъ ударомъ и скоро умеръ.

Гдѣ всѣми любимый и уважаемый великолуцкій купецъ Антонъ Адамовичъ Хритановичъ? Онъ на скамьѣ подсудимыхъ. За что? За то,

что онъ сорвалъ красный флагъ—за это его отдали подъ судъ, а предварительно заключили тоже подъ стражу, продержали нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, разорили, продали съ торговъ всѣ его дома и довели до того, что въ одинъ годъ изъ молодого человѣка сдѣлали его сѣдымъ старикомъ. Несчастная мать Хритановича не перенесла этого ужаса. Съ нею сдѣлался нервный ударъ, отъ котораго она лишилась возможности говорить, ставъ навсегда нѣмою... Вотъ какое безысходное горе накликиваютъ на себя люди, которые стоятъ за самодержавнаго Царя.

Какое-же право «юристы» имѣютъ такъ безжалостно преслѣдовать черносотенцевъ? Неужели думаютъ, что суровыя несправедливыя преслѣдованія, чинимыя въ угоду освободительнаго движенія, удержатъ кого нибудь изъ насъ отъ исполненія нашего долга? Нѣтъ, мы гордимся тѣмъ, что въ нашихъ черносотенныхъ рядахъ есть много уже мучениковъ за ту идею, въ которую мы вѣримъ.

Наша сила не убываетъ, а наоборотъ волна патріотическаго движенія все болѣе и болѣе распространяется... И для того чтобы не повторялись вновь октябрьскіе погромы 1905 года необходимо прежде всего, чтобы народъ не раздражали несправедливыми преслѣдованіями.

Большинство же изъ сидящихъ здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ являются невинными жертвами несправедливыхъ оговоровъ со стороны революціонеровъ. Господинъ тов. прокурора отказался отъ обвиненія 17 подсудимыхъ, но, не зная, какъ вы, господа судьи, смотрите на подсудимыхъ: считайте-ли вы ихъ уже невиннострававшими или считаете ихъ заслуживающими еще болѣе тяжкой кары, я вынужденъ разобрать улики, относящіяся къ каждому изъ обвиняемыхъ въ отдѣльности и хотя подсудимыхъ 65 человѣкъ и такой анализъ займетъ нѣсколько часовъ времени, я не считаю себя вправѣ отступать передъ намѣченной цѣлью и буду шагъ за шагомъ, улика за уликою разбирать все, что добыто слѣдствіемъ за и противъ каждаго подсудимаго.

Засимъ, послѣ перерыва г. Булацель, началъ подробный разборъ уликъ въ отношеніи каждаго обвиняемаго. Эта часть рѣчи П. Ѳ. Булацеля продолжалась около 5 часовъ.

Всѣ 40 человѣкъ обвиняемыхъ, объ оправданіи которыхъ онъ просилъ судей, были оправданы въ томъ числѣ всѣ купцы. Остальные 25 обвиняемыхъ были приговорены на разные сроки къ заключенію въ тюрьму, но по всеподданнѣйшему прошенію, поданному П. Ѳ. Булацелемъ, Государь Императоръ приказалъ Министру Юстиціи доложить Ему все дѣло и изволилъ Всемилостивѣйше даровать всѣмъ обвиненнымъ помилованіе.

Азбучный указатель именъ собственныхъ.

А.

Авеланъ Адмиралъ 14, 254.
Адамовъ прис. пов. 45, 46.
Алексій Преосвящ. Тверской 33.
Аладинъ 85.
Александръ III, 18, 28, 74, 79, 87, 93, 99, 106, 155.
Алихановъ генералъ 150, 154.
Александръ II, 272.
Антоній митрополитъ 15.
Александровъ П. Я. прис. пов. 295.
Аксаковъ Н. С. 252, 256, 260.
Акимовъ быв. мин. юстиціи 59.
Альбрехтъ 235.
Алексѣй Михайловичъ царь 279.
Андрушевскій 93.
Апраксины 227.
Аудеръ 93.
Артемовъ К. И. 133.
Арнольдъ быв. пред. Моск. Суд. Цал. 111, 112.
Аргамаковъ ратмистръ 125
Александровъ 123.
Арбузовъ 145, 160.
Аракчеевъ 160.
Арцебушевъ 161.

Б.

Бадеръ Р. 258, 259.
Вагель 144.
Базильскій 206.
Базенъ маршалъ 18.
Бакъ 97, 165.
Бакунинъ 130.
Бельгардъ А. В. 254.
Бертаридъ 261.
Бобриковъ 13, 14, 42, 43, 61, 72.
Боргманъ 39.
Борджіо Цезарь и Лукреція 34.
Бородкинъ М. Н. генералъ 43.
Бисмаркъ 11.
Биль І. 261.
Бирономъ 30, 105, 160.
Брантштейнъ 122, 130.
Брюхановъ 35.
Булацель П. Ѳ. 17, 41, 45, 61, 118, 118, 119, 134, 157, 220, 273.
Буренинъ 92.
Бурбоны 57.
Булгаковъ Ѳ. И. 116.
Бонди Владиміръ 48.
Бутми Г. В. 149.
Богдановичъ вице губерн. 91.
Боровитиновъ прив.-доцентъ 90.
Бодуэнъ-де-Куртане 93.
Бобецкій 140.
Блокъ 154.
Бракгаузенъ 157.
Бурхановскій Гр. 254.
Буровъ М. 254.
Блудовъ 303.

В.

Вальдекъ Русо 127.
Вановскій П. С. генералъ адьютантъ 72.
Велицынъ 260.
Величко К. И. генералъ 43.
Веретенниковъ генералъ 43.
Веберъ пом. прис. пов. 123.
Витте графъ 1, 2, 3, 5, 6, 9, 12, 13, 15, 26, 27, 37, 38, 39, 41, 42, 54, 72, 73, 85, 88, 105, 212.
Вильгельмъ II 248.
Виневеръ 36, 39, 48, 52, 85, 97, 118.
Власовъ 123, 124.
Воронцовъ Дашковъ 39.
Восторговъ Іоаннъ 111.
Волконскій кн. Григорій 187, 191, 193.
Волкапскій кн. М. Н.
Волковъ ген. 133.
Вязигинъ проф. 90.

Варфаламеевская ночь 114.
Васильчиковъ кн. Б. А. 114, 126.
Вендрихъ ген.-лейт. А. А. 136, 147.
Вольскій 164.
Величко В. Л. 165, 260.
Высоцкій К. Г. 169, 254.
Вульфъ адмиралъ 253.

Г.

Гагаринъ 129.
Гальберштейнъ 118.
Гапонъ т. 2.
Гвоздановичъ тов. пр. 100, 117.
Гвоздеръ проф. 281.
Герордъ Н. П. 15, 28, 38, 42, 43, 60, 61, 63, 72, 85, 104, 148, 150.
Герценштейнъ 47, 48, 98, 100, 104, 117, 119, 121, 125, 133.
Гегель философъ 23.
Гессе дворцовой комендантъ 61.
Георгъ III Англійскій 8.
Гершуни 85, 93, 122, 130.
Гессенъ Владиміръ и Іосифъ 30, 36, 39, 48, 50, 52, 68, 76, 81, 97, 98, 141, 153, 187.
Генкена Ольга 7.
Гоголь 256.
Государь 9, 16, 18, 19, 27, 33, 39, 40, 47, 57, 62, 64, 79, 84, 99, 100, 120, 121, 135, 137, 145, 149, 152.
Голицынъ Д. П. кн. 260, 262.
Головинъ Ѳ. бывшій пред. Госуд. Думы 48, 128.
Голинищевъ-Кутузовъ 260.
Горемыкинъ И. Л. 37.
Городецкъ свящ. 100.
Гецъ 85.
Гончаровъ 23, 256.
Гучковъ А. И. 32, 82, 83, 87.
Гурландъ 39.
Грязновъ генералъ 154.
Грачевъ 70.
Гранкинъ 113.
Гредингеръ Ф. І. 188.
Гурко В. І. 85, 152.
Густавъ Адольфъ король 108.
Градовскій 206.
Гредескулъ проф. 85, 97.
Гримгмутъ В. А. 114, 165.
Гилерлсонъ пр. пров. 135.
Герасимовъ тов. мин. 39, 145, 147, 150, 165.
Гогенцоллернъ 152, 161.
Гинсбургъ бар. 165.
Гельфрейхъ М. 168, 178.

Д.

Данилевскій 221.
Денисовъ Николай 31.
Долгоруковы кн. П. и П. 48.
Дольникъ-Александровъ 111.
Дубровинъ А. И. 16, 34, 51, 77, 96, 134, 135, 145.
Дубасовъ адмиралъ 91.
Думбадзе 125.
Дуровъ 20.
Дурново П. И. 59.
Дейтрихъ чл. Госуд. Сов. 91.
Добровольская 126.

Е.

Ежевъ 44.
Екатерина Великая 21, 163, 310.
Ермоловъ министръ 44.
Ермаленко 144, 148.
Ефимовъ П. 143.
Елпшевъ 160.
Евстушенко 164.
Ермакъ 304.

Ж.

Желтановскій ген.-губ. 41.
Н. Жилкинъ 85, 86.

З.

Замятинъ ген.-маіоръ 48.
Зарудный 135.
Зарубаевъ генералъ 43.
Зборовскій 132.
Зурабовъ 131.
Зелигеръ пр. пов. 222.
Зеленскій М. Н. 220.

И.

Ильинъ І. І. 220, 222, 223.
Иліодоръ іеромонахъ 59, 113, 114.
Инскюль бар. 72, 83, 85, 145.
Игнатьевъ А. П. графъ 96, 97, 98, 125, 128, 129, 130, 151, 154.
Извольскій А. П. 115.

І.

Іенишъ 252, 254.
Іоласъ 39, 133, 139.
Іонинъ 162.

К.

Кавуръ 1561, 65.
Камышанскій П Л. 74, 75, 76.
Карагеоргіевъ 1.96, 206.
Карѣевъ профессоръ 23, 31, 80, 81.

Каульбарсъ бар. 91, 115, 116.
Катковъ 11.
Качаловъ столяръ 44.
Кауфманъ министръ 15, 72, 115, 126, 145, 159.
Кизеветеръ 39.
Колюсовъ 35.
Комибакинъ 76.
Короленко Владиміръ 24, 25.
Кормилицинъ 211, 219.
Кобеко 15.
Комисаровъ 123, 124.
Ковалевскій М. М. 89.
Кокошкинъ 48, 97, 98.
Коновницынъ 41, 154.
Котовъ купецъ 25.
Кони А. Ф. 77, 150, 151, 292.
Кузминскій 160.
Кузьминъ-Караваевъ 33, 43, 97.
Кузмичевъ адмиралъ 91.
Красовскій сенаторъ 5.
Крушеванъ П. А. 90, 113, 114.
Крыловъ 94.
Крикъ Яковъ 119.
Коковцевъ 79, 114.
Косовичъ-Дмитровскій 220.
Кипчатскій 144.
Капленко 144.
Кутлеръ 146.
Кисловскій 150.
Корнѣевъ 170.
Куриковъ пасторъ 172.

Л.

Лавриновичъ Л. В. 100.
Лавровъ А. М. дѣйств. ст. сов. 67, 207, 209, 214, 215.
Ламсдорфъ графъ 13, 15, 38.
Лауницъ В. Ѳ. генералъ 96, 97, 98, 114, 115, 121, 153, 154.
Лейнеръ 238.
Линевичъ генералъ-адьютантъ 41, 43.
Лопухинъ 91, 96, 146.
Лидваль 85.
Луженовскій 25, 154.
Львовъ Н. Н. 48, 50.
Лангофъ 146.
Ланковскій С. Н. 170.
Лютеръ 235.
Людовикъ XVI 30.

М.

Мальмъ 238.
Малармe Стефанъ 72.
Маклаковъ 182, 186, 188, 191.
Макалей лордъ 8, 11, 19.
Максимъ Горькій 295.
Максимовичъ И. К. 40.
Макаровъ адмиралъ 301.
Максъ Нордау 10, 19.
Манухинъ 39, 43, 44, 72.
Манасеинъ 93.
Максимъ убійца 13.
Мейндорфъ бар. 232.
Михаличенко 85.
Михелинъ Лео 28, 42, 61, 146.
Минъ генералъ 98, 154.
Меньшиковъ 14, 16, 17, 18, 23, 41.
Мещерскій кн. 182, 195.
Мидендорфъ 175.
Милорадовичъ 221.
Милюковъ П. Н. 30, 31, 33, 36, 43, 50, 52, 76, 86, 97, 98, 103, 150, 153.
Милькъ 238.
Мишле 125.
Муравьевъ Виленскій 11, 161, 162.
Муравьевъ Н. В. 43,
Муромцевъ 48, 52, 58, 76, 80, 97.
Момсенъ 125.

Н.

Набоковъ В. 33.
Набоковъ С. Д. 70.
Наполеонъ Великій 18.
Наполеонъ III 18.
Немировскій 39, 136, 145.
Ницше 11, 19.
Немѣшаевъ 56, 147.
Некрасовъ 20.
Нечай Е. Ф. 40.
Новиковъ 135.
Носарь 130.
Нольде баронъ 15, 72, 85.
Потовичъ 92, 93.
Николай I 148,
Николаевъ Е. К. полковникъ 69.
Николай II 254.
Никольскій Б. В. 90.
Неплюевъ генералъ 89, 91.

О.

ОболенскійА. Д. князь 37, 38, 42 55.
Оболенскій Коглкъ кн. 95.
Обручевъ полковникъ 154.
Окуневъ 45.
Омельянъ Михаилъ 100.
Орловъ 303.
Острогорскій 52.

П.

Понкратьевъ 132, 333.
Павловъ генералъ 96, 98.
Павловъ Н. А. 163.
Пановъ 30.
Паозерскій 220, 221, 222.

Панковъ.
Пахманъ проф. 282.
Петръ Великій 1, 163.
Петрункевичъ Ив. Ил. 30, 36, 50, 52, 97, 118.
Петровъ М. К 59.
Петерсонъ 39.
Плеве В. К. 14, 47, 56, 72.
Побѣдоносцевъ К. П. 3, 31, 72.
Половневъ Александръ 117.
Петражицкій прив. доценть 74, 75, 146.
Пяцъ 13.
Потокъ – Богатырь 124, 125.
Пенскій 132, 143.
Проперъ 48, 97.
Пржевальскій В. В. 98.
Просвирина 122.
Полковниковъ генералъ 152.
Пузыревъ гл. гор Думы 50.
Пуришкевичъ В. М. 103.
Пиленко 86.
Протопоповъ 254.
Прохоровъ 125.
Плевако М. Н. 182, 185, 189, 194, 1905.
Плоховъ инженеръ 117.

Р.

Раппопортъ пр. пов. 135.
Ратнеръ 122.
Раухъ генералъ 15.
Реднгеръ 39.
Роберти-де 30.
Родичевъ Ѳ. И. 36, 39, 43, 118, 161.
Ротерманъ Хр. Хр. 254.
Ренанъ 125.
Рыпкевичъ 161.
Руадзе 219.
Руцкій 220.

С.

Сабуровъ П. П. бывшій камеръ-юнкеръ 80, 81,
Сологубъ Ѳ. 198.
Сахаровъ генералъ-адьютантъ 7, 91, 113, 153.
Саккеосъ Д. и М. 170, 178.
Свистуновъ Д С. Сов. 40.
Святополкъ-Мирскій 14, 15, 63, 99.
Сергѣй Александровичъ Вел. Князь 117, 165.
Симеонъ Полоцкій.
Слѣпцовъ П. А. 29, 30, 33, 36, 91.
Сольскій графъ 15.
Скалонъ 154.
Скобелевъ 11, 261, 300.
Скроботовъ 220.
Спасовичъ 256.
Столыпинъ А. А. 2, 7, 39, 49, 105, 152.
Столыпинъ П. А. 47, 48, 49, 51, 52, 53, 69, 71, 72, 88, 89, 104, 113, 115, 119, 124, 126, 129, 142, 143, 144, 148, 149, 153, 161.
Стасовъ Д. В. прис. пов. 119, 119.
Стаховичъ М. А. 182.
Стэдъ 11.
Старосельскій 39.
Старынкевичъ генералъ 94.
Ступинъ генералъ 94.
Струве 190.
Суворинъ А. А. 92, 118, 119.
Суворинъ А. С 6, 16, 17, 94, 116, 149, 150, 157.
Синягинъ 96.
Сытинъ 97.
Смирновъ сен. 152.
Стравинскій В. 254.

Т.

Таганцевъ Н. С. 36, 43, 44, 54, 58, 72, 85, 165.
Тамерланъ 4.
Твенъ Маркъ 11.
Темантъ 13.
Темирязевъ 36, 38.
Тимофеевскій 161.
Тихменева 71.
Толстой гр. Ив. Ив. 15,36, 38, 165.
Толвинскій 137.
Тыртовъ адмиралъ 14, 254.
Трегубовъ С. Н. 220.
Троепольскій 25, 68.
Треповъ Д. Ф. дворцовый комендантъ 55, 62, 64, 165.
Тургеневъ 21.
Трубецкой С. Н. князь 64.
Трубниковъ 260.
Трусевичъ дир. деп. полиціи 86.
Тьеръ 125.

У.

Урусовъ кн. 16. 26, 91.
Утгофъ ген. 152.
Ушаковъ М. Н. 310.

Ф.

Фердинандъ II 165.
Филаповъ 24, 25.
Фитингофъ бар. 264.
Филиппъ 73.
Филипповъ 206.
Финляндія 3.
Финкъ 88.
Форсманъ профессоръ 106.
Фредериксъ баронъ министръ двора 15, 55, 64, 191.
Францъ Іосифъ 21.
Фонъ-Визинъ 143.

Фридрихъ Великій 157.
Фрезе 246.

Х.

Харитонъ 101.
Хвостовъ Черниг. губ. 32, 89.
Хвостовы А. и Д. П. 223.
Хилковъ кн. 146.
Хлѣбниковъ 206.
Хрусталевъ-Носарь 122.
Худековъ 23.
Христіановичъ С. С. 169.

Ц.

Цѣхановецкій 28.
Цыбульскій А. И. 98.

Ч.

Чебышевъ прокуроръ 66.
Чемадуровъ 150.
Чемберленъ 290.
Чистяковъ прис. пов. 82, 83.
Чухнинъ адмиралъ 89, 154.
Чернявскій 160, 161.

Ш.

Шауманъ 12, 42.
Шауфусъ министръ 56, 147.
Шаховской кн. Н. В. 54.
Шванебахъ 136.
Шебуевъ 8.
Шереметьевъ гр. 128.
Шмидтъ 12, 23, 32,
Шмидтъ Ф. 179.
Шопенгауеръ 23, 31.
Шмаковъ А. С. прис. пов. 211, 213, 219.
Шпаковская 31.
Шидловскій сенаторъ 152, 160, 161.
Шиповъ 44.
Ширинскій-Шахматовъ князь А. А. 56.
Шиловскій П. П. 105, 106, 107, 109, 290, 292.
Шнефохтъ 245, 246, 247. 250, 251,

Щ.

Щепкинъ профессоръ 43, 52, 85, 97.
Щегловитовъ Н. Г. министръ юстиціи 66, 67. 76, 78, 92, 93, 101, 104, 134, 141, 142, 144.
Щичилкинъ 220, 222.

Э.

Эстеръ 96
Эристовъ кн. 135.
Эссенъ 152.

Ю.

Юрьева Марія 31.
Юскевичъ-Красковскій 101, 103, 104.

Я.

Яковлевъ 223.
Яновскій 162.

Ѳ.

Ѳоменко 113.
Ѳененко 152.

2007051067